

РУССКИЕ о СЕРБИИ и СЕРБАХ

Алетейя

Серия
«BIBLIOTHECA SERBICA»

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РУССКИЕ
о СЕРБИИ
и СЕРБАХ

Составление, подготовка к изданию,
введение, заключительная статья
А. Л. Шемякина

Комментарии
А. А. Силкина, А. Л. Шемякина

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙЯ

2006

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)52/64
Р78

Составитель и издательство выражают искреннюю признательность сербской фирме «Информатика» и ее генеральному директору
господину Слободану Сречковичу
за финансовую помощь в осуществлении издании

Рецензенты:
доктор исторических наук *Р. П. Гришина*;
кандидат исторических наук *Л. В. Кузьмичева*

Р78 **Русские о Сербии и сербах.** Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ. ст., закл. А. Л. Шемякина ; комм. А. А. Силкина, А. Л. Шемякина. — СПб. : Алетейя, 2006. — 684 с. — (Серия «Bibliotheca Serbica»).

ISBN 5-89329-813-0

Представленный в сборнике комплекс свидетельств русских современников о Сербии и сербах позволил реконструировать тот социокультурный контекст, в котором проходил процесс модернизации «по-сербски». Объективный взгляд со стороны показал, что, несмотря на значительную государственно-политическую эволюцию, сербский социум вплоть до Первой мировой войны сохранял свой традиционный характер. Традиционные представления о народе и власти, о коллективе и личности, о «своем» и «чужом» пронизывали все слои общества, включая значительную часть элиты. Русские наблюдатели рассмотрели за квази-европейским фасадом скрывающиеся там патриархальные навыки и подходы — причем как в повседневной жизни, так и в политике. Из свидетельств русских очевидцев следует, что реальная жизнь Сербии в последней трети XIX — начале XX в. далеко не соответствовала тем формам, в которые пытается ее облечь ряд современных сербских историков, в желании представить свою родину вполне сложившимся «европейским государством».

Подготовлено к изданию при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский проект 01-01-00215а)

На обложке: В. Д. Поленов. «Виды и типы Сербии. 1876 г. Из альбома русского добровольца в Сербии»

ISBN 5-89329-813-0
9785893298130

Введение

Представленный сборник материалов «Русские о Сербии и сербах» являет собой обширный свод свидетельств российских путешественников о Сербии, охватывающий хронологически более полувека. Первый источник (письма И.С.Аксакова из Белграда) датирован 1860 годом — годом смерти Милоша Обреновича и возвращения на сербский престол его сына, князя Михаила, при котором были сделаны начальные шаги по пути модернизации страны, еще недавно составлявшей периферию Османской цивилизации; последние же (воспоминания российского посланника в Белграде князя Г. Н. Трубецкого и записки журналиста Б. Астромова) — относятся к 1915 г., т. е. ко времени I-й мировой войны, в результате которой *независимая Сербия* прекратила существование, растворив свой суверенитет в коллективном суверенитете вновь созданного единого государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев... Вполне очевидно, что эпоха, заключенная между этими крайними датами, — с точки зрения темпов политического и культурного развития, — имела для нее судьбоносное значение, вместив в себя многое из того, что другие страны и народы проходили за целые столетия.

И, действительно, — начало эмансипации сербских государственных институтов от опеки державы-сюзерена во время правления князя Михаила (1860–1868) и принятие первой *национальной* конституции в 1869 г.; обретение независимости на Берлинском конгрессе (1878) и провозглашение королевством (1882); формирование отечественной элиты и курс на подъем гражданской культуры; возникновение партий и закладывание основ парламентаризма. Но при том — жесткий внутренний клинч (Тимокское восстание 1883 г., конституционная чехарда, госперевороты, кровавая смена династий в 1903 г.) и рост милитаризма, чему способствовали нерешенность национальных задач и участие в *шести* войнах: 1876, 1877–1878, 1885, 1912, 1913, 1914–1918 гг. Все это — Сербия 1860–1915 годов, а если точнее — *видимая* сторона ее истории, за которой протекали сложные общественно-идеологические процессы, весьма характерные для страны *догоняющего развития* и во многом обусловившие специфи-

ку политичекой эволюции и «качество» новых цивилизационных (европейских) заимствований...

Такая хронологическая разнесенность, а также состав авторов и их количество, делают настоящий корпус свидетельств репрезентативным и полезным подспорьем для всякого исследователя социокультурной истории Сербии, а где-то (имея в виду наличие с трудом формализуемой, но явно прослеживающейся, «балканской модели мира»[1]) и Балкан в целом.

В сборнике собраны наблюдения представителей различных профессий и слоев русского общества (общим числом 40 человек). Это — ученые-слависты В. И. Ламанский, П. А. Ровинский, В. В. Макушев, П. А. Кулаковский, Р. Вейнберг, А. Л. Погодин; дипломаты Б. В. Евреинов, Н. В. Чарыков, князь Г. Н. Трубецкой; литераторы Г. И. Успенский, А. В. Амфитеатров, В. А. Гиляровский; генералы Н. А. Епанчин, Г. И. Бобриков, Е. И. Мартынов; офицеры Н. Р. Овсяный, П. А. Риттих, М. В. Сахаров; журналисты князь В. П. Мещерский, Е. Л. Кочетов (Евгений Львов), Б. Астромов; представители славянских организаций И. С. Аксаков, Е. И. Витте, А. И. Степович, Н. Э. Глокке; деятели революционного движения Л. М. Чудновский, Л. Д. Троцкий, Ст. Вольский; путешественники П. А. Скальковский, Е. Л. Марков, Г. В. Комаров; просветители Е. Н. Водовозова, Э. К. Пименова, А. Н. Кожухов; предприниматель А. Й. Мураневич; добровольцы, участники Сербо-турецкой войны 1876 г., Г. А. де Воллан, Н. В. Максимов, А. Н. Хвостов, В. В. Яшеров, доктор С. П. Коломнин.

Взятое в отдельности каждое такое наблюдение, отложившееся в виде отрывка из мемуаров или путевых заметок, газетной (журнальной) статьи, главы из популярной брошюры или же письма, имеет значение всего лишь локальной иллюстрации (хотя и среди них встречаются попытки синтетического осмысления увиденного — к примеру, у Г. И. Бобрикова, Н. Р. Овсяного, а особенно у П. А. Ровинского и Л. Д. Троцкого), однако рассмотренные в совокупности — более чем за полстолетия, — они, подчеркнем еще раз, приобретают характер весьма репрезентативного комплекса, анализ которого создает возможность для широких обобщений. Это тем более значимо, поскольку главным объектом наших научных интересов является *менталитет сербского традиционного общества* — его универсальные характеристики и *эволюция* в результате воздействия европейских идей и институтов, т. е. в процессе модернизации Сербии. Имея в виду, что «традиционное общество» исторически относится к *дописьменной культуре*, значение наблюдений современников-иностранцев для его изучения неизмеримо возрастает. Что, собственно говоря, и обусловило само наше обращение к ним.

Размышляя таким образом, мы пришли к выводу о целесообразности завершить совокупность собранных данных специальной статьей, в которой нашли бы отражение их анализ и обобщение в ракурсе интересующей нас темы. Такая статья: *«Традиционное общество и вызовы модернизации: Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских»*[2] закрывает сборник. При этом количество и качество собранных сведений, как нам кажется, позволили более глубоко (чем если бы мы пользовались лишь обычными источниками) проникнуть в саму суть этих *вызовов*. В тексте представлены важнейшие характеристики сербского социума и особенности традиционного менталитета сербов, преломляясь в которых, процесс модернизации по-сербски обретал деформированный, т. е. *неорганичный* характер (в отличие от представлений местной элиты и позднейшей национальной историографии о линейном и универсальном пути Сербии в Европу).

Рассматривая этот сборник, составленный только из *опубликованных*[*] в разное время свидетельств, как первую часть более широкого замысла (далее предполагаются сбор и публикация *архивных* материалов русских путешественников), мы намереваемся продолжить изучение указанной проблемы в таких же исследовательских приложениях к будущим выпускам серии «Русские о Сербии и сербах». Прежде всего, на наш взгляд, заслуживает внимания важнейший для понимания сербской идентичности вопрос об идеальном типе национального героя. Ведь многовековые сербо-турецкие конфликты, привели к формированию у сербов *военного* или *четнического* (конфронтационного) сознания, что во многом определило их дальнейшую историческую судьбу, явившись прямым следствием *пограничности* их положения[3]. Соответственно — воспроизводимое исторической традицией и мифологией состояние внутренней мобилизации народа, его постоянная готовность к отмщению за поражение на Косовом поле в 1389 г. и восстановлению былой сербской державы, добиться чего без военных мер было невозможно, вступали в противоречие с задачей формирования гражданского общества внутри страны. А это, в свою очередь, не могло не сказаться на ходе и характере процесса модернизации, протекавшего с вполне естественными отклонениями. В общем виде мы затронули эту проблему уже в послесловии к данному тому.

---

[*] Единственным архивным документом, включенным в сборник, является донесение посланника в Сербии Н. В. Чарыкова министру иностранных России дел графу В. Н. Ламздорфу от 6 июня 1901 г. В нем дипломат подробно описал свою поездку по стране, упоминание о которой содержится в его мемуарах.

Кроме того, в развитие проекта мы предполагаем рассмотреть и другие важные аспекты темы «Русские о Сербии и сербах» — особенности взаимного восприятия друг друга; этно-национальные стереотипы и автостереотипы, рождающиеся при взгляде русских в сербское «зеркало»; отличие русского и европейского взгляда на сербов[4] ... Богатство материалов (уже собранных, и только имеюших быть привлеченными) дает нам такую возможность.

Итак, представленные в сборнике тексты — это, в основном, реальные и живые впечатления очевидцев бурной сербской истории последней трети XIX — начала XX в. Причем их жанровый диапазон довольно широк — от путевых очерков (воспоминаний, писем и т. д.) до серьезных аналитических выкладок. В данном «промежутке», рядом с бесхитростными и обыденными наблюдениями людей, оказавшихся в стране в общем-то случайно и слабо знакомых с сербскими реалиями, соседствуют труды специалистов высочайшего класса, которые в силу своих профессиональных интересов — дипломатия, военная разведка, страноведение — прекрасно знали политическую, экономическую и культурную жизнь сербского народа. Кроме того, в сборник вошли и отрывки из трех популярных этнографических изданий — в них не только предлагается опыт первичного обобщения страноведческой информации, но и используются (в качестве одного из ее видов) те путевые записки современников, что остались вне нашей досягаемости. Это, собственно, и обусловило их привлечение.

Большинство включенных в сборник материалов даны во фрагментах; пропуски в них указаны отточиями в угловых скобках...

* * *

Данный проект четко вписывается в основную тенденцию развития современной историографии. Отказ от былого примата политической истории и перенос акцента на исследования социокультурной специфики и менталитета общества учитывались нами при осмыслении концепции первого тома (целый ряд материалов по Сербии включен в него не был). Помимо того, в науке, в том числе и российской, повышенное внимание в последнее время уделяется изучению именно национальных стереотипов, сложившихся друг о друге в историческом сознании различных народов. В частности, вышли работы о восприятии нашими соотечественниками шведов[5], финнов,[6] немцев[7], англичан[8], французов[9], американцев[10]; взаимовосприятии ближайших «родственников» — поляков и русских[11]. Име-

ется удачный опыт составления схожей (но более протяженной во времени и жанрово единой) антологии[12].

Добавим к этому, что, занимаясь тематикой Балкан, мы вплотную сталкиваемся с проблемой балканской идентичности. Являются ли Балканы частью Европы, с точки зрения принадлежности их к ее цивилизации, или же это самостоятельная пограничная субцивилизация? Насколько сильным в исторической перспективе оказалось османское влияние на народы региона, и каковы были пути и последствия их модернизации (или *европеизации*)? Существует ли какой-то единый и интегральный взгляд балканцев на мир, несмотря на все национальные и исторические противоречия между ними; и когда и как они сами начали воспринимать Европу, а также себя в ней, после многовекового пребывания в культурно враждебном окружении? И, наконец, как Европа исторически воспринимала Балканы и балканцев?

В историографии уже сделаны попытки дать ответы на поставленные вопросы[13]. Особо значимой, на наш взгляд, является монография Марии Тодоровой. На основании привлечения огромного количества материалов, прежде всего личного происхождения (записки дипломатов, негоциантов, миссионеров и т. д.), автор показала этапы открытия европейцами Балкан (и Сербии в том числе) в Новое время, проследив фазы отражения, конструкции и классификации, т. е. усиления чисто рационалистических элементов в восприятии и интерпретации увиденного. Вместе с тем, говоря о сербах, М.Тодорова не привела *ни одного* свидетельства русских, что, кстати говоря, также дало импульс к зарождению мысли о необходимости подготовки этого свода. А ведь «русский взгляд» на сербов, и Балканы в целом, основанный на схожих ценностных и социокультурных посылках, порождаемых конфессиональным единством, проникал значительно глубже в духовные основы сербского (да и балканского) традиционного общества, чем «взгляд европейский», в основе которого лежала имманентно присущая Западу «презумпция цивилизационного превосходства»[14], удачно раскрытая в дефиниции той же Тодоровой: «Былое аристократическое неприятие эгалитарных крестьянских сообществ сменилось предрассудками городской (буржуазной и рациональной) культуры в отношении того, что считалось суеверной — иррациональной и отсталой — руральной традицией Балкан, единственной ценностью которой признавалось, что в глазах Европы она являла собой этнографический музей под открытым небом»[15].

Такой априорно предвзятый подход, замешанный на очевидном этноцентризме, сбивал прицел у европейских «экспертов» по Балканам. И не-

редко их *представления* о балканской реальности влияли на политику Запада больше, чем сама реальность.

Различиям между двумя «взглядами» соответствовала и разница между их носителями, о чем с юмором писала британская путешественница Мэри Дэрам: «Когда англичанина посылают на Балканы, он едва дожидается момента отъезда, дабы занять любое место в Европе, где есть близкий ему духовный климат. А британский консул часто считает, что гораздо мудрее не учить местный язык, ибо знание такового может связать его на длительное время с какой-нибудь невообразимой дырой... Для русского же, с другой стороны, служба на Балканах имеет очень большое значение. Атмосфера полуориентального заговорщичества, которая для англичанина просто нетерпима, ему очень близка, и, кроме того, никакой из местных славянских диалектов не представляет для него особых трудностей...»[16]. И, действительно, достаточно вспомнить хотя бы И. А. Ястребова и других русских консулов в Старой Сербии и Македонии, а также А. И. Персиани, М. А. Хитрово или Н. Г. Гартвига, чтобы признать правоту проницательной британки...

* * *

Несмотря на эти очевидные (и объективные) преимущества русской мемуарной, путевой и аналитической литературы о Сербии в столь переломную для нее эпоху, сами сербы пользовались содержащейся в ней информацией слабо; хотя значение мемуарной прозы иностранцев, как важного источника данных о своей стране, ими давно осознано, и она, в переводе на сербский язык, присутствует в национальной историографии очень широко. Укажем хотя бы на солидные антологии сочинений французских и британских авторов о Сербии, написанных в разное время[17]. Или на тематический сборник текстов заезжих гостей[18]... Подобной русской антологии о сербах в Сербии нет и в помине, хотя соседи-болгары такую книгу о себе издали[19].

В последние десятилетия интерес сербской науки к трудам иностранцев заметно возрос. Отдельными изданиями вышли записки австрийца Феликса Каница[20], немца Густава Раша[21], французов Эммануэля д'Ормессона[22] и Альбера Мале[23], англичанки М. Дэрам[24]. При этом, мы упомянули только те сочинения, что относятся к интересующей нас эпохе, т. е. 1860–1910-м годам[25]. Нередко проводятся международные конференции; в частности, последняя была посвящена европейскому восприятию Белг-

рада[26]. Но, увы, ни одного участника из России на ней не оказалось (гости были из Болгарии, Греции и Германии), единственный же «русский доклад» — об описании Белграда, сделанном еще в 1830 г. офицером А. Г. Розалион-Сашальским, — представил сербский коллега Радивое Бойович[27]. При этом, кроме привычных уже англичан, немцев, французов или мадьяр[28], на конференции говорилось и о белградских впечатлениях голландцев и армян[29].

Итак, переводов публикаций русских о Сербии на сербский язык очень немного. Первый их блок связан с событиями Великого Восточного кризиса, и прежде всего — с участием русских добровольцев в Сербо-турецкой войне 1876 г. Заметим, что то был *первый* массовый контакт русских с сербами, впечатления от которого, естественно, не могли не выплеснуться на страницы газет, журналов или отдельных книг. Частично они и были переведены[30]. Наконец, в 1994 г. на сербском вышли воспоминания сразу двух русских авторов — князя Г. Н. Трубецкого[31] и П. А. Ровинского[32]. Чем, собственно говоря, их круг и ограничился[33]. Особо значимым представляется перевод записок Ровинского, поскольку (воспользуемся дефиницией Латинки Перович), «трудно найти иностранного автора, писавшего о Сербии во второй половине XIX века, который не только лучше Ровинского разбирался бы в менталитете сербского народа, но и вообще писал о нем»[34]. Понятно, что столь высокая оценка относится к конкретному автору, но опосредованно она бросает отблеск и на сербские писания других русских путников — в силу указанных выше причин.

И в данной связи мы не можем не упомянуть еще об одном издании, вышедшем совсем недавно в Подгорице. Это подготовленный черногорским коллегой Радославом Распоповичем к печати дневник российского военного агента в Цетинье Н. М. Потапова. Огромный том его ежедневных записей, кроме информации о стране пребывания, дает массу уникальных данных и о ближайших соседях — Сербии и сербах, с которыми по долгу службы ему часто приходилось общаться[35].

Что касается отечественной историографии, то подобных сводов свидетельств о сербах в ней тоже нет[36]. При этом мы отнюдь не хотим сказать, что русские источники о них вообще не исследовались. Применительно к 1-й половине XIX в., имеется целый ряд работ, касающихся их напрямую[37]. И самое фундаментальное исследование, где все они практически были собраны и обработаны, — это монография российского этнолога М. М.Керимовой[38]. В ней автор завершает свой анализ письмами Ивана Аксакова из-за границы (1860 г.). Мы же с них как раз и начинаем[39]...

А. Л. Шемякин

Примечания

[1] *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999. С. 7–8.

[2] Данный текст уже был опубликован в виде отдельной статьи. См.: *Шемякин А. Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб., 2004. С. 10–53.

[3] *Вишняков Я. В.* Балканы как цивилизационно-контактная зона (к постановке проблемы) // Россия и мир на пороге XXI века. Вторые горчаковские чтения МГИМО МИД России. М., 2001. С.325–326.

[4] Первая попытка выявить эту разницу в подходах (на примере Феликса Каница и П. А. Ровинского) автором уже сделана. См.: *Шемякин А. Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П. А. Ровинского // Славянский альманах (2003). М., 2004. С.72–93.

[5] *Кан А. С.* Швеция глазами русских путешественников (1817–1917) // Новая и новейшая история. 1983. № 4; *Чернышова О. В.* Образ шведа в русском восприятии. М., 1999, *Она же.* Шведский характер в русском восприятии. М., 2000.

[6] *Тихменева-Пеуранен Т.* Восприятие русскими путешественниками Финляндии в первой половине XIX в. // Россиия и Запад. Диалог культур. Материалы второй международной конференции. М., 1996; Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004.

[7] *Щепетов К. П.* Немцы — глазами русских. М., 1995; *Оболенская С. В.* Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000.

[8] *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982; *Сергеев Е. Ю.* Образ Великобритании в представлении российских военных и дипломатов в конце XIX — начале XX в. // Россия и Запад в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; *Канонистова З. С.* Англия и англичане глазами русских: восприятие частной жизни (вторая половина XIX — начало XX века) // Западноевропейская цивилизация и Россия: общее и особенное. Ставрополь-Москва, 2003.

[9] *Сергеев Е. Ю.* Франция глазами военных атташе Российской империи (1900–1914) // Россия и Франция XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. 3.

[10] *Шестаков В. П.* Америка извне и изнутри. М., 1996; *Сергеев Е. Ю.* Образ США в представлениях россиян (начало XX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2001. Вып. 1.

[11] Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000; Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; *Хорев В. А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005.

[12] «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945. Составители О. А. Казнина, А. Н. Николюкин. М., 2001.

[13] *Топоров В. Н.* Балканский макроконтекст и древнебалканская нео-энелитическая цивилизация (общий взгляд) // Материалы к VI международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София. 30.VIII — 6.IX. 1989. Лингвистика; *Kaser K.* Familie und verwandtschaft auf dem Balkan. Analyse einer untergehenden Kultur. Wien-Koln-Weimar, 1995 (в перводе на сербский язык: *Казер К.* Породица и сродство на Балкану. Анализа jедне културе, коjа нестаjе. Београд, 2002); *Todorova M.* Imagining the Balkans. New York, 1997 (в переводе на сербский язык: *Тодорова М.* Имагинарни Балкан. Београд, 1999); *Цивьян Т. В.* Движение и путь в балканской модели мира...; *Гришина Р. П.* Модернизация по-балкански: диктует матрица (конец XIX — середина XX века) // Славяноведение. 2004. № 3. С.33–46 и др.

[14] *Гордон А.В.* Новое время как тип цивилизации. М., 1996. С.45.

[15] *Тодорова М.* Имагинарни Балкан. С.196.

[16] *Durham M.* The Sarajevo Crime. London, 1925. P.11.

[17] См.: *Самарџић Р.* Београд и Србиjа у списима француских савременика XVI-XVII века. Београд, 1961; Британски путници о нашим краjевима у XIX веку. Избор, превод и поговор Б.Момчиловић. Нови Сад, 1993; *Petkovic N.* Britanci o Srbiji 1900. do 1920. Beograd, 1996.

[18] См.: Београд у 19. веку из дела страних путописаца. Београд, 1967.

[19] Руски пътеписи за българските земи XVII-XIX век. Съст., предг., коментар и белешки М.Кожухарова. София, 1986.

[20] *Каниц Ф.* Србиjа, земља и становништво од римског доба до краjа XIX века. Београд, 1985. Књ.1–2.

[21] *Раш Г.* Србиjа и Срби. Нови Сад, 2001.

[22] *Вуксановић-Анић Д.* Са капетаном д'Ормесоном 1877. 22 дана у двоколицама кроз Србиjу. Београд, 1980.

[23] *Мале. А.* Дневник са српског двора. 1892–1894. Београд, 1999.

[24] *Дарам М.* Кроз српске земље. Београд, 1997.

[25] Публикуются и записки иностранцев о Сербии, относящиеся к более раннему периоду. См., например: *Пеjтон Е.А.* Србиjа, наjмлађи члан европске породице, или боравак у Београду и путовања по планинама и шумама унутрашњости 1843–1844. године. Нови Сад, 1996.

[26] Београд у делима европских путописаца (Зборник радова са научног скупа). Београд, 2003.

[27] *Боjовић Р.* Опис Београда Александра Григориjевича Розелион-Сашалског из 1830. године // Там же. С.221–236.

[28] О мадьярах и их записках о Сербии и сербах см. также: *Ђере З.* Мађарски мемоаристи о Србима од почетка XIX века до 1878. године // Перо и повест. Српско друштво у сећањима. Београд, 1999. С.41–66.

[29] *Новаковић-Лопушина Е.* Београд у путописима холандских дипломата // Београд у делима европских путописаца... С.85–100; *Гарабедян А.* Сербия, сербы и Белград глазами армянских путешественников от начала XVII до начала XIX вв. // Там же. С.55–66.

[30] См.: *Бобриковъ Ђ. И.* У Србији. Из успомена о рату 1877–1878 г. Београд, 1892; Руски добровољци у Србији 1876. године (извађено из штампаних писама извесних руских војничких писаца). Прибрао потпуковник С.Магдаленић. Београд, 1893; *Стишовић Д.* Српско-турски ратови 1876–1878. у руској штампи. Чачак, 2001.

[31] *Трубецки Г. Н.* Рат на Балкану 1914–1917. и руска дипломатија. Београд, 1994.

[32] *Ровински П. А.* Записи о Србији. 1868–1869. (Из путникових бележака). Нови Сад, 1994.

[33] Переводов сочинений русских авторов, побывавших в Сербии в 1-й половине XIX в., имеется еще меньше. Это отрывки из путевых заметок Д. Н. Бантыш-Каменского, писем И. И. Срезневского; карта А. Г. Розелион-Сашальского, некоторые другие источники. См.: *Бантиш-Каменски Д. Н.* У Београду 1808. године // Стари Београд. Београд, 1951. С.11–18; *Срезњевски И. И.* Писма. LVII // *Костић Ђ., Ристић Љ.* О граду, господства ми, Крушевцу. Крушевац-Београд, 1997. С. 63–64; *Бојовић Р.* Карта «савремене» Србије А.Г. Розелион-Сашаљског из 1831. // Архивска грађа као извор за историју (Зборник радова са научног скупа). Београд, 2000. С.601–607 и др.

[34] *Perović L.* Drugi o nama // *Perović L.* Ljudi, dogadjaji i knjige. Beograd, 2000. S. 163.

[35] *Потапов Н. М.* Руски војни агент у Црној Гори. Том II. Дневник. 1906–1907, 1912, 1914–1915. Приредио Р.Распоповић. Подгорица-Москва, 2003.

[36] Автором были опубликованы отрывки из некоторых материалов, вошедших в данную антологию. См.: Сербы о русских, русские о сербах // Родина. 2003. № 10. С. 59–62; 85–87. В сербской научной периодике также частично представлен один из ее текстов. См.: *Šemjakin A.* Nikola Pašić u uspomenama ruskog putnika (Prilog proučavanju idejnog porekla Srpske narodne radikalne stranke) // Tokovi istorije. 2003. Br. 3–4. Beograd, 2004. S. 99–109.

[37] См.: *Козьменко И. В.* Дневник Ф. В.Чижова «Путешествие по славянским землям в 1845 г.» // Славянский архив. М., 1958; *Достян И. С.* Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // Славянское возрождение. М., 1966; *Она же.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980; *Цейтлин Р. М., Никулина М. В.* П. И. Кеппен и его путешествие по Сербии и Хорватии и соседним с ними землям // Зборник за славистику. Нови Сад, 1979 и др.

[38] *Керимова М.М.* Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997.

[39] Упомянем здесь и статью украинской исследовательницы К. В. Колыбановой, в которой сделана попытка посмотреть на конфликт культур на Балканах глазами *российских* (думается, что для XIX — начала XX в. это все-таки самое корректное обозначение) путешественников. Заметки некоторых из них вошли в наш сборник. См.: *Колыбанова К.* Конфликт культур на Балканах глазами украинских путешественников XIX — начала XX века // Сусрет или сукоб цивилизација на Балкану (Зборник радова са научног скупа). Београд, 1998. С. 259–265.

Аксаков И. С.[*]

Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3 (письма 1851–1860 годов). М., 1892. С. 463–477[**]

Пятница. 8 июля 1860 г. Белград

<...> Белград чрезвычайно красив, особенно когда подходишь к нему со стороны Савы или Дуная. Физиономию он имеет европейскую. Гостиница, в которой я остановился, очень порядочная и называется «Старое здание». Но, к моему величайшему горю, нет теперь в Белграде ни Милоша[1], ни сына его Михаила[2], ни митрополита Михаила[3], с которым я был в переписке по Парусу[4], и который воспитывался у нас в России; ни многих других профессоров Лицея[5], которых я хотел видеть: теперь ваканции[6]. Белград — гнездо интриг политических, как со стороны покровительству-

---

[*] Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) — видный русский публицист, славянофил. Вместе с братом К. С. Аксаковым и Ю. Ф. Самариным представлял т. н. «младших славянофилов». Учился в Петербургском училище правоведения (1838–1842). В 40-е годы — чиновник в Москве, Калуге, Астрахани, Бессарабии, Ярославле. С 1851 г. в отставке. Служил добровольцем в ополчении во время Крымской войны. В 1858–1878 гг. играл руководящую роль в Московском славянском комитете. В годы Сербо-турецкой (1876) и Русско-турецкой (1877–1878) войн организовывал кампании в поддержку южных славян, а в 1878 г. был выслан из Москвы за критику действий русской дипломатии на Берлинском конгрессе. Редактировал славянофильские издания — «Московский сборник»; журнал «Русская беседа»; газеты «Парус», «День», «Москва», «Русь».

[**] Письма И. С. Аксакова из Белграда написаны им в рамках путешествия по славянским землям, предпринятого в мае-августе 1860 г. В ходе своей поездки он посетил Краину, Далмацию, Черногорию, Хорватию и Сербию (см.: *Беляков С. С.* Южные славяне глазами московского славянофила: путешествие И. С. Аксакова по славянским землям // Славянский альманах. 2002. М., 2003. С.94–111).

ющих держав[7], так и еще более, со стороны самих сербов, разделенных на множество партий. Интерес политический здесь поглотил все другие, даже коммерческие. Не только современное положение тому причиной, но это лежит в крови у сербов. Ссоры, вражды, наговоры, клеветы — здесь ежедневное явление. Несколько человек сербов, которые уже были у меня, все разных направлений и говорят один против другого! <...>

Белград, 20 июля 1860 г.

<...> Что сказать вам о Белграде. Многое и самое интересное я не решаюсь писать, писать именно ради австрийского почтамта, потому что письма отдаются здесь в австрийскую почтовую контору, находящуюся при австрийском консульстве. Скажу вам только, что я приехал в самое неблагоприятное время: князя нет, митрополита нет, лекций в Лицее и присутствия в судах сербских нет, и многие отсутствуют. Кроме того, интерес политический совершенно заглушает здесь всякие другие интересы. Это, впрочем, совершенно понятно и законно. Мудрено равнодушно видеть турецкую крепость (Белградская крепость в каких-нибудь двухстах метрах занята турецким гарнизоном[8]), слушать турецкую музыку, видеть турецкие войска в самом городе: есть часть города, где турки не имеют права жить, и есть часть города, где живут и турки, и там везде турецкие часовые. Сербы бы давно освободились от этой опеки, если бы не покровительство иностранных держав! Беспрестанно бывают стычки. Так, на днях сербские мальчишки исколотили одного турецкого мальчика, подумавшего утверждать, что это земля турецкая. Вступилась турецкая полиция, и ее также поколотили. Сербы с трудом выносят зависимость свою от Порты[9], что Австрия особенно постоянно старается дать им чувствовать. Никакие отвлеченные вопросы не идут в голову, когда беспрестанно перебегают выходцы из Боснии и Герцеговины с рассказами о зверстве турок, и когда Россия ограничивается только одним сочувствием; когда католическая пропаганда в Боснии каждый день делает успехи, и Австрия под этим условием спасает там жителей от смерти и женщин от поругания; когда теперь, в Старой, еще несвободной, Сербии[10], Турция стягивает войска и собирается обезоружить народонаселение, когда *семь*[*] держав через своих представителей постоянно связывают сербов по рукам и ногам, интригуют между собой, вмешиваются в правление, клеве-

[*] Здесь и далее выделено в оригинале.

щут и проч и проч., когда, наконец, каждый день приходится испытывать разные мелкие оскорбления от Австрии. Например, нельзя выписать в Сербию ни одной книги или газеты ни из Франции, ни из Бельгии и Англии, ни из России, если эта книга или газета запрещена — в Австрии! Потому что нет другого почтового пути покуда, как через Австрию! Так, на днях одному черногорскому священнику, отправлявшемуся назад в Черногорию, выдали из нашего консульства две церковные книги, надписав даже, для какой церкви они назначаются. Так как путь в Черногорию из Боснии не только затруднителен, но теперь, по случаю борьбы турок с герцеговинцами, совершенно невозможен, то нет другого пути, как чрез Австрию до Триеста[11] и потом на пароходе до Каттаро[12]. Австрия не пропустила книг. Не австрийский подданный везет книгу, не в Австрию, а к себе — и Австрия, как разбойник на большой дороге, грабит! Если это может делать Австрия с русским консульством, к которому она не пропускает даже из Бельгии по почте газету «Le Nord[13]», несмотря на адрес, — то сами можете вообразить, как мало церемонится она относительно сербов. Сверх того, с часу на час ожидается на всем Востоке событие: война, распадение и дележ Турции. Известно также, то Австрия домогается себе Боснии и Сербии, в вознаграждение за потерю Италии[14]. Это, может быть, и случится, если угодно будет Наполеону[15]. Конечно, сербы не поддадутся, но Босния не в силах противиться, а мы только похлопаем глазами. Мы умеем энергически протестовать только в пользу Неаполитанского Бурбона[16]. Это понятно: тут есть истинное сочувствие и тождество принципов! В великую заслугу, в великий духовный подвиг должно быть зачтено славянским племенам их верование в Россию, их любовь и сочувствие, потому что политика наша всегда поступала относительно их предательски, как прежде, или с совершенным невежеством, или, наконец, с позорной слабостью, как теперь. Но не в том дело. Я хотел только вам сказать, что мудрено еще толковать в Сербии о нормальном развитии. Я в большом затруднении относительно известной вам рукописи, писанной Хомяковым*[17]. С одной стороны, нет того человека, которому это дело должно быть препоручено; с другой стороны — настоящая минута такова, что слово наше канет в воду, не будучи замеченным. Мы воображали себе, что после последней скупщины[18] Сербия вступила на путь самостоятельного развития, а потому и нуждается в совете. Увы, вышло не так. *Мирный*, свободный скупщинский элемент, по невежественности русской дип-

---

* Послание к сербам. (Примечание И. С. Аксакова). См.: *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений. М., 1911. Т. 1. С. 373–404.

ломатии или ее агентов, признан за элемент революционный и потому подвергся гонению и стеснению, а этим самым дано место интригам и тайным ковам! Люди скупщины, люди народной партии, люди европейски образованные, но в то же время горячо сочувствующие России, Москве <...> и проч.[19], удалены от правления, и дано место «швабам»*. Скупщина изъявила одно решительное желание: свободу слова... А теперь установлена цензура. Разумеется, всякое стеснение народного славянского элемента, стеснение свободы слова и проч. входит в виды австрийской и французской политики; но наша политика есть единственная, которая не в противоречии с свободой народности сербской, с народными требованиями и стремлениями. Князь Милош уже очень стар и многое ему прощается теперь из чувств высокой деликатности в народе, недавно его призвавшем. В настоящую минуту он опасно болен и призвал к себе митрополита и сына, князя Михаила. Если он умрет, то произойдет перемена к лучшему, — все надеются. Князь Михаил приезжал в Белград на несколько дней, и я был у него, но сидел не более четверти часа, потому что приехал какой-то консул. Князь — человек совершенно образованный. Но Милош — этот последний юнак** Сербии, принадлежащий еще к эпохе сербского героического эпоса, — что это за исполинская натура! У него такая болезнь, которая бы всякого другого уже лет десять свалила; а ему в один год пускают девять раз кровь, да пять раз пиявки — и он ничего, оправляется! Ему гораздо более восьмидесяти лет[20]. Каким сном должна ему иногда казаться жизнь. Свинопас, *до сих пор незнающий грамоте*, он создал целую державу, теперь князь: вокруг него обстроился целый красивый большой город, возникли академии[21], лицеи, 400 школ в Сербии и 14 тысяч учащихся! Войско, артиллерия, законные и сбыточные мечты о расширении Сербии и проч. Когда гуляешь по Белграду, особенно там, где по праздникам играет сербская музыка и где такой прекрасный вид на Саву с одной стороны и на Дунай, с другой, видишь толпы гуляющих, много красивых дам в сербских костюмах, слышишь славянские звуки, — то понимаешь чувство гордости в сербе. Тридцать лет тому назад на этом самом месте христиане торчали на кольях, и Сербия была то же, что теперь Босния. Особенное чувство возбуждается при виде *другой* славянской державы, потому что кроме России и Сербии, везде славянский язык — язык гонимых и бедных. При всем том здесь, в *настоящую* минуту, нет

---

* *Шваба* (сербск.) — шваб; собирательное — австриец. Но в данном случае Аксаков имеет в виду австрийских сербов.

** *Јунак* (сербск.) — герой, молодец.

никакой общественной жизни, никаких мест сборища: даже друг у друга не собираются. И к сожалению — друг друга опасаются и боятся, потому что много интриг и козней, и шпионств, поддерживаемых иностранными консульствами, Турцией и австрийскими сербами[22] <...>.

Жизнь здесь довольно дорога, т. е. для человека с не простыми сербскими потребностями <...>.

Белград, 29 июля 1860 г.

Вчера вечером вернулся я из своего путешествия по Сербии <...>. В отсутствие мое случилось здесь происшествие, о котором, впрочем, я услыхал еще в дороге: крестьяне, погоняя своих волов и встречая нас, кричали нам: «Слышали ли вы, в Белграде поколотили турок?» Я, кажется, уже писал вам, как возмутительно видеть турецкую крепость здесь, в Белграде. Мне возмутительно, что же сербам? Народ, призывая опять Обреновичей, воображал, что Милош тотчас выгонит окончательно турок как из Белграда, так и из Старой Сербии и Боснии. Но Милош стар, да и иностранные консулы тяготеют над Сербией своим попечительством. Один из турок принял христианскую веру (он, кажется, был из отуреченных босняков). Турки, встретив его, стали над ним издеваться и бить; избили почти до смерти. Пришла полиция, разняла их. Поздно вечером того же дня, в той же части города, где турки имеют право селиться, один турок пошел в кофейную, и на замечание слуги в кофейной, серба, что уже поздно, выхватил нож и ранил его. Тот закричал: «Турки режут!» Этот крик поднял на ноги всех сербов в той части города. Турки также сбежались, и пошла схватка. 15 турок тяжело ранены, а шестеро убиты и брошены в воду. У сербов также несколько человек ранено: они и ловчее, да и лучше вооружены. Сербы так разъярились, что если бы не пришла полиция, войско сербское и начальники, то они бы бросились на крепость и изрубили бы всех турок в городе. Насилу могли их успокоить. Но на другой день — в городе был точно праздник. На всех лицах сербских сияла радость. Так давно не приходилось им бить турок! К тому же все они смотрят на это, как на начало будущей борьбы. Князя не было в городе. Ему послали телеграфическую депешу, но у него был припадок его болезни, а когда припадок прошел, то долетела другая депеша о том, что все кончилось. Но народ рассказывает, что будто бы Милош отвечал: «бить скотину». Разумеется, Паша и иностранные консулы, кроме нашего, старались, да и стараются еще обвинить сербов и сербское правительство, а наш,

разумеется, берет сторону сербов. На другой день Паша собрал у себя всех консулов; конференция продолжалась четыре часа. К счастью, прусский консул принял сторону русского. Но французский, английский и австрийский (сардинский делает то, то прикажет французский) действуют постоянно враждебно Сербии, и с какой-то ожесточенной враждебностью. Однако ж им не удалось; назначили только для производства следствия смешанную комиссию от турецкого и сербского правительства. Разумеется, обе стороны будут всячески друг друга обманывать при следствии. Иначе и нельзя: так неестественно это отношение сербов к туркам. Английский консул недавно избил до полусмерти одного сербского крестьянина, у которого подрядил сено, а потом от сена отказался. Когда сербское правительство вступилось за избитого, то английский консул отвечал, что он не признает ни сербских законов, ни сербского правительства, что он живет в Турции, а турецкие законы ему бить не запрещают. Каково! А Франция и Австрия стараются внушить Сербии, что такое невыгодное ее положение происходит от сочувствия Сербии к России, от преобладания русского влияния и от постоянно выражаемого Россией намерения вмешаться в дела Турции. Между тем происшествия в Сирии, т. е. избиение христиан, соблазнительно действует на умы магометан и в самой Турции, и даже здесь, в Белграде. Их невежество и слепой фанатизм мешают им видеть, что они тем ускоряют гибель Турции. Я должен сознаться, что турки внушают мне страшное омерзение, — турки несколько цивилизованные еще больше, чем простые турки. Отвратительно видеть, как отдают императорские почести здешнему Паше (как представителю султана), — тучной свинье, знающей сотню слов французских, носящей лакированные сапоги и вливающей в себя ежедневно ведро кофею! Разумеется, это неестественное положение долго продолжаться не может, и можно со дня на день ожидать новой вспышки, нового побоища, несмотря на искренние усилия сербского правительства предотвратить их, потому что оно не уверено в энергической, деятельной поддержке России <...>.

Князь Милош теперь в Белграде, но он так болен, что никого не видит. Все в ожидании здесь. Если он умрет, то произойдет некоторая перемена во внутреннем управлении. Но что это за интересное лицо — князь Милош! Какая железная натура! <...> 70-ти лет с лишком он выдержал одну из страшнейших и опаснейших операций. Теперь, уже сколько времени, у него такая болезнь, что всякий другой сто раз умер бы. Я вам писал, кажется, что ему 15 раз пускали кровь в течение нескольких месяцев. Наконец крови не стало, пошла вода. Думали, что он в ночь умрет, а ут-

ром припадок прошел (хлопанье сердца), и он кричит, чтобы подали ему «Гибаницы!»* Это тяжелое кушанье сербское, вроде блинов. Желудок у него превосходный. Народ его очень любит, рассказывает про него тысячу анекдотов, сложил тысячу песен; казни его признал справедливыми и восхваляет его доброту и грозное правосудие. В прошлом году была скупщина (другая, не та, которая воротила Милоша)[23], и народ — славянский народ! — вручил Милошу власть неограниченную или «полное поверение**», как здесь выражаются. Я проездил по Сербии целую неделю; в телеге, на одних и тех же лошадях, с кормежками и ночевками. Был в городах Смедереве[24], Ягодине[25], Крагуевце[26], Свилянице[27] и других, и в монастыре Манассия[28]. Очень доволен своей поездкой. Я был не один, а с одним сербом. Впечатление, произведенное на меня Сербией — впечатление молодости, свежести, весны. Все еще только начинает жить и *радуется* первым признакам своей жизни. Нет никакого заматерелого зла. Сербия до сих пор празднует свое освобождение. Сколько раз встречал я группы стариков, распивающих свое домашнее сербское вино — без ссор и без драки, а целуясь и обнимаясь, как настоящие славяне, — и весело вспоминающих свои битвы с турками при Карагеоргии[29] и при Милоше; весело поглядывающих кругом себя! И действительно — есть чему порадоваться. Мирно и безопасно, с песнями пашутся поля, строятся города, прокладываются пути и чинится всякий уряд. Понятно, что самый простой серб радуется всему, что может скорее обеспечить его родину, радуется и терпеливо сносит всякие жертвы и налоги, чтобы образовалась сербская держава. Для нас поразительно это отношение их к власти, к начальству. Тут нет вражды, нет ни рабства, а свободное признание власти и отдание ей почета. Я видел везде начальников округа[30] — <...> носящих даже русские (они же сербские) мундиры, — в самых братских отношениях со всеми простыми сербами. Не то, чтобы он снисходил к ним, и не то, чтобы они грубили ему, а просто ни тому, ни другому не входит в голову мысль о неравенстве. А между тем слушаются этих начальников превосходно. Здесь, разумеется, нет и тени идеи западного равенства, а дух братства, допускающий полную свободу неравенства состояний, занятий, чести. Впрочем, и то сказать — в Сербии нет сословий, как у нас. Есть народ, один народ, из которого одни пашут, другие торгуют, третьи занимаются науками, четвертые служат. Но поэтому самой Сербии гро-

* *Гибаница* (сербск.) — национальное сербское блюдо: слоеный пирог с творогом, сыром и т. д.

** От сербск. *поверење* — доверие.

зят великие опасности. Ей нужно стать державой, — и кругом, даже в самой России, которой она подражает, формы готовые. Я знаю одно из лиц, которое не хочу назвать, но которому суждено играть роль в Сербии, — которое возмущалось тем, что председатель княжеского Совета[31], второе лицо после князя, встретясь на улице с родственниками своими мужчинами, стал с ними публично целоваться. Этот председатель — чистый серб, хотя и образованный, и поступил так потому, что он и понять не может, как поступить иначе. Впрочем, Милош, при всей неограниченности своей власти, поступает точно также и во всех своих указах, прокламациях и объявлениях пишет к народу: «Братья!» Зайдя в избу крестьянскую в одном селе, я посмотрел чулки, которые вяжет старая хозяйка, разумеется, для домашнего употребления: чулки всегда узорчатые. Вообразите же мое удивление, когда я увидел, что она вышивает на чулках сербский герб, разумеется, называя его иначе, — сербским боряком* (знаменем), сербской круной**. Это может показаться странным, но вспомните, что для сербов этот герб, который теперь гордо развевается на флаге княжеского дворца, есть символ освобождения и возрождения Сербии, ее независимого существования[32], цену которого они каждый день ощущают. Одним словом — все это в высшей степени интересно, и я постараюсь все это описать особо. Я выезжаю отсюда в пятницу. Нынче приезжает митрополит, и я с ним увижусь <...>.

7 августа 1860 г.

<...> Я думаю, что в Сербии мое пребывание было небесполезно; я принял, разумеется, самое горячее участие во всех ее внутренних делах и интересах; об этом нет никакой возможности писать по почте. Что же касается до нашего послания сербам, приведшего в восторг всех, кому я читал его, то, по совету митрополита и всех приятелей, я его напечатаю в Лейпциге на русском и сербском языках, а здесь в Белграде печатать его нельзя: и цензура не пропустит, и обоим князьям будет оно во многом неприятно; а печатать такую вещь без ведома типография не решится[33] <...>.

* От сербск. *барјак* — знамя, флаг.

** *Круна* (сербск.) — корона.

Примечания

[1] Обренович Милош (1780–1860) — князь Сербии (1815–1839; 1858–1860), родоначальник династии Обреновичей. Участвовал в Первом сербском восстании, но не покинул Сербию после поражения. Возглавил Второе сербское восстание 1815 г. Добился утверждения наследственным князем Сербии. В 1839 г., проиграв борьбу с внутренней оппозицией, был вынужден отречься от власти в пользу своего сына Михаила. В 1858 г. Свято-Андреевская скупщина, сместив князя Александра Карагеоргиевича, вернула Милоша Обреновича на престол.

[2] Обренович Михаил (1823–1868) — князь Сербии (1839–1842; 1860–1868). Сын Милоша Обреновича. Потерпев поражение в борьбе с уставобранителями, был вынужден покинуть Сербию. Но Свято-Андреевская скупщина 1858 г., сместив Александра Карагеоргиевича, восстановила на престоле Милоша и Михаила как его наследника. В 1868 г. князь Михаил Обренович был убит сторонниками Карагеоргиевичей.

[3] Михаил (в миру — Милое Йованович (1826–1898)) – сербский церковный и политический деятель. В 1846–1853 гг. обучался в Киевской духовной семинарии и академии. Кандидат богословия. В 1853 г. принял постриг. Архимандрит монастыря Студеница (1854), епископ Шабацкий (1854–1859). В 1859–1898 (с перерывом 1881–1889) – митрополит Сербский и Белградский. Активно участвовал в политической жизни, тяготел к либеральной партии Й. Ристича. Всегда был последовательным русофилом.

[4] «Парус» — газета славянофильского направления, задуманная Аксаковым в 1858 г. Вышло всего два номера, после чего «за обнаруженное предосудительное направление» газета была закрыта.

[5] Лицей — прообраз первого сербского ВУЗа. Основан в 1838 г. в Крагуевце на базе местной гимназии. В 1841 г. переведен в Белград. В 1863 г. преобразован в Великую школу.

[6] Старое написание слова «вакации» — каникулы, отпуск.

[7] После Крымской войны и Парижского мира (1856) Россия потеряла исключительное право покровительства балканским христианам. Оно сменилось коллективным покровительством европейских великих держав.

[8] До 1867 г. в Белграде (в крепости Калимегдан), как и других сербских городах: Смедерево, Шабце, Кладово (в Ужице и Соколе — до 1862 г.), размещались гарнизоны турецких войск.

[9] Порта — употреблявшееся в европейском дипломатическом обороте официальное название правительства (канцелярии великого визиря и Дивана) Османской империи. Применялись выражения: Оттоманская Порта, Высокая Порта, Блистательная Порта. Иногда этот термин ошибочно относили не к правительству, а к самой Османской империи.

[10] Старая Сербия — традиционное название областей, составлявших основу средневекового сербского государства: Косово и Метохия, часть Македонии и

Санджака. До I Балканской войны (1912) Старая Сербия находилась в составе Османской Империи.

[11] Триест – город на северо-востоке Италии. Благодаря выгодному положению, всегда был важным торговым центром. В начале XIII в. им завладела Венеции; в 1382 г. он перешел под власть австрийских Габсбургов. В 1809 г. был аннексирован Францией и до 1813 г. входил в состав Иллирийских провинций. По Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г., Триест отходил от Австрии к Италии. Итало-югославский (Рапалльский) договор 1920 г. подтвердил эту передачу.

[12] Каттарро, Котор — порт в Которской бухте Адриатического моря. Возник в V–VI вв. В средние века принадлежал Византии, Сербии, Венгрии, Боснии, Венеции, а в 1797–1806 и 1814–1918 гг. — Австрии (Австро-Венгрии). С 1918 г. — в составе Югославии (Черногории).

[13] «Le Nord» — издававшийся в Брюсселе русский заграничный официоз. Издатель и редактор — Н. П. Поггенполь.

[14] Автор имеет в виду результаты Австро-итало-французской войны 1859 г. В 1858 г. Пьемонт (Сардинское королевство) и Франция заключили Пломбьерское соглашение о совместном ведении войны с Австрией, удерживавшей, на основе решений Венского конгресса 1815 г., под своим господством Ломбардо-Венецианскую область. Война (апрель — июнь 1859 г.) завершилась подписанием Наполеоном III перемирия с Австрией, по условиям которого та отказывалась от Ломбардии.

[15] Наполеон III, Шарль-Луи-Наполеон Бонапарт (1808–1873) – император Франции (1852–1870). Сын падчерицы Наполеона I Гортензии Богарне и его брата Луи. Из-за поражения во Франко-прусской войне (1870–1871) был низложен с престола.

[16] Неаполитанские Бурбоны – ветвь королевской династии, занимавшей престол во Франции, Испании. Правили в Королевстве обеих Сицилий (или Неаполитанском), герцогстве Парма и Пьяченца. Карл VII — король Неаполя и Сицилии (1736–1759) получил их в наследство от отца — Филиппа V, внука Людовика XIV. Неаполитанские Бурбоны потеряли свой престол в результате присоединения герцогства Парма и Пьяченца и Королевства обеих Сицилий к Сардинскому королевству в 1859–1860 гг. Последний король обеих Сицилий — Франциск II (1859–1860).

[17] Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – русский публицист, философ и общественный деятель. Один из главных идеологов славянофильства. По образованию математик. В 1822–1829 гг. — на военной службе. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. С начала 20-х годов выступал в печати. Сотрудничал в журналах «Европеец», «Москвитянин», «Русская беседа». Был председателем Общества любителей российской словесности при Московском университете. Воззрения Хомякова ранее всего получили отражение в статье «О старом и новом» (1839), которой и датируется возникновение славянофильства, как особого течения русской общественной мысли.

[18] Речь идет о Свято-Андреевской скупщине 1858–1859 гг. Названа так по дню, когда начала свою работу — 30 ноября 1858 г. Созванная в связи с кризисом режима уставобранителей, она привела к смещению Александра Карагеоргиевича и возвращению на сербский престол династии Обреновичей. Постановила придать институту Народной скупщины регулярный характер. Одобрила закон о свободе печати. Положила начало первичной дифференциации политических тенденций (консервативной и либеральной) в Сербии.

[19] Речь идет о т. н. «свято-андреевских» либералах — сербских интеллектуалах, получивших образование в Европе (Еврем Груич, Владимир Йованович и др.). На Свято-Андреевской скупщине они выступили с требованием расширения прерогатив Народной скупщины, как носителя законодательной власти, и свободы печати.

[20] И. С. Аксаков ошибается — в 1860 г. Милошу Обреновичу было ровно 80 лет.

[21] Во время путешествия Аксакова никаких академий в Сербии не было. По всей видимости, он имел в виду Артиллерийскую школу, основанную в 1850 г. и в 1880 г. преобразованную в Военную академию.

[22] Значительная часть сербского этноса, проживавшая в пределах Австрии (Австро-Венгрии). Первая массовая миграция сербов за Саву и Дунай (т.н. «великое переселение») состоялась в 1690 г. Ее предводил Печский патриарх Арсений III Черноевич (ок.1633–1706), который во время войны Священной Лиги с Турцией был организатором антитурецкого движения в сербских землях. После отступления австрийцев из Сербии в 1690 г. он, вместе с многими тысячами земляков, бежал в Австрию, где возглавил автономную сербскую православную церковь, став первым Карловацким митрополитом (1690–1706). В XVIII в. миграции сербов в австрийские владения (правда, не столь массовые) периодически повторялись. Они также были напрямую связаны с результатами австро-турецких войн... В XIX в. сербы Княжества (сербиянцы) нередко именовали засавских и задунайских соплеменников (пречан) *швабами* и *немачкарами*.

[23] Так называемая Малогоспоинская (от сербск. *Мала Госпоjина* — рождество Богородицы, 21 сентября) народная скупщина заседала в Крагуевце в сентябре 1859 г. По требованию князя Милоша, пересмотрела закон о Народной скупщине, одобренный ранее Свято-Андреевской скупщиной. Отныне — количество депутатов уменьшалось вдвое, сама же скупщина должна была собираться не ежегодно, а раз в три года.

[24] Смедерево — город в северной Сербии, на реке Дунай. Основан (как крепость) в 1427–1430 гг. деспотом Джордже Бранковичем — внуком князя Лазара.

[25] Ягодина — город в центральной Сербии. Расположен на реке Белица. Под именем Ягодня в исторических источниках упоминается с XIV в.

[26] Крагуевац — город в центральной Сербии. Расположен на реке Лепеница. Первые данные о нем относятся к XVII в. В 1818–1839 гг. Крагуевац являлся столицей Сербии.

[27] Свилайнац — город в центральной Сербии. Расположен на реке Ресава.

[28] Манасия — современное наименование Ресавского (Троицкого) монастыря, расположенного в северной Сербии (на р. Ресаве). Основан в 1407–1418 гг.

деспотом Стеваном Лазаревичем. В начале XV в. являлся главным культурным центром Сербии. Известен своей Ресавской школой средневековых книжников, переводчиков и писателей (Константин Философ и др.), влияние которой распространялось и на соседние с Сербией земли (Македонию, западную Болгарию).

[29] Петрович (Черный) Георгий, Карагеоргий (1762–1817) — руководитель Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Во время Австро-турецкой войны 1788–1791 гг. возглавлял сербский добровольческий отряд, сражавшийся на стороне Австрии. В 1804 г. на скупщине повстанцев в Орашце был избран верховным вождем восставших. В своей внутренней политике вел борьбу с влиятельными воеводами, противившимися централизации власти в стране. В 1808 г. Правительствующий совет, а в 1811 г. и скупщина повстанцев, признали Карагеоргия наследственным «верховным предводителем сербским». Во внешней политике ориентировался на помощь России. После разгрома восстания в 1813 г. бежал в Австрию, а затем и в Россию. В 1817 г. тайно возвратился в Сербию, где был убит по приказу Милоша Обреновича.

[30] В административно-территориальном плане Сербия делилась на округа (области), срезы (уезды) и общины (волости). Начальник округа — чиновник, высшее должностное лицо в округе.

[31] Государственный Совет — законодательный, а затем арбитражный, орган власти в Сербии. По «Турецкой конституции» 1838 г., он делил законодательную власть с князем, будучи при этом связан и с исполнительной властью (министры назначались из членов Совета) В 1858 г., согласно новому закону о Совете, его права еще более расширились — княжеское вето сводилось к возможности откладывать законопроект (но с третьей подачи князь был обязан его подписать); наказывать же советников можно было только с согласия самого Совета. В 1861 г. очередной закон князя Михаила покончил с таким положением Совета — его законодательные инициативы становились законами лишь при утверждении их князем (он возвращал себе право абсолютного вето); члены Совета теряли политическое влияние и превращались в обычных чиновников, которых монарх назначает и отправляет на пенсию; министры же могли назначаться и из лиц, не входящих в Совет.

[32] Во время поездки Аксакова Сербия была вассальным (в отношении к Турции) княжеством. Государственную независимость она получила, по решению Берлинского конгресса, лишь в 1878 г.

[33] Аксаков выполнил это свое намерение (см.: Србљима послание из Москве. Leipzig, 1860). В послании (вслед за А. С. Хомяковым, его подписали: сам И. С. Аксаков, его брат Константин, М. П. Погодин, А. И. Кошелев, И. Д. Беляев, Н. А. Елагин, Ю. Ф. Самарин, П. А. Бессонов, П. А. Бартенев и Ф. В. Чижов) содержался совет сербам, особенно получившим образование на Западе, — не спешить с принятием «чуждых» идей и ценностей (европейских), но держаться традиционных обычаев и институтов, в первую очередь — общины, и сохранять единство в православной вере.

*Ламанский В. И.**

Сербия и южно-славянские провинции Австрии. СПб., 1864. С. 6–53**

<...> Про княжество сербское существует мнение, что это — страна очень богатая, удивительно либеральная, и даже очень развитая, в подтверждение чего обыкновенно ссылаются на отсутствие в ней сословий, полное равенство граждан, равномерное распределение поземельной собственности, указывают, наконец, на относительное множество в ней школ и на развитую в ней грамотность. Это мнение, крайне преувеличенное, основано на отрывочно схваченных данных, односторонне понятых. Это мнение повторяется на разные лады не только в брошюрах, писанных самими сербами на иностранных языках, но и некоторыми французскими публицистами, вообще редко знающими меру как в порицаниях, так и в похвалах <...>.

Сочувствие русских к Сербии основано на единокровии и единоверии — началах, которых не поколеблет никакая политика, и русский мо-

---

* Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — известный русский историк-славист. Профессор Петербургского университета, академик. Автор многочисленных работ по истории славян, важнейшей из которой была опубликованная докторская диссертация «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (СПб., 1871). Являлся деятельным сотрудником этнографического отделения Русского географического общества, основателем и редактором его печатного органа — журнала «Живая старина». Состоял членом Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества и ряд лет возглавлял журнал «Славянские известия». Создал крупнейшую в России школу ученых-славяноведов.

** Работа «Сербия и южно-славянские провинции Австрии» написана В. И. Ламанским на основании впечатлений от путешествия по сербским землям, совершенного им в 1863 г. Автор нигде не упоминает о дате своей поездки, однако она легко обнаруживается в воспоминаниях встречавшихся с ним сербов (см.: *Јовановић В.* Успомене. Приредио В. Крестић. Београд, 1988. С. 467).

жет говорить о сербах без всякой утайки, ибо они не могут предполагать в нас нежелания им добра или тем более зависти. Итак, совершенно справедливо, что, по климату своему, Сербия принадлежит к одной из благословенных земель; но не надо забывать, что населена она слабо — приходится около 1250 душ на милю — и народом более храбрым, воинственным, нежели трудолюбивым и промышленным, соседит с такими землями, как Банат[1], Срем[2], Славония[3], Босния и Болгария, которые еще богаче Сербии теми же, что и она, естественными произведениями, лишена хороших путей сообщения: есть в некоторых местах хорошие шоссейные дороги, но нет ни мостов порядочных, ни каналов. Таким образом, в экономическом отношении Сербия есть страна очень бедная, что доказывается и цифрами ее ежегодных расходов и приходов <...>.

В политическом отношении отсутствие сословий имеет, бесспорно, ту прекрасную сторону, что в сербском народе крепко живет дух равенства и независимости. Это равенство утверждается на том, что огромнейшее большинство сербов владеет поземельной собственностью, и притом очень равномерно, но от этого же, при отсутствии в Сербии общинного землевладения, с одной, и больших собственников, с другой стороны, земледелие и вообще хозяйство находятся на очень низкой степени развития. От этого же обстоятельства проистекает другое явление, очень вредное для настоящего развития Сербии, именно недостаток людей образованных и независимых от правительства. В Сербии всякий мало-мальски образованный человек уже непременно чиновник. Вместо различных классов, или сословий земледельческих, есть в Сербии целое служилое сословие, которое и по своим понятиям, и по своим нравам довольно отделяется от земства. Так называемое общество состоит из одних чиновников, посему не может служить верным представителем народных и земских потребностей. Правительство не имеет над собою свободного общественного контроля; оппозиция ему обыкновенно выражается в осуждениях чиновников же, которые в свою борьбу, обыкновенно против своих начальников, вносят свои личные и семейные, чиновничьи же, а не чисто-земские интересы. К сожалению, и народная скупщина подпадала в последнее время под терроризм или сильное руководство чиновников же, как *консерваторов*, довольных, так и *прогрессистов*[*], недовольных status quo, то есть занимающих места попечителей или министров, или только еще желающих их занять. Что еще хуже, между чиновниками-тузами, советниками (сенаторами) или министрами всегда почти есть личные враги кня-

[*] Здесь и далее выделено в оригинале.

зю, которые при Обреновиче[4] интригуют в пользу Карагеоргиевича[5], при Карагеоргиевиче в пользу Обреновича, или мечтают с помощью какого-нибудь консула самим быть князем, или сделать им своего сына. Простые умные сербы очень верно выражают эту общественную болезнь Сербии, говоря: «У нас та беда, что каждый серб хочет быть министром, а каждый министр — князем». Государственный сербский организм, все почти учреждения законодательные, судебные, административные и полицейские сложились в Сербии несоответственно народному быту, скорее наложены и навязаны ему извне. Народ, освободившись от турок, желал покоя и мирного развития, с полным доверием повиновался Милошу, который со своим необыкновенным умом и удивительным знанием народа действительно много сделал добра для Сербии, но вместе с тем, был и главным виновником последующих несчастных беспорядков, ибо своей жизнью, своим корыстолюбием и жестокостью сам подавал поводы к заговорам против себя и к чуждому, постороннему вмешательству во внутренние дела Сербии. Молодые патриоты сербские судят очень узко и односторонне, когда обвиняют за всю свою государственную бестолочь одних только швабов и вмешательство России <...>.

Патриоты сербские упускают из вида третье обстоятельство, очень важное: грубое невежество, в котором находилась Сербия, по освобождении от турок, и испорченность нравов самих сербов, ибо Милош, Вучич[6], все их сподвижники, все последующие заговорщики, были характеры народные, типически сербские, а их жизнь и разные подвиги во многом напоминают нравы турецкие или хивинские. Вместе со многими добродетелями, сербы, особенно в 30-х годах, имели и пороки, естественно развившиеся в народе, бывшем с лишком 400 лет под ярмом турецким. Да и самый гайдуцкий быт, как и казачеський, отличался разными дикими, совершенно нехристианскими особенностями. Доблестный, юнацкий* дух нынешних сербов был бы еще достойнее уважения, если бы он не затемнялся страстью к грабежу (*плячканью***), которую проявили сербы со своим Кничанином[7] в последнюю войну с мадьярами в 1849 году. Как бы то ни было, но все толки о Сербии, как о стране либеральной в смысле западно-европейском, конституционной и т. д., крайне смешны и обличают непонимание ее истории и современного положения. Что касается грамотности в Сербии, то действительно она хорошо развивается, и отношение народных школ и учащихся к народонаселению очень благоприятное <...>.

* Юнацкий — героический (от *јунак* — герой).

** От сербск. *пљачка* — грабеж, ограбление.

В основных школах преподаются закон божий, сербский язык, арифметика, краткое землеописание Сербии и Европейской Турции, краткая сербская история. Число женских школ несравненно меньше. Кроме этих основных школ еще находятся в Сербии следующие средние и высшие учебные заведения: два коммерческих училища, одно в Пожаревце[8], другое в Белграде; пять полугимназий, одна гимназия, военная школа, семинария, лицей. По отношению к народонаселению средним числом приходится по одной школе на 2.935 д. и по одному ученику на 81 жителя <...>.

Лицей имеет два факультета — юридический и естественный; курс в нем продолжается три года. Лучшие воспитанники лицея и военной школы по окончании курса отправляются на несколько лет, на счет правительства, во Францию и Германию для усовершенствования в науках. Лучшие из семинаристов едут в Россию, обыкновенно в Киев, в тамошнюю духовную академию. Несколько лет тому назад <...> комиссия составила проект об основании университета в Белграде. Этот проект так и остался на бумаге, в чем, как нам кажется, беды большой нет, ибо улучшение существующего порядка, составление порядочных руководств, вообще умножение учебных пособий, введение некоторых новых предметов в круг преподавания и особенно образование хороших женских гимназий были бы в Сербии гораздо желательнее и своевременнее, чем основание университета. Все это, конечно, не так громко, но было бы, кажется, существенно полезнее для страны, в которой так называемая интеллигенция вообще несколько грешит своей привязанностью ко всякого рода громким названиям. Быть может, простому взгляду покажется и самое министерство просвещения в Сербии совершенно излишним, и ректору лицея с советом мог бы быть легко предоставлен надзор за школами и гимназиями. Но тут уже трудно остановиться: так, пожалуй, окажутся излишними в Сербии и военный министр при особом начальнике войска, и особый товарищ министра юстиции, и многие другие места, которые одному иностранцу, бывшему в Сербии, внушили однажды остроумный вопрос: «Отчего нет в Сербии морского министерства?» Думать теперь об университете в Сербии едва ли уместно, ибо при современной специализации наук не может быть порядочный университет, притом совершенно новый, в стране с миллионом народонаселения, а тем более в Сербии, где и нынешний, далеко не блестящий, лицей не имеет профессоров на все нужные кафедры. Большая часть преподавателей или остаются на ученой службе недолго, переходя на гражданскую, или соединяют обе вместе, что, при скудости ученый пособий в Белграде, и при отсутствии образованной читающей публики, очень много мешает успешному развитию

образованности и литературы. Класса чисто ученого или литературного в Сербии вовсе нет, да и быть не может, ибо при всей многочисленности школ и учащихся, любовь к чтению развита в Сербии очень слабо <...>.

Вообще свобода печати и гласность (ибо в Сербии цензура очень строга, да и вообще полицейский произвол господствует), которых требуют несколько молодых сербов-либералов, воспитанных в России или за границей, останутся неосуществимой мечтой, пока не образуется сербского общества и любви к чтению в народе <...>.

В Сербии государство и общество начинают только слагаться, а народ без общества может только чувствовать свое призвание и свои задачи, но строгое и ясное их сознание становится ему доступно уже по образовании в нем общества с самостоятельным народным просвещением. Эти преимущества Сербии даны ей историей. Она счастливее всех славян австрийских без исключения тем, что может развивать свой юридический государственный быт, свое просвещение на началах чисто народных. В этом отношении она разнится от славян австрийских и похожа на Россию. Отсюда проистекает другое ее преимущество перед ними. Она ближе их по всему к славянам турецким, лучше их может понимать общую задачу славянского мира, отношения славян к Австрии, внутренний характер и значение России.

До сих пор сербы — и в этом опять их сходство с русскими — не только не пользовались этими преимуществами, но часто совершенно ими пренебрегали. Словом, если можно так выразиться, они также имели свой петербургский период в малом виде. Огромное большинство сербов, устраивавших и поныне устраивающих государственный и гражданский быт Сербии, заправляющих в ней народным образованием, руководились и руководятся воззрениями иностранными, западными, ненародными. Швабы и паризлии* старого поколения, воспитанники Австрии или поклонники бонапартизма в ревности своей доказать Европе, что Сербия способна к самостоятельной государственной жизни, завели в ней многочисленную бюрократию, строгую полицию, перевели и скопировали множество иностранных учреждений и законов, всячески тем ослабляя самостоятельный народный быт, народную скупщину. За этими двумя партиями возникло в последнее время третье направление. Его держатся большей частью молодые люди, воспитанные за границею или в России. Их можно назвать радикалами. Сами себя они называют *народной партией* и *сло-*

---

* *Швабе, паризлије* (сербск.) — традиционные прозвища сербов, получивших образование в Вене и Париже.

бодняками или *напредняками**, то есть, по-нашему *прогрессистами*[9]. Желая самых либеральных и новейших конституционных учреждений с ответственными министрами и так далее, они бы хотели народному собору (как то было на андреевской скупщине 1858 года[10]) передать всю власть над страной, а князя сделать лишь простым исполнителем решений скупщины, что вообще совершенно противно славянскому народному праву и воззрениям сербов на взаимные отношения земли и государства, вообще очень сходным с воззрениями русского народа. Нынешний князь Михаил Обренович, уже за одно свое имя любимый и уважаемый народом, к сожалению, сам так слабо стоит на народной почве, что под влиянием тех же иностранных понятий, как и его министры, швабы или старые паризлии, глядит и на своих радикалов с каким-то страхом и опасением, старается усилить над ними свой тайный полицейский надзор, не позволяет им издавать газеты. Нельзя без улыбки вспомнить об одном случае, всем известном в Сербии, который особенно породил неудовольствие князя на радикалов. Впрочем, при всей наружной невинности этих шалостей, постоянное пяленье на западноевропейский образец не осталось и без дурных последствий на Сербию. Усиленная законодательная ревность, доказываемая 16 томами сербского Свода Законов, *судоустройство* и судопроизводство, переведенные и скопированные с иностранных образцов, взятых от западных государств старых и развитых, воспитанных в началах романо-германских, имели во многих отношениях вредное влияние на юный православный сербский народ. Иначе и быть не могло. У нас в России громадные пространства всегда служили великим препятствием распространению государственной опеки и регламентации. Громадность нашего государственного организма не давала возможности иметь исправную и послушную бюрократию, в самых недостатках которой органическая народная жизнь находила себе защиту. Как ни велика в Сербии бюрократия, как ни обширно делопроизводство, но по самой малости страны, она никогда не может достигнуть таких громадно-чудовищных размеров, которые бы лишали сербское чиновничество и силы и значения. По малости страны сербское правительство легко может наблюдать за строгим исполнением своих указов и предписаний, а сербскому народу очень трудно, часто невозможно обходить их. Таким образом, в своей попечительности сербское государство не пощадило даже *задруги*[11] и *общины*[12]. Власть капитана[13] в срезе[14] так обширна и деятельна, что даже выборы общинных сельских старост редко проходят без вмешательства централь-

* От сербск. *напредак* — прогресс.

ной власти. Едва ли не европейской же, скопированной юстиции, следует приписать постепенное умножение сутяжничества в Сербии, которое дурно действует на народную нравственность.

Другое преимущество Сербии относительно западных славян заключается, как мы сказали, в том, что она лучше может понимать Россию и задачи и призвание славянского мира. Но и этим преимуществом Сербия пользуется еще очень мало. Между тем, как некоторые австрийские славяне, например, русские и словаки в Венгрии, очень бы хотели ввести у себя в учебных заведениях преподавание русского языка и русской литературы, но встречают тому сильное препятствие не только в Вене, но и в мадьярах; сербы, независимые сербы, единоверные России, связанные с ней самыми дорогими воспоминаниями, до сих пор не сочли нужным о введении в свои гимназии или лицеи преподавания русского языка, русской истории и литературы. До сих пор русский язык преподается только в семинарии, но нам кажется, что его знание полезно и необходимо не только сербскому духовенству, но и всякому образованному сербу. Желая доказать западным державам свой европеизм, некоторые образованные сербы наперерыв стараются уверить европейцев в том, что к России они не имеют ни малейшего сочувствия. В самом деле, сербская интеллигенция, особенно из паризлиев, часто готова перед европейцем на самую отчаянную ложь, лишь бы доказать ему, что сербский народ не имеет ничего солидарного и общего с русским. Распинаясь в этом, некоторые паризлии поступают даже совершенно добросовестно, ибо, вовсе не зная России, совершенно отрываются и от всего народа. Большинство нынешних министров, а во главе их Гарашанин[15] и Маринович[16], стараются из всех сил доказать свою французоманию, свою преданность Западу и его великому представителю, Наполеону. Их воззрение на Россию можно выразить следующими словами: «Отношения Сербии к России определяются отношениями России к Франции: хороша Россия с Францией — и мы хороши с ней, узы же единоверия и единовременности не имеют никакого значения, ни к чему сербов не обязывают». Некоторые сербские дипломаты в Крымскую войну до того простерли свою угодливость Западу, что народ сербский, начинавший догадываться об их планах, едва не наказал уже вовсе не дипломатически. Мы не станем опровергать этой теории, ложной и нелепой, с философской и исторической точки зрения, и безнравственной в практическом отношении; заметим только, что она может служить новым доказательством, что полуобразованность, некоторая наметанность и умелость в делах и особенно в интригах, которыми отличается большинство сербских государственных мужей, не только не дают им преимущества перед простым православным

сербом, но и ставят их гораздо ниже его, ибо сербский селяк своим верным нравственным чутьем и здравым смыслом удивительно глубоко понимает громадное значение единоверия и одноплеменности, эти две великие исторические силы в жизни народов, так недавно, и то еще не вполне оцененные современной наукой. Русский в разговоре с селяком сербом бывает поражен замечательным сочетанием чувства благородной гордости и независимости самостоятельного народа и глубокой преданности своему князю вместе с необыкновенным уважением и любовью к русскому царю, как царю православному, который, по его понятиям, обязан соблюдать и защищать интересы православных христиан. Молодые паризлии, сербы-радикалы уже смотрят на Россию несколько иначе, чем старые: они придают большое значение единоплеменности, очень близкой к современным принципам национальности. Но о понимании их России можно судить по тому, что они разумеют под народной русской партией, или по забавным мнениям, иногда наивно высказываемым ими, что сербы внесут в Россию чистые понятия о свободе. Ценя единоплеменность, они, разумеется, как и подобает современным либералам, нимало не уважают начала единоверия. Иные из них даже любят доказывать, что сербский народ вовсе не благочестив, между тем, как у него имя серб, подобно имени русского человека у народа русского, неразрывно связано с понятием православного, так что всякий природный серб, если он католик, уже сербом не называется, а *шокцем*[17] или *буневцем*[18], а напротив, всякий православный, без различия народности, есть *уже серб*. Так, мне самому не раз случалось слышать следующее наивное замечание от простых сербов, когда я говорил им, что я русский: «Руси тако су Срби»*. Один крестьянский мальчик внутри Сербии в разговоре со мной спросил меня даже: «Кажи мени, јесу ли Енглези *срби* или *шваби*?»**. Сказанное мной об обращении простых сербов с русскими еще более применяется к Княжеству[19], где народ любит русских, не только как таких же сербов (то есть православных), как и он сам, но и как народ, помогавший ему в освобождении от турецкого ига, и, следовательно, не обманувший его давнишних ожиданий <...>.

Два указанные нами взгляда, господствующие к некоторой части образованных сербов, так же мало соответствуют народному сербскому воззрению, как и очень сходные с ними взгляды так называемых наших западников, ни мало не согласны с воззрением русского народа на наши

---

* *Руси тако су Срби* (сербск.) — русские это сербы.

** *Кажи мени, јесу ли Енглези Срби или Шваби?* (сербск.) — скажи мне, англичане — это сербы или швабы?

отношения к соплеменникам и особенно единоверцам. Одни из них полагают, что Россия не должна глядеть на славян иначе, как на всякий другой народ в Европе, что наше духовное общение с ними — пустое требование разгоряченной фантазии и сентиментального направления, что оно не только неполезно нам, но и даже вредно, ибо отклоняет нас от прямых связей с Западом, у которого есть чему учиться, а славяне — народы порабощенные и слабые — заслуживают только сожаления, а не уважения и не могут возбуждать в нас симпатий более чем, например, негры и всякий другой несчастный народ <...>.

Сходство этих ложных русских воззрений на славян, особенно восточных, с ложными сербскими воззрениями на Россию отнюдь не случайное. Они тесно связаны с столь же ложными мнениями некоторых образованных русских и сербов о гражданском и государственном развитии русского и сербского народа. Сходство сербов, швабов и паризлиев с русскими западниками происходит от однородности коренных начал русской и сербской народности, отклонение от которых выражается в одинаковых, более или менее безобразных явлениях <...>.

По сходству и однородности исторических начал сербского и русского народа, сравнительное изучение всех аналогических явлений органической, непосредственной и искусственной (культурной) жизни того и другого представляется теперь делом первой необходимости для сербской образованности. Русский язык, народная словесность, народный быт и русская история должны быть изучаемы сербами в их собственных интересах так же усердно, как и сербский язык, сербская народная словесность, народный быт и история нами, русскими, для успехов нашего народного самосознания.

Примечания

[1] Банат — историческая область в Юго-Восточной Европе. Ограничена на востоке Трансильванскими Альпами, на западе — рекой Тиссой, на севере — рекой Муреш, на юге — Дунаем. С середины XVI до начала XVIII в. Банат входил в состав Османской империи, а в 1718 г. перешел под власть Австрии (с 1867 г. — Австро-Венгрия). В результате усиленной колонизации Банат приобрел сложный состав населения (румыны, сербы, хорваты, немцы, словаки, венгры). По Трианонскому мирному договору 1920 г. большая его часть передана Румынии, меньшая — Королевству сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия). Ныне она принадлежит Сербии, входя административно в Автономный край Воеводину.

[2] Срем, от лат.: Сирмиум (Sirmium) или Сирмия (Sirmia). Историческая область между нижним течением реки Савы и Дунаем. До 395 г. н. э. входила в состав римской провинции Паннония, одним из центров которой был город Сирмий, стоявший на месте современного города Сремска Митровица. В 1521 г. Срем захватили турки, а в 1718 г. он перешел под власть Австрии. В 1918 г. Срем был передан Королевству сербов, хорватов и словенцев. Ныне большая его часть входит в Сербию (в составе Воеводины), меньшая — в Хорватию.

[3] Славония — историческая область в Хорватии, в восточной части междуречья Дравы, Савы и Дуная. С XVI в. и до 1918 г. официальным названием хорватских земель было: Триединое королевство Хорватия, Славония и Далмация.

[4] Обреновичи — княжеская (1815–1842; 1858–1882), затем королевская (1882–1903) династия в Сербии, основанная Милошем Обреновичем (1815–1839; 1858–1860). Его наследники — Михаил (1839–1842; 1860–1868), Милан (1868-1889), Александр (1889–1903).

[5] Карагеоргиевичи — в XIX в. княжеская (1842–1858); в XX в. королевская династия в Сербии (1903–1918), Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1929), Королевстве Югославия (1929м1945; фактически до 1941). Ее родоначальник Карагеоргий Петрович (1762–1817) был верховным предводителем сербов во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Представители династии: Александр (князь Сербии в 1842–1858), Петр I (король Сербии в 1903–1918; король сербов, хорватов и словенцев в 1918-1921), Александр I (король сербов, хорватов и словенцев в 1921–1929; король Югославии в 1929–1934; принц-регент Сербии и Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1914–1921), Петр II (король в 1934–1945).

[6] См. комментарий 31 к воспоминаниям П. А. Ровинского.

[7] Кничанин (Петрович) Стеван (1807–1855) — сербский воевода, член Государственного совета во время правления князя Александра Карагеоргиевича, министр внутренних дел. Как предводитель сербских добровольческих отрядов выступил на стороне Австрии против Венгрии в эпоху революции 1848–1849 гг.

[8] Пожаревац — город в северной Сербии. Расположен в междуречье Дуная, Моравы и Млавы. Вошел в историю после заключения в нем в 1718 г. мирного договора между Австрией и Турцией (Пожаревацкий мир).

[9] См. примечание 19 к письмам И. С. Аксакова.

[10] См. примечание 18 к письмам И. С. Аксакова.

[11] *Задруга* — большая патриархальная семья у южных славян. Состояла из 20–30 человек, как правило, — нескольких сыновей одного отца с их женами и детьми, живших в одном дворе. Хозяйство, имущество и потребление произведенного в такой семье было общим. Во главе задруги стоял выборный домохозяин (домачин, господарь), руководивший всей ее жизнью с помощью своей жены (домачица, господарица), которая ведала женской половиной дома. Высшая власть в задруге принадлежала совету всех членов — взрослых мужчин и женщин, — контролировавшему деятельность домохозяина.

[12] Община — административно-территориальная единица, пользовавшаяся самоуправлением. Соответствовала русской волости. Статус общины впервые офи-

циально зарегистирирован в Сретенской конституции 1835 г., согласно которой Сербия делилась на округа, срезы и общины.

[13] Точное название: *капетан* — чиновник, глава исполнительной власти в срезе. Назначался правительством.

[14] Срез — административно-территориальная единица, эквивалентная уезду в России. В состав среза входило несколько общин.

[15] Гарашанин (Савич) Илия (1812–1874) — один из крупнейших сербских политиков. Министр внутренних дел (1843–1852; 1858–1859), глава правительства и министр иностранных дел (1852–1853; 1861–1867). В 1844 г. сформулировал внешнеполитическую программу Сербии — «Начертание», предусматривавшее освобождение югославянских народов из-под власти Турции и объединение их под эгидой Белграда. Инициатор создания Первого Балканского союза (1866–1868).

[16] Маринович Йован (1821–1893) — видный сербский политик и дипломат. Один из лидеров консерваторов. Председатель Государственного совета, глава правительства (1873), многолетний посланник Сербии в Париже.

[17] Шокцы — югославянское население Воеводины, говорившее на штокавско-икавском диалекте сербско-хорватского языка. В XV–XVI вв., спасаясь от турок, они переселились из Боснии и Герцеговины и Далмации в Бачку и Баранью. Значительно меньше их было в Славонии, Среме и Банате. К концу XIX в. шокцев насчитывалось около 20 тысяч.

[18] Буньевцы — говорившее на штокавско-икавском диалекте югославянское население Бачки, Бараньи и Баната. В эти области буньевцы переселились в начале XVII в. из района, располагавшегося между рекой Неретвой и ее притоком Буной, с одной стороны; северной Далмацией, Ликой и юго-западной Боснией, с другой. С 1918 г. как буньевцы, так и шокцы подвергались усиленной хорватизации.

[19] Хатт-и-шерифы 1830 и 1833 гг., подписанные султаном в соответствии с Адрианопольским мирным договором, по которому Турция обязывалась предоставить Сербии автономию, провозгласили ее самоуправляющимся княжеством. Полную независимость Сербия обрела на Берлинском конгрессе 1878 г. В феврале 1882 г. она была провозглашена королевством.

Ровинский П. А.[*]

Два месяца в Сербии (Из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Т. 6. Кн. 11. С. 373–382[**]

<...> Говорю откровенно: двухмесячное пребывание в Белграде и менее чем четырехнедельное путешествие во внутренности Сербии дало мне только самое поверхностное понятие о стране и народе, оно указало мне только на некоторые предметы и задало некоторые вопросы, требующие изучения и разрешения или по крайней мере более серьезного обдумывания и множества справок, что, может быть, удастся мне впоследствии.

---

[*] Ровинский Павел Аполлонович (1831–1916) — видный русский историк-славист и публицист. В 1852 г. окончил Казанский университет. Придерживался революционно-демократических взглядов. Был знаком с Н. Г. Чернышевским и в 1862–1863 гг. состоял в организации «Земля и воля». Как корреспондент, побывал в Чехии и Словении (1860–1861); Сербии и Хорватии (1868–1869); Сибири и Монголии (1870–1873); Сербии и Боснии (1878–1879), где собирал историко-этнографические материалы. Опубликовал описания большинства своих поездок. В 1879-1906 гг. (с перерывами) жил в Черногории — сотрудничал в русской дипломатической миссии и исследовал историю и этнографию страны. Результаты изысканий напечатал в фундаментальном труде: «Черногория в ее прошлом и настоящем» (Т. 1. СПб., 1888; Т. 2. Ч. 1. СПб., 1897; Т. 2. Ч. 2. СПб., 1901; Т. 3. Пг., 1915). В 1890–1891 гг. руководил раскопками древнеримского города Диоклея.

[**] В настоящую подборку сочинений П. А. Ровинского о Сербии и сербах вошли отрывки из четырех очерков: Два месяца в Сербии (из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Т. 6. Кн. 11. С.364–386; Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника // Там же. 1870. Т. 2. Кн. 4. С. 530–379, Т. 3. Кн. 5. С. 132–188; Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // Там же. 1875. Т. 6. Кн. 11. С. 5–34, Т. 6. Кн. 12. С. 699–725; Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // Там же. 1876. Т. 2. Кн. 4. С. 517–558. Все они содержат наблюдения из первой поездки автора в Сербию в 1868 г. (приведенная им дата: 1867 г. — ошибочна).

В полном объеме очерки Ровинского были опубликованы в переводе на сербский язык (см. *Ровински Павел Аполонович.* Записи о Србији (1868–1869). Предговор: др. Латинка Перовић. Нови Сад, 1994).

Теперь же предлагаю просто краткие путевые наблюдения и заметки <...>. Цель моя единственно обратить внимание на те предметы и стороны народной жизни, которые попадались мне и могли быть пропущены другими, затронуть какой-нибудь вопрос, бросить другой свет, — не стесняясь ни системой, ни определенным содержанием <...>.

Иностранец путешествует для себя и своего народа. Это однако не исключает возможности, что подобные описания иностранцев часто могут открывать вещи, неизвестные туземцам, и всегда помогают им видеть свою жизнь с той именно стороны, которая им недоступна <...>.

Серб самоуверен, <...> и он имеет на это право. Серб уверен, что он должен сам себе добыть, сам все сделать, что ему нечего ждать помощи ни от немцев, ни от другого кого-нибудь, и потому действует самостоятельно, не терпит постороннего вмешательства в его дело, которое всегда было только ко вреду его; не выносит опеки, под которой никогда и не жил. Уверенный в себе, разумно рассчитавши и измеривши свои силы, серб выступает на всякий подвиг смело и решительно. Это свидетельствует вся его жизнь с тех пор, как он лишился своих царей и деспотов. В силу этой самоуверенности он восставал против своих врагов при всяком благоприятном случае, и при этом не искал чужой помощи, а выдвигал героев из своей собственной среды — Черного Георга[1], Милоша и других борцов свободы <...>.

Я не встречал у сербов глупо-довольных физиономий. Отличительная черта сербского характера — серьезность, доходящая в некоторых субъектах до суровости, и не дающая постороннему человеку подметить ни счастья, ни горя. Серб не скрытен, но и не сообщителен <...>.

Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. I // Вестник Европы. 1870. Т. 2. Кн. 4. С. 530–579

I

После суточного плавания от Пешта вниз по Дунаю, 8 марта 1868 г., я прибыл в Земун[2], который отделяется от Белграда только устьем р. Савы да тем еще, что политически принадлежит другой державе[3], и вследствие

этой последней причины нельзя было попасть прямо в Белград, а непременно пересесть для того на другой пароход.

От Земуна нет почти никакого вида на Белград. Вы видите на возвышении только крепость с ее серыми стенами, различными уступами и выступами, спускающимися вниз к самой воде, и с приземистыми неуклюжими башнями; в ней несколько казарменной формы построек, два полуразрушенные минарета внизу и один вверху, прислонившийся к какому-то большому зданию в европейском стиле; а кругом широкий разлив воды, которому нет конца. Если бы возвышение, на котором стоит Белград, не примыкало к горам, над которыми поднимается вершина Авало[4], то оно представлялось бы островом. Только отдалившись на некоторое расстояние от Земуна, можно видеть и самый город; через четверть часа мы были уже в белградской пристани и любоваться городом издали было некогда.

Собираясь вступить с пароходной палубы на берег, я прежде всего встретил двух жандармов, которые отбирали паспорты. Мне почему-то думалось, что Сербия еще не достигла той степени цивилизации, при которой существование жандармов составляет насущную потребность. Мне казалось, что ей нет никакой надобности и в ревизии паспортов. Мне казалось многое, от чего впоследствии пришлось отказаться. Имеет Сербия какую-нибудь надобность в жандармах, или нет, об этом не спрашивает сербское правительство, а по примеру других считает необходимым содержать в Белграде на каждых 50 человек одного жандарма, кроме *пандуров** и городской стражи, которые также несут полицейские обязанности, и разместились на каждом шагу. Присутствие жандармов давало мне почувствовать, что я вступаю в страну, успевшую уже цивилизоваться на общеевропейский манер, и что с этой стороны я ничего оригинального не найду.

Сунувши в протянувшуюся ко мне руку паспорт, я шел дальше, ожидая нападения толпы извозчиков и носильщиков, что также составляет принадлежность цивилизованной Европы; но этого здесь не случилось. Легких извозчиков здесь совершенно нет, а носильщики, называемые турецким именем *хамалов***, вовсе не так назойливы, как их братья в остальной Европе. Они только предлагают вам свои услуги, или вы должны их искать, а навязываться вам силой — не в их обычае. Впоследствии я убедился, что в Сербии вообще вся прислуга весьма неуслужлива, что чрезвычайно не нравится людям, навыкшим на европейский буржуазно-барский образ жизни и усвоившим соединенные с ним понятия об услуге.

---

* *Пандур* (сербск.) — стражник, полицейский.

** Здесь и далее выделено в оригинале.

«Нужно ли господину что-нибудь понести?» — спросил меня один хамал, не трогаясь с места. Я указал ему саквояж и назвал гостиницу.

«Шесть грошей (30 коп. сер.)», — ответил хамал.

Три. — «Четыре». — Ладно. — И он понес мои пожитки.

Прежде мы должны были зайти на *дюмрук** (таможню) и дать на осмотр вещи. Осмотр был внимательный: кроме того, что перерыли весь саквояж, — заглянули, что у меня в сумке, которую я носил через плечо, заставили даже развернуть плед; осматривали каждую вещь отдельно, встряхивая ее и поднимая на свет, и за одну вещь, которую я уже надевал один раз, требовали заплатить как за ненадеванную. Я заплатил, чтоб только скорее отделаться, и стал догадываться, что и таможенная часть доведена здесь до тонкости.

Отделавшись от блюстителей порядка и государственных интересов, я пошел дальше, следуя за своим носильщиком.

В одну сторону, вверх по Саве, шла улица, мощеная и довольно широкая; по ней подряд и без промежутков двухэтажные каменные дома — все лавки и складочные магазины: с мукой <...>, с железными товарами, с посудой глиняной и стеклянной, с мебелью, с галацкой солью[5] в глыбах черноватого цвета и т. п.; тут же отделение полиции, две конторы пароходства (австрийского и французского) и большая гостиница с надписью на сербском и немецком языках: «Код вароши Крагуевца** — Zur Stadt Kragujewatz».

Первое, что кидается здесь в глаза, это то, что вместо ломовых извозчиков на лошадях вы видите телеги весьма неуклюжей формы, у которых даже колеса не совсем круглы; они запряжены быками или буйволами, на которых, как на лошадей, надеты ременные недоуздки с веревкой или мелкой цепью в роде поводьев или малороссийских налыгачей; а так как время стояло холодное, то быки и буйволы покрыты были шерстяными попонами, что у нас не всегда достается даже лошадям. Это так называемые *рабаджии****, которые постоянно из поселян. Позвольте мне описать одного из них.

Если бы этот серб имел на голове вместо феса**** малороссийскую баранью шапку (многие уже начинают носить зимой шапки, а летом шляпы), из-под которой виднелись бы длинные в кружало остриженные воло-

---

* От сербск. *ћумрук* — таможня.

** *Код вароши Крагујевца* (сербск.) — у города Крагуеваца.

*** *Рабаџија* (сербск.) — ломовой извозчик.

**** *Фес* (сербск.) — феска.

сы, — это был бы наш чумак, покуда он не успел еще вымазаться в дегте. Серб, впрочем, живее малорусса, да и быки его идут ходче. Лицо его выражает какую-то сосредоточенность на том, что он делает, оно холодно и сухо; ему недостает той рассеянной задумчивости, которая доводит малорусса иногда до того, что, засмотревшись на один какой-нибудь предмет, хотя бы на галок на колокольне Ивана Великого, он не видит ничего вокруг себя; не увидите вы у серба и того наивно насмешливого выражения, так часто освещающего лицо малорусса, когда оно предается сладким мечтам или, глядя на кого-нибудь, смышляет что-то себе на уме.

Таким образом вы с первого же шага встретите здесь картину и тип, напоминающие наши юго-восточные пределы, и как бы составляющие вариант того, что так часто случалось видеть дома. Вообще, сербский тип весьма близок к малорусскому.

Чтобы подняться с пристани в город, нужно подняться на гору. Для пешеходов устроена лестница из тесаного камня шириной в сажень, с площадками после каждых десяти ступеней и с плоховатыми деревянными перилами, которые, впрочем, почти не нужны. Всех ступеней 140: поэтому можете судить о высоте горы: впрочем, и взойдя до верха лестницы, вы все еще должны подниматься выше, покуда дойдете до середины города. По бокам лестницы — по одну сторону шел какой-то пустырь, а по другую — лачуги и лавчонки, в которых продается различный съестной товар и плетутся рогожки <...>; а далее по обе стороны два каменных дома. В нижнем этаже лавка с фруктами, сухим мясом, свиным салом, творогом, зеленью, между которой главную роль играют лук и чеснок; на одной лавке назначено «сараф* — comptoir d'echange», перед другой вставлены фотографии, пенковые трубочки, черешневые мундштучки и листки табаку; по другую сторону сапожная мастерская (в нынешнем году здесь в самом верху выстроена очень хорошая гостиница под названием «Народной», которой год тому назад еще не было).

Поворотив от площади *кали-мегдан*** (крепостное поле) вправо, мы встречаем соборную церковь. Архитектура ее не представляет ничего особенного; она совершенно похожа на все австрийские православные церкви; черепичная крыша трапецией и на восточном краю ее стоит крест, а на противоположном к церкви пристроена колокольня. На колокольне очень красив купол: высокий с несколькими перехватами, на квадратном осно-

---

* *Сараф* (сербск.) — меняла.

** *Калимегдан* (сербск.) — крепостная площадь; имеется в виду — пространство между белградской крепостью и собственно городом.

вании суживающийся кверху в виде опрокинутой вазы; по темно-коричневому его фону густая узорная позолота. Он особенно красив, когда на него падают косвенные лучи солнца: тогда за блеском позолоты темный фон почти не виден, служит как бы оттенком и помогает только игре лучей в золоте. С нашими церквами эта церковь не имеет ничего общего, и она мне напоминает церкви в саратовских немецких колониях. Когда мы проходили, раздался на колокольне звон: вдруг как-то зазвонило несколько колоколов, болтаясь туда и сюда, точно всполох бьют, и эта болтовня поднималась три раза с двумя небольшими паузами. «Что это значит?» — спросил я у хамала. «Умер кто-нибудь; должно быть дитя, мальчик». «Почему ты знаешь, что дитя и непременно мальчик?» «Вообще здесь много мрет детей; а когда звонят три раза, значит мертвец мужского пола; для женщин звонят только два раза». Вот вам и одна оригинальная черта сербских православных обычаев <...>.

Белград много меньше и беднее Пешта; но он зато чище, в нем больше порядка и нет той распущенности и неряшливости. Наружно Белград совершенно имеет вид австрийско-венгерского городка. Не только по наружности, но и во всем вы встречаете влияние Австрии с ее хорошими и дурными сторонами на каждом шагу. Мы не станем до времени говорить о влиянии ее на жизнь умственную, общественную и политическую, и остановимся покуда только на тех чисто наружных проявлениях его, которые бросаются в глаза с первого взгляда.

С немецким языком вы очень легко можете прожить в Белграде: в каждой порядочной гостинице или кофейне, если не сам хозяин, то кельнера говорят по-немецки; точно так и в лавках; и чиновники, как гражданские, так и военные — большей частью знают хоть сколько-нибудь по-немецки. Основательного знания немецкого языка здесь мало, и еще меньше знакомства с немецкой литературой, но, насколько это знание может облегчить практические сношения с немцами, — оно довольно распространено.

Именно благодаря Австрии Белград имеет две-три гостиницы, которые по внешней обстановке, по меблировке, по сервировке стола не уступят лучшим гостиницам Пешта и Вены; прислуга в них чисто одета, расторопна и с особенной шикарностью, подавая вам что-нибудь, проговорит мадьярское «тешик», т. е. извольте или что-то подобное. Эти лучшие гостиницы содержатся сербами из Австрии. Другие, не столько роскошные, содержатся туземными сербами или цинцарами*. В них вы не найде-

* *Цинцар* (сербск.) — фракийский валах; (перен.) — лавочник, мелкий торговец.

те особенно хорошей меблировки, но за умеренную цену (за 40 коп.) найдете все, что необходимо: светлую, чистую комнату, железную кровать с мягкими матрацами и подушками, плотно стеганое одеяло, чистое постельное белье, стол и стул, иногда два стула; недостает только шкапа или комода, а иногда притом даже нет ни одного гвоздя на стене, чтобы повесить верхнее платье. В них нет клопов, которыми изобилуют часто весьма богатые гостиницы в наших губернских городах, а иногда даже и столичные; нет, как у нас, темных коридоров, по которым иногда бродишь и не отыщешь своего нумера; нет спертого казарменного воздуха наших многоэтажных гостиниц.

Но рядом с этими удобствами европейской жизни, передаваемыми Сербии Австрией, передаются такие обычаи, которые при некоторой утрировке доходят до безобразия. Так называемая *штумадля* служит хозяину совершенно даром, получая одну только комнату, платя за стол, как и гости, а иногда сверх всего платит хозяину оброк. И это здесь повсеместно. Законом это запрещается; но полиция терпит такой порядок вследствие сделки с хозяином гостиницы. Иногда он по каким-нибудь неудовольствиям на свою штумадлю донесет полиции, что она занимается незаконным промыслом; ее тащат тотчас же в полицию, сажают, накажут палками, возьмут штраф, а потом она снова на тех же самых условиях живет в другой гостинице.

История этих женщин кладет черное пятно на общественный строй целого человечества; а масса их в Белграде из *прека** и домашних, и быстрое распространение их по целой Сербии указывает, что дурные стороны европейской жизни нашли себе здесь готовую почву.

Страсть к жуированию, крайний материализм в наслаждениях, бесцельное препровождение времени за чтением газет или за пивом в кофейнях — все это сильно напоминает Вену, и пришлось в Белграде как раз по нравам, потому что совпадает с тем образом жизни, который развивался здесь когда-то под турецким влиянием.

Белград расположен на высоком мысе, образуемом слиянием Савы и Дуная и направляющемся с северо-запада на юго-восток. Оконечность его несколько возвышеннее остальной части и тут расположена крепость или, как здесь говорят, *град***. Дальше, отступя от крепости сажень на 80, идет город (по-сербски варош) по плоскому хребту, по бокам террасами и по

* *Преко* (сербск.) — на той стороне, напротив; *из прека* (здесь) — из населенных сербами областей Австро-Венгрии, т. е. — с *той* стороны Дуная и Савы.

** *Град* (сербск.) — крепость.

отлогим берегам Савы и Дуная. На юго-востоке он вступает на небольшое возвышение — врачар[*], которое перерезывается долиною и потоком «мокрый луг», текущим в Саву; за этой долиной еще возвышение, покрытое сплошь виноградниками, а за ним долина топчидер[**], любимое место прогулок белградских жителей. За всем этим возвышается холм Авало (около 1200 футов над уровнем моря), который господствует далеко над всей окрестностью и вместе с примыкающими к нему горами составляет как бы задний фон Белграда.

Шестьдесят лет тому назад Белград весь был скучен около крепости; теперь же он вытянулся вдоль целого мыса, вступил уже на врачар, селится по нем, спускаясь на обе стороны к Саве и Дунаю; захватил в свою черту два бывших селения Саву-Малую и Палилулу[***], а также и Таш-Майдан, где была еще во времена римлян и по сю пору продолжается ломка камня-плитняка, откуда и произошло его турецкое название (*таш* — камень и *майдан* — копь, *рудник*).

Как всякий город, возникавший исторически, образовавшийся из нескольких частей, составлявших отдельное целое, Белград не имеет общего плана, не имеет прямых улиц и вообще неправилен. В последнее время, впрочем, он регулируется и все, что строится вновь на развалинах старых турецких построек, строится по плану <...>. Общий вид построек весьма удовлетворительный: весьма много двухэтажных каменных домов и два трехэтажных. Самое замечательное здание — это так называемая великая школа[6], в которой, впрочем, кроме великой школы (лицея) помещаются: гимназия, отделение министерства просвещения, народная библиотека, музей (древностей и натуральный), физический кабинет и химическая лаборатория <...>. Оно построено майором Мишей Анастасиевичем[7], после Обреновичей первым богачом Сербии. Здание это готовилось быть княжеским дворцом, когда рассчитывали на возможность, чтобы зять Миши[8], племянник Александра Карагеоргиевича[9], сделался князем. Когда Обренович окончательно утвердил свою династию в Сербии (с 1858 г.), тогда Миша, чтоб все-таки иметь уважение в народе и отклонить приписываемые ему виды на княжеский престол, подарил этот дом народу и тем увековечил свое имя <...>. Княжеский конак[****] (дворец) не пред-

[*] *Врачар* — район Белграда.

[**] *Топчидер* — южное предместье Белграда. Его название происходит от турецкого *Тобджи-Дере* — артиллерийская долина.

[***] *Палилула* — район Белграда. До 1869 г. — отдельное село.

[****] *Конак* (сербск.) — дворец, резиденция.

ставляет собой ничего особенного; а рядом с ним стоит дом министерств: иностранных и внутренних дел, имеющий подобие рыцарских замков — с плоской крышей, с зубцами по краям и башенками по углам. Большая часть улицы обсажена деревьями. Везде мостовая, нет только тротуаров; везде чисто, все смотрят весело и открыто. Мало городов в Европе, которые могут с первого раза произвести такое приятное впечатление, как Белград. Все улицы его расположены одна ниже другой, и самый ничтожный домишко хоть с какой-нибудь стороны пользуется свежим воздухом, вольным светом, а иногда великолепным видом на Саву и Дунай. Издали Белград решительно тонет в зелени <...>.

Каждая часть Белграда имеет свое особое население. Так, Теразии*, Абаджийская улица**, ближние части врачара и варош-капии*** заняты по преимуществу чиновниками и профессорами, получающими плату не меньше 10 дукатов[10]; в чаршии****, на Саве и по целой, специально называемой, вароши — торговцы; в этих же частях по краям и в более глухих углах живут кое-какие ремесленники, прачки, кучера, кельнеры, лица ищущие мест; в палилуле — больше люди, имеющие свою землю и скотину и потому занимающиеся хлебопашеством и извозом. Одна часть дартюла***** занимается евреями и отчасти сербами-торговцами; там уже очень много порядочных домов; а другая, остающаяся в том виде, как жили в ней турки, и представляющая собой лачуги и развалины — заселена беднотой разных профессий <...>. Как ни бедна здесь жизнь, она далеко не так грязна и ужасна, как в других городах Европы. Природа здесь скрашивает бедноту и облегчает ей существование <...>.

Счастье сербов, что их не коснулась еще язва пауперизма, что они покуда пользуются простором и свежим воздухом, а не скучены, не загнаны в сырые, лишенные света подвалы, в которых живет рабочее население в больших европейских городах; сравнительно с другими они имеют хорошую пищу и хорошо одеты <...>.

---

* Теразии (сербск. *Теразије*) — «фешенебельная» часть Белграда между дворцом и улицей князя Михаила.

** Абаджийская улица (от сербск. *абаџија* — портной) — старое название улицы королевы Натальи. Пролегала параллельно Теразиям.

**** *Варош-капија* (сербск.) — городские ворота.

***** *Чаршија* (сербск.) — торговые ряды, базарная площадь; (перен.) торговый люд, мещане, мнение толпы.

***** Имеется в виду: Дорчол (сербск. *Дорћол*) — особый район Белграда.

Здесь смешения с чужой национальностью в настоящее время почти не существует, кроме смешения с цинцарами, которые уже наполовину сербы или болгары. Вот почему, несмотря на сильное доселение в Белград жителей из других стран, он так невредимо сохраняет свою сербскую физиономию, насколько она выражается языком, одеянием и отчасти образом жизни. Но при этом мы заметим одно: в одеянии и во внешнем образе жизни с давних пор уже вошло много турецкого. Турецкого происхождения их костюм <...>, предметы домашнего комфорта <...>, кушанья <...>. Я не говорю здесь об одних словах турецкого происхождения, но о самих предметах и понятиях, которые оказывают влияние на жизнь <...>. Если строго разобрать образ жизни жителей Белграда, то окажется весьма много такого, что привилось им от турок, и притом на счет их коренных славянских начал <...>.Так что сильная заботливость сербов (я разумею горожан, и людей образованных) сохранить во всем сербский характер, не значит ли охранять какие-нибудь начала турецкие или цинцарские? И не выражается ли тем просто отпор прогрессу и цивилизации? <...>

В настоящем случае, когда речь зашла о национальном типе Белграда, я не могу не сделать одного замечания и о его политическом типе. Как средоточие всей сербской интеллигенции, он, конечно, должен бы стоять впереди во всяком умственном и политическом движении; так, по крайней мере, в целой Европе, где импульс к прогрессу во всем дают главные города. Белград, напротив, во всяком политическом движении отстает от провинции и, можно сказать, в руках хитрого правительства служит весьма надежным тормозом. Это особенно ясно видно на *скупщинах*[11] по выборам депутатов и по самой деятельности. Сербская скупщина при Михаиле низведена была на степень собрания единственно pro forma[12]: это было нечто вроде торжественного представления, которое открывалось и закрывалось князем, а на сцене фигурировали министры; депутаты же, как позванная из милости публика, должны были всему рукоплескать. Находились, однако, люди, которые решались дать другой смысл всей этой комедии и со своей стороны заявляли правительству желания и потребности народа и делали предложения. Все эти желания и требования, не входившие в министерскую программу, выходили из среды депутатов провинциальных, а отнюдь не от белградских. Это можно видеть из печатаемых протоколов последней скупщины, бывшей при Михаиле в Крагуевце (1867)[13]. В нынешнем году выборы на скупщину показали то же самое. Провинции, при всей их бедности людьми интеллигентными в сравнении с

Белградом, выбрали на скупщину по крайней мере по одному или два депутата более или менее либерального направления; Белград — ни одного, и высказал свое нерасположение к либеральной партии кулаками и палками. В Белграде слишком много раболепства перед правительством и нет свободного общественного мнения; тогда как в провинциальных городах общественное мнение выражается настолько свободно, что не раз приходило в столкновение со своими местными властями. В провинции больше предприимчивости во всех отношениях. Какой-нибудь ничтожный городишко Лозница[14], имеющий едва тысячу душ жителей, основывает литературно-музыкальное общество, которое устраивает «читалище»*, покупает очень хороший дом с садом, дает литературно-музыкальные вечера и театральные представления, тогда как в Белграде «народное читалище» открыто почти по вынуждению и едва существует; «певческое общество» также существует както официально. В провинции постоянно делаются попытки открыть какой-нибудь завод или фабрику. Попытки эти, конечно, не удаются по недостатку капиталов. Всякая идея в провинции находит отзыв скорее, чем в Белграде. В провинции я нашел больше свободы в семейных отношениях и меньше затворничества женщины. Вообще я нахожу, что Белград — не представитель Сербии, и в то же время — не представитель и западной цивилизации, как например, у нас Петербург; напротив, в нем больше чем где-нибудь отпор западной цивилизации. К сожалению, в последнее время в Сербии система централизации сделала такой громадный успех, так опутала сербский народ сетью полицейской опеки и военной дисциплины, что те начала, которые по сю пору еще коренятся в провинциальной жизни, вряд ли в состоянии будут развиться, вряд ли в состоянии будут отразить напор сверху. Белград, как приют торговцев, не понимающих другой цели кроме эксплуатации, и гнездо бюрократии, назначение которой быть слепым орудием правительства, при совершенном отсутствии людей других свободных профессий, сделавшись политическим центром Сербии, конечно, сильно импонирует ей, оказывает сильное влияние и, к сожалению, весьма невыгодное; он воспитывает, так сказать, Сербию в своем духе, в духе спекуляций, грубого материализма, дерзкого отпора прогрессу, неуважения к идее и науке и самого непримиримого политического консерватизма. После этого странно и грустно вспомнить, как многие образованные и благомыслящие люди Сербии дрожат за какие-то сербские

* От сербск. *читалиште* — читальня.

начала, боясь, чтоб они не уступили западной цивилизации. Неужели все это непременные свойства сербского характера? А если б и были, неужели стоят они того, чтоб их свято хранить? <...>

В сербской конституции все подданные княжества называются общим именем сербов и православное исповедание считается господствующим. Другие национальности и вероисповедания совершенно не признаются, хотя они вполне терпимы и не дозволяется только религиозная пропаганда в духе другой веры <...>.

Между отдельными национальностями, как по численности, так и по давности пребывания в Белграде, первое место занимают евреи. Трудно с точностью сказать, когда они сюда доселились, но во всяком случае в очень давнее время и были постоянными спутниками турок. Собственно на Балканском полуострове они живут с начала христианской эры, по берегам и островам Архипелага <...>. Большого значения в торговле Сербии евреи не имеют.

По числу за евреями следуют чехи, во всех возможных профессиях. Чеха вы найдете здесь профессором, лекарем, фотографом, архитектором, артиллеристом, инженером, в войске от солдата до майора, в военном оркестре (где они составляют большинство), на пивоваренном заводе, в типографии, в различных ремеслах, садовником, поденщиком. Многие живут здесь давно, имеют состояние и оказывают некоторое покровительство своим вновь прибывающим землякам <...>.

Поляков в Белграде всего человек 10, из числа которых один переводчиком во французском консульстве <...>, остальные — медики, давно живущие в Сербии и совершенно устранившиеся от политики; два трубочиста, один слесарь и ламповщик, один сапожник, есть, может быть, еще между простыми рабочими, но им, конечно, никто не станет приписывать никакого политического значения <...>.

Вот вам и весь национальный состав Белграда. О цинцарах и болгарах не говорю ничего, потому что они составляют с сербами почти одно <...>.

Еще живут в Белграде 26 семейств цыган, которые занимаются кузнечным и слесарным ремеслом, ловлей рыбы, и они же на всех свадьбах, пирах и других торжественных случаях постоянные музыканты и певцы <...>.

Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Вестник Европы. 1870. Т. 3. Кн. 5. С. 132–188

II

В Белграде трудно найти центр общественной жизни. Где искать этот центр? Клубов и обществ литературных, торговых и промышленных здесь не существует <...>; общественных балов и других увеселений там нет; нынешней только зимой открыт театр; есть, правда, «общество певцов» <...>; потом есть «читалище», которое слабо посещается и едва существует; каких-нибудь вечеров, балов и других собраний семейных здесь также не имеется; такие собрания существуют только в кругу здешнего дипломатического корпуса, у начальника таможни и у двоих-троих немцев.

Довольно значительные собрания сербов вы можете видеть только в дни так называемой *славы*[*]. Всякое семейство имеет патрона своего рода и этот день славит, т. е. празднует. Если кто не посетит родного или знакомого в день славы — это великая обида. А так как в Белграде все почти между собой знакомы, то посетителей на славе бывает великое множество. Это происходит обыкновенно так. С утра служится молебен, при котором освящается особенно для того испеченный *колач* (плоский хлебец, сдобный, сладкий и с разными пряностями) и *коливо* (вроде нашей кутьи и риса); затем на столе зажигается восковая свеча аршина полтора в вышину, тут же ставят *колач* и *коливо*, и хозяева ждут посетителей. Всякий, войдя, поздравляет хозяина; гостю подают коливо и колач, он съедает того и другого понемногу; потом хозяин и дочь (служанка почти никогда) подают *сладкое*[**] (варенье): вы съедаете ложечку варенья и запиваете водой; тут же подается рюмочка *ракии*[***] и *черный кофе*, иногда вместе с ракией или отдельно стакан вина. Выпивая ракию или вино, вы

[*] *Слава* (сербск.) — праздник в честь святого — покровителя семьи, села, церкви, монастыря и т. д.

[**] От сербск. *слатко* — варенье.

[***] *Ракиjа* (сербск.) — фруктовая водка, чаще всего из слив.

выражаете ваши пожелания дому. Кроме колива и колача остальное подается непременно трижды. Тем кончается визит, и вы уходите. Визиты эти делаются утром или после обеда, что все равно, так что они продолжаются целый день до вечера, часов до семи, и перебывает, может быть, в день человек до 100, а то и до 200, если личность более или менее популярная. Людей близких хозяин приглашает если не на обед, то на ужин. Вечером то и дело обносят гостей вином и кофе, подают также разные сласти и закуски: конфеты, пряники, орехи, фрукты. Все пьют чрезвычайно понемногу, потому что нужно рассчитывать иногда на целую ночь. Для увеселения гостей являются непременно музыканты, несколько человек цыган-скрипачей, иногда тут же являются две цыганки, которые забавляют публику пляской. Воодушевившись, и сама публика принимается петь свои любимые песни, а если есть простор, то бывают и танцы. Большей частью *играют коло**, взявшись за руки и проходя из комнаты в комнату. За ужином обыкновенно после *печенья*** (жареного) начинаются *здравицы* (тосты), сначала за хозяина, а потом за гостей, за народ, за славянство.

В другие дни посещение семейных домов довольно затруднительно. Если хозяина нет дома, то хозяйка редко вас примет. Вы только входите, а уж она вам вперед отвечает: «господина дома нет»; это значит, вы должны отправляться назад, а господина дома нет обыкновенно целый день. Господин обыкновенно, если чиновник, целый день на службе до обеда и после обеда, а норовит улучить свободную минуту, чтобы сходить в кофейню, выпить известную порцию пива или вина и, пожалуй, прочитать какую-нибудь газетку. Некоторые, как профессора гимназии, страшно заняты всю неделю, имея около 30 часов, а праздники посвящают на приготовление лекций или просматривают какие-нибудь ученические работы; а если он не занят в праздник, то норовит и сам куда-нибудь уйти. Таким образом, если вы желаете с кем-нибудь видеться, то поневоле должны идти в кофейню. Купец, разумеется, целый день в лавке и также в кофейне. Жены у людей небогатых заняты целый день по-своему: они часто не имеют ни кухарки, ни другой прислуги, так что такой жене некогда заняться и детьми, вследствие чего она торопится сдать их в школу, и в Сербии не редкость, что школу посещает шестилетний ребенок. У людей зажиточных зато жене уже совершенно нечего делать, и она должна страдать от

---

* *Коло* (сербск.) — сербский народный танец, вид хоровода. *Играти коло* — танцевать коло.

** От сербск. *печенье* — жаркое, жареное мясо.

скуки, если не найдет каких-нибудь развлечений, потому что чтение и вообще занятие какими-нибудь свободными профессиями здесь еще очень мало распространены. Впрочем, нужно заметить, что барствовать женам удается немногим: мужья сознательно, кажется, не держат лишней прислуги, хотя бы и имели средства, чтоб жена не имела досуга, и жены людей зажиточных часто целый день проводят на кухне, заботясь, чтобы кушанье вышло непременно во вкусе супруга, а вкус этот иногда довольно причудлив и в требованиях своих деспотичен.

Не думайте, что муж, целыми днями не бывающий дома, не был попечительным мужем. Напротив, заботливость о семействе — одна из главных его добродетелей; он заботится, чтоб семейство его ни в чем не нуждалось и потому входит часто в мельчайшие подробности кухонного хозяйства, костюма жены и детей, любит во всем чистоту и аккуратность. От его зоркого глаза не укроется ни одна пуговка, недостающая в костюме его ребенка, ни одно новое пятно на стене. Это не только у семейного человека, но и у всякого холостяка: первая потребность быть чисто и порядочно одетым, без роскоши и щегольства и содержать в порядке и чистоте свой дом или квартиру; затем тотчас следует служение желудку и прочим материальным потребностям. При аккуратности и расчетливости эта цель достигается легко и затем делается экономия и мало-помалу копится капиталец, покупается домик, и отдается под постой. И все это достигается путем экономии и расчета и отчасти капитальцем за женой, без чего никто не женится. Взяточничество в этом случае редко помогает, потому что оно вообще в Сербии не распространено, да в больших размерах и невозможно, исключая некоторые места, как окружных начальников[15] и *капетанов*[*], которые до сих пор составляли нечто вроде кормлений. Конечно, министры и другие высшие чиновники, имеющие в своем распоряжении значительные казенные суммы, порядочно нагревают руки; но большинство чиновников с этой стороны почти безукоризненно, зато и жизнь их на низших степенях очень бедственная. Вот почему несчастный *практикант*[**] <...>, получающий 4 дуката (12 рублей серебром) в месяц, постоянно твердит о своем *сиромаштве*[***] (бедности) и ждет *аванжиранья*[****] (повышения) в протоколисты[16] и далее, как узник сво-

---

[*] *Капетан* (сербск.) — чиновник, глава исполнительной (полицейской) власти в срезе (уезде).

[**] *Практикант* (сербск.) — стажер.

[***] От сербск. *сиромаштво* — бедность.

[****] От сербск. *аванзовати* — быть повышенным в должности, чине.

боды, и на беду не имеет права жениться, так что звание практиканта что-то ужасное. Он постоянно ноет и стонет, но по этим стонам вы уже можете судить, что за идея гвоздем сидит в его голове, и можете быть уверены, что он добьется своего, получит повышение, а там, глядишь, женится и заживет в довольстве, по своему нраву, хотя по временам все-таки не перестает жаловаться на бедность, потому что ему мало того, что живет хорошо, ему нужен капиталец, он хочет скорее обеспечить свою будущность, чтобы ему не угрожали никакие превратности судеб, на которые в Сербии постоянно нужно рассчитывать. «Ми смо сиромаси» (мы бедняки) — ходячая фраза в устах каждого сербина — богатого и бедного одинаково, и указывает ясно, что главная цель всех — обогатиться, и нет сомнения, что так упорно преследуемая ими цель в непродолжительном времени будет достигнута. Это громко исповедуемое сознание своего сиромашества отнюдь не похоже на что-нибудь в роде нищенского клянчанья. Нищенства в Сербии нет: в Белграде есть один нищий увечный, постоянно сидящий близ бывшей Гайдук-Вельковой[17] кофейни, и одна цыганка, также как-то больная, близ делийской чесмы*, которые, однако, не просят, а просто сидят молча, и проходящие иногда им подают. Побираются иногда какие-нибудь странники и то редко, потому что все они имеют своих земляков, которые и помогают им общиной. Сербы довольно скупы или, вернее сказать, расчетливы, и потому помогать даром не любят и нищих не терпят; зато трудно себе представить, чтобы и сербин из Княжества[18] протянул руку за милостыней.

Литература, наука, искусство — покуда не составляют насущной потребности серба. Что касается литературы, то сербы до страсти любят сами сочинять, но читать положительно не любят: в науке ищут непременно практического применения сейчас же, в данный момент, польза отдаленная их не прельщает, музыку и пляску сербы любят, но их вполне удовлетворяет народная песня и коло. Я знаю некоторых из молодежи со средствами, которые, взявши несколько уроков на скрипке, потом продолжают доходить сами, и целые часы пилят свои народные мелодии, не чувствуя ни малейшей потребности изучить пьесу хорошего европейского композитора. К рисованью и лепному искусству у них очень много способности, что можно видеть на выставках белградской школы, причем нельзя не пожалеть, что школа эта бедна, как по личному составу, так и прочими средствами.

---

* *Чесма* (сербск.) — источник, ключ, родник; здесь — колонка (водопроводная).

Серб — практик в самом тесном смысле этого слова. Это можно видеть по лицейской молодежи. Все они изучают право, хотя по юридическим наукам не имеют профессоров, которые могли бы привлечь своим чтением. Скажите любому из них: «Почему вы не изучаете естественных наук, для которых вы имеете такого отличного профессора (Панчича[19]) и в знании которых в настоящее время чувствуется всеми насущная потребность, тем более, что из вашей великой школы вы не можете выйти даже порядочным юристом, и по самой программе школы видно, что назначение ее дать общее образование, а не приготовлять специалистов, для чего вас после отправляют в заграничные университеты?». Всякий, наверное, начнет свой ответ словами: «Мы, сербы, — практики» и т. д. Высшая цель их быть адвокатом и получать таким образом не меньше 1000 дукатов в год, или высоким чиновником. Даже профессура не привлекает (впрочем, в ней нет ничего привлекательного), и даже сами профессора постоянно смотрят, как бы выйти на какое-нибудь другое место. Я был свидетелем, как в комиссии для устройства школ педагогические вопросы решались фразой: «Мы, сербы, — практики...». Считая реализм тождественным с грубым материализмом и узкой практичностью, сербы уверены, что в своем узком направлении они идут за духом века. Много заблуждений существует у них именно вследствие узкого понимания вещей, чему, конечно, помогает узкий принцип практичности, положенный в основание их школ и всего образования.

Сербу совершенно чужд идеализм, в смысле преданности какой-нибудь идее; но поидеальничать дешевым образом, посантиментальничать он не прочь. Он любит часто поговорить о красотах природы, восхищаться звездным небом и углубляться в непостижимые тайны мирового пространства, отдаваясь притом самым мистическим толкованиям, любоваться нежным цветком, воспевать голубиные чувства, которые дает семейная жизнь, любоваться идеальной красотой женского портрета на фотографии и т. д. Но в то же время я положительно знаю, что он всем мировым задачам всегда предпочтет хорошее жалованье, все красоты природы готов отдать за жирные *сармы*[*] в виноградном или капустном листе (рубленое мясо), или за хороший кусок молодого барашка, испеченного на *рожне*[**] (вертел), прошпигованного чесноком и посыпанного *паприкой*[***], и вовсе не идеальность прельщает его в красоте женщины.

---

[*] *Сарма* (сербск.) — голубцы.

[**] От сербск. *ражањ* — вертел.

[***] *Паприка* (сербск.) — перец стручковый.

Такое сантиментальничанье, невинное смешение действительности с фикцией, противоречие слова с убеждением, конечно, дело неважное; но оно вносит ложь во всю жизнь общества: вы встретитесь с ним в явлениях жизни общественной и политической, где оно принимает вид гнусного ханжества и может иметь весьма серьезные следствия. Во время прошедшей катастрофы 29-го мая[20] сантиментальные люди, движимые пиететом к погибшему князю, громко на улицах и на сборищах требовали казни, ни много ни мало, как всех, кто стоял в оппозиции к прежнему правительству: это значило вырезать не дню сотню лучших людей Сербии! И не подумайте, чтоб это был слепой фанатизм: нет, тут был расчет выставить свою приверженность к династии Обреновичей, когда видно было, что она взяла верх, или чтоб отклонить от себя подозрение в участии в заговоре, или, наконец, чтобы погубить того, кто стоял ему поперек дороги. Да, я был свидетелем, как смертный приговор над преступниками произносили сами преступники; и видел, как один из приближенных покойного князя, человек в чинах и почете, плевал в лицо людям, обреченным на казнь, в то время как их вели к столбу для расстреливания; недавно целая Европа могла читать проклятия, занесенные в устав новейшей сербской конституции[21]. Люди, стоящие во главе Сербии, конечно, понимают всю несообразность и гнусность подобных вещей; но они, собравши кучу простаков, называемую народной скупщиной, рисуются тем перед ними, делают поблажку тем именно дурным инстинктам, которые есть во всяком народе, и проистекают от его простоты и необразованности.

Все это, конечно, остатки туречины и варварства, сверху только покрытые лоскутами европейской цивилизации, и должны пасть с распространением истинного образования. Но где оно, это истинное образование?

Если измерять образованность народа количеством школ и одной грамотностью, то Сербия в короткое время сделала громадный успех. В ней и теперь уже между молодежью редко найдется безграмотный. На 1200000 жителей она имеет около 400 низших школ, в которых учатся около 20000 обоего пола детей; две полных классических гимназии, и четыре полугимназии, одну среднюю реальную школу и три низших, военную академию и лицей; для духовенства семинарию. Для довершения образования кончившие курс в лицее отправляются на казенный счет в заграничные университеты каждый год до 40 человек, а из академии — в высшие военные заведения за границей, из семинарии поступают в русские духовные академии. Кроме того, есть несколько стипендий от сербского и русского правительств в различных средних и высших учебных заведениях России. Многие молодые люди отправляются за границу для усовершенство-

вания в каких-нибудь специальных знаниях или для общего образования на свой счет, так что встретить в какой-нибудь канцелярии на низшей должности человека с заграничным образованием в Сербии не редкость. Но отчего эта образованность так мало сказывается в науке, литературе и общественной жизни?

Всякий серб на это ответит: «Чего вы хотите от нас? Мы недавние; слава Богу, что и то имеем!» Этот ответ я слышал от сербов сотни раз и на сотни вопросов, и в основании его лежит одна черта сербского характера — самодовольство. Нельзя действительно не признать, что Сербия сделала по времени значительные успехи во всем; но, зная, какими она располагала средствами, сколько тратится на все, как много и как охотно на это жертвовал сербский народ, нельзя не потребовать больше того, что сделано, и не обратиться за отчетом к тому, кто этими средствами распоряжается. Не требуя многого, можно, кажется, требовать, чтоб в том, что делается, был толк и польза, а мы вот этого-то последнего не находим <...>.

В политической и общественной жизни Сербия 68-го года отстала от Сербии 58-го года[22]. В торговле также не видно прогресса: как была мелочной, так и осталась. Промышленность не развилась ни на волос. Остается только войско и чиновничество (считая в том числе адвокатов), с умножением которых увеличились расходы и число тяжб. Мы решительно утверждаем, что с теми средствами, какими постоянно располагало сербское правительство, и при той степени зрелости, на какой давно уже находится масса сербского народа, Сербия должна бы сделать несравненно большие успехи, и если не сделала, в том виновато правительство и сербская так называемая интеллигенция, которым народ вверил свою судьбу безотчетно.

Народ сербский желает прежде всего просвещения и жертвует на эту цель охотно, сколько может; а как распоряжается этим правительство? Оно из общего бюджета почти ничего не тратит на учебные заведения, а пользуется для этого народным фондом, который несколько лет собирался по 1 рублю с порезской души* и назначен был для одних народных школ, что дало бы возможность прибавить жалованья сельским учителям по крайней мере в полтора раза <...>. Вообще просвещение, медицина и почта получают самое малое содержание, и на их счет процветают полиция и войско <...>.

Я уже заметил, что сербская семья собственно состоит только из мужа и жены и из одних кровно родных, семейного же круга почти нет: у мужа

* От сербск. *пореска душа* — налогоплательщик. *Порез* — налог.

свои знакомые (мужчины — *А. Ш.*), у жены свои знакомые (женщины. — *А. Ш.*), и между ними сношений весьма мало. Таким образом, несмотря на то, что у сербов нет затворничества женщин в настоящем смысле, — женский круг для постороннего человека малодоступен. Разделение знакомств мужа и жены отчасти происходит от того, что между самими супругами большая разница в образовании, следовательно, совершено различны должны быть их вкусы и в выборе знакомых. Действительно, вы часто встретите мужа с заграничным образованием, а жена его получила едва первоначальное образование; он занят наукой и политикой, она же не знает ничего кроме своей кухни, шитья, вязанья и других ручных работ. До недавнего времени для женского образования существовали только низшие школы, да несколько частных пансионов, в которых у какой-нибудь сербки из прека собиралось девочек 10, и обучались они почти тому же, чему и в низших народных школах. Все преподавание в них до сих пор ограничивается первыми началами грамотности, выучиваньем наизусть нескольких плохих учебников, и отчасти лепетаньем самых обычных фраз на немецком или французском языке, и, наконец, рукоделием. О методе здесь и говорить нечего, а вспомогательными средствами служат обычные наказания — за уши, за волосы, на колени, и вдобавок сажание на несколько часов в подвал, где ребенок может натерпеться разных страхов и еще схватить ревматизм. Такое варварство существует и поныне.

Итак, огромная разница в образовании кладет первую разницу между мужем и женой, а затем эта разница становится еще больше, вследствие совершенно различного образа жизни, о которой мы уже говорили: его никогда почти нет дома, а ей из дома почти никогда нельзя выйти. При всей этой разнице, в жизни их вы не найдете ни малейшего разлада. С одной стороны муж имеет весьма ограниченные требования от жены; а с другой, нужно отдать справедливость сербской женщине, что она умеет подойти как раз под уровень нравственных понятий мужа, которыми обусловливаются все их семейные отношения, например, к детям, к знакомым и к различного рода житейским потребностям. Мало того, попав за порядочного мужа, она старается вознаградить недостаток образования чтением. Вообще я не встречал здесь, чтобы у хорошего мужа была плохая жена. Детей содержат в своем роде хорошо, по крайней мере чисто, и не преследуют дисциплиной. Они отлично готовят кушанья, особенно хороши у них различные пирожные из теста — паты, штрудли, крофли, ливанцы, миндальные и т.п. и хороши всевозможные варенья. Говорят, что они слишком любят наряжаться; я этого не заметил <...>.

Сербская женщина все еще живет под деспотией мужчины, но в Белграде она значительно эмансипировалась, и разнузданная жизнь мужа не обходится ему даром: жена может развестись. По этому поводу митрополит белградский имеет множество дел, причем в Белграде и вообще в городах часто требуют развода жены, а в селах — мужья. Поводом служит большей частью супружеская неверность, а истинные причины, конечно, коренятся глубже, в ненормальных отношениях супругов и в способе женитьбы, не зная почти друг друга.

Действительно, женитьба здесь совершается даже между образованными людьми очень странно. Мужчина совершенно не знает девушку, кроме того, что видит ее лицо несколько раз, и она ему понравилась лицом; он даже не разговаривал с ней ни разу, а только расспросил людей, справился о приданом и делает предложение. Обручившись, он бывает уже каждый день; но после обручения разойтись неловко. Впрочем, отказ может быть только со стороны мужчины, а со стороны девушки никогда: у нее единственная цель выйти поскорее замуж, об ее женихе говорят хорошо, другого мужчины она не знает, следовательно, выбора с ее стороны никакого быть не может. Немудрено, что, женившись, потом каются. Девушки обыкновенно не заперты, но видеть девушку довольно трудно, а поговорить с ней и вовсе нет случая. Если вы пришли в дом в гости, она подает вам сладкое, ракию и кофе, подаст и станет перед вами немного поодаль, опустивши глаза в землю и ждет только, чтоб исполнить троекратный обряд угощения, затем скроется в другую комнату: она выходит всегда точно на показ. Молодые люди обоих полов не только не оставляются ни на минуту наедине, но девушка ни на шаг не смеет отойти от матери, отца или какой-нибудь близкой пожилой родственницы. При недостатке общественных собраний и увеселений — сербская девушка действительно растет как затворница. Ее не пускают даже в церковь. На вопрос мой одной молодой женщине, почему это так, она мне ответила: «Что делать девушке в церкви? Она не станет молиться, а будет только на молодых мужчин смотреть». «А замужняя?», — спросил я. «Замужняя не станет смотреть на чужих, потому что имеет своего».

Опыт показывает, что часто бывает совершенно не так; но этот принцип вкоренен глубоко, и девушка растет так, что не видит ни солнца, ни месяца, «*нити знаде на чем жито расте*»*, по выражению народной песни.

---

* ...*нити знаде на чему жито расте* (сербск.) — ... не знает даже, где хлеб растет.

Мужчины, впрочем, даже получившие заграничное образование (кроме воспитывавшихся в России), не чувствуют ни малейшей потребности в женском обществе, взгляд их на женщину слишком материальный и односторонний, и покуда не изменятся их понятия, не изменится и положение женщины; от полузатворничества ей будет постоянно только два исхода: быть работницей в тесных границах своего собственного дома или, подобно мужчине, отдаваться самой разнузданной жизни.

В Белграде много красивых женщин, в особенности девушек. Вот вам тип: правильный профиль, тонкие все черты лица, большие глаза — черные или темно-голубые, спокойно глядящие через бархатные ресницы из-под тонких смежных черных бровей; лицо белое как мрамор, и редко увидите на нем игру румянца; как мрамор, оно холодно и неподвижно. Когда молодая женщина, сидя дома, окутает голову легким платком так, что он прикрывает и часть подбородка, она напоминает те классические головки в таких же покрывалах, с которых у нас в школе учатся рисовать. Вечно потупленный взгляд и какая-то неподвижность в лице молодой сербской женщины как будто скрывает тайну ее мыслей и желаний, и отнимает у него жизнь и выражение. Вся она тонкая и стройная, но грудь впалая, в движении неловкость и вялость. Такая красота проходит очень рано: вскоре после замужества такая женщина теряет всю свежесть лица и прибегает к вспомогательным средствам. Многие из них в молодых годах умирают чахоткой; поэтому у сербов очень много людей, которые женятся два или три раза, а между духовенством в Белграде из 12 лиц четверо вдовцов, людей еще молодых. Не следствие ли это ненормальной, слишком замкнутой жизни? Им, вероятно, обязано целое поколение сербов стройных, с хорошо развитыми, крепкими мышцами, но с слабою грудью и также, как их матери, часто умирающие от чахотки. Есть, впрочем, и другой тип женщин, более крепких, кряжистых, которые в годах становятся довольно широкими, но все-таки не столь дебелыми, как некоторые наши женщины, живущие в изобилии и довольстве. Толстых и жирных людей, как у нас, в Сербии вовсе нет.

Вот вам сжатая характеристика различных элементов, из которых состоит белградское общество <...>.

Я приехал в великий пост, который здесь однако не отличается от обыкновенного времени ни особенным протяжным звоном в церквах, ни прекращением увеселений (первый год не было этих увеселений совершенно по другим причинам, а на второй год продолжался весь пост театр[23]), и пища в большей части гостиниц, да и в частных домах, продолжалась скоромная. Каждый день можно было видеть, как почтенный сербский гражданин, на-

дев на палец лопатку барашка, торопливо шел с базара домой, чтобы дать жене пораньше приготовить к обеду его любимое печенье; иные для разнообразия постятся только в среду и пятницу. Первый народный праздник, который мне привелось видеть в Белграде, был — *цветы** (так называют здесь вербное воскресенье). Праздник этот тем особенно важен для сербов, что на него совершилось второе восстание для освобождения от турок под предводительством Милоша Обреновича (в 1815 г.), и от него ведет свое возрождение княжество Сербия[24]. Наконец, за вечерней было освящение вербы; но при этом присутствуют почти одни дети. Получив по вербочке в соборной церкви из рук митрополита, дети двинулись через весь город по Абаджийской улице к церкви Вознесения, оттуда поднялись на Теразии и пошли назад. Впереди несли свечи, рипиды и другие какие-то церковные принадлежности, за ними шли певчие в особенных костюмах, а остальные все с вербочками, и все одни дети до нескольких сот; все это идет и поет со всем усердием, а у многих в руках колокольчики, которыми они то и дело позванивают. Воротившись в собор, все оставили там свои вербочки до заутрени. На другой день праздник был на весь город: все лавки и гостиницы заперты, везде вывешены трехцветные флаги, все консульства также распустили огромные флаги на высочайших шестах, а в чаршии узенькие улицы до того были увешаны ими, что приходилось идти почти под ними. До обедни все войско, регулярное и народное, собралось перед конаком на улице, князь вышел на крыльцо в своем дворе, и войско перед ним дефилировало. Затем все отправились в церковь. Вечером была иллюминация, состоявшая в том, что в каждом доме на окнах выставлены были свечи, а в одном месте на Терезиях на столбе в железном сосуде горела смола и, кипя, собственным потоком лилась через края. Это зрелище в особенности привлекало публику. Около 8 часов из крепости вышел военный оркестр и играл все время, направляясь к княжескому конаку. Впереди шла толпа ребятишек под предводительством жандарма, и то и дело кричала «ура!» Перед конаком музыка играла до 9 часов, а мальчишки три раза прокричали «ура», потом все разошлись. В то самое время несколько музыкантов из граждан ходили по всему городу, играя страшную разладицу и тем забавляя публику, которая важно прогуливалась. Публика, надо заметить, никогда не принимает участия в этих криках «ура» и в других выражениях подобного восторга; она считает это ниже своего достоинства и предоставляет такие демонстрации детям, что последние очень усердно выполняют, как гражданскую обязанность <...>.

---

* *Цвети* (сербск. — ударение на первом слоге) — Вербное воскресенье.

Пришла, наконец, страстная неделя. Я все не замечал поста, потому что меня в гостинице продолжали кормить скоромным. Однажды утром я схожу вниз в кофейню, чтоб получить свой белый *кофе**, сажусь в обычное место и в приятном ожидании читаю газету. Но кельнер решительно обо мне не заботится; а между тем сам преспокойно наслаждается у шкапчика, пропуская рюмочку лютой *ракии***. Я решился напомнить о себе. «Э! Так господин ждет белого кофе?», — спросил он, как бы удивленный. «Нынче великая пятница, нынче белого кофе нельзя получать; а если хотите черного». «Ну, хоть черного». «Это можно». Подавши мне черный кофе, сам снова приложился к шкапчику; видимо повеселев, он подошел ко мне и, утирая губы, начал поучительно говорить, какой страшный грех не почитать великую пятницу. «Завтра суббота — ну, тогда можно опять», — заключил он свое поучение. Это был истинный славянин и вполне был бы добрым русским.

С четверга страстной недели до вечера субботы — непрерывный базар, но уже продается не фасоль, лук, чеснок и коренья, а целая баталь-джамийская площадь*** покрылась гурточками овец и ягнят: другой живности, птиц и свиней, на этом базаре вовсе нет; птицы на обыкновенных базарах, а свиньи больше осенью. Вы всюду встречаете такую сцену: взваливши целую овцу на плечи и, держа ее за ноги, свесивши наперед, тащит ее простой серб за своим покупателем горожанином или сам хозяин несет ягненка; кругом слышится блеянье ягнят и овец, разговор покупателей с продавцами. Которые, впрочем, держатся важно: одни выбирают пожирнее, другие норовят продать подороже.

Пасха в праздновании не представляет ничего особенного: крашеные яйца есть, но недостает нашего христосованья. На пасхальной же неделе случился и Юрьев день (23 апреля), играющий важную роль в жизни сербов. Юрьевым и Дмитровым днями**** определяются сроки наймов: кухарок, горничных, кучеров и других рабочих людей; сроки найма квартир; с Юрьева дня начинается настоящая весна, лес оденется листом, земля покроется травой; с этого дня, там, где есть общее стадо, все сгоняют коз и овец, доят их в один раз всякий своих, а потом уже в продолжении года

* От сербск. *бела кафа* — кофе с молоком.

** От сербск. *љута ракиjа* — крепкая водка.

*** Площадь, на которой в средние века находилась Батал-джамия (от сербск. *џамиjа* — мечеть).

**** Юрьев день (от сербск. *Ђурђев дан*) — 6 мая; Дмитров день (от сербск. *Митров дан*) — 8 ноября.

доят, не разбирая, кто чьих, а соображаясь только с припадающим ему количеством. «Юрьев данак — гайдуцкий состанак (сбор)»* — гласит сербская поговорка: в этот день каждый гайдук приходил к условленному дереву, делал засечку, и после по этим засечкам каждый соображал, сколько их осталось в живых, сколько убыло и сколько прибыло, и насколько, следовательно, можно развернуть свою юнацкую деятельность. Много разных обрядов и поверий соединено с этим днем. Добрый скотовод раньше этого дня не заколет ни одного ягненка; первый заколотый ягненок посвящается Юрьеву дню <...>.

У сербов и вообще югославян Бог и святые являются необыкновенно грозными и веру своих адептов подвергают страшным искушениям. То требуется живую мать от живого ребенка замуровать в стену; то сам Саваоф, путешествуя по свету для испытания веры своих людей, является к одному бедному человеку и заствляет его испечь собственного ребенка <...>.

Марков день** не имеет у сербов никакого особенного значения, но в Белграде на него слава в палилулской церкви, на кладбище, и потому собирается народу множество и довольно из отдаленных мест <...>.

С 9-ти часов здесь все уже по домам и собираются спать, а в 10 часов наверное все спят, вкусно поужинавши и выпивши положенную порцию вина или пива. Так было по крайней мере первые два месяца (март и апрель 1868 г.), проведенные мною в Белграде <...>.

За несколько месяцев до топчидерской катастрофы[25] чувствовалось какое-то ненормальное состояние. Общественных увеселений нет, а если и устраиваются, то не удаются; даже по домам и семействам не собираются, все будто боятся друг друга; в кофейнях — молчаливое чтение газет, питье и еда, и никаких разговоров; полное недоверие друг к другу. Часто слышался ропот на министров и на князя; говорилось, что из внутренности Сербии являлись к князю люди и лично ему заявляли недовольство народа; говорили о каких-то письмах к князю, министру внутренних дел и митрополиту; носился слух о существовании какого-то заговора; по ночам иногда ходили конные патрули, необычные в обыкновенное время, значит, и полиция что-то заметила. Были различные предсказания и предупреждения в иностранных газетах. Министры продолжали действовать, игнорируя общественное мнение, которое ясно высказывалось тем, что

* От сербск. *Ђурђев данак — хајдучки састанак:* Юрьев день — сбор гайдуков.

** Марков день (от сербск. *Марков дан*) — 9 мая.

оппозиционный журнал «Сербия»[26] с каждым днем приобретал все больше подписчиков, а полуофициальный орган министра внутренних дел «Видовдан»[27] с каждым днем терял их, что однако не мешало ему, лая на луну, успокаивать своего хозяина и уверять, что все обстоит благополучно <...>.

Князь не показывался нигде в обществе. Два литературно-музыкальных вечера «певческого общества» не удостоились посещения ни его, ни министров; на вечер, данный чехами он обещал быть, его ждали до последней минуты, он велел только дать знать ему, когда все соберутся, и не был, вследствие какой-то сплетни, а сплетен в то время была тьма, потому что ими занималось и само правительство. Почти каждый день князь отправлялся в обществе своей двоюродной сестры Анны Константинович[28] и ее прекрасной дочери Катарины[29] в Топчидер, но и здесь они тоже не оставались там, где были все, а удалялись в глухие места *кошутника** (загороженный лес, где содержатся дикие козы, по-сербски — *кошуты*).

Все отношения были самые натянутые; во внутренних делах — гнет и несправедливость; в политике — ложь и путаница; в обществе — много шпионов; провинциальные начальники — то же, что паши в Турции, жандармы и пандуры, набранные из разных стран, заменили янычар.

Не того я ожидал от Сербии, не то я думал найти в Белграде, и в первых же числах мая предпринял экскурсию во внутренность.

В конце мая <...> пришло известие об убиении князя. Тогда было не до путешествия, и я поспешил в Белград.

Не доезжая немного до Белграда, я встретил телегу, набитую пассажирами, и между ними нашелся один мой знакомый. Он вышел ко мне из повозки: на фесе креп, на руке также, держит в руках какую-то восковую свечу, тоже всю обвитую черными лентами; мне показалось, точно весь он залит чернилами. Не здороваясь, он показывал мне свечу, с которой присутствовал при погребении князя, и бессмысленно лепетал: «Вот... дождались... нет нашего отца! Мы теперь пропали!..», и начал хныкать передо мной. Другие тупо смотрели на эту сцену и сами старались настроиться печально; а я припоминал себе, что этот самый человек за несколько дней перед тем бранил и князя, и все его правительство <...>.

Я воротился в Белград 5-го июня, когда князя уже схоронили, главные преступники были схвачены и продолжались аресты их соучастников. В наружности Белграда произошла большая перемена: все дома были ре-

* От сербск. *кошутњак* — загон для оленей.

шительно укрыты черными флагами, на ином доме было их несколько и такие большие, что от крыши спускались до земли; весь город стал точно какой-то закопченный. Но еще более резкая метаморфоза произошла с людьми: иных совершенно нельзя было узнать; таким образом, эта катастрофа показала мне людей в настоящем их виде.

Ничтожество в эту минуту ударилось в ханжество, подлость пустилась в доносы, тупость и варварство требовали пыток и казней; но к чести граждан Белграда должно сказать, что в общем итоге они держались с достоинством, были сдержанны и умеренны, как в выражении сожаления к князю, так и в обвинениях. Большинство, как это оказалось потом на скупщине, винило во всем полицию и требовало реформ. Были люди, которые когда-то либеральничали, а тут на них напал такой страх, что они спешили куда-нибудь уехать. Напротив, я знаю одного человека, который больной, осужденный докторами на смерть, в день катастрофы был уже в Земуне, чтоб отправиться за границу; когда это случилось и брошена была клевета на всю оппозиционную партию, в которой он был не последним звеном, он остался, чтоб разделить долю своей партии. Убогие журналы вместе с толпой не находились ничего больше сказать, как предаваться плачу на всевозможные вариации. Благо, что скоро провозглашен был Милан[30] князем, по крайней мере, явилась новая тема: поздравления молодого князя в стихах и прозе, и прославление его будущих подвигов. В это время «Сербия», редактора которой таскали уже для допросов в крепость, не предаваясь праздным ламентациям, смело говорила, что не плакать время, а подумать о своем положении, что Сербия находится в состоянии переворота и ей предстоит великая задача внутреннего переустройства и поддержания своего положения во внешней политике. Нашлись люди, которые ухватились было за это, как за доказательство причастности редактора к делу; но опять-таки общественное мнение было серьезнее мнения этих «*кукавиц*»*, как их называют сербы, и всякий честный человек в то время от души сказал ему «спасибо и слава!» <...>.

С этого момента, собственно, начинается политическая жизнь сербского общества. Несмотря на весь террор в первое время, политические убеждения даже тогда высказывались смелее, нежели то было прежде: явилась борьба партий, выступили наружу их различные оттенки; много было и страха, нельзя было ручаться, что по какому-нибудь показанию,

* *Кукавица* (сербск.) — кукушка, (перен.) трус, подлец.

добытому палками и другими подобными способами, не потянут и вас туда же в крепость, но все-таки было какое-то движение, была жизнь между страхом и надеждой, а не прозябание, подобно растению, когда в нем весь жизненный процесс скован зимней стужей <...>.

Политические деятели в Сербии разделяются на чиновников и журналистов, которые усвоили название интеллигенции, в отличие от другого фактора в политической жизни — скупщины, которая должна бы служить представителем целого народа и всех слоев его общества, но в сущности есть не что иное, как представитель исключительно необразованной массы горожан и поселян; из образованных классов сюда могут попасть только священники, но, к сожалению, и большинство священства по развитию должно поставить в один разряд с массою. Следовательно, скупщина, главный фактор политической жизни, вследствие неразвитости ее активной деятельности, инициативы ни в чем иметь не может, и бывает пассивным орудием в руках правительства или какого-нибудь демагога. Но с 1858 года в продолжении последних 10-ти лет Сербия настолько перевоспиталась, что появление какого-нибудь демагога вроде Вучича[31] невозможно. Сербия с того времени слишком централизована. До 1858 года внутри Сербии постоянно происходили движения, независимые от Белграда; теперь без Белграда оно немыслимо нигде. Это показала прошлогодняя катастрофа. Внутри Сербии никто не знал, да и не хотел знать Милана, и когда Блазнавац[32] произвольно провозгласил его с помощью войска, т. е. главным образом с помощью жандармов, собранных, как у нас говорится, «из-под борка, из-под сосенки», — внутри Сербии против этого было неудовольствие: явно говорилось, что это что-то не так, что до скупщины никто не смеет назначать князя и т. п.; но всякий почти серб теперь солдат, с первого же момента все были поставлены под ружье, а как скоро человека поставили во фронт, он перестает быть человеком и делается слепым орудием дисциплины, следовательно, свободное, независимое движение невозможно. Я уверен, что народному войску Сербии никогда не придется освобождать своих братьев из-под турецкого ига, для чего оно будто бы назначено, но оно служит и уже успело значительно услужить той самой цели, для которой Сербия опутана целой сетью полицейских чиновников с их помощниками-пандурами и *кметами** (сельские старшины и городские головы), т. е. централизации. Эта система, над которой особенно много работала целая история Франции и которая Наполеоном[33] доведена до совершенства, усвоена все-

* *Кмет* (сербск.) — член правления городской или сельской общины, сельский староста.

ми деспотическими правительствами Европы, и в Сербии имела самого преданного адепта в лице князя, а главным творцом ее был Гарашанин; министр внутренних при Михаиле, Никола Христич[34] был только верным ее последователем и исполнителем.

Итак, главный фактор парализован невежеством и централизацией; остается интеллигенция, между которой чиновники не могут быть деятелями, потому что в скупщину они не допускаются, а чиновник в канцелярии то же, что солдат во фронте. Итак, остается только посредственный способ действия, т. е. действие на общественное мнение посредством журналистики, в которой участвует вся интеллигенция. Следовательно, говоря о политических деятелях, мы должны ограничиться одними журналистами.

К сожалению, несмотря на то, что у сербов есть значительное количество журналов с общественно-политическим характером, централизация видна и в них. Две газеты чисто правительственные: «Сербские новины» (официальная)[35] и «Единство» (полуофициальная, получающая от правительства субсидию)[36]; одна, «Видовдан», постоянно заявляет, что ее принцип служить правительству; другая, «Световит»[37], собственно политического характера не имеет, но в своей тенденции ставит на первом плане услуги правительству, и потому ее страницы всегда открыты для статей Бана[38], бессменного слуги постоянно меняющихся правительств. Следовательно, все эти четыре органа не представляют никакого общественного мнения, никакого политического принципа, так как принцип служения лицу, династии или клике не заключает в себе ничего политического. Остается поэтому одна «Сербия», как орган по крайней мере одной партии, и именно партии либеральной, о которой единственно и можно говорить как о политическом деятеле.

Во время самого тяжелого гнета при князе Михаиле, в особенности направленного против либеральной партии, люди, принадлежащие к ней, держались 10 лет с твердостью и мужеством, какие можно найти только у людей крепких убеждений других просвещенных наций: многие подвергались изгнанию из отечества, другие терпели тюремное заключение, ссылку во внутренность, лишение гражданских прав и устранение от всякой общественной деятельности; с одинаковым мужеством они держались и во время террора после 29-го мая 1868 года. Можно было сказать, что это люди идеи, крепких убеждений и железного характера. Но настало другое время, гнет снят, повеяло как будто бы свободой, в правительстве говорится о либеральных принципах, как единственных, могущих осчастливить Сербию и избавить ее на будущее время от переворотов; либеральные люди с правителями в самых интимных отношениях, некоторые

из них получили важные государственные посты, один даже получил портфель двух министерств; другие министры, кроме одного, — все с более или менее либеральным направлением. Одним словом, либеральная партия и правительство, явно называемое всеми либеральным, слились воедино. В это время и «Видовдан», кричавший прежде постоянно, что сербский народ незрел для свободных учреждений, стал проповедовать, что сербский народ способен к тому больше, чем всякий другой. Но, конечно, тот был бы крайне глуп, кто поверил бы в такую неестественную и быструю метаморфозу. Либералы в этом отношении, изобличая неискренность «Видовдана», не замечали той дисгармонии, которая была, очевидно, в их союзе с правительством. Источник этого заблуждения двоякий: с одной стороны, неясное понимание, а с другой, как будто, желание отдохнуть и нежелание продолжать оппозицию, которая уже начинала сильно утомлять их. Впрочем, последнее эгоистическое побуждение было причиной второстепенной, главной причиной остается то их заблуждение, будто возможно моментальное изменение убеждений, и неопределенность их собственных принципов, так что, собственно говоря, между либералами и консерваторами коренной разницы в политических принципах не существует. В Сербии всякий — демократ и либерал; но для ясного понимания этих принципов и проведения их в жизни необходима известная доля просвещения, которой всякий, конечно, не обладает. Проводя параллель между консерватором и либералом в Сербии, перебирая по одиночке людей того и другого направления, мы не найдем между ними большой разницы, если не сказать почти никакой. В либералах найдем только больше стремления мотивировать свою деятельность чистым принципом, но стремление к цели не есть еще постигнутая цель. На либералах наглядно видны следствия ложных оснований, положенных в их образование. Слишком материально понимаемый реализм и узко понимаемая практичность и здесь, как в науке, сбивают серба с истинного пути. Во всем у них компромисс, вечная сделка ума с капризной волей, реальной истины с ее практическим ограничением, и бродят они без этой истины, как в темном подземелье без света, и не находят выхода из своего тесного лабиринта. Смешно и жаль было смотреть на этих людей, когда они, служа подножием хитрому эгоисту, с детской наивностью говорили: «Мы — правительство». Теперь и им стало ясно их положение; но что они бедные выстрадали! Правительство третировало их как своих рабов, которые не смеют поднять головы, консерваторы с полным правом упрекали их в холопстве, а со стороны либеральной молодежи, которая единственно была за них, дожили до скандала. Имевши в провинции прежде доброе имя

людей честных и служащих народу и идее, они в последнее время потеряли там уважение и всякое значение.

Я несколько долго остановился на том политическом процессе, который совершился в последнее время в сербском обществе потому только, что и в этом высказываются основные черты сербского характера. Серб отважен и не боится насилия; силой и страхом из него ничего не сделаешь. Но вы можете всего достигнуть, действуя на его самолюбие, что очень легко, потому что он крайне самодоволен и легко поддается самообольщению. Он любит, по сербскому выражению, «уживати», т. е. наслаждаться жизнью, и это его главная цель; он боится умереть, не вкусивши этой сладости, и потому, перенесши очень много, терпя и страдая, он вдруг останавливается, схватывает то, что ему дают, и сорвав эту, иногда самую ничтожную ставку, забастует. Он упрям и, сделавши ошибку, понимая ее сам, не сознается перед людьми и будет действовать вопреки своему убеждению, чтоб не выдать себя; сознаться в своей ошибке по указанию другого он еще меньше способен вследствие крайнего самолюбия. Не имея достаточного просвещения, но, сделавши некоторый успех настолько, что это заметно и постороннему, сербы преувеличивают свои успехи и приписывают их каким-то особенным способностям, которыми обладает их народ. Этому помогают отчасти и отзывы путешественников, между которыми иные лгут из политических видов, а иногда просто из материального расчета, так как эта ложь иногда награждается деньгами, а другие, — вследствие того, что не в состоянии войти в жизнь народа и судить об нем по одной выставке, которая подготовляется часто правительством. Вследствие этого самодовольства является самонадеянность, парализующая их энергию и деятельность: они мало трудятся, не заботятся об основательности, не любят ни во что углубляться, любят схватывать вершки и тотчас с ними напоказ. Действуя на эти слабые стороны сербского народа и оставляя его в иллюзиях, не затрагивая только национального чувства, им можно владеть как угодно <...>.

Правда, от Сербии, существующей политически всего полстолетия, я требую в некоторых случаях тех самых успехов, каких другие государства достигли в продолжении двух-трех столетий, следовательно, как бы упускаю из вида одного весьма важного фактора во всем, — время. В этом отношении Сербия, как и всякое, в новое время возникающее государство, имеет ту выгоду, что многое, до чего другие доходили долгим путем поисков и борьбы, она находит уже готовым: ей не нужно отыскивать, а только суметь применить к своим потребностям; время ей нужно только для укоренения того или другого учреждения, той или другой принадлеж-

ности современной жизни; потом, она имеет выгоду выбора: ее молодежь воспитывается в различных университетах Европы. И еще одно преимущество Сербии пред другими государствами: она не связана преданиями, в ней нет многого, от чего другие рады бы отказаться, если бы это не навязала им история и не связала со всей народной жизнью так, что трудно затронуть одно, не коснувшись всей организации. Так, например, резкое разделение на сословия, которое мешает успехам социальной жизни; привычка к бюрократическим формам и правительственной опеке, ханжество религиозное и политическое, неравноправность и неравенство в распределении богатств, множество предрассудков в жизни политической и социальной, которые теперь сознаются всеми в образованной Европе, но против которых трудно бороться, потому что время связало их с коренными основами народной жизни. Все это чуждо сербскому народу, но, к сожалению, вносится в жизнь его государственными людьми и учителями в жизни культурной и общественной. В этом отношении нельзя не пожалеть, что Сербия стоит под сильным влиянием Австрии, и еще какой Австрии? — баховской[39] <...>.

Не только различные учреждения Австрии пересаживаются целиком на сербскую почву, но даже самые чувства, политические симпатии и антипатии. Сербское правительство никак не решается открыть в своей великой школе преподавание славянских наречий, и особенно боится русского языка и панславизма. В Австрии это имеет смысл и резон существования; а в Сербии что же, как не австрийский прививок? Явление это понятно, когда вспомним, что все государственные люди Сербии, не исключая и покойного князя Михаила, — вскормленники Австрии. В то же время сербская интеллигенция, увлекаясь примером своих братий в австрийских провинциях, боится швабизма и вместе с тем вообще европейской образованности, и старается разбудить в своем обществе национально-патриотические чувства, которые покровительствуют многим привычкам чисто варварским. А это постоянное таскание всех школ в церковь и с учителями, регулирование даже религиозного чувства, — разве не следствие влияния австрийской католизации? Результатом этого является религиозный индифферентизм, прикрываемый исполнением формы, и этот индифферентизм, соединенный с ханжеством, вообще оказывает вредное влияние на всю жизнь, внося во все отношения ложь и формализм, убивая всякий свободный порыв, всякое стремление к идее и к ее осуществлению на деле. Я заметил даже в молодежи какое-то неестественное отвращение от всего идеального, отсутствие всякого увлечения наукой и идеей, одно исполнение формы и обязанностей. Индифферентизм в рели-

гии, которым сербы отчасти похваляются, порождая собой индифферентизм в жизни и науке, не приносит им того великого блага, которого ищут в нем другие образованные народы, широкой терпимости не только религиозной, но и национальной, гражданской и научной. В них много нетерпимости ко всему чужому, и в этом отношении они много грешат против своих братий *преко*, приписывая им все дурное, не сознаваясь в том, что в этом заключается их свободный выбор <...>. Указывая на вредное влияние Австрии, мы остаемся при том убеждении, что там есть много и хорошего для заимствования, что брать оттуда дурное или хорошее зависит от самих же сербов. В этом случае ответственность падает на правительство и на сербскую интеллигенцию, от которых зависит дать направление политической, социальной и умственной жизни народа, и мы становимся требовательны, потому что лица, которым досталась роль народных вождей, имели все средства стать на одном уровне с подобными людьми других просвещенных народов; у них было время и возможность из всего выбирать лучшее, и если они сделали иной выбор, в том не оправдывает их ни недавнее существование их государства, ни общий низкий уровень народного развития, ни вредное влияние варварской Турции, и никакие другие обстоятельства. В Сербии меня одно удивляло: везде в других странах люди, составляющие интеллигенцию, развиты непропорционально больше, чем масса; в Сербии напротив — интеллигенция стоит ниже того уровня, на котором должна бы находиться, чтобы вполне отвечать развитию своего народа; она в сущности слишком мало отделяется от массы. Может быть, в этом залог будущего счастливого, гармонического устройства Сербии, но покуда это весьма неблагоприятно отзывается на общем прогрессе.

От этих общих рассуждений снова возвращаюсь к своей жизни и наблюдениям в Белграде после первой экскурсии в провинцию <...>.

За обед и ужин мы садились человек по 10, а иногда и по 20 <...>. Меня, как русского, сажали всегда на первое место, я первый начинал каждое кушанье. Всякий вновь прибывший, узнавая, что я русский, задавал мне вопросы о России, которые были такого свойства: какая у нас зима, есть ли горы, какой хлеб сеется, есть ли железные дороги, сколько жителей и пространства, какова у нас скотина, чем торгуют, есть ли фабрики, какие школы, как велика подать, окончилось ли рабство, есть ли народное войско (милиция)[40], как у них, что думает Россия об них, хочет ли она на турка, а затем шла политика, впрочем, исключительно внешняя, в которой каждый серб знает толк дать; многие из них постоянно читают газеты и очень хорошо знают по именам всех главных современных политичес-

ких деятелей. Из наших особенно хорошо знает всякий имена Горчакова[41] и Игнатьева[42], и постоянно спрашивают меня, каковы эти люди; а им они, видимо, очень нравились. К России во всех их — величайшая симпатия.

О сербской внутренней политике они в обществе говорят неохотно, выражаются официально, хваля правительство за его мудрые распоряжения, выражая к князю Михаилу глубочайшую признательность, ставя ему в особенную заслугу приобретение крепостей[43], и видя в заведении народного войска и устройстве оружейного завода в Крагуевце[44] непременное ручательство того, что он освободил бы и остальных славян от турок, если бы пожил побольше. Наедине и в маленькой кучке шли разговоры интимные, и дело доходило до критики действий правительства прежнего и настоящего. Один из них, с которым я несколько времени помещался в одной комнате, выразился по этому случаю так: «Вы не судите сербский народ по толпе, толпа идет за вождем, своей головы у нее нет; а вы поговорите с ним между четырех глаз, или придите ко мне, я позову своих близких людей, да и поговорите, тогда и увидите, что такое сербин, что он думает и чего он хочет». В этих словах много истины и смысла. Наедине и в малом кружке выражаемое мнение у сербов сплошь да рядом противоречит заявлениям тех же людей на каком-нибудь официальном собрании. И я всегда при этом припоминаю вышеприведенные слова: «толпа идет за вождем»; а кто у нее теперь вожди, кроме правительства? Либеральная партия не может выставить ни одного человека, который мог бы стать во главе народа, в противной также нет; и идет теперь народ за правительством, не разбирая, кто стоит во главе: «Кто ни поп, тот и батька!» Все прежние перевороты, не принесшие народу ровно ничего, постоянно революционное настроение, вызывающее особенные меры, вечное ожидание чего-то, — все это утомило народ, надоело ему, и он дошел до политического индифферентизма. Мы можем говорить о различных гражданских добродетелях сербского народа, о его достаточной политической развитости, пожалуй, о его либеральном духе, но не можем придавать этому никакого политического значения. Факторами его политической жизни остаются правительство и образованный класс <...>.

Какой это живой, оборотливый и деятельный народ! <...>

После ужина завязался разговор, весьма разнообразный и интересный объективно по тем сведениям, какие можно было из него почерпать, и субъективно по той характеристике, которая вытекала сама собой из высказывавшихся тут мнений.

Неготинцу[45] особенно не по нутру были воскресные школы, которые вздумало новое правительство заводить везде через посредство полиции.

Говоря о школах, неготинец приходил в странное негодование на то, что он должен посылать в школу своего работника или приказчика: «Да разве я его для того держу, чтобы он в школу шлялся? Мой приказчик и в воскресный день не смеет у меня отлучиться: неравно на что понадобится. Хотят также, чтоб мы своих девочек туда посылали. Это еще к чему? Да моя дочь и дома выучится всему, что ей надо. Выдам я и без того свою дочь за лучшего человека, войдет она в богатый дом, в полное хозяйство; не книжки ей тогда читать. Да и учить-то некому». Последнее заключение он сделал на том основании, что лучший, по его мнению, учитель не принял участия в этих школах; а достоинство того учителя, по словам его же, заключалось в том, что у него дети по струнке ходят, а что он много знает, видно из нажитого им имения и из того почета, в каком он состоит у своего начальства.

Из этого не следует однако выводить, чтоб серб не понимал важности учения; напротив, сербы очень охотно дают на школы и на каждой скупщине делаются предложения новых пожертвований; но они не терпят навязывания и особенно через полицию, которая у всех в страшной ненависти. «Да как и не быть ненависти!» — заметил пожаревлянин[46], — «ведь начальники у нас все общество расстроили. Мы-то пошли друг на друга, друг к другу веры нет». «У нас тоже», — подхватил неготинец, — «чуть что поговоришь в кофейне, уж начальству все известно. На другой день зовут к начальству: ты говорил то и то? Говорил. Взять его <...>. А там от министра приказ: немедленно чтоб явился в Белград; а не явится волей, препроводят с жандармами. А за что? И куда жаловаться? Если мне сделают какую неправду в суде, я пойду в апелляцию[47]; там не найду управы, — в кассацию[48]; а на полицейских и суда нет».

Унтер старался во всем обвинить общество, так как откуда, как не из него же и берутся и шпионы. На это возражал пожаревлянин: «Легко найти дурного человека в каждом обществе. У нас есть один такой, который тем только и живет, что лжет, да обманывает, да чужие дела расстраивает. Бывало, узнает кто, что у нас сладилось какое-нибудь дело, которое хотелось бы ему самому, — подошлет его, и дело расстроилось. Вот такого-то человека найдет начальник и мутит через него целое общество. Все его бояться, потому что он всегда может оклеветать. Или возьмет начальник какого-нибудь пандура, просто *геака** (поселянина, ничего, кроме земледельческого труда, не понимающего), научит его, он и шпионит».

---

* *Геак* (сербск.) — мужик, деревенщина, невежда.

Что это не пустые жалобы, подтверждением служит скупщина 1869 года, и то упорство, с каким все скупщины не допускают к выбору чиновников[49]

Живя почти год в одном и том же обществе, как в одной семье, имея для наблюдения сотни лиц, я заметил, <...> что у сербов, как и у нас, жители одной местности дают различные прозвания жителям другой и рассказывают о них разные характеристичные анекдоты. Удивительно встретить такое сознание разности в жителях Сербии на таком незначительном пространстве и при таком незначительном населении; но эта разница существует действительно, и причина ее заключается в том, что княжество Сербия населялось и до сих пор продолжают в него доселяться из различных местностей: из Боснии, Герцеговины, Старой Сербии, Болгарии и др. <...>.

На театр сербы смотрят очень серьезно и с точки зрения чисто реальной: они требуют, чтоб он изображал им действительную жизнь, настоящую или прошлую, и в этом изображении ищут разрешения занимающих их политических и общественных вопросов. К сожалению, сербская литература, хотя для изображения прошлого имеет кое-какие исторические драмы и трагедии, но к настоящей жизни и не прикасалась, и потому угощает свою публику переводами, и то неудачно: она довольствуется только пустыми водевилями и фарсами, или странными, рассчитывающими на один грубый эффект мадьярскими комедиями. Поэтому публика к театру довольно равнодушна; но нужно посмотреть на эту публику, когда дается пьеса, задевающая ее чувство: она вся отдается сцене, и шлет свое одобрение или неодобрение не актерам, а тому или другому действию или личности, выведенной на сцене. Я слышал, как вся публика с актерами вместе пела песню: «Восстань, восстань, сербин, восстань за свободу! На ноги, сербы-братья! Свобода нас зовет!» Один раз на сцену выведен был шпион и пролаза, публика пришла в ярость и крикнула «Вон Бана, вон!» — и Бан, чиновник каких-то тайных поручений, презираемый всяким честным человеком, но ласкаемый всяким сербским правительством, должен был уйти из театра <...>.

Как ни серьезен, ни расчетлив, ни практичен серб, он часто отдается мечтам и фантазиям. Чиновник, будучи еще практикантом, мечтает сделаться министром или сенатором[50], основываясь на том, что многие попадали в эти высокие звания, едва зная грамоте; всякий министр или сенатор мечтает сделаться, если не князем, то <...> по крайней мере первым лицом после князя; а сколько теперь готовятся в кандидаты на различные высокие посты, которые должны открыться, когда Сербия присоединит к себе Боснию, Герцеговину и Болгарию! <...>.

Оставим важных людей мечтать и гадать, и обратимся к отдельному маленькому миру, не занимающему никакого общественного положения, <...> — я разумею мир детей <...>.

Надзора за детьми нет почти никакого, они совершенно предоставлены сами себе, и при всем том проказ у них очень мало. Шляющихся детей без дела там нет: они непременно исполняют какие-нибудь службы <...>. Учатся они и ходят в школу очень охотно. Один знакомый мне маленький мальчик пешком пришел в Белград из Ужица[51], чтоб поступить в реальную школу, и это было его собственное сильное желание. Но в то же время случалось видеть, как шестилетнего ребенка, барского воспитания, тащит в школу лакей.

Вообще здесь детей очень рано отдают в школу, чтоб избавиться от обязанностей заботиться об них дома. Держат их дома довольно порядочно — не мучат дрессировкой и чисто одевают. Но иногда вы встретите довольно оригинальное домашнее обучение. Так, отец спрашивает маленького сына (большей частью при гостях): «Кто ты?». Он отвечает: «Сербин». «Где пропало Сербское царство?» — На Косовом поле. — «Кто погиб на Косовом поле?» — Царь Лазарь, девять Юговичей и все сербское *юнацтво**. — «А еще кто?» — Царь Мурат. — «Как он помер?» — Его зарезал Милош Обилич[52]. — «Чем же мы помянем царя Лазаря, Милоша Обилича и всех сербских юнаков?» — Вечная им память. — «А Мурата?» — Будь он проклят. — «Кто неприятель серба?» — Турок. — «А еще кто?» — *Шваба***. — «Чего же ты им желаешь?» — Я возьму саблю и посеку им головы...

Конечно, такой оригинальный катехизис преподается не во всех домах; но где только родители принимают на себя роль воспитателей своих детей активно, так воспитание это идет, если не в той форме, то в том же духе.

На такой почве, конечно, трудно ожидать, чтоб могли пустить глубокие корни гуманизм и гражданственность. Один отставной капитан, человек редкой честности и, несмотря на то, что не получил хорошего первоначального образования и развился, так сказать, в казарме и в войне, принадлежащий к лучшим людям либеральной партии, именно в этом воинственном духе и в системе строгой дисциплины воспитывает своих детей; но, как человек очень умный, понимая всю несообразность такого воспитания, нередко пояснял мне: «Видите, в каком мы положении: мы должны из наших детей готовить вместо гуманных граждан — диких сол-

* От сербск. *јунаштво* — геройство, доблесть; здесь — сербские герои (юнаки).

** *Швабa* (сербск.) — шваб; собирательное — австриец.

дат, потому что нам еще грозит война с турками и борьба с варварами, с которыми нужно меряться тем же самым оружием, каким пользуются и они против нас». Конечно, все это только извинения, не имеющие за собой истины, но на этом основании делается очень многое в Сербии: во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами. Вот откуда выходят эти характеры, в которых столько твердости и упорства на время, и которые так легко меняются и уступают в борьбе продолжительной и ведущейся на иных началах; отсюда в сербе развивается упрямство вместо твердости, жестокость вместо истинного мужества <...>.

Но в народе много еще нетронутых, свежих сил: пусть их гнетет политическая система, портит школа, зато их воспитывает дух времени, господствующий в целой Европе, против которого напрасны усилия всей сербской интеллигенции, ищущей спасения в каком-то оригинальном «сербстве» <...>.

Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году.[53] I, II // Вестник Европы. 1875. Т. 6. Кн. 11. С. 5–34

<...> Косовская битва, решившая участь Сербского царства, была только началом целого ряда войн, сопровождавшихся самыми ужасными кровопролитиями и опустошениями, в течение пяти столетий, и мы не можем сказать — окончившихся в наше время. Театром этой пятивековой войны, прерываемой только более или менее продолжительными перемириями, была опять Сербия — прибрежья Савы и Дуная и долины Моравы[54], Дрины[55], Колубары[56] и Тимока[57]. Сава и Дунай составляли вечный фронт двух армий — мусульманской Турции и христианской Австро-Венгрии. То первая овладевала этим фронтом и доходила до Вены, то вторая проторгалась за него и приближалась к Стамбулу.

В Белграде, как в фокусе, постоянно сосредотачивались все силы и стремления борющихся сторон; там видны до сих пор следы попеременного его перехода из рук в руки <...>.

В истории этой страны нет потому почти ни одной отрадной страницы: одна война, одни междоусобия, сопровождаемые кровавыми сценами; Сербия страдала и от турок, и от христиан, иногда вдобавок, природных сербов. История Сербии есть история ее мученичества <...>.

I

Странную смесь представляла Сербия как политический организм. Князь, призванный народом, преданным ему, как сыну народного героя[58], сподвижники которого не сошли еще в могилу, не верит народу, попирает его права в лице скупщины, и, окружив себя бюрократией на австрийской закваске, замыкается в своем *конаке* (дворце) и остается глух и слеп ко всему, что делается в стране. Все внимание сосредоточено на полиции и войске. Вся Сербия обратилась в огромное полицейское управление. Все функции в ней, не только полицейские, но судебные и экономические, отправлялись окружными начальниками (род наших исправников) и капетанами (становыми приставами) со стаей жандармов и *пандуров*, власти которых не было предела. По Сербии шагу нельзя было ступить без паспорта, и даже капетан, зарвавшийся в чужой округ, преследуя воров и убийц, отрешался от должности (конечно, он был уже прежде намечен как неблагонадежный). Каждый поселянин, какое бы и встретил новое лицо, требовал паспорта, хотя не умел бы читать. Быстро также развилась страсть к даванью и получению векселей: самые мелкие грошовые счеты делались на бумаге; потребность в письме явилась огромная; а при малораспространенной грамотности явилась масса фальшивых документов. Вся Сербия обратилась к тяжбам. Открылось широкое поле для сутяг. Пользуясь поголовным сутяжничеством, чиновники извлекали выгоды, не стесняясь самыми бесстыдными средствами <...>.

Промышленности в стране никакой, торговля вся основана на торгашестве и плутне; то и дело злостные банкротства, земледелие упадает; страна наполняется паразитами. Печать задушена. Цензура распространена даже на орфографию. Частное мнение доносится министру и князю, и если оно им не по вкусу, сопровождается преследованием. Шпионство кругом. Общественной жизни никакой.

«Скупщина» — законный орган страны — обратилась в пустой парад, на котором дебютировали министры и их клевреты, а остальные были безгласными свидетелями. «Сербская Омладина»[59], задачу которой состав-

ляло объединение сербства и нисколько не касалось политического строя и социальных отношений, заподозрена, и ее собрание в Белграде разогнано. Рядом с эти совершались колоссальные кражи и мошенничества в военном министерстве, на котором, после полиции, сосредоточено было все внимание правительства.

Какой-то общий гнет, тяжелое чувство выносил всякий, кому в то время приводилось жить в Белграде и вращаться в различных сферах.

А между тем несколько миллионов славянского населения ожидало от этого юного государства своего освобождения и готово было отдаться ему без завета и договора. Сербия считалась югославянским Пьемонтом[60], и ее правительство прежде всех чувствовало в себе то же призвание <...>.

II

Я не знаю солдата более веселого и более исполнительного, чем сербский солдат; его как будто самая жизнь дисциплинировала, он — солдат по природе, по призванию. Поэтому, вольный и непокорный вне строя, серб делается безусловно покорным, как скоро вы успели поставить его в строй. Этим воспользовался Блазнавац, как военный министр, во время топчидерской катастрофы: известивши по телеграфу о случившемся, он тотчас же, не давши народу одуматься, по телеграфу же поставил всю Сербию под ружье под предлогом, будто бы угрожает нападение со стороны Турции, и затем уже мог делать, что хотел. Блазнавац был истый серб; народ знал об его злоупотреблениях, но любил его за военные затеи, мечтая, что он из Сербии создаст такую силу, с которой можно будет целую Турцию разгромить и воссоздать царство Стефана Душана[61] <...>.

Дреновац[62] — бывшее селение из числа *ушоренных**, как называют сербы все селения, в которых дома расположены рядами, улицами, вместе, а не в разброс, как живут большей частью сербы. Ушоренные села созданы Милошем, который вообще любил все регулировать; образцом ему послужили австрийские селения, особенно огромные селения в Банате и Военной Границе <...>.

Отыскиваю священника, чтобы попросить его быть моим руководителем. Скоро меня довели до *попа Ивки*, который на первый раз мало по-

* От сербск. *ушорити* — распланировать, устроить улицу, упорядочить дома на улице.

хож был на попа: одет в какой-то казакин, широкие штаны, башмаки; имея на голове какую-то серую суконную ермолку, с короткими волосами, без бороды, только с черными усами, он скорее похож был на малороссийского казака, чем на священника. Он что-то работал и потому костюм его был приноровлен к работе. Узнавши, что я русский путешественник, он схватил меня за обе руки, притащил к себе, обнял и крепко поцеловал.

«Никогда еще я не видел русского», — говорил он и смотрел на меня так, как будто хотел сразу просмотреть насквозь. Затем появилось угощение, от которого я отказался, объявивши откровенно, что моя цель видеть житье-бытье простого народа, и что я намерен пораньше вернуться в город. Он понял меня и пошел только переодеться. Через несколько минут передо мной был уже настоящий русский священник: та же ряса с более узкими рукавами, и притом вся она не так широка; под низом полукафтанье с широким матеревым поясом розового цвета, на голове род камилавки, только пониже, с округлой верхушкой и небольшим перехватом. И пошли мы по селению. Первое, что кидается в глаза, — это везде заборы перед домами и отсутствие окон на улицу, а если и есть, то с деревянной решеткой. Можно подумать, что там сильное воровство и даже разбои. Ничего не бывало: теперь в целой Сербии мир и тишина, воровство бывает очень редко, вследствие всеобщего довольства; большая часть преступлений относится к разряду насилий, вследствие запальчивости, ревности и мести, нередки также поджоги, вследствие тех же побудительных причин; разбои и грабежи бывают только в местностях, пограничных с турецкими землями. А в таком благоустроенном селении, как все селения по Мачве[63], не слыхать ни воровства, ни разбоя, и решетки в окнах напоминают только прежнее время, когда было полное господство турок, и даже до недавнего времени, когда турки держались в крепостях. По той же причине все дома не смеют прямо выступить на улицу и прячутся за заборами, состоящими из плах, поставленных стоймя плотно одна к другой, со связями между ними <...>.

Входим в первый попавшийся двор. Он очень обширный и застроен домиками меньшего размера и амбарчиками. Это целый хуторок: всего три домика и четыре амбарчика, в которых также живут, не считая амбарчика на столбиках для склада провизии, погреба и построек для домашних животных. Входя в дом, вы прежде всего попадаете в обширные сени с земляным полом и без потолка; влево дверь в комнату, и тут же у стены очаг; несколько отступя от стены, над ним висит цепь с крюком, чтобы навешивать котел для варева; на нем же готовится настоящее сербское кушанье — *печенье*, по-нашему жаркое, которое у них всегда печется на угольях; пекут таким образом на рожне целых баранов и свиней;

тут же на угольях пекут лепешки и хлебцы. Из жидких кушаний употребляется только *чорба** (род похлебки) различных сортов, самое название которой показывает, что она перенята у турок; поэтому, печка в нашем смысле у сербов не существует. Очаг же сербский напоминает огнище у азиатских номадов[64] в их юртах и кибитках. Для вывода дыма над очагом устроена труба, прислоненная к стене. Сплетенная из прутьев и внутри вымазанная глиной с коровьим пометом, она идет, конечно, сквозь крышу и там обмазана и снаружи. Совершенно такие же трубы я видел в малороссийских хатах. Влево из сеней, как я уже сказал, комната: это была обыкновенная комната с полом и вдобавок с печкой, аршина в полтора вышины, с топкой из сеней: это также отступление от чисто сербского устройства. Обычно пол в сербских домах битый из глины или кирпичный, и часть только у передней стены, в виде эстрады или деревянного помоста, поднята вершка на два над каменным полом — и называется патос. Он обыкновенно бывает устлан коврами, сукном или войлоками, и кругом по стене просто подушки, или положенные на возвышении в роде низких лавок, и называются *миндерлук*** — все это турецкое, так что утратился из мебели стол, а вместо него употребляется совра или *софра**** — маленький столик вроде подноса на низеньких ножках. В описываемой мной комнате видно было австрийское влияние: кроме печи и мощеного пола, был стол крашеный, вроде тех, какие употребляются немецкими колонистами в России, несколько стульев; на стене, сбоку, были изображения Христа, Божьей Матери и святых на бумаге, — произведение австрийских дешевых литографий. Передний угол был совершенно пуст, но перед ним свешивался с потолка на шнурке голубь, сделанный из теста, с бумажным хвостом и таким же хохолком, и там же к потолку прикреплены были пучки васильков и шафрана (crocus), — опять непременное убранство переднего угла в каждой малороссийской хате.

Таким образом, иконы, занимавшие когда-то передний угол, исчезли, и заменившие их картины их священные картины стали сбоку; но уцелел один атрибут, указывающий, что когда-то он был также убран образами, как у всего православного люда в России <...>.

Тут же стояла старуха, <...> приложивши руку к щеке, и рассказывала о своем житье, отвечая на мои расспросы; священник пояснил ей, что я брат-рус, пришел издалека, чтобы познакомиться с сербами.

---

* *Чорба* (сербск.) — густой суп.

** *Миндерлук* (сербск.) — низкий диван.

*** *Софра* (сербск.) — низкий круглый обеденный стол.

«Разве опять будет война с турками?» — спросила старуха. Ей нужно было пояснить, что, кроме знакомства, у меня нет никакой другой цели. Она же со своей стороны поясняла нам, что война должна быть, это говорят швабы (сербы австрийские). И еще есть одна примета, что перед войной всегда являются русские с образами, деревянными чашками и ложками, на высоких телегах и на своих лошадях, в упряжи с высокими дугами. Это были офени, приезжавшие к ним, и меня старуха приняла было за них <...>.

Старуха и молодая девушка напоминали мне малороссиянок; подле меня сидел православный священник; мы говорили на своем родном языке; густые листья ореха как шатром укрывали нас от жаркого солнца; наверху раздавались на разные лады крики иволги: во всем столько знакомого, родного, что невольно забываешь, где находишься <...>.

На другой день в 10 часов утра я был уже на пути. Мой путь был к монастырю Петковице[65] <...>.

Начало пути было по хорошей шоссированной дороге. Кругом равнина, усеянная огромными старыми дубами, между которыми большие промежутки, занятые посевом или пущенные под луг, и при этом все пространство обгорожено и разбито на участки. Свободного нет ни клочка земли, вся она присвоена как частная собственность. Огорожа везде состоит из дубовых плах; иной участок разгорожен на несколько частей: луг отгорожен от усадьбы, поле отгорожено от луга; одним словом, на всем пространстве вы видите клетки и деления, точно где-нибудь в середине Европы. А чего стоит такая огорожа! Она стоит того, что ради нее весь лес истреблен, остался только редко — дуб; лес в Сербии сохранился только в горах, где нет жилья и откуда его нельзя вывезти. В хозяйственном отношении это деление имеет еще ту невыгоду, что каждый хозяин должен иметь отдельный выгон и отдельного пастуха; в больших задругах это еще не так ощутительно, но в мелких оно ведет к тому, что они мало-помалу сокращают свое хозяйство и в конце-концов отдаются мелкой торговле, перебиваясь перекупкой и перепродажей. Такое деление всей земли совершено было при Милоше, и наделы производились крайне произвольно, сопровождаясь взяточничеством и насилиями. В основание было положено владение землей при *спахиях** (турецких помещиках): земледельцы, сидевшие на известном *спахилуке*** и платившие определенную дань за известный участок, после про-

* От сербск. *спахиjа* — помещик, крупный землевладелец

** *Спахилук* (сербск.) — поместье, имение.

гнания спахий признаны были владельцами того самого участка; но получили такие наделы и люди, никогда не обрабатывавшие земли, от которых богачи скупали участки, и таким образом возникли новые спахилуки, которыми Милош наделял свою родню и своих друзей.

Сербия — страна гористая; в ней есть превосходные земли, но их немного; они находятся рассеянно по долинам и расширениям их при слиянии рек; остальное же пространство занимают горы и узкие, крутые, ни к чему не годные места. Поэтому такой несправедливый, неровный раздел повел к тому, что хоть кругом и приходится на каждую душу не менее 20 десятин, и если отбросить все плохие места, то одних удобных земель было бы по 15 десятин; а там уже есть пролетариат — люди, которым не к чему руки приложить; вследствие этого непомерно плодится торгашество, а рядом много земель, лежащих втуне, без обработки; цены же на землю высоки, потому что владельцы не нуждаются в продаже их, хоть сами и не обрабатывают. Я знаю, что сербское правительство очень стеснялось приемом переселенцев из Герцеговины, Черногорья и других югославянских земель именно вследствие недостатка свободной земли.

По большой дороге мне привелось идти немного; а там был своротъ, и вот тут-то нужно было уметь напасть на истинный путь. Маленькие селеньица, через которые я проходил, были пусты, потому что все были в поле или на работе. Вижу впереди идущего *селяка* (житель села), догоняю его. «Помози Бог!»*, — говорю ему я первый. — Бог ти помого!** — Како сте? (Как поживаете?) — Фала Богу!*** (благодарит Бога) — Йош како сте? (еще как) — Зафалюем**** (Благодарю). — Ако бог да? (куда идешь?)***** — У Петковицу, — отвечаю и начинаю расспрашивать о дороге. Растолковал он мне дорогу, и я хотел было идти, сказавши: «С Богом!», как он остановил меня вопросом: «Што си?»****** (Что ты — т. е. кто ты таков?). Объявляю, что *рус*. Какой веры? — Православной. — «Знаешь *Отче наш*?» — Знаю. — Поговори. — Читаю «Отче наш», а он

* *Помози Бог* (сербск.) — Бог в помощь.

** От сербск. *Бог ти помогао!* — и тебе Бог в помощь!

*** От сербск. *Хвала Богу* — спасибо Господу; здесь (*фала Богу*) — разговорный вариант.

**** От сербск. *захваљујем* — спасибо, благодарю; здесь (*зафалюем*) — разговорный вариант.

***** Перевод Ровинского неверен: *Ако Бог да* (сербск.) — ежели Бог даст.

****** От сербск. *Шта си?* — кто ты по национальности?

уставился в землю и слушает, взвешивая каждое произнесенное мной слово. «Ама добро, брате, читаш; па ти си србин»*. Начинаю пояснять, что я не серб, а русский, но что русские и сербы-славяне, люди родственные по языку и одного православного исповедания.

«Нет, ты сербин, ты этого сам не знаешь; а вот ты хочешь видеть наши монастыри, так когда дойдешь в Студеницкую лавру[66], там есть ученые монахи и у них старые книги, они тебе покажут, что русские все сербы».

Затем стал упрашивать меня вернуться назад в селение, к нему в гости, чтоб расспросить, как живут сербы там, далеко, в русской стране. Но, боясь запоздать и сбиться с дороги, я отказался от такого приятного приглашения и потянул дальше <...>.

Путь был действительно не такой, чтобы можно было запаздывать <...>.

В это время увидел меня и настоятель обители, отец Пантелей, с которым я успел познакомиться еще в Белграде. Он узнал меня и принял в объятия <...>.

Обстановка жилища игумена была самая обыкновенная для мирского человека <...>. Над кроватью висела какая-то священная картина и рядом пистолет.

«Однако, святой отец, как видно, действует не одним словом божьим, а иногда прибегает и к орудию смерти», — заметил я.

В ответ он приподнял мне подушку и показал там револьвер, а в углу, как оказалось, стояла и винтовка.

Тут он стал пояснять, как не безопасно здесь положение ввиду близости боснийской границы, откуда нередко перебегает всякий народ.

«А главное, — добавил он, — мы должны быть готовы ко всему: турки ли перешагнут к нам через Дрину, нам ли приведется предупредить их — я не отстану: с крестом на груди и с оружием в руках должен буду идти с народом, и не в задних рядах» <...>.

Их всего было два монаха, да еще пришел недавно один монах из Черногорья[67] — старик лет 60-ти, слепой на один глаз, с густыми черными, с проседью, кудрями. Этот человек был весь любовь и кротость; но, несмотря на природную мягкость, и он отдавался той же миссии, проповедуя войну за освобождение страждущей братии.

* *Ама добро, брате, читаш, па ти си Србин* (сербск.) — да, хорошо, ты, брат, читаешь, значит, ты — серб.

Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году. III // Вестник Европы. 1875. Т. 6. Кн. 12. С. 701–725

III

<...> Я нашел в Троноше[68] двоих монахов, а в Чокешине[69] троих. В первом я встретил юношу 18-ти лет, который был в полном монашеском постриге. Я удивился такому раннему пострижению. Оказалось, что все родные его перемерли очень скоро один за другим, осталась только сестра, которую взяли на воспитание, а его обрекли монастырю, что он и исполнил. Но все же по уставу нельзя посвящать в полные монахи раньше 30 лет. На это мне юноша возразил: «А как же вы посвятили нашего митрополита в этот сан, когда ему еще не было 30-ти лет? То нужно было, так и тут: я пропал бы, а теперь волей-неволей я монах».

«Но вы тут ничего не делаете, тогда как могли бы приносить пользу другим».

«Как ничего не делаю? Я молюсь. Хотелось бы почитать, да книг нет. А вот если будет война, я пойду в солдаты» <...>.

В Чокешине я застал дома отца игумена: он с целой компанией сидел на миндерлуке. Перед ним стояло вино, кофе, и все курили трубки; сидели они, снявши обувь, чисто по-турецки, и вели беседу о политических делах.

Меня они встретили очень радушно и жадно стали выпытывать о том, что делается в Белграде, не затевается ли чего с Турцией, не поможет ли тут Россия — и пошли тут здравицы, сопровождаемые чашами красного вина.

Так мало в этих людях аскетического и такой живой интерес принимают они во всем мирском, что их никак нельзя считать чем-либо особенным от народной жизни: нигде, ни в одном монахе я не встретил отречения от жизни — такого, какое встретите в наших монастырях. Все они вместе с народом своим готовятся к чему-то, все живут жизнью накануне <...>.

Прийдя в Лозницу перед вечером, я сразу попал в это общество[70]. По форме — это копия тех обществ, которых встретишь много в Германии и особенно много у чехов; но здесь нет того буржуазного духа, нет той погони за услаждением себя, какое мне встречалось в тех обществах. Председатель этого общества прота (протопоп) Игнатий, старец лет под 60, а остальные члены — офицер, учитель, купец, какой-то чиновник и соседние крестьяне, по большей части все молодые люди <...>.

Гости здесь не гонятся за комфортом и вкусным угощением — что у австрийцев на первом плане, и нет здесь идола, которому бы курили фимиам: это все самые простые люди, и самая простая личность — председатель <...>.

Прота Игнатий не получил никакого почти образования; но на его глазах складывался юный организм сербского государства, он видел еще в живых борцов за сербскую свободу, привык понимать ее чутьем и здравым умом и ценить выше всего. Его политические убеждения заключаются в том, что Сербии нужно хорошее правительство; осуществит ли это князь какой бы то ни было династии, или какое-нибудь коллективное лицо — ему все равно: он знает только нужды и потребности своего народа, который все выносит в себе, и знает, что хорошее правительство должно их удовлетворить, и такому правительству он готов оказывать полнейшее подчинение; мало того, готов любить его до самой крайней преданности.

Так он отнесся к Александру Карегеоргиевичу, которого призвали вместо Милоша Обреновича[71], доходившего в злоупотреблениях власти и народного богатства до нестерпимости. В новом князе он уважал сына героя[72], память которого священна каждому сербу, и в то же время видел в нем человека доброго и мягкого характера. Если он не обнаруживал в себе хорошего правителя, то народная скупщина каждому правительству облегчает дело, если ей дано надлежащее значение и к ней обращаются с должным доверием и уважением. Надежды не оправдались; скупщина не созывалась, а на дела главное влияние оказывали иностранные консулы, преимущественно австрийский, и в то же время были самые раболепные отношения к Турции. Противен сделался князь народу, и Игнатий явился агитатором в пользу Обреновичей. Во время собрания скупщины[73] он, в виду окружавшего ее войска, обратился к народу прямо с речью, убеждая призвать Обреновича. Он в это время не думал, что дело может не удасться, и тогда по меньшей мере ему грозила тюрьма, за которой в перспективе была бы медленно подходящая, но непременная смерть, а еще меньше думал он, что со стороны прави-

тельства этого же самого Обреновича он подвергнется гонению, как то случилось на деле. Накануне топчидерской катастрофы он был уже в оппозиции против князя Михаила, лично против которого не имел ничего. На последней скупщине[74] он высказал все, что имел против правительства князя, сохранивши привязанность к нему лично за его щедрость и за его намерение освободить бедную братию из-под турецкого владычества. Замечательно, что при князе Михаиле подвергались гонению лица, истинно преданные ему, а пользовались его доверием и всем распоряжались или бездушные бюрократы, каким был Никола Христич, или люди, действовавшие в своих личных видах и на погибель князя, каким, без сомнения, был военный министр Миливой Блазнавац.

Я остановился на личности отца Игнатия и взял его со стороны общественно-политической, потому что он представляет собою известный тип, — это тип серба провинциального, которого не тронула ни турецкая культура с ее фанатическим самодовольством, с ее грубым деспотизмом, проявляющим себя варварством и азиатской хитростью и лестью, ни оборотная сторона европейской цивилизации с ее бездушным, мелко-эгоистическим отношением к человеку и тысячей никуда непригодных формул, под которые хотят подвести жизнь человека. Это простая, цельная, свежая, здоровая натура, работающая не по известной системе и не под влиянием теоретических соображений, а по своему разумению и по естественному побуждению действовать в духе и на благо того народа, с которым он живет нераздельной жизнью, и в среде которого действовать есть его истинное призвание: вы можете заметить, что он изменяет теории, но он никогда не изменит народу.

К сожалению, таких личностей в Сербии становится все меньше; она успела обзавестись теоретиками, которые сумеют, хотя с натяжкой, оправдать свои действия под известным политическим взглядом, но служение народу является у них только вывеской.

Много симпатичного найдется в отце Игнатии и как в частном характере. Он имел несчастье потерять всех сыновей и в той поре, когда особенно жалко всякого человека, именно в поре первой юности: один сын умер в Берлине, где слушал лекции в каком-то высшем военно-учебном заведении; другой был в Петербургском университете и умер, кажется, по возвращении оттуда в Белград. Это его страшно убивает, но по наружности вы не заметите; только оставаясь один, он, говорят, отдается своему безысходному горю. Это нисколько не парализует и его общественной деятельности. Всякое благотворительное или вообще полезное дело он всегда готов поддержать, сколько хватит его сил. Есть у него

один талант или искусство — это фабрикация *гуслы*[*]. Никто не сумеет так хорошо выбрать дерева, дать такую форму и отделку инструменту, чтобы простая шерстяная веревка, заменяющая струну, издавала звуки, которые стонут и задевают душу, несмотря на все их однообразие и негармоничность. Мне говорили, что он своей работы гуслу подарил одному русскому путешественнику, который обещал передать ее какому-то общественному учреждению <...>.

* * *

Я уже замечал о чрезвычайной сдержанности сербов. Как бы ни разгулялся серб, он никогда не выйдет из пределов благопристойности. В <...> массе народу до тысячи или более вы видите веселых людей, которые пришли с тем, чтобы погулять, повеселиться и при этом, конечно, выпить, но вы не видите здесь пьяных, разгульных, до неприличия распущенных, каких вы непременно найдете у нас даже при самом малом собрании.

В одной механе[**] собралось человек до ста, все пьют, едят и ведут шумную беседу; из них два-три человека затягивают песню, но песня нейдет; приходит гайдаш (гайда — музыкальный инструмент вроде волынки): его угощают вином, он наигрывает, а публика, увлекаясь, вторит ему и выкрикивает; явился какой-то толстый, высокий парень в одной рубашке, без пояса, с зобом на шее, и пошел плясать, топчась на месте как медведь; по лицу видно, что это дурачок. Потешился кое-кто над ним, кто-то дал ему шлепка по его жирному телу, так что бедняга заплакал. Не понравилось это публике, сделали окрик на ударившего, а несчастному бросили несколько денег и прогнали. Тут же из публики кто-то оказался с *гуслой*. Вытащил он ее, заскрипел на ней однообразно скрипучую ноту, и все насторожилось. Запел он про сербских юнаков, про царя Лазаря, про Косовскую битву, и все замерло, только и слышен стонущий голос певца, да в антрактах нетерпеливо ревущий звук гуслы <...>.

---

[*] От сербск. *гусле* — гусли (сербский национальный музыкальный инструмент).

[**] *Механа* (сербск.) — трактир, корчма.

Мне остается еще досказать, чем закончился праздник. Я не дождался его конца и покинул в тот момент, когда все разгулялись <...>.

Здесь был последний пункт, до которого я доходил на Дрине, и отсюда, двинувшись на Ужицы, я вступал уже в бассейн другой сербской реки — Моравы. Так как я отправлялся рано, то мне не было и одного попутчика. Скоро смерклось, настала ночь, но светлая, тихая; дорога отличная и красивая местность: слева — гора с лесом, вправо — глубокая долина, также наполненная лесом, и на самой глубине ее шумит поток, а за ней при лунном освещении в легком силуэте рисуются горы. На дорогу передо мной беспрестанно падают светляки и рассыпаются искрами, вспыхивая фосфорическим светом. Местность не совсем пустая: в нескольких местах стада овец в огороженных пригонах, но людей не видать, ни собак; должно быть, подле и самое селение. Шмыгнул через дорогу волк, подбираясь к овечкам; а вон выходит из лесу на дорогу и человек с длинной винтовкой за спиной <...> и с большим ножом за поясом. От мне и попутчик. Вышел он на дорогу и идет так медленно, без сомнения, поджидает меня. Догнал я его, поздоровались и идем рядом. После обычных расспросов, он щупает мою сумку и спрашивает, что в ней.

«Все, что мне нужно», — отвечаю ему.

«И деньги есть?» — «Есть». — «Что же; ты не один здесь, за тобою верно едет лошадь?»

«Нет, один — и весь тут».

«Как же это! Ты ведь здесь в первый раз и не знаешь дороги?»

Поясняю ему, что у меня есть карта и описание, а к тому же я везде расспрашиваю людей.

Еще больше удивился, когда узнал, что со мной нет ни револьвера, ни другого оружия.

«Как же так: один, без оружия, с деньгами, в чужом краю?.. Ведь здесь всякие люди есть?»

«Ну, слушай, я тебе объясню все: если б кто-нибудь захотел убить меня, он убьет из леса, так что я его не увижу, и тогда револьвер не помощь; но убивают людей, только разузнавши наперед, есть ли у них деньги и стоят ли эти деньги того, чтобы убить человека; если же это наверное неизвестно, то зря убивать человека никто не станет; увидевши человека в первый раз, да еще иностранца, всякий прежде всего полюбопытствует узнать, кто он такой, и, узнавши, что я русский и путешествую для того, чтобы познакомиться и подружиться со своими единоплеменными и единоверными братьями сербами, никто никогда и не подумает сделать мне какое бы то ни было зло. Так ли?»

«Хорошо ты говоришь, брат, — ответил незнакомец с видимым участием, — в сербской земле никто тебя не тронет, потому что русских все мы любим. Иди смело по всей сербской земле и никто тебя не тронет».

И пошла у нас беседа на другой лад. Когда мы уже подходили к селенью, незнакомец, сказав мне: «С Богом!», пошел назад и только крикнул, чтоб я торопился, а то механу запрут.

Действительно, в механе все уже спали, кроме одного момака*, который перемывал посуду. На мое счастье, остался еще кусок мяса и, следовательно, я был с ужином. Рассказал я ему про все свои встречи, про волка и про человека, которого счел за лесного сторожа. Встревожило его известие о волке, тотчас побежал он послать кого-нибудь к стаду, а про человека спокойно сказал: «Але то е био айдук, зао посо»** (то был разбойник, худое ремесло), потому что никаких лесных сторожей у них нет, и ни один сербин ночью не станет шляться, а норовит как можно раньше завалиться спать. «А ты скажи, — добавил он мне, — вала Богу, да сам добро дошо!***» (Слава Богу, что благополучно прибыл!).

---

* *Момак* (сербск.) — парень, юноша, холостяк; здесь — слуга, служитель.

** От сербск. *Али то је био хајдук, зао посао*; здесь (*але, айдук, посо*) — разговорный вариант. *Хајдук* — разбойник.

*** От сербск. *Хвала Богу, да сам добро дошао*; здесь (*вала Богу, дошо*) — разговорный вариант.

Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году[75] // Вестник Европы. 1876. Т. 2. Кн. 4. С. 518–558

I

Кочевая жизнь давно уже миновала для всего Балканского полуострова, но быт пастухов, круглый год бродящих с места на место, составляющий продолжение кочевого быта, вполне господствует и здесь. Златиборское плато[76] составляет убежище этого остатка кочевой жизни. Тысячи различного скота, принадлежащие скупщикам, бродят здесь, порученные пастухам, которые от самого почти детства проводят жизнь, бродя со стадами с места на место. Оригинальный народ эти пастухи: большая часть их бессемейные, многие даже не из Сербии, а из какой-нибудь турецкой провинции; некоторые в свое время занимались разбоем. Теперь они бросили, конечно, это ремесло, но связь с «хайдуками» продолжается у них доныне, да иначе им не уберечь бы ни своих стад, ни самим не уцелеть. Хайдуцкие *четы** (шайки) живут здесь на одинаковых правах с пастухами: они кормятся с ними вместе от стад и получают от владельцев их известную контрибуцию. Рассказывают, что в случае неуплаты этой контрибуции, если из рук хайдуков ускользал хозяин, то они вырезывали целое стадо, голов в 200. Варварство порядочное! Но тут же поблизости был случай, что одного крестьянина, у которого предполагались большие деньги, изжарили на костре, стараясь вымучить у него показание, где у него деньги. Вследствие чего весь этот край, именно *срезы*** златиборский, арильский[77] и моравицкий[78] находятся постоянно на особом положе-

* *Чета* (сербск.) — отряд.

** *Срез* (сербск.) — административно-территориальная единица, соответствовавшая русскому уезду. В состав среза обычно входило несколько общин.

нии, с полевым судом. Местная администрация, отчасти вследствие недостаточности средств, а частью по недеятельности и вследствие злоупотреблений, — оказывается слабой; и вот, однажды толпа местных поселян, раздраженная против местных хайдуков и полиции, которая иногда волочила решение дела, напала на острог, вытащила 9 человек арестантов и всех их убила. Такая месть ужасна, но тем не менее ужасно и положение жителей, когда они не могут быть уверены, что назавтра непременно кто-нибудь из них не будет зарезан или не будет угнан скот, главное достояние его. И все это делает роковое турецкое соседство. Все почти без исключения грабежи и соединенные с ними убийства совершаются людьми, перебежавшими из Турции, куда они постоянно и укрываются. Национальность этих людей различна. В Старой Сербии жалуются на арнаутов (албанцев), которых турецкое правительство нарочно поселило так, что они с юга, от пределов Албании, полосой протянулись почти вплоть к Новому Базару[79]; а в последние годы там же поселены черкесы, которые в городах совершают грабежи днем на базаре, при большом стечении народа. Естественных преград, как я уже заметил, здесь нет никаких, и потому переход границы туда и обратно очень легкий. Тут же неподалеку, вдоль всей сербской границы, пролегает главная дорога из Константинополя в Боснию, и все города, лежащие на ней, имеют от себя дороги через сербскую границу; именно такие дороги идут от Сеницы[80], Новой Вароши[81], Пребоя[82] и Вышеграда[83]; все они идут по Ужицкому окружью[84] и сходятся в Ужице. Можно поэтому судить, какая тесная связь этого края с Турцией, и в какой зависимости он от этой последней. В настоящее время то и дело мы читаем заявления, что турецкие шайки переходят сербскую границу и нападают на сербские селения; это совершенно вероятно, потому что и прежде бывало почти подобное. Жизнь этого края должна бы получить большее развитие, если бы не было указанных задерживающих причин <...>.

Перед вечером отправляюсь дальше, на Пожегу[85]. По дороге множество народа, возвращающегося с ярмарки <...>. Я пристаю к небольшой партии, в которой один идет до Пожеги. Он утром купил на ярмарке телушку и погнал ее домой, а она с дороги бежала; воротился он, нашел ее у прежнего хозяина и теперь уже ведет на веревке. Он оказался очень любознательным человеком <...> и звал меня постоянно братом Павлом. Трудно, конечно, припомнить все наши разговоры, которые мы вели дорогой, но некоторые расспросы были настолько оригинальны, что они до сих пор живо припоминаются.

«Скажи мне, брат Павел: ты всякие страны видел, правда ли, что в Мисирской земле (в Египте) жатву собирают два раза в год и не пашут земли,

а зерно бросают на непаханную землю, и она все-таки родит, как нигде не родится? Правда ли, что есть земли, где царя нет, и что одна такая земля — Америкой она называется — сильнее, чем все царства на свете?»

«Правда ли, что князь Михайло с кумом своим Ристичем[86] ездили на край земли? Ехал он сначала просто по дороге, потом морем, потом на санях по льду; ехал, ехал, а там и конец: что же там такое?»

«Правда ли, что в России есть такие люди, которые скопятся? Ведь это вон турки насильно делают, а там, говорят, добровольно?»

Оказалось, что он человек безграмотный, но имеет книжки и, когда кто придет, заставляет себе читать. Особенно любит он книжку *землепис*[*] (география); а о скопцах в газетах читали. Ради чтения ходит он часто к учителю, и взял однажды к себе ученика жить с условием, чтобы он ему читал, так как сам не мог читать. «Удивительное дело это читать: учат, учат в школе, а дети все-таки читать не могут», — добавил он с полной верой, что иначе и быть не может.

Спутник мой провел меня в механу; потом отвел домой телушку и опять вернулся; потребовал вина, чтобы меня угостить, и, уходя, обещался на другой день прислать ко мне учителя <...>.

Интересной личностью для меня был учитель. Он мне показался очень разумным и вместе мягким, гуманным человеком, что в учителе составляет, конечно, одно из важнейших достоинств. В последнем качестве привелось разочароваться, потому что за жестокое обхождение он чуть не лишился места и оставлен только под условием воздержания от телесных наказаний. Осталось несомненным только, что он очень разумный человек, и очень хорошо сознавал свою крайнюю неподготовленность для школьного дела. Он не только не имел самых элементарных понятий из географии и естественных наук, но не имел понятия о дробях из арифметики, не знал, кто такие римляне, памятники которых попадались ему на каждом шагу. Трудно припомнить все факты, доказывавшие его невежество, но общее впечатление было такое, что он в школе учился только молитвам и кое-какой священной истории и катехизису, преподаванием же всех других наук совершенно пренебрегали. Школа эта так называемое *Богословие белградское*[87], которое ставят выше семинарии, но в сущности ниже всякого нашего низшего духовного училища. Благодаря такому положению этой школы, вы встретите в Сербии много священников, очень умных и вообще хороших людей, но совершенных невежд в научном смысле, и таких же народных учителей <...>.

---

[*] От сербск. *земљопис* — география.

В Чачке[88], <...> в гостинице, в которую меня привели мои новые знакомые, было <...> несколько сербов, люди все чрезвычайно рослые и крепкие. Один из них был с *гуслой*, и по просьбе публики заиграл нам сербские песни <...>.

Пел он сначала про Бановича Страхиню[89], и эта песня без перерывов длилась более часу. Сколько ни было публики, все молчало, ловя только слово, выдающее юначество сербского героя, и сопровождая его возгласами одобрения. Затем последовал роздых: поставили перед певцом полбутылочки вина, попил он, пораздумал, и снова начал. Запел он про царя Лазаря и жену его царицу Милицу[90], про Косовскую битву, где погиб царь и доброе юначество — Милош Обилич, старый Юг-Богдан с восемью соколами Юговичами и Банович Страхиня.

Тут уж не было почти речитатива: проговорит он два стиха, и обрывается его речь стоном, бьют об полы руками все присутствующие сербы, все шевелится и стонет. Эта короткая песня длилась также до часу, благодаря продолжительным паузам, потому что певец собирается с силами, чтобы вытянуть из себя слово, собирается с духом и публика, чтобы выслушать это слово, которое, что ни дальше, становится все тяжелее и грознее. Вестник, <...> сообщающий царице о битве, <...> говорит только, что он видел, как Милош, убивши Мурата, гнал 12.000 турок; что было дальше, он не знает, а думает, что погиб он на краю р. Ситницы; Банович Страхиня бродил в крови по брюхо коню и также, должно быть, погиб; где больше всего было навалено тел и поломано оружия, — там погиб царь Лазарь и с ним Юг-Богдан с восемью Юговичами; уцелел один Югович-Бошко[91], и гонял по полю турок, словно сокол голубей пугливых. Это добавление в виде рефрена — «Думаю, погиб он также», сопровождалось паузами, которые наполнялись стоном и судорожно-быстрым движением смычка. А когда дошло дело до Вука Бранковича[92], что выдал царя на Косове, и пропел ему певец: «Проклят будь и род его, и племя», — «Проклят!» — крикнули тут все, и повскочили с места, как будто бы ища изменника, предавшего все сербство <...>.

Позже пришлось мне слушать южнорусского певца; <...> его пение мне сильно напоминало сербских певцов; та же манера стонать, варьируя тем однообразную мелодию, выражать чувство не самой мелодией, а известным жалостным тоном голоса, его дрожанием под напором сильного чувства, что невольно сообщается слушателю и заставляет его забывать недостаток мелодии и самого голоса, слабого, старческого; вас оковывает то горе, которое, очевидно, охватило певца, душит

его и заставляет его голос дрожать и прерываться, и вы слушаете, боясь шелохнуться.

Но разница есть, и весьма ощутительная, как в манере, так и в целом тоне и духе. В то время как южнорусский певец начинает тихо, с низкой, очень слабой ноты, так что вы едва уловите момент, когда он начал петь, и потом уже возвышает голос и начинает им вибрировать, усиливая тон и чувство, — сербский певец сразу начинает сильной, высокой нотой, сразу возбуждает вас и потом уже разрешается скороговоркой, где каждое слово является отчеканенным, и им осмысливается чувство, выразившееся в первом возгласе. Южнорусская думка вас разжалобит, приведет в состояние грустной задумчивости; сербская песня доводит вас до отчаяния, и вас взрывает это чувство, не давая места никакому раздумью, потому что остается только или победить, или со славой погибнуть <...>.

* * *

После Чачка я продолжал свое путешествие вниз по Мораве, <...> но дошел только до Трстеника[93], где застигло меня известие об убиении князя Михаила. Продолжать путь было уже неловко. Пробыл я еще день, два, чтобы подметить, какое впечатление это произведет на провинции, и отправился в Белград <...>. Ограничусь при этом описанием одной отдельной экскурсии в Валевское окружье[94], где я провел больше недели в одном селении, следовательно, мог наблюдать жизнь и ближе, и более продолжительное время, чем это возможно было при постоянном переходе с места на место.

Вместе со мной был Живоин Жуйович[95], из Петербургского университета; в нашей литературе он заявил себя несколькими журнальными статьями, которые в свое время обратили на себя внимание публики. В Белграде он служил мелким чиновником, но в то же время занимался политической экономией, готовя сочинение и имея в виду главным образом экономическое положение Сербии. Кроме того, он был сотрудником газеты «Сербия», и в либеральной партии играл влиятельную роль, хоть вполне не сходился ни с кем и стоял постоянно особняком. Особенным расположением и уважением пользовался он со стороны молодежи. Хроническая болезнь сильно парализовала его деятельность; но никогда, в самые тяжелые минуты, он не падал духом. Когда все терялось, он оставался тверд и бодр; таким я видел его после топчидерской катастрофы, которая

многих заставила примириться, с чем они не мирились прежде, или вовсе поворотить назад. Это был сильный характер чисто сербского закала, неиспорченного полуобразованием, и чрезвычайно симпатичная личность. Смерть рано порвала его деятельность, и место его как общественного деятеля надолго, вероятно, останется незанятым.

С ним-то мы и отправились в его родное село Врачевич в Валевском окружьи.

II

Часть пути мы сделали на пароходе, именно до <...> Обреновца[96], где ожидал нас двоюродный брат Жуйовича, Марко.

Это был здоровенный детина лет 30-ти, рослый, плотный, румяный, в полном сербском одеянии: *гуня*[*], *чакшире*[**], *чарапе*[***], *опанки*[****], фес на голове и револьвер за поясом. Он приехал за нами из Уба (Хуба)[97]. Экипаж составляла полуфурка с дышлом, запряженная парою *зеленых*[*****] (серых) лошадок; с ним был мальчуган, шестилетний его племянник.

После короткого приветствия Машо[98] предложил нам ракию, вино, баранину, и белую *погачу*[******] (пшеничная булка).

«Зачем ты, Машо, взял с собой револьвер, когда пути всего два часа и время денное?» — «Так мне отец мой завещал, а ему — его отец — ни шагу из дому не делать без оружия. Прежде, бывало, выедут на пашню — пистолет вечно за поясом, а у воза винтовка. Так турки нас приучили».

Как глубоко, значит, засела память о турках, когда почти полстолетия жизни на свободе не могло изгладить впечатления того страха, в каком тогда жилось народу <...>.

Покуда мы ехали, Марко объяснился Жуйовичу, что у него есть важное дело, в котором просит помочь. Дело заключается в том, что от соседа повадились к нему ходить козы; прогнал их Марко раз-другой, пригрозил хозяину, — козы не унимаются; тогда Марко всех их пострелял. Тот по-

---

[*] От сербск. *гуњ* — крестьянская куртка из грубого сукна.

[**] *Чакшире* (сербск.) — штаны, сужающиеся к низу.

[***] *Чарапе* (сербск.) — чулки; здесь — шерстяные чулки до колена.

[****] От сербск. *опанци* — крестьянская кожаная обувь, сплетенная из сыромятных ремешков.

[*****] От сербск. *зеленко* — серая лошадь (в яблоках).

[******] *Погача* (сербск.) — лепешка, плоский пресный хлеб.

жаловался общинному суду, и суд признал виновными обоих: одного заставляет платить штраф за потраву, другого — за коз, за то, что он распорядился без суда.

«Знать не хочу никакого общинного суда; а ты мне найди хорошего адвоката, так я их всех разорю, не пожалею никаких денег».

Как ни уговаривал Жуйович Марка бросить это дело, покориться суду общинному, он ничего и слушать не хотел. И потом нарочно приезжал в Белград, чтобы найти адвоката. В то же время он старался разузнать, нельзя ли не заплатить по какому-то векселю. И этот самый Марко не только напоит, накормит бедняка, но и наделит его хлебом, рухлядью какой-нибудь, козу даст. Когда работают у него, он не гнетет работой и не стоит за угощеньем: это не кулак в нашем смысле; но его уму как-то не совсем ясно, что обмануть кого бы то ни было — нечестно, и сутяжничать — тоже худое дело; а недавно еще было иначе: большие суммы верились без всяких документов, и обманов не бывало <...>.

Въезжаем к Марку во двор. Нас встречает поп Живко. Во дворе налево — амбары хлебные и кладовые, далее — конюшня, против — винница, и перед ней на мостках стоят кадушки, над которыми роем вьются мелкие мушки, у которых брюшки налились какой-то красной жидкостью; это винные мушки, и вьются они над сосудами, в которых киснут сливы. Направо — дом с подклетью; в него входите по широкой лестнице, на *чардак**. Тут встретила нас жена Марка в обыкновенном городском костюме: в красном фесе, обвитом косами, с которыми он образует шапку с красной макушкой, в шкуртельке (род курточки с широкими рукавами) с *елеком*** (корсетом) под нею и в юбке. Красивая, еще молодая женщина, она смотрит как-то болезненно, составляя резкий контраст с мужем, от которого так и пышет здоровьем. Немедленно началось угощенье с порядочной выпивкой; затем явились груши, виноград, — и все это свое, доморощенное. Дом у Марка — полная чаша. Живет он вместе с попом, который также приходится ему как-то родня, — кажется, деверь. Живко в немилости у правительства за то, что на прошлогодней михольской скупщине весьма резко говорил против полицейской власти, которая в провинции совсем убила общественное самоуправление и бесконтрольно распоряжается общественными деньгами. За это его угнали было в какой-то дальний, бедный приход, от которого он отказался, соглашаясь лучше быть без всяких доходов.

---

* *Чардак* (сербск.) — верхняя галерея или верхний этаж.

** *Елек* (сербск.) — жилет с украшениями (мужской и женский).

С ним велась у меня беседа, показавшая мне, что в провинции много есть людей, которые гораздо вернее смотрят на положение дел, чем белградские политики.

А Марко между тем спал богатырским сном, свалившись на миндерлуке. Вечером, такой же как обед, ужин, и часов в девять — сон. У попа была маленькая библиотечка, в которой можно было найти все главные сочинения весьма необширной сербской литературы, получалась и газета. Это было в то время, когда в России еще не были введены земские учреждения, привлекшие к общественной деятельности сословия и в том числе духовенство, и потому для меня в то время сербское духовенство являлось стоящим неизмеримо выше и правильнее нашего, образующего касту, преследующую свои особые кастовые интересы. Но и теперь сербское духовенство, по-моему, стоит правильнее, потому что доступно для каждого не только в принципе, но и на деле: там не только все священники выходят из светского звания, но из священства я что-то не знаю никого; напротив, дети духовных лиц скорее выходят в светское звание. И еще одно замечание: сербское духовенство не отличается ни особенным здоровьем, как у нас, ни плодовитостью.

На другой день Марко везет нас дальше, во Врачевич <...>. Незаметно очутились мы у двора Жуйовича. Дом виднеется далеко в глубине двора, за сливняком. Навстречу выходит старик, отец Ж.[99], простой селяк, в гуне серого домотканого сукна, в потасканном фесе и в опанках. Подошел он к сыну, поцеловал, обнявшись, и пожал руки. Матери не было уже в живых: она умерла, напуганная слухом, что и сын ее Живоин попался по топчидерскому делу.

«Како си, Живоине?»*, — спрашивает отец.

«Што радишь, Дьоко?»**, — в свою очередь спрашивает сын. Какие-то холодные, как будто официальные отношения.

Сели они на скамеечке, под сливами, и тут только началась интимная беседа отца с сыном. Отцу хотелось узнать, в каком положении находился сын, что про него прошла грозная молва; сыну хотелось узнать про мать, и как теперь живется отцу без старухи, почитают ли его сыновья, племянники и снохи; но каждый, по-видимому, боялся тронуть больную рану, и беседа шла какими-то обиняками, и все-таки волнение пробрало и того, и другого, навернулись слезы у старика, сильно закашлялся сын, снова они обнялись, будто только что увиделись; а затем все прошло.

* *Како си, Живојине?* (сербск.) — как дела, Живоин?

** *Шта радиш, Ђоко?* (сербск.) — что делаешь, Джока? Джока (*Ђока*) — производное от имени Джордже (*Ђорђе*).

С первого раза родственные отношения сербов кажутся какими-то холодными; но это не что иное, как сдержанность. Серб будто боится всякого нежного чувства, котоое нейдет человеку вечной войны, юнаку, каждую минуту готовому бросить семью и порвать все самые дорогие связи. Это видите вы во всех отношениях родителей и детей, братьев друг к другу, мужа и жены — эта сдержанность воспитана так же, как привычка постоянно иметь при себе оружие.

Через несколько времени появились и женщины: две снохи, сестра и еще одна девушка, родственница, принятая в семью, Павлия. Каждая прежде всего подходила к руке Ж., который, конечно, не давал им целовать; а потом стали подавать *ракию*, кофе и *сладко*. Угощением занималась Павлия <...>.

Все население состояло душ из 15-ти и размещалось в двух домиках и по амбарчикам. В числе их и тут был поп: церковь приходская была подальше, а он жил тут, потому что тут была у него своя земля, и он имел особенный домик. Каждый день он садился верхом на лошадь и отправлялся совершать требы или служить в церкви. Один раз он ездил отчитывать какого-то больного припадочного, — по мнению народа, одержимого нечистым духом; и это там бывает нередко, вследствие крайней нервозности сербов.

Кроме священника, все тут составляли одну семью, состоящую из старика и его сыновей и племянников, из которых двое были женаты и имели по несколько детей. Замечательно в этой семье то, что старшим был не старик, а племянник Никола, который к старику относился совершенно как к отцу, тогда как один из сыновей от него отделился.

Тут в семействе жило вместе не более 10 или 12-ти человек, с детьми (кроме священника), но рядом двор также принадлежал к этой же семье: собственно, это один двор, который недавно только перегородили надвое. Еще две семьи, также вышедшие из этого же двора, поселились подальше. До разделения вместе жило душ до 30-ти, и составляли одну семейную общину — *задругу*[100], которая имела одного выбранного *поглавара*[*] или *старейшину*, общее неразделенное имущество, и жила и работала сообща, повинуясь распоряжению одного и семейному совету; теперь же они соединяются только на некоторые работы вместе, как *берба*[**] и *комишанье*[***] (очистка кукурузы) <...>.

---

[*] *Поглавар* (сербск.) — глава, начальник.

[**] *Берба* (сербск.) — сбор урожая.

[***] От сербск. *комишати* — лущить кукурузу (от листьев); орехи, миндаль (от зеленой кожуры).

Для этой работы собираются все семейства, принадлежащие к одному роду и составляющие одну задругу, и работают поочередно, то у того, то у другого.

Пришла очередь и для нашей семьи. Вечером, когда вся кукуруза была свезена в кучу, Никола пошел по соседним дворам приглашать всех на работу: стреляя из пистолета, он выкрикивал молодежь, парней и девиц, собраться к нему потрудиться, повеселиться и добрым вином труд запить. Это было уже в сумерки; а как только смерклось, все поужинали и начали сходиться на дороге по задворам Жуйовичей. Первые пришли молодые парнишки и девчонки лет по 12 и 14-ти, и как только пришли, сейчас заиграла дудка, ухватились за пояса и начали выплясывать в коло. Собирались взрослые и даже пожилые люди, примкнули и они к этому колу, и так колом пошли по дороге, выплясывая и выкрикивая.

На месте, куда пришли, разведен был костер, горело целое свалившееся дерево, и освещало кучу кукурузы, чуть не в сажень вышины. Берут початок, отламывают у нижней части комель, обдирают рубашку, и чистую уже бросают в сторону, в отдельную кучу.

Хозяин тех, кто постарше, обносит вином, и *чутура** (деревянная фляга) переходит из рук в руки. Подле меня с одной стороны сидел Никола, который то и дело вставал, чтобы сделать какое-нибудь распоряжение, а справа тезка мой, Павел, и постоянно обращался ко мне с разными вопросами относительно России и русских, и всегда меня звал «*брате Павле*»**. Не помню, в чем состояли его расспросы, но однажды он обратился ко мне с вопросом: «Да ли има код вас лепе девойка, као што је эво наша *Зора*»***, — и указал при этом на сидящую подле него девушку. В похвале ей Павла было столько простоты и наивности: он любовался ею как художник, и желал, чтобы и другой так же любовался <...>.

Тезка мой обращался ко мне с вопросами все реже и реже; наконец, он отодвинулся несколько назад и повалился на мягкое ложе.

Зора наклоняется ко мне и говорит тихо:

«Павле, придвинься ко мне так, чтобы его было незаметно; будем бросать на него *комушу***** (шелуху с кукурузы), пусть он уснет, бедный, он уже четвертую ночь на работе».

---

* *Чутура* (сербск.) — фляга, баклага.

** *Брате Павле* (сербск.) — обращение (в звательном падеже) к «брату Павлу».

*** От сербск. *Да ли има код вас лепих девојака, као што је ево наша Зора* — Есть ли у вас девушки, такие же красивые, как наша Зора; здесь (*лепе девойка*) — Ровинский путает падежи.

**** От сербск. *комушина, комушје* — кукурузные листья.

«А ты разве не работала?»

«Нет, и я тоже, мы все вместе работаем».

«Ведь и тебе, я думаю, хочется отдохнуть и уснуть?»

«Что ты! Мы девки!»

Это было сказано таким тоном и в таком смысле, как будто девка не должна знать устали.

«А ты, верно, его любишь?» — спрашиваю я.

«Да, он такой хороший, красивый и добрый, а в семье он главный работник».

«Что ж, ты, верно, пойдешь за него замуж?»

«*Богами**, што ты говоришь, — почти вскрикнула она, — нам нельзя с ним побраться, потому что мы родня: он — сын моей неродной тетки».

Не стал я добираться, что это за родство, знаю только, что в Сербии очень строго соблюдается недопущение браков даже в весьма отдаленных степенях родства, и это поддерживается народным мнением; никто почти не может жениться в своем селе, так как села эти большей частью произошли от одного рода.

Зора сидела несколько времени, углубившись в работу, а потом тихо проговорила мне:

«У меня уже есть жених».

«Что же, он такой же хороший, как Павел?»

«Не знаю, я его еще не видела; он приедет после уборки кукурузы, его отец и мать знают».

Странно! И говорит она это так просто, как будто речь идет о постороннем. Ни тени грусти, жалобы или упрека, — так спокойно и покорно <...>.

Жаль стало Зору, мне хотелось вызвать ее на откровенность, но она вдруг веселым тоном сказала: «Но мы с ним побратим и посестрима» — это значит, они обменялись крестами, и между ними установилась духовная связь — такая, которая крепче всех уз родства. Посестрима является самым верным другом своего побратима, она жертвует для него жизнью; переодевается мужчиной и отправляется к туркам, чтобы выручить его из плена; и побратим также относится к ней. Эта дружба является заменой любви, и потому в ней так много горячего, возвышенного чувства; только в этом случае девушка и может располагать своим чувством. Это простое, чисто духовное отношение мужчины и женщины сохранилось только в глухих селениях; горожанам же, наполовину отуречившимся, оно недоступно <...>.

---

* *Богами!* (сербск.) — ей-богу!; в самом деле.

Но хозяин зовет откушать. Раздается несколько выстрелов, и все двинулись в ту сторону, где были уже расставлены яства и дымилось какое-то горячее кушанье.

Кушанья однако были не обильные, потому что был постный день, да и скуповат Никола. Ужинали под открытым небом, сидя на земле, на которой были поставлены два низенькие стола — *совры*. За одним столом сидели более почтенные люди, а за другим молодежь, в том числе и женщины; самая же молодая молодежь вовсе не ужинала, а все время то пела, то плясала, как будто и не работала, и еда ей вовсе не нужна.

Перед нами был костер, а чтобы лучше осветить самые столы, две женщины сбоку у каждого стола держали по пучку зажженной соломы. С одной стороны была знакомая уже Павлия, с другой — Селена, одна из снох. Последняя невольно обращала внимание своей наружностью: высокая, стройная, в белой рубашке, с белой повязкой на голове, с бронзовым ободочком вокруг вроде коронки, стояла она, держась одной рукой за ветку старой яблони, в другой держала лучину. Безукоризненно правильные черты лица, большие голубые глаза, взгляд спокойный, следящий за всем, что делается вокруг, придавал ей еще больше вид какого-то высшего существа, точно для нее все суетилось, пило и ело, пело и плясало: она за всем только наблюдала. Другие женщины тоже больше прислуживали, таская полные миски на столы; чутура то и дело обходила вокруг стола более почтенных людей, разговоры пошли живее, пошли здравицы и пожелания, точно специально все собрались на пир, а не на работу <...>.

Все разошлись, и большинство этой рабочей дружины в то же утро снова было на работе, а на ночь — опять куда-нибудь на комишанье. Когда же эти люди спят и отдыхают? Положительно, они не знают отдыха, и все-таки бодры и веселы.

Благо, если этот труд дает возможность хорошо жить, — в общем, сербы живут без нужды. Но это, как я уже заметил, покуда от простора <...>. И уже теперь начинает чувствоваться недостаток в земле. В продолжении трех лет роздано на 3559 семейств до 4166 десятин земли, или немного более одной десятины на семейство — количество весьма ничтожное.

Вот почему земля в Сербии составляет очень ценный капитал: дешевле 100 рублей, кажется, и не купишь десятину, и потому каждая семья носит в себе заветную мечту увеличить свой участок, прикупить где-нибудь к меже. *Жмется* она, теснится все из-за того, чтобы увеличить свое хозяйство <...>.

С большими семьями связывается благосостояние, но эти большие семьи, иначе называемые *задруги*, видно, отжили свое время, и как народ, так и правительство замечают этот факт.

На скупщине 1867 г. было на это обращено особенное внимание. Министр внутренних дел сообщил, что в 1861–1863 гг. было всего 4469 случаев раздела задруги, а в последние три года 5024; по этому расчету на каждый год приходится по 1700 дележей. «Если, — заключает министр, — это деление продолжится в той же самой мере, то можно предвидеть, что скоро не станет этого учреждения, столь полезного для нашего народа и государства, и останется оно только как сказка, и будут его напоминать те семейства, которые до сих пор еще сильны и зажиточны, благодаря задружной жизни. Поэтому мы все должны внушать нашему сельскому населению, что его высшая сила и мощь для благосостояния лежит в задруге, и ради любви собственного блага они не должны бросать задруги».

Разделение задруги поэтому обставлено некоторыми формальностями, и тот, кто послужит поводом к разделению, подвергается наказанию как за преступление.

Народу нечего внушать: каждый селяк знает и видит это с прискорбием, и все-таки дележ с каждым годом усиливается.

И странное дело: прежде о задруге не заботились, и она существовала сама собой; а теперь — несмотря на всевозможные усилия поддержать — сама собой рушится.

Ясно, кажется, что она отжила свое время, выполнила известную задачу в жизни народа, а теперь настали иные условия жизни, которым она не в состоянии удовлетворить, и потому она падает, и никакими усилиями наперекор духу времени удержать ее нельзя, как это предполагают некоторые теоретики, старающиеся доказать, что в ней — спасение народа от пролетариата и других зол общественной жизни. Есть люди, которые признают полезность ее для охранения даже чести женщины.

Передавая только личные наблюдения сербской жизни, я не имею ни цели, ни надобности подробно говорить о задруге; я скажу о ней настолько, насколько мне нужно то, чтобы осветить и уяснить некоторые явления современной жизни, указать их происхождение и определить их современный смысл и значение. Нет надобности входить в детальные рассуждения о ней и потому еще, что у нас было о ней говорено не один раз.

Это учреждение или, вернее, это форма народной жизни очень древняя; она тесно связана с патриархальным бытом, какой представляют нам

времена, предшествовавшие княжению у чехов Любуши[101], когда, по словам повествователя об ее временах, «каждый отец управляет <...> своими домочадцами (или челядью): мужчины пашут, женщины приготовляют одежду, а когда умрет глава, все владеют сообща имуществом, выбравши себе главу (владыку) из своего рода». Это было разложившееся семейство, разросшееся в целый род, в котором были иногда и посторонние лица, приемные или находившиеся в услужении военнопленные, соединявшиеся под одним общим именем домашней челяди. Это была уже государственная клеточка, община, в которой связь основывалась на естественном родстве, а главой был естественный старшина или старший в роде. Главной характерной чертой такой общины была общность имущества, отсутствие всех видов частной собственности, кроме, конечно, носильного платья, оружия, коня и еще некоторых вещей, да и тут многое было общим; а вследствие того был общий интерес, чтобы дело велось как можно лучше, и так как оно зависело от того, кто руководит, то общая забота была о том, чтобы во главе стояла лучшая личность, и старшинство тут нередко уступало способности: тут не могло быть ни партий, ни пристрастий, потому что все руководились одним чувстом — желанием себе блага. И, таким образом, главой является лицо выборное, и лицо это никогда не могло иметь абсолютной власти, а во всем сообразовалось с мнением родичей. Всякое злоупотребление с его стороны властью отзывалось бы дурно на хозяйстве, и тогда он был бы удален непременно как оказавшийся неспособным: это был глава не для выставки только, а хороший хозяин, управитель. Тогда весь строй жизни основывался на родовом начале. В государственной жизни родовой быт теряет свой смысл, и сохраняется только в смысле знатных родов, которые играют роль и в государстве, но это уже не тот естественный род, а также выработанный под влиянием известных политических теорий. В жизни простых классов род сохранился, но без всякого политического значения: он имел однако большое значение экономическое, как всякая работа, и более обширное хозяйственное дело возможно только при совокупном действии, сколько возможно, больших сил; а таким совокуплением сил и обладал род, в смысле большой семьи, который в то время играл роль современной нам ассоциации. Там, где народу предстоит большая борьба с природой или необходимость защиты против постоянно угрожающего неприятеля, род представлял больше шансов для защиты, чем одна семья, особенно при том способе его жизни, — вразброс, особняком, отдельным хозяйством, которым до сих пор еще живут многие славяне, избегая соединения в большие села и соединения в одном месте общих угодий.

Задруга у сербов именно исполняла эти две роли: экономическую и оборонительную. Она представляла в то же время некоторые удобства и для правительства, какое бы оно ни было — турецкое или сербское: тогда приходилось все сношения иметь с одним лицом, за которым стояла не только его собственная семья, но несколько семейств, составлявших вместе один род, иногда душ до ста; это послужило причиною того, что задруга у сербов явилась и политической единицей.

Понятно, что по миновании внешней опасности, в которой сербы себя чувствовали при господстве турок, одной причиной стало меньше; в экономическом отношении ее может заменить свободная ассоциация, до которой, впрочем, сербы не дошли еще, хотя такие примеры нередки, что братья, разделившись домами и скотом, оставляют в общем владении землю, иногда не всю, а только часть, и обработывают ее вместе.

Следовательно, внешней причины — вроде угрожающей опасности, — нет, экономическое же положение дает выход, и народ расстается с этой древней формой, которая в свое время была благодетельна, он расстается с ней, потому что не видит неизбежности ее и видит возможность выйти из нее, и расстается, сохраняя к ней полное уважение, привязанность, вследствие сознания, что ей он многим обязан, и все-таки расстается. Здесь не может быть прихоти или непонимания своей пользы, и потому совершенно напрасно сербское правительство поручает делать народу внушения, чтобы не делились задруги; нет: есть, значит, причины, которые вынуждают народ бросать задругу и обрекать себя на экономическую слабость, причины очень важные, которые заставляли держаться задруги до тех только пор, пока грозила опасность, с которой главным образом связана ее *raison d'etre**. Обратимся же к устройству задруги.

Задруга иначе сербами называется *кутя***, что значит дом; следовательно, сколько бы ни было построек и отдельных жилищ на дворе, все они считаются одним домом, и сколько бы ни было семейств — все они считаются одним семейством; связующим звеном служит общее имущество и общие — как прибыль, так и потери. Все совершеннолетние мужчины считаются владельцами общего имущества. Женщины же и дети моложе 15-ти лет только пользуются из-за тех мужчин, с которыми они связаны родством. Девушка имеет право только на приданое. Никто не может иметь отдельной собственности, хотя бы приобрел ее где-нибудь на стороне или нашел по какому-нибудь случаю. Никакая часть имуще-

---

* *Raison d'etre* (франц.) — причина существования.

** От сербск. *кућа* — дом.

ства не может быть ни продана, ни заложена без согласия на то всех членов. Если кто-нибудь из членов задруги задолжал в счет своей части, то кредитор может получить не иначе, как если докажет, что заем сделан для пользы дома и что займом этим воспользовалась вся община.

Собственность, как я уже заметил, могут составлять предметы личного потребления, которые приобретены им с разрешения общины, и признаны ею как его личная собственность: такого рода собственность по смерти его может перейти его вдове.

Смерть члена не производит никакой перемены: жена его пользуется тем самым, чем пользовалась при муже, если остается в его доме; если же хочет уйти к родным или выйти замуж, то, сверх своего приданого и личного имущества своего мужа, по обычаю получает на обзаведение по усмотрению всей задруги.

Малолетние дети считаются наследниками отца с правом на общее имущество, хотя мать их и вышла из той задруги; но если кто выделился из задруги, то хотя бы он был в более близком родстве с задругарями, чем некоторые лица, оставшиеся в задруге, последние в праве наследования имеют преимущество, хотя бы то был принятый очень отдаленный родственник.

Выступление из задруги возможно с разрешения всех членов, и тогда выступивший получает свою часть натурой или деньгами; если же кто вместе с тем наносит вред задруге, то его частью прежде покрываются нанесенные им убытки, а ему отдается только остаток. Задруга прекращается только при совершенном разделении ее, или вследствие смерти всех женатых или совершеннолетних мужчин. Покуда остается хоть один член, и находящееся в его распоряжении имущество не требуется никем, суд не предпримет ничего; но если будет требование, то часть малолетних или выделяется и берется в правительственное заведывание, или оставляется для дальнейших хозяйственных манипуляций, но предварительно составляется инвентарь.

Закон не имеет права вмешиваться во внутренние отношения членов задруги, насколько они не нарушают общественного порядка и не грозят опасностью государству, или не совершается уголовного преступления. Управление задругой принадлежит старейшине (*старейшина* или *домаћин**), который, как уже было сказано, выбирается всеми, причем руководятся только его качествами, а не летами или естественным старшинством: он должен отличаться из всех умом, опытностью и справедливос-

* От сербск. *домаћин* — глава семьи, хозяин дома.

тью. Он пользуется властью над всеми и распределяет все, что относится до работ и пользования задругарей, но относительно имущества власть его ограничена: без общего согласия он не может ничего ни отчуждать, ни заложить; он за каждый убыток и тягости для задруги отвечает по закону и может быть сменен домашним советом. Он распорядитель общего имущества и опекун всех малолетних, воспитать из которых хороших, честных, деятельных и полезных граждан лежит на его обязанности, вместе с матерями их, но не на отцах.

Старейшина есть представитель дома перед общиной, с которой только и сносится правительство. В частноправовом отношении дом или задруга есть частный владелец имущества, а в финансовом — податная единица, хотя государство и принимает за такую единицу всякого женатого. Задруга выставляет ежегодно из числа мужского населения одного рекрута для народного войска; правительство во всех отношениях имеет дело постоянно с задругой, а никак не с отдельными единицами. Только в полицейском и уголовном отношениях личность одинаково прямо отвечает перед государством в простом семействе, равно как и в задруге; во всех других отношениях старейшина отвечает перед общиной, а община перед государством[102].

Приведенного, кажется, совершенно достаточно, чтобы составить себе понятие о задруге как о государственной единице. Остается определить и охарактеризовать ее внутреннюю жизнь и положение ее отдельных членов.

Равноправность всех членов и одинаковое участие в имуществе — полнейшая; разумное начало выбора в старейшины способнейшего дает ручательство в хорошем ведении дела, усердном, добросовестном, вполне честном и беспристрастном отношении к делу и ко всем лицам; постоянный семейный совет, зависимость от него всякого более или менее важного решения не дает места никаким злоупотреблениям. Действительно, я не слышал жалоб на какие бы то ни было злоупотребления и несправедливости старейшин. Вот хоть бы Никола: он постоянно становится на сторону двоюродного брата против своего родного; никогда не забудет чужого ребенка, и к дяде относится совершенно как сын. Сколько неусыпной деятельности, такта, сдержанности, внимания к нуждам каждой самой незаметной единицы! Он заметил, что у одной снохи ребенок тощий и слабый, и настаивал, чтобы матери его давалась лучшая пища, и поручил эту заботливость Павлии, которой не было повода быть пристрастной ни к кому. И какая у всех заботливость о Павлии, которая им почти чужая! Зато как все идет стройно, ровно, покойно и как все спорится. Несмотря

на недостаток рабочих рук, он каждый год отвозит в Белград пшеничку, или *свинарям** сбывает кукурузу, и обращает их в дукаты; а теперь норовит прикупить участок земли, да и домик еще можно построить с небольшой помощью, которую и обещал ему Живоин, если не из своих денег, то достать, потому что и он не выделен из задруги.

Вот, у них есть младший брат *Дьока*** (Георгий), ему уж 16 лет, нужно побывать в людях: в ближнем монастыре Врачевщине[103] *слава* (праздник); пусть он отправляется туда: снарядили его как следует быть молодому момку (парню), дали коня и денег карманных, чтобы, если угостят, и сам мог ответить. Это входит в бюджет и не считается мотовством, да и не замотается парень из задруги.

Хороший Никола хозяин, но только дома, в деревне; умеет он вовремя посеять и убрать, и во всем видна распорядительность; продать однако не его дело, на это у них есть дядя, старик Дьока[104]. Никола будет только возчиком, а все дело уладит старик; ему же отдает он и деньги на хранение.

Распределен также и женский труд, и тут выбирается одна хозяйка на неделю, которая в доме все делает: готовит кушанье, прибирает, заботится о детях и выносит еду своим работникам в поле или на покос; она называется *редуша****, потому что всему дает *ряд***** — распорядок; остальные женщины отправляются на полевые работы, а зимой — прядут, ткут и т.п. и помогают редуше, исполняют ее поручения. Но старшинством с окружающим его почетом и правом на общие услуги пользуется старшая в роде; на ней не лежит никаких обязанностей, и она помогает по желанию. Свободна также каждая женщина в первый год замужества. Конечно, это только номинальное право, которым она не пользуются, а напротив, старается тотчас же приняться за работу, чтобы расположить в свою пользу семью; в противном случае ей же потом будет худо: во-первых, она отвыкнет от дела; во-вторых, на нее, по справедливости, будут негодовать остальные члены, работавшие на нее и за нее.

Старики имеют преимущество — помещаться в теплой избе, тогда как вся молодежь, даже замужние, имеющие грудных детей, помещаются в амбарчиках и зимой, запасаясь, конечно, мягкими *ястуками****** и *душе-*

---

* От сербск. *свињар* — свиновод, торговец свиньями.

** От сербск. *Ђока* (*Ђорђе*) — Джока (Джордже, Георгий).

*** *Редуша* (сербск.) — дежурная домохозяйка (когда в доме много женщин).

**** От сербск. *ред* — порядок.

***** От сербск. *јастук* — подушка.

*ками** (перинами и подушками), теплыми *губерами*** (косматыми одеялами или попонами).

Среди такой стройности, равности отношений друг к другу у мужчин меня всегда поражало в больших сербских семьях необыкновенная молчаливость их женщин и спокойствие детей. Редко вы услышите писк и крик детей: они также как будто все чем-нибудь заняты, даже самые маленькие, 5-ти и 6-ти лет; а ползающие и бродящие годовнички и двухлетки крепко держатся своих мест, видимо, указанных им. Еще реже услышите щебетанье и веселый смех женщин: они работают и переговариваются больше взглядами или мимикой, да и говорит женщина какимто особым, исходящим из груди голосом — сильно, задушевно, но глухо, как будто боясь, чтобы в стороне не услышали ее. Нет здесь ребенку ласки от отца или матери, потому что дети все вместе находятся на попечении *редуши*, бабы и старейшины; нет никаких признаков интимных отношений между мужем и женой. Это не натуральная семья, а домашняя община <...>. Только удалившись в свой амбарчик, интимное чувство супругов, — если оно только есть — выливается в задушевной беседе, нежной ласке, вне общего надзора, только там мать прижимает к своей груди свое родное детище, к которому не смеет почти признаться, находясь постоянно в общине с другими. Взятая из чужого рода, никого незнающая, никому незнакомая, она не имеет ни времени, ни места сблизиться даже с мужем, и еще крепче, ревнивее льнет она к своему ребенку, в коем видит единственную родную душу. Отсюда, может быть, происходит необыкновенная серьезность детей и потом сдержанность у взрослых, за которой, в случае вспышки, следует такая ярость, что вы его примете за взбесившегося. Это пригнетение семьи во имя общины, подавление естественного чувства и кладет тот тяжелый отпечаток, который скоро замечается посторонними наблюдателями. Вам с первого же раза чувствуется, что здесь живет только мужчина, а женщина только работает и терпит. Не участвуя в общественной деятельности, она лишена ее и в семье, которая у нее отнята; ей-то поэтому больше, чем мужчине, и еще тяжелее выносить это вследствие того, что здесь ей все чужое, да и ее никто не признает своей, если она не постарается купить расположение угодливостью, принесением в жертву всей своей индивидуальности.

---

* *Душек* (сербск.) — матрац, перина.

** *Губер* (сербск.) — покрывало, одеяло, ковер (домотканый).

Ни на кого так тяжело не ложится задружная жизнь, как на женщину, поэтому справедливы мужчины, когда они разрушение задруги приписывают женщине.

Да и в самом деле, что приносит женщине задруга, кроме страшного физического труда и душевных мук и терзаний, оканчивающихся общим притуплением всех ее чувств и какой-нибудь трагической катастрофой?

Единственный человек, с которым она могла и должна бы быть ближе — муж, а между тем муж любит мать, которая выкормила его своей грудью, — родную сестру, с которой вырос у той же груди; он будет любить до самоотвержения избранную им посестриму; наконец, он найдет и любовницу; но жена для него всегда — чужой человек: если она не угодила его родным, свекрови и золовкам своим, а угодить им иногда бывает невозможно, — она становится врагом его и всего рода. Лучше всего эти семейные отношения рисуются в сербской народной песне.[105]

Какая крепкая и нежная любовь братьев к сестрам! Зная, что ей не оставаться вечно дома, а рано или поздно приведется вступить в чужую семью на труд и горе, они ее лелеют, нежат, дарят, как бы взамен того, что она не получит участия в общем имении, тогда как вместе с другими с детства полагала на него свой труд и заботы <...>.

Любовь сестры к брату сильнее любви жены к мужу. Так, в одной песне жена <...> говорит, что бы она сделала: за мужа она оторвала бы косу, за деверя изодрала лицо, а за брата выколола бы глаза <...>.

Совсем иначе относятся к девушке, как скоро она становится женой <...>.

Все дурное приписывается жене: она беспрестанно изменяет мужу, предает его туркам, и рада, когда он попадется к ним в плен или в какое-нибудь несчастье. Ей же приписывается и причина разделения задруги и вообще нарушение семейного счастья <...>.

Любовь братьев к сестре идет в ущерб любви к жене, и потому в последней возбуждает ревность, доходящую до страшной ненависти и оканчивающуюся иногда очень трагически <...>.

Этот взгляд, что женщина — причина всякого зла, проводится и в историческом предании сербов; ей приписывается и гибель Сербского царства на Косовом поле. В одной рукописи рассказывается, что в доме царя Лазаря, представлявшем целую задругу, рассорились две невестки: одна из них жена Вука Бранковича назвала мужа другой, Милоша Обилича, незаконнорожденным <...>. Последняя не стерпела и ударила Вукову жену по лицу, так что у нее кровь потекла, и она-то и настроила своего мужа так, что он в решительную минуту не подал помощи, а ушел с поля битвы со своими 12.000 <...>.

Гнет семейный не делает, однако, женщину рабой, она молчаливо переносит его, но не мирится, и под кажущейся покорностью судьбе скрывается натура, способная на борьбу отчаянную. Нередко она вырывается из семейной среды и идет в разбойники. Таких женщин было немало, на что указывают сербские песни. Как и мужчина, она состязается молодечеством и геройством <...>.

Воинственный и геройский у сербов дух воспитывается, конечно, с самого раннего детства: едва начинающему бродить четырехлетнему ребенку мать внушает, что он должен быть *юнак* (молодец), не плакать, когда ушибут, а стараться самому отмстить, и тот, схватив в руки камень, поджидает своего врага и уже не плачет. Воспитывается этот дух и отцами, заставляющими выучивать в виде катехизиса историю падения царства на Косовом поле, причем делают такие выводы, что Милошу Обиличу на вечные времена слава, Вуку Бранковичу проклятие, а турку и швабу нужно посекать головы.

* * *

Путешествуя по стране, я вынес тогда впечатление, что все в Сербии временное, неустановившееся, все в ожидании чего-то, что вся она живет *накануне*, вся в каком-то воинственном настроении. Но в то же время, нигде в Сербии не видел особенного уважения к военному ремеслу, как это можно встретить у нас и даже в западной Европе <...>.

В коренной Сербии, внутри страны, где есть простор и обеспеченность, серб весь отдается земледелию: не хочет идти ни в купцы, ни в чиновники, ни быть воином; но таких краев немного: вся страна или в горах, или граничит с соседом, от которого должна огораживаться и против которого должна постоянно быть при оружии.

Одним словом, воинственное настроение сербов не составляет коренного характера сербского народа, но воспитывается в нем и по необходимости поддерживается внешними обстоятельствами: неоконченностью политической роли, неустановленностью ее территориальных и политических отношений. И такое состояние, очевидно, мешает развитию страны в смысле гражданственности. Рядом с воинственным героизмом вы не встречаете нигде мужества гражданского. Это показала ясно топчидерская история, и под наружным покровом цивилизации встречаются весьма грубые нравы, требующие казней и мести, принижающие женщину до степени работницы, которую одни отдают, другие берут, не справляясь с

ее желанием, и ставящие конечной целью жизни *уживанье*, т. е. наслаждение жизнью в самом узком материальном смысле.

Все это, я говорю, временное, привитое, неестественное, и противоядие этому находится во многих явлениях современной жизни сербского народа, как, например, в нежных отношениях братьев и сестер, в верности друг другу и до крайней степени идеальных отношениях между побратимами и посестримами, в чрезвычайно гуманном отношении к бедному и слабому, — все это прекрасные, коренные, народные черты, развитие которых должно еще совершиться. Сколько в сербе при этом природного художественного чувства, и какая деликатность, сколько жизни и энергии — и все это прикрывается и искажается воинственным настроением народа и его правительства, которое и само путается, но еще больше сбивает с толку свой народ.

Избавьте Сербию от этой тяжелой обязанности быть вечно на карауле, охранять свои границы, и тогда только вы увидите, что может дать эта страна и что выйдет из сербского народа. На меня же во время путешествия Сербия произвела впечатление полувоеннного лагеря, стоящего на развалинах когда-то процветавшей страны, и еще не жившего вполне народа, которому еще предстоит жить и действовать.

Примечания

[1] См. комментарий 29 к письмам И. С. Аксакова.

[2] Земун (Землин) — город в Воеводине (Срем). Расположен на месте впадения Савы в Дунай. В XV в. принадлежал деспоту Джордже Бранковичу. С XVI по XVIII в. — в составе Турции. С XVIII по начало XX в. — пограничный пункт Австрии (Австро-Венгрии). В 1918 г. вместе со Сремом был передан Королевству сербов, хорватов и словенцев. Ныне Земун — один из районов Белграда.

[3] Т. е. Австро-Венгрии.

[4] Правильно — Авала. Гора в Сербии высотой 511 м. над уровнем моря. Расположена в 14 км. к юго-востоку от Белграда.

[5] Имеется в виду: привезенной из румынского города Галац.

[6] Великая школа — прообраз первого сербского ВУЗа. Основана в сентябре 1863 г. на базе существовавшего с 1838 г. Лицея. В феврале 1905 г. была преобразована в Университет.

[7] Анастасиевич Миша (1803–1885) — сербский судовладелец и меценат. Построил и в 1863 г. подарил «своему отечеству» здание Великой школы стоимостью 110 тысяч дукатов.

[8] Имеется в виду: Джордже Карагеоргиевич — сын старшего сына Карагеоргия Алексия. За него Миша Анастасиевич выдал замуж свою младшую дочь Сару. Он расчитывал, что со временем его зять может стать князем Сербии. Для чего им и было выстроено роскошное здание, переданное, после неудачи вокняжения зятя в 1858 г., «своему отечеству».

[9] Карагеоргиевич Александр (1806–1885) — князь Сербии (1842–1858). Сын Карагеоргия. Возведен на престол уставобранителями — политической группировкой, организовавшей в 1842 г. заговор против князя Михаила Обреновича. Был лишен престола решением Свято-Андреевской скупщины 1858 г., которая вернула княжескую власть Обреновичам. Умер в эмиграции, в Румынии.

[10] Дукат — австрийская золотая монета, эквивалентная трем рублям серебром.

[11] Скупщина (Народная скупщина) — высший представительный орган у сербов. До 1858 г., являясь институцией обычного права, созывалась время от времени, исходя из конкретных потребностей режима. Не была *народным* представительством в полном значении данного понятия. 14 января 1859 г. Свято-Андреевская скупщина приняла закон, согласно которому деятельность Народной скупщины приобретала регулярный характер. Отныне она должна была собираться строго ежегодно для обсуждения текущих государственных дел; депутаты же избирались населением в пропорции: 500 налогоплательщиков — 1 депутат.

[12] Князь Михаил Обренович во время своего второго правления (1860–1868) низвел значение института Народной скупщины до положения чисто формального собрания, автоматически одобряющего все распоряжения исполнительной власти. За восемь лет было созвано всего три скупщины (1861, 1864, 1867 гг.). См. также комментарий 23 к письмам И. С. Аксакова.

[13] Так называемая Михольская народная скупщина (от сербск. *михољско лето* — бабье лето), заседавшая в Крагуеваце с 29 сентября до 13 октября 1867 г.

[14] Лозница — город в западной Сербии.

[15] См. комментарий 30 к письмам И. С. Аксакова.

[16] Имеется в виду: писарь, делопроизводитель (сербск. *писар*) — одно из низших должностных лиц в бюрократической иерархии Сербии.

[17] Гайдук-Велько Петрович (1780–1813) — герой Первого сербского восстания.

[18] Имеется в виду: житель собственно Сербии (самоназвание — сербиянац).

[19] Панчич Иосип (1814–1888) — профессор Великой школы, ботаник с европейским именем. Исследователь флоры Сербии. Первый президент Сербской королевской академии наук.

[20] 29 мая 1868 г. в Топчидерском парке был убит князь Михаил Обренович.

[21] В 1869 г. в Сербии была принята первая национальная конституция (взамен формального к тому времени Турецкого Устава 1838 г.). В ней представители династии Карагеоргиевичей объявлялись вне закона, и им было запрещено проживать в Княжестве.

[22] Сравниваются две эпохи, разделенные десятилетием и олицетворенные двумя ключевыми событиями — убийством князя Михаила Обреновича (1868) и созывом Свято-Андреевской скупщины (1858).

[23] В свой первый приезд в Сербию (1868) Ровинский пробыл в ней полтора года. Отсутствие «увеселений» в тот год объясняется трауром по убитому князю Михаилу.

[24] Второе сербское восстание 1815 г. началось полтора года спустя после подавления турками Первого сербского восстания 1804–1813 гг. В обстановке усиления турецких репрессий сербы пытались искать защиты у великих держав. Но эти попытки не увенчались успехом. И после отказа великих держав воздействовать на Турцию началась подготовка очередного восстания. В апреле 1815 г. на тайной сходке сербских кнезов и старейшин в селе Таково предводителем повстанцев был избран Милош Обренович. После первых военных успехов положение сербов осложнилось. Турки двинули против них две армии: с юга — во главе с румелийским вали Марашли Али-Пашой, и с запада — под предводительством боснийского визиря Хурашид-Паши. Милош был вынужден начать переговоры с турецкими воинскими начальниками. Используя противоречия между ними и опираясь на дипломатическую поддержку России, он сумел заключить с Марашли Али-Пашой сначала перемирие (28 августа), а затем и *устное* соглашение (10 октября), по которому сербы получали право собирать налоги султану; регулировать размеры податей спахиям (турецким помещикам); носить оружие и участвовать в заседаниях суда, наравне с турецкими чиновниками. Кроме того, была учреждена Сербская народная канцелярия, как высший административный и судебный орган для сербов. Милош Обренович стал верховным кнезом Сербии. Султанские хатт-и-шерифы 1830 и 1833 гг., заменившие вербальную договоренность, провозгласили Сербию самоуправляющимся автономным княжеством.

[25] т. е. убийства князя Михаила Обреновича.

[26] «Сербия» (*«Србиjа»*) — политический и экономический орган либеральной направленности. Выходил в 1867–1870 гг. под редакцией Любомира Кальевича.

[27] *«Видовдан»* (сербск.) — консервативно ориентированная политическая газета. Имела полуофициальный статус. Выходила в 1861–1876 гг. под редакцией Милоша Поповича.

[28] Константинович Анка (1812–1868) — двоюродная сестра князя Михаила Обреновича (дочь его дяди Еврема Обреновича). Стремилась выдать за него замуж свою дочь Катарину после неудачного брака монарха с венгерской графиней Юлией Хуньяди (они так и остались без потомства). Погибла 29 мая 1868 г. вместе с князем Михаилом.

[29] Константинович Катарина — дочь Анки Константинович. Во время покушения на князя Михаила была ранена. Впоследствие — жена генерала Миливое Блазнавца. После его смерти в 1873 г., вышла замуж за Михаила Богичевича.

[30] Обренович Милан (1854–1901) — князь (1868–1882), затем король (1882–1889) Сербии. Во внутренней политике стремился к установлению режима личной власти. В 1875 г. впервые в парламентской истории Сербии распустил Народную скупщину. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса, признавшего независимость Сербии, занял проавстрийскую позицию. В 1881 г. заключил с Австро-Венгрией торговый договор и Тайную конвенцию,

лишившие страну экономической и политической самостоятельности. В 1885 г. развязал войну с Болгарией, закончившуюся поражением сербов. Дабы сохранить власть за династией, был вынужден отречься от престола (1889). В 1897–1900 гг. являлся командующим регулярной армии. После помолвки его сына — короля Александра с Драгой Машин подал в отставку и остался за границей. Скончался в Вене.

[31] Вучич-Перишич Тома (1790–1859) — сербский политик. Соратник Милоша Обреновича, один из организаторов убийства Карагеоргия. В дальнейшем разошелся с Милошем. Являлся главным столпом режима уставобранителей. Выступил против решений Свято-Андреевской скупщины. Умер в тюрьме вскоре после реставрации династии Обреновичей.

[32] Блазнавац (Петрович) Миливое (1824–1873) — сербский военный и государственный деятель, генерал. Адъютант князя Александра Карагеоргиевича. Затем — соратник Михаила Обреновича. С 1865 г. — военный министр. После убийства князя Михаила провозгласил (с помощью контролируемой им армии) его двоюродного племянника Милана Обреновича наследным князем Сербии. Был одним из трех регентов при малолетнем Милане. В 1872 г. стал председателем правительства и военным министром. Год спустя (при невыясненных до конца обстоятельствах) скоропостижно скончался.

[33] Не ясно, которого из Наполеонов Ровинский имеет в виду, — императора Наполеона I или его племянника Луи-Наполеона III.

[34] Христич Никола (1818–1911) — сербский государственный деятель. Придерживался весьма консервативных взглядов. При князе Михаиле и короле Милане Обреновичах четырежды занимал пост премьер-министра (и министра внутренних дел). Возглавлял так называемые внепартийные правительства.

[35] «Сербские новины» (*«Српске новине»*) — официальный ежедневный орган правительства Сербии. Издавался в 1835–1919 гг.

[36] «Единство» (*«Јединство»*) — полуофициальный печатный орган.

[37] «Световит» (*«Световид»*) — научно-популярная и развлекательная газета. Издавалась в Темишваре и Вене в 1852–1870 гг.

[38] Бан Матия (1818–1903) — прозаик, поэт, драматург, журналист. Родился в Дубровнике; в 1844 г переехал в Сербию. Исполнял дипломатические поручения сербского правительства.

[39] Бах Александр (1813–1893), барон — австрийский государственный деятель. В 1849–1859 гг. — министр внутренних дел. Творец послереволюционной (имеется в виду: революция 1848–1849 гг.) системы бюрократического и централистского абсолютизма.

[40] Народное войско (от сербск. *народна војска*) — народное ополчение, в котором состояли все совершеннолетние сербы, проходившие регулярные военные сборы. Создано указом князя Михаила Обреновича в 1861 г. Являлось основой милиционной системы вооруженных сил Сербии. В 1883 г. указом короля Милана было распущено и заменено регулярной армией. Хранившееся у населения оружие было изъято властями.

[41] Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), князь — русский дипломат, государственный деятель. Министр иностранных дел (1856-1883) и последний канцлер Российской империи. Воспитывался в Царскосельском лицее. На дипломатической службе с 1817 г. Возглавив МИД, стремился снять ограничения, наложенные на Россию Парижским трактатом 1856 г., чего и добился в 1871 г. Повернул курс внешней политики России в сторону сближения с Пруссией (Германией). Участвовал в создании Союза трех императоров (1873). Пытался использовать Союз для обеспечения нейтралитета Вены и Берлина при подготовке новой войны с Турцией. Заключил соответствующее соглашение и с Лондоном. Успехи русских войск в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. привели к подписанию прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора, результаты которого, из-за протеста Австро-Венгрии и Англии, были пересмотрены на Берлинском конгрессе (1878). Неудачный для России исход конгресса подорвал престиж Горчакова и ослабил его влияние на внешнюю политику. С 1879 г. он фактически отошел от управления министерством.

[42] Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), граф — русский дипломат, государственный и общественный деятель, генерал-адъютант. На дипломатической службе с 1856 г. В 1861– 1864 гг. был директором Азиатского департамента МИД; в 1864–1877 — послом в Турции. Принял активное участие в формулировании условий Сан-Стефанских прелиминарий 1878 г. После Берлинского конгресса дипломатическая карьера Игнатьева закончилась. В 1881–1882 гг. он — министр внутренних дел России. Затем — председатель Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.

[43] В 1867 г. под давлением великих держав турецкий султан вывел свои гарнизоны из четырех остававшихся под его контролем сербских крепостей — Белграда, Шабца, Кладова и Смедерева.

[44] Оружейный завод в Крагуеваце — первое крупное промышленное предприятие в Сербии. Основан в 1857 г. Особо быстрыми темпами стал развиваться во время второго правления Михаила Обреновича. На нем отливались орудия, ремонтировалось и усовершенствовалось стрелковое оружие, производились боеприпасы. Выполнял также функцию главного склада вооружений (арсенала) сербской армии.

[45] Неготинец — житель города Неготин, расположенного в восточной Сербии.

[46] Пожаревлянин — житель города Пожаревац (см. комментарий 8 к статье В. И. Ламанского).

[47] т. е. в Апелляционный суд (вторичная судебная инстанция).

[48] т. е. в Кассационный суд (конечная судебная инстанция).

[49] 29 июня 1869 г. в Крагуеваце Великая народная скупщина приняла конституцию Сербии, согласно которой скупщина состояла на две трети из народных депутатов, избиравшихся населением, и на одну треть — из княжеских, назначавшихся князем. При этом, чиновники не имели права баллотироваться в скупщину.

[50] Ровинский ошибается: Сенат, как верхняя палата парламента, существовал в Сербии лишь в 1901–1903 гг. Скорее всего, он имеет в виду — членом Государственного совета.

[51] Ужице — город в западной Сербии. Известен с XIV в.

[52] 28 июня 1389 г., в день святого Вида, на Косовом поле (котловине в южной Сербии, близ города Приштина) произошло решающее сражение между объединенными силами сербов и босняков, которыми командовал князь Лазар Хребельянович, и армией турецкого султана Мурада I. Поначалу войска князя Лазара несколько потеснили турок. К тому же, в разгар боя серб Милош Обилич пробрался в шатер Мурада и заколол его. Командование турецкой армией принял сын Мурада — Баязид... В конечном итоге, сражение закончилось победой османов. Князь Лазар попал в плен и был ими убит. Погибли также многие представители сербской аристократии (властелы), в том числе старый Юг-Богдан и девять его сыновей — Юговичей. После Косовской битвы Сербия превратилась в вассала Османской империи, а в 1459 г., вследствие падения Смедеревской деспотовины, окончательно вошла в ее состав. Битва на Косовом поле, а также подвиги и страдания сербских воинов, нашли отражение в героическом эпосе сербов.

[53] Повторимся, Ровинского подводит память — в Сербии он провел полтора года (в 1868–1869 гг.). Его двухмесячное путешествие по сербской «глубинке» относится к 1868 г.

[54] Морава (Великая Морава) — река в центральной Сербии. Правый приток Дуная. Образуется слиянием Западной и Южной Моравы. Длина (с Южной Моравой) — 568 км.

[55] Дрина — река в западной Сербии. Правый приток Савы. Длина — 461 км. По ней проходит граница между Сербией и Боснией.

[56] Колубара — река в западной Сербии. Правый приток Савы. Длина — 117 км.

[57] Тимок — река в восточной Сербии. Правый приток Дуная. По Тимоку частично проходит граница между Сербией и Болгарией.

[58] Имеется в виду: Милоша Обреновича.

[59] Сербская Омладина (от сербск. *Уједињена омладина српска* — Объединенная сербская молодежь) — сербская национальная культурно-просветительская организация с центром в городе Нови Сад. Существовала в 1866–1872 гг. Решение социальных вопросов идеологи Омладины отодвигали на второй план, сосредоточив свои устремления на освобождении и объединении всего сербского народа. В 1870 г. сложилось революционно-демократическое крыло Омладины во главе со Светозаром Марковичем, который стремился превратить ее в революционную политическую партию. Внутренние противоречия и преследования австро-венгерских властей привели к ликвидации организации.

[60] Пьемонт — историческая область на северо-западе Италии. С XV в. — это герцогство Савойя и Пьемонт, ставшее с 1720 г. основной частью Сардинского королевства (со столицей в Турине), которое впоследствии стало центром движения за создание единого национального итальянского государства. Объединение Италии произошло в 1859–1860 гг.

[61] Стефан Душан (1308–1355) — сербский король (с 1331), царь (с 1346). Сын Стефана Уроша III Дечанского. В результате войн с Византией присоединил к

Сербии Македонию (1345), Албанию (тогда же), Эпир и Фессалию (1348) и создал обширное Сербо-греческое царство, вне которого, однако, остались коренные сербские земли — Хум и Мачва. На соборе 1346 г. провозгласил сербскую архиепископию патриархией, а сам был коронован «царем сербов и греков». В 1349 г. издал Законник, укрепивший феодальные порядки.

[62] Дреновац — село в Мачве.

[63] Мачва — область на северо-западе Сербии. Славилась своим плодородием и довольством.

[64] Номады — старое название кочевников (кочевых народов степи)

[65] Петковица — монастырь в северо-западной Сербии.

[66] Студеница — монастырь в центральной Сербии, в долине реки Ибар. Основан в XII в. великим жупаном Стеваном Неманьей — создателем сербского государства и основателем династии Неманьичей.

[67] т. е. из Черногории.

[68] Троноша — монастырь в северо-западной Сербии, близ города Лозница.

[69] Чокешина — монастырь в северо-западной Сербии.

[70] Речь идет об общественно-литературном кружке, созданном в Лознице для пробуждения «в обществе самосознания путем живых бесед и литературно-музыкальных вечеров».

[71] Ровинский неточен — Милош Обренович покинул Сербию в 1839 г., тогда как Александра Карагеоргиевича «призвали» в 1842 г. на смену князю Михаилу Обреновичу.

[72] Имеется в виду: Карагеоргия.

[73] Имеется в виду: Свято-Андреевской (1858), свергнувшей Александра Карагеоргиевича и возвратившей на сербский престол династию Обреновичей.

[74] т. е. на Михольской скупщине 1867 г.

[75] См. комментарий 55.

[76] Златибор — гора в Сербии (в 20 км. от города Ужице). Высота — 1246 м. над уровнем моря.

[77] От названия города Арилье, расположенного в западной Сербии. В средние века назывался Моравице. Из летописей следует, что сам Св.Савва основал «в Моравицах» епископию. Церковь Св.Архилия, возведенная в конце XIII в., являлась кафедрой епископа. А в XV в. в Арилье была основана митрополия.

[78] От названия реки Западная Морава, берущей свое начало в Ужицком округе. Именно в него входили упоминаемые Ровинским Златиборский, Арильский и Моравицкий срезы.

[79] Имеется в виду: Нови Пазар — город в южной Сербии, в области Рашка (во время поездки Ровинского являлся центром турецкой провинции — Нови-Пазарского Санджака)... Старый город Рас был центром сербского средневекового государства, столицей Стевана Неманьи. Во времена Вука Бранковича (см. комментарий 93) город назывался Трговиште (т.е. место для торговли). Нови Пазар (новое место для торговли) турки основали в нескольких км. от Раса. Впервые он упоминается в 1461 г.

[80] Сьеница — во время путешествия Ровинского, город в Нови-Пазарском Санджаке. Первое упоминание относится к 1253 г. Находилась на важном торговом пути Дубровник-Ниш.

[81] Нова Варош — во время поездки Ровинского, город в Нови-Пазарском Санджаке. Впервые упомянута в XVI в. под именем Скендер-пашина Варошица или Паланка. Название Нова Варош (новый город) появилось в XVII в. Стояла на торговом пути из Боснии в Стамбул.

[82] Более точное название: Прибой — во время поездки Ровинского, город в Нови-Пазарском Санджаке. Впервые упоминается в XVI в. Располагался на торговом пути из Боснии в Стамбул.

[83] Вишеград — город в Боснии. Стоит на реке Дрине. Первое упоминание относится к 1448 г. Находился на торговом пути Дубровник-Ниш.

[84] т. е. по Ужицкому округу.

[85] Пожега — город в западной Сербии. Входила в Ужицкий округ.

[86] Ристич Йован (1831–1899) — сербский государственный и политический деятель, историк. Образование получил в Гейдельберге и Сорбонне. В 1850-е годы служил в министерствах просвещения, иностранных и внутренних дел. Был близок к И. Гарашанину. В 1861–1867 гг. — посланник в Турции. В 1867 г. — преемник Гарашанина на посту министра внутренних дел, но затем вышел в отставку и сблизился с либералами. В 1868–1872 гг. — член Регентского совета при несовершеннолетнем князе Милане Обреновиче. В 1869 г. по настоянию Ристича была принята первая национальная конституция Сербии. В дальнейшем он занимал посты премьер-министра (1873, 1878–1880, 1887) и министра иностранных дел (1872–1873, 1875, 1876–1880). В 1878 г. представлял Сербию на Берлинском конгрессе, а в 1889–1893 гг. был Регентом при малолетнем короле Александре Обреновиче. Во внешней политике стоял на прагматично-русофильских позициях, выступая против откровенно проавстрийского курса Милана Обреновича.

[87] Более точноое наименование: Белградская богословия — духовная школа, основанная в годы Первого сербского восстания (1810) Досифеем Обрадовичем. Перестала действовать после его поражения. Восстановлена Милошем Обреновичем в Крагуеваце под названием Школа православия. Впоследствие переведена в Белград.

[88] Чачак — город в центральной Сербии. В средневековье назывался Градац.

[89] Банович Страхиня — сербский эпический герой.

[90] Милица — вдова князя Лазара, погибшего на Косовом поле. В народных песнях называлась царицей.

[91] Югович Бошко — младший (девятый) сын Юг-Богдана.

[92] Бранкович Вук — в конце XIV в. правитель Косовской области и других территорий на юге Сербии, в Македонии (Скопле, Призрен). Зять и соратник князя Лазара. Принимал участие в Косовской битве. В народных песнях Вука Бранковича называют предателем сербов, что, однако, не подтверждается историческими источниками.

[93] Трстеник — город в южной Сербии. Стоит на правом берегу Западной Моравы. Впервые упоминается в XIV в.

[94] От названия города Валево, расположенного в западной Сербии, на реке Колубара. Первое упоминание Валева относится к 1398 г.

[95] Жуйович Живоин (1840–1870) — сербский общественный деятель, журналист. Служил в министерстве финансов. Образование получил в Киевской духовной академии, Петербурге и Мюнхене. Сотрудничал с газетой «Сербия». Придерживался социалистических взглядов.

[96] Обреновац — город в северо-западной Сербии. Расположен на реке Колубара, неподалеку от места ее впадения в Саву.

[97] Уб — город в северо-западной Сербии. Расположен на реке Уб, левом притоке Колубары.

[98] Машо (Маша) — производное от имени Марко.

[99] т. е. Живоина Жуйовича.

[100] См. комментарий 11 к статье В. И. Ламанского.

[101] Правильно: Либуше — героиня чешских легенд. Мудрейшая из трех дочерей чешского героя Крока, после смерти которого стала вождем племени и указала народу на князя-пахаря Пржемысла. Предрекла основание Праги.

[102] Правовое положение сербской общины Ровинский излагает по: *Tkalac I.* Das Staatsrecht des Füsrtenthums Serbien. Leipzig, 1858. S. 60–66 (примечание в: Вестник Европы.1876. Т. 2. Кн. 4. С. 547).

[103] Точное название: Врачевшница — монастырь Св.Георгия, основанный в 1430 г. Расположен в северо-западной Сербии.

[104] т. е. Джордже Жуйович — отец Живоина Жуйовича.

[105] Здесь и далее Ровинский подтверждает свои выводы словами народных песен, которые нами опускаются.

*Чудновский С. Л.**

Из давних лет. Воспоминания. М., 1934. С. 63–68**

<...> В числе русских, с которыми я познакомился в Вене, был артиллерийский капитан Лобов, бывший ученик (по Артиллерийской Академии) П. Л. Лаврова[1], большим поклонником которого он неизменно оставался, состоя в постоянной с ним переписке. Лобов пользовался продолжительным отпуском и лечился в Вене.

Ввиду его болезни я почти ежедневно посещал его, и он посвящал меня в интимную сторону жизни русских за границей.

От него я узнал, что петербургскими революционно-социалистическими кружками и главным образом кружком чайковцев[2] окончательно решено издавать за границей, а именно в Цюрихе, периодический русский орган под названием «Вперед»[3] под редакцией П. Л. Лаврова <...> по программе, тщательно разработанной и многократно пересмотренной и переработанной, экземпляр которой я от него получил.

Как-то Лобов передал П. Л. Лаврову сообщенные мной ему <...> факты из последнего периода жизни Г. А. Лопатина[4], которым Лавров чрезвычайно интересовался, считая его одним из самых видных и крупных

---

* Чудновский Соломон Лазаревич (1849–1912) — российский революционер-народник. Обучался в Медико-Хирургической Академии в Петербурге, откуда в 1869 г. исключен за участие в студенческих беспорядках. С 1870 г. — участник народнических кружков, сторонник П. Л. Лаврова. В 1874 г. арестован. В 1878 г. за провоз революционной литературы приговорен к каторге, замененной ссылкой в Сибирь. В дальнейшем перешел к либералам, находился на государственной и частной службе, занимался этнографией и статистикой. В 1905 г. вступил в партию кадетов.

** Воспоминания С. Л. Чудновского «Из давних лет» первоначально печатались в журналах «Былое» (1907), «Минувшие годы» (1908), «Вестник Европы» (1912)... Его поездка в Белград, о чем повествуется в публикуемом ниже отрывке, состоялась в 1873 г.

революционных деятелей того времени. Лавров просил Лобова передать мне свою признательность за дорогое для него сообщение и вместе с тем просьбу его, если я буду в Белграде, раздобыть там подходящего корреспондента из Сербии для журнала «Вперед».

В Белград же я собирался, чтобы навестить старшего своего брата Михаила Лазаревича, доставившего мне возможность поехать за границу и поступить в Венский университет. Он жил за границей с конца 50-х годов и состоял в Белграде сотрудником местных полуофициальных изданий.

Миссия П. Л. Лаврова облегчалась для меня тем обстоятельством, что я сам был знаком с некоторыми студентами сербами, воспитывавшимися в Венском университете и Политехникуме, большими патриотами и друзьями русских. Как раз вскоре после моего приезда в Вену оттуда возвращался на родину учившийся за границей инженер Пашич[5], пользовавшийся большой популярностью в среде сербской колонии в Вене: его чествовали пирушкой, на которую я был приглашен в качестве русского студента. (Этот будущий премьер-министр обращал на себя внимание лишь оригинальной плотной фигурой с длинной черной бородой. Говорил он плохо по-русски и не лучше по-немецки. Его антагонисты утверждали, что он плохо говорит и по-сербски...) Когда пошел тост за тостом со всевозможными сердечными пожеланиями Пашичу на предстоящем ему служении родине (сербская молодежь — студенты и рабочие — возлагала тогда на него очень большие надежды), и предложен был также в моем лице тост за русскую передовую молодежь, мне пришлось ответить тостом же в честь сербской молодежи и Пашича. Вот на этой пирушке я познакомился с некоторыми белградскими сербами, которые и снабдили меня, когда я собрался в Белград, соответствующими указаниями, которые пригодились мне при исполнении поручения Лаврова.

Я отправился на пароходе Австро-Дунайской компании в Белград. Пароход остановился в пограничном австрийском городке — крепости Землине, откуда я на маленьком пароходе перебрался в Белград.

На белградской пристани я очутился перед родной картиной: суровый таможенный чиновник принялся тщательно осматривать мой багаж, а другой чин потребовал у меня паспорт и, не возвращая его мне обратно, объяснил, что паспорт будет передан в русское генеральное консульство, из которого я и смогу получить его, когда буду уезжать из Белграда.

Когда таможенный досмотр был окончен, носильщик взвалил на свои мускулистые полуобнаженные плечи мой чемодан и, поднявшись на гору, двинулся со мной к квартире моего брата.

Столица Сербского княжества поразила меня своими мизерными размерами и весьма скромными постройками. Не говорю уже о наших губернских городах; но даже и такие уездные города наши, как Елизаветград, Кременчуг и т.п. могли бы заткнуть ее за пояс (говорю, конечно, о первой половине семидесятых годов): по сведениям за 1895 год в Белграде числилось едва 59.000 жителей, а в 1873 году население его, я думаю, не превышало 40.000 человек. Постройки были крайне мизерные. Исключение составляли «конак» князя и здание Великой школы. Почти все дома были одноэтажные (очень немногие — двухэтажные), деревянные, весьма незатейливой архитектуры. На главных улицах попадались еще, хотя и очень немногие, здания европейского облика. На второстепенных же, и в особенности на окраинных, пестрели почти исключительно глинобитные мазанки с деревянными и даже соломенными кровлями и глинобитным полом. Улицы все были узкие и немощеные (кроме двух-трех). Одна или две небольшие гостиницы, несколько кафе, в которых можно было получить за 5 пиастров[6] чашечку чудного ароматного турецкого кофе, — вот и весь город. Незадолго перед этим, правда, в Белграде отстроен был очень маленький театр, на сцене которого подвизалось очень недурная драматическая труппа.

Мне бросилась в глаза крайняя патриархальность нравов «столицы». Возле некоторых жилищ наружные двери открыты были настежь и подпирались опрокинутыми стульями: оказалось, что, по принятому обычаю, этим предупреждается, что никого дома нет и чтобы гости понапрасну не трудились заходить туда! Шел я как-то с братом по улице; останавливает его полуоборванный субъект и дает ему прочесть какую-то бумагу: оказалось, что он приговорен одним судьей внутри княжества к годичному тюремному заключению; его снабдили бумагой, и он разыскивает тюрьму, чтобы отбыть в ней свое наказание <...>.

В общем, население производило приятное впечатление: рослые, широкоплечие, пропорционально сложенные, с темными волосами и длинными усами, сербы в большинстве своем отличались воинственностью и горделивой осанкой.

Помимо правительственной консервативной партии[7], в Сербии существовала тогда еще партия радикальная («Омладина») и напредняцкая — «прогрессивная»[8], а также (хотя и в самом зачаточном состоянии) социалистическая.

Я полагал, что для журнала «Вперед», в виду его задач, целесообразно заручиться сотрудниками-корреспондентами из представителей обеих последних партий — социалистов и радикалов. Я познакомился с недав-

но перед этим окончившим Цюрихский политехникум молодым инженером Велимировичем[9], который примыкал к социалистической группе. Он произвел на меня очень хорошее впечатление своей простотой, искренностью и во всем сквозившей глубокой любовью к своей родине. Долгое пребывание за границей превратило его в совершенного европейца по манерам, привычкам и обращению. Благодаря же тому, что он в Цюрихе в течение нескольких лет вращался в среде русских учащихся, с которыми он был очень близок, ему не чужды были русские интересы, и он говорил по-русски совершенно свободно и даже литературно. В Цюрихе он женился на швейцарке, с которой незадолго перед этим вернулся в Белград и поступил здесь на службу.

Велимирович посвятил меня во внутреннюю политику княжества. На княжеском престоле сидел тогда еще очень юный Милан IV (впоследствии король Милан I). Лишь 10 августа 1872 года последний объявлен был совершеннолетним и формально вышел из-под опеки регентов: Ристича, Блазнаваца и Гавриловича[10], которыми он был окружен в качестве правителей, когда он, внучатый племянник князя Милоша Обреновича, после убийства последнего (в 1868 г.) вызван был из Парижа[11], где он воспитывался в лицее Людовика Великого. Фактически регенты (главным образом Ристич) продолжали еще править княжеством, но Милан IV уже показывал свои когти и давал себя чувствовать населению ясным стремлением своим к абсолютизму и нарушению конституции, притеснением печати и преследованием всех свободных проявлений жизни. Уже тогда, с первых же шагов, началась непопулярность Милана, и тогдашний молодой секретарь русского генерального консульства в Белграде <...>, когда я явился к нему за паспортом, очень зло и жестко отзывался о Милане, как об ограниченном, тупом, злобном и самовластном самодуре <...>.

Я узнал от Велимировича, что на обратном пути из Белграда я встречусь на пароходе из Землина с самым выдающимся в то время молодым сербским писателем Марковичем[12]. Его правительство зло преследовало; он приезжал в Землин, чтобы отдаться в Белграде «в руки правосудия», но, узнав, что ему грозит годичное тюремное заключение, которое для него — в виду совершенно расстроенного его здоровья и отвратительных условий режима в белградской тюрьме — было бы смертельно, он изменил свое решение и решил вернуться в Венгрию — в Новый Сад, где он временно проживал.

Велимирович охотно принял на себя обязанности корреспондента из Сербии в журнал «Вперед» и условился со мной насчет псевдонима. Он

же порекомендовал мне с этой целью одного из видных «омладинцев», который также мог бы быть полезным в качестве сотрудника для «Вперед». За дальностью лет, я, к сожалению, забыл фамилию этого «омладинца», который произвел на меня впечатление затравленного волка. Он подвергался бесчисленным преследованиям за свой безграничный и пламенный патриотизм и незадолго лишь перед этим вернулся из изгнания. Со скорбью и в довольно резких выражениях он рассказывал мне о возникающей в Сербии социалистической партии; он находил ее по меньшей мере несвоевременной и не соответствующей условиям тогдашней сербской жизни — даже вредной, так как она раздробляет оппозиционные силы, объединение которых очень важно для успешной борьбы с правительством и его произволом. «Омладинец» этот принял также на себя обязанности корреспондента для «Вперед».

Через несколько дней я оставил Белград.

Как только пароход Австро-Дунайской компании отчалил из Землина, из нижней каюты <...> поднялся на палубу довольно молодой человек, весьма интеллигентной наружности и заметно изможденного вида. От приятелей, приезжавших к нему в Землин из Белграда, он уже знал обо мне, да и я, в свою очередь, узнал его по подробному описанию Велимировича: это был Маркович, с которым мы познакомились и пробеседовали до самого Нового Сада <...>. Я знал уже, что Маркович является некоторым образом отцом сербского социализма, который он усердно насаждал в княжестве. Его прозвали даже «сербским Чернышевским», так как он ревностно проводил в Сербии идеи Чернышевского, перевел на сербский язык его примечания к политической экономии Дж. Ст. Милля[13], также некоторые другие его статьи и, кажется, даже роман «Что делать?». Мне говорили, что он был тогда занят переводом на сербский язык «Исторических писем» Миртова[14] <...>.

Маркович считал Россию своей второй родиной, которую очень любил и высоко ценил ее молодое поколение, умиляясь в особенности русскими девушками. Расспросив меня подробно о русской жизни, он, в свою очередь, посвятил меня в печальные подробности жизни нежно, страстно и безгранично любимой им Сербии, в жестокости режима регентов, всецело овладевших волей недалекого, злого и развратного молодого Милана IV, грубо-пренебрежительно относившегося к своему народу.

В Новом Саде мы расстались. Маркович жил тогда там, принимал близкое участие в издававшемся тогда там (если память мне не изменяет, Милетичем[15]) сербском радикальном органе.

Примечания

[1] Лавров Петр Лаврович (1823–1900) — теоретик русского народничества, философ, социолог. Окончил Петербургское артиллерийское училище (1842). В конце 50-х — начале 60-х годов в ряде книг и статей разрабатывал проблемы философии, критикуя с позиций позитивизма религию и мистические формы идеализма. Считал рабочий класс в России незначительной силой и мечтал о крестьянской социальной революции. П. Л. Лавров активно участвовал в антиправительственной деятельности (поддержка студенческих выступлений 1861–1862 гг., членство в обществе «Земля и воля», сближение с Н. Г. Чернышевским). В 1870 г. он бежал из ссылки и выехал в Париж. Здесь вступил в Первый Интернационал и принял участие в деятельности Парижской комунны. Вершина его революционной деятельности — издание в эмиграции журнала и газеты «Вперед!» (1873–1877), пытавшихся возродить традиции герценовского «Колокола».

[2] Чайковцы («Большое общество пропаганды») — революционная народническая организация в России, сложившаяся в 70-е годы XIX в. Название (по имени Н. В. Чайковского) условно, поскольку он не был ни создателем, ни руководителем общества, но лишь представлял его в сношениях с легальным миром. Центральное ядро организации образовалось летом 1871 г. в Петербурге в результате слияния кружков М. А. Натансона и С. Л. Перовской. Программная записка чайковцев (автор проекта — П. А. Кропоткин) ставила целью подготовку народной революции. Именно они явились организаторами знаменитого «хождения в народ» 1874 г. Но деятельность их была прервана арестами; большинство членов общества проходило по «процессу 193-х».

[3] «Вперед!» — название двух русских зарубежных изданий, выходивших в 70-е годы XIX в. под редакцией П. Л. Лаврова и являвшихся органами «лавристского» направления в русском революционном народничестве. Журнал «Вперед!» основан в 1873 г. в Цюрихе (с 1874 г. — в Лондоне) как «непереодическое обозрение» (вышло 5 номеров). В 1875–1876 гг. в Лондоне выходило двухнедельное обозрение «Вперед!» (48 выпусков).

[4] Лопатин Герман Александрович (1845–1918) — революционный народник. Привлекался по делу Д. В. Каракозова. В 1870 г. организовал побег П. Л. Лаврова из ссылки и сам бежал во Францию. За границей сблизился с К. Марксом. Перевел на русский язык первую часть его «Капитала». В 1884 г. вступил в партию «Народная воля». В том же году был арестован и приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Вместо каторги находился в заключении в Шлиссельбургской крепости, откуда освобожден революцией 1905–1907 гг.

[5] Пашич Никола (1844–1926) — виднейший государственный деятель независимой Сербии и Королевства сербов, хорватов и словенцев. По образованию — инженер-строитель. В 1872 г. закончил Высшую политехническую школу в Цюрихе. Во время пребывания в Швейцарии (1868–1872) сблизился с русской революционной эмиграцией. Участник социалистического движения Светозара Марковича. Основатель (1881) и бессменный руководитель Сербской народной ра-

дикальной партии — крупнейшей национальной политической организации. В течение 1891–1926 гг. 25 раз занимал посты премьер-министра Сербии и Королевства СХС. Один из главных творцов «Первой Югославии».

[6] Пиастр — мелкая турецкая, египетская, сирийская, ливанская монета.

[7] В 1873 г. у власти в Сербии находилось консервативное правительство во главе с Йованом Мариновичем.

[8] Автор воспоминаний явно путает эпохи — Радикальная и Напредняцкая (прогрессистская) партии были основаны в Сербии в 1881 г. Об «Омладине» см. комментарий 61 к запискам П. А. Ровинского.

[9] Велимирович Пера (1848–1921) — сербский политик и государственный деятель; сенатор (1901), член Государственного совета (1902). Получил техническое образование в Цюрихе. В молодости — близкий соратник С. Марковича. Один из основателей Радикальной партии. Семь раз (1887–1905 с перерывами) занимал должность министра строительства. Премьер-министр (1902, 1908–1909). В 1903 г. председатель Народной скупщины, избравшей Петра Карагеоргиевича новым королем Сербии.

[10] Гаврилович Йован (1793–1877) — сербский государственный деятель; министр финансов (1861), член Государственного совета. После убийства князя Михаила Обреновича вошел в состав Регентского совета (1868–1872).

[11] Автор воспоминаний ошибается — Милан Обренович (будущий король Сербии) был вызван из Парижа после убийства князя Михаила Обреновича — его двоюродного дяди.

[12] Маркович Светозар (1846–1875) — сербский общественный деятель и публицист. Учился в Петербурге (1866–1869) и Цюрихе (1869–1870). Во время пребывания в России участвовал в революционном движении; являлся сторонником Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. В Швейцарии принимал участие в деятельности Русской секции Первого Интернационала. Основоположник социалистического движения в Сербии, из рядов которого вышли многие видные деятели Радикальной партии.

[13] Милль Джон Стюарт (1806–1873) — английский политический деятель, философ, социолог и экономист.

[14] П. Миртов — один из псевдонимов П. Л. Лаврова.

[15] Милетич Светозар (1826–1901) — сербский общественный и политический деятель Венгрии. Получил образование в Пожуньском (Братиславском) лицее, Венском университете. Лидер национального движения сербов Воеводины, политическим и культурным центром которой был Нови Сад. Основал Сербскую либеральную партию (1869). С 1866 г. издавал газету «Застава» («Знамя»). Подвергался репрессиям со стороны венгерских властей.

*Скальковский К. А.**

В стране ига и свободы. Путевые впечатления по Кавказу, Малой Азии, Европейской Турции, Черногории, Сербии, Австро-Венгрии и Соединенным Штатам. СПб., 1878. С. 199–209**

VIII

Очень многие видели Белград, проезжая из России в Вену по Дунаю, но вид с этой реки не дает понятия о городе. Чтоб любоваться действительно интересным видом, надобно подъезжать по Саве, тогда панорама «белого города» раскрывается во всем великолепии. Конечно, это великолепие — мираж и основано на расположении города на склоне горы, тем не менее, после однообразных берегов Савы, приятно полюбоваться широкой картиной города, удивительно удачно поставленного на слиянии двух важнейших водяных путей. Налево тянется плоский австрийский берег и виден город Земун (Zemlin), затем направо по возвышенному берегу глаз ясно отличает три части, на которые делится Белград. Крепость, частью разрушенная теперь, но славная подвигами Сулеймана,[1] герцога Баварского[2] принца Евгения[3], Лаудона[4] и Георгия Черного, находится ближе всего к обрыву и омывается с трех сторон водой; весь берег у

* Скальковский Константин Аполлонович (1843–1906) — писатель и публицист. Родился в Одессе. Образование получил в Благородном пансионе при Ришельевском лицее и в Институте корпуса горных инженеров. Сотрудничал в российских газетах, преимущественно в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Новом времени». Автор разнообразных путевых очерков и других сочинений. В 1891–1896 гг. занимал должность директора Горного департамента Министерства государственных имуществ.

** Поездка К. А. Скальковского в Сербию состоялась в 1875 г.

ее подножия обращен в турецкое кладбище; далее идут остатки старого города, также живой остаток турецкого владычества — грязный и тесный, теперь наполовину срытый; семь минаретов, которые, по договору, сербы не имеют права разрушить, возвышаются над этой частью; наконец, новый город раскинут на южном скате Вратчара[5]. Он состоит из белых домов, утопающих в массе зелени, потому что, кроме садов, все почти новые улицы Белграда усажены каштановыми деревьями. Новый город очень разбросан, но постоянно еще расширяется, и только болотистая местность препятствует распространению его к западу.

Как ни красив этот вид, но он уступает виду, открывающемуся в самом Белграде из городского парка, разбитого на месте бывшего крепостного гласиса; отсюда можно наслаждаться, особенно по вечерам, необыкновенным зрелищем на течение Дуная и Савы и на австрийские владения, лежащие у подножия горы. К сожалению, парк содержится очень дурно и не соответствует своему несравненному положению. Небрежность славянской натуры проявляется тут весьма заметно. Вообще для осмотра, кроме нескольких видов, в Белграде не представляется ничего занимательного, и туриста невольно берет разочарование. Таким же характером отличаются и окрестности города, даже «Топчидер» или княжеский парк — мало отделанная лесная долина. Любуясь видом, невольно приходит еще на ум другое соображение, уже далеко не художественное. Город, поставленный на таком высоком утесе, открытом ветрам с трех сторон и в том числе с севера, должен иметь сквернейший и нездоровый климат. Действительно, числом насморков, катаров и воспалений Белград может гордиться перед другими столицами, уступая разве нашей северной Пальмире.

В таможне чиновник, узнав, что я приехал из Черногории, вместо осмотра вещей, пустился со мной в длинные рассуждения о политике. Сразу было видно, что находишься в стране, где все жители, как говорят, разделяются на министров, бывших министров, будущих министров и желающих быть министрами. Успокоив моего собеседника, что «турака» режут исправно, я вслед за носильщиками побрел в «Варош Паризи» — лучшую гостиницу Белграда, в центре города, так называемом «Теразия», на улице «Милан Обренович», против фонтана «Михаил Обренович», в двух шагах от княжеского дворца, домов консулов и проч. Дорога идет в гору через оживленную нижнюю торговую часть города по подлейшей булыжной мостовой, так как тротуары, сделанные из того же булыжника, напоминают челюсти акулы и тщательно избегаются пешеходами, т. е. почти всем населением Белграда, потому что в этой столице на тридцать тысяч

жителей всего тридцать извозчиков, да и те, кажется, занимаются более подготовлением своих кандидатур в скупштину, чем извозом. С первого раза Белград напоминает русский второстепенный губернский город: все криво, косо, улицы не урегулированы, не подметены, площади не мощены и страшно грязны, дом от дома — «не слышно человеческого голоса», хороший рядом с развалившейся лачугой, лавки дрянные и полное отсутствие фабричной и заводской деятельности; вся промышленность Сербии выражается пока в одном пивоваренном заводе, да и тот, кажется, устроен австрийским консулом.

В чем, однако, существенно отличается Белград от русских городов — это в развитии уличной жизни. «Каваны»* день и ночь набиты народом. Статские, военные, министры, простые граждане, пастухи — все идут пить кофей, читать газеты и рассуждать о том, как бы хорошо подраться с турками, только охоты нет. Кафе «города Парижа» первое в городе, тут я видел всю fine fleur** местной интеллигенции, в особенности много чиновников — изобилие которых составляет больную сторону Сербии, и военных. Сербские офицеры одеты в форму, состоящую из французских кепи, австрийских кафтанов, русских погон и плюмажей и т. д. Неизвестно, соединяют ли они с этими заимствованиями все достоинства воинов других национальностей***.

Характерную особенность сербского войска составляет еще распределение галунов. Если идет человек, обшитый сплошь галунами, <...> то это, наверное, майор; наоборот, если военный одет вроде нашего исправника[6], с жгутиками на плечах, то это генерал. Последних, впрочем, в Сербии мало, да и те из немцев. Таким образом, количество галунов обратно пропорционально чину — выдумка хитрая, для укрощения тщеславия. Затем, кроме галунов, у офицера должно быть непременно свое политическое знамя.

За выбором партии дело не постоит, на этот счет в Сербии en veux tu — en voila****. Уже в настоящее время насчитываются следующие партии: старая турецкая, князя Милана, Карагеоргиевичей, князя Николая черногорского[7], радикальная, республиканская, не говоря уже о всемирной партии — геморроидальной, для которой, как говорится, хоть тра-

* От сербск. *кафана* — кофейня, ресторан, трактир, кабак.

** *Fine fleur* (франц.) — высший цвет.

*** Напомним, что это было писано еще в 1875 г. (Примечание К. А. Скальковского).

**** *En veux tu — en voila* (франц.) — сколько душе угодно.

ва не расти. И все это на население в 1.350.000 душ, из которых более миллиона занимается исключительно разведением свиней и стоит на той степени развития, что свинью зарезать, что турка — все равно. В иностранной печати часто упоминают еще о партии «омладины» и приписывают ей какое-то революционное значение; строго говоря, подобная кличка не имеет смысла. «Омладиной» называется ученое общество, пользующееся большим влиянием, но в состав его входят лица, которые образуют теперь весьма различные политические партии.

Журналистика Белграда далеко не удовлетворяет такому разнообразию политических мнений; для развития ее недостает ни подписчиков, ни публицистов, и, особенно, денежных средств; лучшие сотрудники получают от 7 до 10 дукатов в месяц, тогда как даже учителя — повсюду мало оплачиваемая профессия — зарабатывают до 15–20 дукатов в месяц. На выбор читателя сербской прессой представляются «Српске Новине» — орган официальный, «Исток»[8] — либеральный, «Видовдан» — орган, или, как говорят, услуживающий австрийскому правительству и руководимый его агентом, Розеном[9], и, наконец, «Старо ослобожение»[10] — орган радикальный. Последний выходит в Крагуеваце. Сербские газеты, появляющиеся не чаще трех раз в неделю, объемом в четвертую часть листа, печатаются кириллицей и состоят из передовой статьи, нескольких писем из сербских городов и телеграмм о герцеговинском восстании[11]; последние отличаются тем, что сопровождаются комментариями, которые, по всей вероятности, не оплачиваются телеграфным тарифом, а сочиняются уже в редакциях; приписки эти вроде следующих: «Помогите ради Бога!», «Братья не выдавайте!», «К черту турков!», «Турков убито 70, так следовало бы их и всех заодно уничтожить!» и т. п.

Несмотря на то, что цензуры в Сербии не существует, газеты не решаются писать все, что думают; но в этом дополняет их газетка «Граничар»[12], издающаяся в австрийском городе Земуне, лежащем против Белграда «Граничар» — бельмо на глазу сербской администрации, и при мне министерство Ристича-Груича[13] обнародовало весьма курьезное воззвание, где просило не верить этой газете, которая будто бы все врет. Чтение «Граничара» запрещено, поэтому он постоянно в руках публики.

Я застал Белград, когда еще действовало министерство Ристича-Груича, и сербская скупштина в тайных заседаниях обсуждала адрес на тронную речь князя Милана. Министерство пользовалось весьма нелестной кличкой «ministere des assassins»*, так как члены его, говорят, были заме-

* *Ministere des assassins* (франц.) — здесь: правительство убийц.

шаны в деле об убийстве князя Михаила в «Топчидере». Впрочем, все без исключения, выдающиеся сербские деятели были, более или менее, прикосновенны к этой cause celebre*, начиная с сербского Мольтке[14], покойного Блазнаваца, — преобразователя местной армии, — наблюдавшего с горы за совершением преступления. Люди, знакомые с пружинами сербской внутренней политики, заранее предсказывали падение министерства, которое и случилось вскоре после моего отъезда. Причина разложения лежала в самой его организации.

На князя Милана имел решительное влияние ярый консерватор Маринович, постоянный соперник Ристича во всех делах. Ристич, хотя человек очень способный и ловкий, все-таки не более как политический интриган, который не мог взять на себя ответственности в решительном поступке объявления войны Турции; минута, между тем, была очень благоприятной. В надежде вынудить Ристича к более энергичным действиям, либеральная партия навязала ему в товарищи Груича, с которым до того Ристич был в самых дурных отношениях. Выбор был сделан крайне неудачно, так как Груич отличается весьма слабым и нерешительным характером, и если подобное коалиционное министерство могло бы существовать, то лишь при умении взять в руки дела тому из министров, на которого, так сказать, возлагало все свои надежды общественное мнение. Неудивительно, что князю Милану было так легко отделаться от несимпатичного ему министерства и заменить его «свадебным министерством» Кальевича[15], вопреки желанию скупштины, которая, между тем, по конституции 1869 года полновластна, и князь только приводит в исполнение ее постановления, но не санкционирует их. Правда, часть депутатов скупштины — 30 — назначается непосредственно правительством, но около ста выбирается, более или менее, независимо. Конституционная жизнь Сербии вообще представляет ряд вопиющих противоречий и, при неразвитости и подвижности народной массы, открывает удобное поле для разных интриганов. Оттого Сербское княжество и «сербианцы»** пользуются нелестной репутацией в прочем сербском мире, особенно в Черногории и Хорватии. В глазах грубых и храбрых черногорцев «сербианцы» ожидовели, а, по мнению аристократических хорватов, население Княжества состоит исключительно из свинопасов, правительство же, под маской ложного конституционализма, продолжает традиции белградских трехбунчужных пашей.

---

* *Cause celebre* (франц.) — знаменитое дело.

** От сербск. *Србиjанац* — серб из собственно Сербии (в отличии от австрийского или венгерского серба — *пречанина*).

Весьма влиятельное лицо в Белграде — сербский митрополит Михаил, к которому я счел своей обязанностью представиться. Преосвященный известен Петербургу; это небольшого роста худенький человек, довольно моложавый для своих лет, с тонким выражением; он очень приветлив и разговорчив, по-русски говорит превосходно, потому что окончил курс в Киевской духовной академии со степенью магистра. Помещается митрополит уже далеко не так, как черногорский владыка; по обстановке, дом и проч., напоминает житье наших русских архиереев. О восстании митрополит выражался сдержанно, хотя симпатии его, очевидно, были на стороне босняков и герцеговинцев, в этом случае чувства всего православного сербского духовенства одинаковы <...>.

В центре города, на грязной главной площади, возвышается красивое здание театра. Я посетил, конечно, «народно позориште»*, купил себе в «позоришной канцелярии»** за 8 грошей «садиште»*** и видел «карактерну шальиву игру у пет чинов»****, «Добосречницу», или, по-нашему, перевод комедии-водевиля покойной Бирх-Пфейфер[16]. Театральный зал очень красив внутри, ярко освещен нефтяным газом, который уменьшают во время действия, оркестр состоит из военных, публика не особенно изящная и в коридорах театра порядочная вонь. Труппа довольно многочисленная, играет развязно, но манеры ужасны, костюмы также <...>.

Недалеко от театра находится высшая школа или, по-нашему, университет, помещающийся в красивом здании. Школа устроена на деньги, которые, судя по надписи, пожертвовал майор «Миша Анастасьевич своему народу». Майор в этом случае возвратил своему народу только часть награбленного у последнего добра, при помощи тягостного соляного откупа во времена Милоша. Кроме университета, помещается тут же гимназия и публичная библиотека, другая такая же библиотека содержится правительством в центре города и назначена исключительно для чтения газет. По стенам развешано любопытное собрание портретов сербских знаменитостей. В университетской библиотеке я видел только гимназистов, внимательно читавших старые газеты; профессора, наоборот, проводят время более в кафе, и занятие наукой мало двигается в Белграде вперед. Но, если чистая наука и не преуспевает, то педагогия развивается

---

* *Народно позориште* (сербск.) — народный театр.

** *Позоришна канцеларија* (сербск.) — здесь: касса.

*** *Седиште* (сербск.) — место.

**** *Карактерна шаљива игра у пет чинова* (сербск.) — комедия в пяти действиях.

весьма успешно; нужно даже удивляться патриотизму, с которым молодое поколение, оканчивающее курс в заграничных университетах, спешит возвратиться на родину, где так скудно вознаграждается умственный труд. Семя науки не будет, однако, брошено даром и принесет, в свое время, плод. И теперь, говоря о Сербии, не нужно забывать о том, давно ли она вышла из своего векового рабского оцепенения. Еще в 1865 г. красное знамя лжепророка гордо развевалось над белградской твердыней, в самом, так сказать, сердце сербской земли.

Наш генеральный консул г. Карцов предупредил меня, что если я поеду 13 сентября, то буду иметь весьма удобный случай видеть вблизи невесту князя, Наталию Петровну Кешко[17]. Без сомнения я поспешил воспользоваться случаем, и так как пароход идет в Базиаш[18] в 6 часов утра, то я приказал разбудить себя в 5 часов, но в сербских гостиницах свои порядки. Совершенно случайно я уже сам проснулся в 6 часов, торопливо оделся и собрался. Забывшая разбудить меня прислуга, не забыла in corpore* выйти на улицу, чтоб провожать и получить обязательную контрибуцию. Я летел на пристань, полагая, что пароход уже давно ушел, однако здесь убедился, что австро-сербские пароходы не аккуратнее сербских гостиниц. Пароход <...> явился вместо 6 часов только в половине девятого, и все время пришлось дожидаться его у пристани. Ждала, меж тем, огромная толпа народа, большой отряд солдат с музыкой, митрополит и, наконец, сам князь Михаил. Утро было морозное, в одних мундирах оставаться на воздухе не доставляло большого удовольствия. Князь со своей свитой, митрополитом и русским генеральным консулом, зашли обогреться в соседний полицейский дом, а офицеры разбрелись по кофейням. Потребление чашек кофея и рюмок ракии достигло внезапно баснословных размеров. Зашел и я в одну из «каван», украшенную по стенам литографиями каких-то чудовищных монументов, задуманных г. Микешиным[19] для украшения мизерных площадей Белграда.

После десятой фальшивой тревоги, поднимавшейся из-за каждого дымка на Дунае около Земуна, показался, уже не на шутку, большой пароход «Дунайской компании»; с крепости раздались выстрелы, войска взяли накраул, музыка заиграла сербский гимн, разостлали ковер, и князь, в темном пиджаке и круглой шляпе, под руку с матерью, подошел к пристани. Бросили трап, пароходные офицеры при длинных саблях и в треугольных шляпах, распоряжались маневрами, молдаванские лица спутников будущей княгини сияли от удовольствия. Одна Наталия Петровна, стоявшая

---

* *In corpore* (лат.) — в целом, целиком.

на рубке, была очаровательна в своей скромности. Она была одета совершенно по-дорожному: в черном гладком платье, черной ротонде, черной шляпке с длинным белым вуалем. Наталия Петровна не сошла на этот раз на сербскую почву и встреча происходила, так сказать, на нейтральной почве — на трапе. Князь поцеловал руку своей невесты, она поцеловала руку старой княгине и митрополиту; несколько полицейских закричали: «Живио!»*. Народ, впрочем, если и не показывал признаков восторга, то, по-видимому, остался доволен своей будущей княгиней. «А лепа, лепа!»** — раздалось со всех сторон, когда Наталия Петровна подняла вуаль.

Действительно, княгиня очень красива собой, хотя и не соответствовала вполне гиперболическим похвалам, напечатанным во французских газетах. Она среднего роста, очень хорошо сложена и грациозна, черты лица ее выразительны и сохраняют особенности румынского типа: черные как смоль волосы, покатый лоб, несколько крупный, но правильно очерченный нос, густые брови, томные глаза, румяные губы с превосходными, хотя несколько большими зубами, цвет лица смуглый. Выражение лица ее очень приветливое и мило застенчивое. Говорит Наталья Петровна по-русски правильно, но не без некоторого греко-молдаванского акцента. Понятное дело, что о румынском происхождении будущей княгини умалчивалось; во всех официальных актах она значится «русской», «представительницей близкого нам племени русского» и т. д. Ничего, впрочем, против румын князь Милан не имеет; напротив, родная его сестра замужем за Александром Лаговари, известным скрягой и бывшим министром юстиции в Бухаресте, которого многие знают в Петербурге, как депутата на статистическом конгрессе 1872 года.

Князь Милан с небольшим числом свиты и телохранителей, одетых гусарами, остался на пароходе и пошел с нами в качестве пассажира, чтобы проводить невесту до Базиаша. Тут можно было близко рассмотреть человека, в руках которого находилась, можно сказать, судьба Турции и который своей апатией в деле иностранной политики и энергией по отношению к скупштине принес делу освобождения сербского народа более вреда, чем все турецкие батальоны и западные дипломаты, взятые вместе. Князь Милан довольно высокого роста и очень тучен; говорят, регенты нарочно откармливали его, чтобы сделать ленивым и равнодушным к делам; он красивее в действительности, чем на портретах и особенно монетах (серебряных денариях — которыми очень гордились сербы, видя в

* *Живио!* (сербск.) — Да здравствует!
** *А лепа, лепа!* (сербск.) — А, красивая, красивая!

них символ независимости); фигура его с виду добродушна, особенно улыбка губ, прикрытых маленькими усиками, но прищуренные глаза князя обличают упрямство и показывают, что кровь Обреновичей не остыла в его жилах. Лица, близкие Милану, говорят, что он умен, но чрезвычайно скрытен, и никто не может заставить его проговориться. С Наталией Петровной он держал себя свободно, потому что знал ее с детства, вообще же с женщинами он чрезвычайно застенчив и даже краснеет, разговаривая с ними <...>.

Князь Милан и его невеста, как я сказал, ехали скромно в числе пассажиров, просто и приветливо относясь ко всем <...>.

Повсюду на пути стояли толпы народа и войска; везде, где можно, палили пушки, даже в великолепных развалинах Смедерева я видел поставленные орудия для салютов и войска под ружьем. Эти официальные приветствия, устроенные администрацией, скоро надоели самому князю, который не выходил даже на палубу. Нас они забавляли, тем более, что берега Дуная по эту сторону Белграда не представляют ничего особенно занимательного. Не без некоторого радостного чувства, миновав Грочку[20], Пожаревац, Раму[21] и Поланку[22] и др. места, ознаменованные победами австрийцев и сербов над турками, увидел я Базиаш, который за год перед тем посетил на пути из Баку в Париж <...>.

Примечания

[1] Сулейман I Законодатель, в европейской литературе: Сулейман Великолепный (1495–1566) — турецкий султан (1520–1566), в период правления которого Османская империя достигла наивысшего территориального расширения и военно-политического могущества. Проводил завоевательную политику, лично руководил 13 походами. Составленные при Сулеймане I кодексы об упорядочении военно-административного устройства и финансов государства, о положении отдельных провинций, регламентации военно-ленной системы, прикреплении крестьян к земле и их повинностях стали продолжением и развитием законодательства его предшественника Селима I.

[2] Максимилиан Эммануэль, герцог Баварский — командующий австрийскими войсками и сербскими добровольцами, освободившими Белград от турок в 1688 г.

[3] Савойский Евгений, принц (1663–1736) — австрийский полководец и государственный деятель, фельдмаршал. Родился в Париже, воспитывался при французском дворе. После отказа Людовика XIV принять его на службу, он в 1683 г. вступил в австрийскую армию. Принимал участие в обороне Вены, осажденной турками (1683). В 1696 г. был назначен командующим армией, которая одержала решительную победу над турками при Сенте; эта победа способствовала зак-

лючению выгодного для Австрии Карловацкого мира 1699 г. В Австро-турецкой войне 1716–1718 гг. войска под началом Евгения Савойского одержали победу у Петроварадина (1716) и заняли Белград (1717)... Став в 1703 г. председателем Придворного военного совета (гофкригсрата), а затем и членом Тайного совета, Евгений Савойский оказывал при Иосифе I и Карле VI немалое влияние на всю политику Австрии.

[4] Лаудон Гедеон Эрнест (1716–1790) — австрийский фельдмаршал (1778). В 1732–1739 гг. состоял на русской службе. В 1742 — вступил в австрийскую армию. Участник Семилетней войны (1756–1763). В 1759 г. вместе с русскими войсками одержал победу над Фридрихом II в битве при Кунерсдорфе. Участник Австро-турецкой войны 1788–1791 гг. 18 августа 1789 г. взял Белград.

[5] Правильно: Врачара.

[6] Исправник — в 1862–1917 гг. начальник уездной полиции, назначавшийся губернатором.

[7] См. примечания 7 к письмам В. П. Мещерского и 17 к воспоминаниям Н. А. Епанчина.

[8] *«Исток»* (сербск.) — либерально ориентированная политическая газета. Выходила в 1871–1881 гг. в Белграде. Главный редактор — Аксентие Миятович.

[9] Розен (Ружич) Михайло — журналист, белградский корреспондент австро-венгерских и немецких газет. С 1864 г. сотрудничал с белградской газетой «Видовдан». В 1870 г. принял сербское подданство. Являлся доверенным лицом министерства иностранных дел Австро-Венгрии, чьи поручения выполнял не только в Сербии, но и в России. Был вхож в сербский МИД. Участвовал в железнодорожной афере Бонту, после чего уехал в Вену, где считался главным экспертом по сербским вопросам. Часто посещал Белград. Умер в Вене.

[10] «Старо ослободжение» (*«Старо Ослобођење»*) — политическая газета. Издавалась группой социалистов — последователей Светозара Марковича. Выходила в Крагуеваце в 1875–1876 гг. Главный редактор — Илия Тодорич.

[11] Герцеговинско-боснийское восстание 1875–1878 гг. — народно-освободительное движение в Герцеговине и Боснии против турецкого национального и феодального гнета. Началось 5 июля 1875 г. близ городка Невесинье. К августу охватило почти всю Герцеговину. Тогда же началось восстание и в Боснии. Герцеговинско-боснийское восстание положило начало Великому восточному кризису 1875–1878 гг.

[12] *«Граничар»* (сербск.) — политическая газета оппозиционного направления. Издавалась в 1874–1876 гг. в Земуне. Неоднократно закрывалась по просьбе сербских властей.

[13] Груич Еврем (1826–1895) — сербский общественный и политический деятель; юрист. Один из лидеров Либеральной партии. Высшее образование получил в Гейдельберге и Париже. Будучи секретарем Свято-Андреевской скупщины (1858), Груич сыграл значительную роль в смещении князя Александра Карагеоргиевича с престола. В 1859 г. — помощник министра иностранных дел, затем — министр юстиции. В 1869 г. — сербский дипломатический агент в Константино-

ополе. В том же году назначен членом Государственного Совета. В 1874 г. — заместитель председателя Народной скупщины. В 1875 г. занял пост министра внутренних дел в правительстве либералов. В 1876 г. — министр юстиции. В 1880–1892 гг. посланник в Константинополе, Лондоне, Париже.

[14] Мольтке (Старший) Хельмут Карл Бернгард (1800–1891), граф — прусский и германский военный деятель и теоретик, генерал-фельдмаршал (1871). В 1857–1888 гг. — начальник прусского (с 1871 г. — имперского) Генерального штаба. При поддержке О.Бисмарка провел реформирование армии. Будучи во время войн с Данией (1864), Австрией (1866), Францией (1870–1871) начальником полевого штаба при короле Вильгельме I, Мольтке фактически являлся главнокомандующим.

[15] Кальевич Любомир (1841–1907) — сербский политический и государственный деятель, один из лидеров Напредняцкой партии. Образование получил в Германии и Франции. В 1867–1870 гг. издавал газету «Србија» («Сербия»), вокруг которой группировалась либеральная интеллигенция. В 1874–1875 гг. — министр финансов в кабинете Ачима Чумича. В 1875 г. — председатель Народной скупщины. В том же году стал премьер-министром и министром внутренних дел. Провел ряд административных реформ, выдержанных в либеральном духе. Его правительство просуществовало до лета 1876 г. Год спустя Кальевич покинул Сербию. По возвращении, В 1881–1886 гг. занимал должность посланника в Бухаресте, а в 1886–1889 — в Афинах. С 1895 г. — член Государственного Совета. После переворота 1903 г. — министр иностранных дел в «Революционном правительстве» Йована Авакумовича.

[16] Гиллерн (урожденная Бирх-Пфейфер) Вильгельмина (1836-?) — немецкая писательница, автор комедий, водевилей и романов.

[17] Кешко Наталья Петровна; после замужества Наталья Обренович (1859–1941) — сербская княгиня (1875–1882), королева (1882–1889). Жена Милана Обреновича и мать Александра Обреновича.

[18] Правильно: Базияш — пристань на румынском берегу Дуная.

[19] Микешин Михаил Осипович (1836–1896) — русский скульптор, иллюстратор, живописец. Автор проектов памятников: «Тысячелетие России» — в Новгороде, Богдану Хмельницкому — в Киеве, Екатерине II — в Петербурге. Был приглашен в Белград для установки памятника князю Михаилу Обреновичу.

[20] Правильно: Гроцка — городок в северной Сербии. Расположен на Дунае. В 1737 г. турецкие войска одержали здесь победу над австрийцами.

[21] Правильно: Рам — село на сербском берегу Дуная.

[22] Правильно: Паланка (Банатская Паланка) — городок в Воеводине, на правом (банатском) берегу Дуная.

Мещерский В. П.[*]

Правда о Сербии. Письма. СПб., 1877. С. 76–346[**]

Письмо четвертое

<...> Итак, вот Белград...

Вид его с парохода поражает своею живописностью. Прежде всего, вы видите старые башни и старые каменные стены Белградской крепости.

На ней стоит две, три пушки.

Крепость эта стоит как памятник старины — и другого значения иметь не может.

Пароход обогнул крепость, и вот перед вами чудесная панорама разбросанного по холмам и террасам города...

Город этот — изобилие домиков и лачужек, среди которых высятся мечети и скромно выглядывают маленькие православные церкви.

Уцелевших мечетей вы успеваете насчитать до семи; христианских церквей оказывается четыре. Слыхав многое о Белградском соборе и привыкши с этим словом соединять представление о чем-то великолепном, вы ищите собор...

— Вот он, — говорят вам, указывая на церковь, напоминающую по архитектуре лютеранскую кирху, а по бедности — церковь какого-нибудь средней руки великорусского села, — вы, разумеется, удивляе-

---

[*] Мещерский Владимир Петрович (1839–1914), князь — публицист, издатель. Образование получил в Училище правоведения. Занимался журналистикой, состоя при этом в придворном звании камергера. Известность приобрел статьями в изданиях М. Н. Каткова, затем — беллетристическими произведениями, но более всего — своей газетой «Гражданин», придерживавшейся ультра-охранительных позиций. Противник реформ Александра II. Стремился восстановить дореформенный строй эпохи Николая I.

[**] Путешествие В. П. Мещерского в Сербию состоялось в сентябре 1876 г. (см.: *Князь Мещерский*. Воспоминания. М., 2001. С. 361–366).

тесь... но подождите, скажут вам, есть вещи для русского гораздо более удивительные.

В массе мелких зданий выделяются два крупных: одно — театр, другое — лицей. Театр, разумеется, пуст. Но вот пароход подошел к пристани.

На пристани много народа, равнодушного, спокойного и даже болезненного: все типы ничего не делающих зевак.

У выхода стоят два жандарма.

Спрашивают паспорт.

Когда я показал паспорт, один из жандармов сказал: русский, — и быстро дал мне пройти, возвратив паспорт.

Но, немного далее, какой-то чиновник очень усердно остановил мой багаж, велел мне открыть чемоданы и еще усерднее принялся осматривать мои вещи.

Среди осмотра он спросил меня, русский ли я.

— Русский, — ответил я.

— О, тогда не нужно, — и он велел закрыть мои чемоданы и пропустить <...>.

Выйдя на берег, вы начинаете знакомиться с ужасами булыжной мостовой, перед которыми мостовые белокаменной Москвы кажутся пушистыми коврами.

Вам предлагают извозчика в виде чистой коляски с двумя лошадьми, но предупреждают вас, что извозчики дерут немилосердно, и что лучше идти пешком, благо до гостиницы недалеко. Прежде извозчики брали до 4 франков за час; теперь их заставили сбавить до 2 франков. Вы отказываете извозчику и идете пешком. Дорога ведет сперва по берегу, а потом по каменной лестнице — наверх, в элегантную часть города <...>.

В Белграде много лавок и магазинов; достать в них все можно; треть купцов — евреи, остальные две трети — сербы. По правам коммерческим, надо отдать сербам справедливость: их купцы мало уступают евреям. Вы можете хоть на 1 франк, хоть на 1000 франков купить у них вещей — в пользу раненых же сербов, они не уступят ни копейки, напротив, в случае крайней с вашей стороны нужды, они возьмут с вас дороже.

В первый же день я в этих печальных чертах белградского купечества мог убедиться: *русских грабят немилосердно**, пользуясь тем, что все вещи, которые они покупают, им до зарезу нужны, и, во-вторых, тем, что они, то есть русские, не знают в точности денежного счета на динары, дукаты, гульдены и т. д.

* Здесь и далее выделено в оригинале.

Их *грабят в гостиницах, их грабят извозчики, их обманывают и грабят купцы*, и, разумеется, им ни в чем не помогает военное министерство <...>.

С первого же дня, слыша рассказы о том, как мало участия нашим добровольцам оказывает сербское правительство, я задал себе вопрос: кого винить? В точности сказать, кто виноват, принимая в соображение нравы этого правительства, очень трудно.

Простота администрации доведена там до последней степени.

Вы отправляетесь, положим, в военное министерство; разумеется, по привычке, вы ожидаете увидеть большие дома, залы, множество департаментов, массу чиновников и т. д.

Вместо этого, каково ваше изумление, когда вы входите на какой-то двор: направо — маленький одноэтажный дом; этот домик есть военное министерство; одна комната для военного министра, другая — для военного министерства.

Входя в это министерство, вы убеждаетесь, из расспросов, что, в сущности, там нет людей или чиновников, к которым вы бы могли обратиться с требованием себе того или другого, сабли или револьвера, или шинели, и.т. п., а что со всеми этими делишками вы должны обратиться непосредственно к военному министру.

Само собой разумеется, что вам совестно из-за этого обратиться к военному министру, — и вы остаетесь без сабли, без револьвера, словом — без того, что вам нужно.

А если вы решитесь объявить о вашей нужде военному министру, он скажет: будет сделано, — и все-таки ничего не будет сделано, ибо некому и делать <...>.

Жизнь в кофейнях, или возле кофеен, есть жизнь всех белградских жителей, с утра до вечера.

Кофеен в Белграде до 900.

Церквей православных — 4.

Старых мечетей — 7.

Цифры эти довольно красноречивы. Но вот еще одна любопытная подробность.

Ни в одном трактире, ни в одной кофейне вы не увидите русских газет.

Только в ресторане «Сербской короны» можно найти «Новое время»[1], но не потому, чтобы ее выписывали, а потому, что ее присылают «gratis»*.

Везде читают немецкие и сербские газеты.

* *Gratis* (франц.) — бесплатно.

Что сербы не выписывают русских газет — это печально, но понятно, ибо никто из сербов по-русски читать не умеет, но что ни один хозяин гостиницы, наживая на счет русских громадные, и во сне им никогда не виданные, барыши, не может, из уважения к этим русским, выписать русскую газету, — это возмутительно и отвратительно гадко <...>.

Письмо седьмое. Князь Милан

На другой день, получив карточку от нашего консула, с подписью, удостоверявшей мою личность, отправился я в конак, то есть во дворец князя Милана — представиться его светлости.

Въехал я во двор.

Здесь остановили мой экипаж два жандарма. Кстати замечу, что жандармы Сербии суть единственный вид кавалерийских войск, похожий, по мундиру и по выправке, на европейских солдат.

Одному из этих жандармов я отдал свою карточку и карточку консула.

Жандарм отправился в следующий двор и затем вошел в дом.

Простоял я минуты четыре... Явился я, на основании слов консула, в черном сюртуке, с цилиндром.

Жандарм вышел и сделал знак рукой извозчику.

Коляска тронулась, и я, въехав в другой двор, очутился у подъезда довольно большого одноэтажного дома.

На подъезде, сверх жандармов, встретил меня, в особой форме, с золотыми аксельбантами, какой-то адъютант.

Он сделал мне знак рукой.

Я вошел в переднюю.

Здесь наткнулся я на другого военного, весьма нарядного, с шитым золотым воротником, густыми золотыми эполетами и с шарфом на талии, по образцу наших.

Он сделал мне тоже знак рукой, точь-в-точь как в балете; лакей — в светло-гороховой ливрее, отворил мне дверь, и я вошел в гостиную, с дверью, открытой на балкон.

Гостиная была обита штофной, шелковой мебелью, с большими портретами князей сербских, дома Обреновичей. Тут был тоже портрет самого князя в детском возрасте.

Я подождал минуты две.

Через две минуты дверь налево отворилась, вышел из нее тот самый офицер или полковник, с густыми эполетами, и сделал мне пригласительный жест войти.

Затем он исчез, а я вошел в дверь.

Я вошел в другую большую гостиную; на заднем плане, у окна, стоял круглый стол, с письменными принадлежностями; у стола стоял князь...

Он подошел ко мне, протянул мне руку и, подойдя к столу, пригласил сесть в кресло, стоявшее возле стола.

Князь скорее большого роста, чем среднего: он толст и широк в плечах: лицо его светло-смуглое, волосы черные, брови очень заметные, глаза темные, но без особенного выражения, подбородок довольно резко выдающийся вперед; вдоль всей нижней части лица, начиная с носа, на каждой стороне большая складка, придающая ему вид улыбающегося человека, и обрисовывающаяся сильнее, когда он конфузится.

Очертание черт весьма резкое и слегка даже жесткое.

Начался разговор на французском языке, с разных вопросов, до меня лично относившихся.

Потом, мало-помалу, князь стал более развязен.

Мы коснулись жгучего вопроса — войны.

Князь спросил меня о характере сочувствия в России к настоящей войне.

Я объяснил ему этот характер.

По некоторым его отзывам я мог догадаться, что он читает и следит за русскими газетами: так, например, он спрашивал меня, правда ли, что по поводу газет произошел такой переворот в общественном настроении относительно «Голоса»[2]; потом он говорил о некоторых статьях «Московских Ведомостей»[3], спрашивал меня — я ли писал статью «Славянская Летопись» в «Гражданине»[4], и т. п., вообще, он говорил, что называется, en connaissance de cause*.

Во время разговора мы коснулись и других вопросов.

От него я впервые узнал, что новорожденный его сын не имел еще имени и не был крещен[5], и что все газетные известия об этом событии были вымышлены, что относительно этого у него одна мечта, одно желание — счастье иметь восприемником Государя, но что он теперь не знает, осуществится ли его желание, — и не смеет даже просить об этом, так как событие королевского титула могло повлиять неблагоприятно на отношение к нему главы русского правительства.

---

* *En connaissance de cause* (франц.) — со знанием дела.

При этом я позволил себе сказать одно, что мое убеждение и убеждение всякого честного русского, что, чем прямее, непосредственнее и сердечнее будет относиться князь к государю нашему, как к Государю России и как к Отцу и Руководителю каждого из его действий, тем отношения его к России могут быть лучше, и тем связь Сербии с Россией может быть крепче: малейшая неискренность, малейшая ложная сдержанность в его поведении относительно Главы нашего правительства, сто раз вреднее интересам Сербии и его собственным, чем проигранное сражение.

Мы коснулись и вопроса о провозглашении князя королем[6].

Как князь говорил, он поставлен был этим, совершенно для него неожиданным, фактом в страшно неловкое положение относительно России, во-первых, относительно Австрии, во-вторых, и — наконец, относительно своего государства.

При этом вышло роковое недоразумение. Черняев спрашивал мнения князя предварительно: в ответ князь категорически и решительно отверг всякую попытку к осуществлению этой мысли: но, к сожалению, ответ князя прибыл в Делиград двумя часами после события провозглашения.

Не придавая этому делу характера политического замысла со стороны Черняева, князь полагал, что это было скорее делом увлечения двух, трех дней, которое также скоро позабудется, как скоро и создалось.

«Кроме этого, — сказал князь, — такое событие для меня было крайне неприятно и тем, что могло бы оскорбить моего союзника князя Черногорского[7] и повлиять на наши отношения, которые до сих пор, слава Богу, были, и, надеюсь, будут самые дружеские».

Князь говорил о Черняеве с большим чувством заметной к нему привязанности, но при этом жаловался на то, что, сколько ему кажется, при всем своем усердии, начальник штаба у Черняева, Комаров[8], — не тот человек, какой нужен для столь трудного дела...

Из слов князя я убедился, что, действительно, вчера было большое сражение в Делиграде, которое, вероятно, будет продолжаться и сегодня, так как Черняев предпринял наступление со всех позиций на турецкую армию.

По поводу самого исхода этого дела, князь высказал, что, к сожалению, он не предвидит решительного результата против турецкого оружия в пользу Сербии, так как армия сербская слишком малочисленна, сравнительно с турецкой армией, и слишком мало подготовлена к войне.

По расчету князя, в Черняевской армии не более 30 тысяч человек, растянутых на 35-верстном расстоянии, тогда как у турок, по меньшей мере, 60 тысяч человек.

Князь спросил меня: хочу ли я ехать в Делиград. Я ответил, что очень желаю, но что не знаю, доберусь ли, при затруднениях в почтовых сообщениях, так как мне сказали, что гоньба по делиградскому тракту страшная.

На это князь мне обещал очень любезно свое содействие — и записал что-то на бумажке.

Я встал и распростился с князем.

— Желаю вам доброго пути, — сказал князь, — дай Бог, чтобы вы застали в Делиграде и отрадные известия; изучите как можно внимательнее положение там дела, поклонитесь от меня Черняеву, и, если можете, убедите его окончательно в том, что теперь о королевстве нам и думать не следует.

Я спросил о здоровье княгини.

— К сожалению, — сказал князь, — моя жена очень слаба; события так складываются, что отрадного для нас мало, и трудно ей восстановлять свои силы при таком нравственном настроении; я ожидаю для нее приезда Бамбергера из Вены и консультации с вашим доктором Корженевским. Пока она так слаба, что не может даже ходить.

Несмотря на то, на другой день княгиня не только встала с постели, но оделась, села в коляску и поехала навстречу первому транспорту раненых.

Этот факт красноречивее всяких слов выражает, что за женщина скрывается в этом слабом, чуть дышащем, и глубоко потрясенном событиями своей новой родины создании.

Когда я вышел от князя, я задал себе вопрос: какое общее или главное впечатление вынес я из этого свидания, и что это за личность?

Он, прежде всего, страшно застенчив.

Во-вторых, он несомненно умен.

Сколько мне показалось, он скрытен и нерешителен в своем образе мыслей.

Затем, из всего, что слышал я о нем и что я сам имел случай заметить, нужно сделать предположение, что вообще он не имеет твердого и определенного характера — и еще менее ясное сознание какой-либо политической программы, хотя, в то же время, он очень недоверчив и подозрителен к людям *по принципу*.

Мне показалось также, что он себя чувствует на лодке, качающейся на взволнованном бурей море, и дает себя клонить в ту сторону, куда накренит лодку, в данную минуту, шквал...

Затем, если я не ошибаюсь, у него не очень сильно развиты иллюзии сердца.

Вообще, это человек, который очень бы желал, без особенного труда и напряжения каких бы то ни было сил, чувствовать себя удобно и уютно;

но которого события заставляют очень тревожиться и быть беспокойным, между дипломатическими компликациями — с одной стороны, и военными затруднениями — с другой.

Но не следует забывать, входя в этот конак и приготовляясь к свиданию с князем Миланом, что если, с одной стороны, положение его безусловно тяжело теперь, то и первые годы его приготовления к настоящему были далеко нелегки.

Теперь князю, если я не ошибаюсь, 24 года.

Княжит он чуть ли не с 12 лет, прежде — в виде малолетнего, с регентами, а теперь самостоятельно.

По поводу его малолетства мне рассказывали, что он находился в руках двух государственных людей или регентов, из которых один принадлежал к либеральной партии, другой — к консервативной; при этом каждый из этих советников подучал молодого князя не верить своему сотоварищу, и, таким образом, с детских лет сроднили его душу с придворной и политической интригами.

Если таково было одно из главных условий политического воспитания князя, а вторым был тщательный полицейский, тайный надзор, как со стороны регентов над князем, так и со стороны князя над прислугой, при мысли, что его жизнь во дворце не в безопасности, то легко себе представить, как мало могло быть в этой молодости и в этом воспитании тех светлых минут, которые развивают в монархе любящие силы души и располагают его характер к откровенности, доверчивости, сообщительности, и его юную душу — к порывам и благородным иллюзиям...

Вот почему не удивительно, если этот юный принц кажется одним из старейших в своем княжестве стариков, по опытности и запасу горьких разочарований.

Письмо восьмое. Митрополит Михаил

От князя я отправился к митрополиту Михаилу.

Живет он возле собора, в доме духовного ведомства.

Тут большая простота. Деревянная лестница ведет наверх.

Наверху кто-то, в рясе, берет вашу карточку, вносит в первую комнату, — через полминуты отворяется та же дверь и вас просят войти...

В первой же комнате к вам навстречу подходит, в черной суконной рясе, с небольшим черным клобуком, монах, небольшого роста, с маленькими, умными и живыми глазами, с приветливой улыбкой, с рыжей бородой, и, дав вам благословение, просит вас в соседнюю большую залу, где есть диван, стол и поставлены в два ряда стулья, один против другого.

Первая же комната — его рабочий кабинет. В этом кабинете простой столик, на нем бумаги, простой соломенный стулик, два, три шкафа и больше ничего.

Митрополиту на вид лет 50.

Он принял меня, как принимает всех русских — особенно радушно и приветливо.

Так как он воспитывался в русской духовной академии, то, само собой разумеется, он говорит по-русски чисто русским языком, во всех отношениях правильным.

Митрополит Михаил есть, без сомнения, главное государственное лицо в Сербии: он, в одно и то же время, руководитель дела, в его тайных и внутренних, так сказать, областях, а в то же время — в нем сосредотачиваются все мирящие и миротворящие силы бурного сербского политического мира...

Можно безошибочно сказать, что для такой важной роли митрополит стоит на высокой стезе неизмеримо трудного поста.

Он обладает, во-первых, тонкой хитростью политика и дипломата, даром слова, большим умом, удивительной проницательностью и необыкновенной мягкостью в тоне речи и каждом проявлении его личности.

Нет вопроса — во всех сферах политической жизни Сербии, в настоящее время, к которому не соприкасалось бы личное влияние митрополита, начиная с военных вопросов и кончая дипломатическими, так что если какой-нибудь вопрос или какая-нибудь область этой многосторонней деятельности ускользает от постоянного влияния митрополита Михаила в настоящую минуту, так это одна только, к сожалению, духовная область, или церковная.

Об ней, среди забот о пушках и ружьях, о болгарах и сербах, как будто позабыли: сербские священники сели верхами на своих маленьких лошадей и отправились со своими полками или четами на войну, а, затем, церковь замолкла и как будто замерла...

Заслуги и ум митрополита, чисто политические, уже далеко до войны дали о себе знать и принесли свои плоды, ибо если новая конституция сербская, с князем Миланом во главе и с министерством Омладины или Ристичем, держалась в эти годы, при агитации против нее весьма несла-

бой партии консерваторов, или Карагеоргиевской, то нет сомнения, что многим, в этом отношении, Сербия обязана уму и примирительному влиянию митрополита Михаила.

А между тем, взглянув так, мимоходом, на этого веселого монаха, вы никак не догадаетесь об его значении и о громадной его политической деятельности.

Подумаешь, что он ничего не делает — и ровно не причем у творящихся в Белграде дел.

Главным образом, он сам вас введет в обман...

Он начнет вас расспрашивать и выслушивать, точно сам ничего не знает.

Потом он начнет вам говорить так, что вам кажется, что он ничего не сможет сделать, а всю надежду на вас возлагает, или на кого-нибудь другого.

А между тем, он про себя уже решил, как поступить, и знает досконально все, о чем он вас расспрашивает, с наивностью самого несведущего человека.

Никогда вы от него не услышите о том, что он сделал, что он знает, что ему предстоит сделать, — и в этом отношении, признаюсь, я нахожу, что он удивительно умен и ловок.

Всякий министр с ним советуется; князь всегда с ним сообщается; кроме того, всякий, кому нужно, имеет к митрополиту немедленный доступ и, наконец, ежедневно он пишет доклады по церковным делам, принимает всех русских, отдает им визиты, получает до пятидесяти, а иногда и более писем в день, отвечает на письма, получает до пятидесяти и более телеграмм в день, должен на каждую отвечать и, среди всего этого, находит еще время служить обедни и быть на всяком молебне и на всяком отпевании убитого сербского или русского офицера, — если все это распределить между двадцатью четырьмя часами дня и сообразить, что почти все занятия митрополита требуют постоянного умственного напряжения, то поневоле придешь к заключению, что он, как личность государственная, принадлежит к самым крупным деятелям современного политического мира в Европе.

Ко всему этому прибавлю вот еще что: мне показалось, или, вернее, я почувствовал, после нескольких долгих бесед с митрополитом Михаилом, что он один из немногих между политическими людьми современного Белграда — *патриот*.

Как бы странно это уверение ни казалось, но я уверен, что оно справедливо; я говорю: в Белграде; ибо, положительно, тот, кто в Белграде понимает, что такое патриотизм — есть редкость; горсть патриотов от-

правилась на войну, а масса людей, не имеющая понятия о патриотизме, осталась в Белграде, за министерскими столами и в разных кофейнях...

Первый вопрос митрополита ко мне был о том же, о чем был первый вопрос князя: чего ждать от России?

Я сказал ему, что правительство наше войны не хочет, что общество настроено к войне, но что из этого вовсе не следует, чтобы ожидания войны были основательны.

— И неужто Россия не вступится? — спросил митрополит.

— То есть, как? И когда? — ответил я. — Мне кажется, что о немедленном вступлении России не может быть и речи.

— А когда же?

— Когда-нибудь...

— А до этого мы погибнем?

— Нет, не погибнете; но, сколько мне кажется, по всему, что я вижу и слышу здесь, вы смотрите на настоящие события иначе, чем мы смотрим: мне кажется, например, что мы еще у пролога огромной драмы, а вы уже ожидаете эпилога.

— Как так? — спросил, добродушно улыбаясь, митрополит.

— Да так: вы всего ожидаете от нынешней минуты, а мне кажется, что всего надо ожидать от будущего, для нашего нетерпеливо ожидающего взгляда — далекого и совсем закрытого.

— И неужто вы думаете, что Россия не двинется.

— Я думаю, что нет, я думаю, что не в этом вся важность.

— А в чем же?

— А в том, искренне ли ваше дело? По-моему, это гораздо важнее. Россия всегда сумеет свое дело сделать; но с тех пор, как я в Белграде, меня мучит другой вопрос: братья ли мы, или чужие.

— Ну, полноте!

— Право, — сказал я, — здесь так мало родственного, что, право, не знаешь, не любите ли вы Австрию столько же, сколько и нас...

Митрополит засмеялся и стал меня расспрашивать о том, почему у меня такие мысли и на чем основаны показания.

В это время вошел к митрополиту министр внутренних дел, человек лет пятидесяти, с проседью, с умной и энергической фигурой и с манерами очень приятными[9] <...>.

Это был первый разговор, где мне послышалась та резкая нота, которая после не раз терзала немилосердно мне ухо.

Нота эта была какая-то снисходительно благосклонная манера говорить про русских. — Да, все это прекрасно, ваши деньги, ваши люди, ваша

кровь, но давайте-ка нам другое: вашу армию, — вот что слышалось в каждом слове и, в особенности, в интонации каждого слова почтенного сановника Сербии <...>.

Письмо девятое. Ристич

Ристич живет в одном из лучших домов Белграда, позади княжеского дворца. Дом этот казенный, и — из уважения в необходимости иметь дело с разными европейцами, носит отпечаток чего-то более нарядного и роскошного, чем остальные министерства.

Ристич — красивый мужчина среднего роста.

Ему на вид лет сорок с небольшим. Волоса и борода черные, с проседью. Физиономия спокойная, мягкая, приятная и умная. Манеры его изящные и общий вид производит симпатичное впечатление.

Говорит он (всегда по-французски) не спеша, не возвышая голоса, ровно, тихо, спокойно и хорошо: в его речи вы никогда не услышите ни жесткости, ни порыва; каждая фраза выливается после обдумывания и звучит именно как фраза обдуманная.

Он принадлежит к числу людей, говорящих музыкально: вот почему я не думаю, чтобы Ристич мог, в какую-нибудь торжественную минуту, воодушевить собой или побудить на энергичное решение...

Ристич, несмотря на то, что события сделали его самым воинственным государственным человеком Сербии, всего менее похож на этого представителя партии войны: он носит облик именно, и прежде всего, самого мирного государственного мужа.

Впрочем, он этому мирному характеру своей личности во многих случаях оказался верен, а именно там, где он всего нужнее был для успехов войны — в области сношений с дипломатами в Белграде.

Трудно себе представить положение более трудное и критическое, чем то, в котором находится постоянно Ристич, ибо если турки имеют своих черкесов и башибузуков, то Европа имеет своих дипломатов, которые, между нами будь сказано, в иных случаях для Сербии и для Ристича вообще — должны казаться нисколько не милее и не мирнее башибузуков.

В особенности беспокоит Ристича английский и австрийский консулы.

От них нельзя отделаться и с ними сделаться еще труднее.

Минута, когда Черняевская армия провозгласила князя Милана королем Сербии, состарила бедного Ристича на целые десять лет. С одной стороны, является австрийский консул и объявляет, что он в 24 часа выедет из Белграда, если сербское правительство примет корону; с другой — английский консул приезжает и начинает разыгрывать сентиментальную сцену, вроде следующей.

Входит английский консул.

Он шагает трагическим шагом и держит в правой руке платок, означающий, что он сейчас им обтер глаза...

Останавливается перед Ристичем и пожимает его руку.

Ристич смотрит исподлобья, наклоняя голову.

Молчание.

— Как? — проговорил консул.

— Что? — отвечает Ристич.

— Как? — повторяет консул Альбиона, — после всего, что Англия для вас сделала?

— Да успокойтесь, сэр, мы короны не приняли.

— Еще бы вы приняли... О, неблагодарность!

— В чем?

— Как? Мы защищаем вас своей кровью, своими деньгами, своим сердцем, своими речами; мы вам ежедневно доказываем, насколько мы не сочувствуем Турции, и насколько мы любили вас и хотели вашего счастья, и вдруг, в итоге, вы замышляете сделаться — чем? Ведь одна мысль уже преступление — королевством, когда вы знаете, что в Англии королевство!

— Да мы не хотим, сэр, могу вас уверить...

— Нет! Хотите вы или не хотите — это все равно: отныне мы вас лишаем нашего могучего и благодетельного покровительства; прощайте, между нами все кончено; я вам доставлю ноту моего правительства, которое поручило мне вам передать самые неприятные вещи в самой приятной форме, — и затем мы промениваем наши чувства к вам на те же чувства дружбы к Турции...

Это одного рода сцены, сцены непредвиденные, или острые, или эпизодические.

Но, затем, есть другого рода сцены, сцены *хронические* или *перемежающиеся*, которые повторяются с удивительной аккуратностью чуть ли не еженедельно, и в которых главная роль выпадает на долю Австрии.

Сцены эти разыгрываются так.

Приходит австрийский консул к Ристичу.

Разговор начинается о текущих событиях: Черняев сделал то-то, русские делают то-то, Австрия желает того-то, Англия хлопочет о том-то и т. д.

Ристич должен на каждое заявление давать то, что в дипломатии называют *удовлетворительным ответом*.

Иногда известного рода гм-гм или кашель считаются удовлетворительным ответом, а иногда от него, несчастного, требуют ответа более обстоятельного и plus motive*, как говорят те же дипломаты.

Но вот вдруг прерывается обычная нить дипломатического разговора: инструкции, ноты, депеши — все это откладывается в сторону и прибирается...

Австрийский консул подсаживается ближе к почтенному Ристичу.

Вот берет он его за руку.

Начинается приготовление к duo d'amour**.

— Послушайте, — начинает австриец, — все это прекрасно — наши официальные отношения, но я бы хотел другого...

— Чего же, — спросил робко Ристич.

— Дружбы, — но, знаете, такой дружбы, о которой теперь, в наш век эгоизма и холодного расчета, утратилось даже предание.

— Дружбы между нами? Я очень польщен, поверьте...

— Нет, между моим государством и вашим княжеством; знаете, такой дружбы, которая была бы проникнута полнейшим доверием, доверием безграничным.

— С обеих сторон?

— Да, с обеих, но в особенности с вашей стороны; мы, видите, вам верим, но этого мало, мы хотели бы, чтобы вы в нас верили смело, твердо, безусловно и, в особенности, без соперников.

— Мы готовы, но вот одно затруднение: мы не знаем, чему верить — вашей любви к нам или напротив...

— О, разумеется, любви. Любовь эта в нас так сильна, что она требует двух условий: она не терпит соперников и, во-вторых, она требует поглощения.

— То есть как?

— Соперник наш — Россия; не любите ее, бросьте ее и полюбите только нас.

— И вы нас поглотите?

— Мы вас поглотим — да, но не мы, а наша любовь к вам вас поглотит... понимаете? Вы будете счастливее, чем теперь; возьмите наших славян, —

* *Plus motive* (франц.) — более обстоятельный.

** *Duo d'amour* (франц.) — любовный дуэт.

чем они несчастливы? У вас есть конституция, и у нас есть конституция; только вся разница в том, что вашей конституцией вы обязаны пользоваться, а нашей... вы можете ей не пользоваться, как, например, наши чехи, наши русские, наши сербы, наши словаки, — что для них и для нас очень удобно; они знают, что могут всеми правами пользоваться, они знают, что могут быть свободны, но они не пользуются этим.

— Не могут!

— Не хотят или не могут — это все равно; мы вам даже больше можем обещать, мы вам оставим вашего князя, и вас, министров, оставим, но с одним условием, чтобы вы разорвали всякие связи с Россией.

— Это невозможно.

— Отчего?

— Оттого, что наши народы связаны взаимной симпатией.

— Что народы! Кто из них говорит в политике.

— И потом, если позволите быть откровенным...

— О, сделайте милость, откровенность в дипломатии — это лучшая ее сила!

— Мне кажется, что тут не столько важен вопрос о симпатиях, сколько вопрос о том, кто прочнее для будущего — вы или Россия?

— Россия, кажется, прочнее. Зато мы либеральнее: у нас конституция, а в России деспотизм.

— Да, но, знаете, между нами говоря, я того мнения, что все ваши конституции — большой пуф, и больше ничего; нам не либерализм теперь нужен, а большая сила, которую только Россия нам одна и может дать; а вы нам, вероятно, все дадите, кроме силы.

— Что сила: посмотрите, разве Россия сильна? Что она может одна? Ничего, а мы ведь сильнее ее, когда дело касается Восточного вопроса: за нас все враги России, начиная с Турции.

Само собой разумеется, что такого рода разговоры и такого рода предложения дружбы повторяются теперь чаще, чем когда-либо, ибо почтенный консул австрийский никак не может мириться с зрелищем таких русских «полчищ», которые наводняют Белград и Сербию, и с каждым днем принимают все большие размеры...

Понятно, что по мере того, как эти «полчища» увеличиваются, учащаются и дружеские беседы австрийского консула с Ристичем.

Впрочем, надо отдать справедливость Ристичу: он очень ловко сохраняет равновесие на том канате, на котором ему постоянно приходится выделывать разные эквилибрации, более или менее опасные для него и для Сербии вообще.

Но этими двумя консулами далеко не исчерпываются все серьезные трудности положения Ристича.

Есть еще третий консул, с которым ежедневно надо считаться.

Этот третий консул — русский.

Тут совсем другого рода затруднения.

Здесь приходится переживать Ристичу минуты тоскливых ожиданий и тяжелого неведения.

Что делать, как быть?

Русский консул в Белграде — это то лицо, или, вернее, тот оракул, который должен давать ответы на всевозможные вопросы сербской политики — внешней и внутренней.

Эти вопросы задает всегда Ристич.

Но каково его положение, когда, задавши русскому консулу крайне нужный и важный вопрос, он получает в ответ такое изречение оракула: *не знаю, инструкций на этот счет все еще не имею*, и т. п.

Иногда бывает так: все консулы совокупно, кроме русского, явятся к Ристичу и объявят ему решение своих правительств.

Решение это для Ристича крайне неприятно.

Он бежит к русскому консулу и спрашивает совета.

Русский консул отвечает: очень рад был бы помочь советом, но я не имею никакой инструкции на этот счет.

Такое было положение для Ристича в мою бытность в Белграде, когда Сербия отказалась принять семидневное перемирие — вторичное.

Снова, один за другим, а потом вместе, все европейские консулы напали на бедного Ристича так, что он не знал, куда ему деваться от гнева «держав-покровительниц», не допускавших, чтобы Сербия дерзала находить невыгодным для себя перемирие 7 дней, предложенное Турцией в своих интересах; и Англия, в особенности, послала Ристичу такую головомойку, что он двух ночей не спал.

Стремится Ристич к русскому консулу.

— Что делать? Европа нам грозит, — говорит Ристич.

— Не знаю, — отвечает Карцов, как-нибудь увернитесь, а я, тем временем, может быть, успею получить инструкцию.

Вот в этом-то «*как-нибудь увернитесь*» и заключается весьма ловкая политика Ристича.

Министр иностранных дел маленькой Сербии должен ведаться с целой Европой и держаться против всевозможных мин и приступов, подводимых дипломатией против сербских и вообще славянских интересов.

Оттого, когда Ристич говорит, что нет в Европе более трудного поста, чем его пост, ибо нет города, где бы интрига политическая была более развита, чем в Белграде, он совершенно прав.

Но если человек ловко умеет извертываться посреди интриг и подкопов, то можно вперед сказать, что от такого человека нельзя ожидать *искренности*.

Да и требовать ее вряд ли можно!..

И действительно, искренним представить себе Ристича положительно немыслимо, ни относительно австрийцев, ни относительно России и русских.

Тем не менее, он говорит много о своих русских симпатиях в настоящую минуту.

Но здесь кстати вспомнить французскую поговорку: тон производит музыку.

Всякий раз, когда я слышал Ристича, говорившего о своих русских симпатиях, я представлял себе совсем другое, чем то, что он мне говорил.

При этом, скажу откровенно, меня сердила та снисходительная благосклонность, с которой он говорил о русских, давая мне понять, что если они, сербы, к русским так любезны и так предупредительны и даже так деликатны теперь, то это из уважения только к тому, что в них теперь крайняя нужда...

Впрочем, entendons nous*, как говорят французы, — слишком принимать к сердцу это впечатление, которое на вас, как на русского, производит тон благосклонно любезный и милостивый Ристича, когда он говорит о русских и России — не должно.

Не надо забывать двух вещей: во-первых, Ристич — цветок парижской цивилизации; следовательно, его понятие о России не шире и не глубже понятий всякого образованного и умного француза, который знает, что есть большая земля, именуемая la Russie, что в этой земле был Pierre le Grand, потом Alexandre Premier, потом Nicolas et Sevastopol, и что, затем, в этой Russie есть des cosaques; по своему положению министра иностранных дел в Сербии, Ристич, как умный человек, успел кое-какими отрывочными сведениями заткнуть чересчур большие пробелы в россиеведении, но, все-таки, он остался относительно России умным парижанином, кое-что знающим, sur le православие, et le славянский мир, en general**, и больше ничего: значит, винить его в том, что он не может пи-

* *Entendons nuos* (франц.) — подождем.

** *En general* (франц.) — в общем.

тать к России никаких серьезных чувств, нет возможности: скорее, это мы виноваты в том, что мы не предвидели событий сегодняшних, не позаботились вчера о том, чтобы Ристичи воспитывались для Сербии в России, а не в Париже...

Во-вторых, мы не должны забывать, что Россия — громадное славянское государство, а Сербия — маленькое, и что в государствах, как в людях, чем они меньше, тем, подчас, они самолюбивее и щекотливее на самолюбие, — чем они больше, тем они добродушнее.

Наконец, вот еще что: если бы Ристич только видался с русскими и с русским консулом, он невольно бы говорил о них и с ними без всяких тонов, а просто; но он ежедневно видится с иностранными европейскими консулами — и в сношениях с ними, a force de les voir*, приобретает привычку быть, так сказать, малодушным Пилатом относительно России, ибо главная забота иностранных консулов — изобретать всевозможные каверзы, чтобы колоть глаза и даже пристыживать бедного Ристича Россией; а ему приходится, поневоле, их уверять в том, что он «*не то, чтобы уж очень любил Россию*» и распинался за нее... Отсюда — чисто механически усвоенная привычка говорить снисходительно-благосклонно о русских <...>.

Письмо одиннадцатое. Министр внутренних дел и Омладина

В беседе с министром внутренних дел я услышал от него слово «Омладина».

— Что такое в сущности ваша Омладина? — спросил я, — говорят, что она вообще не очень расположена к русским.

Министр засмеялся.

— О, нет, это чистейшая нелепость!

— Однако все говорят это, и есть пословица «pas de fumée sans feu»**.

— Омладина, видите, что значит теперь, — я вам сейчас объясню. Когда-то в австрийской Сербии образовалось общество, поставившее себе задачей освобождение и объединение всех славян; знаменитый сербский депутат Милетич, недавно преданный суду и посаженный в тюрьму в Австрии, был одним из самых фанатичных умов Омладины. В состав этой Ом-

* *A force de les voir* (франц.) — посредством того, что видится с ними.

** *Pas de fumee sans feu* (франц.) — нет дыма без огня.

ладины входили и сербы наши; общество это собиралось и толковало об объединении славян до тех пор, пока австрийское правительство не закрыло этого общества. Тогда Омладина исчезла, и в скором времени ее название перешло по наследству к так называемой либеральной сербской партии, к которой принадлежат большей частью все нынешние министры. Затем, есть партия очень молодых людей в Сербии, которые, хотя и называют себя омладинцами, но на самом деле они сами не знают, чего хотят, и имеют политическую программу самую неопределенную: они хотят вперед идти по пути прогресса и либерализма, хотят более широкой конституции, хотят республики, хотят, в то же время, расширения пределов Сербии — и так далее; словом, они всего хотят, и, что странно, в числе этих людей вы можете найти партизан Карагеоргиевичей, а партия эта не только не есть либеральная партия, но именно ретроградная. Мы же составляем собственно Омладину, т. е. умеренно-либеральную партию, — отстаивающую нынешнюю конституцию, и в то же время нынешнюю династию, так как одна из статей нынешней конституции провозглашает низвержение навсегда и изгнание из Сербии дома Карагеоргиевичей. Таким образом, — прибавил министр, — если вы хотите, мы хотя и называемся партией либеральной, как представители Омладлины, но на самом деле мы — партия консервативная, так как стоим за конституцию и за династию, и охраняем эту конституцию от попыток неумеренных либералов ее делать более либеральной; наше убеждение твердое заключается в том, что теперь еще не время давать Сербии слишком либеральную конституцию.

— Значит, — заключил я, — вы называете себя партией консервативной, и партия Карагеоргиевичей называет себя консерваторами...

— Да, но на самом деле, их партия не консервативная, а ретроградная.

— А они говорят, что на самом деле ваша партия не консервативная, а красная.

— Это неверно; мы именно умеренно-либеральны.

— Но что вы называете *слишком либеральным*, когда вы говорите, что Сербия еще не дожила до этого, слишком либерального правительства, и этим заставляете предполагать, что когда-нибудь она созреет для этого излишка либерализма?

— Слишком либеральным я назвал бы уничтожение, например, той статьи конституции, на основании которой в известные, опасные для края, минуты князь и министры его забирают в свои руки диктаторскую власть.

— А князь один не может этого сделать?

— Нет, только вместе с министрами.

— А если министры этого не захотят, а князь захочет диктатуры, тогда что?

— Тогда министры подают в отставку, и князь образует новое министерство.

— Из другой партии?

— Да, разумеется.

— И тогда это новое министерство принимается за сочинение новой конституции, и, провозглашая династию Карагеоргиевичей, свергает династию нынешнюю?

— Нет, новое министерство обязано присягнуть конституции.

Во всяком случае, несомненно одно: крайние министры настолько либеральны, насколько это нужно для того, чтобы, с одной стороны, быть популярными, и беречь свои места — с другой стороны.

К этому министр внутренних дел прибавил, что их нынешний президент совета министров[10], почтенный старик, близкий к восьмидесяти годам, есть как бы патриарх Омладины и пользуется большим авторитетом и уважением среди молодежи.

— От этого старика, — сказал министр, — вы услышите самые искренние речи и в этих искренних речах самая главная нота, la note dominante*, есть любовь к России.

— И к русским? — спросил я.

— И к русским, — ответил министр, — и если допустить — что несомненно — большое влияние этого старика на среду сербской интеллигентной молодежи, то нет ни малейшего сомнения, что одним из мотивов его влияния должна быть любовь к России, так что, в этом отношении, мне кажется, мысль, что Омладина наша не разделяет чувств народа к России — крайне ошибочна.

Так как я лично старика министра-президента не видел, и к тому же не мог бы с ним говорить подробно и свободно, так как он говорит только по-сербски, то осталось мне поверить на слово министру внутренних дел.

Но вот что любопытно.

Что бы ни говорил почтенный министр внутренних дел о чувствах сербской молодежи к России — факт тот, что эта молодежь, как только она интеллигенция, не только не симпатизирует русским, но находит себя вправе смотреть на них свысока, т. е. с высоты своей культуры и интеллигенции <...>.

---

* *La note dominante* (франц.) — главная нота, доминанта.

Воспитание этой культурной сербской молодежи получается в их белградском лицее — учебном заведении, недоросшем, за неимением учебных и денежных средств, до университета.

Там учат профессора, все получившие образование или в Германии, или во Франции.

Учение выходит поверхностное — с одной стороны, реальное — с другой. Литература, история, философия, религия, искусства — все это почти не входит в образовательный курс; об русском мире и помина нет.

И вот, из этого всего выходят какие-то умственные недоноски, для которых культурное развитие делается не облагораживающим, не возвышающим дух началом, а каким-то уродливым подстрекателем смотреть на все в жизни грубо, цинично, эпикурейцами и смеяться над словами: долг, дисциплина, патриотизм, вера, нравственность, и еще более над словами: Россия, русские, русское влияние и т. д.

Вообще, образование местное, выходящее из пределов низшего, имеет растлевающее и обезличивающее влияние на сербскую молодежь, потому именно, что правительство Сербии, поддавшись влиянию поверхностно передовых фанатиков и утопистов, позаботилось не о том, чтобы высшее образование было серьезно, добросовестно и основано на началах христианского образования, а о том, чтобы оно как можно скорее приравняло массу культурного слоя к вольнодумцам парижских бульваров...

Это — капитальная ошибка, сделанная новым поколением сербских политиканов, горькие последствия которой только теперь начинают высказываться в отсутствии в образованных слоях сербского народа тех твердых нравственных начал, которые дают государству и народу стойкость, мужество и желание, в известные критические минуты, личные интересы и личные мнения приносить в жертву великим идеям народности и патриотизма <...>.

* * *

Не раз, по моем возвращении, задавали мне вопрос, что такое сербский народ?

Когда посмотришь на него, сидя в коляске, и увидишь серба на поле с его парой волов, тогда глазу кажется, что перед ним медленно, лениво и в спокойном обладании своей личностью идет малоросс, хохол Полтавской губернии; тот же общий контур, тот же приблизительно костюм, то же бритое лицо с длинными усами, те же наружные движения, тот же рост...

Но когда подойдешь к этому сербу и начнешь с ним говорить, то сходство это значительно ослабляется: степень развития другая и характер, как будто, другой.

Серб гораздо менее развит малоросса.

В характере его есть черты, отсутствующие в хохле, например: добродушие, наивность, доверчивость.

Зато, сколько мне показалось, и сколько мне говорили, есть и схожие с малороссом черты: упрямство и лень.

Мужчины представляют собой тип довольно красивый и стройный; средний рост преобладает, маленького роста почти не видать.

Женщины красивы, но красота эта представляет что-то слишком однообразное и неоживленное; слишком мало игры физиономии на женских лицах.

Народ вообще груб, невежествен и необразован до последней степени.

Руготня самым невообразимыми словами и ужасное кощунство в этой брани — явление самое обыкновенное в народе.

О религии он почти не имеет понятия; церквей почти нет, а священники — это скорее поверенные в делах своих прихожан, чем служители церкви.

В армии при каждой чете есть свой поп.

Как мне рассказывали офицеры, попы эти, ничем или весьма мало отличаются от своих прихожан уровнем образования, занимаются тем, что рассказывают своим односельчанам разные сплетни про деревню, ссорят людей между собою, и вообще держат себя до такой степени ниже своего призвания, что русские офицеры подчас принуждены были принимать относительно попов этих строгие меры дисциплины.

В нравах простонародья сельского, как простонародья городского, относительно распущенности, нет разницы.

Замужняя женщина не считается в народе обязанной быть своему мужу верной.

Всякие семейные скандалы суть явления самые обыкновенные, никого не удивляющие.

И если прибавить к этому, что нередко в этих любовных похождениях играет роль поп прихода, то легко себе представить, что это за нравственный уровень.

Но рядом с этим вы никогда не услышите в сельском быту о краже, о мошенничестве, об убийстве, о грабеже и тому подобных преступлениях.

Серб села инстинктивно честен.

Он также инстинктивно добр.

Эти две черты, сохранившиеся в народе сельском, объясняются общим довольством в материальном быту.

В Сербии до войны не было нищих...

Все в Сербии более или менее богаты, то есть имеют свое собственное состояние, и наслаждаются жизнью.

Очень богатых людей почти нет; уровень массы почти везде одинаков; нет страсти к наживе, нет цели обмануть или похитить; кулак в Сербии немыслим иначе, как в роли содержателя мианы*.

Вот это-то общее благосостояние, общее наслаждение жизнью и объясняет, почему в Сербии нет солдат в пехотных и конных милициях, и нет потому, что с той минуты, как серб поступил в ряды войска, не имея понятия о нравственной стороне своей службы, он испытывает одно лишь: лишение разом всего того, к чему он привык, с чем он сжился, как с условиями жизни, без которых она для него немыслима.

Это — рыбы, взятые из реки и пересаженные в стоячую воду.

Оттого главная духовная черта в этом солдате есть непреодолимая тоска по дому или по *куче*, как говорят сербы, то есть самое естественное и понятное желание быть дома.

Доказательством тому, что это так, служит тот же серб-солдат в артиллерии или в инженерном войске.

Ходит он скоро, держит себя молодцом, выправка и осанка легкие, красивые и бодрые, лицо выражает сознание исполнения долга, так что если вы этого солдата поставите рядом с русским, вы не отличите его от русского.

Наоборот, серб-пехотинец выглядит как нищий, усталый после долгой ходьбы, как нищий, вышедший полувыздоравливающим из больницы, как нищий, который в данную минуту, чтобы подействовать на прохожего, внезапно придает лицу и всей своей фигуре что-то поразительно несчастное.

Таков серб-пехотинец.

И все это только потому, что серб-артиллерист успел отвыкнуть от своего дома и от своей животной, так сказать, жизни, а серб-пехотинец не успел.

Другой причины различия вы не отыщете.

И ради ее-то серб-артиллерист храбр и стоек, а серб-пехотинец не умеет стоять и подвержен ежеминутно опасности панического страха.

Таковы главные черты сербского народа.

Затем, остается прибавить черту, мной везде подмеченную.

---

* От *механа* — трактир, корчма; здесь (*миана*) — разговорный вариант.

Сербы вообще народ невеселый: песни их заунывны и скучны. А когда эти заунывные песни поются ими на боевой стоянке и получают интонацию той душевной тоски, которая солдата грызет и гложет, — тогда слушать эти песни нет никакой возможности, так вас за душу и тянет: нервы все расслабляются и, точно заразительная болезнь, это нервное состояние тоски переходит от поющего ко всем, слушающим его, соратникам.

Не раз русским офицерам приходилось приказывать *не петь*, а выучить серба петь веселую и лихую русскую солдатскую песню оказывалось совершенно невозможным.

Вообще, как я подметил уже в дороге, где сталкивался с разными типами из народа, — зрелище русского есть для серба что-то такое, к чему он доселе не может привыкнуть.

Смотрите, как смотрит он на этого русского: глаза так и вытаращены, лицо выражает какое-то сверхъестественное изумление, и все-таки от изумления к пониманию этого русского он никак не может перейти.

Вы входите в миану.

Сидят кругом столов в разных ленивых позах сербы.

Едва вы вошли, сейчас на вас начинают смотреть, и с этой минуты до той, пока вы не уйдете, серб не перестает на вас смотреть.

Но на что он смотрит, и какова главная причина его изумления?

Это-то и любопытно.

Он на вас смотрит потому с изумлением, что вы едете на войну, не будучи к тому обязаны, и едете весело, бодро, да еще поете лихую песню, или насвистываете веселый мотив.

Это его поражает, и он в вас видит существо из сверхъестественного мира, жителя луны и не может прийти в себя.

Для него представление о войне тождественно с представлением *ада*.

И вдруг видит он, что в этот ад, от которого при одной мысли у серба делается лихорадочный холод, и за сердце хватает ужасная тоска, какие-то люди, и именно русские, идут веселее, чем идут они, сербы, в свою кучу.

Но если серб изумлен видом этого русского, идущего весело в ад, то не менее изумлен русский простолюдин, вступающий в любую сербскую деревню, духовными отношениями серба к войне.

Не говоря уже о том, что у бедного серба в этом состоянии изумления, чисто ребяческого и дикого, относительно русского, и в этом, не покидающем его ни на минуту ужасе к войне, не может вырваться сердечного порыва восторга к этому русскому — (этот вопрос дело будущего) — русского изумляет то, что этот серб не протягивает ему дружески руки в знак сочувствия, со словами: «Добро, братец, пожаловать».

Серб стоит перед ним, разинув рот, и с благоговением готов ему все отдать, если тот вздумал бы взять, но сам от себя он не знает, как и подступиться к этому страшному существу, идущему на войну в виде добровольца. После этого легко ответить на вопрос: рады ли сербы воевать?

Народ не может даже постигнуть, из-за чего это бедствие где-то в Сербии происходит: нравственные побуждения войны, честь, патриотизм, услуга угнетаемым братьям — для него понятия или чувства несуществующие, а внешние или материальные заботы, как то: увеличение земли, добыча, королевская корона — все это для него мысли, никогда не бывавшие в его голове.

Он одно знает: ему было хорошо, он ни в чем не нуждался, ни над чем не тосковал.

А теперь ему не хорошо, он нуждается в ушедших из дома, когда он дома, и в доме, когда он на войне.

Он работал для себя.

А теперь явились какие-то повинности работать для других.

Взявши все это вместе в соображение, серб находит причины ненавидеть войну, но причины, освещающие эту совокупность бедствий каким-то духовным светом, и облагораживающие, и облегчающие эти подвиги самопожертвования — для него не существуют.

Но вот еще вопросы.

А что такое сербы в своей политической жизни?

Что такое сербский народ относительно своей конституции?

Что такое эта знаменитая сербская скупщина?

Все это, увы, пресмешная и жалкая комедия.

После всего, что я сказал для характеристики этого народа, читатель поймет, может ли этот народ принимать участие в своем самоуправлении, даже в конституционном.

В этом отношении довольно интересны слышанные мной от разных лиц отзывы, характеризующие политическое положение сербского народа.

Что такое скупщина?

Скупщина есть палата представителей сербского народа.

Но кого избирает сербский народ в свои представители?

Это-то и любопытно.

Сельский сербский народ избирает своих трактирщиков или содержателей миан.

Я сказал, что эти содержатели миан представляют сами собой некоторое подобие наших *кулаков*.

Да, оно так и есть, и вот эта-то черта и есть главная причина, почему трактирщик попадает в члены скупщины.

Он кормит и поит серба-крестьянина.

Он сообщает ему цены на продукты.

Он умеет читать газеты и передавать известия.

Он знаком более или менее близко и приятельски с местными властями и начальником станицы.

Он умеет дать совет.

Словом, он один может оказать тысячи услуг сельскому обывателю.

Спрашивается, кого же выбирать в уполномоченные, как не его?

И его выбирают поселяне, как горожане выбирают какого-нибудь *интеллигента-студента*, с очками на носу, с наглыми манерами и с разнузданным языком.

Главные члены скупщины, если допустить, что они были содержатели миан, могли ли они с ужасом говорить против войны, когда они знали, что им одним движение войны принесет много выгод, это раз, а, с другой стороны, когда так легко было эту крайне необразованную и с народом не связанную *любовью* массу подбить к той самоуверенной роли в войне, какую присвоило себе сербское правительство — какими угодно фантасмагориями?

Это-то и случилось.

А верхняя палата?

Ее нет!

Вероятно, оттого политическое устройство Сербии во всех отношениях так непрочно.

— У нас ведь ни один князь с тех пор, как существует княжество, не умер на престоле: все были или зарезаны, или прогнаны, — говорил мне министр внутренних дел, — вы понимаете, что при таком порядке вещей нам нужна была строгая и *не совсем* либеральная конституция.

Такое воззрение на конституцию довольно само по себе характеристично.

В Европе жизнь государства вырабатывает конституцию для удовлетворения государственному благосостоянию.

В Сербии конституция имеет целью обеспечить князю, что его не прогонят и не зарежут!

Да, оно так и есть.

Народ сербский — нечто вроде пастухов Аркадии — не нуждается ни в какой конституции и даже ни в каком правительстве.

Но правительство нужно там только для охранения самого правительства, то есть для того, чтобы оберегать и защищать свою ненужность для народа.

А так как князь есть глава правительства, а министры, разделяющие с князем ответственность, — правители, то конституция, как совершенно верно выразился министр внутренних дел, не имеет, в сущности, другой цели, как обеспечить голову и престол князю и власть министрам.

При таком условии не все ли равно, в сущности, сколько палат в Сербии, две или одна: обе были бы не нужны, как не нужна и одна.

Народ не участвует в своей политической жизни, потому что он ни телом, ни духом не вышел еще из блаженного периода первого детства.

Сербский народ — в пеленках ребенок.

А правительство Сербии с ее уродливой конституцией, это — последнее слово политического либерализма, — какое-то здание, построенное в духе Луи-Блана[11], в среде которого Гамбетта[12] нашел бы себя слишком консерватором.

Письмо восемнадцатое.
Княгиня Наталия.

По возвращении моем в Белград, я имел *счастье* представиться княгине Наталии.

Подчеркиваю это слово: счастье, ибо действительно счастье было двойное: во-первых, княгиня во все это время была очень нездорова, и видеть ее было трудно; случилось же, что в тот день, когда я получил разрешение представиться, она чувствовала себя несколько крепче и могла принимать; во-вторых, увидеть княгиню Наталию значило увидеть героиню этой печальной эпопеи, которая носит название сербской войны.

Во все времена и у всех народов, в критические минуты их жизни, являются крупные личности, которые концентрируют, так сказать, в себе или олицетворяют те великие движения мысли и страстные стремления сердца, которые составляют духовный мир народа в данную минуту.

Тогда являются герои и героини; для современников они — двигатели, для потомства — легендарные лица, про которые складываются сказания и сочиняются песни.

Герой в настоящую критическую минуту для Сербии есть, без сомнения, Черняев.

Героиня же — княгиня Наталия.

Если искать определения, какого рода характер имеет эта героиня, то пришлось бы ее назвать *доброй феей сербов*, а христианским языком я бы назвал ее представительницей перед Богом за судьбы сербского народа.

Эта необыкновенная юная женщина имеет в себе именно все волшебные прелести доброй феи, или, говоря серьезно, все великие доблести и духовные прелести женщины-христианки, которая в состоянии вместить в своем сердце сильнейшую степень любви к своему народу и любви к Богу вместе с страданиями за свой народ.

Говоря еще проще, она — добрый гений своей отчизны, но добрый гений христианского мира.

Вид ее с первого взгляда вам это говорит.

Передо мной стояла среднего роста, грациозная, стройная, с женственной скромностью и полная самообладания, красивая женщина самой первой молодости.

Темные глаза ее глядели прямо и открыто и выражали собой целый мир кротости, доброты, сострадания, снисходительности и страсти; но едва начинал звучать ее голос, мягкий, и тихо звучный, как вы понимали, что страстность этого взгляда была из тех, которые принадлежат ангелам на небе и чистейшим женщинам на земле.

Княгиня глядела бледной, румянец молодости пробивался с трудом, но видно было, что она сама себя заставляла быть бодрой.

Я уже говорил вам об одном примере этой необходимой силы воли: в самую тяжелую и даже опасную минуту своей болезни, когда она узнала, что прибыл транспорт раненых, она встала с постели, оделась и поехала им навстречу.

Княгиня, как известно, — русская, из фамилии Кешко.

Ее родина — Херсонская губерния. В Одессе она жила несколько лет; и говорит об этом городе с чувством любви, как о месте дорогих воспоминаний детства.

Вышла она за князя Милана почти ребенком: если я не ошибаюсь, ей теперь девятнадцатый год.

После первых родов княгиня все стала слабеть, так что приглашенный из Вены знаменитый доктор Бамбергер объявил, что ей необходимо ехать за границу, искать более сухого климата.

Едва он это сказал, как слабая, больная, чуть двигавшаяся женщина обратилась в колосса нравственной силы. Все силы духа окрепли в один миг, все нервы в ней стали тверды, и она объявила, что скорее умрет, чем покинет свое отечество в такую минуту.

С этого мгновения слабость физическая как будто стала исчезать, повинуясь душевной силе ее патриотизма.

Что княгиня сделала для своего нового отечества — про то кто у нас не знает: она пожертвовала на войну все свое состояние!

В наше время такой подвиг в комментариях не нуждается.

Но сомневаюсь, чтоб этот подвиг был оценен в своем настоящем значении сербами-интеллигентами, ибо патриотизм для них — понятие почти недоступное.

Но не этим одним молодая княгиня успела себя заявить.

Кроме того, что она добра, как ангел, она очень умна и, кроме того, христианка истинная и искренняя.

Явившись в Сербию, княгиня осветила мир дворца — дотоле мрачный и холодный, полный одними лишь интригами и кознями царедворцев и политиканов, — двумя могучими и благодатными лучами: она стала молиться и делать добро.

До нее в Белграде не знали, что значит ходить в церковь, как не знали, что значит помогать из христианской любви к ближнему.

И не прошел год после ее прибытия в Сербию, как люди стали ходить в церковь; многие матери семейств стали обучать детей своих по закону Божию, и в конак, вместо темных личностей, прибегавших туда с доносами, — стали открыто и смело ходить бедные, нуждавшиеся в помощи, любви, милосердии и участии...

Затем нужно ли прибавлять, что во главе всех работающих в деле помощи раненым — стоит княгиня Наталия, и что главные отличительные черты ее деятельности суть неутомимость и простота?

Оттого, когда видишь ее, верится, что эта молодая женщина может именно быть названа предстательницей перед Богом за бедный сербский народ.

Она страдает за него, она молится за него, ибо она страстно любит его, но в то же время она — святая женщина, следовательно, перед Богом ее страдания имеют цену, ее молитвы имеют силу <...>.

Примечания

[1] «Новое время» — российская ежедневная газета, издавалась в 1868–1917 гг. в Петербурге. В 1876–1912 гг. ее издателем и главным редактором был А. С. Суворин. При нем газета стала одним из самых влияиельных средств массовой информации в России.

[2] «Голос» — ежедневная политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге в 1863–1884 гг. Издатель-редактор А. А. Краевский. С середины 1870-х гг. — одна из самых распространенных газет в стране. Выступала за продолжение реформ шестидесятых годов. Из-за усиления цензурных стеснений в условиях пово-

рота правительства Александра III к реакции, Краевский в январе 1884 г. прекратил издание «Голоса».

[3] «Московские ведомости» — газета, издававшаяся в Москве в 1756–1917 гг. В 1840-х годах, при редактировании К.Ф.Корфом, приобрела литературно-общественный характер. С 1863 г., когда редакторами стали М. Н. Катков и П. М. Леонтьев (в 1875–1887 гг. — один Катков) газета приняла консервативный характер. Ее влияние достигло апогея при Александре III. Преемники Каткова — С. А. Петровский, В. А. Грингмут, Л. А. Тихомиров.

[4] «Гражданин» — политическая и литературная газета-журнал, издававшаяся в Петербурге в 1872–1914 гг. Основатель — князь В. П. Мещерский. «Гражданин» придерживался выраженно консервативно-охранительной позиции.

[5] Будущий король Александр Обренович (1876–1903).

[6] В начале сентября 1876 г. армия во главе с генералом М. Г. Черняевым провозгласила князя Милана Обреновича королем Сербии, что вызвало дипломатический кризис в отношениях Белграда с европейскими великими державами. Под давлением последних князь отказался от королевского титула.

[7] Петрович-Негош Никола (1841–1921) — князь (1860–1910) и король (1910–1918) Черногории. Сын черногорского воеводы Мирко Петровича-Негоша. В 1876 г. Черногория (так же, как и Сербия) вступила в войну с Турцией.

[8] Комаров Виссарион Виссарионович (родился в 1838 г.) — публицист. Находился на военной службе, состоя при Виленских генерал-губернаторах графе М. Н. Муравьеве и К. П. Кауфмане. Полковник. С 1871 г. редактировал газету «Русский мир». В 1876 г. — начальник штаба у М. Г. Черняева. Получил чин сербского генерала. После войны занимался изданием газет «Санкт-Петербургские ведомости» (1877–1883), «Свет» (с 1883) и журналов «Звезда» (1886–1891), «Славянские известия» (1889–1891).

[9] Милойкович Радивое (1832–1888) — видный сербский политик и государственный деятель; один из руководителей Либеральной партии, близкий соратник Й. Ристича. Образование получил в Гейдельберге и Париже. Неоднократно занимал пост министра внутренних дел в кабинетах Стевчи Михайловича и Ристича (1868, 1876, 1878–1879, 1880, 1887). Министр юстиции (1875). В 1869–1872 гг. — председатель правительства.

[10] Михайлович Стевча (1804–1888) — видный сербский политик и государственный деятель. Лидер сторонников Обреновичей на Свято-Андреевской скупщине 1858 г. Соратник князя Милоша Обреновича. Считался вождем либералов с 1858 г. Премьер-министр (1875, 1876). Отошел от власти после Берлинского конгресса. Оставил политику после ссоры с Ристичем в 1879 г.

[11] Блан Луи (1811–1882) — французский социалист, историк, деятель революции 1848 г. В 1839–1840 гг. вышло одно из самых значительньных произведений Блана, снискавшее ему популярность как автору своеобразного плана социальных преобразований, — «Организация труда». В качестве «представителя рабочих» участвовал в работе Временного правительства в 1848 г. После поражения Июньского восстания 20 лет провел в эмиграции. Вернулся во Францию в 1871 г. Из-

бранный в том же году в Национальное собрание, Луи Блан оказался в стане врагов Парижской коммуны.

[12] Гамбетта Леон Мишель (1838–1882) — политический и государственный деятель Франции. В годы Второй империи проявил себя как один из влиятельных ораторов левого крыла республиканской оппозиции. В 1869 г. был избран в Законодательный корпус. Выдвинул программу радикально-демократических реформ («Бельвилльская программа») С сентября 1870 по май 1871 г. — министр внутренних дел в «правительстве национальной обороны». В первое десятилетие Третьей республики Гамбетта — лидер республиканцев, руководил борьбой против клерикализма и попыток реставрации монархии. В 1879–1881 гг. являлся председателем Палаты депутатов. С ноября 1881 по январь 1882 г. занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел.

Де-Воллан Г.А.[*]

В Сербии. Недавняя старина // Русский Архив. 1879. Кн. 2. № 7. С. 352–376

Глава IV

<...> Вернемся в Белград, который уже не походил на Белград 1874 года. Теперь в Белграде были русские добровольцы. Сербия подняла знамя Славянства, и внимание всей Европы было обращено на этот прежде мирный уголок <...>.

У сербов демократизм коренится в нравах народа. Пойдете ли вы к министру, ничто не обязывает вас надеть фрак. Министры говорят с селяками запанибрата. Я отправился к сочлену, а теперь уполномоченному Славянского комитета, генералу Дандевилю[1]. Вестовые и адъютанты генерала представляли собой непривычное зрелище для сербов. Некоторые добровольцы также высказывали свое неудовольствие на эту пышность. В Комитете часто я слышал мнение, что добровольцев следует держать в строгой дисциплине. Князь Черкасский[2], выбирая будущих управителей Болгарии, искал прежде всего людей исполнительных и привыкших к военной дисциплине. К министру Николичу[3], правда, всякий подходил запросто; но на это может быть сделано возражение, что система, которая годится для Сербии, неприменима в России. Не могу прямо отрицать по-

---

[*] Де-Воллан Григорий Александрович (1847–1916) — прозаик, публицист, мемуарист. В 1873–1910 гг. — чиновник российского МИД. Образование получил в Московском и Лейпцигском университетах. С середины 70-х годов — член петербургского отделения Славянского комитета. В 1876 г. — доброволец в сербской армии генерала М. Г. Черняева. Состоял при его штабе секретарем по делам печати. В 1883 г. возглавил отдел печати Азиатского департамента МИД. В 1886 г. был назначен консулом в Японию. В 1896–1902 гг. — первый секретарь российской миссии в Вашингтоне. Автор путевых заметок об Испании, Египте, Индии, Японии, США. Особое место в наследии Де-Воллана занимают мемуарно-дневниковые «Очерки прошлого» («Голос минувшего». 1914. №№ 2, 4–6, 8–10; «Русская старина». 1914. № 5. 1916. № 3–6).

лезности той обстановки, которую я видел у генерала Дандевиля, потому что многие добровольцы своим поведением как будто требовали, чтобы к ним применилось правило *тащить* и не *пущать**. Они держали себя, как люди непривычные к свободе. Сербскую власть они ставили ни во что, а призрак России в виде вестовых и адъютантов заставлял их вытягиваться в струнку, подбираться и вести более приличные речи <...>.

Глава V

Теперь я расскажу о том, как меня встретил министр Йованович[4]. Живет он очень просто, слишком просто для такого высокого положения. Вход в квартиру был со двора. Я ему отдал письмо Ламанского. Страшный англоман, сначала он чуждался России, потом круто повернул в другую сторону и высказывал свое сочувствие России. Наружностью он похож скорее на немецкого чиновника, чем на серба. «Теперь, — сказал он, — только Россия может помочь. Мы надеялись на наших союзников, но они нам изменили. Теперь только одна надежда на Россию. Нам нужны деньги и побольше волонтеров. Их всего 4500 человек. Это капля в море. Мы думали окончить кампанию в два месяца». (Эта фраза меня поразила; но потом объяснилась тем, что Ристич думал и нас вовлечь в войну). Протич[5], разговаривая с одним моим знакомым в моем присутствии, сказал (на вопрос, неужели вы потерпите турецкий флаг на Белградской цитадели? Не сдавайтесь!): «Раз попробовали завлечь нас. Теперь рискованно, пожалуй пострадаем хуже прежнего». «У нас, — продолжал Йованович, — приготовлены запасы только на этот срок». Повернув разговор на отношение сербов к русским, я высказал ему свое удивление, что сербы высылают адресы англичанам, а не русскому народу. «Совершенно верно, — перебил меня Йованович, — мэр Белграда приходил ко мне и предлагал устроить манифестацию в честь Англии». Я спросил его, что вы сделаете для России? «Знаете, — говорил Йованович, — движение в России нас поразило. Мы совсем не надеялись на Россию. Помощь со стороны русского народа была для нас неожиданностью». «На кого же вы рассчитывали? Как же вы думали решить такой вопрос без помощи России?», — спрашивал я. «Мы рассчитывали на Румынию, Грецию и Болгарию. Конечно, в интересах России нас поддержать — мы составим оплот России против Турции».

* Здесь и далее выделено в оригинале.

Заговорили о необходимости для сербов узнать Россию, а не игнорировать ее, как это делалось прежде. «Да, — с горечью сказал он, — мы пропали теперь без России. Нам нужны деньги и много денег. Наш заем плохо идет у вас. А нам нужно одеть и прокормить войско».

Я знал из очень верных источников, что Ристич просил у нашего правительства три миллиона денег и расформированную дивизию.

Интересен также разговор с Николичем. Он высказался очень презрительно о Румынии. Когда я заметил ему, что румыны, пожалуй, соберутся и тоже ударят на турок, он сказал: «Лишь бы они нам не мешали провезти оружие, свинец, войско, их нам не нужно! Войско наше ничего не стоит, а их еще меньше!» <...>.

Глава IX

Перед отъездом <...> у меня был разговор с Черняевым[6], и он дал мне поручение в Бухаресте. «Здесь ничего не будет; если хотите, поезжайте в Зайчар[7]. Я туда посылаю войско; мне сообщили, что можно легко взять Зайчар». Какого труда стоило добыть колу*, трудно себе представить. На каждой станции нас ожидали остановки. Безучастие сербов выводило меня из терпения. Теперь относишься хладнокровнее к этому и невольно спрашиваешь себя: к чему мы все русские с какой-то стремительностью бросались туда, где раздаются выстрелы? Жаждали ли мы непременно турецкой крови? Между нами было много самых добродушных, мягкосердечных людей, которым убийство турка не принесло бы даже удовольствия. Хотелось подвергнуться опасности? Нет, не это чувство вдохновляло многих. Выстоять под выстрелами, исполнить перед русским и сербским народом, перед всем Славянством какую-то неведомую для многих высокую задачу самопожертвования, отрешиться от житейских дрязг, забыть свое мелкое «я» и на время отдаться служению великой идее свободы и человечества: вот что бессознательно бродило в тайниках нашей души Я говорю: бессознательно бродило. Не все сознавали, за что они пошли в Сербию. Один изящный, богатый офицер и не думал ехать в Сербию. Вся жизнь была для него поприщем радости и наслаждения. Он сознавался потом, что вся эта сербская история — ужасная глупость. Он возвращался с пирушки в Павловске, после музыки; какое-то грустное чувство овладело им, он не мог отделаться от него и на другой, и на тре-

* От сербск. *кола* — здесь: повозка.

тий день. Все казалось ему бессодержательно, мелко, пусто кругом. «Поеду в Сербию», — решил он и поехал. А таких было много, и они делали свое дело. Когда проходила опасность, они тогда роптали, бранили сербов; но вернуться назад, не побывав в серьезной опасности, они не решались. Психология, как наука, еще не существует; она не дошла до точности математики или астрономии. Понять сложный механизм человеческой души доступно только великим художникам. Но кто поймет все изгибы, все извилины, все темные и светлые стороны народной души? В Сербии, правда, было много таких личностей, которые обозлились на жизнь, вынесли из нее одни только неудачи; но было там много сильных натур, не нашедших себе дела дома. Тут были продукты нашего умственного развития за последние 15 лет. Базаровы, Рудины, Рахметовы и прочие назначали себе свидание в Сербии. Все эти личности искали в великой задаче освобождения Славянства простора своим мыслям, своим стремлениям, искали хорошего дела и борьбы в смысле «погибающих за великое дело любви».

А сербы, как отнеслись они к нашим? Сербы не знали русского общества, не знали назревших в России вопросов, не знали стремлений русской молодежи. Для них впечатлительность русского образованного человека, требовательность его были новостью. Братья пришли и стали все мерить на свой аршин. Братьям нужно скорее поспеть к Черняеву, им ничего не стоит загнать лошадь для такой цели. Что такое лошадь для русского? А для серба-поселянина это — все: на этом зиждется все благосостояние его семьи, а он любит свою семью больше всего. Другие придут и возьмут колу, припасы, все во имя одной высшей цели. Серб видит одно разорение впереди, а у иных вырывается жесткое выражение: «Лучше турки, чем русские». Солдаты наши, сами вышедшие из крестьянской среды, понимали всю важность для серба его худовки. «Ему и самому есть нечего», — скажет он и успокоится, когда ему скажут: «Пане, Бога ми нема»*. Помнится мне, раз я потревожил одного серба от глубокого сна и просил его накормить меня. Он вспылил (он целый день и целую ночь был на ногах) и сказал: «лучше турци**». Но я понял, что он это сказал под влиянием быстро возникшей досады и стал говорить ему спокойно, что будет с ним, если турки дойдут до Белграда. Увидев, что я не кричу на него, серб стал внимательно слушать меня и потом без моей просьбы принес больше, чем я просил. Таких впечатлительных людей, которые первое неосторожное слово, сказанное с досады сербом, перенесли в газеты,

---

* *Пане, Бога ми нема* (сербск.) — Господин, ей-богу нет.

** *Турци* (сербск.) — турки.

было много, и в русском обществе утвердилась мысль, что сербы нас не любят. Я в начале своих записок сказал: «Кто может сказать, что думает целый народ?» На каждый случай недоброжелательства сербов к нам можно привести два-три случая, доказывающие противное. Меня удивило, например, что содержатель одной механы отказал одному раненому сербу в рогоже и сказал, что она ему нужна. В другой раз я, увидев одну женщину, просил ее принести чего-то раненому и прибавил: «То серб, а не рус». Женщина отвечала мне, «что серб он или русский, для нее все равно, все братья», и принесла очень охотно то, что от нее требовали. Слышал я, например, и такой отзыв из уст серба: «Что им жрать что ли нет дома, что они все пришли сюда?» Какой случай для великолепной тирады против неразвитости сербского народа и т. д.

Поехал я в коле с незнакомым мне коморджием*. Было темно. Он просил обождать, но мне не хотелось. Мы сбились с дороги. Темь такая, что возницу не видишь перед собой. Грязь невылазная. Долго ли тут до беды? Беда была близка. Кола опрокинулась в какой-то овраг. Я вышел с грехом пополам, шлепая по грязи, пошел дальше, оставив на произвол судьбы свои вещи и наткнулся на другую колу. «Можно к вам?», — спросил я неизвестного мне хозяина этой колы. «Молим вас»**, — послышался мне ответ. Я промок в грязи, и мне хотелось удобнее сесть и отдохнуть. Мне было не до политических разговоров в эту минуту, а моему спутнику как раз хотелось высказаться. «Спасибо вам, русским: без вас турки давно были бы в Белграде». И эти слова и это спасибо слышал я не один раз. Когда мы доехали до местечка, то все сербы стали спрашивать меня, не хочу ли я есть? Я стал заказывать одно кушанье за другим. Принесли вина, пригласили музыку, и когда я захотел заплатить содержателю механы, то он отказался и сказал, что за все уже заплачено. «Много вы переносите из-за нас», — говорили сербы. «Рус*** все напереди****, а сербы бегут». Бранили белградское правительство.

Не раз мне случалось видеть эту готовность услужить, быть приятным брату русу. Я только мог убедиться из опыта, что криком и бранью с серба ничего не возьмешь: тогда он упрется как вол и повторяет свое *нема*. Заговорите вы с ним ласково, окажите ему уважение, и он уступит вам свою постель, свое кушанье и готов все сделать для вас. Серб привык к

---

* От сербск. *комортиjа* — обозник.

** *Молим вас* (сербск.) — прошу вас.

*** *Рус* (сербск.) — русский.

**** От сербск. *напред* — вперед. Здесь имеется в виду — впереди.

свободе и к человеческому обращению, и наше башибузучество только озлобляет его.

В Смедереве я напрасно просил о чем-то прислугу. Она отмалчивалась, дулась на бушующих и кричавших русских. К моему счастью я увидел одного серба из образованных и обратился уже к нему: «Прошу вас сказать ему то-то и то-то». Тот вразумил прислугу гостиницы, целый день не отходил от меня и повел меня ко всем своим знакомым. Во всех домах нас угощали: где подавали сладкое, где старое вино, где вкусное кушанье. И везде раздавалась хвала русскому народу. Но и этот серб, когда я вызвал его на объяснение, сказал мне: «Вот эти буяны много вредят общему делу. Народ на них смотрит с удивлением и спрашивает: “Неужели все русские такие?” Мы очень хорошо знаем, что эти господа исключение не только в России, но и среди добровольцев. Когда мы видим русского, который не бранится, мы готовы все сделать для него, мы радуемся ему как брату» <...>.

Многое приписывалось сербам только по незнанию сербской жизни. Больше всего доставалось всегда содержателю механы, и когда он не угодит, то доставалось сербскому народу. Известно, что содержатели по большей части не сербы, также как и лавочники в Белграде. Французская поговорка говорит: «Tout comprendre, c’est tout pardonner»*. Но это разумение всего, знание Сербии, было почти недоступно обыкновенному добровольцу <...>.

Мне остается еще сказать о сербах и русских в штабе Черняева. Каждая народность держалась в стороне от другой. Сходились они за столом. Сербы и русские объяснялись друг с другом по-немецки. Русские негодовали на сербов, что они так хорошо знают немецкий язык. Сербы говорили, смеясь, что никогда им не приходилось так много говорить по-немецки. «Мы, правда, в большинстве случаев знаем немецкий язык, а русские и между собой говорят по-французски». Русских надо по справедливости считать водворителями, распространителями французского языка на Востоке. Глядя на русских офицеров, молдаване и валахи стали в 1829 году[8] считать признаком хорошего тона знание французского языка. Шах Персидский сказал о французском языке: «Если такой могущественный народ как русский, говорит больше по-французски, чем по-русски, то и нам Бог велел изучать не русский, а французский язык» <...>.

---

* *Tout comprendre, c’est tout pardonner* (франц.) — Все понять, значит все простить.

Примечания

[1] Дандевиль Виктор Дезидериевич (1826–1907) — русский генерал и военный писатель. Окончил курс Академии Генерального штаба. В 1867 г. был назначен начальником штаба Туркестанского военного округа. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., находясь в составе Западного отряда генерала И. В. Гурко, захватил город Энтрополь, занял перевал Вратешку и обошел турок у Шандорника. 3 января 1878 г. вошел в Филиппополь. Позднее командовал корпусом и был членом Военного совета. В 1864–1880 гг. поместил в «Военном сборнике» ряд статей по различным отраслям военного дела.

[2] Черкасский Владимир Александрович, (1824–1878) князь — русский общественный и государственный деятель. Из дворян Тульской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета. В 40–50-е гг. был близок к славянофилам. Являлся главой правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. В начале 1870-х гг. — московский городской голова. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — уполномоченный Красного креста при действующей армии и заведующий гражданской частью в Болгарии, где провел ряд важных мер для установления нормальной жизни. Умер в Сан-Стефано в день заключения мира.

[3] Николич Тихомиль (1832–1886) — сербский военачальник, генерал (1882). В 1875–1876 и 1882–1883 гг. — военный министр.

[4] Йованович Владимир (1833–1922) — сербский политический и общественный деятель. Один из лидеров Либеральной партии. Образование получил в Вене и Берлине. Входил в кружок молодых либералов, требовавших введения политических свобод и установления в Сербии парламентского строя. Секретарь Свято-Андреевской скупщины. Политический противник князей Милоша и Михаила Обреновичей Один из основателей «Объединенной сербской омладины». В 1876–1880 гг. — министр финансов, в 1890–1903 гг. — член Государственного совета.

[5] Протич Коста (1831–1892) — сербский военачальник, генерал (1876). В 1873–1875 гг. — военный министр. В 1877–1878 гг. — начальник Главного штаба Верховного командования. В 1889–1892 гг. входил в состав Регентского совета при короле Александре Обреновиче.

[6] Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) — русский военный и общественный деятель, генерал-лейтенант (1882). Из дворян Могилевской губернии. Участник Крымской войны и боевых действий против повстанцев Северного Кавказа. В 1864–1865 гг., командуя особым западно-сибирским отрядом, захватил по своей инициативе Аулие-Ату, Чимкент, Ташкент на территории Кокандского ханства. В 1865–1866 гг. губернатор Туркестанской области; снят с должности за превышение полномочий. В 1873–1878 гг., совместно с военным писателем Р.А.Фадеевым, издавал газету «Русский мир». В 1876 г., вопреки желанию российского правительства урегулировать Балканский кризис дипломатическим

путем, отправился в Белград, где был назначен главнокомандующим сербской армии во время Первой Сербо-турецкой войны. В октябре потерпел поражение под Джунисом. Сербию спас ультиматум России Порте. В 1882–1884 гг. состоял Туркестанским генерал-губернатором. С 1884 г. — член Военного совета. С 1886 г. — в отставке.

[7] Правильно: Заечар — город в восточной Сербии, расположенный на реке Тимок.

[8] Русско-турецкая война 1828–1829 гг. Вызвана национально-освободительным восстанием в Греции (1821). Завершилась подписанием Адрианопольского мира, по которому к России отходил Ахалцихский пашалык (в Грузии) и побережье Черного моря от устья реки Кубань до порта св. Николая. Греция получала независимость, а Сербия, Молдавия и Валахия — автономию.

Максимов Н. В.[*]

Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн. В двух частях. Часть 1. Война в Сербии. Часть 2. Война в Болгарии. Спб., 1879. С. 3–177

II. Первые встречи

<...> Не прошло и часа, как мы отправились в министерство подавать на службу. Меня несколько поразила оживленность города, когда мы проходили по его улицам. Мечтая о Белграде, признаться, я никогда не ожидал встретить в нем большого оживления; мне казалось, что война за свободу и независимость страны привлекла на поле сражения все молодое и здоровое население Сербии, а, следовательно, и Белграда. Но на деле я видел противное: толпы здорового люда бесцельно шатались на улицах из угла в угол или праздно сидели перед кофейнями; то был преимущественно интеллигентный класс городского населения.

Мы прошли дворец Милана, по внешности имеющий много общего с губернаторским домом какого-нибудь далекого губернского города; впрочем, весь Белград, в общем, имеет вид губернского города, хотя местами и напоминает собой город Востока.

---

[*] Максимов Николай Васильевич (1843–1890) — русский журналист, доброволец 1876 г. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял газетным корреспондентом при отряде генерала М. Д. Скобелева. Долгое время жил и работал в США. Автор книги «Две войны» (СПб., 1879), отрывки из которой, относящиеся к пребыванию автора в Сербии в 1876 г., публикуются ниже.

В узеньком переулке мы нашли военное министерство. Вместо высоких палат — встретили низенький, скромный двухэтажный домик с крошечными, темными комнатами; в комнатах сидели, по одному или по два, чиновники. Один чиновник принимал документы и зачислял на службу, другой выдавал бумагу на получение платья из цейхгауза, сабли и револьверы — из склада; кассир снабжал семью дукатами подъемных денег; наконец, четвертый давал «объяву»*, иначе подорожную. Не прошло и получаса, как мы уже покончили с министерством; оставалось только принять платье, — и мы готовы хоть в бой!

В Сербии это просто делалось.

В передней мы встретили двух русских офицеров, только что вернувшихся из армии. Это была первая встреча с очевидцами бывших прежде сражений; понятно, что встреча нас заинтересовала.

— Ну, что, как дела в армии? — окружили офицеров.

— Плохи дела, — отвечали русские <...>.

Офицеры передали подробности последних сражений; сербы характеризовались ими трусами, постоянно отступающими, а турки — храбрыми, наступающими. Офицеры сказали нам, что русские — просто несчастные жертвы, которые гибнут в каждом сражении, не принося никакой пользы ни для себя, ни для армии.

— Очень многие из русских убиты, многие ранены.

— Значит, трудно уцелеть? — интересовались новички.

— Трудно, — говорили бывалые.

Физиономии наши вытянулись.

— Так сербы дерутся плохо?

— Не дай Бог! Чуть ли не каждого приходится гнать в бой.

— Как гнать?

— Саблей, револьвером.

— Как же была телеграмма самого Черняева, что сербы дрались «как львы»?

Бывалые расхохотались.

— Какое!

— Вы куда же теперь?

— Будем проситься в отпуск, в Россию.

Разошлись. Веселое настроение добровольцев исчезло <...>.

---

* *Објава* (сербск.) — удостоверение, документ, путевка.

Мы направились в крепость, где выдавали казенное платье и оружие. Пригонка платья — дело получаса. Встретилось затруднение при приеме револьверов; оказалось, что их не было налицо. Сабель хватило на всех, и могло хватить еще на многих в будущем. Только какие это были сабли! Они напоминали мне сабли статистов провинциального театра <...>.

IV. Сборы и отъезд в армию

На другой день я поехал в Топчидер. Это загородное местечко, летняя резиденция князя Милана. Поэтическое местечко! Там помещалась главная больница для раненых. По дороге я встретил князя Милана.

— Где он был? — спрашиваю возницу.

— На охоте, — отвечает серб.

Чудак князь! Страна его обливается кровью, а он ездит на охоту! <...>

На третий день вечером я решился ехать в армию. Мне сказали, что каждый день вечером в армию отправляется почта, и что с почтой может ехать один пассажир <...>.

Едем.

— Ты русский? — спросил меня возница.

— Русский.

— Русские — наши братья!

— Братья, — говорю.

Мы хорошо понимали друг друга, хотя каждый говорил на своем языке.

— Ты к Черняеву едешь?

— К Черняеву.

— Черняев — хороший человек.

— Сербский народ его любит? — спрашиваю.

— Любит... добрый генерал... Ты женат?

— Женат, сказал я ему нарочно, чтобы проследить за впечатлениями серба.

— И дети у тебя есть?

— И дети есть.

Серб зачмокал губами и закачал головой, как будто ему хотелось сказать: «Удивительно!»

— Что же тут удивительного? — понял я его мысль. — Другой от жены на войну идет ... всяко бывает...

Серб удивленно и пристально посмотрел на меня.

— Ёк!* (нет!) — сказал он с убеждением.

Очевидно, он не допускал такой преступной мысли.

Мы замолчали.

— Много русских еще приедет? — снова начал серб.

— Много.

— Дай Бог! ... Мы тогда турок прогоним.

— Русские — храбрый народ, — заметил я ему.

— Храбрый... а вот наши старейшины ничего не стоят. Они умеют только под ручку с женами гулять, а в битвах все за кустами прячутся.

Это был первый отзыв представителя народа о сербских «старейшинах»; такой отзыв, впрочем, я не раз слышал впоследствии из уст простого народа.

— Они бунтовщики! — продолжал серб.

— Не может быть!

— Верно говорю! Как же? Они Милоша убили[1] ... князя Милана хотели убить. Видишь ты, как это было: князь Милан был тогда еще мальчиком, однажды он пошел гулять, а сербские старейшины хотели мостик взорвать; приближенные князя узнали раньше и не пустили князя на мостик.

— А сербский народ любит князя Милана?

— Князь Милан — добрый князь, мы все его любим, и княгиню Наталию любим.

— За что вы их любите?

— Как за что? За то, что они князь и княгиня, их нельзя не любить.

— Ну, а турок вы любите? — подшутил я над сербом.

— Ёк! — с той же наивной серьезностью и холодностью ответил мне серб, с какой он говорил о любви своей к князю и княгине.

По-моему, он был просто один из массы наивных сербов, которые, в сущности, одинаково любят всех на свете и которые так же любили бы и турок, если бы последние не выжигали их сел и деревень <...>.

* *Јок* (сербск. турцизм) — нет.

V.
Артиллерист и сапер по пути в Делиград

Через несколько часов мы остановились у первой «мианы» (гостиницы, или, вернее, кабачка), попавшейся нам по дороге. Таких миан по дороге много. Серб не в силах миновать «мианы»; он непременно остановится хотя на минуту и зайдет в нее выпить графинчик «раки» (местной водки, выгоняемой из слив). «Миана», как и все «мианы» Сербии, помещалась в длинном одноэтажном каменном доме с длинной галереей, украшенной колоннами. С наружной стороны это был чистенький домик; внутри находишь грязь возмутительную. В середине, у задней стены, помещается печь, которая никогда не топится, только разводится небольшой костер, на котором приготовляется черный турецкий кофе. Способ приготовления этого кофе прост. В небольшую жестяную посудину, по вместимости своей равняющуюся двум, трем маленьким чашкам, всыпают толченый кофе пополам с мелким сахаром, вливают туда же воду и все это кипятят на огне. Вода вскипела, — значит и кофе готов! Тут же рядом с печью, в стене, вырезано окошечко; через это окошечко хозяин «мианы» сносится с кухней. Я попробовал раз заглянуть в это окошечко, и бесцеремонность обращения повара-серба с куском говядины, предназначавшимся для моего желудка, равно как и вся грязная обстановка кухни и сервировки вообще, отняли у меня аппетит по крайней мере на целые сутки. Само собой разумеется, что это было в самом начале моего приезда в Сербию, когда я еще не был знаком с прелестями походной жизни вообще. По другую сторону печки обыкновенно стоит столик с большими кувшинами красного, белого вина и «раки»; затем на том же столике — ряд графинчиков различной величины. Вдоль по стенам тянутся большие столы и скамейки; в зимнее время года вы найдете, пожалуй, еще железную посреди комнаты печь; на грязных стенах висят литографированные портреты нашего Государя, Государыни, часто — всего августейшего рода князей: Милоша, Милана и княгини Наталии <...>.

Другая половины «мианы» отделена для путешественников, желающих переночевать на дороге; в ней находятся: общая комната с нарами вдоль стен и отдельные номера для желающих.

Такие «мианы», в особенности помещающиеся на соединении нескольких дорог, обыкновенно переполнены с утра до ночи публикой. Сербы, как и все восточные народы, большие любители праздно прово-

дить время. Серба-возницу не надо, например, зазывать в «миану»; его приходится выпроваживать оттуда; за графинчиком раки серб готов просидеть целый день. Сербский народ, собственно говоря, ленивый народ; эта леность сербов в связи с грязной обстановкой их жизни дали повод австрийцам называть сербов «поросятами» <...>.

VI.
Семендрия и благодать Сербии

Перед рассветом мы въехали в Семендрию[2]; это первый город по пути из Белграда в Делиград[3], сербская крепость на берегу Дуная. Хотя сербы и говорят про Семендрию, что он «лепый варош»*, т. е. красивый город, но вся его красота, собственно, заключается в том, что он не похож на деревню. Длинные, узкие, кривые улицы, вымощенные булыжником, застроены низенькими, максимум двухэтажными домами; трехэтажный дом — это редкость в городе. Семендрия не имеет ничего общего с европейскими городами. Открытые хлебопекарни, конуры взамен просторных лавок и магазинов, полнейшее отсутствие вкуса и роскоши, целый ряд грязных «миан», уличная открытая торговля мясом, шкурами, табаком и т. п. — все это напомнило мне обстановку городов Востока средней величины; при этом одна гостиница, один собор, один госпиталь и непроходимая грязь на улицах в зимнее время года; представьте себе уличную жизнь народонаселения, — и вы будете иметь некоторое понятие о Семендрии. Крепость защищает город со стороны Дуная, а самый город гнездится у подошвы возвышенности, которая скрывает его, когда вы подъезжаете к Семендрии по пути из Делиграда. Внутренняя невзыскательность города несколько сглаживается внешностью его. Природа берет свое. Красивой голубой лентой течет Дунай вдоль крепостных стен и скрывается среди дальнейших береговых возвышенностей. Густо заросшая травой долина зеленеет по другую сторону Семендрии; надо заметить, что путь из Белграда в Делиград круто поворачивает от Семендрии внутрь страны. Вы любуетесь нежной зеленью вокруг города и находите ее даже на улицах <...>.

Рассвело. По мере моего вторжения внутрь страны я все более и более убеждался в том, что Сербия, — одна из живописнейших, благодат-

* От сербск. *лепа варош* — красивый город.

ных стран Европы. Взгляните вы на эти тучные поля поспевающей кукурузы, которые бросаются вам в глаза в стороне от дороги; взгляните вы на эти обширные виноградники, посмотрите вы на эти хаты минуемой деревни! Стоят домики особняком, построены они из дерева просто, но крепко, часто покрыты штукатуркой. Большинство из них имеют вид домов любого нашего уездного города или посада, но никак не деревни. Каждый домик прячется в глубине зелени фруктового сада. Здесь в саду растет и слива, и груша, и яблоня; рядом с хатой зеленеют виноградники; сзади хаты желтеет кукуруза. Каждый домик снабжен необходимыми пристройками; там — амбар, складочное место для кукурузы, конюшня, здесь — курятник и хлева для рогатого скота и свиней. В сторонке от здания находится специальная постройка для гонки "раки" из слив; далее, в стороне от дома, стоит вместительный хлев для коз и баранов, куда их загоняют, конечно, в зимнее время года. Деревеньки расположены преимущественно у горного ручья. Свиньи и поросята целыми десятками хрюкают вдоль и поперек дороги; козы, бараны сотнями пасутся на соседних полях и в зеленых чащах. Гуси, утки — у ручья; петухи, курицы, цыплята — в садах и на дворе, короче, обстановка сербского крестьянина дышит таким довольством, таким, смело можно сказать, богатством, что вы, русский человек, знакомый с убогой обстановкой нашего крестьянина, завидуете положению серба. Чего ему недостает? Чего не хватает? Вы нарочно ищите этого чего-то, но решительно не находите. Я бывал во многих деревнях Сербии, подробно осматривал домашнюю утварь сербских крестьян, постройки, пристройки, амбары, всю их собственность и везде решительно находил довольство селянина, доходящее до прихоти. Бедность и нищета — редкое явление в Сербии. Природа щедро наделяет серба не только необходимым, но и излишком. Серб — хлебопашец и торговец одновременно. Слива и виноград дают ему возможность добывать вино и раки в таком количестве, которого достаточно для дома и для продажи. Почти у каждого крестьянина я находил погреба, в которых хранились бочки с белым и красным вином. Постоянное приращение домашнего скота и птицы кует сербу «пары»* (общее выражение: деньги); скопленные пары рождают дукаты. Таким образом, в благодатной Сербии далеко не редкость встретить крестьянина с сотнями дукатов постоянного запасного капитала. В этой стране, которую мы почему-то привыкли считать «бедной страной угнетенных братьев», замечается еще та приятная особенность, что

* От сербск. *паре* — деньги.

богатство и капиталы страны распределены довольно равномерно в среде ее обитателей. Богач здесь такая же редкость, как и бедняк. Не надо особенно вглядываться в сербских крестьян, чтобы заметить в каждом из них страстишку к торгашеству. Может ли она проявляться в бедном народе, терпящем постоянную нужду, вечные лишения? Наконец, эта поразительная дешевизна жизни в стране, обремененной войной, — дешевизна, которая невольно удивляла меня на каждом шагу в так называемое «военное время», — не служит ли она некоторым доказательством того, что эта воевавшая страна или, вернее, этот воевавший народ далек от бедности, не знает нужды? А спросите вы любого серба: «Ваш народ беден или богат?» «Бедный народ! — ответит вам серб, — страна наша маленькая, откуда у нас богатство?». И эта «маленькая страна» — единственный аргумент серба. Такому аргументу не следует верить; он может влиять, пожалуй, на «казенный сундук», на достатки правительства, но никоим образом не влияет на быт и на жизненные достатки крестьянина. Вы меня, пожалуй, спросите: чем же объяснить все эти бывшие горячие воззвания сербского народа о помощи от нас, русских братий, которые делались в начале войны и которые так вот дышали народной нуждой? Сербы действительно нуждались в помощи уже потому, что страна эта сама по себе слишком мала для того, чтобы самостоятельно выдерживать все нужды войны с сильнейшим врагом, да еще покровительствуемым англичанами. Чтобы управиться самостоятельно, сербам нужно было бы пожертвовать *всем**, а это было бы равносильно полному разорению сербского народа. Последствия доказали только, что Россия была слишком щедра по отношению к Сербии, что лично сербский народ больше ханжествовал, чем жертвовал; но об этом будем говорить впоследствии, когда факт за фактом дойдет до отношения сербов к войне вообще.

И так, от станции до станции я ехал поперек Сербии, все более и более убеждаясь в достатках народного хозяйства. Тем грустнее мне было приближаться к тому месту территории, на которое уже вступила вражья сила, где уже прошлись эти варвары турки, имеющие обыкновение предавать огню и мечу все, что им попадается по дороге <...>.

* Здесь и далее выделено в оригинале.

VII.
Бегунцы с поля битвы

И без того довольно оживленный путь оживлялся все более и более по мере моего приближения к Парачину[4]. Сначала я начал встречать сербских воинов, по законным причинам удалившихся из армии <...>. Идут они кучкой, еле-еле тащатся. Тащится такой воин по дороге так тихо, тихо, и вся-то его фигурка съежилась, сгорбилась, пот льется градом со смуглого, загорелого, безбородого лица или украшенного крошечной редкой бороденкой, тащится он по дороге и охает <...>.

— Вы ранены, что ли?

— Ранены, господынэ*, ранены! — таково жалостно замотают сербы головами.

— Что же, все в руки ранены?

— У руки, господынэ, у руки.**

— Ну-ка, покажи, разверни тряпку-то <...>.

Смотришь: между пальцами скользнула пуля, слегка задевши мягкую часть кисти. Отодранная кожа когда-то больного места покрылась уж пеленой новой, розовой кожицы <...>.

Следующий отвернет тряпку — то же самое! Или много-много пальца нет на руке, а рана залечена <...>.

Господи, Боже мой! Бывало, даже сам серб-возница расхохочется <...>.

Немало таких воинов оставили армию в начале войны и оставляли ее в продолжение ее — много, очень много разбрелось по разным дорогам и направлениям Сербии <...>. Я прибавлю к этому, что подобные факты повторялись до конца войны.

Впервые я вспомнил тех офицеров, которые вернулись из армии в Белград. Они передавали нам, между прочим, об этом факте, прибавляя, что сербы нарочно наносят себе раны в руки из трусости, дабы иметь возможность оставить армию в качестве раненого. Мне хотелось проверить: действительно ли сербы сами причиняют себе раны в руки, или эти раны являются от вражьей пули? Впоследствии, при всем моем желании поймать виновника на месте преступления во время боя, я не наткнулся ни на одного из таких героев; но, принимая во внимание тот факт, что у большинства из них были ранены левые руки, лишь придерживающие стволы ружей во

* От сербск. *господине* — обращение к *господину* (форма звательного падежа).

** От сербск. *У руке, господине, у руке* — в руки, господин, в руки.

время стрельбы, и принимая во внимание положение стрелка, всегда вполуоборот к неприятелю, — следует признать, что раны эти действительно наносились самими сербами простым образом: серб приставлял пальцы к дулу ружья и ногой своей или иным способом спускал курок его <...>.

Однако, трусость есть отличительная черта всякого народного войска. Крестьянин-семьянин, оторванный от дома, от родной семьи, жаждет жизни, а не смерти <...>.

XV. Полковник Хорватович

Наконец, мы подъехали к штабу Хорватовича[5]. Штаб Хорватовича помещался в одном из домов деревни Шильговац[6]. Деревня была частью покинута жителями; из некоторых домов еще не выезжали. Мы вылезли из кол, хватившие волонтеры подбодрились, все сразу пошли во двор. Рядом с домом тянулась поляна. На поляне были раскинуты две палатки. Перед одной из палаток сидел сам Хорватович.

Немногих, весьма немногих личностей выделила последняя сербско-турецкая война из рядов действовавшей сербской армии, несмотря на то, что много человеческой крови было пролито на потоптанных, разоренных полях сербской территории. Причиной тому два обстоятельства: во-первых, действительное отсутствие военных талантов, во-вторых, тот факт, что неуспех военных действий той или другой войны, всегда ввергает военных деятелей в мрак их прошлой неизвестности. Конечно, это несправедливо, потому что люди по отдельности одинаково энергично могут работать на пользу ближнего и в то же время терять дело в общем; но факт остается все-таки фактом.

В тяжелый для горсти сербов период времени выступил в качестве одного из крупных деятелей полковник сербской службы Хорватович. Он командовал отдельным корпусом в армии генерала Черняева, был одним из самых энергичных, верных помощников последнего, искренно преданных интересам своей страны. В лице полковника Хорватовича Черняев видел опытного, дельного полководца, храброго солдата, а военная партия Сербии — представителя их интересов, иначе, поборника идеи войны. По своему происхождению Хорватович — австрийский серб; он получил свое образование в Австрии, где и служил в молодых летах офицером австрийской армии. В настоящее время Хорватовичу около сорока лет; это высокий мужчина, весьма сохранившийся, несмотря на вечно скитальческую воен-

но-походную жизнь. При первом взгляде он производит впечатление и не скажу, чтобы это впечатление было неблагоприятное для полковника. Напротив, он кажется очень симпатичным, хотя и неуклюжим, и даже, может быть, несколько грубоватым человеком. Он одевался всегда в походный зипун нараспашку, имел жилет; носил очень широкие шаровары, длинные сапоги. Хорватович высокого роста, шатен, с длинной, клинообразной, окладистой бородой, с голубыми, покойными, умными, выразительными глазами. Голос его мягок, оборот речи прост, обращение непринужденно. При первом знакомстве с ним вы находите в нем искреннего, прямого, честного человека, который режет правду-матку прямо в глаза. Правда, он грубоват в обращении, несколько неотесан, зато сколько симпатичного в этом человеке. Голубые его глаза мягко смотрят из-под длинных ресниц в спокойную минуту и сверкают, когда он рассердится. Черты лица его мягки, лицо продолговатое. Он красив собой; вечно задумчивый Хорватович не любил говорить, но любил слушать. Он выслушивал каждого спокойно, не перебивая, затем отвечал всегда коротко, ясно, определенно. В корпусе Хорватовича служило много русских добровольцев. Его отношения к русским и вообще к своим подчиненным были до того просты, естественны, что нас, свыкнувшихся смолоду с известным выработанным у нас отношением подчиненного к начальнику, — как-то поражала эта простота отношений, ничуть не вредящая делу, а напротив, способствовавшая сближению подчиненного с начальником и располагающая первого к последнему. В то же время Хорватович чрезвычайно честно относился к русским, щадил их самолюбие, верил им и подчас верил до излишка, до того, что эта вера являлась причиной того или иного неблагоприятного результата. Хорватович отлично понимал те жертвы, которые приносили русские на пользу славянского дела, и берег русских, усматривая в них способность храбро драться в пример сербскому войску <...>.

Хорватович все прощал храбрецу, но ненавидел трусов. Я заметил в Хорватовиче недюжинную способность полководца: он знал свой народ донельзя, видел серба насквозь, понимал его так, как ни один из бывших в Сербии начальников не понимал людей, с которыми они сражались. Хорватович был общителен с войском, всегда толковал с солдатами, говорил им энергические речи и говорил так популярно, что каждый войник* понимал его как нельзя более <...>.

Характера этот человек был железного. В тяжелые минуты, а таких много выпало на долю полковника, он никогда не терялся, не унывал.

* *Војник* (сербск.) — солдат.

Любил иногда шутить, острить, но все это делал в меру. Возникали иногда у него в корпусе между русскими и сербскими офицерами недоразумения, сводящиеся подчас к серьезным препирательствам. Причиной таких недоразумений было, главным образом, уязвленное самолюбие сербских офицеров, которых в большей части случаев подчиняли русским. Пользуясь случаями проявления башибузукства[7] со стороны некоторых пьющих, безобразных русских, — сербские офицеры корили русских в глаза этой излишней выпивкой ракии и других сербских напитков в минуты устных препирательств. Слухи об этих препирательствах иногда доходили до Хорватовича, и, когда тот или иной русский жаловался, бывало, Хорватовичу на неприятный для русского факт укора сербами его в излишней выпивке вина, — Хорватович улыбался и отвечал так: «Передайте, пожалуйста, этим сербским офицерам, что у самого Хорватовича в палатке стоит огромная бутыль вина, которую он ежедневно выпивает к вечеру; а вас прошу оставаться все таким же храбрым офицером, подавать пример много разговаривающим и не обращать внимания на их неуместные разговоры».

Хорватович — человек справедливый, характерный, с железной волей полководца; вместо нервов у него какие-то канаты. Однажды одна баба пришла к нему жаловаться на мародерство серба. Хорватович помещался в то время со своим небольшим штабом в одном из домов деревни Шильговца. Рядом с домом тянулась поляна. Мимо деревни шла шоссейная дорога в Делиград. На поляне были раскинуты две палатки. Перед одной из палаток на чистом воздухе обыкновенно сидел сам Хорватович. По крайней мере я его постоянно встречал на этом месте.

В минуту прихода бабы с жалобой на мародерство серба по дороге проходил предмет негодования крестьянки.

— Где он? — спросил Хорватович.

— А вон, идет по дороге, — ответила крестьянка.

— Часовой, стреляй! — долго не задумываясь, приказал Хорватович.

Часовой выстрелил, мародер тут же упал на месте убитым <...>.

Сербские войники боялись Хорватовича ужасно, уважали его до крайности. Многие из сербских офицеров не любили Хорватовича и зло отзывались о нем. Надо заметить, что среди сербских офицеров, среди этой сербской интеллигенции было много сторонников мира, врагов идеи войны; поэтому они и не могли сочувствовать Хорватовичу, этому постоянному пропагандисту военных действий. Кроме того, Хорватович, как сказано, симпатизировал храбрым людям, часто предпочитал русского сербу, нередко обходил сербов наградами, желая оставаться справедливым начальником в деле раздачи наград за военные заслуги.

В продолжение всей войны Хорватович жил скромно, совершенно не соответствуя своему положению. С понятием о начальнике корпуса тесно связывается понятие о многолюдности его штаба, о некотором комфорте, хотя бы военно-походном, его жизненной обстановки. Ничего подобного я не замечал в жизненной обстановке полковника Хорватовича. Штаб его был маленький. Он состоял из начальника штаба, начальника артиллерии, священника, одного ординарца из русских и нескольких адъютантов из сербских офицеров <...>.

В заключение не могу не заметить, что в начале войны турки боялись Хорватовича и называли его Хорват-пашой. Недруги Хорватовича распространяли слух, что будто бы в турецкой армии служил его родной брат. Но Хорватович никогда не обращал внимания на сплетни злых языков. Все, что писали дурного о Хорватовиче в заграничных и, к нашему стыду, в наших русских изданиях, — все это вымысел и клевета <...>. Повторяю — Хорватович был один из честнейших, самых симпатичных и дельных начальников сербской армии <...>.

XVII.
Организация сербской армии

Бригады сербской армии носили имена тех округов, из жителей которых составлялись эти бригады. Батальоны назывались именами отдельных сел и городов. Мне пришлось принять команду первого гружанского батальона <...>. Каждый батальон был разделен на 4 четы, т. е. роты. Каждым батальоном до прибытия русских офицеров командовал так называемый «народный командир». Народные командиры принадлежали к числу зажиточных селян; их зажиточность была единственной причиной их назначения на должности народных командиров. В сущности это были такие же неученые и неподготовленные в военном отношении воины, каковы были и все войники сербской армии. У каждого народного командира был свой «народный адъютант», свой батальонный писарь и свой батальонный комиссар, избранные равным образом из среды зажиточных крестьян. Каждая рота — «чета» — была поручена «четоводнику»*, по назначению начальства, преимущественно согласно желанию нижних чинов.

* Правильно: *четовођа* (сербск.) — командир роты, предводитель небольшого отряда. От *чета* — рота, небольшой отряд.

Степень прочности «четоводника» на этой должности гарантировалась степенью уважения к нему со стороны нижних чинов. Взводы были под командой простых «водников»*.

Ходили слухи, что генерал Черняев был недоволен организацией сербской армии. Черняев находил неправильным деление армии на бригады и подразделение бригад на батальоны. Говорят, генерал находил более целесообразным подразделение армии на более крупные единицы; так, например, на полки и т. д. По-моему (а я сужу на основании горького и близкого мне опыта), на какие бы единицы сербскую армию не делили, — получился бы один и тот же результат. Сущность недостатков заключалась вовсе не в делении армии на те или другие единицы, а в деле ведения этих единиц в бой и в деле управления этими единицами во время боя, т. е., иначе говоря, недостатки эти заключались всецело в начальствующих лицах этих единиц <...>. Горе армии заключалось вовсе не в том, что она была разделена на бригады и батальоны; оно заключалось в том, что при наборе армии ускользнула целая масса здоровых, сильных, вполне годных в строй людей и ускользнула самым преступным образом. Открыл я это явление следующим образом: однажды был получен приказ, исходящий чуть ли не из военного министерства, о том, чтобы начальники отдельных частей проверили составы нестроевых команд каждого батальона всех бригад. Надо заметить, что нестроевыми чинами считались в батальонах так называемые «больничары»**, т. е. санитарная прислуга, на обязанности которой лежит уборка и уход за ранеными во время боя, и «коморджии», т. е. та нестроевая команда, которая доставляла ежедневно провизию для своих батальонов. В каждом батальоне было ограниченное количество больничаров, так что при проверке этого состава можно было только пожалеть о том, что их было слишком мало при батальоне. Приказ относительно «коморджиев» прошел в армии почти бесследно и не вызвал никаких последствий. Это объясняется лишь тем обстоятельством, что русские офицеры, командовавшие сербскими батальонами, както вовсе не входили во внутреннюю жизнь армии и ограничивались пониманием себя исключительно в роли боевых офицеров, предоставляя все остальное тем же сербам. Конечно, это были громадные ошибки русских офицеров, сильно влиявшие на весь ход военных событий в Сербии, но что же будешь делать, если русские офицеры *не хотели* серьезнее смотреть на исполнение добровольно принятых ими обязанностей?! Таким

* От сербск. *вод* — взвод. *Водник* — командир взвода.

** *Болничар* (сербск.) — санитар.

образом, и приказ, о котором я упоминаю, прочитался русскими офицерами для проформы и передан был по начальству обратно. Народные командиры сербских батальонов подвели какие-то итоги, и, таким образом, приказ считался как бы вполне выполненным. Между тем серьезное выполнение этого приказа открыло бы довольно любопытную и грустную картину организации сербской армии. При каждом батальоне, как сказано выше, находились «коморджии». Сколько их было при батальоне, сколько должно было быть согласно правилу организации армии, где они находились и чем они были заняты — ни один русский офицер этого не знал, да и не интересовался этими вопросами. Знали только, что при батальонах существуют «коморджии», что обязанности их заключаются в том, чтобы частью перевозить батальонную «стварь»*, т. е. батальонные вещи, частью таскать на лошадях патроны в ящиках следом за действующими войсками. Знали русские офицеры, что большинство этих «коморджиев», таскавших патроны, пропадали, прятались или просто удирали с поля сражения во время боя, в минуту крайней необходимости наличия патронов; наконец, знали офицеры, что эти «коморджии» обязаны были доставлять провизию в батальон, и этими знаниями ограничивались русские офицеры, возмущаясь crescendo** трусостью этих поистине замечательно трусливых людей; между тем тайна организации «коморджиев» была известна народным командирам, и, пожалуй, всем сербским офицерам, которые почему-то считали долгом молчать об этой тайне. Тайна эта обнаруживалась сейчас же, коль скоро вы доставали из батальонного сундука список коморджиев, числящихся при батальоне. Из этого списка видно было, что при каждом батальоне их состояло до 120. Цифра, как видите, солидная. Надо заметить, что ни один батальонный командир из русских в глаза не видал в наличности ста двадцати коморджиев при своем батальоне за все время войны.

При батальоне их обыкновенно находилось десять-пятнадцать. Таким образом, за спиной сербской армии, где-то на неизвестных местах, скрывалась целая новая армия сербского народа, которая, собственно, не принимала почти никакого фактического участия в битвах сербов с турками. При самом тщательном и широком расчете численности «коморджиев», достаточной для услуг батальона как по части следования с патронами за действующими людьми во время боя, так и по части услуг мирного свой-

* *Ствар* (сербск.) — вещь, предмет; дело.

** *Crescendo* (итал.) — крещендо (музыкальный термин): усиление звука, постепенный переход от тихого звучания к громкому.

ства, — получались такие цифры: тридцати коморджиев было достаточно для ежедневной доставки в батальон, разделяя эту цифру на две смены; следовательно, доставка могла производиться с суточным отдыхом для лошадей. Пятнадцати лошадей, навьюченных ящиками с патронами, достаточно было на время каждого боя, так как ни в один бой люди не в состоянии были бы израсходовать количества патронов, навьюченных на пятнадцать лошадей. Шесть лошадей могли бы с успехом таскать батальонные вещи, а именно: каких-нибудь два писарских сундучка и солдатские шинели. Таким образом, в общей сложности мы получаем необходимое количество «коморджиев», выражающееся в цифре пятидесяти одного коморджия. Остается шестьдесят девять, которые ровно ничего не делали, которые, будучи записаны в число «коморджиев», этим самым спасались от строя, от исполнения обязанностей борца за свободу и независимость своей страны. Возьмите вы теперь по шестидесяти девяти человек из каждого батальона сербской армии, — и вы получите новую армию молодых, здоровых людей, счастливо избегнувших удовольствия сильных ощущений на бранном поле. Кто же эти такие счастливые смертные? Кому и чем они обязаны за эту счастливую для них случайность? Я недолго доискивался до объяснения причин такой случайности. Войники моего батальона откровенно объяснили мне, что все это люди зажиточные, просто-напросто *откупившиеся* от строя и, благодаря взяткам, вошедшие в списки нестроевых «коморджиев». Из этого маленького факта вы уже можете судить о степени военного воодушевления сербской интеллигенции в деле войны за свободу и независимость своей родной страны, если хотите — о степени добросовестности сербских чиновников вообще.

XVIII.
Продовольствие и вооружение сербской армии

Коснувшись одной стороны организации армии, скажу несколько слов и о ее продовольствии. С понятием о войне тесно связывается понятие о всевозможных лишениях военного времени. К числу последних бесспорно принадлежали и лишения в пище; мало того, лишения в пище часто влияют на исход самых событий. Но я не скажу, что известному исходу сербской войны, наряду с другими причинами, способствовало и дурное продовольствие войск. Напротив, сербские войска продовольствовались

в продолжение всей войны как нельзя лучше. Едва ли когда иная армия пользовалась таким довольствием питательного материала как сербская. По крайней мере, я встречался в Сербии с прусскими офицерами, и они находили, что их армия не продовольствовалась во время франко-прусской войны так хорошо и исправно, как сербская во время последних событий. Будучи свидетелем продовольствия нашей армии в следующий период русско-турецкой войны, — замечу, что русскому солдату и во сне не снилась такая пища, какую ели сербы. Это объясняется избытком питательного материала в благодатной Сербии, щедро одаренной всеми дарами природы. Организация продовольственной части не требовала ничего лучшего и всецело находилась в руках сербов. Исправность доставки провизии на позиции (исключая каких-нибудь неожиданных случаев, вроде внезапного отступления и т. д.), избыток этой провизии в каждом отдельном батальоне заставляли сербов снисходительно относиться к неизбежным случаям незначительных обмера, обвеса и еле заметной разбавки раки водою. Замечено, впрочем, что раки, более чем иной материал, соблазняла войсковых комиссаров. Иногда бывали случаи, что один, два батальона и не получали раки в один прекрасный день; но стоило только энергичнее заявить об этом по начальству, — и требуемое количество жизненной влаги являлось немедленно на позицию. Войска получали мясо двух сортов: один день они ели бычачье мясо, на другой день им привозили баранину. В то время, когда черногорцы жаловались на недостаток хлеба в своей стране, сербы ели всегда мягкий, хотя и черный хлеб; независимо от казенной порции, солдаты всегда добывали себе поросятины и свинины. Странно сказать! За поросенка самой крупной величины мы платили в Сербии в военное время какой-нибудь полтинник. Повторяю, дешевизна жизни поражала меня на театре военных событий, если принять во внимание время, когда часть сцены этого театра разорялась до корня дерева и обращалась в сплошное пепелище. Само собой разумеется, что сербские войники, в большинстве — зажиточные крестьяне, носившие за поясом часто сотни дукатов, не прибегали к купле лакомого куска. Это делалось гораздо проще. По всей местности военных действий были разбросаны там и сям разные деревушки. Крестьяне, заблаговременно выселявшиеся из деревень, впопыхах своего бегства бросали домашний скот, и этот скот был всегда причиной мародерства. Мародерство было сильно развито в Сербии, и оно развивалось, конечно, потому, что на это зло не обращало внимания ближайшее к солдатам начальство. Сербские офицеры смотрели на мародерство сквозь пальцы, а русские офицеры сами способствовали развитию зла <...>.

Повторяю: продовольствие сербов не заставляло желать лучшего. Глядя на их довольные лица, благодаря сытому желудку, в минуту спокойных вечерних бесед у горящего костра, бывало, и скажешь сербу:

— Какие вы, право, счастливые! Всего-то у вас вдоволь — и хлеб свежий, и бычачье мясо есть, и телятина, и свинина, и разная домашняя птица!.. Едите вы мясо каждый день в военное время... Как же вы должны в мирное-то время есть?

— Едим хорошо, — ответит серб.

— А у нас в России совсем не так!.. Посмотрели бы вы на наших крестьян, что они едят!

Сербы заинтересуются, начнут расспрашивать подробно о житье-бытье русского крестьянина. Начнешь им, бывало, рассказывать:

— Живет наш крестьянин совсем бедно!.. Изба-то его на бок согнулась, еле-еле держится, лошаденка единственная, коровка его пала, деткам молока негде взять; гложет он корку черствого хлеба, луком закусывает, на последний пятак косушку водки покупает, а покупает он ее на последний грош, потому что желудок его пуст, животом болен человек.

Слушает серб и ... не верит.

— Знаете что, братики? — скажешь, бывало, сербу в заключение, — у нас есть такие крестьяне, что всего раза четыре в год мясо пробуют...

— Не истина!* — крикнет, бывало, серб, шибко крикнет, даже рассердится.

Так ничем и не уверишь серба в горькой правде вашего рассказа.

Пищей сербы были, конечно, богаче турок, но турки были богаче сербов оружием. Вся сербская армия была разделена на три класса; первый класс был вооружен скорострельными ружьями, второй и третий класс имели ружья, заряжавшиеся с дула <...>.

В патронах, в снарядах для орудий недостатка не было. Этот материал заготовлялся в арсеналах Крагуеваца и доставлялся на место военных действий на обозах. Помимо большого расхода патронов при стрельбе, сербы небрежно относились к хранению и сбережению этого дорогого в военное время материала. Они стреляли зря, не целясь, стараясь только выпустить возможно большее количество патронов, наконец, теряли патроны и даже выбрасывали их нарочно из патронташей, дабы иметь возможность выйти из линии огня. Правда, следом за боевой линией должны были двигаться комороджии с лошадьми, навьюченными ящиками с патронами, но они всегда пропадали в самые критические моменты боя. Пред-

* От сербск. *Није истина!* — не правда!

ставьте вы себе положение солдата, долженствующего защищать свое место или нападать на неприятеля и вдруг остающегося без патронов! Он бросается туда, сюда, ищет коморджиев, а их и след простыл! Бывали случаи, что сербы поневоле уступали туркам в такие моменты. Трусливое поведение коморджиев вызвало приказ, которым предписывалось каждому батальонному командиру назначать по одному солдату из каждого полувзвода и вменить ему в обязанность ношение во время боя сумки, подобной ранцу, наполненной патронами! Само собой разумеется, что такая же небрежность замечалась и в обращении сербов с оружием. Сербы никогда не чистили ружей, если за этим не следили батальонные командиры; теряли шомполы, портили ружье умышленным спуском курка во время учения; короче, среди сербских войников было много таких, которые всеми легкими и нелегкими старались выйти из строя.

В кавалерии чувствовался большой недостаток во время войны, и, отдавая должную справедливость существовавшей кавалерии, следует заметить, что она не приносила решительно никакой пользы делу. В продолжение всей войны не было ни одного случая кавалерийской атаки; в то же время я ни разу не был свидетелем победы сербов, бегства турок; поэтому мне и не приходилось видеть сербскую кавалерию в делах преследования неприятеля <...>.

Сербские эскадроны были разбросаны на разных позициях, стояли лагерем и большей частью бездействовали. Иные эскадроны дробились на мелкие части и откомандировывались в распоряжение бригадных командиров и начальников позиций, где они и служили «на посылках». Разведочную службу кавалеристы несли самым недобросовестным образом. Это были необыкновенно ленивые люди, хотя следует заметить, что леность — отличительная черта всех сербов вообще. Куда бы вы ни послали сербского кавалериста, в большой части случаев он даже не доезжал до места посылки, ответов не привозил и, будучи вашим конвоиром, оставался и скрывался, когда становилось жутко. Кавалерия была вооружена очень плохо <...>.

Плохой репутацией пользовались и наши казаки, которые прибыли в Делиград к концу военных событий. Это был народ распущенный, сильно пьющий и не оказавший никаких особых услуг общему делу. Черняев возлагал на них большие надежды, но эти надежды не оправдались на деле. Я говорю про донских казаков. Линейные кавказские казаки прибыли в Белград к моменту заключения перемирия, так что они поневоле остались в Белграде в ожидании открытия военных действий. Линейные казаки не принимали никаких назначений; они рассчитывали действовать са-

мостоятельно, все сообща своей партией (несколько десятков человек), в которую не принимали никого. План их действий заключался в том, чтобы грабить и жечь турецкие села и деревни. Каждый из линейных казаков дал клятву перед всем своим обществом, что никто из них не будет убивать женщин, младенцев и стариков.

Самая лучшая, самая полезная, стойкая, образованная, добросовестная часть сербской армии была сербская артиллерия! Странное дело! Артиллерия образовывалась из того же материала, что и остальные роды сербского оружия, но как рельефно выделялись сербские артиллеристы из всего остального войска. Артиллерия совершенно не нуждалась в офицерах, так что русские артиллерийские офицеры, хотя и служили в сербской артиллерии, но они были даже лишними в батареях. Сербские артиллерийские офицеры не имели ничего общего с армейскими; они и держались как-то в стороне от последних. Большинство были молодые, смелые, хладнокровные, хорошо знающие свое дело артиллеристы; артиллерией гордилась сербская армия. Невзирая на то, что во всей сербской артиллерии насчитывали всего два-три орудия, заряжавшихся с казенной части, тогда как у турок были орудия Круппа[8], — сербская артиллерия меткостью своей стрельбы наносила большой вред неприятелю <...>.

В заключение очерка организации армии скажу несколько слов о внешнем виде сербского войника. В начале войны сербское правительство снабдило каждого войника одеждой, по форме похожей на походную одежду австрийских солдат. Они получали от правительства шапку, панталоны, зипун и некоторые — шинель. Шинелями были снабжены далеко не все солдаты. Со временем одежда постепенно обнашивалась, рвалась и в конце концов сербский войник принимал вид оборванца. Когда наступила осень, сербов, не снабженных шинелями, начала бить лихорадка. Хотя писали и говорили о том, что турки не имели хорошей одежды, обуви, но турки собственно были одеты несравненно лучше сербов. По мере уменьшения численности сербских войников в батальонах, благодаря выбытию из строя убитыми и ранеными, численность батальонов пополнялась рекрутами новых призывов. Рекруты являлись из деревень прямо на позицию в том внешнем виде, в той одежде, в которой они ходили в деревнях; эта одежда состояла из длинной полотняной рубахи, полотняных панталон, красной фески на голове. В таком точно виде рекруты вступали в строи. Наступила осень, холодное, дождливое время года. Жаль было смотреть на этих несчастных рекрутов, когда холода вызывали лихорадку, и постоянные дожди мочили этих полунагих воинов. Они жались у костров и ежедневно выбывали десятками из строя по госпиталям; им решительно нечем было прикрыть свои

обнаженные части тела, и негде было взять для них одежды. Им не давали даже шапок, и они по необходимости дрались с турками в красных фесках. Не поручусь за то, что сербы в горячности боя, при виде красной фески не принимали своего же серба за турка и не стреляли друг в друга. Однажды мне пришлось съездить с позиции в Делиград для того, чтобы похлопотать о снабжении одеждой рекрутов моего батальона. Говорили, что в Делиграде при главной квартире находился склад одежды. Я нашел в Делиграде несколько сотен форменных шапок, но там не было ни одного зипуна, ни одной шинели. Военное министерство не присылало в Делиград решительно ничего, а между тем сколько миллионов рублей поступило в кассу сербского правительства! Осенью получен был из России транспорт полушубков и больших сапог. Тем и другим снабжались только русские добровольцы за неимением достаточного количества присланных вещей. Впоследствии я встречал в Крушеваце[9] много городских жителей, разгуливавших в русских сапогах, но я не видел на позиции ни одного сербского воина, у которого были бы русские сапоги или полушубок. Каким образом попадал в руки мирных горожан тот материал, который предназначался собственно для войска, — я решительно не понимаю! Штаб снабжал иногда сербов вещами, полученными из России. Черняеву хотелось наделить сапогами и полушубками всех, без различия серба от русского. Хорватович был против этого. Он говорил, что эти вещи присланы из России, приобретены на средства русских, а потому одни только русские имеют на них право. При этом Хорватович проклинал сербов, как своих, так и австрийских, не хотевших позаботиться о своих же братьях. Проклятия Хорватовича, конечно, не помогали горю, и полунагие сербы продолжали месить осеннюю грязь мокрыми ногами, обутыми в сербские опанки.

XIX.
Первый вечер на бивуаке.
Отношения русских и сербов друг к другу

Наш батальон стоял бивуаком на расстоянии ста шагов от штабной палатки <...>. Приход русских офицеров, по-видимому, не произвел на сербов особенного впечатления; некоторые апатично оглянули нас с ног до головы, другие осматривали молча с наивностью детского любопытства. Я сел у костра.

— Русс? — ткнул меня пальцем в грудь соседний войник.

— Русс! — ответил я ему.

Войник кивнул головой и замолчал. Другие осматривали меня как дикого зверя.

Машинально поправив свалившуюся с горящих дров головешку, я задумался. Сами знаете: камин, костер невольно вызывают мечтательность, я и начал мечтать. Мечты унесли меня далеко, далеко из той страны, из того положения, в котором я очутился; я вспомнил родную мне обстановку, вспомнил близких моему сердцу людей, оглянулся вокруг себя и почувствовал тоскливое чувство одиночества. Да, я был одинок, читатель! Все эти уверения в братстве нас со славянами, все эти разглагольствования на тему племенной нашей связи, народной любви и т. д. — все это может быть очень верно и многозначительно в устах политика, историка, публициста, если хотите, — но все это такая фикция в смысле природных человеческих чувств, которая может иметь место только при помощи возбуждения известных мыслей. В сущности, что общего было между мной и этими сербами, окружавшими меня и недоверчиво посматривавшими на чужого для них человека? Племенная связь! И только?.. Неужели этого достаточно для того, чтобы люди одного племени, но различных национальностей, могли бескорыстно любить друг друга и, будучи в гостях друг у друга, чувствовать себя как в родной семье? Требовать этого от русского, явившегося в Сербию, и от серба, явившегося в Россию, — значило бы требовать от пасынка к мачехе таких же чувств, какие питает обыкновенно родной сын к родной матери. Россия, какая бы она ни была, — моя мать родная; она меня вскормила, воспитала, взлелеяла, вдохнула в меня любовь к родному народу с материнской колыбели, вкоренила во мне народные традиции. А что такое Сербия для меня? Сербия — страна одного племени, но разных взглядов, нравов, привычек, убеждений, разного воспитания, развития и направления.

Чувство одиночества естественно должно было томить меня. Конечно, племенная связь народов роднит их между собой. Русский чувствовал к сербам такую же привязанность, какую в общежитии чувствуют обыкновенно родные братья, происшедшие от одного отца, но от разных матерей, притом воспитанные разновременно и всю жизнь не видавшие друг друга. Вглядишься, бывало, друг в друга, и, действительно, много замечаешь общего между русским и сербом, но ... все-таки есть что-то такое, что нас разделяет и не может соединить, несмотря ни на какие возбуждения наших нервов. Нас связывают: один язык, одна вера. Серб такой же наивный, сердечный, мягкого характера человек, как и наш крестьянин. Но

наш крестьянин беден, серб богат; бедные люди в большинстве бывают добрыми людьми, хлебосолами, богатый человек скорее жаден; серб такой же жадный человек. Русский человек безгласен, забит, привык гнуть свою покорную спину чуть ни перед каждым; серб, напротив, человек с голосом, с известными понятиями, чуждыми нам. Русский крестьянин сроднился с подзатыльниками, серб самолюбив и их не переваривает. «В сербах нет национального самолюбия», — говорят некоторые. Напротив, я всегда видел в сербах национальное чувство самолюбия и продолжаю видеть его до сих пор.

А мы, русские?

Где бы мы ни были — мы везде и всегда останемся такими, как мы есть. наша широкая, необузданная и незастенчивая натура, с претензией на господство и власть, не знает пределов. Мы гордо, надменно явились в Сербию с понятиями спасителей этой страны, с убеждениями, что Сербия погибнет без нас. Мы все, начиная с генерала и кончая прапорщиком, — маленькие помпадуры, поняли себя в роли властителей чужой страны и не стеснялись властвовать и в то же время корить сербов в глаза деньгами и тюками корпий, которыми снабжала Россия Сербию. Само собой разумеется, что чувство сербского самолюбия оскорблялось. В самые естественные, беспретенциозные, братские, добрые отношения к сербам стали нижние чины, т. е. русские добровольцы из солдат. Я уверен в том, что большинство порядочных русских, весь неиспорченный русский народ сумел бы выработать эти братские отношения к сербам, если бы это порядочное большинство оказалось в Сербии. Но, к несчастью, в Сербию ехало много отщепенцев русского общества, нравственных монстров, ничтожных, забитых, загнанных и молчаливых в России, но почуявших значение своей персоны там, где нужен лоб для пули, возгордившихся своим положением и поднявших голос в среде испуганного событиями сербского народа. Правда, много было и хороших людей, но в конце концов следует сознаться, что разница наших убеждений, нашего духа дали о себе знать на первых порах; этому явлению поспособствовали именно русские необузданные натуры, о которых я только что упомянул выше <...>.

Спрашиваю вас: чем виноват какой-нибудь армейский прапорщик, поручик, капитан, юнкер и т. д. в том, что он пьющ, невежлив, беззастенчив, бесшабашен, недалек по своему развитию, деспот в обращении с ближним и т.п.? Условия воспитания и жизни наложили на него эти милые принципы. Он пьет, потому что спился ранее; он бьет серба, потому что привык драться с подчиненными; он обращается невежливо, бесчеловечно, потому что в каждом человеке, стоящем под ружьем, он прежде всего привык

видеть своего денщика. Но вглядитесь в него пристальнее, и вы заметите в нем хорошие стороны, вы даже очаруетесь им в минуты его индивидуального увлечения. Он смел как лев, он храбр и честен на войне, он горд, самолюбив, он ненавидит трусов; он не умеет владеть собой, в нем нет гражданских доблестей, он неразвит, но он образцовый воин. Народ, воодушевленный идеей войны за независимость страны, простил бы все русскому добровольцу, но сербская интеллигенция не прощала ему, потому что интеллигенция не была воодушевлена, в ней не было сознания необходимости войны за свою независимость. Между тем серб оставался вполне гражданином. Мы просто не понимали друг друга, и в этом следует искать сущность всех недоразумений и препирательств, происходивших между сербами и русскими, начиная с высших чинов и кончая низшими. Вся военная власть была в руках русских. Русский увлекался этой властью, занимал лучшие места, получал высшие награды; опираясь на строгость дисциплинарного закона в военное время, он творил то, что хотел, распоряжался в Сербии как в своей стране, как у себя дома. Остановимся на примере. Что такое в сущности бывшие препирательства Черняева с Николичем? По рассказам, ходившим в Сербии, они возникли главным образом из-за того, что один другого не так встретил, как бы тому хотелось <...>. Вздоры Черняева с Николичем не могли пройти бесследно, хотя Черняева и нельзя упрекнуть в том, что он резко оскорблял национальное чувство сербского народа. Резких оскорблений простому народу не было; сербский народ его даже любил, но сербская интеллигенция питала к Черняеву затаенную злобу. Разлад Черняева с Николичем невольно отразился на сербской интеллигенции и должен был повлиять на отношения сербских офицеров к русским. Вместе с чувством задетого самолюбия Николича было задето и чувство самолюбия офицеров сербского военного министерства. Я не знаю, очень может быть, что Николич и виноват в этом случае, но Черняев должен был встать выше этих дрязг, избегать их. Он должен был понимать, что сербская интеллигенция была близка к народу, а потому в нем должно было существовать сознание, что опасна та игра, в которую он играл.

Таким образом, отношения высокопоставленных лиц отразились и на отношениях мелких деятелей. Когда корень таких отношений пустил свои тлетворные отпрыски, начались случаи оскорбления сербов русскими и русских сербами. Корреспонденты винили за это исключительно сербов. Это несправедливо! Повторяю, были разные случаи, в которых иногда бывали виновны сербы, а иногда и русские.

Впрочем, это нисколько не мешало русским офицерам сохранять добрые отношения к сербским войникам, к простому народу. Войники иногда

ворчали на некоторых русских офицеров, были ими недовольны. Бывало это в тех случаях, когда русский давал волю кулаку или систематическими насмешками над трусостью надоедал сербам, оскорблял их. Но и тут я должен оговориться. Среди сербских офицеров было едва ли не больше драчунов. Некоторые русские нападали на сербов в тех случаях, когда развитый ум простил бы сербу за его проступок. И это происходило именно вследствие неразвитости русского, его непонимания быта, понятий и условий жизни сербского народа. Сербы кротко переносили многое от русских, продолжая любить их за отвагу, преданность военному делу, за их храбрость. Я уверен в том, что и в сербском народе, при всей массе дрязг, происшедших в Сербии, остались все-таки добрые воспоминания о русских <...>.

Сербы очень добрый народ, ласковый. Придет ли какая баба в лагерь, принесет она, бывало, овечьего сыру, яблок, вина, груш своему мужу, — муж первым делом делится с русским добровольцем подарками своей жены. Увидит он ласковую, благодарную улыбку на лице русского офицера — и растает. Приятно ему видеть эту улыбку, она подкупает его, он дает вам за улыбку еще одно яблоко, и еще одно, еще сыру, льет вина сколько влезет, пока вы наконец сами не остановите его и не скажете:

— Довольно, братец, тебе самому ничего не останется.

Серб дает русскому не с целью дать взятку, а искренно. Он радуется, когда замечает, что угодил вам своими подарками. Сербский народ отлично понимал жертвы, приносимые русскими на пользу их страны; он был благодарен за это русским <...>.

Сербский народ — народ развитый, очевидно воспитанный на свободных началах. Это развитие сербского народа не есть плод народного учения в смысле знания грамотности, чтения книжек и т. д. Это развитие вдохновлено в сербов сербской интеллигенцией, независимо от учения и грамотности. Интеллигенция так близко стоит к народу, что народ, часто не зная грамоты, усваивает себе принципы интеллигенции. Но так как эти принципы передаются интеллигенцией посредством сближения с народом, а не вкореняются в народ путем самостоятельного мышления, не являются плодом учения, то они и шатки в народе. Однако народ все-таки настолько тверд в них, что никогда не изменит своего образа правления, если того не вызовет какая-нибудь деспотическая, вооруженная сила. Перемена титула князя на короля кажется ему безразличной.

При всех симпатичных сторонах сербского народа, в нем замечаются и крупные недостатки. Серб прежде всего эгоист, торгаш, всегда и всюду соблюдающий по возможности только свои интересы. Эта порочная человеческая страстишка часто увлекает серба до степени бесчестного по-

ступка. В смысле торгашества серб напоминает собой еврея. Нам, русским, например, большого труда стоило вывести в среде сербских солдат наших батальонов страстишку торговать. Один серб хочет есть: он съел свою порцию и видит, что у другого серба есть кусок хлеба, кусок мяса, которыми тот может поделиться с товарищем. Но тот, у кого есть лишнее, не поделится безвозмездно, он непременно потребует за это вознаграждения. Я говорю, что это торгашество замечалось преимущественно в сношениях сербов друг с другом, хотя были отдельные, исключительные случаи в таком роде и в отношении к русским. К чести русских офицеров будет сказано, они на первых же порах подметили этот порок людей, одинаково несущих невзгоды военного времени, и самыми энергичными мерами прекратили торговлю среди сербских войников. Страсть к деньгам унижает сербских чиновников до порока взяточничества <...>.

XXII.
Бывший наличный состав русских добровольцев в Сербии. Провозглашение Милана королем Сербии

Весь наличный состав бывших русских в Сербии можно разделить на пять групп: на людей, строго-сознательно явившихся в Сербию, в силу святого увлечения идеей борьбы за свободу и независимость родственного народа. Таких людей было очень немного, они наперечет; большинство этой категории людей были, бесспорно, самые честные люди, но в то же время — самые непригодные люди в смысле военного деятеля и не пригодившиеся на пользу дела, как такие люди, горячность которых разбивалась о твердыню сербского народного хладнокровия. Они умирали без нужды, без пользы, умирали как мученики, умирали быстро, один за другим, на первых порах своего приезда. Вторая группа русских — люди мыслящие, честные, но разбитые жизнью, измученные ею, много страдавшие, явившиеся в Сербию с открытым, бесстрашным взглядом в глаза смерти. Такие люди, бесспорно, приносили пользу делу, но — увы! — они тоже терялись в большинстве. Третья категория явилась под влиянием возбужденных чувств. В эту категорию вошли почти все (за немногими исключениями) русские нижние чины. Будучи нижними чинами — притом русскими, — они храбро дрались, стойко защищались; но какое же значение

могут иметь даже тысячи таких солдат под начальством одного, не стоящего самого последнего из них? Четвертая группа состояла из искателей приключений, из жаждущих славы, высшего положения, увлекавшихся повышениями, наградами в виду удобного случая. Эти люди встали во главе третьей категории и... испортили дело! Пятая группа состояла их праздношатавшегося в России люда, пьющего, безобразного, бесшабашного, плохо подготовленного в военном искусстве, но занимавшего пост посредничества между искателями приключений и слепыми исполнителями воли начальства. В виде исключений были и такие, которых, бывало, спросишь:

— Вы кто такой?

— Купеческий сын.

— Зачем приехали в Сербию?

— Тятенька пустил. «Позвольте, говорю, в Сербию...». «Должно тебя вши не ели, так поезжай».

Такие служили вполне порядочно.

Но из вышесказанного вы можете судить вообще о гармонии всего состава собравшегося синклита. А разве гармония не требуется на войне?

Вспомните при этом, что любой пожар сербской деревеньки не мог производить на русские нервы такого озлобления, какое бы вызвал пожар родной нашей деревушки, вспомните, что мы были офицеры русской армии, т. е. такой, в которой прапорщик теряется, будучи поставлен на пост капитана, — и вы согласитесь со мной, что все мы в Сербии просто не в силах были достигнуть того, чего от нас ждало общество. А вправе ли было русское общество ожидать от нас чего-нибудь другого? <...>

XXIII.
Приготовление к генеральному сражению. Полковник Медведовский[10]

Вскоре наш лагерь посетили генерал Черняев и его свита. Военный министр Николич приехал вместе с Черняевым, но он явился на позицию несколько позже главнокомандующего. Во время посещения нашего лагеря военный министр Сербии объезжал войска отдельно от Черняева; за все время они не только не говорили между собой, но даже держали себя в стороне друг от друга.

Тот и другой объехали батальоны, осмотрели строившиеся на нашей позиции две батареи и возвратились в Делиград.

Военный министр казался до оригинальности простым человеком. В одном из батальонов он встретил своего земляка, простого крестьянина из родного ему округа. Николич подозвал его к себе, обнял, поцеловал и долго разговаривал с ним, причем крестьянин говорил с ним на «ты».

Русских удивила подобная фамильярность отношений. Но сербы смотрели на это как на весьма обыкновенное явление.

— Здесь у нас просто в этом отношении, — пояснил нам один из сербских офицеров.

В прежнее время в Белграде легко было встретить любого министра в простой кафане за кружкой доброго вина, беседующего с простым народом.

— Почему вы говорите: «В прежнее время»?.. Разве теперь не так?

— Теперь иначе!.. С тех пор, как приехали к нам русские, — привился этикет, которого мы прежде не знали.

Как же иначе? Мы явились инструкторами сербских порядков! <...>

XXIV. День генерального сражения. Мой адъютант. Черногорцы в битве

Батальон капитана Страдовского[11], опытного, хорошего стрелка, бьющего наверняка на известное количество шагов, дрался рядом с нами на нашем правом фланге, составляя левый фланг полковника Медведовского.

При начале боя батальон Страдовского потерял связь, потому что его сняли со знакомой батальону местности и двинули на новую, никому не известную местность. Человек двадцать черногорцев кинулись вперед. Капитан Страдовский пристал к черногорцам, потому что видел полнейший кавардак во всем отряде Медведовского. Его батальон отстал шагов на 1200.

— Кто вы такие? — спрашивал Страдовский черногорцев.

— Мы — храбрые черногорцы, идем вперед на турецкие шанцы.

— Я русский, идемте вместе!

— Айда заедно*!.. — крикнули черногорцы.

— Бери яблок, — угощает черногорец Страдовского.

— Не хочу!

— Бери, а то торба** полна, тяжело носить.

* *Заједно* (сербск.) — вместе, совместно.

** *Торба* (сербск.) — сумка.

Черногорцы идут, ругают сербов.

Спустились они со склона и приблизились к турецкому шанцу. Открылись турецкие траншеи... замелькали красные фески... трескотня ружейной пальбы... лопанье гранат — страшный момент!.. Играют черногорцы сигнал: «Движение вперед» и кидаются на турок. Турки моментально очистили шанцы. Держатся черногорцы некоторое время, но турки видят, что у них нет резервов и с криками «алла!» выпускают целый табор против 20 черногорцев. Из двадцати человек остаются восемь в живых.

Возвращается Страдовский обратно, встречает черногорца по дороге. Черногорец показывает ему 5 человеческих носов.

— Зачем тебе нужны эти носы?

— Надо воеводе Врбице[12] показать; за носы получу я медаль.

— А зачем губу захватил с усами? — спрашивает Страдовский, замечая часть усов под отрезанным носом.

— Это нужно для того, чтобы по усам видно было, что я не зарезал женщину или старика <...>.

Примечания

[1] В тексте ошибка — речь идет об убийстве князя Михаила Обреновича.

[2] Имеется в виду: в Смедерево.

[3] Делиград — укрепленный пункт между городами Ражань и Алексинац, где находился штаб генерала М. Г. Черняева, и где князь Милан Обренович объявил Турции войну.

[4] Парачин — город в центральной Сербии на реке Црница. Упоминается в источниках с XVI в.

[5] Хорватович Джура (1835–1895) — сербский военачальник, генерал. Родился в Славонии. В сербской армии с 1862 г. В 1876 г. — полковник, командир корпуса. В 1881–1885 гг. — посланник Сербии в Петербурге. В 1887–1888 гг. — военный министр Сербии.

[6] Правильно: Шилеговац — село между городами Крушевцем и Алексинцем. Место активных боевых действий. Было сожжено турками.

[7] Башибузук — солдат иррегулярных частей турецкой армии в XVIII и XIX вв. В переносном смысле — разбойник, головорез; отчаянный, буйный человек.

[8] Крупп — немецкий военно-металлургический концерн. Основан в 1811 г. в Эссене Фридрихом Круппом. В XIX в. из небольшого сталелитейного завода превратился в крупнейшую монополию.

[9] Крушевац — город в юго-восточной Сербии. Первое упоминание относится к 1381 г. Являлся столицей владений князя Лазара, сын которого Стефан Лазаревич, по причине турецкой опасности, перенес столицу в Белград. В 1455 г. Кру-

шевац попал под власть турок. В 1833 г., в числе «шести нахий», был передан ими в состав вассального Сербского княжества.

[10] Полковник Медведовский — русский офицер-доброволец. Командовал смешанной русско-сербской бригадой в Тимокско-Моравской армии сербов.

[11] Капитан Страдовский — русский офицер-доброволец. Командовал батальоном.

[12] Врбица Машо (1833–1898) — черногорский воевода (с 1875 г.). Артиллерийское образование получил в Санкт-Петербурге (1852–1854). Организатор черногорской артиллерии. Предводитель черногорских добровольцев во время Сербо-турецкой войны 1876 г.

Успенский Г. И.[*]

Из Белграда. (Письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1876. № 12. С. 171–185[**]

В ту минуту, когда пишется это письмо, Белград переполнен возвращающимися из армии добровольцами, а вместе с ними и вестями, самым ярким образом рисующими поистине неисчислимые беспорядки минувшего периода войны. Громадное большинство возвращающихся, пробыв в Белграде ровно столько времени, сколько нужно для получения денег и билетов на проезд, немедленно, вслед затем, уезжает из Белграда в Россию, унося с собой, если не полную ненависть и отвращение к тому, что было, то, во всяком случае, в большей степени неладное расположение духа, доходящее до раздражения, иной раз выражающегося очень и очень определенно: так, между прочим, в последнее время не проходит дня, чтобы в той или другой из наиболее посещаемых здешних кафан не происхо-

---

[*] Успенский Глеб Иванович (1840–1902) — известный русский писатель и публицист. Родился в Туле. Учился в Петербургском и Московском университетах, но, по причине безденежья, курса не окончил. Литературная известность пришла к нему в 1866 г., когда в «Современнике» были напечатены очерки «Нравы Растеряевой улицы». Сотрудничал в различных журналах, главным образом, в «Отечественных записках». В 70-е годы начинается «народнический» этап творчества Успенского. С этих пор он занимается исключительно описанием различных сторон деревенской жизни. После 1893 г., вследствие развившейся душевной болезни, писать практически перестал.

[**] В начале сентября 1876 г. Г. И. Успенский выехал из Парижа в Сербию. Проведя в Белграде несколько недель, он прибыл на театр военных действий за два дня до разгрома армии Черняева под Джунисом и «присутствовал при поспешном очищении главной сербской квартирой и штабом Делиграда» (см.: *Чешихин-Ветринский В.* Глеб Иванович Успенский. Биографический очерк. М., 1929. С. 132–133).

дило более или менее крупной драки. Два дня тому назад в гостинице, знакомой всякому побывавшему в Белграде и известной под именем «Старого здания», происходила настоящая битва, с обнажением сабель, с бегством побежденных без шапок и т. д. Как говорят, причина драки — обед, устроенный «штабными» (так называют офицеров штаба генерала Черняева) одному из сослуживцев; присутствовавшая в той же гостинице публика, не принадлежащая к штабу, раздраженная (как рассказывают) великолепием обеда, не могла удержаться, чтобы не выразить штабу, весьма нелюбимому офицерством, давно таившегося негодования — и открыла настоящий бой. Осматривая поле битвы, я видел выбитые стекла и следы сабельных ударов на дверях, столах и стульях. Спустя два дня после этого побоища, происходила новая битва в другой гостинице, также всем знающим Белград довольно известной, «Сербского Краля»*, между якобы «ибарцами»[1] и «черняевцами»[2] и, если дело не дошло до вожделенного конца, так это потому, что нашлись силачи, которые сумели вовремя растащить борющихся по отдельным нумерам, где их и заперли. В тот же день, ночью, окна нумера, занимаемого одним из значительных лиц черняевского штаба, были выбиты камнями, и т. д. Не говорю о том, что вообще жить в какой бы то ни было гостинице почти нет никакой возможности от непрерывного гама, постоянно затевающихся скандалов, вот-вот готовых превратиться в драку; бывают такие вещи: часа в два ночи в комнату, занимаемую вами, начинают ломиться неизвестные (непременно соотечественники) и, вломившись наконец, за неимением каких бы то ни было резонов для всей этой операции, прямо начинают ругаться; атмосфера ругани так густа, что ей пропитывается невольно всякий, самый скромнейший из скромных и, при малейшем поводе, не упустит случая показать, что и он, скромнейших из скромных, знает сильные русские слова.

Словом, все, возвращающееся с поля битвы, раздражено, оскорблено, обижено, недовольно тысячами тысяч вещей и лиц. Можно положительно сказать, что из всех приехавших в Сербию русских, в настоящую минуту не было *ни одного***, кто бы сказал о ком-нибудь или о чем-нибудь хоть одно доброе слово, хотя каждый очень хорошо знает, что доброе слово можно и должно сказать о многом и о многих. Так, ругая сербов за трусость, даже выдумывая обвинения их в измене, всякий русский *отлично знает*, что они неопытны, что они — мужики, что они отдали все, что могли, что их убито в тридцать-сорок раз больше, чем русских, что они мерзли, голодали

* *Краљ* (сербск.) — король.

** Здесь и далее выделено в оригинале.

больше русских; всякий скажет, что они безукоризненно честны, добры, радушны, *чисты, как дети*, по выражению одного добровольца из простых русских крестьян, — и все-таки всякий ругает их и даже говорить иной раз не хочет, очевидно, потому, что его обидели не сербы, а *все*, вся эта история, вместе с ним самим, вместе с его мыслью идти в Сербию и т. д. Все это вышло, как будто бы не так, как он полагал, и вот он из массы переполняющего его недовольства выбирает первое, что попало на язык, и ругает сербов: и подлецы-то они, и эгоисты, и трусы... Кстати здесь сказать, что и наши несомненно храбрые воины иной раз задавали «лататы» не хуже сербов. Я сам имел удовольствие видеть сапоги одного русского офицера, стоптанные таким образом, что пятки совершенно стерлись с лица... сапога (хорошего русского сапога!) и расплылись вдоль подошвы; владелец сапога, русский офицер, также очень гневно относившийся к сербам за их искусство бегать, объяснил мне с полным чистосердечием, что и его пятки стоптались также от лататы, так как приходилось бегать с гор, а операция такого бегства должна была происходить, главным образом, на пятках. До чего же иной раз хорошо совершают эту операцию, может служить указание на то, что за восстановление пятки на ее настоящее место сапожник взял 15 франков, больше дуката, четыре рубля серебром — цена громадная по здешним местам. Стало быть, принимая во внимание, что таких сапог починено довольно много, русскому человеку можно бы было извинить серба хотя в этом-то умении летать на пятках; но, вопреки всякой справедливости, он ни капли его не извиняет, и я полагаю, что он делает это именно только потому, что и в себе находит ту же сербскую черту, которую, конечно, удобней проклинать в другом, чем в себе. Но, вообще, почему бы русский человек ни делал этого, я хочу сказать, что в его негодовании на что бы то ни было — на сербов ли, на штаб ли, на Черняева, на газеты — словом, на кого бы и на что бы то ни было, всегда есть значительная доля таких причин, которые ни к штабу, ни к Черняеву вовсе не относятся. Чтобы лучше уяснить эти слова, позволяю себе вновь возвратиться к рассказанному в начале эпизоду в гостинице «Старого Здания». Драку эту определяют так: «избили штабных». Хорошо. Но во имя чего избили? Во имя ли того, что они — штабные и люди, большей частью, мало распорядительные, или почему-нибудь другому, что вовсе к неисправностям штаба или к нераспорядительности штабных не относится? Очевидцы этой драки (некоторые из них до сих пор носят синяки) передают дело так: зала гостиницы разделяется на две половины стеклянной перегородкой; в одной половине штабные давали обед, в другой сидели, пили и играли на бильярде — нештабные; в этой же нештабной комнате находилась музыка, приглашен-

ная штабными. Нештабные (надо ли говорить, что все было под хмельком?) заставляли играть эту музыку такие-то и такие-то пьесы, музыка не играла, потому что была нанята другими; «*я деньги плачу*, — говорили некоторые, — играй». Но музыка, опять-таки, денег не брала и не играла; затем, начались проявления (кроме вообще всеобщего нерасположения к штабу) более странных желаний: иные, например, являлись к обеденному столу и изъявляли желание, *с своей стороны*, поздравить виновника торжества, причем именно им наливали стакан шампанского; вслед за ними, являлись другие, которые прямо говорили: *позвольте и мне стакан шампанского*; а раз было произнесено такое желание, раз оно было удовлетворено, как тотчас же появились лица, которые прямо стали объявлять: «Давайте шампанского, а не то разденусь и закричу!» Вслед за тем не замедлили явиться люди, прямо начинавшие раздеваться: когда одного из таких остановили за рукав, он закричал благим матом — и свалка закипела.

Я бы никогда не кончил описания этой сцены, если бы задал себе задачу вычислить все черты, совершенно посторонние справедливому негодованию на штабные непорядки; прошу читателя, поэтому, довольствоваться покуда только той, которая приведена мною. Из предшествовавшего описания видно, что не последнюю роль в некоторых лицах, участвовавших в драке, играло желание пить не простое *црно вино**, довольно дешевое и не всегда вкусное, а такое же точно шампанское, какое пили и штабные; кроме того, некоторые обижались на то, что, имея право сказать: *я деньги плачу*, тем не менее, не получали никакого удовлетворения от музыкантов; иные, хоть и выпили за здоровье виновников торжества, хоть и схолопствовали, но увенчаны приглашением продолжать пиршество не были; пей одни шампанское, повелевай другие за свои деньги, удостойся третьи ласкового внимания начальства — и вот уже, смело можно сказать, известного числа буйствующих элементов не было бы, и штабные могли бы произносить друг другу хвалебные речи совершенно без помехи.

Оказывается, таким образом, что в этой драке, кроме ненависти к штабу, к штабным непорядкам, было много мести за что-то другое, совершенно постороннее и штабу, и славянской идее, и сербской войне, тут была месть против всего, что отняло у человека право пить шампанское, к которому человек этот привык, тут была месть за то, что какая-то сволочь не слушается барина, привыкшего думать, что слова «я деньги плачу» — всемогущи. В какой мере подобного рода привычки, воспитанные в глубине крепостного права и темного царства, пригодны для сербского дела, судить не

* *Црно вино* (сербск.) — красное вино.

нам, но неудовлетворение их (принесенных сюда в значительнейшем количестве) — играет едва ли не главную роль — в том раздражении, которое русский человек выносит из Сербии; нападая на что-нибудь и на кого-нибудь, русский доброволец, как мне кажется, неудовлетворен в чем-то другом, что принесено им сюда с собой, что даже (дерзаю сказать) из войны, имевшей, как казалось, все шансы на успех (всеобщее сочувствие, хорошую цель, изобильные средства и т. д.), сделало не войну, а свалку. Мне кажется, что именно эти-то посторонние, ненужные, непредвиденные элементы, пропитав собой смелую мысль дела, и превратили его в бестолочь, в свалку, в бойню — во что хотите, только не в войну.

В качестве человека невоенного, я отправился в Белград почти только затем, чтобы посмотреть на русского простого человека, одушевленного, наконец (в чем я не имел и не имею никакого сомнения), большой, по сердцу пришедшейся ему, задачей. Не все ему накоплять недоимку, надо пожить и *на себя*. Скажу вообще, что первая минута, когда наши сибирки и чуйки появились на асфальтовых мостовых и разукрашенных улицах Пешта, была необыкновенно трогательна. Безобразия, виденные мной потом между моими соотечественниками, во всю дорогу от Пешта до Белграда и в Белграде, хотя и заставляли, по временам, положительно терять всякое терпение, но были совершенно понятны, вполне объяснимы, и, вообще, забывались довольно скоро, как в виду того, что причин этим безобразиям было довольно много, причин совершенно ясных, видимых всеми и каждым, так, главным образом, и потому, что с нашим безобразником мирила его задача. «*Пришел за Сербию вступиться*», — говорил он, положим, хоть и в пьяном виде, но никогда, какая бы бестолочь ни творилась вокруг него, не отступал от этой задачи, не забывал, зачем он пришел.

Строго говоря, при большей правде во всем, что подняло и поднялось вокруг славянского дела, при большей искренности людей, имевших власть, распоряжавшихся деньгами, ничего бы не стоило очистить ряды добровольцев от людей, ровно никакой пользы делу не приносящих: так, можно бы было не отправлять дряхлых стариков, нищих, которые, получив хорошее денежное пособие, как люди, в самом деле, безысходно бедные, больные, прослужившие двадцать пять лет и «всем» нездоровые, с охотой пожелали бы остаться где-нибудь в деревне, за печкой, благодарили бы Бога за добрых господ; можно бы также было не присылать пьяниц, т. е. просто больных запоем людей, которые и сами не знают, как они попали в Сербию. Вообще, можно бы было избавить маленькую Сербию от множества лишних ртов как благородного, так и неблагородного происхождения; теперь об этом говорить поздно. Дело идет о том, что, как бы плох ни был просто-

народный доброволец, под какими бы случайными влияниями ни явился он сюда (бедность — а славянский комитет дает сто рублей, и идет человек, чтобы оставить жене-старухе прачке, пятьдесят рублей, так как оба они старики старые и есть им уже давно нечего; хоть перед смертью не бедствовать, отдохнуть последние денечки) — точно ли сознательно, обдуманно и трезво (много таких удивительных личностей), или под влиянием бедности, под влиянием желания вспомнить привычную боевую жизнь, получить похвалу начальства, десятую медаль для ровного счета (девять уже есть), по Божьему ли предначертанию и указанию, или потому, что «наших бьют» — всегда и во всех них нетрудно было, в самых расслабленных и запутанных нуждой, случаем и т. д. людях, найти почти благоговение перед делом, за которым пришел, а в большинстве, «вступиться» за сербов и прекратить безобразника — было и есть положительно на первом плане и держится до сего дня нерушимо, ничуть не приплетаясь к беспорядкам, ничуть не слабея от холода, голода, недоедания и прочих невзгод. Эти невзгоды добровольцы ценят по-настоящему: дурные порядки ругают, плохих командиров поминают недобрым словом, но чтобы забыть, потерять в этой толкучке память о том, зачем пришел, — этого я ни в одном, самом негодующем, не встречал. Словом, в добровольце из простого народа идея, которая привела его сюда, сидит крепко, глубоко, и только эта идея и держала, и будет держать его сколько угодно под турецкими пулями, хотя он отлично знает, что это — не война, а невесть что.

Не скажу, чтобы и у простонародного добровольца не было *ничего постороннего*, ничего, кроме мысли вступиться за обиженного. В шуме и гаме пьянства и дебоша, свирепствующего на пароходе во время дороги, продолжающего свирепствовать в белградских казармах и кофейнях, а из этих последних расплывающегося по улицам и узеньким, кривым и грязным белградским переулкам, вы то и дело слышите в устах простого русского человека такие слова, такие мысли, о каких, право, и во сне бы не приснилось этому самому человеку лет десять. Мысль простого русского человека, несомненно, возбуждена, а такой урок, как сербская свалка, вернет в Россию много, много сильно и глубоко пробужденных народных умов. Я не говорю об этих посторонних делу мыслях простонародного добровольца потому, что намерен посвятить этому одно из следующих писем, и потому, что в этом письме дело идет только о том, что разъело войну, превратив ее в свалку; а простонародная посторонняя мысль в этом разъединении почти не участвовала или участвовала очень мало — напротив, *только* простонародная, русская ли, сербская ли вера, поистине непоколебимая в правоту начатого дела, и не пустила турок в Белград.

Разъело войну нечто другое, не простонародное.

Расставшись с партией добровольцев, которые мне встретились в Пеште, проводив одних к Черняеву, других на Ибар, третьих на Дрину, я остался в Белграде, с целью познакомиться с сербами и с положением дела вообще.

Каждый день, в течение нескольких недель, большую часть дня мне приходилось проводить в белградских кафанах (кафе), куда собирается все, главным образом, русское население Белграда: здесь же можно было встретить французских, немецких, английских и русских корреспондентов, Бог их знает, каким путем всегда добывающих весьма значительное количество ежедневных новостей; тут собираются добровольцы, приехавшие командовать, и добровольцы — уже командовавшие, отличавшиеся и увешанные таковскими крестами[3]. Вообще только в кофейнях и можно было узнать что-нибудь, только здесь верней всего можно было встретить человека, которого надо видеть, так как искать его по Белграду, не зная ни города, ни языка, — напрасный труд.

Вот в эти-то несколько недель посещений белградских кафан и пребывания в кругу добровольцев, приехавших занять начальническое место — я с каждым днем все более и более терял возможность понимать, что такое делается в Сербии, так как с каждым днем все меньше и меньше встречал здесь людей, у которых бы, как у неинтеллигентных добровольцев, была какая-нибудь связь с делом, для которого они приехали. Вращаясь в этом кругу, человек, преданный так называемой славянской идее до мозга костей, расслаб бы в своей преданности, стал бы забывать свою задачу, терять смысл в окружающем — так было много в этом обществе неидущего к делу, ненужного, постороннего. Для непривычного человека такое обилие людей, сабель, усов, иногда необыкновенно величественных, такое обилие воинственных жестов, воинственных черт в манере разговаривать даже о самом обыкновенном для непривычного человека — весь этот скарб «военных принадлежностей» казался едва выносимым: так мало было в нем какой-нибудь доступной постороннему и уважительной подкладки. Долгое время я, как человек невоенный, живший с людьми других задач, положительно не испытывал ровно-таки *никаких* впечатлений от господ военных, виденных мной, тут были «настоящие», известные герои, известнейшие храбрецы, проткнутые пикой насквозь в Туркестане, простреленные насквозь в Польше и как бы даже ожидающие еще новой сквозной раны на полях Сербии; мне показывали места, куда влетали пули; я трогал своими пальцами рубцы заживших ран — нет! ни капельки не действует — и мысль решительно отказывается ценить

нравственные достоинства этих храбрых людей; иной раз бывало даже так, что человек, просверленный пулями, как решето, производит на меня впечатление только решета и не больше. Иной раз, глядя на громадный рубец, оставшийся от громадной раны, за которую получена уже и аренда тысяч во сто, и довольное число пособий, — я испытывал и к человеку, и к полученной им ране почти такое же благоговение, какое испытывал я при виде одного моего знакомого, впотьмах наступившего на кочергу и раскроившего себе лоб довольно глубоко. Вот показывают вам человека, который один три раза водил по триста человек на приступ (в Туркестане), три раза возвращался один, аккуратно укладывая по триста человек, и этим подвигом заслужил большое одобрение, хотя, по обилию неприятельских сил, крепости туркменской и не взял. Я, конечно, снимаю шапку, но чтобы я мог понять этого героя, проникнуться его подвигом — этого я утверждать не смею.

Все это происходило, повторяю, оттого, что я — невоенный человек, ничего этого вообще не понимаю и совершенно не привык к сабельному грому, к звону шпор, особливо ежели все это происходит понапрасну. В данном случае, то есть в сербской войне, я хотя и знал, почему все это гремит саблями и закручивает усы, даже видел в простом русском человеке вполне определенные к этому резоны, но, попав в общество начальников — бывших и будущих — стал забывать; я не мог не видеть, что задача, во имя которой они приехали, во имя которой они идут умирать и, действительно, умирают, самым подлинным образом не наполняет их, до того не наполняет, что даже почти не составляет предмета разговора, который не только никогда не касается дела, но, напротив, с излишком переполнен скоромью (особливо в последние дни крайне бесцеремонно), сплетнями (правда, и материала довольно), личностями... Можно было удивляться, поистине необыкновенной наблюдательности относительно всякой дряни, всякой гнусности, даже еще не сделанной, а только имеющей свершиться, но причислить всего этого к задаче, за которую люди пришли умирать, не было никакой возможности. Нет, думалось мне, все эти храбрые люди приехали сюда за чем-то другим, что таится в них, что гонит их, но не для борьбы за идею, с которой у них самая легкая, поверхностная связь, иногда даже начинающаяся и оканчивающаяся на сербском мундире. Зачем же иначе такая масса праздного времени, такая масса пустяков, вздоров, невнимания к делу, зачем, при такой задаче, при таком большом деле, так много тратиться на ухлопывание дня коньяком, женским полом... и пр.? Неужто бы преданность и сознание святости задачи не облагородило бы человека настолько, что он хоть на один день

(хоть это-то!) потерял бы охоту к преследованию всевозможных возрастов кухарок, попадающихся на пути его? Оказывается, что, напротив, и охота упомянутого свойства принимала все большие и большие размеры по мере того, как дела шли хуже, путаница становилась ужасней и неуспех дела ясней.

Личное знакомство, личные разговоры с интеллигентным слоем добровольцев сразу разрешили эту загадку: оказалось, что каждый почти имеет свою собственную задачу, задачу большей частью необычайно трудную, а иной раз неразрешимую, и эта-то задача именно и есть главная, а славянское дело — дело постороннее, весьма «приличное», по своему совершенно гуманному смыслу, чтобы к нему пристать, по тем или другим соображениям, но почти для *каждого* — «не главное»... На вопрос о причине поездки в Сербию, почти каждый интеллигентный доброволец, с которым бы ни пришлось мне говорить, отвечал так: «Видите — надо вам сказать, *прежде, нежели* говорить о славянском деле, что в моей жизни было много разных обстоятельств. Надо вам сказать, что я женился довольно рано...». И пошла писать семейная драма — настоящая драма, прямо приходящая к тысяче труднейших, поставленных и неразрешенных человеческой мыслью задач. До того неразрешимых по тысячам тысяч причин (их все вам расскажут), что умереть человеку, рассказывающему вам свою драму, приходило на ум не раз, что раз уже мелькала у него в голове мысль — покончить, но то то, то другое мешало, тянуло, мучило. А тут Сербия — ну что ж, убьют, по крайней мере, все-таки за свободу — или вообще за что-то такое, что все одобряют, чему все сочувствуют; умереть этот человек готов хоть сейчас, но, идя на смерть, он думает о своем, а не о сербском, не о славянском деле — судите теперь, много ли внимания этому делу внесет такой человек, назначенный, например, в начальники значительных сил? Какая у него связь с этими силами, с задачами стоящих под его начальством сербов, болгар и т. д.? Он умрет бесстрашно, но не за сербское или болгарское дело, а за свое, за то, что «я, надо вам сказать, женился довольно рано» и т. д. — и за свою же драму, заставившую его не дорожить жизнью, переколотить не одну сотню ничем не повинных сербинов, которым, по их-то расчетам, быть может, вовсе и нежелательно было умирать.

И так, почти у каждого интеллигентного (про неинтеллигентных не упишешь в этом письме) добровольца всегда есть нечто свое, что для него *главное* — что для него важно и трудно и что его заставляет присоединяться к славянскому делу, как к неглавному, что лично-то его, собственно, и не касается и отчего ему только легче. Это, говорю, вообще.

Как увидит читатель, у иных есть и другого рода *свои* же побуждения, хотя и вполне определенные, но также славянского дела не касающиеся ни капли. Всякий приехал сюда с своим уставом, с своим планом, с своей задачей; один прямо говорит: «Ушел от жены», другой — начинает рассказ о семейной драме, как приведено выше, третий говорит так (все на тот же вопрос — как это вам пришла мысль ехать в Сербию?): «Я служил восемь лет в ...ском полку. У меня характер, знаете, прямой... А батальонный командир — плут, ну, и пошло. (Следует длинная полковая история с особенными терминами разного хищничества, не имеющими ничего общего с терминологией хищничества, например, в артиллерийском ведомстве или в военном интендантстве). Ну, стал мне гадить, заставил подать в отставку; тут подошла война, думаю, пойду... все же я знаю дело и, при заведовании отдельной частью, и т. д.». Человек этот, погубленный в отечестве батальонным командиром, так и несет с собой в Сербию всю эту историю, только одну ее и рассказывает основательно и понятно, только под ее гнетущим воспоминанием и совершает весь свой поход, колотя в турках все того же батальонного командира. У третьего опять другой резон — запутался, проигрался в карты и, попав в Сербию, ищет хорошей пульки[4]. Четвертый — просто истомился ждать и приехал так, лишь бы *начать*, наконец, что бы и как бы то ни было начать; пятый прямо приехал затем, чтобы заведывать «отдельной частью», и тотчас по прибытии принимается отыскивать сундук с деньгами, не думая ни о каком славянском деле, а есть и такие, что просто говорят: «Все один черт» <...>.

Чтобы читатель не упрекнул меня в забывчивости относительно людей, искренно преданных исключительно только славянскому делу, спешу оговориться: в этом письме дело идет о том, что разъело этот первый опыт своего дела и что оставило после него почти во всех действующих лицах (в том числе и искренно преданных делу) впечатление неудовлетворительное, почти даже и непоучительное. Таким образом, оказывается, что почти все русские добровольцы, поставленные происхождением большей частью в начальники, гораздо больше должны покоряться тому, что они принесли с собой из России, чем вникать в то, что им следует делать здесь. Большинство ни о Сербии, ни о сербском народе, о характере управления, о целях, возможностях, не имело никакого понятия, и соображалось только с собственными своими взглядами и желаниями <...>.

Представьте теперь, что вся эта коллекция сил, желающих действовать каждая на свой образец, занялась устройством братьев славян, и в особенности озаботилась о сербах. Какова будет эта картина?

Маленькая Сербия, благодаря тому обстоятельству, что великие державы, желая пособить друг другу, очень часто разыгрывали из себя покровителей слабых, защитников вдов и сирот, и, чтобы повредить одна другой, норовили, не для себя (им ничего не надо!), а для сирот, для вдов что-нибудь сорвать друг с друга, — маленькая Сербия, благодаря такому ходу дел, накопила такое множество этих выкинутых ей дипломатией гривенников, что понемножку у нее образовался свой капиталец. Капиталец, правда, небольшой, но жить на него можно, и жить без нужды. За ворохами трактатов, разных нот, постановлений, конференций и пр., и пр., она, как за высокими заборами, свила себе уютное гнездышко, теплое, покойное, тихое; она сыта, живет не спеша, очень мало платит и работает почти только на себя. Правда, она слишком засиделась, но чтобы она не знала этого — это неправда, напротив, она думает, что очень хорошо знает, что делается вокруг нее (гораздо лучше, чем это знают старшие братья — русские), у нее есть очень определенные, очень ясные планчики на будущее, планчики, имеющие, правда, большей частью результатом только благосостояние моей кучи, но и не чуждые, при некотором усилии просвещенного влияния, более возвышенных, благородных побуждений, свойственных народу, который уже узнал, что значит быть свободным только в стенах своей кучи. На борьбу с неприятелем за правое дело Сербия, величиной с Калужскую губернию, выставила сто тысяч народа, который пошел биться против обученных войск, и хотя бы та же самая Калужская губерния (старший брат), нашумев везде по газетам о своем необыкновенном возбужденном состоянии, — отправила, быть может, человек двадцать, наделив не особенно щедро. У маленькой Сербии, при начале войны, был (и есть) своей планчик, своей расчетец; она знает, что выиграет она, став за славян, за возникающую силу, перед Австрией и вообще перед Европой, забравши в свои руки власть. Кроме этого, она знает, *как* ей драться, знает, на какого рода сопротивления может решиться она, не разоряя себя вконец, а главное, проживши 500 лет с турчином*; отлично изучила этого турчина, знает все его приемы, все его замашки, словом, знает *как* надо воевать с турчином, чтобы не разорить себя, а, напротив, чтобы добиться своего. Потрудитесь вести в Черногории такую же войну, с тем же самым военным механизмом и порядком, какой был в германской войне — черногорцы потеряют смысл, оглупеют, испугаются. Тоже самое и с Сербией. Ни одной из подробностей, из мелочей, важных вследствие знакомства, и короткого, сербов с турками, ни одной из черт сербс-

* *Турчин* (сербск.) — турок.

кой национальности, сербского характера нашествие старших братьев во внимание не взяло: ни сербские расчеты, ни история, не желания, ни средства — не были никем во внимание приняты, потому что каждый шел не с сербскими, а с своими собственными расчетами. И сербы растерялись. Ими вдруг завладели и закомандовали люди, которых они не знали, в глаза не видали, и которые сами вовсе не знают их и не обращают внимания на то, что сербы могут и что хотят...

Неведомо откуда свалилась груда народа, который стал распоряжаться по никому непонятному и неведомому плану; тот без всякой надобности лезет в огонь, и сербы бегут от него, как от сумасшедшего, не зная, что этому человеку было ох как горько дома, и что ему теперь все — один черт. То является человек, долго горевший желанием применить на деле свои разносторонние военные знания, и предпринимает наступления и штурмы с народом, который *знает*, что лучше понемногу пуцать* из кукурузы, — и от него разбегаются. Там является просто человек молодой, мальчик, которому хочется свиста пуль послушать, и он приказывает палить. И от него уйдут, потому что знают турчина, знают, что понапрасну, без толку обижать его не следует, а то он и сам задаст. Словом, если есть у вас терпение, представьте себе изумление, ошаление даже сербского народа при виде этих, по-своему действующих людей, которые тащат народ туда, куда каждому угодно, и вы поймете, почему сербы испугались, потеряли цель войны, цель своих жертв, смертей и ждали-не-дождались мира. Не одни военные силы парализованы непонятными распорядками и непонятными людьми — на весь народ произведено какое-то тяжелое, неожиданное впечатление; почему это, например, вот этот русский целую ночь ругает всех и все, попадающее ему на пути, и без всякой, по-видимому, причины? Почему он ни единого слова, даже простого требования: «Дай кофе», не скажет по-человечьи, а орет, приправляя крепкими словами, и поминутно прибавляет: «расшибу!». Понять этого, не зная, что орет отставной помещик, и орет потому, что его разозлили дома, в отечестве, — этого понять невозможно, и остается только прятаться. Придите вы, человек тихий, после человека культурного, и к вам уже без всякой причины, а просто под влиянием предшествующей сцены, побоятся подойти, только как к русскому. Не зная ни страны, ни людей, ни местностей, ни желаний, ни средств — словом, не зная ровно ничего, самого необходимого, наш старший брат, только потому, что ему надо так или иначе действовать, просто потому, что он непременно должен начальство-

* *Пуцати* (сербск.) — стрелять.

вать и ничему не внимать, колотил народ и обыкновенными оплеухами, и оплеухами *на хорошей подкладке* (новая мода), потому что это считал нужным он — просто ли помещик, просто ли мордобоец, или жаркий защитник славянства, славянской идеи... Ему говорили: «Неможно, господине»; говорили люди, которые знали, что *неможно*, а он действовал совершенно иначе, потому что ему самому «неможно» по совершенно другим своим причинам.

Вот, как мне кажется, отчего из войны вышла свалка. Тут, в Сербии, смешались две вещи. Собственно у Сербии были совершенно определенные, практические идеи, планы; у русского же добровольца был только случай — отвести собственную свою душу. Сербская свалка доказывает, что Россия страшно хочет жить — жить на тысячи ладов, и вот этот опыт «попробовать» жить она и попробовала в Сербии, которая для большинства нужна была только как место <...>.

Белград, ноября 9-го.

Из Белграда. (Второе письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1877. №1. С. 107–120

В прошлом письме, одновременно коснувшись самых разнообразных элементов, из которых сложилось то, что вообще называется «сербским делом», я, сознаюсь откровенно, разъяснил это дело очень мало, а, в некоторых местах, прямо запутал его, не договорив до конца того, что следовало договорить. Да простит мне поэтому читатель, если и в этом, втором письме я вновь иногда возвращусь к тому, о чем уж говорено. Но на этот раз я обращусь уж к самим читателям, и прежде, нежели передавать мои впечатления, спрошу их самих: что именно желательно знать им о Сербии? Хотят ли они знать, что такое сама эта Сербия, как она жила, чего добивалась, чего желала достигать в эту войну? Хотят ли они знать нравы, обычаи, характер сербов? Хотят ли они знать собственно военную часть дела, или, напротив, не будучи специалистами в этом деле, желают знать нравственную, психологическую сторону дела, или же, наконец, они интересуются только нашим, *русским* участием в этом деле, желают подробно и беспристрастно ознакомиться только с нами, с нашими характе-

рами и нравами, узнать, каковы мы сами, какова наша-то собственная способность жить на белом свете, каково наше умение делать свои собственные дела? Каждый из этих вопросов, как видит читатель, настолько важен, что едва ли найдется, по крайней мере, в скором времени, писатель, который бы одновременно мог дать каждому из них обстоятельный и удовлетворительный ответ. Чего стоят и как много значат в этом сложном деле такие черты, о которых обыкновенно, в самых, по-видимому, обстоятельных положениях, говорится мимоходом, в нескольких словах, так сказать, больше для очистки систематической, научно выдержанной совести, например, хоть о климатических условиях, в которых жили до сих пор, со дня рождения, эти родные братья: мы — русские, старшие, и они — южные славяне, младшие?

Вот сию минуту, когда пишется это письмо, — последние числа ноября — младший брат живет в тепле и приволье: «припадок» зимы, случившийся в октябре и продолжавшийся несколько дней, прошел; теперь, в конце ноября, с 11 часов утра смело отворяйте окна, и комната будет тепла от настоящего солнца, а не от дров. Теплый туман дымится по горам и рекам, теплый дождь мочит рыхлую, жирную землю... А старший брат, живущий, положим, в Петербурге, стоит замерзлый, обледенелый; замерзли пятиэтажные дома, замерзли сверху донизу; снаружи замерзли водосточные трубы, внутри, в стенах, замерзли водопроводы; отвернешь кран — и из него несет 40-градусным морозом, гриппом <...>. Ух, как жутко жить старшему брату — от одного только климата! Не будь искусственных приспособлений, старшему брату, пожалуй, даже и жить бы нельзя было совершенно; младший растет на настоящем солнце, наш — на банном пару, дровяном тепле, на водке, которую также пьют «для тепла», словом, разводится так же искусственно, как искусственно разводятся цыплята, рыба и т. д. помощью привозного образования — развивается его ум, мозг, которые без этого немного бы взяли, взирая и лето, и зиму на сделанную из елового дерева зелень и мерзлых ворон <...>.

Уж одно то, что младший брат может быть ленивым, может не спешить, может думать об удовольствиях жизни, может прихотничать и франтить (полушубок у него расшит разноцветными узорами) — уж одно это как не похоже на старшего брата, у которого постоянный недохват, недоимки выше головы, который постоянно виноват, постоянно в работе, постоянно «*гонит*» куда-то, который не только не имеет возможности отдыхать или лениться, но, напротив, почти зауряд обязан совершать подвиги, требующие сил и энергии, немыслимых для обыкновенного, неискусственно приготовленного человека... Младший брат, сытый и с лен-

цой, не спеша плетется на сытых волах в «свою» светлую, полную довольства кучу... Старший «гонит» от кучи, по чужой надобности, гонит, не евши, гонит на некормленой лошади, а иногда умеет и тысячи верст ехать *на одном кнуте* <...>.

В виду обилия вот таких-то мелочных черт в характерах и нравах двух братьев, черт, свидетельствующих о значительной между этими братьями разнице решительно во всем, кроме общей для обоих потребности освободиться от подчинения западноевропейскому ходу жизни — причем младший брат отлично знает это подчинение, а старший, хоть кряхтит от убытка, но откуда он идет, не знает, а полагает только, что виноват тут волостной старшина или пьяница прохвост писарь, — в виду вот этой-то сложности явлений, обнаруженных сербским делом, мы в настоящем письме постараемся договорить только то, что в прошлом не договорено собственно о *наших* <...>.

Итак, каковы-то *мы*? <...>

Я положительно утверждаю, что большинство простонародных, да и благородных добровольцев, попав в чужую сторону, например, в Австрию, были как будто сконфужены за себя, как был бы сконфужен обыватель мансарды, перенесенный в бальную залу. Он ничуть не хуже этих расфранченных танцоров и тузов; он знает хорошо, что он умней, даровитей большинства их, но он будет все-таки растерян, так как у него нет разных пустяков для того, чтобы, не насмешив общества, дать заметить всем свои неотъемлемые достоинства: у него нет манер, у него худы сапоги, плох костюм, у него нет привычки говорить светским языком, а тот, на котором он привык изъясняться, непонятен и смешон; наконец, он нервно расстроен до того, что и притвориться-то человеком, знающим себе цену, он не может; он не выдержит пяти минут того пустого разговора, который светский человек ведет целые часы, потому что ему противно, глупо; в конце концов, такой человек, вместе с полным презрением к пустоголовым франтам, берущим внешностью, которая ровно ничего не значит, которую и очень умный бедняк мог бы легко приобресть, если б не был бедняком, в конце концов, такой, действительно умный, действительно в сто раз более правдивый, честный человек все-таки будет чувствовать, что он подавлен прочностью самодовольства этих глупцов, не подлежащим для них сомнению, непоколебимым в них убеждением в собственном достоинстве и, главное, умением пользоваться своим положением, знать цену своему существованию...

Вот подобное-то ощущение испытывало за границей громадное большинство русских добровольцев. Они были сконфужены прочностью заг-

раничного человека, его достоинством, его умением жить; были сконфужены тысячами заграничных пустяков, сконфужены как дети, как ребенок, которому не подарили таких же фольговых часов, какие подарили его приятелю-ребенку. Значительный процент ссор между добровольцами во время дороги (я ехал с ними по Австрии) можно положительно приписать этому неловкому ощущению человека без манер, попавшему в общество с манерами: по крайней мере, количество людей, между простым народом особенно, нападавших на людей, не умевших себя вести было... да прямо можно сказать, что каждый нападал на каждого за то, что тот пьянствует и скверно себя держит... «Срамят, чисто-начисто срамят партию, — душевно убиваясь, говорит старшой, — нешто это Россия... Ведь в ведомостях пишут, пьяная твоя морда!.. Вот наказал Господь! Двадцать лет отслужил Богу и Государю, честно, благородно, а тут не знаю, за что наказал Господь батюшка, в старшины к эфтим мошенникам выбрали... Спи! Сейчас спи!» — ревет он на какого-нибудь плохо держащегося добровольца... «Сейчас, приказываю тебе, ложись! Срамники этакие! Не хочешь?.. Погоди, я пойду графу доложу... Что это за наказание! Тьфу!..» И торопливо идет с палубы вниз, а здесь — буфет, где прежде, нежели попасть к графу, разгневанный поведением своих подчиненных, выпивает рюмочку, непременно, конечно, обругав немца за то, что немец ничего не понимал из русских разговоров и требований водки на русском языке... «Шнапу! Рюмочку... аль ты оглох? Им хоть говори, хоть нет!» Явись граф или каким другим образом титулованный начальник партии, все начинают жаловаться друг на друга... «Ваше сиятельство! Позвольте вам сказать... Как он смеет... я стрелок... вот у меня ордена-то...». «Какой ты (такой-сякой) стрелок, — прерывает другой, ожесточенный голос, — ежели ты мараешь свою честь на чужой стороне?.. У тебя у дурака должон быть крест во лбу, а ты пакостничаешь в чужой земле...». «Сам ты, старая ворона, нализался вперед всех. Погляди-ка, вон на тебя-то как пялят глаза, на пугалу...». Явившийся разобрать дело начальник партии, если он не берет горлом (горлом-то брать стыдно перед иностранцами), непременно должен уйти, ничего не добившись... В продолжение дороги все пережаловались друг другу друг на друга; я, человек посторонний, и то переслушал этих жалоб бесчисленное множество; всякому было противно неумение вести себя не только в других, но и в себе, и всякий, поэтому, хотел убедить кого-нибудь, что он вовсе не похож на этого пьяницу; всякий норовил доказать, что он, хоть и выпил (отчего не выпить для тепла, да ведь и то сказать: голову отдаем — авось можно?), но что он не кто-нибудь, и лезет непременно за орденами в карман... Убедившись в том,

что ни от начальника партии, ни от посторонних, ни, наконец, от самих себя нельзя добиться никакого результата, положительно все стали объяснять дело тем, что «некому жаловаться». «Нешто это Россия? Кому тут жаловаться будешь? Это не Россия, жаловаться тут некому — нет: кабы жаловаться было кому, так я б тебе показал кузькину мать, в чем она ходит...». А иные, самые благообразные, просто сновали как бы в отчаянии и, расставляя руки, говорили: «Вся причина — некому жаловаться, ничего не поделаешь!»

Но если бы, на счастье, и было бы в чужой земле что-нибудь такое, что могло бы воскресить вдали от родины представление о кузькиной маменьке, то и тогда едва ли бы доброволец наш мог как-нибудь иначе, т. е. без постоянного питья вина и рома (некоторые сумели пропить по 15 рублей в полтора суток от Пешта до Белграда — *пропить* буквально, не принимая пищи, как говорится, и «маковой росинки» в течение этих полутора суток), так как иначе нечем ему было занять себя; *проводить время* он не умеет, никогда не знал, что это такое, если не пьянство в кабаке или у Бореля все равно. Ведь вот тут же едут прусские солдаты, едут также волонтерами в Сербию, также готовы умирать — а сумели о чем-то проговорить друг с другом полтора дня и две ночи (спать было невозможно за теснотой); а у наших оказалось не о чем разговаривать: все разговоры свои они оставили дома. Оставили дома мы ропот на свою горькую участь, на несправедливость старшего дворника, на разбойство главного приказчика, на несправедливость батальонного командира, на ропот против жены, против тещи, <...> и нет ничего другого, хоть шаром покати... Человеку так пусто, так дико и так одиноко, что он тащит вам, постороннему человеку, свои ордена, говорит: «Ведь я не кто-нибудь... я кавалер», чувствуя, что так просто он ничего, и никто его знать не хочет... Ордена вытаскивают после двух-трех слов первого знакомства положительно все, у кого они есть. Всякий объявлял, что это он только так, потому что за границей в штатском, а в сущности, вы пожалуйста, не пренебрегайте им, он капитан... О Сербии, об общем, кажется, деле, почти не было разговоров (только под конец пути зашел разговор о славянском деле, и то потому, что на пароход сел серб, ехавший в Белград окольным путем из Болгарии с важными поручениями, и сам завел оживленную речь об общем деле). Всякий был изломан и ныл про себя, чувствуя себя чужим среди иностранцев, которые (это обижало бессознательно), также люди, да не те... Вот хоть мадьяры, простые мужики, целую ночь хором пели, да как пели, артистически; наших забрало за ретивое, «давай ребята нашу»... Чуть не все сразу затянули «Вниз по матушке» и оказалось, что никто не знает

песни не только до конца, а даже с пятой строки, т. е. по окончании первого куплета уж никто не знает как дальше. Не в музыкальных школах спевались мадьярские мужики, спевались они, надо думать, в деревне, и наши тоже родились и жили в деревне, но, очевидно, некогда им было спеваться, заниматься пустяками, досуга не было... И затянули-то они кто в лес, кто по дрова.. «Погоди, я им завинчу штучку!» — подзадоренный неудачей «своих» показать немцам, что и мы не хуже их, проговорил какой-то, по-видимому, бывший военный писарь, и, проворно стащив с плеч одеяло, которым наградило его славянское петербургское общество, крякнул и затянул:

В полденный жар, в авраги на Капказ-зи
В груди моей с свинцом дымилась кровь.

Но и этот на втором куплете осекся, а уж врал — не приведи Бог...

— Ах, забыл, как дальше-то... Погоди!.. Писарь вновь было начал с начала, но его перебил громадного роста мещанин, необычайно вертлявый, бывший сыщиком, драгуном и монахом, и оказавшийся впоследствии плутом...

— Будет тебе нищего-то через каменный мост тащить... Ты погляди-ка, как я их, немцев-то, сразу разодолжу... У нас — по-русски, живо... И, повернувшись на каблуках, он довольно-таки бесцеремонно влез в самую средину мадьярского хора и, вопреки всяким смыслам, начал кричать кукареку... Мадьяры продолжали петь, не обращая внимания, думая, должно быть, что чудак опомнится, увидит, что мешает, и уйдет — ничуть: чудак орал петухом и представлял всей своей фигурой поднимающегося и вытягивающего шею петуха. Мадьяры замолкли. Некоторые из наших — далеко, впрочем, не все, — смеялись, а мещанин-петух также молчал и ждал. Мадьяры опять запели. Мещанин тотчас же опять заорал. Кончилось тем, что один из певцов, как бешеный, подскочил к нашему артисту и обругал его самым громогласным образом; наш мгновенно схватил его «за бочка», как друга-приятеля, но венгерец оттолкнул его и гнал вон. Хихикая, с ужимками и обезьяньими изворотами, наш все-таки убрался. Немедленно принялись его ругать за неприличие, и, так ругаясь, все вместе пошли в буфет.

Выручил всех солдат.

— Эх вы! — сказал он, — певчие. Ну-ка — нашу солдатскую и, притопывая каблучками и повертывая согнутые фертом руки, пропел какую-то песню, в которой слышалось беспрестанно:

Полковые командирчики,
Батальонные начальнички.
И батальонные начальнички,
Штаб и обер-офицерики!

С точностью не могу припомнить слов песни, но помню положительно, что, кроме какой-то радости от обилия начальства, выраженной музыкой песни, в ней было одно только перечисление разных наименований этого начальства, даже жен и деток господ начальников.

— Вот как у нас! — окончив песню (эта песня была допета до конца), гаркнул солдат и, конечно, последовал в буфет.

Долго спустя, по пути из Семендрии в Белград, мне удалось слышать «Вниз по матушке по Волге», пропетую чудовскими певчими. Что за слова чудесные, что за дивная музыка, но зато ведь чего и стоит чудовский хор московским купцам, но зато ведь и слушают их только за деньги. Так, даром, в народе забываются и слова, и музыка народных песен.

Так-то вот и скучно было русскому человеку на чужой стороне, скучно ему было потому, что и веселиться он не умеет, кроме как пить, к приятельству не привык, кроме что тоже в пьяном виде, и живет он в лачужках, а не в таких деревнях-картинках, и разговаривать-то ему не о чем, кроме как жаловаться и искать места: нет ли где хорошенько кому-нибудь пожаловаться на вольного человека? Не зная, чем взять перед немцами, под конец пути начавшими сильно дивиться нашему забитому народу, один из наших (конечно, в пьяном виде) съел напоказ своей удали целую солонку с красным кайенским перцем и, обжигая рот каждым глотком, приговаривал (действительно, не моргнув глазом, не поморщившись): «Вот как у нас... У нас нешто такой перец-то... Это разве перец?.. А не перец, вот! Вот! Вот! На!»

— Все?

— А то что же! Эй, ты, дай еще фляшу* шнапу.

Унылую эту картину позвольте прервать следующей сценой, заимствованной мной из одного дневника.

«...А какие есть из них (из добровольцев) старые-престарые!.. По 60-ти и более лет иным! Меня особенно заинтересовал один старик-доброволец, человек угрюмый, лет свыше пятидесяти, ничем не напоминающий солдата. Борода у него черная, по пояс; на голове сербская шапка, а весь остальной костюм — мужицкий, т. е. мужицкий полушубок, мужицкие онучи, да сербские, тоже мужичьи, опанки. Поразило меня необыкновенно строгое и серьезное выражение лица, куда как мало (нестрогих — нет) серьезных-то, умом и мыслью запечатленных лиц, да еще таких трезвых лиц, между нашим братом, русским добровольцем... Глянул я на его щетинистые густые брови и подумал: «Ну, этот, наверное — настоящая Русь, беспримесная, нетесаная...».

* От сербск. *флаша* — бутылка.

— Сядь-ко здесь, родимый, — заговорил старик сам, — не слыхал ли чего?.. Как пишут-то: под туречиной христианству быть, али освобождение выйдет?..

Дело было в белградской крепости, где помещаются теперь русские добровольцы. Много их толпилось и сидело как попало близ казармы.

— Не знаю, дедушка, ничего не слыхать... Конференция, стало быть — совет такой — идет теперь; как этот совет скажет — так и будет...

— А как под туречиной оставит совет-то?

— Оставит, пожалуй, и под туречиной.

— А чего же христианство-то смотрит?

Поистине, я глубоко смутился от этого простого вопроса, произнесенного хотя и старческим голосом, но освещенного искренним гневом живых, умных, выразительных глаз. И что я могу ему отвечать? Подумайте-ка хорошенько, что я мог *серьезно* ответить этому серьезно проникнутому делом человеку, этой неломаной, нетесаной святой Руси? «Что же христианство-то смотрит?» Этот поистине грозный вопрос и сейчас звучит в моих ушах.

— Ты, верно, не солдат, дедушка? — не ответив путем на его вопрос, спросил я старика, необыкновенно меня заинтересовавшего.

— С роду в солдатах не бывал... Хрестьянин...

— От комитета приехал?

— Сам приехал, на свои... Не бывал в комитетах... Своих собрал деньжонок, распродался, приехал... Дорогой уж к партии пристал...

— Бывал в сражениях?

— Привел Бог!

— Не ранен?

— Нет, Бог миловал... Царапать, точно, царапали больно, до крови, ну, а настоящих ран не получал, Бог миловал.

— Как же так царапали-то?

— Да так; глянь вон, только снаружи... Вот погляди.

Он открыл плечо.

На плече был шрам, обложенный тряпицами; потом показал ногу (правую): икра ниже колена была прострелена.

— Вишь, как царапали-то! Все наружу выходило, а так, чтобы нутряной раны — нет, не бывало... Бог миловал.

Подивился я на эти царапины, оказавшиеся самыми настоящими ранами «навылет».

— Что же ты в больнице-то не лежишь?

— Лежал было, да Бой с ней совсем... Там теперь, поглядикось, заботы сколько: кому руку, кому ногу отнять... страшно смотреть. Что мне? Моя

болезнь — только всего, грудь вот расшиб; ну, а в больницах не время этим заниматься...

— И грудь расшиблена?

— Грудь-то, точно что расшиб я... Это с Дюниша бегли... Горы, друг ты мой, и, Боже мой, какие горы! А тут так вышло, бёг-то задом, все палил, отбивался... Так-то задом-то пятил-пятил, да на камень, на древо ли, наткнись и полетел кубарем под гору... *Сам ничего*, а грудь, надо быть, расшиб (он поминутно кашлял)... Вот в *баньку** бы сходить... авось отпустит...

— В больницу иди, а не в баньку... В больнице-то, гляди, и поправишься.

— Ну, уж, чай не справишь грудь-то... Лежал я... Страшно на мучения-то смотреть; нет, не пойду, в другой... Чего там? Там и дыхать-то не свободно... Ишь тут-то каково любо... Вот Дунай-батюшка... Ишь он какой! То-то гадал поглядеть-то... А теперь он всегда на глазах... Дунай-батюшка — великая, вольная река! Да! Не запрудить тебя никому, право слово! Никому не запрудить, великий ты Дунай-батюшка!

Мороз меня подирал по коже от того необыкновенно страстного тона, которым пошла речь старика.

— Не то ты, Дунай великий, что малые реки... Те запрудят! Начнут кидать камни, да песок, да навоз, да сваи вколачивать, и стала реченька. А великая река... Глянь-ка, ево место.

Старик показал на то место, где Дунай, сливаясь с Савой, разлился просторно и широко.

— Удержишь ли этакую-то силу Господнюю в неволе-то?

Какая-то необычайная сила охватила меня, расслабленного расслабленной сербской возней. В течение трех месяцев я в первый раз увидел, что есть смысл в деле, за которым я приехал сюда, в первый раз дело это показалось мне свято и велико. Каждое слово старика, который под малыми и великими реками разумел нечто другое, точно волшебством каким укрепляло и оживляло меня. Широко и здорово как-то чувствовалось от этих простых речей.

— И народ то же самое... Малый народ христианский в неволе, что речка малая. Запруди ее — и не вырваться ей из неволи-то, силушки нету у ей... Не хитро малые-то народы в неволе держать... А великие реки, хоть Дунай, хоть Волга великая река, как поналягут они на запруды, да на колья вбитые...

---

* Русские добровольцы выстроили в крепости баню. (Примечание Г. И. Успенского).

Старик долго, хотя и несколько тяжеловесно, но умно и убедительно, вел свою параллель между великими и малыми реками и народами, но я не буду приводить ее здесь, так как и после трех-четырех строк стариковских речей, приведенных выше, мне уже читатель не верит. «Таких стариков нет, — твердо произносит он и добавляет, — т. е., пожалуй, такие старики и есть, но уж чтобы разговаривать так о таких высоких предметах, — уже это присочинено». Русский человек не верит, т. е. отвык ценить свою собственную мысль, не верит, что она что-нибудь вообще значит, хоть для него самого; не верит даже, чтобы кто-нибудь, тем паче простой мужик, мог рассуждать и поступать; русский человек знает, что, рассуждай — не рассуждай, всегда выйдет по-другому, и вот эти-то другие (не свои) мысли он и считает настоящими... и, я убежден, «даже любит», когда вдруг всем его собственным мыслям и планам настоящие, «другие», мысли вдруг дадут, как говорится, «по шапке»... Я уверен, что он уже полюбил эти удары.

Солнце садилось; Дунай весь блистал золотом, слегка начинавшим затуманиваться, поднимавшимися от воды вечерними испарениями.

Вот под вечер дыхать-то уже несвободно, — прошептал старик, задыхаясь от мокроты, — не пущает в груди-то.

Я проводил старика до казармы и, простившись, подошел к другим добровольцам, чтобы спросить, кто такой этот старик.

— Раскольник!

Все отозвались о нем с полнейшим уважением.

— Больше начальника почитаем, — сказал один.

— Вот грудь-то расшиб, — жалели другие, — расшибся-то весь — грех какой... Теперь уж, знамо, никуда не годится...

Да, это был раскольник. Такие люди встречаются только в глуши, в дебрях, окружающих торную дорогу, по которой шествует грамотная русская толпа. Как только из этих заброшенных, глухих дебрей выберешься на торную дорогу — так сейчас и приходится опять описывать «бедность, да бедность, да несовершенства совести, мысли, даже просто организма». Все это, конечно, последствия долгих влияний недавнего прошлого, и, как мне кажется, только теперь русскому обществу приходится переживать плоды этого прошлого и любоваться его махровыми, дорогостоящими цветами.

Цветов этих в Сербии можно было видеть множество, причем иной раз попадались экземпляры, поистине невероятные. Где, под какими влияниями родился и вырос, например, такой субъект: некрасивая, но молодая девушка, лет 17, является в Белград с целью поступить в какой-то

эскадрон, формируемый одним из русских, для чего и носит мужской костюм — пальто, очень ей длинное и безобразное, панталоны, волочащиеся по земле, красную рубашку? Вообще, это, с первого взгляда — какой-то уродец: «куда тебе в эскадрон!» — думает всякий, взглянув на нее в первый раз и выслушав ее желание; но при ближайшем знакомстве, то есть почти тотчас же после изъявления уродцем желания поступить в эскадрон, вы начинаете убеждаться, что уродец приехал за чем-то другим, так как глаза уродца, какие-то почти пьяные, говорят каждую минуту, что «понимай, мол, меня по-другому»... И действительно, оказывается, что этот 17-летний ребенок, это маленькое, слабое создание, с пискливым голосом дитяти, говорящего стихотворение родителю в день ангела, с манерами наивного ребенка, оказывается — кем бы вы думали? Да вот тем самым помещиком Измайловым, о котором недавно было так обстоятельно рассказано в «Старой и Новой России»[5] . С каждым часом, с каждым днем начинало обнаруживаться — ко всеобщему недоумению и удивлению, — что этот ребенок до полного безобразия поглощен гаремным делом, бежит за ним из дома, толкается по трактирам, не брезгует ничем для того, чтобы добиться своего; презрение его к людям, помимо его дела, так велико, что он, этот уродец, чисто по-детски врет двум рядом сидящим с ним лицам совершенно разное и об одном и том же предмете, врет, и все это — пополам с французским языком, потому что характеры у лиц разные и, стало быть, разным манером можно действовать на них. Этому уродцу собрали 400 ф. денег и хотели отправить его в Россию (в одну из внутренних губерний), так как и жалко, и противно было смотреть на это уродливое создание. Несчастная не уехала и продолжала жить в Белграде, довольно быстро (дня в три) истратив деньги. Она ни капли не конфузилась этого и по-прежнему являлась в общую залу, в ту самую залу и среди тех самых людей, которые собирали ей на дорогу. Все — ложь и гадость, и глупость; нужны деньги для того, чтобы по-измайловски проводить время, — вот мораль уродца, без просвета, без возможности что-нибудь прибавить или убавить в этой морали.

— Как же вы к родителям покажетесь теперь? — спросил уродца один из унылых людей русских, полагая, что не может же не отразиться, хотя бы на лице, обилие добровольных подвигов уродца.

— А вот отдохну в дороге и ворочусь.

— Как ни в чем не бывало?

— Как ни в чем не бывало...

И это — детским голосом.

Где, как не в блаженной памяти крепостном праве, под его дыханием, отрицающем всякую *надобность* совести, стыда, правды и возводящем в задачу жизни *все остальное* — где мог иначе развиться и вырасти этот гнилой ребенок?

Если не совершенно таких же (такое совершенство встречается редко), то принадлежащих к этому числу и точно так же поклоняющихся «всему остальному» — великое множество и среди господ мужчин.

А вот еще другой урод. Вышеупомянутая девица желала поступить в эскадрон и выказывала наклонности Измайлова или Свидригайлова — а вот вам мужчина, который похож на камелию и на Плюшкина в одно и то же время.

Ему лет 25. Он высок, строен, имеет ордена, имеет родных в Петербурге, родных — состоятельных, имеет связи в высшем свете... Манеры у него прекрасные, по-французски и по-английски он говорит отлично; но лицо (некоторым белградским дамам он нравится) совершенно то самое, какое отличает женщин парижских бульваров и петербургских загородных садов; даже и волоса его причесаны как-то по-женски, спутаны на лбу, и спутаны, очевидно, нарочно. Он постоянно напудрен и даже, кажется, нарумянен. Зачем он приехал сюда? Неужто хоть единую минуту такого рода франт мог думать о жертве собой народному делу? Оказывается, при более тщательном знакомстве, что задача, руководящая уродцем, — деньги, ни больше, ни меньше. Уродец копит деньги, любит их, бережет, прячет. Он, надушенный и расфранченный, постоянно нуждается; за него постоянно платят приятели: то ему не прислали, то он не захватил. Находясь в армии, он погорел; рассказывают, что у него сгорел сундучок с косметическими принадлежностями, и погорелый франт принялся клянчить о пособии, которое и получил обманом два раза в один и тот же день — и от Черняева, и от Дохтурова, после чего и возвратился в Белград, пропев в Делиграде два или три наиотвратительнейшего содержания романса. Здесь, в Белграде, он постоянно вращался в кругу людей состоятельных, продолжая по-прежнему жить на чужой счет, и кончил неожиданно довольно смелым проявлением жадности. Х-в оставил его ночевать в своем номере, и наутро не оказалось ни денег, ни таковского ордена. Несколько человек русских тотчас же сделали обыск в вещах нашего бедняка и нашли и крест, и деньги, и множество вещей, главным образом, золотых — дамских колец, серег и т. д. Оказалось, что уже давно знали все знакомые этого господина его любовь к чужому, к тому, что лежит плохо, и все молчали, продолжая с ним знакомство, как ни в чем не бывало, даже и после всем известного

получения «на погорелое». После такой явной гадости франта попросили уехать из Белграда, и он выехал в Землин, писал оттуда письма к знакомым и к русским, и к сербам о высылке денег. Итак, вот каков этот урод: он ужасно, как Плюшкин, любит копить; он продается, чтобы распутничать, он не брезгает спрятать в карман все, что лежит плохо, не говоря о способности клянчить пособия и т. д. — все только из-за денег, из любви к монетам, к звону золота...

Наше недавнее прошлое поминутно, на каждом шагу наталкивает на типы такого свойства; поминутно, если не в такой поразительной ясности безобразия, попадаются люди, у которых задача жизни — нечто очень простое, главным образом, гаремное или плюшкинское, — все остальное только для того, чтобы добиться этого «своего». Тут одинаково хорошо могут служить поддельные векселя, разные вопросы, разные идеи, лишь бы, благодаря тем, другим или третьим, была возможность удовлетворить себя, лишь бы были деньги без счета, без края, деньги не заработанные, а так, вообще — *какие-нибудь* деньги; часто глядя на это обилие людей, которым надо непременно жить не трудясь, людей, у которых воспитаны звериные наклонности, я видел, что таких людей, с такими простыми задачами, с каждым днем, с каждым годом, будет больше и больше, и мне невольно приходило на мысль: чем же будут они удовлетворять своему плотоядию, когда окажется невозможным, хотя бы от простой усталости, рассчитывать на карточный выигрыш, на то, что плохо лежит, на всякий случайный сундук? Не придет ли на мысль всей этой армии махровых цветов крепостного права как-нибудь обеспечить за собой право на беспечальное житье и узаконить свою бессодержательность на вечные времена? Ведь между ними есть люди, которые отлично умеют облечь свою плотоядную жадность в форму общественных вопросов, нужд, в форму требований целого общества, народа, и, главное, ведь они не задумаются добиться своего, раз сообразив, что дело верное в финансовом отношении...

Смелость, наглость, настойчивость и практичность этих людей, бьющихся из-за очень простых целей и аппетитов, делает то, что они всегда первые пробираются во всяком новом русском деле вперед к сундуку или к лицу, у которого во власти этот сундук. Черняев, мне кажется, именно затерт этими жадными элементами русского общества, и неуспех сербского дела именно произошел от того, что жадных людей в нем участвовало очень много, и их практическая суть умерщвляла всякую идею, разрушала всякие планы людей, надеявшихся, действительно, делать дело.

Белград, декабрь

Примечания

[1] Речь идет о добровольцах, служивших в Ибарской армии сербов.

[2] Речь идет о добровольцах, служивших в Тимокско-Моравской армии, которой командовал сам М. Г. Черняев.

[3] Таковский крест — сербский военный орден, учрежденный князем Михаилом Обреновичем в память Второго сербского восстания, начавшегося в 1815 г. в селе Таково. До августа 1876 г. имел одну степень.

[4] Имеется в виду: карточная игра в преферанс.

[5] Г. И. Успенский оговорился. Речь идет о русском историческом журнале «Древняя и новая Россия», издававшемся в Петербурге в 1875–1881 гг.

*Хвостов А. Н.**

Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С. 9–76

Глава II

Движение добровольцев из России, сначала слабое и боязливое, со смертью Киреева[1] быстро двинулось вперед. Первые люди, славянофилы, борцы идеи, отличались нравственными качествами, поведение их было безупречно, и они были желанными гостями в Сербии. Появление русских было торжеством. На них смотрели, как на людей культурно высших; сербы принимали их радушно, с восторгом; незнакомые пожимали им руки, оказывали всевозможное содействие и зачастую отказывались брать с них за что бы то ни было деньги. Но близилось разочарование. За подобными людьми двигалась масса другого сорта, которых занимала не идея, а просто разгульная, бесшабашная жизнь, или только желание, наконец, приткнуться к какому-нибудь делу; люди праздные, без мест и определенного занятия, очень часто преступные, состоявшие под судом и следствием <...>. Славянские комитеты охотно и много давали денег, а им только того и нужно было. Получая вспомоществование, многие даже не выезжали совсем с места отправления, а иные доезжали до полдороги и требовали прибавки, угрожая иначе не доехать <...>. Многие добровольцы не могли себе хорошенько уяснить, в чем дело. Некоторые смешивали Сербию с Персией и не понимали, как это в Персии боятся черкесов; они полагали, что их нанимают на службу для борьбы с людьми, перед которыми христиане по малочисленности своей пасуют, и старались продать свои услуги как можно дороже. Некоторые добровольцы, услуги которых особенно ценились, например донские казаки, ехали в Сербию лишь под условием выдачи им по 50 рублей на семью. Большинство этих людей, не

* Хвостов А. Н. — русский доброволец, участник Сербо-турецкой войны 1876 г.

имея ничего и нуждаясь в самом необходимом у себя дома, превращаясь в добровольцев, были требовательны и щепетильны к малейшим неудобствам; получая в сутки по 1 рублю и больше, т. е. содержание американского солдата, они роптали на недостаточность. Выражение неудовольствия начиналось еще в Кишиневе, этом сборном пункте для отправления за границу. Сталкиваясь с другими партиями, они говорили: «Чем же мы хуже других? Нет, тут что-то нечисто», и начинали подозревать в злоупотреблениях своих партионных начальников. Приходилось напоминать священную цель поездки и объяснять, что славянские благотворительные комитеты вольны выдавать по своему усмотрению одним больше, а другим меньше, что это не казна, которая руководствуется во всем общими неизменными правилами, и в заключение утешать, что в Сербии будут все на одинаковом положении. Между тем во время пути они производили повальное пьянство и скандалы, иногда выходящие из пределов приличия и доходящие даже до цинизма; заводили между собой ссоры и драки, стреляли из револьверов и крали друг у друга <...>.

Партионных начальников не слушались; волонтер не считал обязанностью повиноваться людям иногда молодым, воспитанным и невоенным; случалось, что несчастных буквально брали за горло и били, требуя денег. Одним словом, добровольцы были в полном неведении своих прав и обязанностей, и, по мере удаления их из России, неудовольствие росло прогрессивно; так, что при вступлении на сербскую землю, раздражительность и требовательность русских переходили всякие пределы. Не понимая страны, куда они попали, и терпя лишения, неизбежные при всяком неожиданном скоплении народа, они скептически относились к невозможности удовлетворить безотлагательно всем их требованиям, большей частию нелепым, и везде подозревали злоупотребления то партионных начальников, то сербских властей. Хотя комитеты направляли всех добровольцев прямо в Белград, где они должны были явиться к уполномоченному от комитетов и получать все необходимое для отправки в армию, однако ехавшие чрез Румынию направлялись в Кладово[2], в надежде отправиться немедленно в Белград на пароходе или пешком. Таким образом, в этом небольшом в 1–1,5 тысяч жителей, но богатом местечке скопилось в одно время с лишком 600 человек русских. В казармах не доставало места, и приходилось размещать их в частных квартирах. Пьяные и буйные (что у простого русского человека почти неразрывно) они приводили в трепет власти и мирных жителей <...>.

Мне самому с трудом пришлось уговорить одну старушку-домовладелицу впустить меня к себе на постой. Ни предложение денег, ни увере-

ние, что я принадлежу к начальственным лицам, и что поведение мое будет безупречно, — ничто ее не трогало; только угроза старосты поставить к ней на постой рядовых вдруг сломила ее упрямство. Впоследствии она оказалась очень почтительной женщиной и до того деликатной, что приходилось уговаривать ее брать с меня деньги. На вопрос мой, почему она сопротивлялась принять меня к себе в дом, она чистосердечно созналась, что один вид пьяного, буйного русского человека приводит ее в трепет. Я был свидетелем другой сцены: одна хозяйка положительно забаррикадировалась против русских; она, как фурия, с растрепанными волосами и сверкающими глазами защищала свое убежище от офицеров и старосты, деликатно упрашивающих ее впустить «братьев русов». Все прибывшие русские немедленно зачислялись на продовольствие от сербского правительства. Провизия, мясо и хлеб всегда были свежие, в достаточном количестве. Недостаток посуды и котлов делали невозможным накормить всех обедом и ужином вместе, в определенные часы, а одним приходилось ждать, пока не кончат другие; но наши и здесь не всегда были сдержанны, являлись драки за посуду и котлы, грозили чуть не убить друг друга. Общего начальника не было; некому было разобрать жалобы, распорядиться сформированием маршевых частей и отправкой на позиции. Люди по целым неделям сидели в местечке, ничего не делая, безобразничая, так как безначалие было полное <...>.

Глава III

В мирное время Сербия — одна из прекраснейших стран Европы. Плодородная почва, хороший мягкий климат, горы, изобилующие минералом, реки с хорошей рыбой и прекрасные дубовые леса — все это делает приятное впечатление. Сербы — народ здоровый на вид: энергический, южный, правильный тип с резкими очертаниями; здесь преобладают брюнеты. Таких неприятных, обрюзглых овалов, какие попадаются у нас зачастую, вы здесь не встретите. Я тщетно старался уловить сродные нам, русским, черты у мужчин. Женщины же, напротив, часто напоминают наших, отличаются лишь, конечно в массе, большей правильностью, выразительностью черт и смуглостью лица. Прекрасные карие и черные глаза здесь вы встретите на каждом шагу, зато голубых я не видал. Сербы отличаются добродушием и мягкостью в обращении; в последнем они мало уступают полякам, но не льстивы. Они степенны в движениях и апатичны как малороссы, впро-

чем, не бесхитростны, — это результат слабости и векового порабощения. Женщины совершенно свободны в движениях, живы, и в умственном развитии если не выше, то и не ниже стоят мужчин; красотой и типом они подходят к итальянкам, только с более овальным очертанием; грацией напоминают полек, а тактом, степенностью и задушевностью — русских женщин. У них незаметно страстности и чувственности женщин южных стран и отличаются нравственностью. Я не говорю про жизнь в Белграде, да еще в военное время, и в других городах, где является пришлый элемент; в подобных космополитских центрах нравы, с малыми оттенками, почти все одинаковы; я только утверждаю, что сербский народ держится патриархальных нравов относительно семьи. Здесь вы редко встретите крайности цивилизованных стран Европы или грубого обращения и семейный деспотизм главы дома, или совершенный индифферентизм, все более и более проявляющийся у нас и на Западе, как следствие браков по расчету. Турецкое иго со своей гаремной жизнью не могло совратить семейного быта сербов, оно дало только дурные следы в религиозной индифферентности, в искажении славянского языка турецкими словами, в домашней обстановке кучи (дома) и в страшных ругательствах, превосходящих русские, так как соединены с святотатством; впрочем, так как сербы — народ более или менее выдержанный, то слышать брань приходится редко; это не то, что русский человек, принадлежащий даже к лучшему обществу, для большего красноречия любит в холостой беседе примешивать к своей речи крепкое словцо, что называется, как соль к щам, как масло к каше. В Сербии вас поражает отсутствие внешних проявлений религиозности. В церквах вы не увидите толпы народа, вы даже не заметите особенно собравшихся старичков и женщин, этого постоянного контингента в наших храмах; мне случилось зайти в первую церковь в Кладово, богатое местечко на берегу Дуная, и, несмотря на то, что это был воскресный день, кроме русских добровольцев, почти никого не было. По архитектуре и внутренней обстановке лучшие церкви и соборы уступят нашим даже в богатых селах, конечно, за некоторыми исключениями, например, собора в Белграде, где служит митрополит. Церковные принадлежности они получают большей частью из России; церковное пение не производит приятного впечатления для слуха, привыкшего к замечательным певчим собора святого Исаакия[3] и придворных в Петербурге, исполняющих концерты Бортнянского[4] и других духовных композиторов. Сербский напев напоминает мне старый лаврский напев в Киеве, не отличающийся музыкальностью и концертной выработкой. Наши певчие в русской походной церкви в Белграде составляли контраст с сербскими певчими, как звезды первой величины. Присутствуя раз на бракосо-

четании, я заметил некоторую разницу в обряде: вместо шаферов стояли: за невестой женщина, а за женихом мужчина; они не держали над головами венцов, которые лежали впереди на аналое, а вместо них на голову брачующихся надевали легкие коронки из белых цветов. По окончании обряда сторожа или родственники брачующихся кидали на пол какое-нибудь зерно с деньгами, как эмблему богатства и довольства. Мальчишки кидались со всех ног, толкая друг друга и падая, подбирая деньги. Мне сказали, что этот последний обычай, удивлявший нас русских, практикуется вне центров сербской цивилизации, в селах и городах. Эта маленькая страна, географически поставленная между сильными соседями, прежде служила ареной передвижения различных народов. Вспомним историю Запада, кто в Сербии не перебывал; а потому, естественно, она должна была отклониться в языке, типе и обычаях от других славянских народов, в особенности русских и поляков. Как в нашем языке много галлицизмов и татарских слов, так и у них — немецких и турецких; но, зная славянский и немецкий языки, при небольшой практике, возможно в четыре-шесть месяцев научиться сербскому языку. Я знал некоторых добровольцев, которые в этот срок уже понимали и объяснялись очень легко по-сербски. Сербия — страна земледельческая; мануфактура же и промышленность совсем не развиты; вы здесь не увидите ни фабрик, ни заводов. Деятельность серба сосредотачивается в земле: плодородие почвы так велико, и тучность ее так значительна, что снимают иногда в год по два посева кукурузы или пшеницы. Торговля превосходными курчавыми свиньями в особенности распространена в Сербии, так как дубовые рощи способствуют их откармливанию; профессия эта послужила за границей поводом называть сербов в насмешку свинопасами. Но богатство их лежит более или менее в поземельной собственности. То, что сербы обязаны покупать мануфактурные товары за границей, нисколько не вредит их финансам, так как вывоз сырья преобладает над привозом. Так как торговля больше внутренняя и вообще незначительная, то городских жителей очень мало; сербские города размером как большие наши села; лучший и самый большой из них, Белград, имеет около 35 тысяч жителей, следовательно, не больше нашего города Орла или Смоленска. В Белграде постройки скученные и без исключения каменные; город не имеет ни пустырей, ни заборов; кривые и узенькие улицы с булыжниковой мостовой и открытые мясные и хлебные лавки, на манер азиатских городов; последние неприятны для глаза и обоняния. Лучшее здание в городе — главная школа, т. е. университет, — бросается в глаза как выдающееся из всей массы большей частью двухэтажных домов; все остальные самой простой архитектуры, не исключая и княжеского конака (дворца), который вы заметите

как особенный барский дом в ряду прочих и по двум часовым у дверей. Много порядочных отелей и кофеен, куда сербы, как говорят, и в мирное время любят зайти поговорить о текущих делах своего маленького отечества. Странно только, что в них при изобилии всевозможных иностранных журналов, вы с трудом найдете русскую газету; даже лучшие отели их не имеют. Русским языком и литературой никто не занимается; между тем, как серб или сербиянка из городской более или менее зажиточной семьи часто знают немецкий. Духовной связи между нами и сербским народом не было; они нас знали как политическую единицу, но не нашу жизнь и социальный строй; разве за исключением некоторых славянофилов, занимающихся пререканиями с нашими за преобладание и первенствующее значение в славянском единстве. В городках и деревнях чистенькие белые домики, вымазанные глиной, как в Малороссии, придают веселый и приятный вид, хотя немощеные улицы и грязны в дождливое время года; в окнах домов очень часто имеются железные решетки. Домашняя обстановка серба устроена на турецкий лад, говоря, конечно, про большинство, т. е. сельский люд: три, четыре комнаты, кухня и крыльцо чисто прибраны; большие широкие диваны, ковры во всю комнату и еда на полу. Стол у них отличный; кофе утром, всегда несколько блюд за обедом и вино. Сербские столовые красные и белые вина превосходны; чистые, без всякой фабрикации, они неизмеримо выше всяких медков и баснословно дешевы. Вне города платят за бутылку 5–10 коп., а в отелях — 1 франк. Все кушанья страшно приправлены перцем (паприкой). Вообще в Сербии везде и во всем видишь полное довольство и достаток. Добрый король Франции Генрих IV[5], говоривший, что он был бы счастлив, если бы последний из подданных его имел каждый день курицу, очутившись в Сербии, вероятно, не знал бы, чего пожелать. Отчасти они напоминают быт наших мелкопоместных помещиков, но трудолюбивых и домовитых, без желания выбраться в чиновничество и служить на государственной службе. Русский царь, как у сербов, так и у черногорцев, пользовался во все времена большой популярностью, и зачастую портреты наших императоров можно найти в сербских домах. В этом княжестве нет привилегированных сословий, здесь нет и не было ни дворянства, ни рабов, ни среднего класса; там, в полном значении слова, равенство права; это государство чисто демократическое. Платя всего около 3 рублей в год на все государственные нужды и расходы, сербы не знают ни бюрократии, ни солдатчины и не испытывают и десятой доли нужды и бедствий нашего разоренного крестьянина. Пользуясь полной политической свободой, серб потягивает вино, сливовицу и трубку, совершенно чувствуя себя счастливым. Здесь нет крайностей аристократических или промыш-

ленных государств, нет больших богатств и нет бедности; нет этого пролетариата тунеядствующих, рабочих без работ и разжиревшей бюрократии. Нет бумажных тузов, изобилия военных и чиновничества, высасывающих народное богатство. Верно, что нет блеска, но зато нет и ни одного гроша государственного долга и нужды. Конституция дает гражданам широкие права, и политиканство страшно развито, так как государственные деятели находятся в непосредственных и близких сношениях с народом. Здесь все в миниатюре, цели и интриги. Маленькая, недавно освободившаяся от турецкого гнета страна не дает простора. Подобное состояние, может быть, вредит постоянству и устойчивости во внешней политике, но зато народно, во всякий данный момент, хотя бы даже выражало не большинство, но более или менее популярную партию. Относительно же своего экономического благосостояния, Сербия блестящим своим положением обязана именно простору своей земской самодеятельности. Вассальное положение к султану выражается только в платеже до 150 тысяч рублей в год; следовательно, для страны нисколько не обременительно. Турецкое владычество есть символ абсолютизма, гнета и разорения, но турецкий протекторат не дает никаких дурных последствий. Напротив, такое раздвоение верховной власти служит противовесом нарушения конституционных прав народа и князя, и народная самодеятельность крепнет. Княжеская власть не имеет значения, она не пользуется никаким ореолом, и Милан, лично, не любим. Потому эту войну можно оправдать как за права и свободу угнетенных христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии; но она непонятна и преступна за расширение прав князя и для освобождения от номинальной султанской власти; в подобной передаче властей народ не имеет никакого существенного интереса. Можно сказать, что князь Милан этой войной лишился последнего расположения и доверия своего народа <...>

Глава IV

Сравнивая действия черногорцев и сербов, мы, конечно, заметим громадную разницу, говорящую не в пользу последних. Мы видим, что одного вида черногорцев бывало достаточно, чтобы турки показывали тыл. Черногорцы дерутся героями не от века сего — это остаток рыцарства; у них больше пыла и ловкости, чем у русских; последние гораздо сдержаннее, охотно стреляют и по приказанию ломят напролом. Стрельба

же для черногорца — неприятное препровождение времени, их еле сдерживают; глаза горят, ноздри раздуваются, как у горячей лошади, бегом, с криком, летят они на турок с ятаганами и рубят головы и носы, как ловкие повара котлеты. Они сшибают турецкую голову одни ударом и в то же время отпарируют удары противника левой рукой, почему последние большей частью изранены, — и продолжают резню до последней возможности.

Но почему же такая громадная разница в действиях серба и черногорца? Ведь это люди одного племени, языка и веры. Может быть, последние культурнее, и борьба за идею более доступна их пониманию? Напротив, черногорец стоит на низшей степени гражданственности, нежели серб. Рассматривая глубже этот вопрос, мы очень легко найдем всему этому разъяснение. Черногорцы расположены большей частью на безлюдной, дикой, гористой и каменистой местности; относительная их бедность делает равнодушными к возможным лишениям и невзгодам. В силу своей малочисленности они, как черкесы, все от мала до велика вооружены с головы до ног; на черногорце целый арсенал оружия. Он не любит трудиться и ничего не делает; все обязанности и заботы принадлежат женщине. Сам он, потягивая трубку, проводит время в праздности и в воспоминании о доблестях героев в борьбе против их заклятых врагов турок. В постоянной войне с этим народом они выработали свою традиционную тактику. Как черкесы у нас на Кавказе, так они у себя в горах избегали вступать в открытый, неравный бой с многочисленной пехотой, вооруженной огнестрельным оружием и артиллерией. С ловкостью серн они перебегают с одного места на другое, показываются то впереди, то в тылу у неприятеля, и маневрируют до тех пор, пока он не втянется в ущелье на засаду, или вообще в местность, благоприятную для внезапного нападения и для действия холодным оружием. Тогда они дают залп и с диким криком бросаются в ятаганы. Неожиданность и быстрота нападения производят потрясающее действие; турецкие войска, объятые паникой, смешиваются, бегут, давя друг друга, сами не зная куда, и черногорцы разносят весь отряд вдребезги. Если черкесы, при такой же почти тактике, приносили нашим войскам иногда большой ущерб, то что же могло быть у турок, не имеющих стойкости русских солдат, и противника черногорца, гораздо больше владеющего хладнокровием, чем наш горец. Вообще азиаты, хотя иногда горячо нападают, но не имеют стойкости и скоро поддаются панике. Так было прежде, так и теперь; они оставались победителями потому, что не выходили из дома и наступали только для довершения поражения или при

самых благоприятных обстоятельствах. Таким образом, они всегда били турок, несмотря на свою малочисленность; самый разгром их для них не был чувствителен и, зная, что турки боятся их, они относятся к ним с презрением. Если бы они изменили свой образ действий, оставили бы свои дома, начали бы наступательную тактику, пошли бы на Царьград, то, конечно, в конце концов, так же как и сербы, были бы разбиты, хотя бы и были в таком же числе как и последние. Целый ряд поражений мог бы тоже деморализовать их, и тогда они очень легко могли бы перейти от презрения к уважению и даже к страху. В настоящее время огнестрельное оружие и артиллерия является решителем побед, и личное юначество уже не имеет значения, как прежде, в период борьбы холодным оружием, или огнестрельным на малые дистанции. Черногорцы не выносят огнестрельного оружия и не поддаются дисциплине, в противоположность мягким сербам; один, два выстрела и затем так и рвутся в рукопашную. При такой системе ведения войны, на открытой местности, при нынешнем огнестрельном оружии, бьющем на 2000 шагов, и артиллерия — на 3–4 версты, конечно, едва ли десятая часть доберется до врага, чтобы схватиться грудь с грудью, или отсечь голову или нос. Совсем другое — сербский милиционер. Плодородная почва, отличный климат и труд дали ему достаток; он отличный семьянин и не знает оружия. Турок его совсем не беспокоит и никакого с ним дела не имеет, а если есть какие-либо торговые отношения, то самые мирные, дружелюбные. Эпохи геройской борьбы за независимость давно прошли и оставили в нем смутное воспоминание, а конституция и самодеятельность увлекает его на путь гражданственности. Он думает так: «Я желал бы помочь братьям, но для меня это не по силам; я хотел защитить их от разорения турок, но в то же самое время сам подвергаюсь разорению. На месте, где у меня был дом, не осталось теперь камня на камне; где я был так счастлив, я не нахожу моей жены и детей. Где они? Не умерли ли с голоду и холоду. Нет, лучше уйду искать их, помочь им; можно помогать и другим, но не в ущерб себе, это слишком страшная цена; мне не по силам этот подвиг христианский — геройский. Можно помогать соразмерно обстоятельствам. Нищему даем несколько копеек, но если будем раздавать все свое состояние, то сами останемся без ничего».

Смешно обвинять сербов-крестьян в трусости потому, что они не имеют оружия и всего снаряжения для успешной борьбы. Мы же ведь тоже потеряли Крымскую кампанию из-за оружия, имея не милицию, а армию одинаковой численности с союзными государствами, т. е. в равных силах с неприятелем, и имея борьбу только в двух пунктах: в Севасто-

поле и Малой Азии. Нужно еще удивляться, каким образом, когда Французская империя сдавала с лишком стотысячные армии без боя равносильным пруссакам и проиграла всю кампанию в шесть недель, а Австрийская была побеждена в две недели; обе при совершенно равных условиях борьбы, численности оружия и артиллерии, то каким же образом княжество Сербия (размером с нашу Орловскую губернию) могла продержаться при общем давлении около пяти месяцев. Ведь это просто смешно присоединяться к черняевскому хору и обвинять сербов, что они не имели столько храбрости, чтобы идти с голыми руками выгонять турок из Европы и взять Константинополь, который чуть ли не имеет столько же жителей, как вся Сербия. Ведь это было бы в полном смысле самоубийство <...>.

Между Сербией и Румынией мало общего. В первой — патриархальность нравов, благоустройство, полное довольство и благочиние; особенных признаков цивилизации XIX столетия — железных дорог, музеев, великолепных сооружений — вы не заметите. В Румынии, напротив, внешность блестящая и общий лоск; отличные улицы, например, в Яссах, асфальтовые мостовые, блестящие кафе-рестораны, кондитерские и хорошие здания; но денег нет, железные дороги приносят только убыток, рестораны мало посещаются, общая дороговизна, следовательно, и разврат. Бухарест, и в особенности Яссы, полны евреями; они положительно забрали в руки этот богатый и превосходный край, и хотя юридически они не могут быть приобретателями имений бояр, но фактически они — полные хозяева, так как румынское дворянство почти все в долгу. Впрочем, правительство, под давлением палат, принимает все меры к уменьшению эксплуатации страны евреями; в этом случае Княжество находится несколько в лучших условиях, чем соседняя Бессарабская губерния, да и весь наш Северо-западный и Юго-западный край, где царствию израильскому нет конца. Румыны, что называется, добрые малые, воспитаны на французский лад и неспособны к усидчивому труду и промышленности, а потому страна эта через погоню за цивилизацией и наружным лоском находится в нужде, а Сербия, идя вперед черепашьим шагом и, забирая для себя только необходимое, не скользит на поверхности и находится в полном благополучии. Сербия, как страна демократическая, не имеет крайностей: ни богачей-бар, ни бедняка-крестьянина или пролетария; там — средний уровень; напротив, аристократическая, со всеми титулами и гербами Румыния имеет несколько дворян, не успевших растратить свое состояние в Париже, банкиров с дутым кредитом и крестьян, живущих в несравненно худшем положении, чем

земледельцы-сербы. Дешевизна в Сербии даже в военное время замечательная: например, в Белграде, в отелях, за обед в пять блюд платят полтора франка, а квартиры в три комнаты — от 8–12 рублей в месяц; между тем, как в Бухаресте в громадных, великолепных, но пустых отелях берут за тот же обед от 3 до 4 рублей, и все вообще очень дорого даже для петербуржца, привыкшего к большим ценам. Соединенное княжество почти в 3,5 раза больше Сербии и могло бы быть богаче, так как географически оно лучше расположено для транзитной торговли и эксплуатации своего внутреннего производства. Но в первом оно не разрабатывается по недостатку капиталов, а в Сербии потому, что не имеется в них надобности <...>.

Примечания

[1] Киреев Николай Алексеевич (1841–1876) — русский доброволец, участник Сербо-турецкой войны 1876 г. В 1860 г. окончил Пажеский корпус. В 1860–1866 гг. служил в лейб-гвардии Конном полку, выйдя в отставку штабс-ротмистром. Активный деятель С.-Петербургского славянского благотворительного общества. В 1876 г. отправился в Сербию, где командовал отдельным отрядом. 6 июля был убит при штурме турецких укреплений у села Раковица, впоследствии переименованном в Киреево.

[2] Кладово — город в восточной Сербии, поблизости от Неготина. Под именем Фетислам был основан турецким султаном Сулейманом Великолепным в 1542 г. Освобожден от турок в 1867 г.

[3] Исаакиевский собор — до 1917 г. главный храм Петербурга. Памятник позднего русского классицизма. Заложен в честь Петра I и посвящен св. Исаакию Далматскому, день которого совпадает с датой рождения императора (30 мая по ст. стилю). Возведен в 1818–1858 гг. по проекту А. А. Монферрана.

[4] Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) — знаменитый русский композитор, первый директор Придворной певческой капеллы.

[5] Генрих IV Бурбон (1553–1610) — король Франции (1588–1610). Родоначальник династии Бурбонов.

*Яшеров В.**

В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русский вестник. 1878. Кн.1. С. 200–212

III. От вступления в Сербию до перемирия 20 октября

<...> Наконец-то стали мы на сербскую землю! Мы сняли шапки, молча перекрестились... Минута более чем трогательная: каждый сознавал, что, может быть, эта земля покроет его навеки, и величавый Дунай ляжет навсегда между ним и родной Россией.

За невозможностью достать подводу мы оставили наши вещи под присмотром Егорова в катере (который матросы потащили бечевой в Кладово, ибо нельзя было идти на веслах против течения), а сами берегом, усыпанным мелкими каменьями, прошли в деревушку, где и забрались в первую хатку. Поселяне приняли нас радушно, усадили на галерее у очага, перед которым мы и обсушивались в ожидании товарищей, уничтожая виноград, предложенный хозяевами. Я принялся рассматривать все вокруг и с грехом пополам через переводчика расспрашивать хозяев о их житье-бытье. Сербское «село» решительно не имеет ничего общего с нашими русскими деревнями. Здесь не встретишь непрерывного ряда бревенчатых изб с высокими коньками, соединенных крытыми соломой дворами и навесами, доставляющими такую обильную пищу пожарам. Каждая «куча» (так зовется дом с надворными строениями) стоит в центре принадлежащей к ней земли, выходя лицевым фасадом на улицу и отделяясь от нее садиком с вишнями, яблонями, грушами, сливами, аб-

* Яшеров Василий Васильевич — русский доброволец, участник Сербо-турецкой войны 1876 г. Помещик Нижегородской губернии.

рикосами; кругом расположены конюшни для лошадей и волов, овчарни, решетчатые амбары для хлеба и другие хозяйственные постройки. Поле, прилегающее к «куче», большей частью делится на четыре части: виноградник, кукуруза, пшеница и ячмень, заменяющий здесь овес, и огород, где садится картофель, капуста, горох, овощи и неизбежная «паприка» — красный стручковый перец, которым сербы до того приправляют все кушанья, что с непривычки невозможно их есть. Когда я в первый раз попробовал национальное сербское блюдо из резаной небольшими кусочками говядины, баранины, свинины под соусом с вареными стручками «паприки» и луком, присыпанным той же «паприкой», истолченной в сухом виде, я чуть не закричал. Потом мы попривыкли, и по своим климатическим условиям Сербия действительно не может обойтись без «паприки».

Меня заинтересовали решетчатые амбары: они удобны тем, что хлеб в них одновременно и укрыт от непогоды, и проветривается. Самая «куча» сделана из битой глины, иногда из кирпича, большей частью в один этаж; крыта черепицей и заключает в себе не менее четырех *«соби»**, комнат (вероятно от слова «особые, отдельные»). Крытая терраса, примыкающая к стене со стороны крыльца, составляет непременную принадлежность всякой «кучи». На нее выходит очаг, где идет стряпня, и на ней же обедает семья сербского селянина. Стены все выбелены и снаружи и внутри, увиты хмелем и другими вьющимися растениями.

Вследствие расположения каждой «кучи» посреди принадлежащей к ней земли, расстояние до соседней довольно значительно (не ближе 50 саженей), что хотя и растягивает большое селение на несколько верст, зато делает положительно невозможными опустошительные пожары. Этому же расположению серб обязан процветанием своего хозяйства: у него не пропадает ни один вершок удобрения, ни одна сажень земли не остается не унавоженной, потому что все поле под рукой. Вообще, сербское село представляет соединение множества хуторков, расставленных вдоль улицы и разделяемых в больших селениях еще переулками. Общий вид очень красив: белые мазанки с цветными крышами, одетые ползучими растениями, весело выглядывают из густой зелени садов и виноградников. И не расстался бы с таким уютным, приветливым местечком! Главная рабочая сила — волы; на них пашут, убирают поля, возят тяжести; лошади мелки, но спина горбом,

* *Соба* (сербск.) — комната.

ноги крепки, и они удивительно сильны и выносливы. Их употребляют для езды в «колах»; «кола» — это решетчатая тележка, вроде нетычанки, одноконная или дышловая, на железных осях, с откидным задком, очень легкая на ходу (есть и более массивные — для волов); тяжести же лошади возят более в виде вьюка на спине, для чего устроены коромыслообразные прясла, на которые наваливается кладь по обе стороны лошади. Как волы, так и кони куются на глухие подковы, по милости каменистой почвы.

Молочного коровьего хозяйства нет, сливки и масло можно достать только по заказу; зато нет ни одной «кучи», где не приготовляли бы овечий сыр, — любимое кушанье сербского крестьянина. Только здесь можно встретить такие огромные стада овец, и пастбища для них роскошно припасены природой. Сербия — страна плодородная, впрочем, разве половина ее пригодна к возделыванию, остальная часть — каменистые, обрывистые горы, изобильно покрытые мелким кустарником и сочной травой и мхами, где стада находят себе великолепный корм. Виноделие — тоже отрасль хозяйства: у каждого селянина найдется красное или белое вино собственного приготовления. Лучшие сорта винограда находятся в окрестностях города Неготина[1], и лучшее вино «Неготинско црно вино» — червонное или темно-красное. Хлебной водки нет; ее заменяет ракия или сливовица, которая гонится из сливовых косточек. Важную отрасль составляет разведение свиней; откармливаемые виноградными выжимками, фруктами, кукурузными шишками, они доставляют великолепное мясо: «свинско мясо, свинско печенье»* — бесспорно, одно из вкуснейших национальных блюд; свиное сало такого высокого качества, что может заменять коровье масло в приготовлении кушаний. Из птиц обильно разводятся гуси, «плавки» — утки**; «чурки»*** — индейки, голуби и др.

Сербскому крестьянину дорога его «куча»; он трудолюбив; мне случалось встречать пастуха или пастушку: у каждого за поясом торчит палка с навязанной наверху мочкой льна, а в руках веретено, ни на минуту не перестающее вертеться и жужжать; тем же занят и «коморжия» — грузовой извозчик; группы женщин и мужчин, идущих на полевые работы, всегда вооружены этим инструментом. Минута даром

---

* *Свинско месо, свинско печење* (сербск.) — жаркое из свинины.

** Утка по-сербски — *патка*. Трудно сказать, какой локальный диалект использует здесь В. Яшеров.

*** От сербск. *ћурка* — индейка.

не пропадает! Оттого и довольство везде полное; бобылей нет, да и быть не может. Хотя серб, едва продрав глаза, пропускает натощак стаканчика два ракии, и пьет вообще много, но между ними нет пьяниц, тем более пропойц. Обеспеченный обильной жатвой, окруженный заботами трудолюбивой хозяйки, серб привязан к дому и семье до того, что редко удаляется от них даже на 20 верст. Он не понимает, как можно уйти на чужую сторону на заработки. Отлучившись поневоле от дома, он болеет. Серб добр, гостеприимен, общителен; в свободное время он не прочь посидеть в «кафане» — род чистенького кабака, при котором есть и отдельные комнаты и кушанье, иногда даже бильярд. Там он поговорит о политике и покурит свой «дуван» — табак.

Еще одно качество присуще сербскому народу; это — замечательная честность; воровства здесь почти нет <...>.

Белград расположен в углу, образуемом впадением реки Савы в Дунай. Он раскинут на высокой горе, которая очень крута к углу слияния и гораздо положе к берегам. Местоположение великолепное, напоминающее Нижний Новгород; крепость, окаймленная бульваром по гребню гласиса, расположена так же, как Нижегородский кремль со своим бульваром; ее рвы и стены сбегают вниз по обрывам; крепостной «конак» расположен совершенно так же, как губернаторский дом. Дунай изображает Волгу, Сава — Оку, только в меньших размерах; за Савой, в десяти минутах езды на пароходе, на том же берегу Дуная, виден австрийский город Землин. Самый Белград похож на порядочный губернский город; улицы (лучшие — князя Михаила и князя Милана) широки, прямы, с очень порядочными зданиями; на некоторых — бульвары из пирамидальных тополей. Дома более двухэтажные, с воротами посредине; тротуары и мостовые не особенно хороши. Дворец — хороший барский дом в Москве, с палисадником за железной решеткой. К нему примыкает слева министерство иностранных дел, справа — запасный «конак», в котором помещался М. Г. Черняев. Военное министерство, очень простенькое здание, находится в переулке за министерством иностранных дел. Гостиниц и кафан бесчисленное множество. Из зданий замечательны в городе, кроме княжеского дворца, университет, который был обращен в лазарет на время войны, кафедральный собор, театр, также обращенный в склад, казарма, где собирались нижние чины из добровольцев; «Старо зданье», в котором помещалось впоследствии управление и канцелярия генерала Никитина[2] и т. д. Церквей немного, всего пять. Между городом и крепостью разбит хорошенький сад <...>.

Примечания

[1] Неготин — город в Тимокской краине в восточной Сербии. Первый раз упоминается в 1627 г. Центр виноградарства и виноделия. Известен тем, что в его окрестностях действовал и погиб герой Первого сербского восстания Гайдук-Велько Петрович.

[2] Никитин Александр Григорьевич (1824–1891) — русский военный деятель, генерал от инфантерии (1884). В 1849 г. закончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Венгерского похода (1849), Крымской войны (1853–1856). В ноябре 1876 г., по Высочайшему повелению, был командирован в Сербию для руководства находившимися там русскими добровольцами и организации боевой подготовки сербских войск. С апреля 1878 г. — командир 2-го армейского корпуса. С 1884 г. — командующий Виленским военным округом. С 1886 г. — член Военного совета.

Коломнин С.[*]

Общий медицинский очерк Сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. СПб., 1878. С. 1–53[**]

I

Условия, при которых пришлось действовать нашим санитарным отрядам, были чрезвычайно оригинальны и вряд ли повторятся даже в том случае, если бы снова когда-нибудь вспыхнула война в Сербии.

В конце июля в Белграде было уже несколько наших отрядов и в том числе русский «Красный крест». Как они ни старались, но не могли решить вопросов: в каких именно местностях «на границе» нужнее всего медицинская помощь, какова медицинская организация в сербкой армии, какой предполагается план относительно передвижения раненых и устройства временных госпиталей и т. д. Военное министерство <...> давало неопределенные ответы, из которых следовало заключить, что у него не было не только планов, но даже и верных известий с театра войны...

Кто же, спрашивается, мог организовать медицинскую помощь? Конечно, наши пришлые санитарные отряды.

---

[*] Коломнин Сергей Петрович (1842–1886) — врач-хирург, ординарный профессор Медико-Хирургической Академии, ученик Н. И. Пирогова. Окончил Медико-Хирургическую Академию в 1865 г. В 1869 г. получил степень доктора медицины. С 1872 г. — доцент Киевского университета Святого Владимира. В 1879 г. стал профессором Медико-Хирургической Академии. В ноябре 1886 г., после неудачного исхода одной из проведенных им операций, застрелился.

[**] С июля по декабрь 1876 г. С. П. Коломнин находился в Сербии, состоя консультантом по хирургии при Тимокско-Моравской армии, в составе санитарного отряда, сформированного на личные средства профессором С. П. Боткиным.

Нужно было *во-время*[*] понять характер этой оригинальной войны, влияние его на медицинскую помощь, и затем действовать самостоятельно, благо руки были развязаны.

Это была правильная война почти без регулярного войска, народная война без народного воодушевления <...>.

Достаточно было проехать Сербию из конца в конец, из Белграда в Алексинац[1], чтобы до некоторой степени понять, в чем было дело. Кто надеялся встретить народную войну, тот разочаровывался, не встречая ни следа народного одушевления; а в ком еще уцелела мысль по выезде из Белграда, что Сербия воюет не на авось, а заменив сильное патриотическое возбуждение организацией армии, стойкостью ее и дисциплиной, разными военными приготовлениями, обеспечивающими в значительной степени успех и т. д., тот, в свою очередь, обманывался в ожиданиях. Война говорила нам. Не ждите ничего из Белграда <...>.

В действующей армии был главный доктор; но мы увидим впоследствии, что в его заведовании были одни лишь перевязочные пункты.

Кто понял, тому было благо. Врачи пошли на перевязочные пункты, отдельные отряды заняли известные местности, молчаливо согласившись не ждать ни откуда помощи и заботиться обо всем, что касалось раненых, начиная от медицинской помощи до спасения их, если бы прорвались турки через боевую линию, или зашли в тыл <...>.

Не найдя проекта организации военно-медицинской деятельности, встретив вместо госпиталей, этапов только жалкие помещения, едва пригодные для цели, русские врачи надеялись встретить помощь, при выполнении своих задач, от частных лиц в Сербии и не только скоро разочаровались в этом, но пришлось поражаться тем удивлением, которое на бумаге передается по крайней мере несколькими восклицательными знаками, при виде апатии и полного нежелания сербского общества участвовать своими силами в нашем труде <...>.

Мы были предоставлены исключительно самим себе — ничего похожего на участие со стороны общества и даже администрации. Да какое участие? Вот один из эпиизодов. В начале октября главный госпиталь нашего отряда, помещавшийся в Ягодине[2], в здании прогимназии, сделался негоден для помещения больных: здание было не приспособлено для медицинской цели и потому, несмотря на заботы о гигиене, конституция госпиталя испортилась вследствие долговременного пребывания исключительно тяжело раненых — операционные раны стали заживать и яви-

---

[*] Здесь и далее выделено в оригинале.

лись случаи госпитальной гангрены. Нужно было, если не уничтожить госпиталь, то по крайней мере уменьшить в нем число раненых до половины; а так как другие наши два помещения были тоже наполнены, то явилась, конечно, мысль перевести излишних раненых в частные дома. Для этой цели выбраны были два хороших двухэтажных дома, принадлежавших зажиточным гражданам Ягодины, и приступлено к переговорам о занятии их путем реквизиции. Переговоры продолжались недолго; через несколько дней окружной начальник объявил, что реквизицией ничего нельзя сделать, и что дело проиграно. В десятый раз объясняем мотивы нашего справедливого желания, после чего начинаются переговоры о *найме* домов, что, в свою очередь, остается без всякого результата, потому что реквизиция еще не забыта. Вслед за этим посылается телеграмма главному доктору действующей армии, оттуда летит телеграма военному министру в Белград, идут переговоры между окружным начальником и министром, и в конечном результате получается бумага и объяснение, где весьма вежливо нам ставят на вид, что оные жители принесли уже много жертв на алтарь отечества и дома их неприкосновенны, а не угодно ли нам занимать под больницы городские кафаны, содержащиеся цинцарами. Нужно заметить, что эти грязные трактиры немыслимы даже для помещения здоровых, потому что кирпичный пол и стены пропитаны испарениями жирных яств, пива, водки и т. д.

Во все продолжение войны у нашего отряда не было льда; бывшие в нашем распоряжении снаряды для искусственного приготовления не могли доставить того количества, которое было нужно для многих раненых. Владелец пивоваренного завода в Ягодине дня три-четыре давал нам немного льда, но затем эта милость была прекращена, и ничто не подействовало: ни просьбы, ни реквизиции, ни Белград <...>.

Составляя de facto медицинскую часть действующей армии, мы, конечно, отчасти пользовались помощью властей, но в весьма ограниченных размерах и то, главным образом, по части транспорта раненых и комплектования больничар, т. е. госпитальной прислуги. Вблизи боевой линии эта помощь была развита довольно сильно, но чем дальше, тем она становилась слабее, и в Ягодине приходилось уже нанимать способных больничар, потому что иначе не было бы никакого порядка. Вообще нельзя никому пожелать иметь дело с сербским чиновничеством: много разговора, формализма — и никакого толка. Единственная выгода была та, что властей можно было часто находить в главной кафане. Начинаются разговоры о том, что к послезавтрему нужно приготовить 20 воловьих подвод для транспорта, — следует одобрение и полное согласие. Наступает

назначенный день — и подвод нет. Опять разговоры и опять назначается срок — вместо двадцати подвод являются только пять. Опять разговоры, уверения, а затем главный бюрократ беспомощно разводит руками, признаваясь, что он с своей стороны сделал все, что мог, и даже «званично», т. е. официально, дал предписание другому сидящему в углу кафаны — и больше сделать ничего не может. Впрочем, возможно, что они были в безвыходном положении, потому что вообще у администрации не было никакого порядка.

Пусть не подумает читатель, что мы были в плохих отношениях с сербами, и что такая слабая помощь служила выражением их неприязни. Мы хорошо жили между собой и могли утешать себя только тем, что то же равнодушие и апатия, порой страшный эгоизм и черствость натуры обнаруживаются и для своих же солдат и раненых, приходивших в непосредственное соприкосновение с жителями. После Дюнишского поражения[3] и в начале перемирия, когда масса войск, отступая с границы, проходила через город, жители Ягодины, в холодные ночи, когда шел проливной дождь, не пускали к себе ночевать офицеров-сербов. Целые транспорты раненых нахлынули с этапов и госпиталей по ту сторону Моравы и были размещены в грязных кафанах у цинцар, так что даже в ту минуту, когда после Дюниша общее несчастье должно было растопить тостую скорлупу эгоизма буржуазии, когда турки были готовы раздавить Сербию до Белграда включительно, даже и тогда для раненых не открылись частные дома, и частная помощь не ударила пальцем о палец <...>.

Теперь несколько слов о наших раненых. Мы встретились с народом, не привыкшим лечиться и поэтому не придававшим лечению большого значения; в особенности была чужда для него оперативная помощь. До войны в каждом из 17-ти округов княжества существовала небольшая больница, но жители неохотно обращались туда за помощью, так что эти больницы пользовались скорее официальным, чем действительным значением. У народа не было почти никакого понятия о хирургическом лечениии, потому что в Сербии слишком мало хирургов, а с другой стороны, он слишком редко видел травматические повреждения, вследствие отсутствия механических и вообще всяких других заводов. Наступила война, и этот бедный народ стал платиться массой огнестрельных ран. Чуждые для него люди, русские доктора, взялись за лечение, стали накладывать гипсовые повязки, предлагать ампутации и проч. Эти «войники», послушные как маленькие дети, охотно и вежливо переносили извлечение пуль, «перевивание», то-есть перевязку ран, глубоко убежденные в душе, что вся эта процедура (кроме разве извлечения пуль) излишняя, и что раны

не хуже заросли бы и без нашей помощи, если бы раненых распустили по домам. Когда же доктора стали говорить об ампутации, народ не хотел верить доводам; а при настойчивых увещеваниях, стали слышаться ответы: «Не смей не только говорить, не смей и думать о том, чтобы отсечь мне ногу!» Они страшно платились за свою непривычку к хирургичской помощи. Пролежав некоторое время в лазаретах, несколько привыкнув к нам, раненые охотнее соглашались на операции, но все-таки сохраняли непреодолимую боязнь к отнятиям членов. «Лучше смерть, чем сечь!» — и умирали; другие соглашались, но поздно, и вредили себе тем, что уменьшали проволочкой шансы на благоприятный исход после операции <...>. Австрийские сербы (из них многие были дезертиры австрийских войск) и русские добровольцы гораздо охотнее соглашались на все операции, так что боязнь сербов можно объяснить единственно их непривычкой к оперативной помощи <...>. Эта несчастная непривычка имела последствием то, что *первичные* операции (в первые 48 часов после ранения, самые лучшие при полных разможжениях членов и некоторых других случаях) делались очень редко — вряд ли более 20 раз во все продолжение войны <...>. Вообще умерло много раненых, которым своевременная апутация могла спасти жизнь <...>.

Русские врачи встретили раненых, которые шли большей частью на войну с неохотой, которым ничто не помогало устоять под турецкими пулями, не помогало переносить физическую боль и нравственные муки. Это были не раненые солдаты, но очень несчастные люди, пришибленные какой-то слепой случайностью <...>.

II

<...> Пушечный гул извещал нас иногда, что идет сражение на позициях близ Алексинца и Делиграда, и это был единственный сигнал к тому, чтобы очищать этап от раненых, предназначавшихся и раньше к транспорту, потому что от д-ра Джорджевича[4] мы не получали никакого извещения. Через 8–10 часов являлись одна за другой телеги, везшие раненых, и приходили по одиночке, а потом кучками, раненые в верхние конечности, а между ними и ранившие себя сами в пальцы <...>.

Тщательное исследование поврежденных пальцев, производившееся только первое время нашего пребывания на этапе, показало, что для большинства случаев причиной ранения был выстрел *в упор*, а что реже ее сле-

довало приписать турецкой пуле. В один из августовских дней милиционеров с пальцевыми ранами прошло <...> с утра до 4 часов дня более 200 человек; между ними были, без сомнения, и раненые совершенно законным для войны путем <...>.

Что касается содержания больных, то оно было везде хорошо. Они получали даже на этапах достаточное количество мяса, хлеба, овечьего молока, вина и «лютой ракии», т. е. крепкой водки. Разумеется, не были забыты капуста и перец (паприка) — любимое блюдо Балканского полуострова <...>.

III

<...> Теперь несколько слов о внутренних заболеваниях. Во все продолжение войны было сравнительно мало больных тифом, дизентерией, катаром кишек и проч., так что число их, кажется, не достигало половины раненых <...>. Небольшое сравнительно количество внутренних заболеваний объясняется тем, что сербы — народ крепкого сложения — живут по деревням в таких хороших условиях, о которых наш крестьянин часто не имеет понятия, а война протекала исключительно на открытом воздухе, в хорошее время года <...>.

Надеюсь, что мы в праве подвести итог: *частные русские санитарные отряды* вынесли на себе всю тяжесть помощи во время сербо-турецкой войны <...>.

Примечания

[1] Алексинац — город в южной Сербии. Известен с 1616 г. Стоял на пути в Константинополь.

[2] Ягодина — город в центральной Сербии (Шумадии).

[3] Правильно: Джунисского — от названия села Джунис, возле которого в октябре 1876 г. проходила сербская оборонительная линия. Именно под Джунисом сербы под командованием генерала М. Г. Черняева потерпели поражение. По просьбе сербского правительства Россия в ультимативной форме вынудила Стамбул заключить перемирие с Белградом.

[4] Джорджевич Владан (1844–1930) — видный сербский государственный деятель и дипломат; издатель, писатель и мемуарист. По образованию врач. Организатор и руководитель военно-санитарной службы в Сербии. В 1894–1896 гг. — сербский посланник в Турции. В 1897–1900 гг. — премьер-министр Сербии.

Бобриков Г. И.[*]

В Сербии.
Из воспоминаний о войне 1877–1878 гг.[**]
СПб., 1891. С. 26–57

III.
Белградское правительство

<...> Пароход подошел к белградской пристани вечером, уже в темноте. На берегу я был встречен первым секретарем генерального консульства, временно им управлявшим, Н. Н. Лодыженским. Водворив меня в приготовленном для меня же помещении, он остался еще несколько времени, чтобы сообщить о местных событиях и лицах. Я был чрезвычайно доволен встретить в Лодыженском серьезный взгляд, выработанный добросовестным трудом. Хорошо владея сербским языком, он был знаком с местной прессой и литературой, хотя, быть может, слишком увлекался оппозиционными воззрениями, приписывавшими все беды страны личности князя Милана. В Белграде он жил со своей малолетней семьей точно так же, как в своем рязанском или тульском поместье. До сих пор с благодарностью вспоминаю, как измученный нравственно, бывало, отправлял-

---

[*] Бобриков Евгений Иванович (1840– ?) — генерал от инфантерии, военный писатель. Воспитывался в 1-ом кадетском корпусе. Окончил курс в Академии Генерального штаба. В начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял при главнокомандующем, великом князе Николае Николаевиче (Старшем). Во время Берлинского конгресса 1878 г. находился при графе П. А.Шувалове. В 1880 г. участвовал в делимитации границы между Грецией и Турцией. В 1898–1901 г. командовал 1-й гвардейской пехотной дивизией. Позднее являлся членом Александровского комитета о раненых и директором Измайловской военной богадельни. Автор трудов по истории Восточного вопроса и других сочинений.

[**] В разгар осады Плевны полковник Генерального штаба Г. И. Бобриков был направлен в Белград, в качестве представителя главнокомандующего русской армии при сербском князе Милане Обреновиче.

ся к нему на русские щи и гречневую кашу, заслушавшись после обеда его талантливой игрой на рояле.

«Князь только терпит Ристича, не доверяя ему и ревнуя к власти; но, чувствуя шаткость под собой почвы, все-таки его держится. Ристич вовсе не так популярен в стране, как предполагают; зато он ее сдавил в железных тисках. О министре внутренних дел не хочу говорить, до того он мне антипатичен. Военный министр, Савва Груич[1], из нашей военной* академии, славный человек, но с ним вам придется познакомиться весьма близко. Впрочем, если сразу говорить о всем и о всех, вы не упомните. Должен я только сказать, что здесь царствует такой личный произвол и преследуются такие эгоистические цели, что вряд ли вам скоро удастся с ними столковаться. Об общей пользе никто не думает».

Вообще мало утешительного и услышал в рассказах Н. Н. Лодыженского. Страна представлялась разоренной, главным образом, правительственными реквизициями во время последней войны; народонаселение — в панике столько же от турок, сколько и от собственной администрации; промышленная и торговая эксплуатация в руках иноземцев; полное отсутствие мало-мальски организованных вооруженных сил, кроме нескольких наскоро сколоченных батальонов; жалкое вооружение; никаких правительственных запасов — ни продовольственных, ни вещевых, ни боевого снаряжения, за исключением разве присланных из России за добровольческий период вещей; интеллигенция страны или в изгнании на чужбине, или вовлечена в борьбу политических партий; даже духовенство и чины войскового кадра, и те служат органами влияния на народ <...>.

Утром следующего дня я представил князю Милану письмо Великого Князя главнокомандующего[2]. Князь хорошего роста, коренаст, что называется, вырублен топором, или неладно скроен, да крепко сшит. Голова правильна, верхняя часть лица даже красива, но все портит чрезмерное развитие подбородка. Отсюда выражение лица крайне неопределенное: то оно оживлено, бойко и умно, то оно тупо и упрямо. В общей фигуре больше грубости, чем изящества. Ознакомившись с содержанием письма, он обратился ко мне со следующими словами: «Я весьма рад, что, наконец, мне представляется возможность иметь непосредственные отношения с уполномоченным Его Императорского Высочества главнокомандующего императорской российской армией, облеченным его полным доверием. Преклоняясь пред актом великодушной решимости вашего монарха, Императора Александра[3], поднять меч на защиту христианских на-

* Артиллерийской. (Примечание Е. И. Бобрикова).

родностей Балканского полуострова, я сознаю свой долг, себя вместе с моим народом поставить в распоряжение Его Императорского Величества. О моих чувствах и готовности принять участие в войне я имел счастье лично свидетельствовать еще в Плоэшти[4]. Но во время последней войны страна слишком испытала, средства ее слишком истощены, чтобы немедленное объявление нами войны не являлось шагом крайне рискованным, способном подвергнуть ее окончательному опустошению ранее, чем мы успеем причинить врагу существенный вред. Благоразумие требует предварительно мобилизации приготовить продовольствие, обмундирование, осмотреть и исправить вооружение, дополнить боевое снаряжение. Все это следует сделать в большем размере, так как, в виду открытого положения границ, мобилизовать менее ста тысяч человек я не могу. Успех предприятия обеспечивался бы значительно более, если бы была возможность прикупить к имеющимся тридцати пяти тысячам ружей системы Пибоди еще заряжающихся с казны ружей той же системы, или даже другой. На все это нужны немалые денежные средства, а государственная казна княжества истощена предшествовавшей войной и событиями. Впрочем, я не ставлю вопроса объявления Сербией войны в зависимость от назначения субсидии и готов немедленно идти в бой, чтобы свято выполнить своей долг».

Я выразил князю, что со своей стороны весьма рад сразу стать в условия, вполне его удовлетворяющие, что моей главной задачей считаю способствовать сербам к наиболее успешному выполнению их долга, что я признаю осторожность его светлости весьма благоразумной; но, чтобы иметь возможность быть вполне полезным, прошу его разрешения познакомиться с современным состоянием средств в Сербии к ведению войны, так как только тщательное их изучение может дать мне право указывать на тот или другой способ действия и ходатайствовать об отпуске субсидии на тот или иной предмет.

«Двери всех учреждений военного характера перед вами будут раскрыты, сегодня же предупрежу военного министра, чтобы он был в вашем полном распоряжении; но я прошу вас помнить, что я сам готов вам давать необходимые разъяснения и буду всегда рад вашему приходу».

На первый раз было довольно и сделанных обещаний. Там дальше увижу, как будут переходить от слов к делу. Несмотря на плавность и выразительность его речи, в ее тоне слышалась, однако, фальшь заискивающих ноток, понижавшая достоинство внутреннего содержания его заявлений. Было очевидно, что мысль о субсидии преобладала у Милана над всеми остальными соображениями.

За один раз я сделал визиты к митрополиту Михаилу, всем министрам и еще двум-трем лицам, известным по своим к нам симпатиям; но от посещения членов дипломатического корпуса решительно отказался, не находя ни малейшего к тому повода. Преосвященнейший митрополит меня принял с чрезвычайным радушием. Это человек несомненно глубокого ума, верно оценивший свое выдающееся значение представителя сербской православной церкви. Трудные условия деятельности в сфере соперничества унии и борьбы католичества не только не умалили энергии этого святителя православной церкви, но сообщили ей необыкновенную стойкость. Являясь светлым явлением в жизни западного православного мира, его святое дело, к прискорбию, вызвало пока затаенную зависть светской в княжестве власти, которая не в силах примириться с популярностью митрополита Михаила. С Саввой Груичем мы беседовали довольно долго и условились о распределении необходимых мне подготовительных работ между бывшими воспитанниками нашей академии: им самим, инженер-подполковником Магдаленичем и генерального штаба подполковником Джуричем <...>.

Местоположение Белграда одно из самых живописнейших. Расположенный на довольно возвышенном горном отроге, заполняющем собой все пространство между Дунаем и Савой, город командует окрестной местностью, к северу, западу и северо-востоку, на многие десятки верст. Он пользовался бы прекраснейшим климатом, если бы не испарения облегающих его с трех сторон влажных низин. Растительность молодого еще сада Кали-Мейдана[5], облегающего старую крепость над самым слиянием Савы с Дунаем, и каштановые насаждения вокруг дворца, по-здешнему конака, не оставляют желать ничего лучшего. Выращенные любителями экземпляры хороших сортов плодовых деревьев свидетельствуют о благоприятных условиях местности к разведению фруктовых садов; но разбросанные в окрестностях виноградники с одиноко стоящими преимущественно грушевыми деревьями рекомендуют здешнюю культуру далеко не с выгодной стороны. Утром на эспланаде воздух бывает особенно свеж, чист и живителен; позднее здесь становилось людно, да и небольшая еще ветвистость дерев не долго сопротивлялась солнечному нагреванию; зато отсюда можно было отлично наблюдать за всеми движениями срочных пароходов, как они огибали город, подходили к пристани и направлялись далее к Землину; но где было днем хорошо, так это в Топчидере. Там был маленький домик Милоша, заросший лесом, верстах в двух от города — по осененной старыми тополями дороге вдоль Савы <...>.

Вообще, деятельность князя имела порывистый характер и не отличалась логической последовательностью и строгой выдержкой. С богатыми способностями от рождения, он избегал относиться к каждому предмету прямо, а изощрялся в более или менее остроумных способах сделать по-своему. Теперь не оставалось более никакого сомнения, что, вследствие испытанных нами неудач под Плевной[6], князь Милан имел твердое намерение перейти к военным операциям не ранее марта будущего года <...>.

V.
Подготовительные меры к войне

Мне было необходимо непосредственно познакомиться с народным войском на сборных его пунктах, со средствами страны и с характером местности предполагаемого театра военных действий на юго-восточной границе государства, чтобы иметь под собой твердую почву для определения начал сербского в войне участия. Но, как я ни торопился, сложившиеся обстоятельства заставляли меня откладывать отъезд, помимо воли, со дня на день, и я мог выехать из Белграда только во второй половине октября. На объезд я употребил 12 дней, в течение которых успел осмотреть военно-технические заведения в Крагуеваце, учебные сборы в Крушевце, Алексинаце, Княжеваце[7] и Зайчаре, и местности долины р. Болгарской Моравы, Княжевацкого горного округа и окрестностей Зайчара.

Небольшое сербское государство занимает поверхность одну из самых прекраснейших и живописнейших в Европе. Горные округа его выделяются в особые группы величественнейших возвышенностей, покрытых богатой растительностью и омываемых сетью рек и горных потоков. Все остальное и большее пространство представляет всхолмленную местность самых прихотливых очертаний. Сильно вырубленные леса все еще оставляют значительные дубовые перелески и рощи, под сенью которых ютятся селения и выселки. Плодородная земля щедро оплачивает труд земледельца, который нигде не прилагает к ее обработке особого старания и предпочитает поднимать свободную целину тщательному уходу за несколько выпаханной нивой. Обширные луга и пастбища представляют средства к содержанию в изобилии домашнего скота и разведению коневодства. Богатая природа дает здесь человеку крепкий, развитый организм и прочное здоровье, а красота местности сообщает ему

склонность к эстетическим развлечениям. Как только семья обеспечена годовым запасом хлеба, преимущественно кукурузой, а налоги уплачены деньгами, вырученными за продажу рогатого скота и свиней, откармливаемых в ближайших дубняках, хозяин уже не заботится о дальнейшем накоплении богатства, а вместе с сыновьями все время проводит в деревенской кофейне, заслушиваясь рассказами стариков о сербской старине, занимаясь политикой, распевая или танцуя под звуки примитивного струнного инструмента. Серб добродушен, беспечен, несколько легкомыслен, подвижного характера, с резкими переходами от страстного воодушевления до полного упадка духа и обратно; к своей семье и дому очень привязан <...>.

Вообще, сербы не рождены для конной службы, и много нужно труда и времени, чтобы выработать из них не только стройный эскадрон, но даже сколько-нибудь способную к разведывательной службе кавалерийскую часть. Но что здесь произвело на меня в особенности приятное впечатление, это корпус сербских офицеров. По встречавшимся мне в Белграде лицам я боялся судить, предполагая в них счастливое исключение. Теперь, познакомившись с неприкрашенной стороной военного быта, я был рад сознать солидные достоинства сербских офицеров, делящихся по образованию на две части, но представляющих одинаково надежный для войск кадр. Даже странно сопоставить низкий уровень воинской в стране организации с выдающимися по своим способностям и военным познаниям офицерами, которые могли бы сделать честь армии любой из великих держав. Вторая, большая половина сербских офицеров, произведенных из нижних чинов, не владея научным образованием первой, составляет все-таки нравственные центры, вокруг которых группируется сербское народное войско <...>.

Примечания

[1] Груич Сава (1840–1913) — сербский политический и государственный деятель, генерал (1888). Образование получил в Михайловской артиллерийской академии в Петербурге. В Сербо-турецкую войну 1876 г — начальник артиллерии у генерала М. Г. Черняева. В 1876–1878, 1887–1888, 1890–1891, 1893–1894 и 1906 гг. занимал должность военного министра. Член Главного комитета Радикальной партии. В разные годы был посланником Сербии в Болгарии, Греции, России, Турции. В 1887, 1889–1891, 1894, 1903–1904, 1906 гг. — премьер-министр. В 1906–1910 гг. — председатель Государственного совета.

[2] Николай Николаевич (Старший) (1831–1891) — русский великий князь, третий сын Николая I. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. являлся главнокомандующим Дунайской армией.

[3] Александр II Николаевич Романов (1818–1881) — российский император (1855–1881).

[4] Плоэшти — город в Румынии, где в 1877 г. располагалась ставка главнокомандующего русской армией, великого князя Николая Николаевича. Там же находилась и резиденция Александра II во время пребывания его при армии.

[5] Правильно — Калимегдана.

[6] Плевна — город в северной Болгарии, за который во время Русско-турецкой войны (с начала июля по конец ноября 1877 г.) происходили упорные бои. Неоднократные попытки взять город штурмом привели лишь к тяжелым потерям русских войск. Успех принесла блокада, решение о которой было принято 1 сентября 1877 г. Блокадой Плевны руководил генерал Э. И. Тотлебен.

[7] Княжевац — город в восточной Сербии, расположен на реке Тимок.

*Макушев В. В.**

Отчет II ординарного профессора Императорского Варшавского Университета В. В. Макушева о научных занятиях за границей с марта по сентябрь 1881 года // Варшавские университетские известия. 1882. № 4 С. 1–11

В I-м Отчете было упомянуто о приезде моем в Белград 3 марта 1881 г.

Занимаясь специально историей южных славян, я уже давно желал посетить Сербию, но в прежние мои путешествия по славянским землям она оставалась постоянно в стороне; поэтому я воспользовался нынешней командировкой, чтобы побывать в Сербском княжестве, которое после Берлинского конгресса[1] представляет особый интерес: став государством вполне независимым с значительно увеличенной территорией (теперь считается в нем 54.652 км^2 с 1.860.000 жителей), оно может свободно развиваться во всех отношениях и играть видную роль на Балканском полуострове.

Кроме научного и политического интереса, Сербия представляла для меня еще личный. Состоя уже лет 12 членом-корреспондентом Сербского Ученого общества[2], я был для нее не чужим человеком: я не только обменивался с сербскими учеными печатными трудами, но и напечатал в «Гласни-

---

* Макушев Викентий Васильевич (1837–1883) — известный русский историк-славист. Славянофил. Окончил Петербургский университет. В 1862–1865 гг. — секретарь российского консульства в Дубровнике. В 1871–1883 гг. являлся профессором Варшавского университета. Автор многих исследований по истории славян (в том числе: «Исторические разыскания о славянах в Албании» (1871), «Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI вв.» (1872), «О пронии в древней Сербии» (1874)); издатель документов (в частности, из итальянских архивов: «Исторические памятники южных славян» (1874–1882) и др.).

ке»[3] (1871 год, кн. XXXII) материалы по сербской истории XIV и XV вв. С двумя известными сербскими учеными гг. Новаковичем[4] и Дучичем[5] я был лично знаком, знал также профессора русского языка и литературы в Великой школе П. А. Кулаковского. С него я и начал свои визиты в Белграде.

Магистр славянской филологии Московского университета П. А. Кулаковский был приглашен в Сербию года три тому. Он преподает свой предмет с любовью и увлечением и пользуется популярностью между своими слушателями. Я был на одной из его лекций — о Лермонтове и видел, с каким вниманием его слушают и как старательно записывают каждое его слово. Мне часто приходилось встречать в его доме студентов Великой школы, которые приходили к нему за советами и книгами. Популярностью он пользуется не только между студентами, но и между образованными и честными сербами всех политических партий и фракций. Сведения о русской литературе он распространяет также путем печати, помещая в местных периодических изданиях литературные очерки и критические и библиографические статьи. По случаю смерти Соловьева[6] была им произнесена в Великой школе и потом напечатана речь, в которой он общедоступно изложил заслуги знаменитого нашего историка. Статьи о сербской литературе он помещал в наших журналах; а в нынешнем году напечатан в Москве замечательный труд о В. Караджиче[7], его деятельности и значении в сербской литературе: это — его магистерская диссертация[8].

В доме г. Кулаковского, подобно всем моим соотечественникам и сербам, я нашел чисто русское гостеприимство и радушие. Готовый на всевозможные услуги, Платон Андреевич был моим *cicerone*[*] в Белграде и помогал мне советами и указаниями. За все это считаю долгом своим принести ему искреннейшую благодарность.

В сопровождении г. Кулаковского я отправился к старым моим знакомым, гг. Новаковичу и Дучичу.

Стоян Новакович[**], министр народного просвещения и духовных дел, известен своими трудами по истории сербской литературы и по сербской грамматике, за которые был избран нашей Академией Наук в члены-корреспонденты. Последние его труды <...> появились в «Гласнике» за 1881 год. Был прежде профессором Великой школы. До недавнего времени он был сторонником России; но с тех пор, как во главе сербского министерства стали гг. Пирочанац[9] и Миятович[10], он круто повернул в сторону Австрии, стал гнать из школ русский язык и вместо него вводить немец-

[*] *Cicerone* (итал.) — гид, сопровождающий.

[**] Здесь и далее выделено в оригинале.

кий. Боясь скомпрометировать себя перед австрофилами знакомством со мной, он долго не решался отдать мне визит и навестил меня только тогда, когда я переселился из гостиницы на квартиру к г. Кулаковскому. По той же самой причине он перестал посещать и г. Кулаковского, у которого прежде бывал часто.

Архимандрит и воевода *Никифор Дучич*, директор народной библиотеки, мне известен еще с того времени, когда, поссорившись с Лукой Вукаловичем[11], он удалился в Черногорию (1862 г.), где начал свою литературную деятельность <...>. Позже он переселился в Сербию и принимал личное участие в последней сербско-турецкой войне. Действия бывшего под его начальством отряда в Босне он описал в книге, которую издал в бытность мою в Белграде. Самый замечательный его труд — «Описание Черногории» — вышел несколько лет тому и был переведен на русский язык <...>. В «Гласнике» Сербского Ученого общества г. Дучич напечатал «Житомысличский Хронограф», бывший прежде неизвестным. По старой дружбе г. Дучич принимал меня весьма любезно и, как директор народной библиотеки, оказал мне большие услуги.

Из новых знакомых в Белграде скажу прежде всего несколько слов о сербском *митрополите Михаиле*. Я его встретил в первый раз в доме нашего министра-резидента, г. Персиани[12], после торжественной панихиды в соборе по покойном Государе Императоре. После этой встречи я счел долгом своим сделать ему визит. Он меня принял чрезвычайно ласково, долго со мной беседовал и просил меня заходить к нему почаще, безо всякой церемонии, и я неоднократно после того бывал у него.

Митрополит Михаил — личность весьма почтенная и благородная.

В сербской литературе он известен проповедями, в которых просто, ясно и убедительно говорит уму и сердцу своих слушателей. Как русский воспитанник, он относится к России с любовью и надеждой, а к русским — с полной готовностью услужить и помочь в случае нужды.

Вторая замечательная личность, с которой я познакомился в Белграде — г. Ристич, бывший одним из регентов Сербии во время малолетства князя Милана, а потом министром-президентом. Он был представителем Сербии на Берлинском конгрессе. Это — едва ли не единственный государственный муж в Сербии, и его политическая роль еще не кончена. Он и сам это сознает; сознают и другие, как друзья, так и враги его; поэтому его щадят: он до сих пор — министр «*на расположенjу*»*, как выражаются сербы; уволить его в отставку боятся, потому что он неразборчив в

* Правильно: *на расположењу* (сербск.) — в резерве.

средствах для достижения цели. В сербской литературе он имеет значение ловкого, умного и дельного публициста <...>.

Я познакомился также с человеком, близким к г. Ристичу, — с г. *Стояном Бошковичем*[13], бывшим министром народного просвещения, а потом председателем Сербского Ученого общества. До назначения своего министром он был профессором Великой школы. Когда министерство Ристича пало, он был оставлен «на расположенjу»; но позже, в мою бытность в Белграде, был уволен в отставку с ничтожной пенсией, хотя имел право занять прежнюю свою кафедру, остававшуюся вакантной. Это — еще одна жертва нынешнего сербского министерства. Его преследуют только за то, что он в дружбе с Ристичем и митрополитом, и, как все сербы старого закала, предан России. По своему тихому, скромному и сдержанному характеру он не представляет никакой опасности для правительства <...>. В сербской литературе он играл второстепенную роль.

Г. Бошкович ввел меня в Сербское Ученое общество и ради меня устроил два чрезвычайных заседания. На первом из них была прочтена моя записка об одной сербской рукописи XV века, найденной мной в Турине. На том же заседании, по предложению г. Бошковича, Сербское Ученое общество определило издать за свой счет 2-ой том моих «Исторических памятников южных славян». Мне был предложен гонорар за этот труд в количестве ста червонцев; но я счел несовместным с достоинством русского профессора принимать вознаграждение от бедного Сербского Ученого общества. Еще при мне было начато печатание этого моего труда, и я продержал корректуру первых листов <...>.

О другом стороннике Ристича, также мне знакомом, г. *Васильевиче*[14], бывшем министром народного просвещения до г. Бошковича, могу сказать в его похвалу, что он учредил кафедру русского языка и истории русской литературы в Великой школе и ввел преподавание русского языка в некоторые школы (в учительскую семинарию и женские училища). Как русский воспитанник, он стоит на стороне России; но в нем много модного либеральничанья. Вообще это — человек недалекий, имеющий о себе слишком высокое мнение. Может быть, поэтому нынешнее сербское министерство отнеслось к нему благодушно: из министров «на расположенjу» назначили его членом Государственного Совета.

Из нынешних министров я познакомился только с г. *Чедомилом (Чедо) Миятовичем*, который в бытность мою в Белграде управлял двумя министерствами, финансов и иностранных дел. Он меня интересовал как даровитый писатель и ученый. Финансист по специальности, он издавал учебники по науке о финансах и политической экономии, оригинальные и пере-

водные. В «Гласнике» Сербского Ученого общества он напечатал любопытное исследование о финансах в древней Сербии. Занимался также сербской историей, но некритически и тенденциозно. В 1880 г. он напечатал первый том своего обширного труда «Деспот Юрий Бранкович». В нем он старался доказать, что по смерти князя Лазаря, или с Косовской битвы, сербы искали опоры в Венгрии: такой тенденциозной идеей он хотел оправдать непопулярную политику нынешнего сербского правительства, отдавшегося безусловно в руки Австро-Венгрии. В награду за такую услугу австровенгерскому правительству он был назначен, по рекомендации австрийского министра-резидента в Белграде барона Герберта, министром иностранных дел. Позже, за заключение железнодорожной конвенции с г. Бонту[15], он получил орден Железной Короны. Считая здесь неуместным говорить о его политике, замечу только, что основная идея его сочинения о деспоте Юрии Бранковиче[16] не выдерживает исторической критики: из имеющихся у меня архивных памятников, часть которых печатается во втором томе моего сборника, равно как и из других источников, видно, что не сербы искали опоры в Венгрии, а что венгры со смерти князя Лазаря старались всякими хитростями и неправдами захватить в свои руки Сербию: с этой целью они скупали в ней земли и высылали своих эмиссаров, чтобы привлекать на свою сторону сербских великашей. Г. Миятович для подтверждения своей идеи пользуется некритически источниками и выбирает из них, что ему нужно: оставляет без внимания источники древние и достоверные и пользуется позднейшими компиляциями или повторяет побасенки. В беседах с ним я указывал ему на некритичность и тенденциозность его произведения, а сербским патриотам, возбужденным такой подделкой сербской истории, я обещался напечатать обстоятельный разбор труда г. Миятовича. Несмотря на тенденциозность и недостаток критики, в литературном отношении «Юрий Бранкович» стоит выше всех сочинений по сербской истории, написанных сербами: г. Миятович художественно, хотя и не всегда верно, воспроизводит эпоху Юрия Бранковича; язык образцовый; книга читается с увлечением.

Тенденциозностью, хотя и в ином направлении, отличается и другой сербский историк, с которым я познакомился, а именно: профессор Великой школы г. *Сречкович*[17], автор учебника всеобщей истории и нескольких монографий по сербской истории <...>. (Увлеченный ложным патриотизмом, он напечатал в приложении к своей новейшей брошюре «Краль Вукашин убио цара Уроша» три очевидно подложные памятника <...>). Г. Сречкович — человек весьма трудолюбивый и начитанный, но историк не всегда критический и тенденциозный: <...> он слишком далеко распространяет границы сербской народности и несправедлив к болгарам и хорватам.

Большого литературного таланта у него нет; по своим политическим убеждениям он — умеренный конституционалист и сторонник России (он — кандидат Киевского университета).

По своему направлению как крайний сербиянец, близок к г. Сречковичу г. *Миличевич*[18], автор капитального произведения «Кнежевина Србија», за которое он был выбран нашей Академией Наук в члены-корреспонденты: это — первый знаток Сербии и первый сербский стилист. Он известен также как плодовитый писатель педагогический <...> и как даровитый беллетрист. Его повести из сербского народного быта обнаруживают в нем глубокое знание своего народа, наблюдательность и большой литературный талант. Они писаны народным языком, которым Миличевич владеет в совершенстве. Стоя высоко как писатель, г. Миличевич как человек далеко несимпатичен: пока Ристич был в силе (он занимал при нем место директора департамента народного просвещения), он был русофилом, при нынешнем министерстве, назначившем его директором департамента полиции, он стал сторонником Австро-Венгрии и болгарофобом (во время последних замешательств в Болгарии он играл всенекрасивую роль). Ко мне лично он был весьма любезен и услужлив.

К тому же, враждебному к нам, лагерю принадлежит г. *Куюнджич*[19], бывший профессор философии в Великой школе, ныне вице-президент скупщины. Подобно некоторым другим подневольным людям, он боялся скомпрометировать себя в глазах правительства знакомством со мной; но, как образованный человек, был со мной любезен. Это — даровитый поэт, известный под псевдонимом Абердар («Гусле Абердарове») <...>.

Эстетикой занимается г. *Лазо Костич*[20] (Основа лепоте у свету. Н. Сад, 1880), более известный как лирический поэт. Это — личность весьма симпатичная. В бытность свою в России, в качестве секретаря сербского посольства, он узнал русских и полюбил. Кажется, за свои русские симпатии он лишился этого поста и теперь не имеет никакого официального положения. Он существует литературными трудами, занимаясь публицистикой, поэзией и переводами с иностранных языков. Как поэта, сербы ставят его очень высоко.

О других моих знакомых в Белграде, которые занимают видные места в литературе, обществе и государстве, я умалчиваю. Между ними есть люди очень почтенные и преданные России. Я сходился с лицами всех партий, со всеми откровенно беседовал и из бесед с ними выносил немало для себя пользы: одни меня знакомили с состоянием литературы и науки в Сербии, от других я узнавал о современном политическом положении Сербского княжества. И то, и другое меня равно интересовало. Подводя общие итоги к приобретенным мной сведениям, я не могу не заметить, что политика уби-

ла в Сербии науку и литературу: процветает одна публицистика. Каждая из многочисленных партий имеет свой орган <...>.

Политика обуяла сербов: мальчишка в гимназии принадлежит уже к известной политической партии, а студент Великой школы мечтает только о том, как бы поскорее стать министром. И не удивительно: при частых переменах министерств, в Сербии насчитывают десятками министров «на расположенију» и в отставке! Это — явление естественное и скоропроходящее. Нынешняя Сербия напомнила мне Италию времени ее объединения <...>.

Скудные мои средства не позволили мне предпринять археологическую и этнографическую поездку по Сербии: я мог съездить только в лучший и самый большой после Белграда город *Шабац*[21], лежащий на р. Саве, на границе с Босной. Там не скрывают, как в Белграде, симпатий к России, и недовольство нынешней политикой сербского правительства высказывается громко и публично. Так как Шабац не представлял для меня особого интереса, то я воспользовался предложенным мне епископским экипажем, чтобы осмотреть лежащие в его окрестностях монастыри Чокешину и Петковицу. По дороге я видел сербские и цыганские села, а также кочующих цыган. В обоих монастырях меня принимали весьма радушно; но ни в том, ни в другом я не нашел ничего для себя любопытного. Монастыри бедны, монахи — народ простой <...>.

Примечания

[1] Берлинский трактат 1 (13) июля 1878 г. стал результатом Берлинского конгресса (1 июня — 1 июля), созванного для пересмотра условий Сан-Стефанского договора, который завершил Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Согласно документу, Черногория, Сербия и Румыния получали независимость. Болгария объявлялась автономным княжеством, выборный глава которого утверждался султаном с согласия великих держав.

[2] Сербское Ученое общество — научная организация Сербии, предтеча Сербской Академии наук. Основано в 1841 г. Главной его целью являлись исследования по сербской истории и языку.

[3] *Гласник Српског Ученог друштва* (сербск.) — Вестник Сербского Ученого общества. Печатный орган Общества, основанный в 1847 г.

[4] Новакович Стоян (1842–1915) — сербский политический и государственный деятель; крупнейший историк, иностранный член Российской Академии наук. Один из лидеров Напредняцкой партии. Занимал посты министра просвещения (1873, 1874–1875, 1880–1883) и внутренних дел (1884–1885). Являлся посланником Сербии в Турции (1886–1891, 1897–1900), Франции (1900) и России (1900–1905). Председатель правительства (1895–1896, 1909), глава сербской делегации на мирной конференции в Лондоне (1912–1913).

[5] Дучич Никифор (1832–1900) — сербский историк, архимандрит. Получил образование в белградских Богословии и Великой школе, а также в Сорбонне. В 1849 г. принял постриг в монастыре Дужа. Активный участник войн с турками 1876, 1878 гг. Возглавлял Народную библиотеку в Белграде, являлся хранителем Народного музея.

[6] Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) — видный русский историк, академик, профессор Московского университета. Тема магистерской диссертации — «Об отношении Новгорода к великим князьям», докторской — «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома». Главным делом его жизни стало создание «Истории России с древнейших времен». В 1851–1879 гг. вышло 28 томов, последний же, 29-й том, доведенный до 1775 г., вышел посмертно. Труды Соловьева оказали влияние на все последующее развитие исторической науки в России.

[7] Караджич Вук Стефанович (1787–1864) — крупнейший деятель сербского национального Возрождения, реформатор сербского литературного языка, алфавита и правописания. Положил начало научному исследованию сербского фольклора, языка, обычаев и новой истории сербов. Талантливый ученый-самоучка. В 1814 г. издал первую грамматику сербского языка, в 1818 г. — первый сербский словарь. Вместо книжного славяно-сербского языка в своих сочинениях ввел живую разговорную речь, положив в основу литературного языка штокавский диалект. Создал новую сербскую орфографию, основанную на фонетическом принципе. Большую ценность представляют труды Караджича по истории Сербии, Боснии, Черногории и Боки Которской.

[8] См.: *Кулаковский П. А.* Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе. М., 1882.

[9] Пирочанац Милан (1837–1897) — сербский политический и государственный деятель, один из основателей Напредняцкой партии. По профессии юрист. Занимал пост министра иностранных дел (1874–1875). Возглавлял первый напредняцкий кабинет (1880–1883).

[10] Миятович Чедомиль (1842–1932) — сербский политический деятель, историк и писатель, профессор Великой школы. Один из лидеров Напредняцкой партии. Образование получил в Германии и Швейцарии. В 1873–1889 гг. неоднократно входил в состав правительства в качестве министра финансов и иностранных дел. В 1881 г. подписал Тайную конвенцию между Сербией и Австро-Венгрией. Был посланником в Константинополе и Лондоне.

[11] Вукалович Лука (1823–1873) — предводитель национально-освободительного движения в Герцеговине 50–60-х годов XIX в. В 1852–1853, 1857–1858, 1861–1862 гг., опираясь на поддержку Черногории, возглавлял восстания герцеговинцев против турок. В 1862 г., после разрыва с черногорским князем Николаем, вступил с ними в сепаратные переговоры. В том же году, при нападении турок на Черногорию, остался нейтральным, что способствовало падению его популярности. Предпринятая им в 1864 г. попытка вновь поднять восстание в Герцеговине закончилась неудачей. В 1865 г. эмигрировал в Россию, где и умер.

[12] Персиани Александр Иванович — дипломатический представитель России в Сербии с 1877 по 1895 г. До 12 августа 1878 г. — дипломатический агент и генеральный консул. Затем — министр-резидент. С 10 марта 1889 г. — чрезвычайный и полномочный посланник. Вскоре после возвращения в Россию (1896) скончался.

[13] Бошкович Стоян (1833–1909) — сербский политик и историк. Профессор Великой школы в Белграде. Неоднократно занимал пост министра просвещения в либеральных кабинетах. Принял участие в смещении с престола Александра Карагеоргиевича (1858) и возврашении Милоша Обреновича. В дальнейшем подвергся гонениям со стороны последнего.

[14] Васильевич Алимпие (1831–1911) — сербский политический деятель, писатель. Профессор Великой школы. Либерал. Четырежды занимал пост министра просвещения. В 1892–1893 и 1894–1895 гг. являлся посланником Сербии в России.

[15] Бонту (Bontoux) Эжен — французский предприниматель, занимавшийся железнодорожным строительством. В 1881 г. сербское правительство М. Пирочанца заключило с ним договор о строительстве магистрали Белград — Ниш.

[16] Бранкович Георгий (1374–1456) — деспот Сербии (1427–1456); второй сын Вука Бранковича, внук князя Лазара. Стал деспотом после смерти Стефана Лазаревича. Построил крепость Смедерево (1427–1430). Являясь вассалом Турции, постоянно лавировал между турками и венграми. Вместе с венгерско-польским королем Владиславом III Варненчиком в 1443 г. дошел до Софии. Год спустя, при посредничестве Г.Бранковича, в г. Сегеде был заключен мир. Затем его войска участвовали во взятии турками Константинополя в 1453 г.

[17] Сречкович Пантелие (1837–1903) — видный сербский историк и общественный деятель, профессор Великой школы. Заведовал кафедрой сербской истории. Образование получил в Киеве — в духовной академии и университете. По политическим взглядам являлся сторонником Й.Ристича.

[18] Миличевич Милан (1831–1908) — известный сербский литератор и общественный деятель. Автор более ста педагогических, этнографических и историко-географических работ.

[19] Куюнджич Милан (1842–1893) — сербский политик, философ и поэт. В молодости — член Омладины. Участник войн за независимость 1876, 1878 гг. Образование получил в Вене, Мюнхене, Париже и Оксфорде. В 1866 г. возглавил кафедру философии в Великой школе. После образования Напредняцкой партии стал ее активным членом. В 1881–1883 гг. — вице-председатель Народной скупщины, в 1884–1885 гг. — председатель парламента. В 1886–1887 гг. — министр просвещения во втором напредняцком кабинете Милутина Гарашанина.

[20] Костич Лаза (1841–1910) — видный сербский прозаик, поэт, драматург, философ. Активный член Омладины. Неоднократно занимал важные дипломатические посты. Был секретарем Й. Ристича на Берлинском конгрессе, секретарем Дипломатической миссии в Петербурге.

[21] Шабац — город в западной Сербии, на реке Сава. Центр области Мачва. В старых сербских летописях назывался Заслон.

Кулаковский П. А.[*]

Сербия в последние годы // Русский вестник. 1883. Кн.3 С. 289–293

I

В наше время политические события идут так быстро одно за другим, что и самый внимательный наблюдатель иногда останавливается с недоумением перед совершившимся фактом, причины коего он не видит или сразу не может найти. Еще не засохли чернила, которыми подписан трактат в Берлине, еще не прошло и половины десятка лет с тех пор, как русская кровь дымилась на Балканах, еще и мы в России, и освобожденные нами народы на Балканском полуострове не успокоились после громадного напряжения сил, не залечили ран, а уже собираются новые тучи на Балканах, ожидаются новые перевороты на этой вулканической почве. На этот раз пожар грозит из королевства Сербии, где власть в лице короля Милана решилась отказаться от исторических традиций и поступить на службу Австрии[1], чем сама подрывает свое значение в стране.

Где же причины такого странного явления? Почему страна, так недавно пользующаяся свободой, словно сама просится в новое рабство? На кого падет вина этого нового рабства Сербии и переворотов, которые, по-видимому, неизбежны в этом королевстве? Вот вопросы, которые сами напрашиваются всякому, кто интересуется судьбой южных славян.

---

[*] Кулаковский Платон Андреевич (1848–1913) — русский ученый-славист и публицист. Профессор Варшавского университета. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1876–1878 гг. совершил путешествие по славянским землям. В 1878–1882 гг. — профессор русского языка и литературы в Великой школе в Белграде. В последний период жизни участвовал в деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, являясь членом его совета, и был чиновником для особых поручений при Министерстве внутренних дел.

Если искать наиболее пострадавшего в Берлинском ареопаге 1878 года, то им окажется сербское племя, — это несчастное племя, так много вынесшее в течение долгого ряда веков, вечно разделенное на части, вечно жившее в борьбе... И в самом деле, что получили сербы? Некоторое территориальное приращение к Сербскому княжеству и именно в сторону болгар, на юго-восток[2]: это могло лишь раздуть старое славянское соперничество во вражду и ненависть между сербами и болгарами; Черногория — это гнездо славянских орлов — получила тоже некоторые крохи сербского народа и сербской земли[3]. Но зато Австрия, нисколько не участвовавшая в освобождении славянства и не имевшая никакого, ни исторического, ни естественного права на сербские земли, захватила себе львиную долю добычи: она заняла, с разрешения и даже при понукательстве Европы, Боснию и Герцеговину[4]. Политика австрийская ведет свои дела с расчетом: в Берлинском трактате постановлена *оккупация*[*], т. е. *временное* занятие этих сербских земель, но срок этого занятия не определен. Теперь Австрия готова окончательно включить в свое разношерстное тело эти несчастные провинции, нарушив, таким образом, хитроумное постановление Европы в Берлине. Наконец, часть сербских земель осталась за Турцией, и Старая Сербия, эта классическая страна для каждого серба, и «тужно» (печальное) Косово поле все еще мутят сербскую душу, не дают ей мира и покоя. Но и этого мало: в Берлине все сербское племя было отдано под надзор и моральное владение Австрии, как это вскоре и объяснилось...

Да и как сербам отбиваться от Австрии? Около трети всех сербов находится под австрийским (римских преданий) орлом; сильная империя врезалась глубоким клином в самую средину сербских земель, охватила Сербию с двух сторон, Черногорию тоже, заботливо бережет свое влияние в Царьграде, высылает своих пионеров в самую глубь Балканского полуострова. К тому же, не имея решительно никакого выхода для сбыта произведений почвы, и Сербия, и Черногория находятся в полной экономической зависимости от Австрии. В этом тяжком до невыносимости положении всего сербского племени можно найти некоторое объяснение того удивительного превращения, которое проделала в последнее время Сербия. Здесь мы намерены говорить лишь о Сербском королевстве, так как Черногория держится стойко и не поддается Австрии, а Босния и Герцеговина и теперь еще высылают своих неугомонных юнаков в шайки, истребляющие австрийских жандармов.

---

[*] Здесь и далее выделено в оригинале.

Перемена политики или, лучше сказать, падение Сербии приурочивается к 19 октября 1880 года, когда члены *младоконсервативной* партии, прозвавшей себя *прогрессивной* (*напреднячкой*)[5], взяли в свои руки кормило правления[6]. Составился кабинет из самых страстных и наиболее образованных сторонников партии. В главе кабинета стал г.Пирочанац, к нему примкнули гг. Гарашанин[7], Миятович и Новакович. Достаточно известны первые шаги этих господ: дело Бонту, т. е. передача сербских железных дорог парижскому банку Union Générale, во главе которого стоял г. Бонту, сильно заинтересовало всю европейскую печать своею пикантностью и, пожалуй, грязной стороной; затем, разнообразные договоры с Австрией, следовавшие один за другим с замечательной поспешностью и, по словам сербских министров, освобождавшие Сербию от зависимости австрийской, а на самом деле — закреплявшие страну за Австрией; ряд нововведений, как, например, свобода печати, сходок, независимость суда (впрочем, кажущаяся); наконец, громкое дело — низложение митрополита Михаила[8], около 25 лет занимавшего это важное и влиятельное положение во главе управления церковными делами. Министерство г. Пирочанца привело Сербию к полной дезорганизации, когда все интересы государства отождествлены с интересами властвующей партии, ослепленной своей временной силой и спешащей насладиться случайно попавшей в ее руки властью.

Сербия имеет скупщину или народное собрание*. Остановимся на теперешнем положении этого собрания народных представителей. По сербской конституции (1869 года), скупщина бывает двух родов: *большая*, состоящая исключительно из депутатов, выбранных народом, и созываемая лишь в чрезвычайных случаях, имеющая исключительное право объявлять войну и заключать мир[9], — и *малая* или *обыкновенная*, собирающаяся ежегодно и состоящая из депутатов, выбираемых и назначаемых лишь на три года. В малой скупщине три четверти всего числа депутатов выборные, и *одна четверть* назначается правительством и королем. Последние депутаты называются *княжескими* (*королевскими*) *посланниками*. Само собой разумеется, что министерство назначает последних из числа своих сторонников. Правом быть выбранным в депутаты пользуются лишь лица, достигшие тридцати лет, платящие прямую подать и не имеющие ни казенной службы, ни содержания от государства. Следовательно, служилые люди, составляющие единственный образованный класс в стране, лишены возможности быть выбран-

* *Скупити* — по-сербски собрать. (Примечание П. А. Кулаковского).

ными в *народные* представители. Выборы бывают двух родов: в окружных городах прямые, причем каждый имеющий право выбора подает свой голос *непосредственно* в пользу того или другого кандидата; в селах и деревнях выбираются предварительно избиратели (*повереники**), которые собираются в определенном месте и производят выбор депутата, следовательно, выборы производятся посредственно. Каждый округ и каждый город должен приходиться на 3.000 податных обывателей (платящих *порезу***). Каждая община в срезе, т. е. уезде, выбирает двух избирателей на 50 податных обывателей. В назначенный королевским указом день эти избиратели съезжаются в заранее назначенном селе или городке и, если их набралось двадцать, тотчас приступают к выбору избирательной комиссии из четырех лиц, которая в председательстве президента местного общинного суда ведет дело выборов, собирает голоса, наблюдает за правильностью их подачи, считает их и решает, кому дано большинство. Выборы совершаются в один и тот же день во всей стране, причем в городах с прямыми выборами они начинаются в 8 часов утра и оканчиваются к закату солнца: ни раньше, ни после этого времени не принимаются голоса. Избранным в скупщину считается тот, кто получил более половины поданных голосов. Такому лицу дается особое удостоверение от избирательной комиссии или полномочие, имеющее силу на три года или до конца скупщинского периода. Состав палаты меняется каждые три года. Депутаты представляют свои полномочия в скупщину, которая их проверяет, а также принимает жалобы, если они имеются, на неправильность выборов, кассирует выборы и имеет право объявить тот или другой выбор несостоявшимся.

Как выше сказано, правительство назначает четверть общего числа депутатов от себя, т. е. на трех народных представителей приходится в скупщине один правительственный. Эти княжеские или королевские «посланники» должны выбираться из людей ученых или опытных в народных делах; но обыкновенно министерство, представляя королю список правительственных депутатов, руководится лишь естественной заботой о том, чтобы ввести в палату своих сторонников. Поэтому в сербской палате не найдете бывшего министра или опытного администратора; во всяком случае, это крайне редкое явление: мы знаем лишь один случай назначения бывшего министра депутатом, хотя в Сербии весьма много отставных министров. Эти-то депутаты, вошедшие в палату во-

* *Повереник* (сербск.) — доверенное лицо.

** Правильно: *порез* (сербск.) — налог.

лей короля или, правильнее, министров, и составляют в известном отношении интеллигенцию в скупщине, ибо в числе избранных народом депутатов редко попадаются люди из этого класса, благодаря уже тому, что другой интеллигенции, кроме служащей, в Сербии почти нет <...>.

Сербия в последние годы (окончание) // Русский вестник. 1883. Кн. 4. С. 761–763

III

<...> Сербская политика вообще отличается замечательным непостоянством. Где же причины? Постараемся указать главнейшие.

Сербская интеллигенция по своему происхождению очень близка к простому народу. Г. Ристич, один из самых замечательных государственных мужей Сербии, — сын бедного селяка, служивший во время своего учения в гимназии в качества мальчика на побегушках; тот же Стоян Новакович, теперь преследующий митрополита Михаила, — сын простого ремесленника, учившийся на медные гроши и некогда бывший «в услужении», т. е. тоже в качестве мальчика на побегушках у недавно умершего знаменитого сербского ученого Даничича[10]. (В Сербии весьма немного фамилий; большинство видных людей и деятелей имеют лишь отчества или прозвания. Таково, например, значение прозваний Новакович, Васильевич, Сретенович и т. д. — от имен Новак, Василий, Сретен). Но лишь немногие при внешних связях с селом и народом сохраняют и внутреннюю связь, и сербская интеллигенция легко ослепляется внешним блеском европейской жизни. Плохо воспитанная, она в высшей степени отражает в себе все недостатки своего народа, не сохранив его добрых качеств: интеллигентный серб в большинстве или жаден, или расточителен; народ же — лишь крайне бережлив. Сербы по характеру лукавы и упрямы, и в сословии интеллигентном почти нет возможности встретить человека нелукавого. Славяне, и сербы в особенности, склонны к розни между собой, в сербской интеллигенции много партий, не

знающих предела вражды[11]. Сербы довольно индифферентны в вопросах религиозных, вера православная прежде всего ценится лишь потому, что она *сербская*; сербская интеллигенция чуждается церкви, она стыдится религиозных убеждений, она топчет верования и обращает религию в насмешку. Что же остается у нее от народной сущности? Язык и обычаи, и это пока бережется ею, хотя все более и более прокладывают себе путь в Сербию немецкий и отчасти французский языки. Конечно, не во всем этом имеются градации, имеются в Сербии и такие интеллигентные люди, которые верны своему народу, не обманывают его и себя блестками европейской жизни и учреждений. И нет сомнения, что в Сербии, если она спасется посреди близких европейских бурь, эта здоровая струя интеллигенции восторжествует и сохранит народ и его государство. Сербы, воспитывавшиеся в России или жившие долго в России, отличаются от других более горячим, более высоким чувством любви к своей родине. Они патриотичнее, если можно так выразиться, они более дорожат и своим государством, и его добрым именем, и его благосостоянием. Сербы, полощившие не один камень на тротуарах Пешта, Вены, Берлина и Лондона, переносят к себе на родину воззрения бюргера, редко лорда, — на государство, на народ, на жизнь. Они очень заботятся о соблюдении внешних приличий в делах государственных, они хотят сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские. Отсюда — социалисты и коммунисты в Сербии, где все довольны, потому что нет нищего человека; отсюда — рабочий вопрос в Сербии, где нет ни фабрик, ни безземельных, ни даже слуг, которые, за редкими исключениями, все из Австрии; отсюда — и государственные люди, увешанные австрийскими орденами, готовые за обед или прием у австрийского императора, за мечту о титуле и богатстве повести страну Бог знает куда; отсюда же — бесконечное стремление уподобиться Европе и в придворной жизни, и в этикете, и в государственном строе, и во всем том, что грозит бедой в самой Европе. Они презрительно смотрят на свой народ и не верят в его нравственную силу. На них, на этих людях, великая ответственность за будущность Сербии, и тяжко ответят все эти Пирочанцы, Гарашанины, Миятовичи и К° пред Богом и сербской историей, историей народа, который сам создал свое государство, усеял его своими костьми, полил своей кровью и пользовался лишь помощью России.

Итак, первая и существенная причина этого непостоянства сербской политики заключается в свойстве сербской интеллигенции, поделенной на партии. Власть, переходя из рук в руки, от одной партии к другой,

часто теряет характер государственный. Чего держалась или держится одна партия, то для партии правительственной или министерской считается неудобным, и берется поэтому прямо противоположное. Отсюда — во внутренней жизни государства бесконечные перемены, и целые толпы здоровых и молодых чиновников, получающих пенсии, обирают казну.

Сербия, как страна вполне независимая, пока совершенно невозможна. Независимость Сербии станет действительной, когда она получит море. Если возможно мечтать о будущем, то Сербия будет независимой, когда в ее власти будет Адриатика, у Болгарии — Эгейское море. А пока независимость Сербии могла быть лишь призрачной, как это доказал недавний факт добровольного подчинения Сербии всем велениям австрийской политики. Сербская внешняя политика всегда будет колебаться между Россией и Австрией, пока существуют эти державы рядом, пока Австрия владеет Адриатическим морем и может оказывать всевозможное давление на Сербию. Королевство Сербское с населением в 1.600.000 душ, вдвое меньшим, чем население одного Лондона, принуждено пока идти за господствующими течениями, и лишь та политика будет умна, которая сбережет народные силы и сохранит независимость государства. В этом отношении политика г. Ристича служит очевидным доказательством высокого политического разумения и богатых дарований этого государственного человека Сербии. Он знал, где нужно жертвовать и кровью, и достоянием народа, и как лавировать в отношениях к Австрии. Но и он споткнулся, и тут, по нашему мнению, лежит узел многих бедствий Сербии в последнее время <...>.

Примечания

[1] Осенью 1880 г., после визита в Вену, князь (с 1882 г. — король) Милан Обренович открыто перешел на австрофильские позиции. В 1881 г. между двумя странами были подписаны — Торговый договор, дававший односторонние преимущества Австро-Венгрии, и знаменитая Тайная конвенция, существенно ограничивавшая суверенитет Сербии.

[2] Согласно Берлинскому трактату, к Сербии отошли четыре округа с городами Ниш, Пирот, Вранье и Топлица.

[3] Территории, отходившие к Черногории по Сан-Стефанскому договору, в Берлине были урезаны. В результате, она получила равнинные районы с городами Подгорица, Колашин, Никшич, Жабляк, Бар, Улцинь. Предоставленный ей ранее выход к морю (с портом Бар), сохранялся, но без права держать военный флот.

[4] Согласно Берлинскому трактату, Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину, а также держать гарнизоны в Нови-Пазарском Санджаке, который формально оставался под властью Турции.

[5] Напредяцкая (прогрессистская) партия Сербии основана в январе 1881 г. на базе кружка младоконсерваторов, группировавшихся вокруг газеты «Видело» («Свет»). Существовала до начала 20-х годов XX в. Поддерживаемые династией Обреновичей, напредняки находились у власти в 1880–1883, 1884–1887, 1895–1896 гг. В 1896 г., утратив политическое значение, партия была распущена. В 1906 г. возобновила свою деятельность.

[6] 19 октября 1880 г. либеральный кабинет Йована Ристича был отправлен в отставку, ему на смену пришло правительство младоконсерваторов во главе с Миланом Пирочанцем. Оно провело первые серьезные реформы, направленные на модернизацию отсталой Сербии.

[7] Гарашанин Милутин (1843–1898) — сербский политический и государственный деятель. Один из руководителей Напредняцкой партии. В 1880–1883 гг. (в кабинете М. Пирочанца) занимал пост министра внутренних дел. В 1884–1887 гг. — глава второго напредняцкого правительства.

[8] В 1881 г., под предлогом несогласия с «Законом о церковных таксах» (а на самом деле — по указке из Вены), широко известный своим русофильством митрополит Михаил был смещен с престола предстоятеля Сербской Православной Церкви. Его сменил лояльный и безликий митрополит Теодосие Мраович. В 1889 г., после отречения Милана Обреновича, владыка Михаил вернулся на свой престол.

[9] Так называемая Великая народная скупщина — экстраординарный институт в политической системе Сербии, обладающий правами Учредительного собрания.

[10] Даничич Джура (1825–1882) — крупнейший сербский ученый, специалист по славянской филологии, сербско-хорватскому языку. Профессор Великой школы в Белграде.

[11] В 1881 г. в Сербии окончательно оформились три политические партии — Радикальная, Либеральная и Напредняцкая.

Мураневич А. Й.[*]

Русско-балканский торговый вопрос и некоторые полезные для путешественника сведения о наиболее важных путях сообщения по Балкану, о главных пунктах Болгарии, Восточной Румелии, Сербии, Румынии и о городе Константинополе. М., 1885. С. 182–193

Сербия. Путь по Дунаю к Белграду от Железных Ворот

Поднявшись вверх по Дунаю и проехав впадение в него реки Тимока, мы вступаем в королевство Сербию, которое расположено по северным склонам западного кряжа Балкан до Дуная <...>. Население Сербии считается 1,5 миллиона. Обладая плодороднейшей почвой, на которой, без особых усилий со стороны человека, могут произрастать все хлебные и технические растения, различные фрукты и виноград, и изобилуя лесами, Сербия имеет много шансов занять солидную роль в экономической жизни балканских государств. Полную автономию Сербия получила только с 1878 года, и с этого времени началось ее заметное развитие. Производства, которые прежде были в загоне, как, например, садоводство и виноделие, теперь с каждым годом расширяются; большое развитие име-

---

[*] Мураневич Александр Йович — русский предприниматель. В начале 1880-х гг. неоднократно бывал в Сербии. Пытался заинтересовать русских купцов и промышленников в расширении торговых отношений с Белградом (см.: *Ковачевић Д.* Србија и Русија. 1878–1889. Београд, 2003. С. 110).

ет в Сербии также овцеводство; овцы, другой рогатый скот, шерсть, хлеб, вино и сушеные сливы служат главными предметами вывоза. Между винами замечательны по своему качеству Неготинские красные и Смедеревские белые, которые имеют отличный сбыт, и не только в придунайских землях, но и всюду в Европе. Чернослив же сербский по качеству не уступает французскому и сбывается за границу на несколько миллионов франков. Сербские вина и чернослив, побывав за границей, попадают и к нам, но только под именем чисто французских и обходятся нам, конечно, гораздо дороже того, если бы были нами самими выписаны из Сербии.

Слыша в первый раз сербский язык, вы находите в нем мало родственных звуков, но он весьма мягок, гармоничен и к нему можно очень скоро привыкнуть. Сербы — народ весьма симпатичный. По образованию они стоят выше всех остальных балканских славян; число школ, как мужских, так и женских, ежегодно увеличивается; в столице Сербии Белграде есть университет (по-сербски «велика школа»), без медицинского факультета; до 1881 года, при министерстве Ристича, в университете преподавался и русский язык русским профессором П. А. Кулаковским[1]. Хотя университет и переполнен студентами, но еще большая часть сербской молодежи образовывается и воспитывается за границей, преимущественно в Вене и Берлине; в России учащихся сербов весьма мало, всего, надо полагать, один или два десятка человек, преимущественно в духовных академиях, но и этих немногих ждет тяжкая участь на родине, где настоящее австрофильское министерство считает их, как и всякого другого, получившего образование в России, какими-то прокаженными. Они попадают под гнет правительственных преследований и самых жестоких притеснений, а если уж и получаются ими какие-нибудь места в королевстве, то все-таки их положение остается незавидным. Мне лично известно несколько подобных примеров даже с девушками, получившими образование в Киеве, которые считали за истинное счастье возвратиться снова в Россию, где они свободны и могут скорее устроить свою судьбу, чем у себя дома. Сербы — народ религиозный и охотно строят церкви. Исповедуют *пока*[*] православие, но, особенно в последние годы, католичество приобретает себе все более и более прозелитов; уже теперь можно указать на некоторые села и деревни, в которых сплошь и рядом все население католики. В Белграде митрополичья кафедра и более 10 православных церквей; во всей же Сербии более 500 церквей и несколько десятков монастырей. Духовенство вообще живет безбедно; в Сербии один митро-

---

[*] Здесь и далее выделено в оригинале.

полит и три епископа. Богослужение в Сербии совершается на том же древнеславянском языке, как и у нас, разница только в напевах; для непривычного русского уха сербское церковное пение неприятно своей монотонностью. Церковные празднества у них проходят обыкновенно очень торжественно, особенно же чтут они день национального патрона Сербии, св. Саввы[2], и праздник каждого семейства, так называемую «славу», т. е. день рождения; по воскресным и праздничным дням торговли целый день не производится нигде, кроме кофеен, а на Пасху и на Рождество торговля не производится в первые три дня. Сербы трезвы, честны, приветливы и, как все вообще южные славяне, живут в материальном отношении довольно достаточно; гостеприимство у сербов — первый долг; обычное угощение составляет варенье с холодной водой, трубка, кофе и иногда фрукты; национальная черта сербов — сдержанность и серьезность. За исключением некоторой части культурного класса, сербы искренно и глубоко любят русских, всегда называя их братьями, спасителями своими. Путешествуя по Сербии в 1880 году, мне случалось видеть во многих городах и деревнях, что пред портретом ныне в Бозе почившего Государя Императора Александра II[3], — помещенным в переднем углу и окруженным портретами замечательных русских людей, как например, М. Д. Скобелева[4], И. С. Аксакова и др., — как пред иконой, теплится лампада. На мой вопрос, что значит зажженная лампада, мне, указывая на портрет Царя, отвечали: «Это наш Бог! Наш Спаситель! ... И мы ждем, что он придет еще раз, чтобы спасти нас от шваба, как спас уже от турка!»

Внешняя и внутренняя чистота их жилищ дает понятие об опрятности самого народа. Сербы очень красивы, в особенности женщины, и большинство брюнеты, хотя сербские женщины, и даже молодые, привыкли красить волосы. В настоящее время высшие классы общества ходят постоянно в европейских костюмах и надевают только изредка, по какому-либо особому случаю, национальный костюм, который всегда носится средним и нижним классом. Этот костюм такого рода. Замужняя женщина надевает на себя прежде всего целую массу юбок, верхняя из коих шелковая, цветная; вместо лифа надевается кофточка из белой материи с короткими рукавами и кружевным воротником, под которым лежит шарфик, приколотый булавкой, головка коей величиной со свечную розетку — это медальон, под стеклом которого непременно портрет мужа, почему девушки и не носят подобных медальонов. Сверх кофточки надевается атласная куртка, доходящая только до талии, с такими широкими рукавами, какие у нас носят священнослужители, и вся покрытая разнообразным изящным шитьем. От шеи на грудь ниспадает золотая или се-

ребряная цепь от часов, которые помещаются в кармане куртки, около талии. Головной убор сербской женщины также довольно сложен. Кусок особой цветной материи скручивается жгутом, на который надевается как можно больше перстней, и затем жгут сплетается вместе с косами; надев красную феску, обкладывают вокруг нее несколько рядов кос таким образом, что вершина фески остается только чуть-чуть видной со своей кистью, крепко приколотой сверх кос; многие сербские женщины отпускают себе пряди волос, длиной пальца на два, на висках. Мужской национальный костюм — из хорошего туземного сукна брюки, сверху широкие, книзу суженные и по длине икры собранные на крючки; около голени повязка вроде лент; обувь — ботинки; на грудь надевается жилет, на шею — серебряная или золотая цепочка от часов, которые кладутся в жилетный карман; сверх жилета — куртка с обыкновенными рукава́ми, на голове — баранья шапочка. Весь блеск и великолепие сербского костюма можно видеть на белградских балах, где его надевает достаточный класс и аристократия.

Как и в других славянских странах Балканского полуострова, не имеющих, большей частью, своей обрабатывающей промышленности, в Сербии все товары привозные и преимущественно, конечно, из Австрии; но на русские товары спрос есть весьма значительный, что доказывается уже и тем, что, <...> когда в 1881 году я обратился к русским людям с предложением установить русскую торговлю в Сербии, то сербы всех классов общества десятками подписей скрепляли на каждом моем письме в Россию по этому поводу свое сочувствие моему предложению и обещание поддерживать проектируемое дело. Но нашей торговле с Сербией, вероятно, не суждено было возникнуть, так как упомянутой петиции сербов не посчастливилось найти сочувствие среди нашего общества, несмотря на то, что все, казалось, благоприятствовало тогда удачному разрешению этого вопроса. Некоторые сербы и до сего времени продолжают выписывать из России богословские книги и разные принадлежности богослужения, несмотря на все препятствия и неудобства для торговых сношений с Россией.

В Сербии обращаются следующие монеты: австрийские гульдены и дукаты, французские наполеондоры и сербские динары, равняющиеся франку или леву и разменивающиеся на 100 пар.

От румынского города Турну-Северина, а в особенности от так называемых Железных Ворот на Дунае, вплоть до самого Белграда оба берега Дуная поражают своей красотой. Глазам представляется: то вид недосягаемых высот, поросших вековым лесом, то бесконечный ряд холмов, которые обрываются над водой громадными, едва держащимися скалами,

под навесом которых у воды спокойно копошатся рыбаки, живущие все лето вместе со своими семьями в этих скалах. Когда, проезжая на пароходе, долго рассматриваешь вершины этих гор и скал и потом переведешь глаза на пароход, то он кажется какой-то мизерной скорлупой. В этих местах Дунай имеет чрезвычайно быстрое течение, и замечательно чист, свеж и легок для груди воздух.

Белград

Белградская крепость и столица Сербии стоит при впадении в Дунай реки Савы, и пароходы пристают к городу, войдя в Саву. Подъезжая к Белграду, еще издалека вы видите впереди живописный холм, покрытый густой зеленью, среди которой местами возвышаются колокольни церквей и другие высокие постройки города; остальные строения буквально тонут в зелени, так что общий вид города — прекрасно застроенный парк. Белград расположен на таком живописном месте, что может быть назван красивейшим городом на всем Славянском Юге. Причаливший пароход застает довольно большую публику. Отдавая тут же полицейскому паспорт и наблюдая, как тщательно осматривается таможенными ваш багаж, вы невольно обратите внимание на снующих туда и сюда по таможне, по пристани и по пароходу агентов австрийской полиции, в своей же форме, тщательно разузнающих, кто и откуда приехал и что привез, — в особенности, если приезжий из России. По выполнении всех полицейских и таможенных процедур, вы берете фиакр, красивый пароконный фаэтон, который и доставляет вас в любую гостиницу Белграда.

В последние годы Белград в значительной своей части перестроился в чисто европейском вкусе, и старые строения во многих местах города совершенно уничтожаются. Почти весь город хорошо вымощен камнем, а главная улица города, улица князя Михаила, вымощена гранитом, в форме кубиков. Примерный порядок и замечательная чистота белградских улиц сразу бросаются в глаза. Улица князя Михаила перерезывает почти весь город: она начинается от городского сада «Кали-Мегдан» и тянется мимо королевского дворца вплоть до загородных окрестностей. По обеим сторонам ее красивые широкие тротуары, обсаженные каштанами в один, а местами в два ряда; в летнее время до того густо и тесно переплетаются между собой ветви одного и другого ряда этих деревьев, что тротуары совершенно закрываются от солнечных лучей, и пешеходы двигаются точно в тунне-

ляях. В центре этой улицы недавно воздвигнут прекрасный монумент в память убитого сербского князя Михаила. Здесь же, недалеко от монумента, красуется грандиозный дворец короля Милана, чуть ли не самое красивое здание на всем Балканском полуострове, и театр (по-сербски «позорище»). Одна улица, находящаяся близ военного министерства, на всем своем протяжении представляет сплошной зеленый туннель, в который положительно во все лето не западет и луча солнца. Таких прекрасных уголков разбросано много по Белграду, и в самый палящий зной население их благодушно проводит время пред своими домами за выставленными на открытый воздух столиками. В центре города, прилегая к городской крепости, на очень высоком и красивом месте, помещается городской сад или «башта», под названием «Кали-Мегдан». На пространстве десятин двадцати разбросаны красивые группы деревьев и множество аллей, из которых особенно замечательна одна громадная аллея, расположенная над Савой и Дунаем на самом высоком месте сада; гуляя по этой аллее или сидя на расставленнных по ней скамейках, вы обозреваете на далекое пространство течение Дуная и Савы, движение пароходов по ним, поездов по австрийской железной дороге и совершенно открытый вид десятка австрийских поселений; все это представляется глазам, как в роскошной панораме. Недалеко от королевского дворца, на протяжении 7 верст, до загородного гуляния Топчидера, тянется самая красивая улица Белграда — Топчидерская; так как, направляясь по ней за город, приходится спускаться, то от начала ее и до самого Топчидера вы видите непрерывный ряд вековых тополей, окаймляющих улицу с обеих сторон; почти до половины протяжения сопутствует река Сава, по берегу которой идет железная дорога, прорезывающая Топчидер. Любимое загородное гуляние белградских жителей, Топчидер — это вековой лес, куда в старину сербские князья приезжали на охоту, превращенный теперь в громадный и отлично содержимый парк, в котором сохранились колоссальнейшие деревья. В нем устроена масса красивых павильонов, аллей и дорожек, между которыми разбито множество цветных клумб. В средине его, на площадке сохранился остаток глубокой старины, маленький домик, построенный первыми сербскими князьями. Всякому приезжему в Белград знатному гостю считают долгом показать Топчидер.

В Белграде рекомендуются следующие гостиницы: «Код Сербска Круна» и «Код Сербска Краля» (в особенности первая), в которых номера стоят в сутки от 3–20 динаров; там же можно получить прекрасный стол и чай. Почти все гостиницы и рестораны имеют садики, где около 5 часов пополудни начинают играть и петь национальные музыканты-певчие, и где обыкновенно и помещается обедающая публика. В ресторанах и гостиницах мож-

но иметь недорогой и хороший стол; вот, например, цены некоторым блюдам. Порция чорбы (нечто вроде нашего борща) стоит около 50 пар, или 20 коп. кред.; бифштекс — 1 динар 20 пар, или 48 коп. кред.; соусы — 80 пар, или 32 коп. кред.; помесячно можно иметь очень хороший стол (обед из 5 блюд, ужин на 2-х) с вином и кофе за 5 дукатов, или 24 руб. кред. Во всех публичных местах сербы держат себя очень сдержанно, тихо; пьют преимущественно пиво, вино же и сливовицу (ракию) — в небольших размерах, так что пьяных вообще не видно ни в ресторанах, ни тем более на улицах. Извозчичья биржа в Белграде очень хорошая; красивые четырехместные фиакры в две лошади по 1 динару за конец и по 2 динара за час; извозчики не разъезжают по городу, а, на основании установленных правил, стоят в известном порядке на указанных местах в различных пунктах города. Белградские извозчики очень деликатны, вежливы и, в большинстве, грамотны, так что не редкость видеть, как извозчик, в ожидании седока, углубляется в чтение газет; все они одеты в национальный сербский костюм.

С прошлого года Белград имеет железнодорожное сообщение с крепостью Нишем[5]. Белградский вокзал, у самого берега Савы, построен с замечательным вкусом и снабжен всевозможными приспособлениями для удобства публики <...>.

Примечания

[1] Мураневич неточен — правительство Й. Ристича пало 19 октября 1880 г., а П. А. Кулаковский преподавал в Великой школе до середины 1882 г.

[2] См. комментарий 17 к очеркам Е. Л. Маркова.

[3] Император Александр II был убит 1 марта 1881 г. в результате покушения, организованного членами террористической организации «Народная воля».

[4] Скобелев Михаил Дмитриевич (1843-1882) — выдающийся русский военачальник; генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1881). Участвовал в Хивинском походе (1873) и подавлении Кокандского восстания (1874–1876). В 1876 г. был военным губернатором Ферганской области. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сыграл решающую роль в битве при Шипке-Шейново. В феврале 1878 г. занял предместье Константинополя Сан-Стефано. В 1878–1880 гг. командовал Ахал-Текинской экспедицией, в ходе которой взял штурмом крепость Денгиль-Тепе и Ашхабад. Публично выступал в защиту балканских народов против политики Австро-Венгрии и Германии.

[5] Ниш (лат. Naissus) — город в южной Сербии, расположен на реке Нишава. Родина Константина Великого. Крупный транспортный центр. Главная военная база сербских вооруженных сил. С конца XIV в. и до 1878 г. — находился под властью турок.

Львов Е.[*]

Болгария в период террора и анархии. Из личных воспоминаний Евгения Львова (Русского странника). М., 1888. Т. 1. С. 317–321[**]

XIX. Белград, 26-го декабря

Того, кто не видал Белграда с последней Сербско-турецкой войны, он должен приятно изумить значительной переменой своего внешнего вида к лучшему. В эти десять лет маленькие лачужки выросли в большие каменные дома, пустыри застроились, мостовые сделались глаже, а многочисленные мечети, коловшие глаза своими минаретами, либо ушли из православного города, либо попрятались за стены вновь возведенных высоких зданий. Но, несмотря на все это, достаточно русскому пробыть сутки в Белграде, чтобы возненавидеть его от всей души и в то же время сердечно пожалеть, что он так быстро и притом так радикально изменился. Десять лет тому назад Белград казался более русским, чем, например, Варшава. Не говоря уже о православных храмах, хотя и бедных, но не затмеваемых великолепием католических костелов, в городе пахло Россией. На улицах его постоянно слышалась русская речь. По-русски знал всякий извозчик, всякий купец, прислуга во всех гостиницах; в магазинах то и дело встречались этикеты: «московский чай», «изделия из русской кожи», «русские папиросы», «тульские самовары». А теперь русский язык совершенно позабыт Белградом. Вас даже не понимают и отвечают

---

[*] Львов Евгений; настоящая фамилия Кочетов Евгений Львович (1845–1905) — русский публицист, сотрудник газеты «Новое время». В качестве корреспондента часто бывал на Балканах.

[**] Е. Л. Кочетов (Евгений Львов) находился в Белграде в декабре 1885 г.

вам на вашу русскую речь: <...> «Pardon, ich spreche kein polnisch (?) nur deutsch»*, и тому подобное. Зато в ресторанах, гостиницах, на улицах и всюду, где только соберется кучка людей, всюду стоит в воздухе и носится австро-немецкая испорченная и исковерканная речь. Затем, дальнейшее пребывание в городе только более и более убеждает вас, что Россия вытеснена здесь изо всех сфер, изо всех углов; вас предостерегают, что все русские письма прочитываются и, *в случае надобности***, перехватываются; что русские газеты подвергаются строжайшей цензуре и при малейшем намеке на Сербию и сербские дела безо всякой церемонии конфискуются, кому бы они ни предназначались. Вообще, подозрительность к России развита здесь до такой степени, что паспорта требуются и при въезде и при выезде, и каждого вновь пребывающего русского считают за шпиона и назначают за ним секретный надзор. О путешествии русского во внутрь страны нельзя и думать. Туда не пустили даже наш Красный Крест, несмотря на то, что внутри страны множество раненых, требующих попечения. Присланные сюда из России сто тысяч франков на Красный Крест пропали неизвестно где, как и в Болгарии, и спросить о них отчета некому и не у кого. Наше здешнее посольство так же изолировано, как софийское дипломатическое агентство, и настолько безгласно, что не рискует даже пытаться хлопотать о разрешении русскому подданному проехать через Сербию даже после заключения перемирия. Наш почтенный посол д. с. с.*** Персиани не скрывает, что его пост настолько тяжел, что он им тяготится и намерен выйти в отставку, лишь только выслужит пенсию. Секретари агентства — очень милые и преданные России люди, но что бы они могли сделать при полном желании в настоящую минуту, я, право, и не придумаю, да и вообще все наше посольство, или, вернее, весь его подвижной состав имеет вид командированных во вражий стан парламентеров, с той только разницей, что тем завязывают глаза, а здесь у наших представителей обстоятельства и все прочее завязывают им рот и связывают руки. А жаль, именно жаль в настоящую минуту, так как теперь и русским, и сербам, и даже австрийцам очевидно, что австрийское влияние сильно пошатнулось, что король Милан в страшном затруднении, куда повернуть и что сделать не только с Сербией, но и с самим со-

---

* *Pardon, ich spreche kein polnisch nur deutsch* (нем.) — Пардон, я не говорю по-польски, только по-немецки.

** Здесь и далее выделено в оригинале.

*** Д. с. с. — действительный статский советник (русский гражданский чин IV класса).

бой. Недаром носятся слухи, что он помышляет отказаться от престола... Вообще, положение Милана в настоящую минуту, право, не завиднее положения нашего белградского посла. С одной стороны, вся Сербия, с другой, высшее правительство и белградская интеллигенция, получившая воспитание в Вене и в Париже, — экземпляры вроде бывшего в 1876 году военным министром Николича и тому подобного отребья, не имеющего в душе ни патриотизма, ни понятия о славянстве. Такие субъекты ошвабились более самого Милана, и ни один из них пальцем не шевельнет, если сюда завтра же явится Австрия; напротив, вся эта интеллигентная шваль обвесится флагами и будет кричать *hoch*!* Даже и теперь эти господа толкуют о том, что православие Сербии, приклеенной самой судьбой к Австрии, есть, в сущности, аномалия и единственное досадное обстоятельство, мешающее полному слиянию с Австрией, — слиянию, по их мнению, необходимому для счастья сербского народа, который должен же, наконец, пользоваться благами цивилизации. «Поверите, — говорит мне один “сербиянин”, считавшийся за шваба, — поверите ли, что мы испытываем муки Тантала: роскошные плоды цивилизации у нас рукой подать — всего через реку, а все-таки их к себе не перетянешь, а между тем это отзывается не только в серьезном, но даже в мелочах нашей жизни. Повеселиться ли хотим, побегать ли на коньках зимой, поневоле едем в Землин. Там и каток с музыкой, и всякие увеселительные заведения, а у нас ничего. И дураки же эти австрийские сербы, мы им завидуем, а они все недовольны — о каком-то наследстве короля Душана мечтают, вот уже истинно говорится: не сыпьте бисера...».

Но сам король Милан умнее этих, им же сотворенных и напложенных паразитов славянства. Правда, было время, когда он мечтал по их образу пересоздать всю Сербию, но когда ему это не удалось, он не особенно сокрушался об этом, несмотря даже на то, что высылки из страны, жестокие расправы и всякие насилия не усмиряли, а все более и более волновали народ. Король не заботился об этом уже потому, что при помощи Австрии ему удалось деморализовать армию настолько, что она по мановению его руки готова была опустошить всю страну и придушить все то, что только осмеливалось протестовать каким бы то ни было способом против антиславянских стремлений своего владыки. Такой собачьей привязанности и дрессировки армии было совершенно достаточно для безмятежного царствования деспота в стране, где народ долготерпелив и забит рабством, а городская интеллигенция в огромном большинстве не патриотична и

* *Hoch!* (нем.) — Да здравствует!

беспринципна. Но после болгарской войны[1] положение сильно изменилось. Народ явно зашевелился и начинает глухо роптать на то, что Сербия погибает из-за Австрии, и, главное, что, благодаря ей, налоги становятся буквально невыносимы. Вообще, в провинции недовольство растет, а раздавить его уже не так легко, как прежде, ибо в армии уже нет той слепой покорности и безусловной преданности; теперь оттуда слышится ропот на правительство и Австрию, и там пробуждаются славянские симпатии и чувство горькой обиды за, быть может, незаслуженное самим войском посрамление, а, главное, рождается стремление к анализу недавнего прошлого...

Все это стоит некоторого внимания, но нам, русским, по-видимому, до всего этого нет никакого дела. Нас не пускают дальше Белграда, внутри страны у нас нет ни друзей, ни агентов, и вот мы судим о положении всего королевства и состоянии умов в нем только по тому, что нам удается случайно приметить и выудить в его столице.

Примечания

[1] Имеется в виду: Сербско-болгарская война 1885 г., в которой сербы потерпели поражение.

*Степович А. И.**

Отрывки из путевых заметок по славянским странам. Белград // Киевское слово. 17 января 1890 г. № 866

<...> Переезд из Вены в сербскую столицу стоит весьма недорого, благодаря существующему в Венгрии так называемому «Zonen-tarif-y»** (плата за переезд по поясам), но вместе с тем и не очень приятен, по причине мадьярской исключительности и нелюбезности по отношению к проезжим путешественникам. В самом деле, несмотря на общеизвестную нераспространенность мадьярского языка, мадьяры сделали все возможное, чтобы сделать проезд чрез их землю для обыкновенного путешественника возможно более затруднительным и тяжелым <...>. Исключительность мадьяр по отношению к другим народам, сожителям их по стране, переходит всякие пределы, так как этот грубый азиатский народ, вопреки даже конституции, решительно не желает даже признавать существование в Венгрии других народностей и пользуется в этом отношении правом сильного. Проезжая, например, по территории, населенной уже сербами, вы решительно ни по чему не замечаете этого, так как на железной дороге употребляется только один мадьярский язык, все надписи на станциях сделаны только по-мадьярски и проч.; названия станций, вопреки здравому смыслу, тоже изменены по-мадьярски, например, станция «Новый Сад» (от имени довольно большого славянского города[1]) превращена в никому неведомый «Уйвидек» (?!) <...>.

---

* Степович Андроник Иоаникиевич (1857– 1935) — ученый-славист, приват-доцент Киевского университета. Член Исторического общества Нестора-летописца. В 1890-е годы состоял секретарем Киевского славянского благотворительного общества. Автор многих сочинений по истории славянских литератур — им подготовлены, в частности, «Очерк истории чешской литературы» (1886); «Очерки из истории славянских литератур» (1893), «Очерки истории сербо-хорватской литературы» (1899) и т. д.

** *Zonen-tarif* (нем.) — зонный тариф.

Но вот вы въезжаете в Белград. По осмотре вещей, получении паспорта, взятого для заверения, что оплачивается двумя франками, вы нанимаете извозчика и отправляетесь в самый город, расположенный подобно нашему Киеву, на высотах, господствующих над р. Савой, вливающейся несколько поодаль в Дунай. Местоположение Белграда вообще очень счастливое и напоминает собой в этом отношении положение нашего Нижнего Новгорода, расположенного, как известно, при впадении Оки в Волгу. Город еще не велик (40.000 жителей), но с каждым годом растет и развивается, и ему предстоит, кажется, хорошая будущность: кроме указанного выше удобства местоположения, важного в торговом отношении, можно отметить и другое, не менее, пожалуй, значительное, а именно, что наиболее прямой путь из Парижа и вообще Западной Европы в Царьград лежит именно через сербскую столицу. В настоящее время Белград переживает переходное время превращения грязного, жалкого турецкого города в цивилизованный европейский город, даже, так сказать, на широкую ногу. Это-то переходное состояние и сказывается во внешнем виде города. Рядом с довольно неказистыми и незначительными домами старого Белграда вырастают и высятся огромные дворцы и чертоги местных богачей и напредняков, нажившихся при прежнем порядке вещей, нередко весьма изящные и красивые. Возле старого небольшого княжеского дворца недавно воздвигнут довольно величественный для Белграда и красивый новый дворец, характеризующий собой и новую королевскую эпоху сербской истории, эпоху, когда старинная здоровая простота княжеского сербского двора сменилась стремлением к дорогой, не по карману народа, пышности, показному великолепию королевского двора, игре во внешнюю значительность... Вместе и наряду с этим — безобразная мостовая, грязь в городе, жалкое освещение, отсутствие необходимой в этом полувосточном городе личной безопасности граждан, вследствие крайне незначительного числа городовых (30 человек на весь город!)

Развивается и растет Белград, конечно, во вкусе и в духе преимущественно австрийской цивилизации, что и замечается как в тех новых способах, в каких складывается общественный быт, так и в массе новых понятий и слов, в огромном большинстве австрийско-немецкого происхождения. Такие слова, как «*шпайз*»* (столовая), «*шеле*»** (чашка),

* Степович ошибается в переводе. *Шпаіз* (сербск.) — кладовая.

** От сербск. *шоља* — чашка.

«*тапет*»* (обои), «*шницель*»** (биток), «сапун» (мыло), «*пьяца*»*** и проч., встречаются не только в гостиницах — нет, они уже заходят в домашний обиход: <...> так осязательно в сербской столице немецко-австрийское влияние, обусловливаемое, впрочем, самим географическим положением страны, а кроме того, конечно, и австрофильским направлением прежнего сербского руководства. О гостиницах и говорить нечего: там почти вся терминология немецкая <...>.

Размеры немецкого влияния в Белграде можно определить и более серьезным способом, а именно — сильной распространенностью немецкого языка даже в низшем слое людей. Может быть, это происходит от постоянного прилива в сербскую столицу австрийских славян, служащих посредствующей связью, звеном между сербами и чистыми немцами, но факт остается фактом. С немецким языком вы, особенно в гостиницах, будете вполне спокойны и всего добьетесь; немецкие газеты вы там же найдете в изобилии (чего, например, решительно нельзя сказать о русских современных изданиях, попадающихся только в двух гостиницах). Если дело так же успешно пойдет в будущем, то немцев можно будет поздравить с новоприобретенным для их культуры славянским городом (разумеется, в смысле мирного завоевания).

В самом деле, теперь Белград находится, кажется, в том периоде развития немецкого влияния, в каком приблизительно находилась Прага, когда впервые стала подпадать под это влияние. Разница, впрочем, есть и довольно значительная: тогда, в средние века, распространение немецкого влияния требовало более продолжительного времени, чем теперь; оно происходило не со столь разрушительной быстротой, с какой происходит в наше время, в этот век парового движения, электричества, исполинских успехов книгопечатания и пр., и пр. При благоприятных обстоятельствах такая маленькая страна, как Сербия, может быть просто наводнена полчищами немцев — промышленников, землевладельцев, торговцев и проч. И быстроту этого процесса современного мирного нашествия чужеземцев можно сравнить разве с успешным распространением болезнетворных бактерий в подготовленном к тому предшествовавшими условиями организме. В Сербии есть еще и доселе немало людей, слишком оптимистически относящихся к этой перспективе; но к счастью для страны луч-

* От сербск. *тапете* — обои.

** От сербск. *шницла* — шницель.

*** *Пиjаца (сербск.)* — рынок, базарная площадь.

шие сыны ее уже успели спохватиться и, кажется, вовремя, что, впрочем, покажут обстоятельства. Мы, вообще, с известной тревогой относимся к этому вопросу, насколько он касается Сербии, потому что имели возможность наблюдать ту роковую экономическую борьбу, какую теперь, одновременно с политической и национальной, ведут немцы с чехами в Богемии. Ни для кого не тайна, что чехи несравненно лучше сербов вооружены и защищены в культурном и экономическом отношениях, так что могут вообще с успехом состязаться на этом поле даже с немцами <...>.

Мы сделали это отступление собственно к тому, чтобы показать нагляднее, до какой степени недальновидны те лучшие люди из сербских напредняков, которые вполне искренно, а не из чисто лишь узких эгоистичных причин, с излишним оптимизмом взирают на распространение австро-немецкого влияния в их бедной, измученной стране.

Повторяем еще раз, что, насколько мы могли это заметить из личных бесед, наблюдений и сближений, опасность для Сербии очень велика и близка, и необходима усиленная и долговременная деятельность друзей народа, направленная к парализованию австро-немецкого влияния, как политического, так особенно экономического, к ограждению интересов страны, подъему славянского самосознания в народе, возвышению его в экономическом отношении, созданию из него определенной и сильной славянско-народной личности.

Примечания

[1] Нови Сад — город в Воеводине (Бачка). В 1748 г. императрица Мария-Терезия издала грамоту об основании *Первого свободного королевского города в области Бачка*. Немецкое название Neusats. В Австрийской империи (Австро-Венгрии) — центр политической и культурной жизни сербов. В 1918 г. вместе с Бачкой был присоединен к Королевству сербов, хорватов и словенцев. Ныне — в составе Сербии, центр автономной области Воеводина.

*Марков Е.**

Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки. СПб., 1903. С. 24–249**

II. По Вардару[1] и Мораве

<...> В Ниш поезд примчался только в 10 часов вечера. Погода к ночи переменилась, надвигался дождь, сверкала молния. Может быть, от этого въезд в город произвел на нас довольно печальное впечатление. Долго тащили нас по скудно освещенным и плохо обстроенным улицам с редкими домами в больших садах, но зато по очень покойной мостовой, к которой не приучили нас наши родные губернские города, — пока довезли до рекомендованной нам гостиницы Hotel de'l Europe. Гостиница довольно скромная; прямо с улицы дверь в коридор, без сеней и швейцарских; номера, впрочем, просторные, кровати чистые, прислуга — венгерки из Австрии. На дворе в садике — ресторан и кофейня, полные народа, полные звуков музыки. Нам дали чаю и поужинать — все очень прилично.

---

* Марков Евгений Львович (1835–1903) — педагог, публицист, критик, прозаик. Образование получил в Харьковском университете. Кандидат естественных наук. В 1865–1870 гг. был директором симферопольской гимназии и народных училищ всей Таврической губернии. Публиковался в журналах «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская речь», газете «Голос». Поначалу придерживался либеральных взглядов, но после покушения 1 марта 1881 г. поправел. Это привело его в газету «Русь». Имел неудачный, по общему признанию, опыт художественной прозы («Барчуки. Картины прошлого». СПб., 1875)... Более плодотворно работал в жанре путевого очерка («Очерки Крыма». СПб., 1884; «Европейский Восток. Путевые очерки». СПб., 1886; «Очерки Кавказа». СПб., 1887; «Путешествие по Святой Земле». СПб., 1891; «Россия в Средней Азии». СПб., 1901; «Путешествие по Сербии и Черногории». СПб., 1903).

** Путешествие Е. Л. Маркова по Сербии состоялось летом 1895 г.

Выспавшись хорошенько, мы с утра отправились бродить по городу. Город неказист и не успел еще усвоить себе определенной физиономии. Турецкий городишко с узкими и длинными неметенными улицами, с грязными маленькими лавчонками господствует пока над зачатками нового сербского Ниша, силящегося сделаться сколько-нибудь европейским городом. Ниш был присоединен к Сербии тоже по Берлинскому трактату[2], так что времени для перерождения его было еще очень немного. А между тем, и по политическому значению своему, как второй резиденции короля и скупщины, и по своему торговому положению в узле двух очень важных железных дорог — Константинопольско-Венской и Салонико-Венской, отчасти также и как близкая к границе крепость, Ниш должен и может вырасти в богатый и благоустроенный центр южной Сербии <...>.

Мы зашли было по дороге к нашему консулу Н. И. Домерико, к которому имели письмо от генерального консула в Салониках, но он еще спал, а когда мы вернулись в свою гостиницу, сам пришел к нам познакомиться и предложил показать нам все, что еще осталось для нас интересного в таком малоинтересном городе как Ниш.

Зашли мы в «Русский кружок» — маленькую комнатку с маленьким шкафиком, за стеклом которого стоят несколько десятков случайно собранных русских книг, с маленьким столом, на котором лежат несколько номеров русских газет. Тут «Новое время», «Московские ведомости», «Свет», «Нива», «Разведчик», «Кормчий», «Врач» и другие. В комнатке никого, да и никто не сторожит ее; по-видимому, охотников украсть русские газеты и книги в Нише не находится. Консул говорил, что иногда собираются сюда поболтать, поиграть в шахматы, но читают мало, по-русски говорить мало кто умет, а понимают книги многие. Кружок и библиотека устроились стараниями местного префекта — по-нашему губернатора — Генчича[3], большого русофила, бывшего офицера Сумского полка русской армии и отлично говорящего по-русски, как мы скоро убедились сами, познакомясь с ним в тот же день у консула за обедом. Генчич недавно подбил здешних любителей даже сыграть на сцене «Ревизора» Гоголя, но, по словам консула, вышло не совсем удачно.

Позавтракав у себя в гостинице, мы с женой отправились познакомиться с мадам Домерико и устроить оттуда поездку в Еланшичи, как мы уговорились с консулом.

Е. А. Домерико тоже русская и притом малороссиянка, как и моя жена. Дом их очень мило убран, частью в восточном вкусе, частью в чисто русском, с изобилием красиво вышитых рушников и занавесок. Горничная тоже русская, самовар и чай русские, и милая хозяйка гостеприимна по-

русски, так что мы совсем хорошо провели часок за чашками чая, вспоминая в оживленной беседе далекую родину.

Ехать в Еланшичи мы наняли просторную коляску; поехали только мы с консулом, госпоже Домерико нездоровилось, и она осталась дома. Еланшичи — живописное ущелье верстах в 12 от Ниша по дороге в Болгарию, Софию, Константинополь. Горожане любят ездить туда летом подышать прохладным воздухом гор, полюбоваться дикими пейзажами.

Мы проехали мимо недавно выстроенного прекрасного дома городского училища. Мы потом во множестве простых сел видели у них такие же большие и удобные дома, выстроенные для училищ. Сербы придают огромное значение народному образованию и теперь стараются усиленно наверстать то, что было прежде упущено <...>.

Мы были довольны, что проехались населенной зеленой долиной Нишавы[4], знакомясь, так сказать, в лицо с сербской деревней и сербским сельским населением. Глубокая тенистая долинка вся наполнена ореховыми и тутовыми садами, огородами, крестьянскими домиками, мельницами, живописно притулившимися у подножия обрывов к гулко бегущему внизу ручью. Хаты совсем хохлацкие, с такими же плетеными, глиной смазанными широкими трубами с щитком наверху; повозки тоже хохлацкие — с дышлом, с тяжелым ярмом, под которым спокойно шагают такие же сивые волы, как и у нас в Полтаве; и рожь, и ракитки хохлацкие, и бабы и дети те же хохлушки и хохлятки, — цветущего и очень приятного типа. Старики на вид изрядно хмурые, в широких синих кушаках, в коричневых широчайших шароварах, тоже смотрят «дидами» наших казацких хуторов <...>.

На возвратном пути, не доезжая нескольких верст до города, мы заехали в так называемые «бани»*, т. е. в заведение минеральных вод. Сербия особенно богата минеральными водами, и в ней, как мы убедились потом, вы решительно везде наталкиваетесь на эти «бани», которыми народ привык пользоваться еще со времен далекой старины. Нишские «бани» содержатся правительством; тут хорошее здание с номерами для больных, с мраморными и кафельными ваннами в углублениях пола <...>.

В доме консула ждала нас с обедом не одна любезная хозяйка, но и префект Генчич, всегда особенно приветливый к русским. Это еще молодой и энергичный, рослый и красивый юнак, совсем некстати наряженный в европейское платье. Он совсем свободно говорит по-русски, хорошо знаком с русской литературой, любит и знает Россию. Консул сооб-

* От сербск. *бања* — курорт.

щил нам о нем, что он приверженец Милана[5], как и вообще весь Ниш, бывший всегда любимым местопребыванием экс-короля, перетаскивавшего сюда за собой и скупщину, чтобы удалить ее от враждебных ему влияний белградского населения. За свою ловкость и смелость в избирательной борьбе Генчич получил место префекта, обойдя гораздо более заслуженных и старших сотоварищей своих.

Мы очень оживленно и дружественно проговорили за послеобеденным чаем до двенадцати ночи. И консул, и префект одинаково неутешительно отзывались о сербских порядках и современном состоянии сербского общества.

— Сербы слишком привыкли к лени и беспорядочности, — жаловался консул. — Они воображают, что все сделается само собой, и не умеют быть настойчивыми. Ожидали вот, что с железной дорогой в Салоники богатства сами потекут со всех сторон в Ниш, а ничего не вышло: никакой торговли в Нише нет, потому что в Сербии не существует никакой промышленности, ни заводов, ни фабрик. Только и сбывают сырье — хлеб да свиней, а этого добра везде кругом много, самим деть некуда. В Салоники отсюда товары совсем не идут, нет никакого расчета возить так далеко.

Я перевел речь на нравственные свойства здешнего народа. Консул оказался пессимистом в этом направлении.

— Общество, собственно, очень жалкой нравственности; принципов ни у кого никаких, никакой основательной подготовки ни к чему, религиозности следа нет, церкви всегда пусты, попы и архиереи занимаются больше политиканством, чем своими религиозными обязанностями; печать — совершенно ничтожна, правительство постоянно поглощено борьбой партий, а не нуждами страны.

— Ну, а простой народ, крестьяне? — спросил я.

— В крестьянине, пожалуй, только и сохраняется еще сколько-нибудь историческая сила сербского народа, — отвечал консул. Здешний пастух, хлебопашец еще трудолюбив, честен, прост, но и он портится ежедневно политиканством и партийностью. За его голосами ухаживают, его всячески сбивают с толку, а вместе с тем и разоряют налогами. Теперь крестьянин уже пристрастился к газетным сплетням, к болтовне в кофейнях, вместо того, чтобы по-старому ходить за плугом или пасти овец.

Префект был так любезен, что по нашей просьбе отыскал нам довольно образованного проводника, из проторговавшихся местных купцов, который живал подолгу в Вене и Белграде, знал в Сербии все и всех и говорил свободно по-немецки, так что мог служить нам переводчиком при сношениях с туземцами <...>. Генчич дал нам, кроме того, рекомендательные письма и карточки в разные города Сербии, да еще, как потом оказалось, предупре-

дил о нашем приезде телеграммами некоторых своих товарищей-префектов и подчиненных ему уездных начальников <...>.

Мы едем теперь по правому берегу Сербской Муравы[6] прямо на запад, все время над рекой.

Пейзаж нельзя назвать особенно красивым. Слева нас провожают невысокие лесистые холмы, справа — желто-бурая лента Муравы в обрывистых глинистых берегах. Камень этих скалистых возвышенностей необыкновенно крепок и глядит чем-то вроде серого гранита. Здесь выламывают из него куски для мельничных жерновов, но по отсутствию предприимчивости и знаний поставляют в необделанном виде в Вену, а уже там они превращаются в очень ценные жернова, которые приходится выписывать оттуда и самим дешево сбывающим их сербам. Та же история, что и на нашей возлюбленной родине по части многих и многих товаров — и по той же, конечно, причине.

Это навело нас на разговор о промышленной предприимчивости сербов.

— Какая же могла развиваться у нас промышленная предприимчивость, посудите сами! — говорил наш спутник. Для этого необходимо сознание своей безопасности, твердость законов, обеспечивающих каждому его собственность; а давно ли мы получили все это, давно ли перестали быть турецкими рабами? А уж особенно в этой местности, которую прирезали к Сербии только по Берлинскому трактату. Сербы, взятые от Турции, никогда прежде не работали на своих местах, потому что здесь все отобрали бы у них в десятину беи[7] или отняли бы какие-нибудь спаги* и им подобные; вот они и уходили на заработки в Румынию, Венгрию, куда только было можно; платили подати, какие следовало, а остальное все-таки себе могли удерживать.

— А в остальной Сербии, стало быть, это дело лучше идет? — осведомился я.

— Да видите ли, должно бы было лучше идти, если бы политика их не портила, — с огорчением сообщил наш спутник. — Прежде, действительно, сербы были трудолюбивый народ, а от этого парламентского режима совсем распущенные стали; партии тут у нас разные объявились, каждая ухаживает за избирателями, льстит, потворствует. А тут еще на беду две династии в такой короткий срок — Обреновичи и Карагеоргиевичи; каждая готова всякие льготы и привилегии дать, чтобы только за нее стояли. Вот и политикуют наши крестьяне вместо того, чтобы работать по-старому; по ханам** да по кофейням выучились рассиживать целые дни, газеты читать, болтунов раз-

---

* *Спахија* (сербск.) — помещик, крупный землевладелец.

** *Хан (сербск.)* — постоялый двор, трактир.

ных слушать... Лениться-то, конечно, легче, чем работать. Руки нет твердой, которая бы их подтянула, дело бы делать заставила! — со вздохом закончил наш провожатый. — По-моему, слишком рано Сербии конституцию дали! Промышленности нет, а политика есть; на что же это нужно? <...>

IV.
Крушевац и «Белый Двор» царя Лазаря

В Крушевац мы приехали среди развала летней жары. Так было приятно отдохнуть в большой прохладной зале гостиницы <...>. Вокруг обеденного стола сидела кучка местных нотаблей и офицеров за стаканами вина и трубками. Отвели нам очень порядочную для Крушевца комнату и накормили потом сносным обедом со старым жупским вином[8] и крупными черными черешнями.

В Крушевце мало любопытного для путешественника, но все-таки город этот со славным историческими именем, когда-то столица сербского короля-героя Лазаря, так что нам хотелось поглядеть на него поближе; когда схлынул полдневный жар, мы наняли коляску и отправились со своим чичероне по улицам города. Городок плохенький, бедный, вроде наших глухих уездных; праздная толпа везде с любопытством глазеет на нас, очевидно, мало привыкшая к посещениям чужих людей и к движению экипажей по его мирным переулкам; обставленным мелкими лавчонками, дешевыми кофейнями, народными кухоньками.

Нас привезли на самый конец города, где на холмике против очень скромного, хотя и довольно большого дома гимназии высится знаменитая в летописях Сербии «Белая церковь» царя Лазаря и развалины его бывшего «Белого дворца».

Просторный двор кругом исторической церкви теперь обнесен вместо былых палат бесхитростным деревенским частоколом; внутри него по молодой зеленой мураве мирно расхаживают, жуя свою жвачку, пасущиеся коровы. Церковь смотрит нашей обычной православной, с центральной башней над самим храмом, с более высокой башней колокольни над входом. Верхи обеих башен надстроены позднее, по освобождении Сербии от турок, которые в свое время сняли их, обратив храм Лазаря в склад пороха и разных военных припасов. Наружная отделка стен зато сохранилась хорошо и дает понятие о былой характерной красоте этой древней церкви. Вся она украшена кругом оригинальными сквозными розетками,

вырезанными из камня, а фризы и карнизы окон — очень тонкой старинной скульптурой, искусно сплетенной из колонок, двуглавых орлов, голубей и разных других фигур своеобразного и красивого стиля. Мы вошли и внутрь церкви; там высокие и узкие своды на пилястрах и очень высокий купол, сильно напоминающие Софийский собор Киева; и купол, и паруса, и пилястры, и своды, и все стены кругом сплошь расписаны, как и другие старые православные храмы, очень темной и очень наивной живописью, впрочем, вовсе не древней по времени, а только древнего вкуса и древнего умения; потемнела же она до такой степени просто от сырости стен и плохих красок. Иконостас оригинальной резьбы, престол в алтаре — все устроено по-нашему, но все вместе с тем очень бедно. Кроме стен, внутри храма не сохранилось, к сожалению, ничего старинного. Невежественные реставраторы ее при Александре Карагеоргиевиче сравняли и замазали все уцелевшие внутри характерные остатки старинных архитектурных украшений; а между тем, это — та самая историческая церковь, на ступенях которой грозный враг победоносных Османов, славный «краль Лазарь» горделиво выслушал донесения своих вестников о разгромах турецкой силы Мурада его храбрыми сербскими дружинами чуть не накануне Косовского побоища <...>.

Нам очень советовали осмотреть в Крушевце казенный пороховой завод, которым сербы не на шутку гордятся, уверяя, что он устроен со всеми новейшими усовершенствованиями и может снабдить снарядами всю сербскую армию. Мы наняли туда коляску городского извозчика. Завод всего около версты от города, но чтобы попасть в него, нужно переехать через речку Расину[9] <...>. Это целое просторное имение с садами и сенокосами, среди зелени которых весело разбросаны красные крыши многочисленных заводских построек.

Самая фабрика оказалась запертой, и вход посторонним воспрещен без дозволения майора, главного хозяина завода. Послал этому майору с драгоманом своим свою карточку, и любезный воин тотчас же явился сам, радушно предложив показать самое интересное. Он учился долго в Бельгии, в Брюссельском политехническом училище, бывал в Париже и даже в Петербурге, и не забыл еще объясняться по-французски.

Я, конечно, не судья в деле заводских устройств, но, по-видимому, фабрика действительно поставлена на современную ногу. Машины приводятся в действие силой падающей воды, которая проведена каналами из Расины и низвергается маленькими водопадами на многочисленные колеса и турбины. Твердые черные плиты пороховой массы растираются в пыль громадными каменными «бегунами», т. е. жерновами, катающимися кру-

гом оси, до 500 пудов веса каждый, и нужно изумляться, как еще сравнительно редко бывают при таких рискованных процессах вспышки и взрывы этой легковоспламеняющейся массы. Просевается она через вращающиеся цилиндры и сита, напоминающие наши крупорушки. Мы последовательно посетили все стадии приготовления и хранения пороха, слушая объяснения любезного хозяина завода, который нарочно для нас заставлял рабочих проделывать разные манипуляции над всевозможными машинами, конечно, обязывая нас этим к неизбежным «наводкам» во всех отделах завода. Мимоходом мы обменивались с этим сербским воином дружелюбными выражениями нашего славянского братства и расстались с ним как добрые старые знакомые.

Вот мы опять в походе. Едем по дороге в Тростеник[10]. Мурава давно ушла от нас вправо, поближе к горам, но ее прекрасная долина все еще кругом нас. Мы все время двигаемся словно по аллее парка, среди садов слив и вишен, через обильные деревенские хозяйства; белые хорошенькие домики с красными черепичными крышами, с арками и колонками своих галерей смотрят из этой зелени простодушно и мило, будто одетые в чистые сорочки наивные селяки — обитатели их... Малороссийская чистота и прибранность везде, все в строгом порядке: сады обнесены тыном, огороды отлично обработаны; поля кукурузы хоть бы и немцу на диво, каждое растение тщательно окучено, словно любой виноградный куст. Бабы и мужики все в поле усердно работают мотыгами. Не понимаю, где же эта пресловутая лень, о которой так скорбит сидящий перед нами наш проводник Николай Иваныч.

Сено уже скошено или еще косится. Косцы с косами то и дело виднеются по сторонам, но жатва еще не начиналась, — не то, что в Греции! В полях превосходная пшеница, рожь, ячмень; перед этим два года был полный неурожай всего: кукурузы, хлебов, винограда, но теперь надеются вознаградить себя за прошлое. Женщины, девушки, дети — все смотрят так симпатично, все такого родственного нам типа; да и мужчины многие сильно смахивают на хохлов. Те же возы хохлацкие по дороге, те же серые волы под ярмом, — чистая иллюзия! Только пейзаж — не хохлацкая безбрежная степь, а прелестные холмистые горы в лесах. Мне тут кажется все счастливым и радостным: и этот общительный приветливый народ, и этот оживленный, веселый зеленый пейзаж...

Винограда тут не видно, — он южнее, за горами, но у Тростеника появляется опять.

Школа непременно в каждом селе. Это уже детище нового времени. Церкви вроде домов, колокольня отдельно; школьные дома поражают своими грандиозными размерами: казенные, в 8 и 9 окон по фасаду, смотрят насто-

ящими казенными заведениями. Рядом с домом мужской школы такой же для женской. Кажется, это труды радикалов, партии Пашича.

Ни по одной чужой стране не ездилось мне так спокойно и приятно, как по этим почти родным селам Сербии, где все выглядит так знакомо моему глазу, так близко моему сердцу.

А между тем приятель и проводник наш Николай Иваныч не перестает рассказывать нам об этой милой стране и об этом милом народе далеко не милые вещи.

Огромный неоплатный долг тяготеет над Сербией, и это тревожит всякого доброго серба.

— А все опять эта политика да политические партии причиной! — горячился наш серб. — Для страны, для народного хозяйства никто ничего не делает, все помыслы их о клубах, газетах, да о голосах выборщиков. Вот считают у нас Ристича великим государственным человеком, а ведь, в сущности, он погубил Сербию, потому что это он выдумал конституцию, когда нам нужна только сильная, заботливая власть!

— Скажите, пожалуйста, кто же накопил столько долгов на государстве? — спросил я.

— Конечно, радикалы! — с уверенностью ответил Николай Иванович. — Они все заигрывали с простым народом, не смели взыскивать с него податей, а расходы все увеличивались; вот и вырос долг в несколько миллионов...

— Они же, верно, и хлопотали больше всех о благоустройстве народном, если столько тратили? — заметил я.

— О, нет, о народном хозяйстве, железных дорогах, шоссе больше всего Гарашанин заботился с напредняками, — уверял нас словоохотливый нишанин.

Ясно было, что он верный и последовательный ученик своего экс-короля.

— Вы говорите о долгах, о разорении, а между тем мы видим кругом такую картину обилия и зажиточности, какую не везде увидишь, — еще раз заметил я.

— Да, видите ли, страна наша, действительно, очень богата по природе своей, а сербский селяк довольствуется очень немногим. Красивый опрятный дом для него вопрос честолюбия своего рода; вино, кукуруза, свиньи у него почти всегда есть для своего употребления, ну, а денег все-таки очень мало теперь у кого есть... Прежде больше было зажиточных и скопидомов, а теперь баловаться стали, роскошь ненужную заводить... Впрочем, у нас закон есть прекрасный, от которого тоже много зависит благосостояние селяков... Какие бы ни были долги и взыскания с него, никто не смеет продать его двора, пары волов, плуга, и двух гектаров земли, и еще некоторых необходимых предметов хозяйства. Это дает ему вечное обеспечение[11] <...>.

V.
Монастырь Любостыно и «баня» Вранцы

В Тростеник или в Трстник, как пишут сербы, приезжали мы, когда уже стемнело. К вечеру стали ходить кругом грозовые тучи, собирался дождь, то и дело сверкали молнии, так что мы совсем кстати доползли до своего ночлега. Городок небольшой, но чистенький, домики тоже маленькие; главная улица — обычный базар мелких лавочек и кофеен, тянущихся справа и слева; в общем — не хуже Крушевца <...>.

К удивлению нашему, почти сразу же после нашего приезда явился к нам местный капитан, по-русски — уездный начальник, и любезно предложил свои услуги. Оказалось, что распорядительный префект Ниша потревожил своими телеграммами всех подчиненных своих по пути нашего странствования, рекомендуя им оказывать нам всякое содействие <...>.

Префект даже известил его, что мы намерены посетить старинный монастырь в Любостыно[12], и поручил ему устроить для нас эту поездку. Исполнительный администратор, получив от нас подтверждение этих сведений, тотчас же отправил своего верхового пандура к архимандриту монастыря предупредить его, что мы будем у него в 6 часов утра <...>.

Из любопытства я несколько раз заходил в кофейню или, вернее, харчевню, потому что там не только пили, но и ужинали простодушные сербы. Все это были большей частью приезжие из деревень селяки. Меня утешили приличия и опрятность их сравнительно с нашим простым народом. Столики, приборы, ножи — все подается как у состоятельных людей, всякий бедняк здесь считает себя в праве требовать того же уважения к своим потребностям, как и любой богач.

Ночью разразилась гроза; вся наша утлая гостиница тряслась, как зубы в лихорадке. Непрекращавшиеся удары грома и всполохи молний не давали заснуть. А вскочили мы все-таки в половине пятого, чтобы попасть, по обещанию, к 6-ти часам в Любостыно. Однако наша педантическая аккуратность, годная у немцев, не пригодилась в славянской Сербии. Проводник наш, избалованный былой раздольной жизнью, когда он вел торговые дела и имел порядочный капитал, не любил неволить себя и поднялся гораздо позднее нас; кучер наш тоже считал своим законным правом сначала напиться кофе в ресторане, беспечно болтая со своими земляками, потом неспешно напоить лошадей, потом так же неспешно свести их перековать в кузню, так что только в 7 часов утра коляска наша могла с грохотом двинуться по мокрым улицам Тростеника <...>.

Но вот, наконец, мы и у монастыря. Желтая башня его и кресты его церкви давно уже мелькали нам из-за верхушек деревьев <...>. Здешние монахи народ совсем мирской. Такими, конечно, создала их тяжелая история их народа, гораздо более вынуждавшая священника и монаха отстаивать свободу и безопасность своих прихожан от притеснителя-варвара, чем предаваться благочестивым упражнениям иночества. Отец архимандрит — здоровый седобородый старик лет 60-ти, с цветущим жизнерадостным лицом, осененным темносиней камилавкой. Он не счел нужным, да, вероятно, и не имел обыкновения, преподать нам свое пастырское благословение и, в ответ на протянутые с этой целью руки наши, радушно потряс их и по-братски расцеловался со мной. Монахов в его монастыре всего два человека, а богомольцы посещают его старую историческую церковь только по очень большим праздникам. Поэтому жизнь его в этой зеленой лесной пустыньке проходит гораздо более в житейских заботах о хозяйстве, чем в каких-нибудь церковных церемониях. Сенокосы, виноградники, рубка дров, уборка кукурузы, продажа скота — интересуют его, по-видимому, гораздо искреннее, чем размышления о суете мира <...>.

Дом, где живет архимандрит со своей малолюдной братией, — тут же во дворе, напротив храма. Это довольно ветхая постройка турецкого стиля, на колонках, образующих наружную галерею. В этой-то галерейке установлен был для нас столик, накрытый скатертью. Подносы с вареньем и холодной водой ожидали нас прежде всего, по обычаю Востока. Мы уселись с отцом архимандритом за столик, без стеснения болтая с ним на ломаном русском языке, пересыпанном кое-какими сербскими словечками, причем мы без особенного труда понимали его сербскую речь <...>.

После варенья с водой нам подали горячий турецкий кофе, а после кофе — какой-то необыкновенно вкусной и необыкновенно острой старовудки из слив, один глоток которой оживил во мне все жилки внутри. Добрый старик весело болтал то со мной, то с женой, и, конечно, каждый из нас, вероятно, не раз отвечал друг другу совсем невпопад, хотя приветливый хозяин наш и уверял, будто немного понимает по-русски. Зато богослужебные книги их и церковные надписи — совсем наши, написаны тем самым церковно-славянским языком, на каком служат в церквах; сербскому монаху, очевидно, доставляло большое удовольствие, что мы могли читать эти их книги и надписи так же свободно, как и они сами.

Архимандрит и трубочку закурил, прихлебывая из стаканчика своего как янтарь желтую старовудку <...>.

Жена моя полюбопытствовала, есть ли у Любостынского монастыря земля и велики ли доходы его?

Оказалось, что у них 1200 га земли, большей частью горные леса, но есть и виноградники, и поля. А на церковном дворе помещается маленькая пасека. Поля сдаются исполу крестьянам, из винограда делают вино для продажи и своего употребления <...>.

Старик был очень доволен, получив от нас новенький наполеондор на свой старый храм, на который он в сущности и гроша не тратит, поживая себе вольным помещиком, как у Бога за пазухой, не удручая особенно ни своего жизнерадостного духа, ни своей цветущей плоти, нарисовавшей перед моими глазами живой портрет тех былых сербских попов, что водили когда-то за собой против проклятого турчина, с ятаганом в одной руке, с крестом в другой, дружины сербских юнаков...

Дружелюбно распростясь с гостеприимным хозяином, отправились мы обратно в Тростеник, предшествуемые скачущим вооруженным пандуром <...>.

Тростеник, когда мы проехали его насквозь, произвел на меня впечатление большой малороссийской слободы, утопающей в своих сливных и вишневых садах. Во всех огородах его множество цветущих белых лилий. На одном из ресторанов мы прочли удивившую нас и вместе с тем многоговорящую надпись: «Гостиница русского Царя». Удивило нас и другое обстоятельство: в окнах почти всех сербских домов, что в городах, что в деревнях, непременно железные решетки. При известной честности сербского народа это можно объяснить себе только вкоренившейся в жителях привычкой к былым ежедневным опасностям от турецких спагов, беев и янычар, так недавно безответственно своевольничавших над имуществом и самой жизнью сербов.

Мы опять среди лесной, густо заросшей и густо заселенной долины сербской Муравы; сама река уклонилась правее, к горам, а мы держимся ее южных прибрежий. Зелено, свежо, сочно везде кругом. По холмам виднеются виноградники. Сербские деревни не тянутся, как наши русские, как наши бесконечные малороссийские слободы, целыми сплошными гнездами дворов, целыми полчищами изб, сараев, скирдов, а разбросаны по одному, по два двора, редко по 5, 6, 10 дворов в одной куче, одинокими хуторками своего рода, очень удобно окруженными всеми своими хозяйственным угодьями. Хуторки эти все в садах и огородах, и вам кажется поэтому, что вы целые дни не выезжаете из прекрасного тенистого парка, из одной необъятной, на десятки верст раскинутой деревни. Унылых, безлюдных пустырей нигде не видно: везде деревья, зелень, жилье, хлеба, народ. А тут еще чудесный весенний воздух, только-только освеженный дождем и грозой; не жарко, не холодно, не пыльно, катишься себе спо-

койно, как младенец в колыбельке, на мягко покачивающейся коляске по прекрасному шоссе — ну, чувствуешь себя чисто в каком-то сплошном зеленом раю.

Николай Иванович наш уверяет, будто такова и вся Сербия <...>.

Чтобы проехать во Вранцы[13], нужно было свернуть с Короновацкого[14] шоссе влево, на проселочную дорожку. Вранцы, как почти все минеральные воды, расположены в довольно узкой лесной долинке. Еще издали стал живописно вырезываться на высоте холма, господствующего над этой долиной, красивый деревенский дом или «замок», как называл его наш проводник, бывшего регента Белимарковича[15]. Николай Иванович уверяет нас, что в Сербии совсем нет крупных поместий, что только Белимаркович да Хорватович[16] владеют сколько-нибудь большими имениями.

Водолечебное заведение или «баня», как просто и выразительно именуют сербы свои заведения минеральных вод, очень многочисленные в их стране, — как раз у подножия холма, на котором высится замок. Из чащи ореховых рощ выглядывают красные крыши и окна каменных корпусов водолечебницы <...>.

Все тут устроено очень просто, без затей, как и подобает в простонародной Сербии — этом царстве селяков. Публики мы застали не особенно много — человек сто, хотя бывает временами и по триста человек. Публика такая же простая и незатейливая, как сами «бани» <...>.

Цены на все очень скромные, приспособленные к обычной скромности бюджетов расчетливых сербов. Комната в гостинице 2 франка в сутки, с двумя постелями 3 франка; порция говядины, телятины и пр. полфранка; другие кушанья — овощи, горячее — все сантимами, а не франками <...>.

С непривычки меня сначала смутила немного картина общей столовой в гостинице Вранци, где рядом с нами уселся за соседним столиком весь промокший и грязный кучер наш, преважно звавший лакея и заказывавший себе порции как и другие люди, и где какой-то оборванный разносчик фамильярно трепал по плечу щеголеватого кавалерийского офицерика, обедавшего с очень приличными дамами.

Пообедав довольно сносно на открытой галерее гостиницы, мы успели сходить пешком и к так называемому замку Белимарковича. Нужно было подняться для этого на довольно крутую гору. Двухэтажный красивый дом с балконом и лестницами из «собственного» белого мрамора, который ломается тут же повыше в горе, с колоннами из пестрого лилового мрамора красивых узоров, добываемого также неподалеку — около Ко-

роновца, или Кралева, как называют теперь этот город, окружен маленьким садиком с цветниками и стоит на таком видном месте, где он, действительно, кажется эффектным замком своего рода, и откуда открывается вся окрестность. Сейчас за домом уходит в гору виноградник, а сбоку единственное здание служб, вот и все деревенское поместье Белимарковича, считающееся одним из самых богатых в Сербии <...>.

Мне невольно вспомнились, глядя на это безлюдное скромное поместье бывшего регента, целые городки строений, целые десятки десятин садов, огородов, гумен, целое население служащих и рабочих — в наших крупных помещичьих экономиях им же счета нет.

Опять пришлось вернуться по той же проселочной дорожке на шоссе, чтобы продолжить путь в Кралево, прерванный нашим заездом во Вранцы <...>.

Дорога все время, до самого Короновца, идет такими же роскошными и отрадными местами; коляска по-прежнему неслышно катится без пыли и грязи по ровному шоссе среди прохладных дубовых рощ, сливовых садов, отлично обработанных полей-огородов, уютных хуторков, привольных зеленых лугов, осененных одиноко разбросанными развесистыми вязами, дубами, ясенями, где пасется тот же наш серый малороссийский скот <...>.

Тип деревенских детей и женщин Сербии благороден и поэтически нежен; в нем нет ничего грубого, мужеподобного, как бывает у других племен. В этом опять явное родство с привлекательным типом истой хохлушки.

Рабочие повозки, которые мы видим в полях, тоже вполне хохлацкие, — такие же первобытные и неуклюжие, как и в нашей Малороссии. Но когда встречаешь сербов и сербок, едущих в город или из города, то уже они непременно в очень приличной телеге немецкого образца, так называемых «штульвагенах» наших южных колонистов, аккуратно раскрашенных и окованных, с сидениями, с решеточками кругом...

Путешествие наше делается какой-то увеселительной прогулкой. На душе так хорошо ото всех этих в одно соединившихся впечатлений, и прекрасного летнего дня, и прекрасной дороги, и прекрасных видов кругом, от этой везде провожающей нас широкой картины домовитости и обилия <...>.

Сербия искренне кажется идиллической и буколической страной, достойной эклог поэта. У всякого все свое, мало нужд, мало требовательности, во всем царит симпатичная душе славянская простота, смирение и невзыскательность <...>.

VII.
Сквозь ущелья Ибара

Поездка в Студеницу особенно лежала у меня на сердце. Этот древнейший сербский монастырь, местопребывание Стефана Немани[17] и св. Саввы[18], запрятан в самой недоступной глуши теперешних сербских окраин, на рубеже плененной турками Старой Сербии, среди пропастей и гор, хотя в века сербского царства, при Неманичах, тут была чуть ли не середина сербской земли. Ехать в Студеницу нужно по одной из самых живописных сербских долин, дикими ущельями реки Ибара[19]. Кроме того, монастырь Студеница — самый замечательный и любопытный памятник древней сербской истории, своего рода Троице-Сергиева лавра сербов.

Мы выехали на той же самой коляске парой, захватив по возможности меньше багажа, потому что из Студеницы все равно необходимо было возвращаться в Кралево и уже отсюда продолжать наш круговой путь по Сербии.

Утром можно было вполне ознакомиться с городом, который пришлось опять проехать насквозь. Хорошие мостовые не чета нашим русским; попадаются довольно большие дома, но в большинстве такие же маленькие домики и такие же многочисленные мелочные лавчонки, как и в Тростенике, и в Крушевце; больше всего обратили на себя наше внимание довольно внушительные постройки артиллерийских казарм, дом гимназии и так называемая «ратарская* школа» — нечто вроде земледельческого института; садов, конечно, масса <...>.

При одном из крутых поворотов долины Ибара, спустившись с гор в тихую глубокую котловину, мы остановились у одиноко стоявшей мианы покормить утомленных лошадей.

Местечко это называется Лопатинцы. На галерее корчмы и вокруг нее толпилась небольшая кучка окрестных селяков. В Сербии мианы служат не только постоялыми дворами, гостиницами, кофейнями и кабаками, но еще и своего рода сборными избами для общественных сходов. «Капитаны» присылают сюда свои приказы и повестки, сюда направляют сельскую почту, заезжают пандуры передавать распоряжения начальства; здесь сельские писари собирают статистические и всякие нужные правительству сведения, сборщики — свои подати; миана — в одно и то же время и местный клуб, и биржа, и справочная контора, и дневка для всех и каждого, и даже

* От сербск. *ратарство* — хлебопашество, земледелие.

отчасти кредитное учреждение своего рода. Оттого миана играет огромную роль в жизни села, и хозяин ее — самый нужный и самый уважаемый человек в местном обществе.

Около мианы всегда устроено под тенью дуба или ореха несколько грубо сколоченных столиков с лавками, на которых обыкновенно распивают свои грошовые стаканчики местного вина или крошечные чашечки турецкого кофе мирные деревенские обыватели. Мы тоже уселись позавтракать втроем с Николаем Ивановичем вокруг одного из таких столиков на зеленой травке; хозяин принес нам свежего овечьего сыра, яиц, только что сбитого масла, кофе и кувшинчик местного вина. Это единственные продукты, которые можно добыть в любой миане. Молока в этих роскошных пастбищах сколько угодно, далеко не то, что в Греции. Над головами нашими со всех сторон поднимались высоко вверх известковые толщи гор; у ног наших, в узком каменистом русле, бился с ревом и пеной бурный Ибар, сдавленный здесь арками каменного моста...

Толпа крестьян, очевидно, очень заинтересовалась нами и мало-помалу окружила наш столик, разглядывая с любопытством незнакомые ей одежды и вещи и изредка расспрашивая о нас нашего словоохотливого драгомана, выдававшего, кажется, нас за нечто гораздо более важное, чем мы в действительности были. Но для сербских селяков достаточно было узнать, что мы русские, чтобы окончательно расположить их к нам. Они толпились кругом нас с таким простодушным и дружелюбным выражением своих белобрысых лиц, что было бы грешно не познакомиться с ними поближе. Я заговорил с одним, потом с другим, потом с третьим — и мало-помалу все приняли живое участие в общей беседе.

Моя русская речь, конечно, упрощенная и слегка исковерканная на сербский лад, да несколько десятков настоящих сербских слов, оказались к удовольствию моему достаточными для самых разнообразных тем нашего разговора. Наивные сербы мужички просто диву давались, когда узнавали от меня, что почти все предметы мы, русские, называем теми же именами, как и они, сербы; я показывал им пальцем на разные части лица и спрашивал их: как говоришь: нос? уста? чело? власы? глава? С радостным смехом, скаля свои белые крепкие зубы, они изумленно подталкивали друг друга локтями, и, качая в изумлении головами, кричали мне хором в ответ с нескрываемым восторгом:

— Це-це! глава, власы, чело, очи, уста!.. То так, то так!

Я переходил потом точно так же к млеку, к вуде, древу, злату, сребру и проч., и таким методом наглядно убеждал добрых лопатинских селяков в действительности их кровного братства с русскими...

Когда же я попросил их показать, как они крестятся, а потом сложил персты по-православному в крестное знамение, да еще прочел с расстановкой «Отче наш», то у простодушных сынов Муравы и Ибара не осталось ни малейшего сомнения в том, что их кровные братья из Московии такие же православные «Риштяне», как и они сами, обитатели сербской деревни Лопатинцы...

Тогда им делалось сейчас же понятно, зачем это мы из такой дальней дали направляемся в их богоспасаемую Студеницу — обстоятельство, ставившее их сначала в тупик.

Мы говорили с ними довольно долго, только в самых необходимых случаях прибегая к помощи Николая Ивановича; я расспрашивал их об их житье, они расспрашивали меня о России. Все они знали, что русский Царь помог сербам освободиться, что русские — друзья и братья сербов, что Россия страшно сильна, велика и богата <...>.

По расспросам оказалось, что никто из бывших здесь крестьян никогда до сих пор не видал и не слыхал ни одного русского.

Я вспомнил, однако, что если сербские селяки — наши братья, то наше знакомство и дружба не могут обойтись без древнего русского обычая вспрыснуть эту дружбу доброй чаркой водки, и, вынув несколько франков, приказал хозяину мианы угостить почтенное народное собрание ракией из слив, которую сербские селяки, несмотря на то, что живут в стране вина, предпочитают всему, как и те их русские братья, что начали свою историю торжественным провозглашением своеобразного государственного принципа: «Руси есть веселие пити: не можем без того быти!»

Местные представители сербского народа заметно оценили внимание к ним от русского собрата и выразили нам свою признательность в самой приятной и неожиданной для нас форме. Каждый селяк подходил по очереди к нашему столику с полным стаканчиком в руке и, обращаясь ко мне и жене, с большим сознанием собственного достоинства, как и подобало свободным гражданам, говорил нам какое-нибудь складное и любезное приветствие, с пожеланиями счастливо вернуться на далекую родину и рассказать там землякам своим обо всем, что мы видели у своих православных братьев.

После ракии и языки и чувства развязались еще больше, и беседа наша стала еще радушнее.

Сербы называли нашего Царя «стрыем»*, т. е. родным дядей «краля» своего, и изливались в благодарности ему за то, что он спас их землю от турка в горькую годину Дьюнишского разгрома[20].

---

* От сербск. *стриц* — дядя (родной брат отца).

А я, чтобы сделать им удовольствие, вспоминал об их народных героях, славных царях и богатырях, Душанах и Лазарях, Марках Кралевичах и Милошах Кобыличах, что возбудило в них искренний восторг. Оказалось, что все селяки, грамотные и неграмотные, на память знают свои героические былины, и славные имена сербской истории, действительно, могут считаться народным достоянием. Я искренне желал бы, чтобы наш русский крестьянин стал, наконец, знаком с историей, например, Владимира Мономаха, Дмитрия Донского или Ивана Грозного хотя бы наполовину так хорошо, как знакомы сербские селяки со своими историческими преданиями.

Когда разговор зашел о Косовом побоище, то все заговорили разом и так горячо, что ничего понять было нельзя; но хозяин мианы сердито крикнул что-то и к нашему столику выдвинул высокого молодого парня — настоящего малороссийского парубка.

— Вот он лучше всех может рассказать про Косову битву! — кричали кругом. — Пусть он рассказывает...

Я подумал, что малый, вероятно, не очень давно учился в школе и почерпнул уже из книг свои сведения о великом побоище.

Но оказалось, что он неграмотен, в школе никогда не был, а одарен необыкновенной памятью и знает наизусть все, что когда-нибудь читали и рассказывали ему.

Действительно, он удивил нас подробным и складным рассказом обо всех подробностях Косовского погрома, об убиении Мурада, об измене Вука, о смерти царя Лазаря.

Видя, что это нас очень заняло, сербы, очевидно, захотели развернуть перед нами все свое искусство и все свои таланты.

Принесли откуда-то «гусли», нечто вроде хохлацкой кобзы, только с одной волосяной струной, на которой играют лучком с натянутой тетивой из воловьей жилы — домодельным смычком своего рода. Поставили скамейку, на скамейку усадили гусляра, и он начал напевать весьма немелодическим речитативом, однообразно попиливая лучком по единственной струне, старинные народные песни все о тех же царях и битвах, поминая и Косово поле, и Призрен[21], и Приштину[22], и Митровицу[23], все исторические местности своей незабвенной «Сербии под Турском*». Сколько я ни слышал потом песен в Сербии и Черногории, всегда темы их были одни и те же — воспоминания о старых битвах, о старых народных

* *Турска* (сербск.) — Турция.

героях. Это можно объяснить себе тем, что сербы еще так недавно страдали под игом турок, и что так много еще до сих пор остается под этим игом сербских земель и сербского народа. Песни о героической старине служили им столько веков поддержкой и утешением в их горькой доле, что и по сей день живут среди них, как и в далекую старину <...>.

Уехали мы из лопатинской мианы, провожаемые громкими дружескими пожеланиями сербских селяков <...>.

Пустынные горы, у подножия которых мы двигаемся, обросли наверху, как голова волосами, курчавыми лесами, которые смотрят на нас из-под самых облаков <...>.

А посмотришь вниз, на скаты, убегающие из-под шоссе волнами Ибара, — там целые роскошные сады одичавших орехов и черешен, столетние дубы, вязы, ясени, перепутанные живописными лианами дикого винограда. Тут мы видели вишневые деревья невероятной толщины и вышины, должно быть, таких же и лет. Показывая нам самые поразительные экземпляры этих великанов, сербский возница произнес с гордостью:

— Люди теперь не поверят, что когда наш Георгий Черный и Милош Обренович — пусть помянет их за это Господь — выгоняли из Сербии турок, так пушки приходилось долбить из этих черешневых стволов... Набивали потом на них железные обручи, заряжали себе и палили!.. Да вот, в старые годы сербы с деревянными пушками все крепости турецкие побрали, а в теперешнее время сколько денег мы швабам за дорогие стальные пушки переплатили, а не могли с ними даже болгарских пастухов одолеть[24], — с горечью закончил свои критические размышления наш почтенный автомедон, очевидно, не принадлежавший к партии друзей короля Милана <...>.

Шоссе Ибарского ущелья идет до самой Рашки, т. е. до границы, и в случае войны с Турцией должно играть очень важную роль. Оно построено в течение четырех лет от 1882 до 1886 года, как прочли мы на одном из придорожных фонтанов, и хотя поддерживается плохо, но все же гораздо удобней грунтовой дороги, особенно в такую грязь, как теперь. Хуже всего, что оно почти нигде не ограждено со стороны реки, так что ничего не стоит в темную ночь или даже просто при встрече с каким-нибудь обозом загреметь в глубину обрыва. Один неверный шаг, и все кончено! А между тем сербские селяки так же беспечно, как наши хохлы, спят себе впротяжку в своих повозках, предоставляя своим сивым волам не только везти их, куда хотят, но и сворачивать, как хотят и как умеют, хоть на скалу, хоть прямо в пропасть <...>.

VIII.
Поход в Студеницу

Монастырь Студеница обширнее других монастырей Сербии. Двор его огражден со всех сторон, так что в минуту опасности — что еще не особенно давно здесь было обычным явлением — монастырь мог запереться и отсиживаться в своих стенах. Внутри двора большие каменные корпуса с крытыми галерейками на столбах, очень старинной постройки. В прежние времена монахов в Студенице было много, и все эти дома были заняты жильем иноков; при св. Савве их было больше ста человек, а теперь вместе с архимандритом всего шесть монахов, так что помещения большей частью пустуют. Впрочем, у монастыря довольно большое хозяйство и почти всегда поэтому в стенах его проживает толпа рабочих, не считая гостей и богомольцев. Рабочих мы захватили как раз за ужином на дворе. Посредине этого просторного, травой заросшего двора возвышается величественная и характерная древняя церковь; около этого главного храма стоит другая, маленькая, а несколько поодаль церквочка в форме дома, самая старинная во всем монастыре, посвященная Св. Николаю угоднику. Больше никаких святынь в Студенице нет. Прямо против входа в главный храм — старинный дом архимандрита, вероятно, бывший прежде архиерейским домом <...>.

Архимандрит Феодосий, высокий сухой монах, с длинной седоватой бородой, еще далеко не старый, украшенный на груди драгоценной древней панагией из золота и камней, встретил нас с добродушием гостеприимного и общительного хозяина.

— Молим, седите! — просил он нас по-сербски. Фала Богу, кад си дошо?

— Добро, фала Богу! — отвечал я ему заученные слова.

Мы посидели с ним сначала в парадной гостиной, увешанной портретами сербских владык и королей, потом скоро перебрались на крытую террасу. К нам присоединился там игумен, совсем еще молодой человек, лет 35, но он почти ни разу не присел за стол, а, как евангельская Марфа[25], «заботился и пекся о мнозем», хлопоча по хозяйству и постоянно выбегая и вбегая. Архимандрит показался мне человеком простым, искренним, в высшей степени радушным и исполненным совсем не монашеской жизненности и любознательности. Он просто запаивал и закармливал нас и весело улыбался, глядя на мой аппетит, порядком расходившийся после нескольких часов пешеходства по горам и грязи. Так как сто-

ял Петровский пост, то монастырский ужин, разумеется, подан был постный: очень вкусный суп из фасоли, сушеная форель под каким-то соусом и распластанная вяленая форель на жаркое. Красное густое вино из собственных монастырских виноградников обильно поливало эту постную пищу нашу и веселило наши души, а турецким черным кофе закончили мы свой пир.

Разговор между нами все время шел оживленный, хотя мы с женой говорили по-русски, употребляя по возможности церковнославянские слова и обороты, хорошо знакомые по общим с нами богослужебным книгам нашему любезному хозяину, а почтенный архимандрит беседовал по-сербски, прибегая к той же уловке.

Русского языка он до сего времени ни разу не слыхал. Русских никого не видал и не знает, так что близость нашей речи к его собственной поражала добрейшего инока едва ли не так же искренно, как и наивных селяков у мианы в Лопатинцах <...>.

Архимандрит с самым живым любопытством расспрашивал нас о России. Добродушный инок очень утешался рассказами нашими о могуществе России, о наших богатых монастырях и храмах, о сотне миллионов народа православного; утешался как дитя и тем, что мы с ним, первый раз слыша иноземную речь, можем беседовать друг с другом. Прочли мы друг другу разные молитвы: «Отче наш», «Верую», «Богородицу»; оказалось, что молимся одинаково, и радость архимандрита сделалась еще больше.

Наслушавшись наших рассказов, он проговорил наконец со вздохом:

— Вот если бы Бог дал шваба из Босны и Срема выгнать, турка из Призрена и все бы опять под сербскую корону возвратить... Россия может это сделать!

Я поддержал эту надежду его и уверил, что только нужно подождать немного.

Когда мы встали из-за стола, чтобы отправляться спать, расходившийся старик хотел еще удержать нас и не мог понять, как это мы собираемся завтра же уехать из его монастыря.

— Пожили бы у нас хотя денечка три, по крайней мере — убеждал он нас. — В нашем монастыре гости так редки, и мы уже всегда так рады им бываем. Все ж оживишься немного; каждый день все одно и то же, — поневоле надоест. Я вот теперь готов бы с вами хоть всю ночь просидеть и спать не захотел бы, потому что когда это еще в другой раз случится таких дорогих гостей принимать, братьев своих православных <...>

Сербские монахи, как я и после убедился несколько раз, совсем особенного типа; они вовсе не отшельники и не подвижники, не говорят ни-

кому поучений и не следят ни за чьей нравственностью. Они только служат обедни, исполняют требы и носят черное платье, свободно пользуясь всеми скромными радостями жизни. В мясоед едят мясо, как и светские люди, не избегают никаких собраний и сношений с людьми, пьют вино и ракию, ни от кого не скрываясь и нисколько этим не стесняясь <...>.

Вскочив в 6 часов утра, я с любопытством пересмотрел многочисленные картины и гравюры, которыми были увешаны стены наших комнат. Кроме обычных портретов короля и королевы Натальи, тут оказалось целое собрание исторических и патриотических картин: и сожжение турецким пашой мощей св. Саввы на Врачарском поле, и смерть царя Душана Сильного, и Косовский бой, и убиение Мурада Милошем Кобыличем, и много сцен из позднейших разорений сербов турками; я пожалел только, что даже эти лубочные картины на патриотические темы изготовляются не собственными сербскими мастерами, а, как все в Сербии, руками швабов, захвативших в свое полное и бесспорное обладание все отрасли промышленности в Сербии, от крупных до самых ничтожных; на всех картинах написано: «Герхардт в Beче (Вене)». Очевидно, подобные картины имеют широкий сбыт среди самого простого сербского народа, страстно привязанного к своей старой истории, если венская торговая фирма считает выгодным хлопотать о поддержке сербского патриотизма. Здесь на месте поймешь глубокую ненависть серба к своему многовековому угнетателю турку, когда все его памятники древности, все его церкви, все народные песни и предания, картины, книги и даже живые, еще вполне свежие, воспоминания только и говорят сербу о злодействах турок, об отчаянной борьбе с ними с незапамятных времен народа сербского <...>.

В будние дни в сербских монастырях обедни не служат, довольствуясь, как в русских сельских церквях, одними праздничными службами. Но архимандрит, несмотря на понедельник, вызвался отслужить обедню лично для нас. В 7 часов утра мы отправились поэтому в церковь. Обедня служилась для здешних обычаев очень парадно. Пели на двух клиросах: на правом один весьма голосистый монах да сам архимандрит, присоединявшийся в нему в известные моменты; на левом — два монаха и мальчонок из селяков в белой холщевой рубахе и опанках; звонкий и зычный голос этого мальчишки, привыкшего на своих горных пастбищах перекликаться через утесы и пропасти с товарищами-пастухами, раздавался не только на всю церковь, но и на весь монастырский двор.

Нам было очень радостно услышать на далекой чужбине с детства знакомые слова молитв и увидеть знакомые нам обряды церковной служ-

бы. Эти впечатления вселяют в душу человека невольное чувство братства и единения с теми, кто молится нашей речью и крестится нашим крестом. Пение сербов не мелодическое, но громкое и стройное; только они поют чересчур протяжно, как и греки, которые, конечно, служили им всегда образцом в церковных богослужениях; оттого и служба здесь тянется долго. Некоторые молитвы поются даже лишние против наших. «Отче наш» и «Верую» сербы, как и греки, не поют, а читают, что, впрочем, допускается и в иных русских монастырях. Произносил эти молитвы архимандрит с совершенно правильными русскими ударениями и тем же тоном, которым читают у нас; но певчие его выговаривали церковнославянские слова с такими невозможными ударениями, что мне казалось, будто русские молитвы поются французами или итальянцами. Евангелие читается здесь священником, как и у греков, в царских дверях, лицом к народу, что много удобней для слушателей. После обедни архимандрит пригласил нас на солею, где он открыл нам гроб с мощами св. Стефана, первовенчанного краля сербского — сына Стефана Немани, основателя монастыря и родного брата св. Саввы. Гроб деревянный, лаковый, с изящной перламутровой инкрустацией старинной работы. Мощи покрыты довольно плохими поношенными пеленами; через небольшое отверстие в них прикладываются к челу сербского царя. На груди его находится драгоценный и очень древний золотой киот с частицами животворящего древа Креста Господня, осыпанный каменьями, а в углу гроба насыпана куча денег, серебряных и медных, и даже несколько больших золотых дукатов. Эти дары богомольцев, по старинному обычаю, остаются подолгу в гробнице, пока не понадобится вынуть их оттуда для расходов.

Показав нам мощи, архимандрит повел нас осматривать и все примечательности храма.

В Сербии вся ее история в древних монастырях. Кажется, ни у какого другого народа, славянского и неславянского, религия, православие не слилось так тесно с политическими вождями народа в своих судьбах и в своих вещественных памятниках, как в Сербии. Недаром же ряд сербских старых царей есть в то же время ряд святых сербской церкви, недаром все эти старые цари и крали, кралицы и царицы почиют в своих гробах под титулом иноков и инокинь.

Каждый древний сербский монастырь и храм непременно построен кем-нибудь из прославленных государей, их матерей и жен, как «задушбина» по родителю, брату или мужу, непременно служил местом пристанища для того или другого краля и кралицы в какие-нибудь важные

исторические минуты, а очень часто местом пострижения их или их монашеского жития.

Монастырь Студеница был делом рук смелого собирателя земли сербской, родоначальника славной династии кралей сербских — Стефана Немани, в иночестве Симеона. Огромный, грубо вытесанный каменный гроб Немани стоит прислоненный к стене в построенном им храме, но костей его уже нет в гробу. Уцелела на стене храма и древняя фреска с изображением Стефана Немани, которого Матерь Божия подводит за руку, как ктитора и строителя храма, во имя ее Успения, к престолу Христа, Судии Праведного <...>.

Замечательно. что православие у балканских славян с самых отдаленных веков было до того тесно слито с народностью, что славянские племена, терявшие православие, нечувствительно теряли вместе с тем и свою народность; мусульманство и католичество странным образом убивали в народе его племенное сознание. До сих пор в Боснии, Герцеговине, Черногории, Старой Сербии, по свидетельству глубокого знатока этих стран Гильфердинга[26], серб — значит православный, а православный для простого народа значит серб. Люди, хорошо знавшие, что Гильфердинг русский, «москов», тем не менее постоянно спрашивали его: «Есте ли ви србин?», наивно заменяя этим племенным именем название православный.

«Ваш Царь е србин!», — уверяли они в том же смысле нашего ученого путешественника.

Напротив того, сербы-католики даже сами себя не считают сербами: они не раз говорили Гильфердингу: «У нас нет ни одного серба, мы все латины».

Если вспомнить обычное русское выражение наших простых людей: «Рассейский народушко православный», то нетрудно видеть глубокое сходство воззрений на религию двух братских народов <...>.

Несмотря на троекратное разорение и свой теперешний сравнительный упадок, древний храм Немани все-таки еще носит на себе следы былого великолепия <...>.

Представление это еще более поддерживается уцелевшими в ризнице храма драгоценными предметами древней церковной утвари, хотя здесь не осталось, конечно, и сотой доли прежних богатств. Архимандрит показал нам в одном из боковых приделов храма, также украшенном старинными фресками, требник св. Саввы, обделанный в золотые доски, усыпанный каменьями, его же огромное кадило из золота дивной работы, древнее, художественно написанное, рукописное Евангелие

колоссальных размеров с превосходными миниатюрами, множество складных икон драгоценной золотой резьбы, усыпанных каменьями с частицами св. мощей, с историческими надписями св. Саввы, св. Стефана и других сербских кралей, золотые сосуды всякого рода, золотые перстни, ручки, ножки и всякие другие жертвы прихожан, получавших здесь исцеление от своих болезней. Один потир огромной величины, как видно из надписи его, пожертвован Студеницкой лавре гетманом запорожским, князем Даниилом Апостолом[27] и женой его в 1703 году. Драгоценные золотые ризы св. Саввы, украшенные каменьями, совсем как новые, несмотря на столько протекших веков; один орар его же времени весь унизан золотыми дощечками с дорогими камнями так что вообще нужно думать, что во времена Неманичей золото рекой текло, если не у сербов, то у сербских царей. Особенным благоговением пользуется большой стоячий крест св. Саввы из массивного золота, филигранной работы, осыпанный очень крупными драгоценными камнями. Интересен хранящийся в ризнице план древней лавры Студеницкой, вырезанный на медной доске, из которого можно видеть, сколько храмов воздвигнуто было некогда в ее стенах, как были велики и высоки они, и какое огромное пространство занимали...

Стоит еще в ризнице богатая, серебром украшенная рака с крестом, копьем царским и посохом на крышке, вылитыми из серебра, обитая внутри малиновым бархатом с большими серебряными медальонами, рельефно изображающими главные события из жизни св. Стефана Первовенчанного; раку эту подарила Студеницкой обители жена князя Александра Карагеоргиевича для положения туда костей св. Стефана, но до сих пор гробница эта стоит без употребления, потому что митрополит сербский, может быть из политических причин, не разрешает обратить по назначению дар одной из представительниц низложенной династии <...>.

В доме своем архимандрит показал нам тщательно хранимое в футлярах большое и дорогое Евангелие, присланное в Студеницкую обитель покойной императрицей Марией Александровной[28], о чем и сделана надпись. Монастырь очень гордится этим даром нашего царского семейства и особенно дорожит им; архимандрит никогда не упустит случая показать Евангелие, присланное Русской Царицей.

Мы еще провели порядочно времени за обильным завтраком; гостеприимный архимандрит всячески уговаривал нас остаться и переждать нынешний дождливый день; после многих взаимных излияний дружбы и пожеланий всякого рода, мы, наконец, простились с добрым хозяином и выступили в поход <...>.

IX.
В Шумадии[29]

Мы опять едем мимо архиерейского дома и «Ратарской школы». В этом центральном земледельческом институте живут сто казенных пансионеров, и при них директор. Четыре профессора разных агрономических наук составляют вместе с директором педагогический персонал заведения, но уже живут на частных квартирах. У «Ратарской школы» есть своя земля, виноградники, отличный скот.

Земледелие пока еще единственный промысел серба. Проезжая улицами Кралева и не видя в них, как и в других сербских городах, ничего, кроме мелочных лавчонок и кофеен, изумляешься, до какой степени не развита промышленность и серьезная торговля в таком способном народе, при таких природных богатствах и при таком выгодном торговом положении страны на течениях Дуная, Савы, Муравы, на великом железнодорожном пути, соединяющем европейские промышленные центры с Турцией, Грецией и Архипелагом. Может быть, будущее подвинет Сербию и в этом отношении, если ее до того времени не закрепостит себе окончательно соседняя австрийская промышленность и торговля; ведь переродились же до неузнаваемости города Сербии, по признанию всех знающих людей, и с внешней стороны, и в смысле удобств жизни, после освобождения страны от турок, которых владычество вовсе не такое уже далекое историческое событие. Но в настоящую минуту можно смело сказать, что Сербия — страна без фабрик, без заводов, без промышленности...

Сербии делают большую честь ее большие дороги. Мы едем почти везде по удобному шоссе, и в нескольких верстах от Кралева переезжаем по огромному каменному мосту с ледорезами широкую и величественную сербскую Мураву <...>.

Мы теперь на левом берегу сербской Муравы, в так называемом «леваче», или Шумадии. Шумадия — значит страна лесов («*шума*»*) и она оправдывает свое название. Шумадия тянется на север до самого Белградского округа <...>. Она производит на путешественника отрадное впечатление; видно сейчас, что это житница Сербии. Зеленые холмы покрыты уже не сплошными лесами как в старину и как покрыты до сих пор более высокие горы Шумадии, а усеяны рощами и одиноко разбросанными маститыми деревьями, дубами, вязами, ясенями, орехами, живопис-

* *Шума* (сербск.) — лес, дубрава.

ными остатками былых дремучих лесов, давших имя этой стране. А холмы эти один на одном, так что, кажется, едешь бесконечным зеленым парком. На сочных лугах между холмами бродит сытый и крупный скот, похожий на наш малороссийский, серый и белый; свиней совсем не так много в полях, как обыкновенно приписывается Сербии. Полей тоже немного, все больше пастбища, а виноградников тут даже не видно. Вообще все здесь смотрит знакомой нам русской равниной какой-нибудь Подольской или Киевской губернии, а вовсе не настоящим югом. Среди зелени рощ весело вырезаются на холмах отдельные хуторки и домики шумадийцев, всегда каменные, всегда белые, с длиннейшими белыми трубами и непременно окруженные опрятными садиками слив и вишен и густыми кукурузниками. На всем пути мы встречали совсем уже спелые, прекрасные розовые черешни, целая корзина которых охотно отдавалась нам за каких-нибудь 25–30 пар.

Народ одет чисто и нарядно; все ездят в приличных удобных фурах, придорожные мианы, большие хорошие дома с тенистыми галереями полны отдыхающего и мирно беседующего народа; безо всякого следа пьяных сцен, ссор или брани. На всем лежит отпечаток скромного довольства, скромных вкусов, домовитости и трудолюбия. У всякого, по-видимому, есть все то простое и немногое, что ему необходимо в его бесхитростном деревенском быту. А вместе с тем все здесь дышит непринужденностью и свободой жизни. Пахарь и извозчик здесь говорят с вами, смотрят на вас, обращаются с вами естественно и искренно.

Летний наряд шумадийца в будние дни — белая холщовая рубаха и такие же белые шаровары; сверху рубашки — куртка-безрукавка черного сукна, кое-где расшитая шнурками; когда холодно, то на безрукавку надевается свитка с рукавами, а от дождя накидывается на плеча так называемый «*огардач*»*, вроде бурки или охобня с башлыком. На ногах у серба — длинные до колена, черные, суконные чулки с разноцветной вышивкой и опанки из воловьей кожи, перевязанные через пальцы и вокруг лодыжек ремнями, наподобие сандалий; на голове мягкая шапочка с провалом посередине, редко турецкая феска, почти вытесненная теперь из обихода серба, а чаще всего самодельная соломенная или войлочная шляпа, более удобная в жаркое время <...>.

В Грубевце нужно было покормить лошадей. Хотя мы остановились в приличной и просторной миане, где были даже кровати с постелями и селяки-посетители сидели за столиками, накрытыми, как и в любой гости-

* От сербск. *огртач* — плащ, накидка.

нице, обычными приборами, но нам хотелось познакомиться с бытом здешних зажиточных крестьян. Николай Иванович повел нас поэтому к одному своему знакомому богатенькому селяку. Селяк этот, как все более достаточные сербские крестьяне, оказался местным торговцем; у него своя лавка и миана, в доме у него целых четыре комнаты, мебель городская, часы, вешалки и всякие вообще вещи, между прочим и любимый народный инструмент — гусли; быт такого селяка, конечно, нельзя считать типичным для среднего крестьянина Шумадии.

В селах, которые мы проезжали, меня удивляло, что в пейзаже их совсем почти не видно церквей; в то время как первый предмет, бросающийся в глаза при въезде в русское село, — храм Божий, стоящий всегда на видном месте и резко выделяющийся своей величиной и красотой из массы скромных крестьянских изб, в сербской деревне церкви словно запрятаны куда-то, может быть, потому, что помещаются в таких же маленьких домах как и жилья крестьян, а, может быть, и потому, что их очень мало. Это, конечно, наследие долгого турецкого рабства, когда под страхом казни сербам запрещалось строить новые церкви и поправлять старые без дозволения паши и строго запрещалось поднимать над молельным домом купола, башни и кресты.

Но все-таки одной этой причиной не объяснишь такого поразительного отсутствия <...>. Судя по отзывам местных людей религиозность действительно слабо развита у сербов. И наш драгоман, и русский консул, и архимандриты посещенных нами монастырей — все единогласно утверждали, что чиновники и военные почти совсем не посещают церквей. Простой народ ходит в них мало и редко, а жертвует еще меньше. Самым наглядным доказательством этого общего упадка религии служит тот знаменательный факт, что в самых популярных исторических святынях Сербии, в ее древних монастырях, везде очень запущенных, строго говоря, нет монашествующей братии, а почти всегда живет один только настоятель со своим подручным монахом, распоряжающийся доходами с монастырских земель. Народ почитает эти монастыри больше как памятники патриотизма, чем как религиозные учреждения. Зато деревенские мианы всегда полны посетителей, всегда с доходом и всегда выделяются среди деревенских построек величиной и сравнительной красотой своих зданий <...>.

Очень недалеко от нашей теперешней дороги, у Брусницы, или так называемого теперь Горного Милановца, знаменитое село Такова[30] — старое гнездо Милоша; сербский орден Такова обязан своим названием этому историческому месту. Как у всех глубоко демократических народов — евреев, арабов, греков — у сербов пастухи прямо делались царями, и

прославленные полководцы свободно обращались опять в торговцев свиньями. Милош, деспотичный владыка Сербии, до зрелых лет нанимался в пастухи и гонял хозяйских быков на базары в приморские города Адриатики <...>.

X.
Старая столица Милоша Обреновича

Крагуевац — своего рода Москва Сербии <...>. Это центр сербской внутренеей торговли хлебом, скотом, кожами. Тут много кожевенных заводов и вместе с тем главное средоточие оружейной части Сербии, для которой Крагуевац служит в этом отношении фабрикой и запасным складом.

В Крагуевце постоянно стоит довольно много войска. Мы застали здесь два батальона пехоты, эскадрон кавалерии и две батареи, не считая команды саперов и пиротехников. Город сам по себе вполне порядочный: прекрасные тротуары и мостовые, много красивых больших домов, вообще его нельзя сравнять с Кралево, Нишем, Крушевцом и другими посещенными нами сербскими городами. Еще подъезжая к Крагуевцу, любуешься прекрасным зданием Пиротехникума, стоящим на отдельном холме около города; там начиняют порохом, динамитом, пулями разные виды гранат и ядер. Хорошенький тенистый сад на берегу Лепеницы тоже скрашивает пейзаж города. Около сада, тоже на берегу реки, с одной стороны старый конак Милоша Обреновича, с другой — громадные заведения арсенала, составляющего патриотическую гордость Сербии. Милошев конак напомнил мне своей простотой бывший конак турецкого паши в Нише. В нем не сохранилось ничего исторически-интересного; в настоящее время в нем помещается офицерское собрание, а в надворных постройках его — штаб Шумадийского корпуса. Главная улица людна и оживлена; хорошие дома, порядочные магазины; кофеен, конечно, без числа. Гостиница Такова, где мы остановились, обширная и удобная; номера приличные, постели чистые; внизу большая зала для театра, большая столовая, большая кофейня; все на широкую ногу, хотя и не совсем чистоплотно.

У нас были записки от любезного нишского префекта к некоторым знакомым его и мы с женой решились, пользуясь хорошей погодой, пройтись пешком, чтобы осмотреть город, а вместе с тем разыскать своих будущих знакомых. Драгоман наш Николай Иванович, разумеется, нам сопутствовал. Один приятель префекта был ротмистр, другой — доктор.

На квартирах этих господ не оказалось, и знающий все местные обычаи драгоман наш предложил заглянуть в более посещаемые кофейни, так как в известные часы дня каждый порядочный серб обязательно заседает в своей излюбленной кофейне.

Николай Иванович не ошибся, и мы без особенного труда разыскали в кофейнях главной улицы обоих адресатов. Доктор, впрочем, отнесся к нам совсем не любезно, извинился, что на этот вечер не может быть у нас по случаю каких-то занятий, и обещался зайти завтра, но так и не зашел. Ротмистр же встретил нас очень радушно, поводил нас по городу, посидел с нами в нашей гостинице и, уходя к себе, обещал прийти еще раз вечером. Действительно, он явился к нам после нашего позднего обеда или, если хотите, ужина, когда мы еще сидели внизу в столовой, и привел с собой, во-первых, родного брата своего, штатского, а, во-вторых, капитана — молодого человека, всего только два года кончившего курс в Петербургской артиллерийской академии и говорившего довольно свободно по-русски, хотя, конечно, с сербским акцентом и с примесью сербских слов. Мы просидели до глубокой ночи в этой компании своих новых знакомых со стаканами вина. Главным оратором был ротмистр, горячий патриот с решительными взглядами, умный и хорошо образованный, учившийся в Брюссельской военной академии и в каком-то из немецких университетов; он говорит и по-французски, но гораздо лучше по-немецки, как все образованные сербы; знаком по книгам с Россией и с ходом европейской политики и лично участвовал в сербско-турецкой войне.

Меня очень заинтересовали его энергические и откровенные речи, в которых он на отличном немецком языке высказывал интимные взгляды сербов на Россию и Европу, много раз потом слышанные из разных других сербских уст.

— Ни к одному народу Европа и Россия (?) не были так неблагодарны, как к нам, сербам, — между прочим говорил он. — Все забыли, какую великую роль сыграла Сербия в истории Европы. Сербия грудью отстояла ее от турецкого нашествия и хотя сама легла костьми в неравной борьбе, но остановила на себе поток мусульманства, не пустив его дальше за Дунай, и защитила христианскую веру. Вспомните потом как освободилась Сербия! В то время как Греции и особенно Болгарии помогали и Россия, и разные другие европейские государства, Сербия была оставлена безо всякой помощи и исключительно собственными ничтожными силами, геройством своего народа, отбилась от варваров и сбросила с себя пятисотлетнее иго...

— Вы забыли, однако, 1810 и 1811 год, — парировал я, — забыли Цукато[31], графа Орурка,[32] Кутузова,[33] которые столько помогли вам. А потом забыли самое главное: мощный голос русского царя, спасшего Сербию от полного разгрома после Дьюниша... Не говорю уже об Адрианопольском мире[34], которым опять же русские окончательно закрепили самостоятельность и права сербского княжества.

— Да, конечно, русским мы несколько (!) обязаны в этом отношении, но все-таки Россия никогда не принимала серьезно к сердцу сербские интересы, — продолжал ротмистр свою горячую диатрибу. — Сравните, например, что она делала, чем жертвовала для Болгарии, и что сделала для нас? Болгарию она взлелеяла как родное детище, а к нам отнеслась как к каким-то пасынкам. А что сделала для России Болгария, чем заслужила она такую любовь? Тем разве, что в то время как русские войска проливали за них свою кровь, болгары передавали туркам оружие, раздававшееся им русскими, и служили туркам надежными шпионами за движением и расположением русских войск? Да и вообще, что сделали болгары в истории, в чем проявили свое право на сочувствие просвещенного мира? Сами они, можно сказать, пальцем не пошевельнули, чтобы добиться свободного и достойного человеческого существования, за них думали и делали другие. А между тем ваша русская идея так называемой великой Болгарии, никогда, кстати сказать, не существовавшей и прямо-таки сочиненной вашими дипломатами по подстрекательству близких к ним болгар, должна была нанести смертельный удар самым дорогим надеждам сербского народа и самым священным историческим правам его... Это еще счастье, что Берлинский конгресс разрушил ваши Сан-Стефанские планы. Дипломатам вашим некогда, конечно, изучать нашу историю; мы слишком мелкие сошки сравнительно с Россией, а если бы они знали как следовало историю балканских народов, так они убедились бы, что наградили выдуманную ими Болгарию старыми родовыми землями Сербии. Даже София их была всегда сербская. Там до сих пор хранится гроб сербского царя Милутина[35].

— Знаете что, ротмистр, — заметил я. — Я тоже немного знаком с историей балканских народностей, на которую вы ссылаетесь, и скажу вам, что одни и те же области в разные эпохи истории несомненно бывали и под греческой, и под болгарской, и под сербской властью, так что разобраться в этих наслоениях довольно трудно даже для ученых специалистов, а не только для дипломатов. Россией во всяком случае руководила цель очень практическая и направленная ко благу всех вообще славянских народностей Балканского полуострова. Важно было прежде всего

освободить эти балканские народности от непосредственного турецкого владычества. Сербия, Румыния, Греция тогда уже были свободны, благодаря больше всего той же России, очередь оставалась за Болгарией; естественно, что на ней и сосредоточились русские усилия.

— Но зачем же в таком случае заграждать нам путь в бесспорно сербские древние земли, на которые не простирает своих притязаний ни Болгария, ни Греция? Я говорю про Боснию и Герцеговину, составлявшие издревле основное ядро Сербского царства, удел нашего св. Саввы? Зачем этот деспотический запрет сербам переходить Дрину? Мы могли рассчитывать по крайней мере, что наше кровное наследие — Старая Сербия, Призрен, Печь[36], Косово поле, добытые во время русско-турецкой войны кровью сербов, с боя отнятые у турок, будут оставлены нам как законный трофей наш. И что же вышло? Сербия покорно, как ребенок, слушаясь России, не пошла за Дрину, не послала ни одного солдата в Герцеговину и Боснию, геройски билась за вас с врагом вашим в Старой Сербии, а в Сан-Стефанском договоре и на Берлинском конгрессе ее совершенно забыли, за ее интересы не поднялось ничьего голоса. Мало того, Сербию принесли в жертву, разбили всю историческую будущность Сербии, отдав половину земель древней сербской короны во владычество гораздо более опасного и гораздо более ненавистного сербу врага — швабов! У Сербии, кроме того, отняли завоеванные ею драгоценнейшие для нее области, священное для каждого серба Косово поле и всю Старую Сербию, и заставили ограничиться клочком земли с Пиротом и Нишем! Вы скажете, — я знаю, — что виновата в этом Европа, Берлинский конгресс, а не Россия. Но это несправедливо, этот вопрос теперь выяснен вполне: Россия связала себя обещанием уступить эти области Австрии еще ранее войны. Значит, я прав, что Сербия была принесена в жертву интересам вновь созданной Болгарии, которая одна была нужна России...

— Вот эта-то взаимная зависть и взаимные счеты всегда губили славянство! — заметил я. Вместо того, чтобы быть благодарными России за то, что она могла сделать для Сербии, вы, сербы, завистливо учитываете, что для других ваших братьев она успела сделать больше, и — плоды этой взаимной враждебности уже сильно сказались в сербско-болгарской войне... Много добра принесла она и вам, и болгарам?

— В этой безумной войне виновата не столько Сербия, сколько Австрия, — сказал ротмистр. — Она всячески подбивала нас против болгар, чтобы обессилить и их, и нас и чтобы надолго установить среди балканских народностей вражду и рознь, которые ей так с руки. А мы сдуру поддались ее коварным советам, надеясь на ее помощь. Та же Австрия так же

подло подбивала прежде к восстанию Боснию и Герцеговину, чтоб иметь потом повод водворять в них спокойствие своими войсками и присоединить их к себе под благовидным титулом «оккупации». Но то Австрия, вечный враг и ненавистник Сербии. От нее и ожидать другого было нельзя. Но Россия!.. Знаете ли, что в Сербии всякий крестьянин так привязан к России, что при нем невозможно сказать дурного слова про русских, про руского царя! Знаете ли вы, что в наших деревнях «Боже царя храни!» — любимейший гимн, который они нередко играют целую ночь во время своих праздников? Простой серб не называет русских иначе как братьями... Оттого-то нам особенно больно невнимание России к Сербии и ее ничем не оправдываемое пристрастие к болгарам, отплатившим ей такой позорной неблагодарностью...

Мне были очень приятны эти уверения сербского офицера в привязанности сербов к России, но в то же время я внутренне улыбался, что эти выражения братских чувств между сербом и русским должны происходить не на сербском и не на русском языках, а на языке тех самых ненавистных сербу швабов, которых он только что обвинял во всех бедах.

Мы сговорились с капитаном, что он заедет за нами утром показать нам их знаменитый крагуевацкий арсенал, где он заведует одним из отделов. Напившись с ним кофе в кофейне нашего отеля, мы действительно отправились на этот осмотр. По дороге видели прекрасный пятиглавый собор совершенно в русском вкусе и красивое здание гимназии в стиле Лувра[37]. Заведения крагуевацкого арсенала составляют целый отдельный городок огромных и ценных зданий; в бойкое время тут работает до двух тысяч рабочих, во время затишья, как теперь, человек до семисот. Стоит он несколько миллионов рублей, в том виде, в какой он теперь приведен перестройкой старых и постройкой новых зданий и расширением сферы его деятельности в 1880 году. Но основание ему положено было, как и почти всему полезному в Сербии, Милошем Обреновичем — этим Петром Великим сербского царства, — который лил здесь свои первые чугунные пушки. В складах арсенала нам показывали эти «пушки освобождения» — маленькие, грубые, неуклюжие, почитаемые, однако, как заслуженные ветераны великой эпохи. Мастерские арсенала самого разнообразного характера: это практический политехникум своего рода. Тут фабрикуют и гильзы для патронов, и ружья, и сабли; тут льют пушки, тут изготовляют седла, повозки, вьют канаты, делают кирпичи, режут доски. При крайнем недостатке в Сербии частных заводов, фабрик, мастерских и мастеров, крагуевацкий арсенал является незаменимым, почти единственным поставщиком необходимых предметов

всякого рода даже и частным лицам, от которых он охотно принимает заказы в мирное время <...>.

После всех оружейных, «*ливниц*»*, где льют чугун и сталь, кузен, седелен, столярен, мы посетили и склад готового оружия, собственно арсенал или цейхгауз, где сложены бесчисленные количества сабель, оружия, из которых очень много русских, седел, конских приборов и т.п. Пушки тут висят в чехлах, на цепях, как опасные звери. Склад этот рассчитан на целый Шумадийский корпус, а для остальных войск в разных местах Сербии устроены еще четыре других оружейных склада.

Пробродив несколько часов среди целого леса колес, ремней, шестерней, станков, мы простились с любезным спутником нашим и вернулись в свою гостиницу, чтобы успеть поесть и тронуться в дальнейший путь.

Но осмотр всех этих истребительных орудий, изобретаемых гением человечества на взаимную гибель, оставил во мне тяжелое впечатление, и я искренне жалел, что даже такой скромно поставленный народец, как сербы, вынужден общей системой политической жизни Европы расходовать свои последние скудные гроши на устройство миллионных заводов для приготовления всяких смертоносных средств, в то время как во всем государстве до сих пор нет ни одной хорошей фабрики необходимейших сельскохозяйственных машин и орудий.

Путь наш лежал на город Ягодин[38]. Это все та же Шумадия с ее счастливыми лесистыми холмами, обильными полями, зелеными пастбищами. Жатва уже началась, сенокос был в полном разгаре. Сады как кровью облиты красными вишнями.

По дороге нам захотелось осмотреть простую крестьянскую хату, одиноко торчвшую в лощинке среди зеленого садика. Внутри — бедно, неприютно, нечистоплотно, — какая-то цыганская сакля вместо ожидаемой мной прибранной и аккуратно смазанной малороссийской хаты. Турецкое рабство, без сомнения, повлияло на этот бездомный характер сербской «кучи». В первой комнате очаг под сквозным татарским камином; казан висит над огнем; другой казан стоит около; в золе валяются две плоские лепешки, заменяющие хлеб. Даже и способ печения хлеба совсем цыганский. В углу шкапчик с грязной посудой; несколько низеньких самодельных стульцев стоят кое-где. Другую комнату всю заставил ткацкий станок и захватили в свое владычество куры. Третья комната тоже очень неопрятная, служит спальней хозяевам. Кроме избы есть еще кладовая в особом строении и крошечная молочная. Двора, хлевов, сараев — ника-

* *Ливница* (сербск.) — литейная мастерская, цех.

ких. Сад полон фруктов. Полную корзину вишен нам с радостью отдали за 10 копеек, потому что никто из селяков плодов не покупает, все имеют свое и едят даром <...>.

Драгоман наш посоветовал нам осмотреть, не доезжая Ягодина, единственную в Сербии стеклянную фабрику, что мы, конечно, и исполнили по обязанности присяжных туристов. Фабрика действительно очень мала и по внешнему объему своему, и по свои торговым оборотам, — работает в ней всего 70 человек.

В благодарность за внимание хозяина, которого мы отвлекли от дела часа на два, мы накупили из его склада разных стеклянных вещиц довольно аляповатой работы в воспоминание о едва начинающейся сербской промышленности.

Замечательно, что до сих пор в Сербии не основалось ни одной фарфоровой и фаянсовой фабрики: до того страна эта бедна знаниями, капиталами и предприимчивостью; а между тем, по словам самих сербов, у Ниша, и, вероятно, в других местностях есть прекрасная фарфоровая глина, так же как глина для каменной посуды.

Ягодин — неважный городишко; хотя улицы его окружены порядочными каменными домами, но торгового движения никакого, как в наших захолустных уездных городах; единственный завод его — большая пивоварня <...>.

К Мураве мы подъехали еще засветло, уже под самой Чуприей[39]. Знаменитая сербская река здесь очень широка и смотрит настоящим Дунаем <...>.

В Чуприи местопребывание окружного суда и начальника Муравского округа или префекта, которому подведомственны пять начальников срезов. Этот окружной начальник, предуведомленный любезным префектом Ниша, тотчас же явился к нам в гостиницу и провел с нами целый вечер. Чуприйский префект был настолько мил, что обещал нам съездить с нами в знаменитый сербский монастырь Раваницу[40], ради которого мы собственно и заехали в Чуприю, которая сама по себе не представляет ничего интересного. С вечера послан был верховой пандур предуведомить архимандрита о нашем прибытии в монастырь, где, как нарочно, праздновалась завтра «слава», т. е. престольный праздник этого древнего монастыря.

Завтра было 15 июня, прискорбный для памяти сербов «Видов день» — день Косова побоища и геройской смерти их святого царя Лазаря, имени которого посвящена Раваница. В этот день во всех церквях Сербии совершается панихида по убитым на Косовом поле. Префекту необходимо было поэтому отстоять обедню в городском соборе, и он обещал приехать в монастырь вслед за нами, как только кончится служба <...>.

XI.
«Слава» в монастыре Раванице

Мы встали в 5 часов утра и, напившись кофе с молоком, тотчас же отправились в путь, предшествуемые верховым пандуром. Сербы необыкновенно приветливы к иностранцам: не только простой народ, но многие офицеры и по-европейски одетые пожилые люди вежливо кланяются, встречаясь с нами. На базаре толпилось множество народу. Тут в первый раз мы увидели сербских румын, обитателей восточных округов Сербии, в их громадных лохматых «*шубарах*»*, т. е. бараньих шапках грибом, совершенно таких, какие носят у нас за Кавказом елизаветпольские и карабахские татары. Эти полудикие румыны, когда-то переселившиеся из соседней Валахии[41], гораздо грубее и невежественнее сербов: оттого в местностях, где они живут, в том числе и в окрестностях Раваницы, почти всегда бывают грабежи, воровство, разбои, так что иметь при себе конвойных на этих дорогах вовсе не лишнее <...>.

Монастырь и замок Раваница были построены царем Лазарем, так что уступают по возрасту обителям Студеницы и Жичи[42]. После Косовского побоища сын Лазаря Стефан перенес его кости, как говорит старая сербская песня, «в задушбину его в его прекрасную Раваницу, под высокую, под Кучай-планину, что соградил Лазарь церковь еще при жизни своей, что соградил свою задушбину на свой хлеб, на свои деньги, без слез без сиротских»; но когда через пятьдесят лет после Косова турки овладели замком и монастырем, останки царя-мученика, глубоко почитаемые сербским народом, были перенесены на рубеж сербского царства, во владения австрийского цесаря, в тот Срем, или Сирмию — пограничную с Сербией страну между Дунаем, Савой и Дравой, — куда сербский патриарх Арсений Черноевич возымел в 1690 г. несчастную мысль перенести «Славяно-сербский патриарший престол» из разрушенной турками Печи и переселить вслед за собой 37000 сербских семейств из разоренного сербского царства.

В знаменитой тамошней Лавре «Фрушка гора»[43], в монастыре Врдник[44], недалеко от Карловца[45], теперешнего местопребывания патриарха австрийских сербов, до сих пор сохраняются вместе с серебряной моделью Раваницкой церкви, праздничным платьем царя Лазаря и различными историческими документами, касающимися Раваницкого монастыря, мощи святого царя, привлекая к себе в день 15 июня бесчисленное множество богомольцев изо всех стран, где только живут сербы. Богатство и роскошное убранство этого

* *Шубара* (сербск.) — меховая шапка.

сербского монастыря, как уверяли нас в Раванице, превосходит всякое воображение. Но это внешнее благосостояние австрийско-сербской церкви не может вознаградить собой той смертельной раны, которая была нанесена сербскому православию злополучным поступком патриарха Арсения. Он имел, конечно, очень важные причины к задуманному им перенесению центра сербского православия из древнего исторического гнезда в чужую землю, где вместо невыносимых турецких притеснений и обид ему обещана была полная свобода вероисповедания, самостоятельность местного управления посредством выборных народом властей и свобода сербского племени от податей, с одним только условием — быть верными стражами против ненавистных им турок южных рубежей Австрийской империи. Но будущее показало, как прискорбно ошибся несчастный патриарх. Сербская народность на северных берегах Дуная была скоро задавлена наплывом мадьярских, валашских и немецких колонистов и почти везде уступила им господство, едва отстаивая в настоящее время свое право на самостоятельное существование; свобода православия, торжественно обеспеченная грамотой венского цесаря на деле окончилась насильственным обращением сербов в унию, вследствие которой уже в 1751 г. сто тысяч сербов ушли из Австрии в южную Россию, где императрица Елизавета[46] устроила из них так называемый славяно-сербский округ, доныне сохранившийся в названии Славяно-сербского уезда[47]. Самый сан сербского патриарха был уничтожен распоряжением австрийского правительства, и только в годину смертельной опасности, которой подвергалась Австрийская монархия от восстания венгров, сербы, геройски сражавшиеся против них за австрийскую корону, в своем народном собрании 1 мая 1848 года заставили восстановить сербский патриархат в лице митрополита Иосифа Раячича[48].

Так же вероломно поступила всегда коварная Австрия и с политическими правами сербских поселенцев своих. Первый же выбранный сербами воевода был заточен в крепость и там окончил свои дни после 22-летних страданий[49]. Вместо излюбленных народом своих же властей сербы были отданы на произвол и притеснения мадьярских и немецких начальников и обременены, вопреки цесарской грамоте, самыми тяжелыми податями. Но главный вред нанесен был переселением Черноевичем самой Сербии. Так называемая «Старая Сербия», основа всего сербского царства, обратилась сразу в пустыню, потому что переселенцы, двинувшиеся вслед за патриархом, были именно жители мест ближайших к патриаршей Печи, Дечанам[50], Призрену, Косову полю, Новому Пазару и пр. Сейчас же вслед за этим отливом лучшей сербской крови от самого сердца сербского тела в образовавшуюся пустоту хлынули со своих бесплодных гор дикие арнауты Албании, и плодо-

носные равнины Старой Сербии, сиявшие древними монастырями и богатыми православными храмами, «задушбинами» тут же погребенных славных «кралей» Сербии, обратились с тех пор в гнездо самого ярого мусульманского фанатизма и в недоступную глушь албанского варварства <...>.

Мы застали в монастыре утреню и простояли потом всю обедню и длинную панихиду по убитым в Косовом поле <...>.

Вообще внутренний вид Раваницкого храма производит впечатление запущенности: все в нем облезло, обносилось, осыпалось. Мраморный пол разошелся широкими трещинами, растрескался на кусочки, трава пробилась сквозь швы плит; земля видна сквозь трещины. Плохенькие аналои прикрыты сальными тряпками или грубыми пестрыми полотенцами; священники в самый главный свой престольный праздник служат в потертых и лопнувших по швам стареньких ризах.

Но тем больше впечатления производит на душу, среди царящей здесь бедности и запущенности, искреннее и благообразное служение скромных иноков, которые охраняют эти исторические развалины, как доблестные воины вынесенное из кровавого боя в клочки изорванное старое знамя свое. Эти кинжалами выскобленные, выбитые пулями лики угодников на стенах так живо переносят воображение в долгие века страданий и преследований, окружавших христианскую церковь Сербии; сербский народ отстоял однако ценой своей крови и своего благосостояния, не продавая ни за какие земные блага свое право молиться у этого бедного алтаря, перед этими полинялыми, детски-неумелыми изображениями, которые он прятал как драгоценнейшее сокровище свое в глубине глухих ущелий, на недоступных обрывах гор.

Мы простояли в церкви от семи до одиннадцати часов. Здесь даже и в утрени почти ничего не читают, а все поют — и поют старательно и благоговейно, ясно выговаривая всякое слово, нисколько не торопясь, значительно понятнее, чем у нас в приходских церквах. Басов тут нет, а все высокие и тонкие тенора. Напевы несколько напоминают простые русские напевы.

Сербский народ не понимает своих церковных книг, кроме некоторых начетчиков и учившихся в школах церковно-славянскому языку; даже старые попы не всё и не все понимают в них, но молодые попы новой школы подготовлены в этом отношении гораздо лучше. Нам же, русским, было отрадно слушать в этой далекой от нас чужой стороне церковные службы на своем родном языке, с давно знакомыми напевами и по нашим же книгам, отрадно было сознавать, что этот, разлученный от нас целым тысячелетием, маленький единоплеменный народ сумел сохранить в такой целости, несмотря на всевозможные препятствия и опасности, единую с нами веру и единую речь в молитвах своих.

Архимандрит Иосиф, служивший обедню, — человек еще довольно молодой; другой священник — старый и заметно хуже читает по-церковнославянски. Зато дьякон — только что окончивший учение юноша, очень симпатичный и благообразный, служит превосходно. На левом клиросе пел простой серб, кажется, сторож монастыря, на правом — священник из соседнего села Сени, пришедший на «Славу» в Раваницу во главе своих прихожан или, вернее, прихожанок, потому что от всей публики было только 16 баб и ни одного мужчины. Хотя священник объяснял это нам спешностью полевых работ, задержанных постоянными дождями, но, во всяком случае, это дает довольно печальное понятие о характере сербской религиозности, так близко напоминающей все то же, чему мы были свидетелями в Греции. И тут, и там церковь обратилась в знамя народного патриотизма, за которое и грек, и серб готовы умереть на поле битвы, но которое не проникает нисколько во внутреннюю жизнь народа, ничем не отражается на его духовных потребностях и привычках <...>.

После обедни архимандрит показал нам маленькую монастырскую библиотеку. В двух шкафах небольшое собрание сербских книг и среди них очень немного русских. Тут же и ризница. Большое кованое Евангелие из России, как и все вообще богослужебные книги и некоторые сосуды. Есть древние стоячие кресты разных веков, но монастырь уже не помнит, кем и когда пожертвованы они. Самый интересный исторический документ библиотеки — это жалованная грамота русских царей и великих князей Петра[51] и Иоанна[52] Алексеевичей с уцелевшей еще при ней массивной восковой печатью, обернутой в шелк; грамотой этой предоставляется Раваницкому монастырю право через каждые семь лет присылать в Россию монахов для сбора на монастырь. Такая же точно подтвердительная грамота и от императрицы Елизаветы Петровны 1748 года. Хранится здесь и копия с дарственной грамоты царя Лазаря, из которой видно, что в его время во владении Раваницкого монастыря было 148 сел, 3 ярмарки, 5 мостов, и кроме того монастырь получал ежегодно по 125 литр серебра из царских серебряных рудников. Показывали нам также часть полковых одежд царя Лазаря и некоторые другие древние вещи.

По осмотре всего, что было интересного в монастыре и древнем замке, мы, наконец, были приглашены в комнаты для почтенных богомольцев, где архимандрит угостил нас, по обыкновению, сначала вареньем с водой и кофеем, а потом и обедом, к которому кстати подоспел и префект Чуприи.

Меня очень утешало, что мы все время объяснялись и с архимандритом, и с сенским попом безо всякого посредства драгомана, вполне пони-

мая друг друга. Сенский поп оказался бывшим военным и не раз сражался рядом с нашими русскими добровольцами под командой Черняева.

— О, да и юнаки же ваши русские! — с увлечением рассказывал нам этот воин-священник. — Так и лезли вперед, за ними всякий храбро шел. А уж отступить ни за что не отступят, — на месте умирали, не жалели себя!

В два часа дня мы распростились с гостеприимным архимандритом, вручив ему свою лепту на монастырь, и покинули Раваницу, чтобы посетить последнюю из намеченных нами исторических святынь Сербии — монастырь Манассию[53] <...>.

Редко какой город сохранился в такой целости как эта знаменитая крепость «Высокого Стефана Деспота», сына и преемника несчастного краля Лазаря <...>.

XII.
Крепость и обитель Высокого Стефана Деспота

Коляска наша, провожаемая скачущими пандурами, с громом вкатилась под древние своды ворот. Везде кругом навалены тесаные камни, брусья и бревна, приготовленные для постройки.

Навстречу нам идет быстрыми шагами изнутри двора старый седобородый монах в поношенной рясе, бронзовый от загара, с глазами, горящими как угольки из-под седых, нависших бровей.

— Кад си дошо? Еси ль се уморио? — радушно спрашивает он у префекта, знакомившего его с нами.

Это архимандрит Кирилл, хозяин древней обители, теперешний комендант, а вместе с тем и единственный гарнизон когда-то неприступной крепости царя Стефана. Ему уже 70 лет и в монастыре живет сорок два года, чуть не празднуя свою золотую свадьбу с ним, но он до сих пор как коза бегает по скалам, карабкается на стены, спускается в пропасти. Он тут все и вся — начальник и подчиненный, работник и хозяин. Когда нужен архимандрит, когда нужен дьячок, пономарь, кухарка, дворник, садовник, архитектор...

С ним в монастыре живет только старичок-священник, мало на что полезный, да старуха-кухарка, как объяснил он нам. Мы спросили, почему же в такой знаменитый и древний монастырь не поступают у них монахи? Отчего, например, у нас в России все монастыри полны иноков?

— В Сербии не то, в Сербии редко кто идет в монахи, — объяснил нам архимандрит. «Сваки хоче да се жени» (Всякий хочет жениться).

Впрочем, в настоящую минуту, по случаю больших перестроек в монастыре, тут еще целая артель мастеров, штукатуров и каменщиков. Старый архимандрит был искренно обрадован приездом нашим в его глухую пустыньку, которую очень редко кто посещает кроме соседних селяков, а уж тем менее из иностранцев <...>.

Древний храм Манассии очень похож на храм св. Лазаря в Раванице <...>. Мраморный пол весь взбуравлен и вытоптан ямами от старости. Посередине храма большой круг из разноцветных мраморов с огромным цветным крестом. Турки поместили в этом древнем храме конюшни своих янычар, но не могли окончательно уничтожить его былой красоты и богатства <...>.

Ради нас архимандрит распорядился отслужить вечерню. Служил старый священник, а архимандрит пел на клиросе за дьячка. В монастыре нет не только причетника, но даже сторожа. Трогательно и жалко было смотреть на этих двух дряхлых стариков, которые старались придать торжественность церковной службе в этом полуразвалившемся и обнищавшем храме, скудно освещенном двумя железными лампадками. Священник, служивший вечерню, произнося ектению и молитвы, в то же самое время сам набивал кадило углем и то и дело переходил на левый клирос прочитать необходимые псалмы. А уж бедняга архимандрит из кожи лез, выводя на всю церковь своим надтреснутым старческим голосом — когда-то, без сомнения, могучим и звучным — всякие хитросплетенные рулады церковных песнопений, более походившие на вопли отчаяния, чем на богослужебные гимны. Его энергическая натура и тут, очевидно, не хотела поддаться роковым законам времени, и он просто надрывался в своих настойчивых усилиях петь как можно громче, убедительнее и выразительнее в наслаждение и поучение единственным двум слушателям, случайно заехавшим сюда и затерянным в этом большом пустом храме. Сами же монахи служат обыкновенно только в праздники.

После вечерни мы долго бродили следом за стариком архимандритом кругом древней крепости <...>.

— Давно же вы здесь, отец архимандрит? — спрашиваю я.

— Да уж давненько, 42 года без выезда тут живу; все равно как я родился здесь. Я ведь прежде по торговой части занимался, у меня и теперь родные в Београде есть; может быть знаете Матича[54], что был министром народного просвещения, так это брат мой двоюродный. Все меня тогда отговаривали не поступать в монахи; да мне так понравилась Манассия, что расстаться не мог: чудное же место в самом деле! Нигде такого нет! Привязался я к нему, никуда больше не хотел, куда потом ни предлагали. По мне лучше умереть, чем отсюда уйти. Вот пятый десяток здесь живу, а ни разу не пожалел об этом; здесь, должно быть, и кости свои сложу, не долго теперь осталось!

— Ну, а зимой как вы тут выдерживаете? Ведь вас, должно быть, снегом совсем заносит? — спрашивал я.

— Зимой точно глубокие у нас снега бывают, — отвечал отец Кирилл <...>. — Зимой и я чувствую себя много слабее, потому что дела нет никакого, а летом опять оживаю, как за свои работы любимые принимаюсь, строю, с садом вожусь, со скотиной, с огородом... Хлопоты всегда на пользу здоровью! У меня чем больше хлопот, тем я веселее и здоровее! Вот пойдемте, я вам покажу труды свои! — прибавил архимандрит, подбирая полы своей рясы и преспокойно перелезая через плетень в огороде.

Мы волей-неволей должны были последовать его примеру.

— У меня затеи тут всякие! — с нескрываемым удовольствием рассказывал старик, подводя нас по очереди к каждой грядке и к каждому кустику. — Вот это фасоль Бисмарк, а это фасоль Вильгельм, из Берлина мне семена прислали. А это виноград, мной разведенный, только филоксера его вконец уничтожила, ягод два года уж нет...

— Так что же, вы теперь без вина коротаете зиму? — улыбнулся я.

— Ну, вот! Я тоже на выдумки хитер, — отвечал, усмехаясь, архимандрит. — Не было винограда, — я наделал вина из груш и яблок, тоже вкусное вышло. Кто не привык, даже не узнает сразу. Потом я сливную водку всегда делаю, — слив у нас девать некуда. У нас ведь полное свое хозяйство, все есть, что нужно: сад свой, мельница своя, свои пчелы, свой хлеб, сено свое, лес свой, — на стороне ничего не покупаем, а еще сами многое продаем...

— Сколько ж у вас земли монастырской, отец Кирилл?

— Полевой земли мало, всего 30 гектаров, а леса по горам больше, чем нам нужно. Мы там свиней своих пасем, коров, овец... Вот загляните на наш скотный и птичий двор.

Дворы эти помещаются уже за воротами крепости, над рекой. Коровы прекрасные, есть много симентальской породы, пропасть свиней, коз, овец и птицы всякого рода. Чистая сельскохозяйственная ферма, и там уже наятые работники.

Мы от души похвалили ретивого хозяина, и я спросил его, как это они уберегают скот от грабителей-румын, про которых мы слышали здесь столько плохого.

— Случается, и нас грабят, без этого нельзя, — признался архимандрит. — Несколько лет тому назад меня чуть самого не убили, да Господь спас. Забыли как-то ночью ворота запереть, а разбойники и пробрались ко мне в комнату, кинжал уж на меня один занес, я со страха схватил рукой за самое острие, не выпускаю, все пальцы себе перерезал; поранили меня тог-

да всего, и ноги, и живот поранили, отобрали у меня все деньги, что у меня тогда были, 14 дукатов золотых, слава Богу, я только что свез за три дня раньше в Белградскую консисторию три с половиной тысячи франков, что собрал в монастыре. Как живым меня они тогда оставили — и не понимаю! Я и разбойников узнал: итальянцы, что у меня камень для монастыря тесали и деньги у меня часто в руках видели... Искали их потом, да не нашли нигде; должно быть в свою землю ушли... Теперь уж мы зато крепко на ночь запираемся — спокойно и весело улыбнулся добродушный старик <...>.

Встали мы в 6 часов утра, отлично отдохнув на чистых и покойных постелях. После долгой езды и ходьбы спали, конечно, как убитые. Комнаты наши, по обычаю сербских монастырей, увешаны портретами всех сербских царей и князей и сценами из сербской истории. Есть и литографированные виды монастыря. Между царственными портретами и наш покойный император Александр II с императрицей Марией Александровной. От нее был получен монастырем драгоценный дар — массивное, золотом кованое евангелие с богатой закладкой и золотой крест с эмалью, которые нам с гордостью показал отец Кирилл. Евангелие <...> стоило более 5 тысяч рублей; его привез в Манассию г. Фонтон, русский дипломатический агент в Сербии, портрет которого тоже висит на стене в монастырской гостиной. Посмотрели мы и книгу посетителей Манассии: русских имен там крайне мало; последними записаны компания путешественников из 6 человек — г. Тимирязева, представителя фирмы Саввы Морозова[55], первого секретаря русского посольства в Белграде и др., которые вместе вписали в книгу свою общую жертву на монастырь, что должны были проделать и мы с женой.

В саду под деревом нас ждал кофе и опять неизбежная ракия, которую архимандрит во что бы то ни стало желал выпить за наше здоровье <...>.

Чокнувшись с нами несколько раз старой сливовкой и провозгласив за нас несколько сердечных тостов, старик пешком и без шапки проводил нас довольно далеко за крепость до подошвы горы <...>.

Позавтракав в Чуприи и наградив как могли щедрее удалых пандуров, мы распростились не только с любезным «начальником округа», но и с нашими неразлучными спутниками — Николаем Ивановичем и извозчиком Михайлом, к которым успели привыкнуть за все эти дни наших изрядно далеких странствований и которые расстались с нами с большим дружелюбием, очевидно вполне довольные нашим расчетом с ними и полученными сверх договора деньгами «на чай».

В 12 часов дня мы уже неслись с громом и свистом по прекрасному железнодорожному мосту через Мураву в скором Белградском поезде <...>.

Стольный град Сербии

I.
Белград и его интеллигенция

Белград — один из очень красивых городов в смысле пейзажа. Слияние двух столь многоводных и широких рек, как Сава и Дунай, и высокий обрывистый берег, мысом выступающий над ними — уже сами по себе представляют достаточные условия живописности. Прибавьте к этому высокие колокольни, разноцветные дома среди зеленых садов, широкую и веселую панораму окрестностей. Длинный и великолепный железнодорожный мост через Саву остался у нас влеве, а дальше, за сверкающими разливами Дуная, уже нам видны дома и башни австрийского Землина. Столица Сербии — вместе с тем и ее пограничная крепость, глядящая через Дунай на враждебные ей твердыни. По берегу Савы толпятся и дымят, хотя и не в особенно большом числе, высокие трубы фабрик, к сожалению, слишком редких в пейзаже сербских городов. Издали Белград все-таки смотрит изрядным европейским городом.

Мы остановились по рекомендации своих сербских приятелей в Hotel Imperial, на Васиной улице. Это деревенское прозвище улицы, столь непривычное для европейского уха, дышит еще пастушечьей наивностью первых годов сербского освобождения, когда улицу кровью добытого города окрестили именем популярного героя, простого селяка Васы Чарапича, павшего здесь на приступе в 1804 году <...>.

Можно сказать, что город этот уже на половине пути к тому, чтобы стать настоящим европейским городом. Но именно на половине, потому что в нем еще так заметна перемешанность старого с новым. Среди простеньких невзыскательных домиков времен Милоша и мусульманского владычества поднимаются уже кое-где большие дома, полные вкуса и стиля; рядом с темными вьющимися переулками былого турецкого городишки идут улицы, отлично вымощенные гранитом, освещенные электричеством в подражание Вене и Пешту. Конки, простые и электрические, пробегают вдоль главных артерий города, поддерживают сообщение с загородными дачами, с Топчидерским парком. А в то же время ни одного настоящего, серьезно обставленного магазина, — все больше мелкие лавочки с товарами довольно низкого разбора, исключительно для демократи-

ческих потребностей; в то же время ни одной улицы со сплошными хорошими домами, как в других больших городах. Движение на улицах порядочное, в кофейнях сидит довольно много народа, но все-таки никакого сравнения с Афинами или Салониками, и вообще ничего, что напоминало бы торговый или промышленный город <...>.

Прежде других я отправился к бывшему профессору Сретковичу, известному сербскому историку, теперь члену сербского государственного совета, из партии так называемых «либералов», предводимых Ристичем. У Сретковича собственный дом недалеко от нашей гостиницы. Сербы живут удивительно доступно и просто, не усложняя своей жизни пустой роскошью и не стесняя ее китайскими церемониями светского этикета. Мне пришлись совсем по душе эта скромность и откровенность их быта, чуждая всякого тщеславия, натяжек и единственно достойная культурного человека. Из маленького цветущего садика незапертая дверь сама доверчиво отворяется, без звонков и швейцаров, в уютное жилище профессора <...>. Пантелеймон Славкович Среткович, к которому у меня было письмо от нашего известного слависта профессора В. И. Ламанского, встречает меня с искренним радушием и усаживает в своем кабинете. Хотя он целых 34 года пробыл профессором Великой Школы и уже далеко не молодых лет, но смотрит бодрым и проворным. Его высокая, сухощавая фигура с седыми усами живо напоминает наших малороссийских помещиков из отставных военных; Среткович и воспитывался у нас в Малороссии, окончив в 59-м году курс в Киевском университете[56]. По-русски он говорит с некоторым акцентом, не более, впрочем, резким, чем говорят наши малороссы, но совершенно свободно, что для меня было особо дорого. Знает он хорошо и русскую историческую литературу, и русских авторов, знаком с очень многими нашими учеными и писателями и до сих пор поддерживает с ними постоянные сношения. Он даже не раз печатал по-русски свои статьи в «Славянских известиях», в «Русской беседе» и других журналах[57] <...>.

Когда я навел его на тему о сербской политике, Среткович высказался, как и следовало ожидать от человека его партии.

Милана он считает большим умницей.

— Его несчастье, что он родился в маленькой стране; родись он во Франции или Англии, он показал бы себя! — прибавил профессор.

— Единственно серьезный государственный человек у нас — это, бесспорно, Ристич, — продолжал он далее. — У него одного твердая программа действий, с которой его никто не может сбить, и твердо выработанные политические познания. Пашич, конечно, умный человек, но только для себя в обыкновенных житейских делах. Он инженер по обра-

зованию и хорошо умеет обделывать свои делишки. Женился на богатой, нажился разными аферами с табаком и проч.; когда был первым министром, тоже побогател порядочно, и теперь с хорошим состоянием. У него таланты не государственного человека, а заговорщика, ловкого агитатора. Бакунин давно указывал на него. Прежде ведь Пашич и его друзья были социалистами, примыкали к международной рабочей ассоциации и проч., а потом превратились в народников... Если Сербия теперь разорена, то обязана она этим никому другому, как радикалам и отчасти напреднякам. Радикалы учредили много новых ненужных должностей с жалованьями, чтобы увеличить число своих сторонников, назначили крупные жалованья *председникам** сельских общин, чтобы привлечь к себе простой народ; с этой же целью не взыскивали с него подати и вообще всячески заискивали у невежественного люда, чем и приобрели у него популярность; а так как без податей государственных долгов платить было нечем, то они и не платили ничего, а только занимали все больше, даже для уплаты процентов. Вот и довели Сербию до теперешнего состояния <...>

Посетил я, между прочим, и почтенного Милана Ивановича Миличевича[58], секретаря Белградской Академии Наук, а в то же время директора Народной Библиотеки и редактора *Споменика Академии*, ученого издания, заменяющего наши *Записки Академии Наук*. Миличевич, хотя и считается в рядах напредняцкой партии, но в последнее время устранился от политики и исключительно посвятил себя учено-литературным работам. Милан Иванович тоже живет в небольшом собственном доме, ухаживая за маленьким садиком полным цветов, в простой и симпатичной обстановке какого-нибудь малороссийского хуторка. Он познакомил меня в общих чертах с положением журнального и литературного дела в Сербии. Здешняя Академия Наук разделяется в теории на четыре отделения: естествознания, филологии, социальных наук и художеств. Но на деле ученых представителей всех этих отделений не имеется, и главным образом разрабатываются только история и этнография Сербии. В Белграде выходит и ежемесячный журнал, наподобие наших толстых журналов, под названием *Дело*[59] <...>.

Миличевич не только ученый, но и литератор. Он писал исторические и этнографические исследования и в то же время рассказы из народного быта сербов. Теперь ему 64 года и, по его словам, он уже стал облениваться и работает значительно меньше прежнего. Ему случалось

* *Председник* (сербск.) — председатель, президент.

помещать свои статьи в «Славянских известиях»[60]; между прочим, он перевел на сербский язык известную книгу покойного Гильфердинга «Письма о Сербии» и вообще ставит очень высоко исследования Гильфердинга по сербской истории, особенно же его «Путешествие по Старой Сербии», в чем я от души разделял его взгляды <...>.

Эти встречи с сербскими просвещенными деятелями, так близко знакомыми с русскими и всем русским, так глубоко интересующимися Россией, сердечно радовали меня и поселяли во мне какое-то инстинктивное чувство родства с сербами и Сербией. Среткович сообщил мне, что русский язык все больше делается своим в Сербии; он обязательно изучается в Белградской военной академии, в духовной семинарии, в высшей женской школе. В духовной семинарии на последних экзаменах, где присутствовал, между прочим, и Среткович, успехи оказались особенно поразительны: ученики могли свободно объясняться по-русски <...>.

Среткович сообщил нам некоторые любопытные биографические сведения и о себе самом. Он сын простого селяка, как и почти все сербские деятели. В кабинете его я видел на стене большой характерный портрет его матери крестьянки в деревенском наряде. Отец его еще держал семью в строгих преданиях народной старины. Он сам читал молитвы своим домочадцам, собирая их вместе у очага, кадил их всех, зажигал свечи перед иконами, как делали прежде в «задругах» все отцы семейств. Иконы у них вешались только *в доме*, т. е. в комнате, где был очаг; в жилых же помещениях, где спят, икон никогда не вешают, считая за бесчестье помещать в них святыни.

Эта священническая роль отцов вызывалась больше всего гнетом турецкого рабства, редкостью христианских церквей в стране и постоянной опасностью для исполнения христианских обрядов. Среткович этими же историческими привычками объясняет и теперешнее редкое посещение своих храмов сербами. В сущности же серб, по его словам, очень религиозен. Он не встанет с постели без знамения креста, не перекрестясь не возьмет куска в рот. А главное — он всем, даже свободой и жизнью, пожертвовал религии в своей скорбной истории.

Сербы-селяки, по словам Сретковича, добрые, честные и разумные люди, но они, как все пашущие на волах, с изрядной ленцой и на работе ребра не переломят.

В 1872 году Среткович провел в скупщине свой проект «закона о неотчуждаемости» известной части имущества селяка[61]. Теперь ни за какие долги и взыскания у крестьянского двора в Сербии нельзя от-

нять 2,5 гектаров земли, пары волов, плуга и еще некоторых необходимых принадлежностей хозяйства. Несомненно, что этот благодетельный закон послужил одной из важных основ благосостояния сербского селяка. А так как 9/10 сербского народа — селяки, то можно смело сказать, что, несмотря на соседство Австрии и ее бесчисленных социалистов, Сербия застрахована от привития к ней социализма и анархизма.

— Серб готов принять какое хотите социальное учение, лишь бы оно не трогало драгоценного для него права собственности, не посягало на его виноградник и кукурузное поле, на его быков и свиней, — со смехом уверял нас Среткович.

Я спросил его мнения: кто именно виноват в теперешнем финансовом расстройстве Сербии, и не падает ли это больше всего на Милана?

— Милан, конечно, много содействовал денежному расстройству, — отвечал профессор, — но долги собственно наделали напредняки; это люди, очень мало понимающие в государственных делах. Если бы они были подельнее, они сдержали бы и Милана; Милан ведь большая умница, голова преспособная и очень изобретательная; несмотря на все свои недостатки и ошибки, он и теперь пользуется огромным авторитетом в народе и особенно в войске. Оттого, когда он так неожиданно явился в Сербию, вопреки своему обязательству[62], никому не могло прийти в голову не пустить его. Напрасно в России думают, будто Милан — австриец; он ненавидит Австрию всей душой, но часто опирался на нее ради политических расчетов, как при других обстоятельствах опирался на Россию, действуя против Австрии. Такая двойственная политика необходима для слабых государств.

К королеве Наталии Среткович, как вся вообще партия либералов, питает мало сочувствия, хотя признает ее безупречной и честной во всех ее действиях.

— Но для королевы это слишком мало! — заметил он.

Мы заговорили о сербских династиях; мне хотелось узнать, насколько сильны среди сербов шансы Карагеоргиевичей.

— Карагеоргиевичи не могут и думать соперничать с Обреновичами! — с уверенностью сказал Среткович. Династия Милоша для сербов вне спора <...>.

Милош — это гениальная голова, сербский Петр Великий своего рода; он все создал у нас, Сербия ему всем обязана, хотя он, будучи владыкой Сербии, жил так же просто, как и у себя в деревне, и всегда оставался истинным сербом и славянином <...>.

II.
Топчидерский парк

Митрополит Михаил на другой же день отдал нам визит, заехав в нашу гостиницу часа в 4 дня по дороге на свою дачу. Простота, доброта и ласковость митрополита сразу располагали в его пользу. Он с любовью и благодарностью вспоминал, как сердечно встречали его везде в России, а я рассказал ему, до какой степени популярно у нас его имя, как твердого борца за православие. Опять зашел разговор об Австрии и ее вероломных действиях относительно православных в Боснии, Герцеговине и Среме. Австрия — это кость, которая торчит в горле каждого сербского патриота, самый опасный враг Сербии в настоящем и будущем.

На прощание митрополит пригласил нас заехать к нему на дачу во Врачар, где он проводил летом вечера и ночи.

Так как один из вечеров мы решили посвятить осмотру Топчидерского парка, то оказывалось очень удобно заехать по дороге оттуда и на дачу митрополита. Сретковић, любезно предложивший нам свои услуг для ознакомления с Белградом, условился ехать вместе, и, дождавшись его, мы наняли за 7 франков очень приличную четырехместную коляску, чтобы совершить туда и обратно задуманную загородную прогулку <...>.

Топчидере — это целая маленькая страна лесов, лесных холмов, зеленых лугов. Это прекрасная и обширная местность принадлежит, как государственная собственность, не лично тому или иному лицу королевского дома, а королям Сербии вообще.

Топчидере — по-турецки значит «Артиллерийская долина»; названа она так потому, что здесь долго находились казармы турецких артиллеристов <...>.

Редкая столица в мире обладает таким роскошным парком, таким обширным тенистым и прелестным гуляньем, как Топчидере. Можно целые дни бродить, ездить, отдыхать и наслаждаться в этом бесконечном зеленом лесу, в тени вековых деревьев, на чудных бархатных полянах, у холодных лесных родников. Дороги, дорожки, козьи тропинки пробиты во всех направлениях сквозь эти чащи, спускаясь в тихие долинки, взбираясь на лесистые холмы... Впрочем, рельсы железной дороги, по которой еще так недавно приехали мы в Белград, прорезывают своими черными змеями эти тенистые приюты.

Сады орехов, груш, яблок, персиков, слив примыкают к парку со стороны города; по соседним с ними лугам бродит прекрасный скот, а дальше, по холмам, созревающие хлебные нивы. Куда ни взглянешь, всюду радостная

картина обилия и полноты жизни. Но из самого парка, кажется, не вышел бы! Мужчины, женщины, красивые молодые девушки, прелестная детвора, городские щеголи и щеголихи, простые селяки и поденные рабочие — все это поперемешано теперь здесь в одну, одинаково наслаждающуюся, по-детски счастливую толпу; все это теперь беззаботно и бесцеремонно лежит, сидит, бродит, бегает, зевает, играет, ест, пьет, спит в этих прохладных зеленых колоннадах, без конца раздвигающихся во все стороны под зелеными пологами листвы, на зеленых коврах муравы. И, однако, несмотря на это демократическое многолюдство и на эту общедоступность королевского парка, везде чистота и порядок; прекрасные цветники, статуи, фонтаны, газон полян, редкие деревья — все поддержано и ухожено. По длинным аллеям, усыпанным песком, осененным рядами вековых древесных великанов, между куртин, по которым живописно раскинуты группы деревьев и кустов, коляска наша добирается, наконец, до бывшего конака старика Милоша <...>.

Посетить Милошев конак очень поучительно. Он дает живое представление о недавнем быте самых властительных и богатых сербов, и своей трогательной спартанской простотой невольно заставляет задуматься с глубоким сомнением относительно истинной ценности таких мнимых благ комфорта, роскоши и усложненных привычек, которые современная цивилизация усиленно прививает в последнее время даже людям совсем скромного житейского положения.

Конак — двухэтажный; внизу просторные полутемные сени, заменяющие по турецкому обычаю приемную комнату; кругом ее стен висят венки из хлебных колосьев, сорванных с полей Топчидера. Наверху — такая же большая зала для торжественных выходов и пиршеств, с низким, раскрашенным по-восточному потолком, но без всяких других украшений; стены залы увешаны довольно хорошими копями картин Рубенса[63], Кореджо[64] и других известных живописцев, все больше на сладострастные темы: тут и Ио в объятиях тучи — Юпитера, и Геба с кубком, и голые мясистые фламандки Рубенса в неподходящих к ним библейских и мифологических ролях, хотя есть и вполне благочестивые картины из евангельской истории. В длинных витринах, наполняющих залу, разложены восковые модели прекрасных плодов, громадных персиков, груш, яблок, которыми гордятся топчидерские сады сербских королей. Из залы в чащу парка выходит стеклянный балкон, который сербы по-старому называют турецким именем «чердак»*. Но главный интерес дворца не в этих парадных покоях, а в тех ма-

* Правильно: *чардак* — верхняя галерея, надстройка.

леньких и низеньких конурках, которые служили обычным жильем знаменитому владыке и освободителю Сербии. Спаленка Милоша свято сохраняется в том самом виде, в каком она была в день смерти Милоша в 1860 г. На солдатски простой кровати грубое солдатское белье; тут же лежат старые шерстяные чулки князя из толстой шерсти домашней работы, какие носят у нас на Руси деревенские бабы, его же цветные ситцевые платки, изношенные и дырявые до неприличия; на гвоздике висит засаленный и порванный в разных местах халат из синей клетчатой материи, полубумажный, полушерстяной, словно с плеч какого-нибудь бедняка-семинариста, расшитая золотом парадная куртка и суконная гуня, обшитая позументом, а над ней известная всякому сербу того времени знаменитая Милошева шапка с красным околышем и картузом — ни дать ни взять такая, как носили у нас на Руси городовые при императоре Николае I[65]. Мебель этой царской спальни под стать одежде: березовые стулья, подобные тем, которые можно встретить у бедного сельского попа или волостного писаря в русской деревне, обитые грошовой материей в безвкусных букетах; пол спаленки вытертый, почти без краски, и все впечатление от нее такое, как будто вы посетили не дворец государя Сербии, а домишко под очеретовой крышей мелкопоместного малороссийского хуторянина гоголевских времен. В углу комнатки стоят вырезанные из простого дерева костыли Милоша, на которые он опирался в старости, а на стене висит его большой портрет и под ним еще другой, маленький, где он изображен в турецком тюрбане на голове и в меховой шубе, как ходили когда-то турецкие паши.

Среткович рассказал нам по этому случаю, что и отец его, и все значительные сербы того времени ходили обыкновенно в таких турецких костюмах. Тут же хранится под колпаком и восковая маска, снятая с умершего Милоша. В столовой комнате точно так же сберегаются до сих пор обычные принадлежности его ежедневной трапезы: походный нож, вилка и кинжалик, которые он носил в своем поясе, крошечный тульский самоварчик, сопровождавший его во всех походах, простейшая посуда и подсвечники. Милош сам лепил себе из воска свечи и вставлял в эти подсвечники. Только один большой стоячий шандал о многих свечах назначался для торжественных празднеств. В молельне князя висят его любимые старые иконы — фольговые и деревянные, ничтожной цены. Вкусы и потребности селяка, пасшего свиней в Такове и привыкшего к жизни постоялых дворов и базаров, непобедимо сказывались в Милоше и на престоле Душанов и Лазарей.

Впрочем, справедливость требует сказать, что первый государь Сербии, оказавший ей великий услуги, был человек далеко не идеальных нра-

вов. Турецкое господство, турецкие порядки, среди которых более четырех веков жили сербы, невольно отражались даже на самых сильных умах и характерах. Милош, как и другие *кнезы* и главари того времени, был по своим взглядам и привычкам тот же турецкий паша. Достигнув верховной власти и получив на нее не только согласие народной скупщины, но и берат султана, он стал смотреть на себя, как на султана Сербии своего рода, не хотел знать ни законов, ни советников и был искренне убежден, что он волен над жизнью, честью и имуществом каждого серба. Его деспотизм и корысть не хотели знать никаких преград. Самостоятельных народных старшин, кнезов, гордых своей независимостью, он обращал в своих слуг, бил их палками и ругал их, возвышал и унижал по своему капризу. Чужие поля, сады, леса, которые ему нравились, он отбирал в свою собственность, назначая за них плату, какую сам хотел. Всю ввозную и вывозную торговлю Сербии он сосредоточил в своих руках и один наживался ею. Кроме него никто не смел ввозить из Валахии требовавшуюся в Сербию в огромном количестве соль, за которую Милош брал потом с покупателей, сколько ему хотелось. Он же один присвоил себе исключительное право доходной торговли щетиной и вообще всеми предметами сербского производства, которые хорошо сбывались за границу. Все таможни и перевозы на Саве, Дрине, Мораве он взял на откуп; точно так же взял на откуп турецкие подати <...> и всякие другие, причем агенты его взыскивали с жителей эти подати с такой же жестокостью и несправедливостью, как и турки. В лесах, прежде для всех открытых, устраивались заставы, потому что в них кормились свиньи Милоша. Свободных поселян и горожан гоняли за многие десятки верст убирать княжеское сено. Милош дошел даже до того, что велел сжечь одно из предместий Белграда, чтобы на месте его построить новые здания. Впрочем, в Топчидерском своем имении, среди которого мы теперь гуляем, Милош встретил один раз решительное сопротивление своему самоволию с такой стороны, с которой всего меньше мог этого ожидать. Он приказал както срубить дубы между Топчидере и большой дорогой. Семья и его приближенные напрасно убеждали его, что срубить нельзя, что дубы чужие.

— Срубить! — упрямо настаивал властный старик.

Тогда пришел кмет соседней деревни и сказал:

— Князе, деревьев срубить нельзя.

Милош разгневался и изругал старшину.

— Тебе, мужику, какое дело! Срубить — и только... — крикнул он.

— Нельзя, князь! Деревья наши, принадлежат нашему селу. Мы не касаемся твоих деревьев, так и ты не тронь наших...

Старый Милош задумался, и деревья уцелели. Сербские селяки вообще любили Милоша и горой стояли за него. Они помнили главное, что при нем ушли от них турки, стали строиться церкви, зазвонили колокола, наступила всеобщая безопасность. Огромная заслуга Милоша перед простым народом и перед историей Сербии это — та, что, освободив крестьян от крепостной зависимости турецких спагиев и бегов, Милош не уступил настойчивым домогательствам своих кнезов и старшин и не согласился раздавать им бывшие поместья спагиев, что неминуемо восстановило бы зависимость селяков от помещиков и разделило бы сербский народ на сословия владельцев и владеемых.

Однако все же-таки самовластные замашки Милоша, его зависть к заслугам других и жадность к наживе возбудили с течением времени глубокое негодование против него среди влиятельных сербов, и он вынужден был отказаться от власти в пользу своего сына и покинуть Сербию на целых 20 лет.

— Народ не хочет больше тебя: если не веришь, я позову людей и они подтвердят слова мои! — с эпической откровенностью объявил ему его заклятый враг Вучич, явившийся к Милошу во главе вооруженных момков.

Милош ответил также эпически просто:

— Ну, хорошо, если они не хотят меня, я им не навязываюсь! — и тут же подписал бумагу о своем отречении <...>.

На возвратном пути из одной своей прогулки в Топчидере мы заехали к митрополиту Михаилу в его собственный дом <...>.

Мы нашли высокопреосвященного Михаила в его выхоленном саду за маленьким столиком, накрытом белой скатерткой, где он по вечерам любил пить чай. Он внимательно следил за поливкой цветов и деревьев, которой занимались двое рабочих. Любезно приветствовав нас, высокопреосвященный Михаил повел нас смотреть свой сад, которым он занимался с большой любовью. Видно, что он отдыхал и телом, и душой среди своих ароматических цветников, под тенью своих груш и слив. Хотя и нетвердыми старческими шагами, он подолгу, однако, бродил по этим узеньким аллеям. Я нарочно не заговаривал с ним о политике, а касался исключительно только религиозных вопросов. Митрополит признавал, что сербы посещают храмы гораздо менее, чем русские, и сожалел об упадке монастырской жизни в Сербии. Но он находил для этого оправдание в условиях современной жизни и не относился особенно строго к этому недостатку народных нравов.

— Монастыри теперь очень сильно обложены казенными повинностями, а доходов их не хватает на содержание многочисленной братии, — говорил высокопреосвященный. — А подвижников в наше время не яв-

ляется. Дух времени направляет умы и сердца людей совсем в другие сферы. Общественная жизнь приняла теперь широкие размеры; ежедневно то какая-нибудь скупщина, то собрание каких-нибудь обществ, зрелища разные, — вот и некогда посещать храмы <...>.

Вечер надвигался, и мы скоро покинули уютный садик высокопреосвященного Михаила, торопясь возвратиться в город <...>.

III.
У вождей политических партий

Мы уговорились с профессором Сретковичем отправиться вместе к Ристичу, к которому у меня было письмо от графа Н. П. Игнатьева. Среткович зашел к нам с утра, так что мы могли на свободе побеседовать с этим знатоком сербской истории и сербских современных дел, сидя в прохладе садика за русским чаем. Сретковича очень волнует болгарский вопрос и пристрастие России к болгарам.

— А между тем никаких болгар, строго говоря, нет, — говорил он; есть племя, которое несколько иначе выговаривает сербские слова, но это не более как местный оттенок. История не знает никакого древнеболгарского языка. Летописи говорят, что при царе Борисе священные книги были переведены на славянский, а вовсе не на болгарский язык. Болгары до XI века говорили по-татарски. Теперешние же болгары — это помесь сербов, турок, павликиан[66], греков и проч. Сербы могут доказать свое прошлое, а болгары нет. Сербы оставили во всей стране — до Салоник, Охриды, Софии — свои монастыри, памятники, исторические события. Простой народ отлично знает, что эти места сербские, потому что его песни давно говорят ему о них. Спросите у жителей Македонии: кто герои их песен, о чем они поют? — Все те же Лазари, Марки, Вуки, Уроши, Душаны, все то же Косово поле; о болгарской же истории помина нет. Они всегда считали себя сербами, а болгарами стали называться после устройства экзархата, с восьмидесятых годов, чтобы иметь славянских священников и славянскую службу в церквах. Называться сербами вообще было невыгодно под турецким владычеством, ибо сербы — самый ненавистный турку народ. «Мы воевали со всеми народами мира, но никто не убивал у нас султана, а сербы убили!» (Мурада при Косове) — говорят турки. Лучшим исходом для Болгарии — это было бы избрать в цари болгарские сербского короля! <...>

Дом Ристича, кажется, на улице Милана, довольно большой и красивый, тоже с башенкой на углу. Бывший регент государства живет уже более по-европейски, чем другие государственные люди Сербии. Даже есть лакей, докладывающий о посетителях, чего при здешней простоте нравов обыкновенно не водится. Когда я подал свою карточку, нас со Сретковичем ввели по лестнице в кабинет, помещающийся в бельэтаже дома. Комната убрана довольно просто: шкаф с книгами, письменный стол, широкий диван. Ристич — человек уже пожилой, с сильной сединой и смотрит настоящим европейским дипломатом — серьезный, сдержанный, неторопливый и вместе безупречно приветливый. И у него подали нам, как везде в Сербии, воду с вареньем и старую сливовую водку. Разговор и здесь сразу коснулся сербской политики и сербской истории. Ристич по-русски не говорит, так что мы объяснялись с этим представителем братского славянского народа на французском языке. Болгария и Македония, очевидно, как бельмо в глазу у сербских политиков. Ристич развивал относительно болгар те же мысли, что и его приятель и политический соратник Среткович.

— До самых «Железных ворот» — «Темир-Капу» — вы найдете одни только сербские памятники — говорил Ристич. — Все это — несомненная сербская земля. Дальше уже больше греков и болгар, чем сербов. Сербов турки встречали всегда и везде во главе своих врагов <...>.

По мнению Ристича, главная задача Сербии не в Македонии, а в Боснии и Герцеговине, где не существует никаких споров и этнографических недоразумений. Босния — это древнейшая коренная вотчина Сербии и должна принадлежать ей. Ристич убежден, что Россия не оставит Сербию в этом законнейшем историческом праве ее. Как и Среткович, Ристич считает совершенно незаслуженным такое исключительное сочувствие, которое Россия проявила относительно Болгарии <...>.

Миличевич принес мне как-то на память несколько своих изданий <...>. Мы с ним долго пробеседовали за столиком нашего воздушного ресторана. Миличевич отлично знал старика Милоша, у которого в канцелярии он служил. Милош, по его словам, был человек удивительного ума и непоколебимой крепости духа и тела. Но в то же время он был почти безграмотен, выучился читать Часослов только до половины. Богомолен он был чрезвычайно, но по-своему. Запрется, бывало, в свою молельню, окадит все иконы, поставит перед ними самодельную свечу и начинает громко кричать молитвы, то, каясь перед Богом, то требуя от Него исполнения различных своих желаний. Милош не только был поразительно прост в своей жизни, но нисколько не стыдился, будучи князем, вспоминать о своей былой бедности.

Его спрашивали иногда приезжие иностранцы, правда ли, что он сам лично пас свиней. «Правда, — отвечал он, — и часто еще без опанок ходил; по три дня работал, чтоб опанки купить».

Русских Милош очень любил. «Для русских делайте все!» — распоряжался он обыкновенно. «Он гость, да еще русский!».

Сам Милош при своем огромном богатстве вел совершенно простую жизнь.

— Обычай отцов семейства молиться во главе семьи еще держится в уцелевших задругах, — сообщил мне Миличевич. — Я хорошо помню, как это делалось при моем отце. Под воскресенье собирались мы всей семьей к очагу. Мать обыкновенно приносила самодельную восковую свечку, потом кадильницу с углем и ладан: отец зажигал эту свечку лучиной из очага, — непременно от живого огня, — и все мы должны были смотреть тогда на огонь. Потом отец нес зажженную свечку в комнату, где не было жилья, и прилеплял там к иконе. Туда шли за ним и все мы; он кадил каждого из нас, отдавал матери назад кадило и начинал громко читать молитвы; мы же все молились тихо, кто как умел <...>.

Пашича я сыскал не сразу. К удивлению моему, адреса этого столь популярного в Сербии человека, на днях еще бывшего первым министром, почти никто не мог мне указать <...>. А в конце концов оказалось, что Пашич жил недалеко от нас. Мне сказали, что его можно застать дома только рано утром, так что я постучался к нему в половине девятого. Горничная отперла дверь и ввела меня прямо в небольшой кабинет, с письменным столом почти у самого входа, с небольшим шкафчиком русских книг. Тут и Гончаров, и Толстой, и другие известные русские авторы. Пашич — человек средних лет, с черной бородой и очень умным лбом, серьезным и честным взглядом, внушающим симпатии. Он и одет в чесучу как мы все, русские, летом, — чего я не видал на других сербах. Пашич не только не молчалив, как мне говорили, а, напротив, очень общителен и с охотой излагает обстоятельно все, о чем его спрашиваешь. Говорит он по-русски совсем хорошо. Его очень тревожит теперешнее финансовое положение Сербии и неспособность настоящего министерства <...>.

Пашич смотрит на будущее с надеждой и надеется, что король[67] скоро опять вступит на правильный конституционный путь[68].

— Король, по-видимому, понял, что он ошибся, отступив от конституции, но ему неловко прямо пойти назад, и это, без сомнения, совершится мало-помалу, — говорил Пашич; — влияние королевы, к счастью, все возрастает, а отношения с Миланом делаются все хуже.

Я спросил Пашича, какое собственно отличие у них радикальной партии от либеральной и прогрессистской, т. е. напредняцкой?

— Видите ли, отвечал Пашич, — нашу радикальную партию нельзя смешивать с тем, что называется этим именем во французском парламенте; появилась она у нас со Светозаром Марковичем, другом ваших Чернышевского и Добролюбова; под непосредственным влиянием идей, господствовавших в России в шестидесятых годах. Если хотите посмотреть, вон и бюст его! — указал Пашич на стоявший в его кабинете большой бюст мужчины, несколько напоминающий общим своим видом Чернышевского.

— В Сербии тогда были две политические партии — либералы стояли за династию Обреновичей и могли называться либералами только по сравнению с палочным режимом Милоша; напредняки же в то время были за Карагеоргиевичей и за сближение с Австрией. Маркович стал проповедовать, что династия для сербов дело второстепенное, что для нас важно хорошее правление, верность конституции, все равно при той или другой династии. Это придало партии характер как будто бы *антидинастический*, хотя это было несправедливо, ибо партия эта была только *нединастической*. Радикалы сначала были пропитаны несколько социалистским духом настолько, по крайней мере, как и ваш Чернышевский, но это направление исчезло само собой, потому что в Сербии оно невозможно: 95% сербов — селяки, имеющие недвижимую собственность, и никакие социалистские теории не в силах были бы убедить их, что этой собственностью они должны поделиться с другими. Маркович проповедовал только необходимость сельской общины на манер русской, чтобы не развивался у нас пролетариат, чтобы Сербии не идти в этом отношении по следам Европы. И община у нас живет до сих пор: каждое селение имеет, помимо подворных участков, общинную землю для будущих членов своих и для общественных нужд. Об этом радикалы особенно хлопотали. Можно смело сказать, что весь сербский народ за радикалов. Во внешней политике наша программа — дружба с Россией; но при этом не требовать от России более того, что она может дать; потому что мы понимаем, что она сама стеснена в своих действиях Европой. Россия, конечно, очень обидела нас Сан-Стефанским договором, но не из вражды к нам, а просто вследствие заблуждения ваших дипломатов. Один врач болгарин, бывший близким человеком к графу Игнатьеву, да еще другой болгарин внушили вашим дипломатам очень много ложного относительно мнимых исторических прав Болгарии на разные забалканские местности. А между тем России было бы всего справедливее разграничить сербов и болгар при участии самих сербов и болгар: тогда не могло бы выйти таких крупных несправедливостей и ошибок. Теперь нам остается ждать, какой вопрос выдвинет раньше на очередь история: распадение Австрии и возвращение нам Боснии, или распадение Турции с возвратом к нам Старой Сербии.

Я заметил своему собеседнику, что, по моему мнению, интересы Сербии много выиграли бы, если бы ее политические люди, вместо того, чтобы дробить силы и взаимно истощать себя бесплодной партийной враждой, соединились в патриотических усилиях добиться того, что им всем одинаково нужно.

Пашич отчасти согласился с этим и сказал:

— С либералами мы могли бы идти вместе довольно легко, ибо теперь между нами нет почти никакой разницы в целях и взглядах; в последнее время либералы шли рядом с нами, хотя и сами по себе; обстоятельства волей-неволей заставили их действовать заодно...

Пашич был не один. Я захватил у него какого-то сильно черноволосого и черномазого субъекта, обросшего волосами наподобие обезьяны. Наружный вид его не вселял в меня особенного доверия. Он оказался из Македонии <...>. Отец его — польский доктор, мать — македонка, а он, по-видимому, профессиональный агитатор среди македонцев в пользу сербов. Он жил сначала в Болгарии и пропагандировал там против принца Кобургского[69], поэтому и должен был выселиться. Господин этот очень много и горячо рассказывал о нелюбви болгар к Кобургскому, о разных притеснениях его, о македонских симпатиях к Сербии и о несомненных правах Сербии на Македонию; но мне его рассказы казались сильно преувеличенными и пристрастными <...>.

IV.
Среди деятелей литературы и науки

В один из вечеров, когда мы с женой сидели за чаем в садике ресторана, пришел к нам молодой и симпатичный писатель Радован Кошутич[70], доцент Великой Школы по кафедре славянских литератур <...>.

Он — автор недавно появившихся «Писем из Петербурга», произведших большое впечатление на сербскую публику. В письмах этих талантливый автор знакомит своих соотечественников с развитием школьного дела в России, ставя его примером для подражания сербам <...>. Кошутич родом из Срема, стало быть, австрийский серб, воспитывался в Венском университете, слушал лекции в Кракове и Львове и изучил всевозможные славянские языки. Потом он прожил несколько лет в Петербурге, сблизился с профессорами Ламанским, Незеленовым[71] и др., и теперь не только отлично говорит по-русски, но и прекрасно знает русскую литературу <...>.

— Сербия — страна богатая, и народ сербский — прекрасный народ, — говорил Кошутич, — но, к сожалению, нет никого, кто правил бы им честно и умно. Партии ведут ее прямо к разорению и гибели. Партии — бедствие Сербии. Если бы был еще жив князь Михаил, который правил страной твердой рукой, мы не видели бы этих партий, Босния и Герцеговина не были бы австрийскими! Ристич, бесспорно, умный, образованный и опытный правитель, но у него недостает таланта организации и настойчивости; он скорее книжный доктринер, чем практический деятель. Вот и партию свою он ведь не умел развить и сплотить как следует. Она, можно сказать, уже распалась; только старики еще держатся ее по привычке, а молодых членов в ней совсем нет, хотя к либеральной партии прежде принадлежало большинство образованных сербов. Королями Ристич тоже не сумел владеть и ладить с ними — что с Миланом, что теперь с Александром, а ведь два раза регентом был! Пашич тоже несомненно умный человек, но он больше молчит и слушает, что другие говорят. Никто не знает даже, что в сущности у него в голове и что он способен сделать. До сих пор и он сделал так же мало, как другие. Да, партии — это гибель настоящего и будущего Сербии! — горячо прибавил Кошутич. — Вы не поверите, до чего у нас доходит партийная вражда; либерал с радикалом по узкой улице рядом не пройдутся, а то сейчас обвинят в измене своему знамени. Даже на религии это отражается: когда митрополит Михаил захочет речь сказать, радикалы и напредняки сейчас же уходят из церкви, потому что митрополит считается в партии либералов. Поэтому некоторые деревенские попы из радикальной партии не пускают его ночевать в свои дома при объезде епархии. Даже в церкви ни один человек не встретит митрополита, если поп радикал или напредняк. Это отчасти, конечно, вина и самого митрополита Михаила, потому что он уже слишком много вмешивался в партийную политику и стоял за либералов. Для спасения Сербии крайне нужно, чтобы хотя сельские попы и учителя бросили политиканствовать и занимались исключительно своим прямым делом. Теперь попы у нас никогда не говорят в церкви проповедей, но зато каждый вечер поп садится где-нибудь в кофейне, собирает вокруг себя народ и читает ему радикальную газету; вообще огромное большинство деревенских попов радикалы, хотя, конечно, есть и других партий. А из газеты что крестьяне слышат? Всегда одно и то же, что либералы и напредняки — изменники, воры, разбойники и т. п.

— Растолкуйте мне, пожалуйста, в чем существенная разница между вашими партиями? — спросил я своего собеседника.

— Право, никто вам этого не разъяснит, потому что никто этого не знает, кого ни спросите! — с улыбкой ответил Кошутич. — Различие на-

ших партий чистая бессмыслица. Если свести их к обычным европейским типам партий, то либералы и напредняки — это, в сущности, добрая консервативная династическая партия, а радикалы — умеренные либералы, не больше. Ни один радикал не имеет революционных целей, все они за короля. Пашич и некоторые другие из них были в юности заражены социализмом, но теперь все они самые смирные буржуа. Пашич отлично знает, что народ ничего не может сделать сам по себе, поэтому никогда не рискнет на сопротивление силой, на защиту конституции революционными средствами, восстанием народа. Когда его не нужно, он молча стирается и ждет терпеливо, когда его партия понадобится опять. Милан удивительно тонко знает сербский народ и особенно сербских государственных деятелей; оттого-то он и поступает с ними так смело и бесцеремонно. Он заранее уверен, что все покорятся ему, что ни в ком не хватит смелости серьезно сопротивляться ему. В этом его огромная сила, разгадка его поступков. Не будь он таким рабом своих страстей и не дорожи он ими больше, чем сербами, он мог бы отлично забрать в руки все партии, всю Сербию. О королеве Наталии составили совершенно ложное мнение: она всегда была большим другом Австрии; недаром все ее друзья — напредняки, сторонники Австрии. Во всяком случае, от нее чего-то ждут, но вряд ли она будет в силах что-нибудь изменить в Сербии. Приедет Милан, и она испарится, а он перевернет по-своему. Необходима сильная власть, которая бы взяла в руки партии и народ, прекратила бы этот хаос болтовни, разнузданности, своеволия... Но у Сербии нет человека наверху! <...>

Я перевел разговор на современную сербскую литературу.

— Литературы беллетристической почти не существует в Сербии, — сказал Кошутич, — до 1885 г. она еще была, были поэты хорошие; но теперь политические партии погубили таланты, разобщили людей, отвлекли их от мирных мыслей, от общего дела. Теперь ни у кого нет никаких твердых взглядов, идей, определенного мировоззрения, все изверились во всем. Никто у нас — ни учителя, ни профессора, ни священники не заботятся о нравственном развитии народа, о служении каким-нибудь высшим целям. Все лишь жаждут одного: победы своей партии. Есть ли возможность при таких условиях изучать что-нибудь серьезно, посвящать себя какому-нибудь возвышенному призванию? Самые полезные, самые честные и знающие люди беспощадно изгоняются, выкидываются на мостовую при первом торжестве противной партии. Это настоящее *vae victis*!* Тут не дозволяется никаких послаблений и компромиссов: раз наша взя-

* *Vae victis* (лат.) — Горе побежденным!

ла, на нашей улице праздник, гони их всех вон, дели добычу между нами! Вожди партий совсем бессильны, они должны покориться волей-неволей, ибо иначе все сторонники отшатнутся от них. Вот это-то и поселяет всеобщую нравственную распущенность в народе: пятикопеечные уличные листки без стыда и удержа ругаются и над королем, и над митрополитом, и над самыми заслуженными деятелями противной им партии; все у них дураки, подлецы и воры. И каждый кучер читает такую ругательную газетку и самоуверенно судит с ее голоса о политике и о политических деятелях государства. Единственный журнал, который сколько-нибудь идет, это «Дело», — и то потому, что печатается в типографии радикалов и распространяет их мысли, — а они огромное большинство. Другой журнал закроется на днях от недостатка средств. Вообще сербская молодежь не охотники до чтения, а тем меньше до научных работ. Студенты учатся безо всякой серьезной цели и интереса, дабы сделаться чиновниками и получать жалованье. Это очень безотрадно. О сербских женщинах и говорить нечего: они совсем необразованны, только и любят наряжаться, а читать никто из них не читает; во всей Сербии нет до сих пор ни одного иллюстрированного журнала. Впрочем, в последнее время стали отдавать девушек не только в 8-ми классные гимназии, а даже и в Великую Школу. И в Великой Школе, и в гимназии девушки учатся вместе с мальчиками. Только в высшей женской школе, где готовятся учительницы для школ, учатся исключительно девушки. Мои лекции тоже слушают и студентки вместе со студентами, и я могу сказать, что они занимаются даже основательнее студентов, хотя все помысли их тоже не в знании, а в службе и жаловании.

Я спросил, какого рода влияние оказывает на женское воспитание королева Наталия.

— Королева как очень богатая женщина привыкла к европейской роскоши и ввела, к сожалению, много этой ненужной роскоши в нашу скромную Сербию, не знавшую прежде ничего подобного. При Милане двор устраивал балов по 15 в зиму, и на балы, разумеется, приглашали почти всех чиновников. Необходимо было на каждый бал истратить несколько сот франков, а это положительно разоряло наших белградцев, привыкших к простоте и экономии. Теперь уже все у нас одеваются из Вены, все требуют модных нарядов. В деревнях школьное дело идет несколько лучше; построены образцовые дома для училищ, подготовляют народных учителей. Но все-таки — едва первые шаги еще сделаны: в южных округах наших 94% населения безграмотны, в остальной Сербии — 70%. Жаль особенно, что сербские попы так ленивы и беззаботны. Они ровно ничему не учат народ, не говорят проповедей, не оказывают никакого нравственного влия-

ния, только думают о наживе. Попы у нас главные виновники народного невежества. Министерство народного просвещения при радикале Николиче сильно боролось против их лени, но совершенно бесполезно...

— Так что у вас книжная торговля даже существовать не может? — спросил я.

— Сербскими дешевыми книжками еще торгуют кое-как, у нас, к счастью, устроилось «дружество»* со Стояном Новаковичем[72] во главе для издания книг[73]; это, кажется, единственное культурное предприятие, которое нам удалось. Дружество насчитывает уже 6 тысяч членов; каждый вносит франков по 4, по 5 в год и получает за это 5, 6 книг в переплете, изданных очень прилично, иногда это переводы, а больше оригинальные сербские сочинения, каждая книга издается в 10 тысяч экземпляров, и все расходятся. Но русских книг, которые могли бы нам принести существенную пользу, у нас даже в Белграде невозможно получить. Русские книгопродавцы не хотят входить ни в какие сношения с белградскими, не оказывают им кредита даже на 300 рублей. Как-то наш придворный книгопродавец попытался выписать из России несколько русских сочинений, так не только ему не выслали, а даже не ответили на письмо. Русские книги у нас можно получить, как это ни странно, только через Лейпциг. А между тем нужда в них есть, спрос есть. Необходимо было бы открыть в Белграде хотя маленькую торговлю русскими книгами. В России выходят много прекрасных и дешевых книг, которые нашли бы здесь сбыт.

— Стало быть, все-таки нельзя отчаиваться в будущем сербского народа, несмотря на все высказанные вами прискорбные факты? — спросил я молодого доцента.

— Конечно нет! Мне больно и грустно за теперешнюю отсталость моего родного народа, но все-таки надо помнить, что еще в 1867 году турецкие пушки были наведены на улицы Белграда, что нет еще 30 лет со дня выхода отсюда турецкого гарнизона и 20 лет со дня полной независимости Сербии. А при тогдашних полуарабских условиях какая могла быть речь о литературе и образовании! <...>

После литературы разговор зашел на экономические вопросы и, конечно, прежде всего коснулся обидной зависимости Сербии от Австрии.

— Конечно, зависимость наша от Австрии полнейшая, — согласился Кошутич. — Мы сжаты в ее кулак; захочет — погубит нас, захочет — оживит. Запретить ввоз свиней и слив, — и конец сербским доходам, жаловаться некому. Моря у нас нет, все торговые сношения наши чрез Австрии

* От сербск. *друштво* — общество.

рию. Другое бы дело, если бы Босния или Салоники принадлежали Сербии! Оттого Сербия уплачивает постоянную невольную дань Австрии: все, что продают и покупают в Белграде и в Сербии, — все австрийское. В самой Сербии никаких фабрик: даже свечи, даже глиняные тарелки везут к нам из Австрии. Кроме одной стеклянной, да одной суконной фабрики — у нас ровно ничего. Русские купцы не хотят серьезно приняться за торговлю с Сербией и соперничать с австрийцами. Мы их здесь не знаем совсем. Появился как-то чайный магазин Попова, хорошо шел, да приказчик стал играть в карты, пить, — обанкротился, конечно, закрылся. Кроме того, русские купцы не дают так товаров в кредит, как австрийские. Поневоле же наша политика должна ухаживать за Австрией. А между тем в Сербии есть богатые купцы и капиталисты, каждый зажиточный селяк имеет несколько тысяч дукатов, но он их держит в кубышке, боится кредита и риска <...>.

Кошутич вызвался, между прочим, проводить меня к Новаковичу и Николичу[74], которые оба живут на дачах.

Доехав на электрической конке до маленькой станции по дороге в Топчидере, мы пешком отправились на гору. Прошли каменоломни тестя Николича, с громадными сквозными воротами, вырубленными в скале, и поднялись наверх к довольно скромному домику, который стоит над провалами каменоломни. Мы застали радикального экс-министра совсем по-домашнему, на террасе дома за книжечкой, в самом бесцеремонном деревенском костюме. Простота обстановки и жизнь сербов изумительна, можно сказать, даже трогательна. Это без малейшей фразы простота Цинцинаттов[75]. Мне лично она в высшей степени по душе и вселяет искреннее уважение. В этой простоте — больше человечности и правды, чем в тех сложных и дорогих декорациях, которыми интеллигентный европеец старается загородиться от собратьев — людей. Конечно, простота эта вызывается прежде всего отсутствием средств для роскоши; но однако далеко не одним этим. Самые вкусы серба настолько еще проникнуты простыми привычками деревни, пастушеской и земледельческой жизни, что ему еще в голову не приходит страдать от недостатка того комфорта, тех утонченностей новейшей цивилизованной жизни, без которых мы, грешные, готовы считать себя несчастными пасынками судьбы.

Николич, оказалось, читал русскую книгу под заглавием «Русско-польские отношения», не помню, какого автора. По-русски он говорит с некоторым трудом, но мы, тем не менее, беседовали с ним обо всем.

Он воспитывался в Сербии, но, по словам Кошутича, сам изучил основательно немецкий, французский и английский языки, много занимался

Гегелем[76], много и хорошо переводил с европейских языков и сам писал довольно, как литератор и журналист. В радикальном министерстве он был министром народного просвещения, и даже некоторое время министром иностранных дел. Жена этого бывшего министра, угощавшая нас обычным прохладительным питьем, такая же простая и скромная, как и сам он, и сильно напомнила мне хлопотливых хозяек наших мелкопоместных хохлацких хуторков. И на хуторе однако, несмотря на окружающие нас зеленые поляны и горные виды, разговор невольно зашел о политике. Николич высказывается обо всем очень решительно, здраво и искренно, без околичностей. Он тоже охарактеризовал свою радикальную партию, как *нединастическую*.

— Я даже королю Александру прямо заявил, что и я не династический, — сказал Николич; — быть верным тем или другим лицам ни к чему не нужно. А нужно быть верным закону, конституции. И Александру этот взгляд, кажется, понравился... Радикальная партия тем больше всего и отличается от других, что она строго стоит за точное соблюдение королем конституции и не мирится ни с какими отступлениями в этом вопросе... Либералы же и напредняки то и дело уступали Милану свои права, не считая конституцию строго обязательной для короля <...>.

— Чем вы объясняете огромную популярность вашей партии в Сербии? — спросил я.

Николич шутливо улыбнулся.

— Пожалуй, можно объяснить себе это тем, что мы еще не успели показать народу свои недостатки, нам не давали до сих пор времени хорошенько похозяйничать в стране; поэтому народ еще не разочаровался в нас, как в других партиях, которые управляли им подолгу. Народ думает: две партии были плохи, должно быть третья будет лучше!

— Отчего же ваши партии не сольются в одну, если у них нет существенного различия в идеях? — заметил я.

— Руководящих идей действительно нет, одни только личные соперничества. Но умирить эти соперничества невозможно, ибо сила, выдвигающая вождей партии, в то же время обязывает их бороться за ее личные интересы, требует, в случае своего торжества, чтобы всех чужих гнали, чтобы все места и доходы раздавали своим. Ведь у нас при переменах господства партий выгоняют решительно всёх, до сторожей включительно... Как вы остановите этот круговорот?.. Народ наш еще слишком мало развит, чтобы придавать цену тому или другому принципу самому по себе. Вы знаете, например, что напредняки, при всем бессилии их, без труда могли бы совершенно уничтожить радикальную партию, если бы только предоставили сельским общинам свободный выбор их кметов. Селяку не нужна выс-

шая политика, а нужна своя община и свои приходские дела. Милан отлично понимал это и прямо говорил нам, что может свести к нулю этим способом радикальную партию. Вообще это был чрезвычайно ловкий политик. Он обладает необыкновенной памятью и, кажется, знает в лицо каждого серба в королевстве, хотя что-нибудь значащего. В этом была его огромная сила. Он изощрялся в том, чтобы знать про всякого всю подноготную о его характере, обстоятельствах, убеждениях, о его родных и друзьях, и умел поэтому влиять на кого хотел. Никто лучше его не знал действительного состава каждой партии, и часто случалось, что он открывал нам, кто наш, кто против нас, чего мы иногда совсем не подозревали. Вот и митрополит Михаил тоже обладает такой же огромной памятью и отлично знает, кто, куда и за что пойдет. Это один их самых опытных политиков наших...

Я предложил Николичу, как бывшему министру народного просвещения, несколько вопросов, касающихся положения образования в Сербии.

Из его слов оказалось, что сельские общины строят на свой счет дома для школ и отапливают их, а государство дает жалованье учителю. Учителя сербских народных школ вознаграждаются значительно щедрее наших русских и имеют среди населения гораздо более значения. Жалованье их, по словам Николича, видоизменяется от 800 до 2400 франков в год, между тем как профессор Великой Школы получает всего 3600 франков в первое время своей службы и только через 25 лет может достигнуть до 7000 франков годового оклада. Для приготовления народных учителей в Сербии устроены две учительские семинарии: одна в Белграде и другая в Нише. Нишская семинария теперь закрыта по случаю бунта учеников. Директор там был плохой, не сумел поставить себя как следует, в глазах воспитанников, и они в один прекрасный день выкинули его в окошко. В Сербии, кроме того, открыто 8 гимназий и 20 прогимназий — число очень достаточное по числу населения, особенно если сравнить с нашей Россией, где нередко 1–2 гимназии на губернию с 1,5–2 миллионами жителей. До сих пор гимназия и прогимназия были общие для мальчиков и девочек и незаметно было никакой распущенности в отношениях между ними; но теперь все-таки начинают основывать отдельные гимназии для девиц, чтоб уничтожить общность воспитания, и уже открыто до семи отдельных гимназий. По мнению Николича, сербам гораздо нужнее, чем гимназии — агрономические училища, а их, к сожалению, всего только два на целую Сербию.

О сербском духовенстве Николич такого же безотрадного мнения, как и Кошутич.

— Попы наши виноваты в том, что сербский народ без религии, — говорил с жаром Николич. — Высшая духовная власть, к сожалению, сама так

заражена политикой, что приучила политиковать и все деревенское духовенство. Поп наш решительно ничему не наставляет народ, кроме политики. И серб ни в чем не станет слушать своего попа, кроме того, когда он читает ему газету и толкует про политические дела. Оттого-то серб готов умереть за церковь, за веру свою, а Богу не молится и ни о какой религиозной нравственности не имеет понятия...

Дача Новаковича неподалеку от Николича, так что, посидев полтора часа у Николича, мы отправились от него пешком к Новаковичу. Дом его красивее и обширнее; кругом хорошенький сад с цветниками. Новакович, по словам Кошутича, зарабатывает одними литературными работами до 10000 франков и вообще живет довольно открыто, в доме у него постоянно прием. Дома мы нашли только госпожу Новакович и сына его; сам же Стоян Новакович только что уехал в Белград, куда его неожиданно потребовал король. На другой день мы прочли в газетах, что в этот именно вечер король предложил ему составить новое министерство, приняв на себя обязанности министра[77] <...>.

К большому моему сожалению, я не мог, таким образом, познакомиться с этим замечательно умным и ученым сербским деятелем <...>.

Удачнее были мои свидания с представителями радикальной партии. Ко мне зашел познакомиться Стоян Протич[78], бывший министр внутренних дел в министерстве Пашича, теперь редактор радикального ежемесячного журнала «Дело», едва ли не единственного серьезного литературно-политического органа. Он был так любезен, что принес мне в подарок целый год своего журнала. Я тоже отправился к нему с ответным визитом и нашел его в редакции. Там, кроме самого Протича, я застал Пашича, доктора Веснича[79], профессора Великой Школы, и еще нескольких близких к редакции лиц. Редакция «Дела» служит вместе с тем и центральным бюро, — политическим клубом своего рода, — для радикальной партии. Тут вожди ее пишут свои циркуляры, воззвания, распоряжения, принимают и исключают членов партии, собирают деньги на журнал и другие расходы по делам партии. Меня приняли здесь чрезвычайно радушно; почти все присутствующие говорили сколько-нибудь по-русски и были знакомы с русской литературой и многими русскими деятелями, так что, беседуя с ними, я чувствовал себя словно не на чужбине, а среди своих земляков. Простота обстановки этого политического и литературного центра радикалов удивила меня даже и после близкого знакомства с обычной простотой и бесцеремонностью сербской жизни. Голые стены комнаты и среди них длинный стол и стулья самого невзыскательного вида — вот зала их совещаний. Ни книг, ни конторок, ни каких-нибудь

украшений, ничего ровно. Спартанская или, пожалуй, солдатская бесприютность обстановки.

Пашич, хорошо знакомый с роскошью кабинетов наших русских журналистов, — не говоря уже о государственных деятелях, — счел даже нужным извиниться за чересчур большую простоту помещения их радикальной редакции.

— У нас во всем демократия! — сказал он, улыбнувшись. — Не то, что у вас в Петербурге.

В моих же глазах и люди, и дело только выигрывают от такой скромности внешней обстановки, от такой умеренности вкусов. Невольно кажется, что там, где не придают особенного значения декорациям, люди более способны ценить сущность дела и твердо стоять за свои принципы.

Так как злобой дня было неожиданное вступление во власть, вместо предполагавшегося смешанного правительства из представителей разных партий, чистого напредняцкого министерства в лице Стояна Новаковича, то разговор естественно, коснулся этого последнего события.

На мой вопрос, насколько сильна в Сербии партия напредняков, я услышал такое объяснение:

— Напредняки — отчасти партия наших аристократов, насколько аристократия возможна в таком бессословном и земледельческом народе, как наш, сербский. К этой партии принадлежат более или менее богатые и независимые люди, близкие ко двору. В сущности их так мало, что их лишь с натяжкой можно назвать партией; но двору представляется, будто в них большая сила, потому что они смело говорят, много шумят и волнуются около высших сфер... Партия эта имела особенное значение во время министерства Пирочанца[80], которому Сербия более всех обязана своим экономическим разорением и рабством Австрии <...>.

Чаще всего приходилось нам проводить время в Белграде в обществе профессора Сретковича и Кошутича <...>.

Когда мы заговорили о характере теперешних сербов, Среткович так обрисовал их:

— Сербский селяк ни за что не пойдет работать на фабрику и вообще трудиться где-нибудь, кроме своего поля. Вот быть пандуром или хозяином кофейни — это другое дело! Он и денег совсем не уважает. Тот, у кого есть тысяча червонцев — не ставит их ни во что! Потому что нынче они есть, завтра их нет. А вот дом, поле, виноградник, — совсем иная статья: это вечное, никуда не уйдет. В прислугу селяки тоже не идут, вся прислуга у нас из Австрии, Венгрии или Румынии, а если и попадаются сербы, то не наши, а из Срема.

— А выгодно ли заниматься у вас земледелием? — спросил я.

— Какая же выгода! Хлеб ни почем, никому не нужен, везде кругом своего хлеба девать некуда: в Македонии, в Болгарии, в Румынии, в Венгрии... А работы оплачиваются недешево: 3 динара косить, 2 динара жать, да еще корми при этом поденщика.

— Тем печальнее, что у вас нет никакой фабричной жизни, — заметил я. Все Австрия у вас поглотила.

— Что ж делать, когда промышленность не в нравах серба? — отвечал Сретковил <...>.

Я спросил его мнение о сербской конституции 1894 года[81].

— Конституция 1894 года, конечно, не годится, и ее необходимо пересмотреть в духе благоразумия, — ответил профессор, — но ведь конституция 1889 года[82] была полным разложением государства, была положительно невозможна.

Я вспомнил при этом, как несколькими днями раньше радикал Николич высказал мне по этому поводу совершенно противоположный взгляд и очень жалел об упразднении старой конституции, когда существовали срезовые скупщины, похожие на русское земство, для заведывания местными делами, когда кметы выбирались самими общинами, а не назначались, как теперь, полицией, от которой, по его словам, в сущности, зависит теперь и ассигнование всех общинных расходов.

VI.
Отъезд из Сербии

Мы, наконец, покинули милый Белград, <...> в котором нам посчастливилось узнать столько интересных представителей сербской интеллигенции. Я почти не заметил, как железная стоножка перенесла нас через Савский мост и мы очутились в Землине, уже в пределах Австрийской империи, хотя все еще среди родных нам славян <...>.

Одно я чувствовал ясно и несомненно, что сербы действительно родные нам; в них многое так близко мне и знакомо, как будто я давным-давно жил с ними; столько понятных мне вкусов, привычек, взглядов; столько чисто русских достоинств и чисто русских недостатков. И страна и люди производили на меня впечатление какой-то далеко от нас отодвинутой малороссийской провинции, малороссийских хуторян. Та же страсть к деревне, та же несколько ленивая простота быта, та же нелюбовь к про-

мышленной и торговой деятельности, как у степняков, например, Полтавской губернии, те же инстинкты удали и благоговение к геройской старине, как у потомков днепровского казачества. И в городской интеллигенции — опять слишком знакомая картина, так живо напоминающая наши земские и литературные партии, господство великодушных слов над нерадивым делом, добрые сердца при слабых характерах, отсутствие строгих знаний, стойкости и нравственной дисциплины, которыми так сильны британцы и немцы, и вместе с тем изумительная скромность потребностей и выносливость, способные победить самые неблагоприятные обстоятельства, — чем неодолима наша Русь православная.

Ясен и несомненен был для меня еще один вывод: несмотря на многие столетия полного разобщения сербов с русскими, сербский народ проникнут инстинктивным стремлением к России, как родной к родному, верит в Россию, надеется на нее, искренно желает тесных постоянных сношений с ней и охотно готов бы был стать под ее естественное покровительство и руководство, если бы отношения России к Сербии выражались в чем-нибудь реальном и прочном. Но, к сожалению, Россия для Сербии до сих пор какая-то отдаленная идеальная мечта, которая поддерживается в сердце сербского народа только немногими памятными ему событиями, где рука и голос России действительно послужили в опасные минуты благу Сербии. В жизни же, так сказать, ежедневной, в интересах будничных и постоянных, из которых в сущности и слагается быт народа, Россия положительно отсутствует, России серб не видит нигде и никогда. Не видит ни русского товара, ни русской фабрики, ни русского мастерового, ни русского судна, ни русских денег, ни русской школы, ни русского духовенства, ни русской книги, ни даже русского путешественника. Немногих единичных русских ученых и туристов, случайно забегающих в Белград, считать, разумеется, нечего, как нечего считать и те десятки русских книг, которые можно отыскать в библиотеках Великой Школы или духовной семинарии. Все это доступно и известно немногим избранным, а не народу, не сербскому образованному обществу. Россия словно признала Сербию законным полем нравственного, политического и экономического влияния своего исконного недруга — Австрии и уступила ей без борьбы этого своего кровного и природного союзника. Уступка Австрии с согласия, — а по уверению князя Бисмарка[83], даже по добросовестному почину России, — древнейших сербских областей Боснии и Герцеговины не может в глазах сербов иметь другого объяснения. Неудивительно после этого, что почти вся интеллигентная Сербия говорит по-немецки и весьма редко говорит по-русски, что все Сербия покупает у Австрии и прода-

ет Австрии, что все материальное благосостояние ее народа стало теперь чуть не в рабскую зависимость от Австрии <...>.

И России, чтобы выполнить <...> свою великую роль вождя и защитника славянства, необходимо было бы решительно вступить на путь, способный привлечь к себе непринужденную любовь славянских народов <...>.

Примечания

[1] Вардар — главная река в Македонии. Впадает в Эгейское море. Длина — 368 км.

[2] В 1878 г., по решению Берлинского конгресса, Сербское княжество обрело независимость. Кроме того, к нему были присоединены 4 округа — Нишский, Пиротский, Враньский и Топлицкий.

[3] Генчич Джордже (1861–1938) — сербский политический деятель, один из лидеров Либеральной партии, русофил. Сторонник короля Милана Обреновича. Министр внутренних дел в кабинете Владана Джорджевича (1899). Один из организаторов заговора по свержению и убийству короля Александра Обреновича. В «революционном правительстве» Йована Авакумовича (1903) являлся министром народного хозяйства. Во время Балканских и Первой мировой войн — корреспондент русских газет. После войны — промышленник.

[4] Нишава — река на юге Сербии. Правый приток Южной Моравы.

[5] Т. е. бывшего короля Милана Обреновича, вернувшегося в Сербию из-за границы в январе 1894 г.

[6] Правильно — Моравы.

[7] Бей — в Османской империи правитель округа (санджака). В XIX–XX вв. титул давался старшим офицерам в армии или чиновникам соответствующих рангов.

[8] Название вина происходит от имени местности — *Жупа Александровачка*, по сей день славящейся своими виноградниками.

[9] Расина — река в южной Сербии. Правый приток Западной Моравы.

[10] Правильно: Трстеник — город в южной Сербии на правом берегу Западной Моравы. Первое упоминание о нем относится к XIV в.

[11] Речь идет о так называемом «Законе о народном благосостоянии» (т. е. об аграрном минимуме), принятом в 1873 г. Согласно его положениям, ни при каких условиях не подлежали отчуждению крестьянский двор, а также надел земли, который крестьянин был в состоянии вспахать за шесть дней работы.

[12] Правильно: Любостыня — монастырь в южной Сербии. Задужбина княгини Милицы (1353–1405) — вдовы князя Лазара.

[13] Правильно: Врњци (Врнячка баня) — известный курорт на юге Сербии.

[14] Правильно: Карановацкое — от названия города Карановац, переименованного после объявления Сербии королевством (февраль 1882 г.) в Кралево.

[15] Белимаркович Йован (1827–1906) — сербский военачальник, генерал. Военное образование получил в Пруссии. В 1868–1872 гг. был военным министром.

С 1888 г. — член Государственного Совета. В 1889–1893 гг. входил в состав Регентского совета при короле Александре Обреновиче.

[16] См. комментарий 4 к воспоминаниям Н. В. Максимова.

[17] Неманя Стефан (1113–1200) — великий жупан (1170–1196), основатель сербского государства и родоначальник династии Неманичей. Объединил значительную часть сербских земель в едином государстве. В 1190 г., после ряда столкновений, добился от Византии признания независимости Сербии. В 1196 г. принял монашество, передав власть своему сыну — Стефану Первовенчанному.

[18] Савва (до пострижения — Растко; 1174–1235) — сербский политический и церковный деятель, основатель автокефальной сербской церкви. Младший сын Стефана Немани. В начале 90-х годов XII в. управлял Хумской землей, затем отправился на Афон, где принял пострижение и вместе с отцом основал Хиландарский монастырь. В начале XIII в. возвратился в Сербию. Добившись согласия Никейской патриархии на создание самостоятельной сербской архиепископии, стал в 1219 г. ее главой. В середине XIII в. причислен к лику святых (культ его был распространен в Сербии, Болгарии и на Руси).

[19] Ибар — река в южной Сербии, правый приток Западной Моравы. Длина — 241 км.

[20] См. комментарий 3 к очерку С. П. Коломнина.

[21] Призрен — город в южной Сербии (Косово). Один из главных центров средневекового сербского государства. Столица царей Душана и Уроша. С 1455 г. находился под властью турок. В 1912 г. освобожден.

[22] Приштина — город в южной Сербии (Косово). Один из центров средневекового сербского государства. Являлся столицей короля Милутина, затем — Вука Бранковича.

[23] Косовская Митровица — сербский город на севере Косово. Первое упоминание о ней относится к XIV в.

[24] Речь идет о Сербско-болгарской войне 1885 г., в которой сербы потерпели поражение.

[25] Марфа — одна из двух сестер Лазаря, которого воскресил Христос на четвертый день после его смерти.

[26] Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) — русский славист, историк и собиратель былин. Член-корреспондент Академии наук. Окончил Московский университет. В 1856–1859 гг. служил консулом в Боснии; в начале 60-х годов — в государственной канцелярии в Петербурге; с 1863 г. — вместе с Н. А. Милютиным в Комитете по делам Царства Польского. С 1870 г. был председателем этнографического отделения Русского географического общества. Научная и публицистическая деятельность Гильфердинга была посвящена истории южных и западных славян, славянской филологии, а также русскому фольклору и этнографии.

[27] Апостол Даниил (1654–1734) — гетман левобережной Украины (1727–1734). Известен как военный деятель, участник походов против Турции, Крыма, а также Северной войны. В 1708 г. примкнул к изменнику Мазепе, но вскоре покинул его.

[28] Мария Александровна Романова (урожденная принцесса Гессен-Дармштадская (1824–1880)) — жена Александра II, российская императрица (1855–1880).

[29] Шумадия — историческая область в центральной Сербии.

[30] Правильно: Таково — село в 6 км. от Горнего Милановца, где в 1815 г. Милош Обренович поднял знамя Второго сербского восстания.

[31] Цукато Егор Гаврилович (? — 1810), граф — русский военачальник, генерал-майор. Участник Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В июне 1810 г. перешел через Дунай в Сербию — на помощь Карагеоргию. Одержал победы в боях с турками под Брзой Паланкой и Праховом. Сформировал из сербов регулярную кавалерию, получившую название сербских казаков. Умер в конце августа 1810 г.

[32] Орурк Иосиф Корнилович (1772–1849), граф — русский военачальник, генерал от кавалерии. Участник Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В августе 1810 г. во главе отдельного отряда был командирован в Сербию, где (сначала под командой Цукато, а затем самостоятельно) воевал до сентября 1811 г. Совместно с сербами разбил турок при Брзой Паланке, Ясике, Варварине; взял Крушевац.

[33] Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) — великий русский полководец, фельдмаршал (1812). Участник Русско-турецких войн конца XVIII — начала XIX в. и войн с Наполеоном. В 1806–1807 гг. — Киевский военный губернатор. В 1808 г. — командир корпуса в Молдавской армии. В 1809–1811 гг. — Литовский военный губернатор. С марта 1811 г. — командующий Молдавской армией. Одержал победы над турками при Рущуке и Слободзее. В 1812 г. заключил Бухарестский договор с Портой, 8-я статья которого оговаривала автономное положение Сербии. Главнокомандующий русской армией в Отечественную войну 1812 г. и в начальный период заграничных походов 1813–1814 гг.

[34] Адрианопольский мирный договор, подписанный 2 сентября 1829 г., завершил Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. 6-я статья документа обязывала турок выполнить все положения 5-й статьи Аккерманской конвенции (25 сентября 1826 г.), гарантирующей Сербии внутреннюю автономию, и подтверждала право России на покровительство ей. Результатом Адрианопольского мира стали хатти-шерифы 1829 и 1830 гг., а также берат Милошу Обреновичу 1830 г., по которым Сербия объявлялась вассальным княжеством с полной внутренней автономией, а Милош подтверждался в достоинстве баш-кнеза (верховного князя) сербов с наследственными правами.

[35] Милутин, Стефан Урош II (умер в 1321 г.) — сербский король (1282–1321). Благодаря поддержке церкви, укрепил центральную власть. После успешной войны с Византией (1282–1299) женился на дочери византийского императора, присоединив к сербскому государству значительную часть Македонии со Скопье, Видин и другие территории.

[36] Печ — средневековая (с середины XIII в.) резиденция сербских архиепископов, переехавших из Жичи, а с 1346 г. — патриархов.

[37] Лувр — бывший дворец французских королей в Париже. С 1793 г. в нем расположен музей. Лувр представляет собой архитектурный ансамбль, включающий несколько дворцовых сооружений, создававшихся на протяжении XVI–XIX вв. в стилях барокко, классицизма и ампира.

[38] Правильно — Ягодина.

[39] Чуприя — город в Шумадии.

[40] Раваница — монастырь неподалеку от Чуприи. Основан в 1381 г. князем Лазаром. Главный храм — церковь Вознесения. В 1390–1690 г. в монастыре находились мощи князя Лазара.

[41] Валахия — историческая область на юге Румынии, между Карпатами и Дунаем. Река Олт делит Валахию на две неравные части: восточную — Мунтению, или Великую Валахию, с центром в Бухаресте, и западную — Олтению, или Малую Валахию, с главным городом Крайова.

[42] Жича — монастырь поблизости от города Кралево. Сооружен в 1208 г. как задужбина Стефана Первовенчанного. После установления церковной автокефалии в 1219 г. был кафедрой сербских епископов. В средние века играл важную роль в религиозной, политической и культурной жизни Сербии.

[43] Фрушка гора — возвышенность в Воеводине (Срем), на которой располагается 18 православных монастырей.

[44] Врдник — один из фрушкогорских монастырей. Первый раз упоминается в 1589 г. В конце XVII в. был разорен турками. Бежавшие из Сербии в 1690 г. монахи монастыря Раваница обновили его. В нем хранятся мощи князя Лазара. Главный храм — церковь Иоанна Крестителя. Сооружена, на месте разрушенной, в 1801–1811 гг.

[45] Т. е. Сремских Карловцев.

[46] Елизавета Петровна Романова (1709–1761) — росиийская императрица (1741–1761). Дочь Петра I и Екатерины I.

[47] Славяносербский уезд находился в Екатеринославской губернии.

[48] Раячич Иосиф (1785–1861) — Карловацкий митрополит (с 1842 г.) и патриарх (с 1848 г.). Избран сербским народным представительством не только духовным, но и политическим лидером сербов Воеводины. Стоял во главе антивенгерского сербского движения. Прилагал усилия к получению Сербской Воеводиной официального статуса. Сыграл главную роль в принятии конституции на Благовещенском саборе 1861 г. в г. Карловцах. Умер после упразднения императором Францем Иосифом Сербской Воеводины.

[49] Бранкович Джордже (1645–1711), граф — сербский дипломат на службе Австрии и историк. В 1688 г. получил от Леопольда I титул графа. Но уже через год, выдвинув идею «Иллирского царства», потерял доверие Вены и был отправлен в заключение в Чехию, где и умер. В 1691 г. венгерские сербы избрали его воеводой, но император не утвердил их выбор. Автор знаменитых «Хроник».

[50] Дечаны (Высокие Дечаны) — монастырь в южной Сербии (Косово). Сооружен между 1327 и 1335 гг. Его строители — король Стефан III и царь Душан. Архитектор — Фра Вита из Котора.

[51] Петр I Алексеевич Романов (1672–1725) — последний русский царь и первый император; великий преобразователь России. Младший сын Алексея Михайловича от брака с Н. К. Нарышкиной. В 1682–1689 гг. — «второй царь» при регентстве царевны Софьи. Реально правил с 1689 г. В 1721 г. (после победы в Северной войне) провозглашен Сенатом императором всеросийским.

[52] Иван V Алексеевич Романов (1666–1696) — русский царь, сын Алексея Михайловича от брака с М. И. Милославской. После смерти царя Федора Алексеевича (1682) Нарышкины провозгласили царем младшего царевича Петра (будущего первого императора), отстранив его старшего брата — немощного и неспособного к государственным делам. Во время стрелецкого бунта Иван V был посажен на престол и 26 мая 1682 г. утвержден Земским собором в качестве «первого» царя (его младший брат Петр I стал считаться «вторым» царем). Царствование Ивана было номинальным: до 1689 г. фактически правила царевна Софья, затем — Петр I.

[53] Манасия (другое название Ресава) — монастырь в восточной Сербии. Его выстроил в 1407–1418 гг. сын князя Лазаря — деспот Стефан Лазаревич. Главный храм — церковь Св.Троицы.

[54] Матич Димитрие (1821–1884) — сербский литератор и политик Министр просвещения при князе Милоше Обреновиче (1859). Член Государственного Совета (1872). Председатель скупщины 1878 г., ратифицировавшей Берлинский трактат и провозгласившей независимость Сербии.

[55] Морозов Савва Тимофеевич (1862–1905) — один из крупнейших русских предпринимателей, текстильный фабрикант. Меценат. В 1885 г. закончил Московский университет. По образованию химик. Являлся владельцем «Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова и К».

[56] См. комментарий 16 к отчету В. В. Макушева.

[57] См., например: *Сретькович П.* Гора Космай // Русский вестник. 1858. Т. 21. Кн. 5–6.

[58] См. комментарий 17 к отчету В. В. Макушева.

[59] «Дело» — сербский общественно-литературный и научный журнал. Выходил в 1894–1899 и 1902–1914 гг. Издатель — Алекса Станоевич. Первым главным редактором являлся Стоян Протич.

[60] Из сочинений Миличевича на русском языке см., например: *Миличевич М.* Семейная община по селам сербским, известная под именем задруги // Русская беседа. 1858. Т. 3. Кн. 11; *Миличевич М.* Сербская община // Русская беседа. 1859. Т. 6. Кн. 18.

[61] Марков ошибается — т. н. «Закон о народном благосостоянии» был принят скупщиной в 1873 г. Согласно ему, не мог быть продан, разделен или взыскан за долги (причем как частные, так и государственные) участок земли, который крестьянин был в состоянии вспахать за шесть дней работы.

[62] В январе 1894 г. Милан Обренович неожиданно вернулся в Сербию, хотя до этого, за солидную финансовую компенсацию, дал публичное обязательство никогда больше не появляться в стране и даже вышел из сербского гражданства... Впоследствии (1897–1900) экс-монарх занимал пост командующего регулярной армией.

[63] Рубенс Петер Пауль (1577–1640) — знаменитый фламандский художник. Жил и работал в Антверпене, будучи придворным живописцем правителей Южных Нидерландов. Много и часто путешествовал, выполняя дипломатические по-

ручения испанских Габсбургов. Произведения — «Персей и Андромеда», «Вакх», «Воздвижение креста», «Снятие с креста» и т.д. Среди учеников и помощников Рубенса: А. Ван-Дейк, Я. Йорданс, Ф. Снейдерс.

[64] Корреджо наст. имя — Антонио Аллегри (1494–1534) — итальянский живописец эпохи Возрождения. Работал в Корреджо и Парме. Глава эмилианской школы Высокого Возрождения. Произведения: фрески плафона в монастыре Сан-Паоло, роспись куполов церкви Сан-Джованни Эванджелиста, «Даная», «Мадонна со св. Иеронимом», «Поклонение пастухов».

[65] Николай I Павлович Романов (1795–1855) — российский император (1825–1855).

[66] Павликиане — участники крупного средневекового еретического движения, зародившегося в сер. VII в. в Византийской империи. Движение получило распространение в Армении и византийской Малой Азии. По своим воззрениям павликиане — дуалисты. В основе их учения — признание двух богов: бога добра и бога зла. Христа они считали одним из ангелов, сыном бога добра. Отвергали культ Богородицы, пророков и святых, церковь и духовенство, особенно монашество. Признавали только Новый Завет (без посланий апостола Павла). Наивысшего подъема движение павликиан в Византии достигло к сер. IX в., когда они перешли к вооруженной борьбе против Империи. На арабо-византийской границе они основали даже свое государство, разгромленное византийцами в 872 г.

[67] Обренович Александр (1876–1903) — король Сербии (1889–1903). Вступил на престол после отречения своего отца — короля Милана. В 1893 г., арестовав регентов и членов правительства, провозгласил себя совершеннолетним. В 1894 г. отменил либеральную конституцию 1888 г. В 1901 г. октроировал новую конституцию, вводившую Сенат, часть членов которого назначалась монархом. 29 мая 1903 г., в результате офицерского заговора, был убит. С его смертью династия Обреновчей пресеклась. На сербском престоле были восстановлены Карагеоргиевичи.

[68] 9 мая 1894 г. король Александр Обренович совершил свой второй государственный переворот. Он отменил конституцию 1888 г. и вернул в силу Основной закон 1869 г.

[69] Саксен-Кобург-Гота Фердинанд (1861–1948) — болгарский князь (1887–1908) и царь (1908–1918). Основатель династии Кобургов в Болгарии. Сын принца Августа Саксен-Кобург-Гота. Выдвинут на престол под давлением германской дипломатии. Способствовал усилению влияния Германии в стране, развязыванию Второй Балканской (Межсоюзнической) войны (1913) и вовлечению Болгарии (октябрь 1915) в Первую мировую войну. Поражение в войне и Владайское восстание вынудили Фердинанда отречься от престола и бежать в Германию.

[70] Кошутич Радован (1866–1949) — сербский ученый, филолог-славист. Образование получил в Вене, Праге, Кракове. Доктор филологии. Автор работ по грамматике и фонетике польского и русского языков. С 1905 г. — доцент, с 1922 г. — профессор Белградского университета. С 1928 г. — иностранный член АН СССР.

[71] Незеленов Александр Ильич (1845–1896) — русский ученый-литературовед, экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета (1879).

Специалист по русской литературе XVIII–XIX вв. Автор исследований об А. С. Пушкине, И. С. Тургеневе, А. Н. Островском и др.

[72] См. комментарий 3 к отчету В. В. Макушева.

[73] Сербская литературная задруга — негосударственная культурная организация, основанная в 1891 г. Стояном Новаковичем. Главной задачей считала публикацию и распространение произведений сербских авторов.

[74] Николич Андра (1853–1918) — сербский политический и государственный деятель. С 1881 г. — член Главного комитета Радикальной партии. В 1890–1910-е гг. неоднократно занимал пост министра просвещения и церковных дел. В 1901 г. — посланник Сербии в Париже. В 1908–1918 гг. — председатель Народной скупщины Сербии.

[75] Цинциннат Луций Квинкций — древнеримский политический деятель. Патриций. Консул — в 460 г., диктатор — в 458 и 439 гг. до н. э. Согласно античной традиции, Цинциннат считался у римлян образцом скромности, доблести и верности гражданскому долгу.

[76] Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) — крупнейший представитель немецкой идеалистической философии конца XVIII — начала XIX в.

[77] Кабинет Стояна Новаковича был сформирован 25 июня 1895 г.

[78] Протич Стоян (1857–1923) — сербский политический и государственный деятель, один из лидеров Радикальной партии. Редактировал печатные органы радикалов: газеты «Самоуправа» («Самоуправление»), «Одјек» («Эхо»), «Народ»; журнал «Дело». Министр внутренних дел (1903–1905, 1906–1907, 1912–1914); финансов (1909–1912 с перерывом; 1917–1918). Премьер-министр Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918–1919, 1920).

[79] Веснич Миленко (1863–1921) — сербский политический и государственный деятель, доктор права. Профессор Великой школы. Посланник Сербии в Италии (1901–1902) и Франции (1904–1921 с перерывами). Премьер-министр Королевства СХС (1920).

[80] См. комментарий 8 к отчету В. В. Макушева.

[81] См. комментарий 54.

[82] Правильно — конституция 1888 г. «Списанная» с конституции Бельгии 1831 г., она ограничивала прерогативы Короны; вводила в стране разделение властей, право большинства на формирование кабинета, ответственность министров перед парламентом; гарантировала гражданские свободы населения. После отмены в 1894 г., была восстановлена (с небольшими изменениями) в 1903 г.

[83] Бисмарк фон Шенхаузен Отто Эдуард Леопольд (1815–1898), князь — прусский и общегерманский государственный деятель. Опираясь на силу и мощь прусской армии, Бисмарк в результате войн с Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1870–1871) осуществил свой план объединения Германии сверху, «железом и кровью». В 1871–1890 гг — рейхсканцлер Германской империи. Был инициатором русско-австрийско-германского соглашения 1873 г. (т. н. «Союз трех императоров»), которое возобнавлялось в 1881 и 1884 гг.

*Водовозова Е. Н.**

Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы. СПб., 1898. С. 101–125

Сербия. Прошлое и настоящее сербского народа

<...> Сербия — конституционное государство. Законодательную власть король разделяет с народными представителями, собрание которых в Сербии называется скупщиной, но власть исполнительная — назначение министров и остальных чиновников, командование войском — исключительно принадлежит королю.

Скупщина — важнейшее государственное учреждение Сербии. По сербской конституции (1869 г.)[1] скупщина собирается ежегодно и состоит из депутатов, выбираемых и назначаемых на три года; три четверти всего числа этих депутатов — выборные народом, а одна четверть назначается королем. Понятно, что депутаты, назначаемые королем, всегда находятся под его влиянием и стараются проводить меры, желательные королю, нередко идущие вразрез с народными интересами <...>.

---

* Водовозова (урожденная Цевловская) Елизавета Николаевна (1844–1923) — писательница, педагог, мемуаристка. Окончила Смольный институт. Популяризации этнографических знаний для юношества посвящено ее главное сочинение «Жизнь европейских народов. Географические рассказы» (СПб., 1875–1883), в котором она повествует о жизни народов различных стран. Переработанным и сокращенным вариантом издания стала книга «Как люди на белом свете живут» (тт. 1–10. СПб., 1894–1901).

Правом быть выбранным в депутаты пользуются лишь лица, достигшие 30-ти лет, платящие подати и не имеющие ни казенной службы, ни содержания от государства. Следовательно, люди служащие, чиновники и учителя лишены возможности быть выбранными в народные представители. Этим постановлением составители конституции имели в виду сделать скупщину более независимой от правительства. Они боялись, что если скупщина будет наполнена чиновниками, т. е. людьми, получающими жалованье от правительства, то она будет слишком податлива к исполнению всех его желаний, которые в Сербии далеко не всегда идут рука об руку с интересами народа. Но эта мера достигла и другого результата. Чиновников в Сербии, как и в Болгарии, чрезвычано много, — несравненно более, чем это нужно для государственных потребностей; но почти только они одни составляют интеллигентный класс в Сербии. Таким образом, исключение их из скупщины почти вовсе лишило ее людей более или менее образованных, и она почти сплошь состоит из людей невежественных. Если чиновники, будучи депутатами, могли бы оказаться слишком податливыми относительно правительства, из боязни лишиться места и потерять свое чиновничье жалованье, то нынешние депутаты являются податливыми относительно правительства по полному непониманию своих задач, по совершенному неумению отстаивать свои интересы, по незнанию положения своей страны и ее отношений с иностранцами, одним словом, по своему невежеству. К тому же, отсюда вытекает и другое, не менее печальное явление — вражда между классом чиновников и народом. Взаимная неприязнь этих двух классов так велика, что между теми и другим лежит целая пропасть. Этому разладу способствует и полиция: даже на беседу чиновника с сельским жителем она смотрит подозрительно. С другой стороны, как бы ни оскорбил чиновник селянина, тот не может на него жаловаться, не испросив на то разрешения ближайшего начальства, а оно никогда не дозволит своего чиновника отдать под суд по частной жалобе и даже по жалобе целого общества. Поэтому чиновник смотрит на него еще хуже: он видит в нем своего врага, ненавидит его и не допускает в свое общество.

Все почти сербские государственные учреждения — законодательные, судебные и полицейские — сложились в Сербии не соответственно народному быту, а скорее навязаны ему извне, более всего из Австрии. Этот государственный строй, столь мало соответствующий патриархальному быту сербского народа, в последнее время все печальнее отзывается на материальном положении народа <...>.

Просвещение

Число первоначальных школ в Сербии в последнее время начинает увеличиваться, а вместе с этим усиливается и грамотность. Тем не менее еще до сих пор в городах из ста человек лишь 46% грамотных, а в селах и еще меньше, а именно из ста человек насчитывают лишь 9 грамотных. Особенно мало грамотных среди женщин. Правительство, однако, затрачивает много средств на устройство и содержание школ. Но дело в том, что все, что устраивает сербское правительство, обходится ему дороже, чем где бы то ни было, и к тому же все устроенное им обыкновенно не достигает своей цели. При устройстве первоначальных школ правительство мало соображается с нуждами народа, его нравами и условиями жизни, — вот потому-то они и не приносят народу той пользы, которую могли бы приносить. Нельзя сказать, чтобы сербский люд был против просвещения, но в своих школах он не находит того, чего требует. Детей не обучают здесь ни рукоделиям, ни ремеслам; мало того, родители замечают, что их дети, окончив курс в первоначальной школе, совсем отбиваются от простой работы. Серб, будучи по натуре человеком в высшей степени практическим, находит излишним посылать в школы своих детей, которые как раз в школьный возраст всегда нужны ему, особенно для присмотра за скотиной и для всевозможных услуг в хозяйстве. Хотя обучение в этой стране обязательно, но сербские поселяне взятками и обманом, одним словом, всеми правдами и неправдами, стараются удерживать своих детей дома, и, таким образом, громадное большинство сербов остается безграмотными.

Экзамены в первоначальных школах производятся довольно оригинально: правительство для этого назначает профессора, называемого в это время ревизором, который должен присутствовать на экзаменах и ставить отметки не только ученикам, но и учителям. Если учитель или учительница в продолжение четырех лет получают высшие баллы, т. е. 4 или 5, тогда им, по прошествии этого срока, несколько увеличивают плату за труд; если в следующее четырехлетие они опять получат хорошие отметки, им опять повышают вознаграждение. Народный учитель или учительница получают в среднем в месяц 120 динаров (приблизительно 40 рублей на наши деньги); смотря по успехам и отметкам ревизора, эта плата увеличивается.

Сербский университет в Белграде (столице страны) называется «Великой Школой». Сербские студенты, желающие серьезно подготовиться к умственной деятельности, не ограничиваются знаниями, получен-

ными в собственном университете, а отправляются заниматься в Россию или за границу, и это весьма естественно: сербские профессора, учителя, инженеры — люди в высшей степени невежественные. Громадное большинство молодых людей, окончивших курс в «Великой Школе», обыкновенно делаются чиновниками. Недаром наиболее развитые сербы сами называют свой университет «фабрикой чиновников».

Студенты пользуются в «Великой Школе» полной свободой. Они собираются в помещении этого заведения, когда пожелают, в свободное время, никому не дают отчета в том, что они там читают или о чем рассуждают. У них есть собственная касса, которой они распоряжаются по своему усмотрению, и свой певческий хор. Они любят песни преимущественно патриотические и часто такие, которые сложились в народе еще во времена их рабства под игом турок. Вот начало одной из них: «Умирайте, братья! Топитесь в крови! Оставьте селения, пусть пламя пожирает их! В огонь бросайте сами своих детей! Сбросьте с себя рабство и срам! Боритесь, братья-юнаки (герои сербские), вы — герои, боритесь же! Вашу борьбу узнает весь свет. Небо будет плакать долго и горько» <...>.

Задруга

<...> Сербские поселяне, как и болгары, живут задружно, т. е. несколько родных и двоюродных братьев, дядьев и племянников, вместе со своими женами, детьми, внуками и правнуками, живут вместе. Члены задруги, большей частью, родственники по крови, особенно в мужской линии, за исключением слуг, которых, впрочем, здесь держат очень немногие поселяне. Все члены такой задруги или семейной общины пользуются одинаковыми правами: сообща работают на одних пашнях, сенокосах, в одних виноградниках и поровну расходуют общий приход. Все, что есть в доме задруги, — общее достояние: земля, пашни, покосы, луга, виноградник, сад, леса, огороды, полевые орудия, стада, хлева, конюшни и разные постройки для жилья и хозяйственных потребностей, — все это принадлежит всем вместе и никому в частности, и в то же время каждый член имеет во всем этом свою часть. Задругами живут только в селах и отнюдь не в городах. Когда члены задруги начинают ссориться между собой, а это чаще всего бывает, когда задруга сильно размножилась и в ней много женщин, тогда происходит раздел. По крайней мере сами сербы убеждены в том, что главная причина раздела — женщина.

Женщина в Сербии находится в рабском подчинении у мужа, а при большой семье она еще испытывает различные стеснения от многочисленных членов задруги. Кто своими глазами не видал быта сербских поселян, тому и представить трудно, какая масса разнообразных тяжелых обязанностей лежит здесь на женщине. Она нянчит ребят, с ног до головы сама одевает себя, мужа, детей, а часто и других сожителей задруги. Все, что одето на ней и членах ее семьи, — все это приготовлено ее руками. Лен, из которого она выпряла нитки для холста, она сама сеяла, трепала, чесала, пряла, ткала, белила. То же делала она и с шерстяной одеждой, только мужчины стригли с овец волну. Женщины готовят кушанья и на своих плечах разносят его работающим в полях, хотя те иногда находятся на час и более расстояния от дома. При этом им приходится идти по горам в самый жар и после тяжелой работы. Затем они возвращаются домой и начинают таскать воду для скотины и птицы. Не в счет дела и между делом они должны приготовлять сыры, доить коров, кормить своих многочисленных свиней. Кроме того, женщина обыкновенно служит свекру, старшему деверю, ухаживает за ними и помогает им почти во всякой полевой работе. Мало полевых работ, в которых женщины не помогали бы мужчинам, между тем редкий мужчина решится помочь женщине и большую часть ее работ считает для себя унизительными. Право, трудно сказать, когда здесь женщины отдыхают: днем они заняты задружными работами, ночью каждая из них старается поделать что-нибудь себе. Вот они и ссорятся, лишь только одна заметит, что у другой более времени, чем у нее, завидуют друг другу и затем начинают мучить своих мужей. Происходит раздел, и задруга распадается.

Обыкновенно поселяне встают очень рано, — солнце никогда не застает их в постели. Умывшись, они молятся Богу, но, будучи в большинстве случаев людьми безграмотными, они не знают молитв и считают за святых названия дней недели. Вместе с обращением к Богородице и Иисусу Христу они просят святое воскресенье, святую пятницу и Пасху защитить их. Они возносят молитвы к Богу в таком роде: «Сохрани нас, Боже и все святые, которых христиане прославляют. Хотя мы не можем вас всех назвать, но можем вам поклониться и помолиться». После молитвы сербы выпивают немного водки, съедают кусок хлеба и отправляются на работу. Женщинам приходится вставать еще раньше мужчин, чтобы справить множество домашних обязанностей и подавать мужчинам мыться. В 9 часов утра «ручконоша»* (так называют в задруге ту женщину, оче-

* От сербск. *ручак* — обед.

редь которой нести в поле обед) отправляется на ниву и несет на коромысле посудину с едой. Сербская женщина старается сразу исполнить два дела. Прялка во время ходьбы всегда заткнута у нее за пояс, и она, куда бы ни отправлялась, походя прядет даже и тогда, когда несет обед. Сербы, как только пообедают, не отдыхая, продолжают работать. Часов около 2-3 дня им приносят опять поесть, после чего рабочие отдыхают с полчаса под тенистыми деревьями. Вечером возвращаются домой вечерять, кроме тех случаев, когда они ночуют в поле.

Лет 50 тому назад задруги были гораздо многочисленнее; в настоящее время они состоят обыкновенно из 16–20 членов, но и теперь еще попадаются иногда семьи в 30 и 40 человек. Во время тяжелого турецкого гнета сербам по необходимости приходилось дружно держаться семейных уз. Семья, состоящая из многих членов, общими силами могла надежнее охранять свое достояние, чем небольшая семья. К тому же доли имущества каждого отдельного лица, соединенные в одно целое, представляли более силы и защиты для бедняка в случае голода и турецкого грабежа. В продолжение всего турецкого ига сербы нисколько не развивались умственно и стояли все на той же ступени первобытных патриархальных отношений, как это было до их порабощения. Поэтому почти до наших дней в народе существовало глубочайшее уважение к задруге. Теперь же, когда серб получил возможность жить свободной жизнью, родовые, задружные узы стали разрываться, разделы происходят чаще, задруга делается все малочисленнее. Однако и теперь еще задруга — самое характерное явление семейной жизни серба <...>.

Главное лицо задруги — *старейшина**, называемый также *домачином*. Старейшиной бывает обыкновенно тот, кто старше годами; но часто случается, что он сам уступает это достоинство младшему, если задруга считает его самым способным и радивым из всех членов. При избрании старейшины прежде всего имеют в виду, чтобы он был человек твердый и справедливый, умел приказывать и распоряжаться делами, был бережлив на деньги, умел защищать своих, пользовался бы уважением чужих и, наконец, отличался бы трезвостью <...>.

Старейшина управляет домом и имением, но не самовластно, а соображаясь с обычаем и всегда *с общего согласия всех взрослых членов*. Сербский народ во всем любит держать совет и уговор и охотно все исполняет, если только ему при этом указывают разумные причины. Это до такой степени отличительная черта серба, что даже в более зажиточных

* Здесь и далее выделено в оригинале.

и образованных семействах, где есть слуги, господин никогда ничего не предпримет в хозяйстве, не посоветовавшись со своим слугой. Вот почему задружное правило — во всем советоваться друг с другом, — так пришлось по нраву сербскому народу. Старейшина назначает каждому, куда идти, что и когда делать, и сам помогает в домашней работе. Он должен присматривать за задружным имуществом и распоряжаться им, может покупать все, что нужно для хозяйства, но самовольно продавать имущество не имеет права; он заступается за членов задруги перед начальством, идет на всевозможные собрания и сходки. Когда молятся Богу, он стоит впереди всех, когда гости приходят, он занимает их, заботится о малолетних членах задруги, если у них умерли родители, — одним словом, он является отцом и хозяином всей этой семейной общины, и все слушаются его беспрекословно, имея в виду, что воля его — воля всей задруги.

Члены задруги питают к старейшине глубочайшее уважение и выражают его при всяком удобном случае. Лишь только он где появляются, все встают. Танцы, музыка, игры никогда не начинаются в его присутствии, без особого с его стороны дозволения; при нем не курят. За столом он занимает почетное место: подают ему первому, и он сам раздает кушанья. Одним словом, старейшина — представитель и защитник своей задруги и всех ее членов. Он дает советы, бранит нерадивых, судит и мирит побранившихся. Младшего он иной раз и ударит, но для взрослых у него только совет да увещание, а чтобы слова его лучше подействовали, он нередко созывает и наиболее уважаемых членов задруги, чтобы они серьезно поговорили с молодым человеком. Старейшина держит у себя деньги, и остальные члены семейной общины должны спрашивать их на свои нужды и затем давать ему отчет, сколько и на что было потрачено. На нем лежат и более важные обязанности и тяжелая ответственность. Как глава и представитель своего рода, он ходит на сельскую сходку, принимает здесь приказы от властей и передает их своим домашним. Его зовут каждый раз к ответу, если кто из членов общины причинил ущерб чужому имению. Таким образом, он не только глава и полный хозяин в задруге, но и посредник между ней и сельской властью. Старейшина может быть лишен своей власти за неспособность и за нерадивое исполнение своих обязанностей, за превышение своей власти, т. е. если он, не посоветовавшись с членами задруги, по своему исключительному усмотрению, распорядился чем-нибудь очень серьезным и важным. Но и тогда отрешение от старейшинства происходит по общему согласию всех задругарей.

Жена старейшины большей частью признается *домачицей* или *старейшицей*. Домачица стоит во главе хозяйства: деньги, вырученные от

продажи молока и птицы, ей отдают, а она передает их старейшине. Домачица распоряжается также женскими работами, присматривает за женщинами, дает им наставления, разбирает их ссоры, приучает их к разным работам, надзирает за всем в доме. С ней советуются насчет брака девушек, о приданом для которых она тоже должна заботиться, — одним словом, она играет роль общей матери, и если она действительно свято исполняет все обязанности, все любят и уважают ее, как мать. Во время длинных зимних вечеров, когда огонь трещит в очаге, домачица собирает вокруг себя молодых девушек и рассказывает им сказки или народные предания, которые они, с свою очередь, впоследствии будут передавать своим детям. Сама домачица состоит под властью старейшины, но она не обязана встречать у ворот дома мужчин, возвращающихся с работ или из какой-нибудь поездки, не обязана и служить им: все эти обязанностти лежат на остальных женщинах задруги <...>.

Выше было сказано, как завалена сербская женщина работой, — с нравственной стороны ее жизнь еще, пожалуй, тяжелее. От мужа она никогда не услышит ласкового слова, он не называет ее даже по имени, а употребляет вместо имени «она» или «ну, ты»; когда серб при других произносит эти слова, каждый знает, что он подразумевает под этим жену. Впрочем, говорить другим о своей жене, даже в третьем лице, серб старается как можно реже, иначе кто-нибудь еще заподозрит его в нежности, а это невыразимый стыд для серба. Да не только говорить с кем-нибудь о своей жене, но с ней самой разговаривать при ком-нибудь, поспорить, пошутить, одним словом, всякое человеческое проявление чуств к жене — все это считается здесь позором. Можно смело сказать, что у сербов отношение мужа к жене и положение женщины более унизительное, чем у всех других европейских народов. Всегда грубо, как рабе, отдает серб жене приказание. В лице мужа вы видите обыкновенно главу, господина, хозяина, но не любящего и приветливого мужа, в лице жены — несчастное, подавленное существо, как вьючное животное, вечно гнущее свою спину над тяжелой работой. Это неравенство прежде всего поддерживается здесь самой женщиной. Сербская женщина еще реже мужчины грамотна, еще менее его умственно развита; все ее взгляды и понятия крайне первобытны. И немудрено: ее понятия и взгляды складывались не только во время турецкого ига, от которого страдали все сербы без различия пола, но и при рабском гнете от каждого мужчины, — а от этого рабства сербские женщины страдают испокон века. Что же мудреного, что сербская женщина совсем не понимает и не чувствует всей глубины унижения своего человеческого достоинства, что же удивительного в том, что она пер-

вая возмущается, когда ее приятельница не выполняет какой-нибудь мелочи, необходимой по сербскому этикету в отношении к мужчине. Какими бы преимуществами ума и сердца не отличалась сербская женщина, ее подруги и родственницы всегда ставят ее ниже мужчины. Она молит Бога даровать ей сына и стыдится, как позора, объявить, что у нее родилась дочь. Это желание разделяет с ней и вся задруга: родится мальчик, все ее члены радуются, а девочку все встречают с огорчением.

При встрече женщины с мужчиной он говорит ей: «добрый день» или «помогай Бог». Женщина отвечает: «добрый день» или «пусть Бог тебе поможет». Женщина никогда не смеет сидя отвечать на приветствие мужчины; при его появлении она должна немедленно встать. Если она прядет, она должна положить работу в сторону, встать и как можно вежливее поздороваться с мужчиной. Лишь только она завидит, что мужчина идет ей навстречу, она должна немедленно остановиться, поздороваться с ним, сначала пропустить его и уж затем продолжать свою дорогу. Она всегда прислуживает мужчине: снимает с него обувь, приносит ему одежду, моет мужу ноги (невеста моет ноги всем мужчинам), подает ему мыться, прислуживает во время обеда: есть место где-нибудь в уголке, — она присядет, а гости пришли, — она должна быть все время на ногах и всегда прислуживать. Жена не называет мужа по имени, а описывает его так, что все понимают, о ком идет речь; чаще всего она называет его «он»; детям же она говорит: «тата (отец) вам купил то-то и то-то». Женщина обязана целовать руку мужчине, хотя бы он был гораздо моложе ее годами. Только старость заставляет оказывать ей некоторое почтение: мальчик целует руку уважаемой старухи.

Главная причина такого унизительного положения женщины в сербских селах, разумеется, кроется прежде всего в невежестве сербского селянина, но много этому способствует и вступление в брак без всякой взаимной склонности. Хотя в Сербии бывали случаи, когда женщина отчаянно влюбляется и, если не может выйти замуж за любимого человека, то топится с отчаяния, а мужчина убивает себя кинжалом, но это случаетя очень редко; чаще всего браки заключаются здесь по расчету родителей <...>.

Задружный быт имеет много хороших сторон: он содействует развитию дельного и работящего молодого поколения, так как дети с первых же лет видят, как старейшина следит за радивостью каждого, как строго взыскивает за лень и неисправность; ребенок, окруженный занятыми людьми, привыкает к порядку. В отдельных семьях у простолюдина не может быть большого присмотра за детьми, так как родители целый день

на работе; в задруге же за детьми всегда присматривает бабка, или нарочно для этого назначают ту или иную немолодую женщину. В задруге каждый ребенок имеет товарищей, и если его родители дурны, то в громадной семье всегда найдется достаточно людей порядочных, которые укажут ему на его дурные поступки, помогут ему выпутаться из затруднений. Задруга представляет верный кров для несчастных и убогих: больного и калеку в задруге не выбрасывают, а кормят и ухаживают за ним. Песнями, прославляющими народных сербских героев, которые всегда поются у пылающего костра, вечными рассказами о них, члены задруги развивают в молодом поколении искреннюю любовь к родине, охранают свою веру и поддерживают коренные сербские обычаи. Не менее услуг оказывает задруга отдельным своим членам и тем, что при задружном быте каждый выигрывает много свободного времени. При обычной жизни каждая семья стряпает отдельно, и, таким образом, у каждой женщины ежедневно пропадает на стряпню более половины дня, между тем при задружном быте каждой приходится стряпать раз в неделю, а иногда и гораздо реже, — и так во всей остальной работе. Но самая важная заслуга задруги в том, что она спасает своих членов от крайней бедности, — вот потому-то в Сербии меньше, чем где бы то ни было, нищих. То, что задружный быт более всего поддерживает благосостояние народа, особенно становится очевидным при разделах. Вместо прежних зажиточных семейных общин, имевших во владениях огромный участок земли, от 7 до 8 штук рабочего скота и столько же коров, после раздела являются маленькие отдельные семьи, которые вслед за тем обыкновенно начинают сильно бедствовать на своих мелких участках, с одной лошадью, часто без упряжи и плуга, иногда даже без коровы. Дробление семьи ведет и к сокращению рабочих сил. Там, где прежде общее управление домом лежало на одном лице, а другие члены работали в поле, теперь, если община, положим, разделилась на три семьи, эта обязанность лежит на трех домохозяевах, и в случае какого-нибудь правительственного требования, уплаты податей или чего другого, все трое должны являться в назначенное место и, таким образом, прогуливать рабочие дни; три пастуха — пасти скот. Между тем в задруге каждую из этих обязанностей нес на себе один человек, а остальные все работали.

Если эти семейно-общинные отношения приносят народу огромную выгоду в материальном отношении, нельзя сказать того же относительно его нравственного развития. Беспрекословно подчиняясь старейшине, члены семьи привыкают командовать или подчиняться, не рассуждая. Кроме того, каждым членом задруги, всеми его поступками, от ранней

юности до его смерти, всегда руководит старейшина. Естественно, что человек, который вечно ходит на помочах, под конец утрачивает всякую самостоятельность, а это служит для него впоследствии источником дальнейших несчастий. Представьте себе, что человек, которым вечно руководили, который никогда не знал, что он будет делать через два, три часа, так как старейшина посылает его то на одну, то на другую работу, вдруг сразу делается хозяином и руководителем. Такой человек не умеет ни семью вести, ни рабочее время распределять, нет у него в хозяйстве никакой предприимчивости, никакой сноровки, как, что, когда и сколько чего заготовить для семьи. К тому же руководящим лицом в задруге, т. е. старейшиной, обыкновенно бывают люди весьма пожилые, которые поддерживают старые порядки, языческие обряды, нелепые суеверия, всегда приносящие много вреда. Между тем с раннего детства каждый привыкает уважать старейшину, а, следовательно, и усваивает все его взгляды <...>.

Примечания

[1] На момент выхода книги Е. Н. Водовозовой (настоящего издания 1898 г.) в Сербии действовала конституция 1869 г., отмененная по принятии конституции 1888 г. и возвращенная в силу королем Александром Обреновичем после государственного переворота 1894 г... В 1901 г. страна получит новую (октроированную монархом) конституцию.

Овсяный Н. Р.[*]

Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 114–186[**]

<...> Столица Сербии, Белград (по-сербски *Београд*[***]), расположена на возвышенности, у подножия которой сливаются две большие реки — Сава и Дунай. Эти реки после разливов своих оставляют по берегам множество озерков и болот, откуда потом поднимаются испарения, весьма вредно действующие на здоровье жителей. Кроме того, голые возвышенности, расположенные возле Белграда, представляют мало препятствий для ветров, которые дуют здесь часто и продолжительно. Последствием указанных причин является значительная смертность в столице Сербии.

Несколько десятков лет назад Белград имел характер отчасти турецкий или испорченный сербский, а в лавках, и особенно в церкви и школе, преобладал греческий язык. Дома, лавки, одежда, образ жизни и все обычаи носили на себе чисто восточный отпечаток. Теперь же все изменилось. Турецкий язык не слышится более нигде, греческий — очень редко, а сербский получил всюду право гражданства. Как обломки прошлого, сохранились только два минарета, но с них не раздается уже более крик муэдзина. Дома, магазины, одежда и обычаи все более и более приближаются к западным образцам. Особенно много заимствуется у ближайших соседей — немцев, язык которых, поэтому, очень часто слышится теперь на белградских улицах. Впрочем, город еще не может назваться благоустроенным. Особенно неудовлетворительны мостовая и освещение. Воду

---

[*] Овсяный Николай Романович (1847–1913)— русский военный историк, славист; генерал-лейтенант. Специалист по Балканам, многократно их посещавший. Автор трудов по истории Восточного вопроса (в различных его аспектах), а также исторических, статистических, этнографических и т. д. описаний балканских стран.

[**] Первое издание книги Н. Р. Овсяного вышло в 1883 г. (см.: *Овсяный Н. Р.* Сербия. Исторический очерк, общая статистика, вооруженные силы. СПб., 1883).

[***] Здесь и далее выделено в оригинале.

Белград получает из Торлацких высот, откуда она было проведена еще в эпоху римского владычества; но летом эти источники часто пересыхают, и тогда город, несмотря на свое выгодное положение у слияния двух больших рек, терпит недостаток в воде.

Помимо своего административного значения, Белград является главным пунктом торговли, промышленности и просвещения в Сербии.

Ниш, на реке Нишаве, по своей величине, по торговому и стратегическому значению, считается второй столицей Сербии. Он сохраняет еще характер восточного города, но быстро растет и украшается: улицы расширяются, воздвигается много новых казенных и частных зданий; жалкие турецкие лавчонки превращаются в обширные магазины <...>.

Специально *ремесленной* и *фабричной* деятельностью в Сербии занимается очень небольшой процент населения, да и то преимущественно в более значительных городах; но кустарный промысел развит повсюду. Плуги, телеги и разные домашние деревянные поделки поселяне производят сами; только в окрестностях Белграда имеются специальные экипажные мастера (колари), которые изготовляют так называемые рабаджийска кола, предназначенные для перевозки товаров. Дома (кучи) жители строят по большей части тоже сами, но более зажиточные нанимают для этого особых мастеров, приходящих на заработки из Македонии. Такие же пришельцы занимаются ремеслами горшечников и выжигателей черепицы и кирпича. Кузнецы, выделыватели деревянной посуды, народные певцы и музыканты — почти исключительно цыгане. Выделкой разных покровов и сумок из козьей шерсти, а также лошадиной сбруи, славятся жители восточной части Сербии, особенно окрестностей Враньи[1] и Лесковаца[2]; в других местностях этим занимаются тоже выходцы из турецких провинций. Национальная одежда, носимая обыкновенно жителями Сербии (за исключением образованного класса), изготовляется по большей части женщинами. Сукно они ткут сами, а затем отдают валять в сукновальни. Полотно тоже выделывается женщинами, но бумажные нитки покупаются у торговцев. Производством полотен и в особенности ковров славятся жители округов: Нишского, Пиротского[3], Враньевского и Княжевацкого. Кройка одежды производится портными, которые в городах имеют свои заведения, а в деревнях переходят из дома в дом. Как в городах, так и во многих селениях существуют красильни. Некоторые краски изготовляются самими жителями, другие — доставляются из-за границы.

Фабричная и заводская деятельность едва начинает развиваться в королевстве. Первенствующее положение в этом отношении следует от-

вести военно-техническим учреждениям, находящимся в г. Крагуеваце и его окрестностях. Суконная фабрика была всего одна — в г. Ужице, и не так давно открыта другая — в г. Парачине. В Белграде устроены: паровая хлебопекарня, заводы для выделки спирта и мыла; в Рипне[4], под Авалой, — цементный завод; в Ягодине — стеклянный завод. Пивоваренные заводы (10) существуют в городах Белграде, Вальеве, Неготине, Алексинаце, Ягодине, Чачаке, Шабаце и Заечаре; приход их за 1893 год выразился в цифре 880.486 динаров. Постройка паромов и лодок производится в казенных мастерских г.Чуприи. Мельницы бывают трех родов: воденицы (водяные), сувачи (приводимые в действие лошадьми) и паровые. *Воденицы*, построенные на Дунае, называются дунавками, а на небольших реках — поточарами. Дунавки и *сувачи* строятся особыми мастерами, приходящими из Австро-Венгрии, а *поточары* — местными жителями. Паровых и вообще искусственных мельниц в настоящее время в королевстве существует 105 (собственно паровых 9); более всего — в Подунавском (36) и Подринском (17) округах. Доход их в 1893 равнялся 1.531.760 динар. Паровые бани устроены в городах: Белграде и Ягодине.

В последнее время в королевстве образовалось несколько кожевенных заводов (в Белграде и Ягодине). Одна иностранная компания получила монополию на 16 лет на устройство бумажных фабрик в Сербии. В Нише устроена мастерская для отливки колоколов; в Кральеве — для изготовления земледельческих орудий; в Аранделоваце[5] — образцовая паровая сушильня (по французскому образцу) для сушения слив; в Заечаре — кирпичный завод, в Кральеве — мастерская для выделки мрамора.

При этом нужно заметить, что предметы фабричной заграничной индустрии (преимущественно австрийской) все более и более распространяются в Сербии, в ущерб ее кустарной промышленности <...>.

Хотя Сербия — держава чисто континентальная и к морям не примыкает, но ее географическое положение между Западом и Востоком, с которыми она соединена железными путями (с Пештом и Веной с одной стороны, с Софией и Константинополем — с другой, а с Салониками — с третьей) и двумя судоходными реками (Дунаем и Савой), дает ей весьма большие торговые преимущества. Недостаток капиталов и знаний и некоторые политические обстоятельства служат причиной того, что торговля королевства не получила до сих пор значительного развития <...>.

Главными предметами вывоза служат скот и хлеб; затем идут: чернослив, кожи, упряжь, веревочные изделия, обручи, мармелад из слив, мед в слитках, каменный уголь, водка, вино, сало и т. п. <...>.

Внутренняя торговля сосредоточена на ярмарках, из которых значительнейшие — нишская и пиротская. Каждая ярмарка продолжается обыкновенно три дня.

Мерилом развития внутренней торговли Сербии может служить то, что в 1863 году в ней было всего 32 ярмарки, в 1870 г. число их возросло до 60, в 1880 — до 133, а в настоящее время в королевстве бывает ежегодно по 146 ярмарок <...>.

Сербия — земля пахарей и пастухов; люди, занимающиеся ремеслами и торговлей, не составляют и десяти процентов ее населения. Городская жизнь развита слабо; многие города могли бы скорее назваться селениями, так как большинство их обитателей занимается земледелием; уровень образования в массах невысок (грамотных всего 15%). Отличительную особенность королевства составляет довольно равномерное распределение собственности: нет крупных землевладельцев, но мало и пролетариата. Обитатели долин более зажиточны, селения здесь велики и лучше устроены; в горах же живут беднее и питаются хуже*; дома в горных селениях не располагаются скученно, а по большей части разбросаны в виде отдельных хуторов. *Кучи* (дома) в сербских селениях устраиваются обыкновенно из плетней и обмазываются глиной, а покрываются гонтом, соломой и черепицей; небольшие окна затянуты бумагой или бараньим пузырем, и только у зажиточных имеются стекла в оконных рамах. Главную часть дома составляет кухня, при ней — одна или две собы (светелки); у входа в дом — деревянные пристройки, называемые тремом, откуда проделан ход на балкон (диванана). В горных селениях собы встречаются редко; в богатой же Мачве, особенно по Тамнаве[6] и Колубаре, устраиваются даже особые домики (башкалук) в несколько соб — для приема гостей и странников. В кучах огонь раскладывается обыкновенно посредине, под широким оджаком**, и тут готовится кушанье. Обитатели кучи большей частью проводят свободное время сидя вокруг огня: в собе живут только зимой. Около дома расположены разные хозяйственные пристройки и фруктовый сад (чаще всего сливняк), и все это огорожено забором.

Главным предметом довольствия служат пшеница и кукуруза, — первая преимущественно в городах, а вторая в селениях; в городах, из общей массы расходуемых хлебных продуктов, 8 % приходится на пшеничную муку, а в селениях — столько же на кукурузную. В гористых местах весь-

---

* Исключение составляют окрестности Чачака и Крушевца, где горные жители гораздо зажиточнее обитателей моравской долины. (Примечание Н. Р. Овсяного).

** *Оџак* (сербск.) — дымовая труба, дымоход.

ма распространены ячмень, рожь, овес и гречиха. В неурожайные годы большое подспорье населению доставляют тыквы.

Что касается мяса, то в городах преимущественно идет в пищу говядина, а в селениях — баранина, затем уже следует свинина. Но в некоторых местностях (в бывшем Смедеревском округе и в Тамнавском срезе Вальевского округа) больше всего потребляется свинина. В Топлицком округе[7] преимущественно идет в пищу козье мясо. От июня до сентября рогатый скот обыкновенно не бьют, и все население питается бараниной.

Во многих округах существует обычай употреблять в пищу копченое пресное мясо (бычачье или свиное, а также овечье и козье, называемое *пастерма*), или полуиспеченное с кровью, чему приписывают развитие в народе солитера. Больше всего эта болезнь распространена в Ужицком округе, где пастерма составляет любимое блюдо.

Но вообще можно сказать, что мясная пища представляется для сербского крестьянина роскошью и появляется на его столе лишь в праздничные дни, свадьбы и т. п. В местностях, где развито скотоводство, к растительной пище часто прибавляются молочные продукты.

Сербские поселяне строго соблюдают все четыре годовые поста, и в это время питаются только хлебом, вареной фасолью и стручковым перцем. Такого рода пища, потребляемая почти в продолжение полугода, является причиной значительной смертности детей. Сербские поселяне лучше всего питаются зимой, когда они мало работают, и очень плохо — летом, когда, напротив, труд их особенно тяжел. Все это, в связи с плохими санитарными условиями страны, составляет причину большого числа заболеваний и смертности.

Наиболее распространена в Сербии изнурительная болотная лихорадка. Она появляется чаще всего летом, и в иные годы половина всего населения заболевает ею. Эта лихорадка не так опасна, как итальянская малярия, но последствием ее часто бывает малокровие. За ней следуют: воспаление органов пищеварения — летом и воспаление дыхательных путей — зимой; причиной первого служит плохое питание, а второго — привычка сербов носить теплое меховое платье летом и очень легкий костюм зимой <...>.

Немалое влияние на развитие всяких болезней оказывает также плохое устройство народных училищ. К этому нужно прибавить еще, что королевство обладает очень небольшим числом врачей (525), да и те по большей части иностранцы, не сумевшие возбудить к себе доверия в народе. Бывали случаи, что во время эпидемий правительство посылало врачей в селения, но к ним никто не обращался <...>.

Во время турецкого владычества города в Сербии были населены почти исключительно мусульманами: христиане же жили по деревням, в бревенчатых домах (*кучах*), состоящих обыкновенно из одного жилого помещения. В настоящее время сельские дома делаются по большей части из плетней, обмазанных глиной и скрепленных известью, а покрываются черепицей; но попадаются и *кучи*, сложенные из кирпича. Вообще, типом жилых сербских построек может служить шумадийская куча, так как она наиболее соответствует потребностям той весьма распространенной в Сербии семейной общины, которая называется *задругой*.

Шумадийский сельский дом состоит обыкновенно из двух отделений: собственно *кучи* и *собы*. Куче отводится значительно большее пространство; по средине ее помещается очаг, на котором почти никогда не угасает пламя. Потолка в куче по большей части не бывает, а для отвода дыма делается отверстие в крыше над очагом. Вдоль стен идут скамьи; вокруг же огня сидят на низеньких скамеечках о трех ногах. Посуда хранится на полках. На колышках, вбитых в стены, висят торбы, одежда, гусли, оружие и т.п., а зимой, кроме того, — свиное сало и венки луку и стручкового перца; в «дымняке» же — пастерма и окорока. Свет проникает в кучу чрез два маленьких отверстия в стенах, которые на ночь закрываются засовом.

Соба значительно меньше и ниже кучи, в ней сделан потолок, а окна затянуты бумагой или стеклом. В собе спят и проводят время зимой; больше же всего сидят в куче, вокруг огня. Кроватей нет, — все спят на полу. Если в семье много женатых членов, то они проводят ночь в особых постройках возле кучи — *ваятах* (то же, что у нас клеть). Обедают и ужинают все вместе, сидя вокруг низкого стола; едят деревянными ложками, а мужчины, в случае надобности, прибегают к помощи своих ножей.

Кроме ваятов, вокруг дома находятся постройки для скота и хранения домашних продуктов, иногда еще — пчельник. Возле дома — всегда несколько тенистых, большей частью фруктовых деревьев, и раскинут незатейливый цветник. Все это огорожено забором, к которому примыкает фруктовый сад. В нем более всего сливовых деревьев, затем идут яблони, груши, вишни, грецкие орехи, айва, фиги и т. п.

Что касается городских строений, то они уже по большей части потеряли свой прежний восточный характер и все более и более приближаются к западным образцам, — в особенности походят на соседние австрийские города.

По характеру и складу быта, города в Сербии недалеко еще отошли от деревни. Даже во многих окружных городах торговцы и ремесленники,

помимо своих специальных занятий, не брезгуют заниматься и хлебопашеством. А есть и целые города, где земледелие составляет главное занятие жителей, которые и по одежде ничем не отличаются от поселян.

Семейная община до сих пор еще очень крепка в Сербии, несмотря на дурные примеры, подаваемые австрийскими сербами. Она бывает двух видов: простая и сложная. В последней, кроме родителей и детей, есть еще внуки, а иногда и правнуки; в простой же — только отец и мать с детьми. Сила семейной общины определяется количеством в ней взрослых мужчин; если их много, то семья называется *задружной*, а если рабочих рук мало — *инокосной*.

Сколько бы ни было душ в семье, она всегда представляет собой одно общее хозяйство. Обновляясь чрез рождение и умирание своих сочленов, сербская семья всегда остается в хозяйственном смысле, единицей, представляемой старшиной дома. Им обыкновенно бывает в семье отец, но когда он состарится, то уступает свою власть кому-нибудь из сыновей — не всегда старшему по годам, а тому, кто больше способен нести звание старшины. Если члены семьи найдут нужным почему-либо заменить его впоследствии другим, то это производится ими по общему согласию.

Управляя семейной общиной, старшина совещается о всех более важных делах с взрослыми ее членами. Без их согласия он не может распорядиться имуществом семьи. Он делает наряд дневным работам, вносит подати, продает и покупает все необходимое для семьи (у него хранится и семейная казна), ходит на сельские сборы, и вообще служит представителем своей семьи перед властью и обществом. В доме — когда молятся, он начинает и кончает молитвы; если бывают гости, то ему надлежит с ними разговаривать и сидеть рядом за столом при яствах, тогда как молодежь ест за другим столом. Но в своих отношениях с членами семьи старшина не должен выражать никакого самовольства, — иначе всегда встретит отпор.

Домашними работами, лежащими на женщинах, распоряжается хозяйка, одна из старших и наиболее искусных женщин в семье. Нужно заметить, что сербская женщина ни в семье, ни перед законом далеко не равноправна перед мужчиной. Все в доме принадлежит мужчинам, и пока в семье есть хоть одна «мушка глава», женщины не могут наследовать ничего.

Женщина считается в семье моложе всех ее взрослых членов мужского пола. Она должна целовать руку мужчине даже в том случае, если старше его годами. В доме женщина прислуживает мужчинам: снимает с них обувь и приносит одежду, моет им ноги после пути, поливает на руки и

подает кушанья за столом; если есть гости, то она даже не может садиться, а должна всем служить у стола. Мужа она по имени не называет, а говорит «он».

Да и вообще всюду, что бы ни делала женщина, если проходит мужчина и поздоровается с ней, она должна встать. Перейти дорогу мужчине считается для женщины большим проступком. Даже в церкви женщины стоят отдельно, сзади мужчин. Только старая мать пользуется известным почетом в семье и может иметь некоторое влияние на сыновей; но старшиной в семье она может быть только в том случае, если в доме нет взрослых сыновей. Девушек выдают замуж обыкновенно, не справляясь с их желаниями; нередко бывает, что они видят своих нареченных только тогда, когда сделаются невестами.

Как было упомянуто выше, имуществом в доме распоряжается семейный совет. Куча, земля, земледельческие орудия, скот, произведения земли, — все это принадлежит всей семье. В случае распадения семейной общины каждый мужчина получает свою долю, которая, хотя бы он был старшиной, не может быть больше других. Но раздел ведет часто к бедности, а потому народная пословица говорит, что «*задруга је богаштина, а инокоштина сиромаштина*»*. Тем не менее стремление к личной независимости служит причиной того, что задруга постепенно распадается в Сербии в равнинных и зажиточных местностях; в горах же она сохраняется дольше и упорнее <...>.

Задруга представляет собой остаток очень древней эпохи народного быта Таковыми же представляются и некоторые сербские обычаи, как, например, *керсно име*** или *слава*, который встречается всюду у сербов, а также в Македонии и западной Болгарии.

Во времена идолопоклонства всякий сербский дом и всякое село имели своего бога-покровителя. С принятием сербами христианства домашние боги были заменены христианскими святителями. Таким образом, произошел обычай *славы* или *керсного* имени. Все, кто *славит*, как домашнего патрона, известного святителя, считаются как бы родственниками, своими. Более всего славится святой Николай, затем святой Иоанн (зимний), святой Архангел и святой Георгий.

В день своего патрона каждый дом должен исполнить две важные обязанности: 1) помолиться Богу за живых и мертвых сочленов, причем со-

---

* *Задруга је богаштина, инокоштина — сиромаштина* (сербск.): задруга — богатство, разделение — бедность.

** От сербск. *крсно име (крсна слава)* — семейный праздник (слава).

вершить жертву своему святителю-покровителю, и 2) принимать и угощать гостей — тех, кто в этот день не празднует свою славу. Такое пиршество продолжается в селениях иногда три дня, в городах же длится всего один день, и самое торжество совершается с большей простотой.

Так же как всякая семья, «славит» свою славу в Сербии каждое село и каждая церковь. В селениях день святого-покровителя празднуется под особым, посвященным ему деревом, на котором вырезан крест. На самое дерево смотрят как на какую-то святыню. Оно называется *запис*, а все празднество — *заветина* и заключается в том, что после молебствия под деревом, совершается крестный ход на поля и луга; затем происходит общая трапеза.

Церковная *слава* (то же, что у нас храмовый праздник) празднуется не только прихожанами, но на них съезжается много народа и из других местностей. Эти *саборы* играли особенно важную роль в жизни сербского народа во время турецкого владычества, так как давали возможность обитателям различных *нахий* (областей) договориться на них об общественных делах.

На таких *саборах*, после Божьей службы, следует обед, а затем — игры и танцы; слепые нищие и цыгане поют при этом под звуки *гуслей* разные песни, преимущественно эпического характера.

День святого Саввы*, просветителя славян, празднуется во всей Сербии с особой торжественностью, так как этот святитель считается покровителем Сербии.

Из других праздников самым важным считается у сербов *Божич* (Рождество Христово). Накануне этого дня из каждого дома отправляется кто-нибудь в лес, чтобы срубить и принести несколько молодых деревьев, по числу мужчин в доме; это — так называемые *бадняки* (а самый сочельник называется бадний день), которые, когда смеркнется, вносятся в *кучу* и кладутся в огонь. В этот вечер молодежь ходит из дома в дом *колядовать* (как у нас в Малороссии). В день Рождества каждая семья обязательно должна иметь у себя на столе жареного поросенка**.

Весенний праздник святого Георгия*** празднуется очень весело, как знамение оживающей после зимнего сна природы. В этот день, на рассвете, еще до прихода солнца все спешат выкупаться в реке или же дома в воде, принесенной с вечера и в которой пролежали ночью зеленые ветви и цветы <...>.

---

* 27 января.

** Подобно тому, как древние славяне-язычники, в праздник Даждь-бога (бога света), приносили ему в жертву закланных свиней. (Примечание Н. Р. Овсяного).

*** 6 мая.

Языческий праздник в честь солнца перенесен на христианский Иванов день*. Накануне его женщины плетут венки из цветов и украшают ими дома и другие строения. А в самый Иванов день знахарки идут по полям и лесам собирать лечебные травы. Из амбаров выносятся на солнце семена, предназначенные для посева. Вечером всюду зажигаются костры, через которые прыгают и малый, и старый.

В субботу перед Троицыным днем совершается тризна по умершим (этот день называется *Задушна Субота*), а на самую Троицу народ всюду веселится: поют, танцуют *коло* (хоровод) и т. п.

Когда начнутся летние полевые работы, с которыми трудно справиться семьям *инокосным* (где мало рабочих рук), то они созывают *мобу*, т. е. соседей в помощь. На мобу идет обыкновенно молодежь обоего пола, которая за работой поет и шутит, а вечером возвращаются все вместе к хозяевам, обязанным приготовить работавшим обильное угощение.

По окончании полевых работ сербские поселяне охотнее всего собираются во время варки сливовицы. Тут, за пробой новой сливовицы, идут оживленные разговоры о прошлом и настоящем; а нередко зазвучит и *юнацкая* песня гусляра. В другое время народ собирается по *механам* (постоялым дворам), где пьется *ракия* (водка) и кофе, в последнее время в Сербии стало распространяться и потребление пива.

Женщины собираются «на пряжу» и на посиделки; во время работы поют песни.

При встрече сербы всегда приветствуют друг друга словами: *«добро ютро», «добро вече»* или *«помози Бог!»*, на что следует ответ: *«Бог ти помогао!»*. Первым приветствует обыкновенно старший младшего, идущий сидящего, обгоняющий отстающего.

Одежда сербов, особенно женская, очень живописна и отличается красивыми узорами. К сожалению, в городах она все более и более вытесняется общеевропейским костюмом.

Мужской убор состоит из рубашки, с красными нашивками (в некоторых округах) на груди и на рукавах. В иных округах носят холщовые порты, в других только широкие *чакширы* из серого, белого или черного сукна; ноги обуты в шерстяные носки и кожаные *опанки* (род сандалий). Верхнее платье состоит из суконного жилета (*елек* или *джемадан*), который у стана подвязывается широким поясом, по большей части красного цвета. Сверх елека, а летом прямо поверх рубашки, надевается *фермен* — тоже суконный и без рукавов. Зимой носят подбитый ватой *гунь* или ко-

* 24 июня.

жух из овечьей кожи. В восточных округах часто встречается еще *долама* — длинный кафтан из белого сукна, вышитый шнурами. На голове прежде носили феску или меховую *шубару*, а теперь все более входит в употребление круглая шляпа с полями — *шешир*. В долине Моравы сохранился еще турецкий обычай — носить феску, обмотанную сверху шалью; в восточной Сербии и зимой, и летом носят, почти не снимая с головы, шубару.

Вся верхняя мужская одежда делается почти исключительно из грубого самодельного сукна — на востоке белого, а на западе преимущественно темного цвета, с отделкой из черных или синих шнуров. У зажиточных людей верхняя одежда делается из тонкого сукна и вышивается золотом, а для зимнего платья делается подбой из лисицы; ноги обувают не в опанки, а в полусапожки или высокие сапоги.

Женская одежда чрезвычайно разнообразна в Сербии, притом каждая область имеет свои особенности; иногда рядом лежащие селения различаются покроем и цветом женского костюма. Очень оригинальны головные уборы, которые образуют пять типов: *коньга*, *феска*, обмотанная платком, *терветя*, *ручник* и *забратка*. Рукава и грудь рубашки обыкновенно разукрашиваются различными цветными вышивками. Поверх рубашки надевается *сукня*, состоящая из куска домодельного грубого сукна или из двух пол — передней и задней, закрепленных поясом. Особенно красиво изукрашен передник (*коцелья*), который летом надевается прямо на рубашку. Верхнее платье составляет суконный елек без рукавов; зимой же поверх него надевается кожух или *памуклия* на ватной подкладке. Обувь состоит из опанок, а женщины из зажиточных домов носят полусапожки; они же по праздникам надевают верхнюю одежду из тонкого сукна, вышитого золотом. Головные уборы украшаются золотыми и серебряными монетами; из монет делаются и ожерелья; ими же в некоторых округах отделывается спереди и елек. В волосы вдеваются искусственные или живые цветы. Девушек отличают от замужних по головному убору, так как девушки никогда не носят коньги (род повязки), а там, где носят феску, они не повязывают ее платком, а только обматывают косой; в других местностях девушки украшают голову лишь цветами.

Женщины-горожанки сохранили еще по большей части народный костюм (девушки носят его редко), но сделанный из более тонких и дорогих тканей, чем у поселянок, и с золотыми вышивками; на шее носят ожерелья из золотых монет, бус и т. д.; на ногах — полусапожки. В Лесковаце, Власотинцах[8] и Враньи, а таже в Шабацком округе, женщины носят шальвары из бумажной или шелковой материи <...>.

В Сербии очень любят песни, музыку и танцы. При всех народных праздниках и торжествах на сцену непременно появляются гусли, начинаются песни и водится *коло* (род хоровода). Пение сопровождает обыкновенно и всякую работу. В городах повсюду имеются хоры любителей, с богатым репертуаром народных песен из всех сербских краев.

Сербские народные песни принадлежат к двум группам: эпические и лирические. Первые поются всегда речитативом, под звуки гуслей. В них воспеваются обыкновенно различные исторические события и легенды, преимущественно из эпохи борьбы с турками, или похождения любимого героя древнего эпоса Марка Кралевича[9]. Специалистами по части исполнения эпических песен считаются цыгане, которые увеселяют сербов на всех народных празднествах и собраниях.

Лирические песни (любовные, обрядовые, хороводные и т. п.) отличаются большой мелодичностью и разнообразием мотивов. Почти каждая область имеет свои варианты песен и свои мотивы.

Главные сербские музыкальные инструменты — *гусли* и *свирка*. Гусли делаются преимущественно из яворового дерева; на них натянута струна из конского волоса (у слепцов-нищих бывает их иногда две), по которой водят смычком тоже из конского волоса. Рукоятка инструмента часто украшается затейливой резьбой. Гусли составляли прежде необходимую принадлежность каждой сербской *кучи*; в длинные зимние вечера они были утехой для всей семьи, собравшейся вокруг огня, и сохраняли в народе память о его славном прошлом. Теперь же этот инструмент начинает выходить из обращения вместе с ослаблением старых обычаев. Нужно заметить, что гусли всегда были менее распространены в восточных округах, где зато в большем употреблении была *гайда*, или *корабльицы* (волынка).

Гусли служат инструментом преимущественно людей зрелого возраста, молодежь же охотнее прибегает к *свирке* (свирель), звук которой особенно часто слышится в горах у пастухов. На *саборах* и других народных празднествах появляются обыкновенно цыганские оркестры, состоящие из скрипки, *зурлы* (род духового инструмента), бубен и большого барабана.

Танцы в Сербии бывают исключительно хороводные (*коло*); и в них участвуют как мужчины, так и женщины, но в так называемой Новой Сербии оба пола пляшут обыкновенно отдельно. Во время танца держатся за руки, за пояс или за плечи. Танец заключается в размеренном движении вправо и влево, иногда еще вперед и назад. Танцуют или под аккомпанемент песни, или под звуки свирели, зурлы или барабана <...>.

По характеру своему серб серьезен; радость и горе не выражаются у него слишком явно; даже пляски его методичны и плавны. В народных собраниях он держит себя спокойно, всегда сохраняя свое достоинство. Но язык у него не суконный: в народных скупщинах нередко встречаются замечательные ораторы из простолюдинов. Серб очень предан своей вере и народности. Одноплеменника-католика он уже не называет сербом, а *шокцем* или *латином*, магометанина же — *турчином*. Друг другу все говорят «ты», «брате».

У серба редко замечается скрытность, двоедушие и лукавство; ему не чужды великодушные порывы. Но что касается настойчивости в достижении целей, трудолюбия и бережливости, — в этих качествах серб много уступает своему ближайшему соседу болгарину <...>.

Произведения народного духа выражаются в устной и письменной словесности.

Ни у одного из славянских народов нет такого богатого запаса народных песен, как у сербов. Произошло это, помимо их творческой способности, благодаря, главным образом, патриархально-семейному быту, который во многих сербских областях сохранился до сих пор в тех же чертах, какие существовали на заре исторической жизни народа. Там, где древний патриархальный быт распадается под влиянием цивилизации, — как, например, у сербов в австрийских провинциях, — исчезают и старые народные песни. В горах же Сербии, Боснии, Герцеговины и Черногории народный эпос доселе сохранился во всей своей силе и свежести. Особенно поэтичны и задушевны герцеговинские «юнацкие» песни.

Сербские народные песни можно подразделить на лирические и эпические. Последние отличаются чрезвычайным богатством и разнообразием. Одни из них относятся к древним мифологическим преданиям (в них являются вилы, змеи, троеглавые люди и т. п.) или к христианским легендам. В других воспеваются старые *крали* из рода Неманича. Затем идут песни о борьбе с турками, в особенности о славной битве на Косовом поле, о подвигах народного героя Марка Кралевича, о похождениях гайдуков и ускоков*. Этот отдел народного эпоса самый богатый и разнообразный по содержанию. К нему примыкают песни о восстании Кара-Георгия, о новейших боях с турками, о подвигах черногорцев. Это уже, в поэтической форме, живая история всех выдающихся событий народной жизни последнего времени <...>.

---

* *Ускок* (сербск.) — беглец, перебежчик; здесь: человек, скрывающийся от турок.

Хотя сербов можно назвать вообще музыкальным народом, — музыкальное искусство в Сербии не процветает. Более занимаются пением (существует множество певческих обществ), но и то держатся преимущественно народных мотивов <...>.

Примечания

[1] Вранье — город в южной Сербии. В 1093 г. его отвоевал у греков сербский жупан Вукан. Принадлежал сербам до 1455 г., когда был захвачен турками. С 1878 г. — вновь в составе Сербии.

[2] Лесковац — город в южной Сербии. Расположен на реке Ветерница, недалеко от Ниша.

[3] От названия города Пирот, расположенного в южной Сербии. Под таким именем известен с XVI в. Славится своими коврами.

[4] Рипань — городок в северной Сербии. Расположен в 20 км. к юго-востоку от Белграда, на торговом пути Белград-Ниш.

[5] Правильно: Аранджеловац — город в центральной Сербии, в области Шумадия; известный водный курорт.

[6] Тамнава — река в западной Сербии, приток Колубары. Длина 78,5 км.

[7] Округ в южной Сербии. Называется по реке Топлица (притоку Южной Моравы).

[8] Власотинцы — городок в южной Сербии. Расположен на реке Власине.

[9] Кралевич Марко (ок. 1335–1395) — старший сын и наследник сербского короля Вукашина, король (1371–1395). Впервые упоминается в источниках в 1361 г. как посланник короля Уроша в Дубровнике. Все свое правление провел в войнах с соседями. Признал верховную власть султана. Погиб, воюя на стороне турок против валашского воеводы Йована Мирчи. Несмотря на трагическую судьбу, стал любимым героем народных песен и исторических преданий сербов.

*Глокке Н. Э.**

Письма с дороги. № XIII // Киевлянин. 12 сентября 1899 г. № 259

<...> Сербские вагоны по своему устройству напоминают наши русские и поэтому неизмеримо удобнее турецких. Усевшись на свободном местечке, я осмотрелся вокруг и заметил странную метаморфозу в моих спутниках. Все они до сербской границы ехали в фесках, а теперь были уже в шляпах самых разнообразных фасонов. Видневшаяся из окон местность свидетельствовала о высшей культуре и свободном труде земледельца. Обширные нивы были сплошь покрыты зреющими колосьями пшеницы, еще чаще встречались бесконечные кукурузники, в сочной зелени которых смело мог бы спрятаться всадник вместе с лошадью. По откосам зеленеющих холмов паслись тучные стада, около селений зеленели виноградники, и виднелись у чистеньких белых домиков фруктовые сады. Словом, все это говорило о большем экономическом благосостоянии сербов сравнительно с македонцами. Когда сумерки стали сгущаться, мы подъехали к Мораве, которая течет в таком же живописном ущелье, как и Вардар. Дорога проходит между причудливо громоздящимися скалами, сквозь длинные туннели, через виадуки и мосты. Ночью мы были в Нише, где нам пришлось пересесть на другой поезд, с которым мы прибыли в Белград в 6 часов утра. Не доезжая сербской столицы, местность носит очень живописный характер, на горах виднеются развалины старинных замков, то и дело встречаются тенистые рощицы и зеленеющие поля. По прибытии в Белград мы были на вокзале тотчас встречены полицейским комиссаром, который снова отобрал наши документы. Отсюда я отправился прямо в «Гостиницу короля Александра», помещающуюся в центре, недалеко от собора.

* Глокке Николай Эрнестович — секретарь Киевского славянского благотворительного общества, преподаватель Владимирского императорского университета.

Воспользовавшись воскресным днем, я отправился в собор на литургию, которая должна была начаться в 10 часов утра. Я пришел в 9 часов 20 минут. В церкви еще почти никого не было, так что я свободно мог заняться обзором храма, построенного в виде базилики с довольно высокой колокольней в стиле рококо. Внутренность храма не представляет из себя ничего особенного. Высокий иконостас, живопись которого принадлежит кисти известного сербского художника Димитрия Аврамовича (1815–1855)[1], совершенно закрывает алтарный апсид. На месте правого клироса, на возвышении у южной стены, находятся места для короля и членов его семьи. Все стены до самого притвора снабжены, как это бывает обыкновенно в монастырях, особыми крайне неудобными сидениями, так называемыми формами. В притворе находятся гробницы князей Милоша и Михаила Обреновичей, скончавшегося в прошлом году митрополита Михаила и прочих почивших сербских владык, причем над останками князя Михаила воздвигнут женой его, урожденной графиней Гунияди[2], великолепный памятник. У самого входа в храм находятся гробницы двух замечательных сербских деятелей. Справа покоится дух Досифея Обрадовича[3], этого сербского Анахарсиса[4], всю жизнь посвятившего просвещению своего народа. Слева нашли себе вечное упокоение бренные останки Вука Стефановича Караджича[5], отца современной сербской словесности, почивавшие раньше на венском кладбище и перенесенные в 1897 г. на родину. Над обеими гробницами лежат гранитные плиты совершенно одинаковой величины с соответствующими надписями золотыми буквами. Такие же плиты, только меньшего размера, вделаны в западную стену собора как раз против самих гробниц. Глядя на эти памятники, я невольно уносился мечтами к прошлому сербского народа, из среды которого могли вырабатываться такие славные деятели на культурном поприще, не говоря уже о доблестных юнаках, своей кровью стяжавших свободу родного края, которая теперь так нагло попирается Миланом и его заплечных дел мастерами. О прелестях современного сербского режима так много было написано, что мне и прибавлять к тому уже нечего. Остается только поделиться своими впечатлениями о молебствии, торжественно совершенном в соборе по почину Сербского охотничьего общества, по случаю избавления Милана от грозившей ему опасности[6]. Литургия началась немного позже десяти часов. Ее совершали соборне несколько архимандритов и священников при одном диаконе. Служат здесь по-церковнославянски, так же, как и у нас, только в произношении заметны среднее И и отсутствие звука Ы. Церковного благолепия гораздо больше, чем в болгарских храмах. Начиная с Трисвятого, в белградском соборе поет уже знакомый киевлянам по концерту 1896 г. хор местно-

го королевского певческого общества под управлением Махраньца[7]. Сербские церковные мелодии, весьма удачно гармонизованные последним, производят самое приятное впечатление своей оригинальностью, свежестью и задушевной простотой. После литургии начался упомянутый мной молебен, совершенный многочисленным клиром с архимандритом во главе. Уже к причастному стиху довольно обширная церковь стала наполняться членами охотничьего общества, пришедшими сюда в самых разнообразных костюмах, между которыми преобладающее место занимали все-таки фрачные пары. Все эти официальные богомольцы со скучающим видом глядели по сторонам, шепотом беседовали друг с другом, расположившись где-нибудь в укромном уголке, куда не проникают огоньки восковых свечей. Перед самым молебном в церковь вошел сербский офицер, как я узнал потом, личный адъютант экс-короля. Отвешивая небрежные кивки на подобострастные поклоны окружающих, он обвел их каким-то испытующим суровым взглядом, после чего все они поспешили сдвинуться к середине храма, чтобы присутствие здесь каждого не осталось не замеченным. По окончании молебна, во время которого ни разу не поминали по имени Милана, все члены охотничьего общества отправились в новый королевский дворец засвидетельствовать свое приветствие великому герою Сливницы[8]. Я вышел из собора и стал рассматривать находящийся напротив митрополичий дом, вместе с духовной консисторией представлявший из себя небольшое двухэтажное строение, замечательное только тем, что здесь был некогда дворец (конак) князя Милоша. Слева от собора, почти в самой его ограде помещается духовная семинария, или, как здесь выражаются, «богословия», больше похожая на какой-нибудь русский захолустный городской помещичий дом.

Минуя семинарию, вы выходите на самое живописное в целом Белграде место, называемое Калимегданом. Представьте себе роскошный сад в роде нашего Царского[9], разбитый на таком же точно возвышенном месте, откуда открывается великолепный вид, с одной стороны на Саву и Венгерскую равнину с синеющими на самом горизонте Карпатами, с другой, — на течение Дуная, начиная от впадения в него Савы. Живописный уголок этот славился еще во времена владычества турок, которые называли его Фитьир Байир, что значит «гора мечтаний». В 1867 году, после того знаменательного дня, когда на этом месте был прочитан султанский фирман, уступающий все турецкие крепости в сербских пределах князю Михаилу, который тотчас вошел со своим войском в Белградскую цитадель, здесь был разбит существующий ныне парк с широкими тенистыми аллеями, красивыми цветниками и памятниками выдающимся сербским народным

деятелям текущего столетия. Калимегдан служит любимым местом для прогулок белградских жителей всех званий и состояний. Особенно много публики бывает здесь по воскресным и праздничным дням. Среди гуляющих женщин случалось мне встретить замечательно красивых, обаяние которых еще больше увеличивалось, благодаря мелодичной сербской речи, особенно хорошо звучащей в устах женщины. Верхнюю часть Калимегдана занимает крепость, куда мне проникнуть, к сожалению, не удалось, благодаря тому, что я русский, а это в настоящее время считается в Сербии чуть ли не преступлением. В крепости, как говорят, есть старинный римский колодец.

Отсюда я отправился осматривать здание Великой школы (университета), выстроенное на частные средства (в 1863 г.) Миши Анастасиевича, который принес его в дар сербскому народу. Как я заметил, сооружение общественных зданий на частные средства, с пожертвованием их родному народу, представляет здесь обычное и весьма отрадное явление, которому не мешало бы подражать и нашим капиталистам, в особенности, если дело идет о сооружении какого-нибудь просветительного учреждения, а в них-то больше всего и нуждается обширная, раскинувшаяся до Тихого океана родина, богатая и обильная всем, кроме духовной пищи для своих многомиллионных сынов.

В здании белградской Великой школы помещается сама Великая школа, Великая гимназия, Народная библиотека и Народный музей, и Сербское ученое дружество. По причине каникулярного времени все эти учреждения были закрыты, так что осмотреть их мне не удалось. Прямо напротив Великой школы находится самый большой в Белграде базар. Здесь я был ранним утром в самый разгар торговли, когда приезжают сюда с всевозможными продуктами жители окрестных деревень в своих национальных костюмах, очень напоминающих наши малорусские. Даже речь сербская смахивает здесь на нашу, и невольно забываешь, что это Белград, а не Киев с его Житним базаром, который по своей величине гораздо больше белградского.

Неподалеку отсюда находится сербский народный театр (Српско народно позориште), выстроенный князем Михаилом в 1869 году на тысячу зрителей.

В этом здании 22 декабря 1888 года Милан на заседании великой народной скупщины подписал акт своего отречения от престола[10], а также и нынешнюю сербскую конституцию, столь вероломно нарушаемую им в настоящее время. Прямо напротив театра стоит памятник князю Михаилу, сидящему на коне в венгерке и указывающему правой рукой на мест-

ности, некогда принадлежавшие сербам, а теперь находящиеся в чужих руках. Самая фигура князя, равным образом, как и пьедестал памятника, отличаются безжизненной условностью, неестественной деревянной ситуацией и отсутствием вкуса у того художника, который его созидал.

В конце Теразии, за рестораном «Славия», на глухой уличке выстроена небольшая церковь, любопытная, потому что, по преданию, здесь именно были сожжены турками мощи св. Саввы сербского. Настоятель этой церкви, священник о. Димитрий Миленкович, кандидат богословия нашей Киевской академии, выстроил свой маленький храм всего в течение 12 дней. Заветная мечта почтенного батюшки выстроить на этом месте величественный храм памятник св. Савве, архиепископу сербскому.

Из других достопримечательностей Белграда я посетил загородный парк Топчидере, где находится охраняемый, как народная святыня, старый дворец князя Милоша Обреновича, который здесь под тенью развесистого платана творил суд и расправу над своими подданными. Во дворце особенного внимания заслуживает маленькая комнатка, где скончался князь Милош. Здесь сохраняются во всей неприкосновенности его смертное ложе, восковая маска и другие реликвии. Из последних интересен маленький трехногий восьмигранный самоварчик, употребляемый обыкновенно нашими офицерами в походах. Все убранство дворца свидетельствует о патриархальном образе жизни основателя династии Обреновичей, потомки которого, к сожалению, далеко уклонились в этом отношении от благотворного примера своего родоначальника. Насколько можно судить по благоговейному отношению каждого серба из тех, с которыми мне пришлось встречаться в Белграде, к старому конаку (дворцу) Милоша в Топчидере, народ во всей своей массе искренно предан династии Обреновичей. Это, однако же, не мешает истинным патриотам горячо желать удаления Милана из Сербии, как человека, приносящего серьезный вред молодому и слабохарактерному королю Александру.

Мое трехдневное пребывание в Белграде останется мне памятным, благодаря чисто славянскому радушию и гостеприимству сербов, бывших воспитанников русских высших учебных заведений. Такого сердечного, задушевного приема я еще нигде не встречал. Тем более приходится ценить такое отношение, что оно проявилось во время нынешнего террора, когда одно только русское слово, произнесенное на улицах сербской столицы, считается чуть ли не государственным преступлением.

Провожаемый своими радушными хозяевами, которым я от всего сердца желал лучших времен для их многострадальной родины, я двинулся в обратный путь в Россию — через Будапешт, Львов и Волочиск.

Примечания

[1] Аврамович Димитрие (1815–1855) — сербский художник, иконописец, писатель. Один из первых представителей сербского романтизма в живописи и литературе. Получил образование в Австрии. По приглашению князя Александра Карагеоргиевича расписал в 1840 г. белградский кафедральный собор. Автор книги «Описание сербских древностей на Святой горе».

[2] Хуньяди Юлия, графиня — представительница венгерского аристократического рода, после выхода замуж за князя Михаила Обреновича — сербская княгиня.

[3] Обрадович Досифей (1739–1811) — сербский общественный деятель и выдающийся просветитель-энциклопедист. Выходец из Австрии. Основал Великую школу в Белграде (1808), стал первым министром (попечителем) просвещения (1811). Первым из сербских писателей выступил за единый для сербов литературный язык на основе народной речи. Заложил основы сербской светской литературы. Среди сочинений Обрадовича: «Жизнь и приключения Досифея Обрадовича» (1783), «Собрание разных нравоучительных вещей в пользу и увеселение» (1893) и т. д.

[4] Анахарсис — скиф из царского рода, жил в VI в. до н. э. Изучал греческие обычаи, уклад и культуру, подвергая их критическому осмыслению. Идеализируя северные народы, греки нарекли Анахарсиса Мудрым.

[5] См. комментарий 7 к отчету В. В. Макушева.

[6] Имеется в виду: так называемый Иванданский аттентат 1899 г. — неудачная попытка покушения на короля Милана Обреновича. См. и примечание 10 к воспоминаниям В. А. Гиляровского.

[7] Мокраняц Стеван (наст. фамилия — Стоянович; 1856–1914) — знаменитый сербский композитор, фольклорист, дирижер, педагог. В 1879 г. учился в Мюнхене. В 1887–1914 гг. возглавлял Белградское певческое общество, с которым в 1896 г. гастролировал по России. В 1899 г. основал в Белграде музыкальную школу (ныне им. С.Мокраньца), положившую начало музыкальному образованию в Сербии.

[8] В ноябре 1885 г. в битве под Сливницей сербская армия была разгромлена болгарами.

[9] Царское село под Петербургом — летняя царская резиденция, основанная в 1710 г. В 1710–1724 гг. там был построен каменный дворец, ставший именоваться Царским селом после 1725 г.

[10] Глокке ошибается — акт отречения от престола Милан Обренович подписал 22 февраля 1889 г. В декабре же 1888 г. Великая народная скупщина приняла новую конституцию Сербии.

Гиляровский В. А.[*]

Нечто о старом // Сочинения в 4-х тт. М., 1967. Т. 3. С. 240–251

<...> Это было в декабре 1899 года, а ранее — в 1897 году — я был командирован Русским гимнастическим обществом в Сербию на всенародный гимнастический праздник, устраиваемый обществом «Душан Сильный»[1].

Приходится рассказать об этом празднике, хотя, по-видимому, трудно увязать репортерскую работу с гимнастикой!

А вышло так, что, не будь я гимнастом, не участвовать бы мне в нашумевшем на весь мир событии.

Сербия в это время, в 1897 году, была маленьким княжеством[2], населенным прекрасным трудящимся народом. Она управлялась после убийства князя Михаила Обреновича его племянником Миланом, вступившим на престол четырнадцатилетним с дурными пороками юношей.

С детства опекуны воспитывали Милана в Париже, где он не столько изучал науки, сколько веселился. Докняжив до 21 года, Милан задумал жениться, и ему подсватали бессарабскую красавицу с огромным состоянием, дочь русского полковника Наталью Кешко[3].

Милан рассчитывал на приданое, но умная Наталья удержала за собой право распоряжения своим состоянием, и Милан опустошал расходами на свой двор казначейство Сербии, которая после двух войн (1876 и 1877–1878 годов) была в 1882 году из княжества провозглашена королевством, к великому неудовольствию народа, боявшегося увеличения расходов.

---

[*] Гиляровский Владимир Алексеевич (1853–1935) — известный русский журналист, прозаик, поэт. Работал репортером в газетах «Русские ведомости», «Новое время» и др. В 1899–1902 гг. — заведующий московским отделом газеты «Россия». Автор книг «Москва и москвичи» (1926), «Мои скитания» (1928), «Записки москвича» (1931), «Друзья и встречи» (1934) и т. д. Исследователь биографии Н. В. Гоголя.

Налоги на содержание короля возросли, Наталья денег не давала, и Милан стал ее врагом. В королевстве образовались две партии — Милана и Натальи. Милан окончательно запутался в долгах и ухитрился заложить почти все свое королевство в австрийских банках.

Народное недовольство росло. Милан, запутанный банками, попал в зависимость Австрии, стал проводить ее политику.

Сербии грозило банкротство, и окончательно запутавшегося в долгах и интригах Милана заставили передать королевскую власть своему малолетнему сыну Александру и его регентам.

Милана «выслали» из пределов Сербии с обязательством не возвращаться до совершеннолетия сына и выдали ему миллион франков отступного[4] <...>.

В это время я и попал в Сербию. Король Александр тогда еще не был женат на сербке Драге[5].

Первого июля начались торжества освящением знамени «Душана Сильного», а затем на площади крепости в присутствии тысяч народа начались гимнастические игры и состязания гимнастов, собравшихся со всех славянских земель.

Белградские соколы-душановцы, более пятисот человек, были в своей красивой форме, а провинциальные члены общества в своих национальных костюмах: сербы-магометане — в фесках, сербы-горцы — в коричневых грубого сукна куртках, с кинжалами и пистолетами за строчеными поясами. Было несколько арнаутов. Один, бывавший в Батуме и на Кавказе, говорил по-русски.

Мы с ним беседовали. Он звал меня поехать к нему в гости, в Албанию, куда европейцев в то время не пускали. Он обещал мне полную безопасность у себя в стране, где был каким-то старшиной, и дал свой адрес и адрес его земляка, жившего в Белграде, к которому я мог бы обратиться.

Самыми яркими были сремские горцы, обвешанные оружием, в шитых украинских рубахах, чумарках и бараньих папахах, лихо сдвинутых на затылок.

Из-под папахи змеились длинные чубы, черневшие на бритых головах, у пожилых висели громадные усищи вниз — совсем наши запорожцы далеких времен!

Эти сремцы были потомками запорожцев, бежавших при Екатерине во время разгрома Сечи[6] частью на Кубань, а частью в Турцию. Они заботливо хранили свои обычаи и одежды.

Славный был народ, молодец к молодцу, ходили неразлучно, кучкой, и все были прекрасные гимнасты.

Три дня продолжались состязания, заканчивавшиеся каждый день обедом участников состязания и загородными поездками на пароходе по Дунаю. Обеды сопровождались речами, от которых корчились австрийские сыщики.

На третий день раздавались награды лично королем, и когда первым было объявлено мое имя, имя русского, — а к русским тогда благоволили, — весь цирк, где происходило заседание, как один человек встал и грянул «ура» и «живио».

Я получил первую награду — большую золотую медаль, меня окружили сербские женщины и подарили мне подарок: шитый золотом шарф.

Вечером в гостиницу Гранд-отель пришла депутация с приглашением меня, как получившего награду, на ужин.

Я оделся и вышел на улицу, где с факелами и знаменами меня встретили душановцы и, скрестив надо мной два знамени, повели меня среди толп народа на ужин.

На другой день я принадлежал самому себе и с двумя из новых друзей-душановцев гулял в крепостном саду.

Чудесный вид открывался с этой высокой, укрепленной горы старой турецкой крепости с ее подземными тюрьмами и бездонными колодцами, куда в старину бросали преступников.

Под нами сливались громадные реки: Дунай и Сава, и долго еще в общем русле бежали две полосы — голубая и желтая. Красота была поразительная, а за рекой виднелись мост в Землин, поля и сады Венгрии.

Удивительной красоты место, напоминающее откос в Нижнем Новгороде над слиянием Волги и Оки!

Мы гуляли с публикой по саду. Содержащиеся в казематах крепости каторжники также гуляли между публикой, позвякивая цепями, и никто не подходил к ним, никто не заговаривал с ними, зная, что этого нельзя, — таков закон.

Невдалеке от нас на садовой скамейке сидел часовой с ружьем в руках, кругом гуляла публика, кандальники работали в цветниках, а один из них самым спокойным манером намыливал лицо часовому, брал у него из рук бритву и брил его.

На другой день я выехал в Россию. На вокзале меня провожали с музыкой и почетным караулом.

* * *

После юбилейных пушкинских торжеств 1899 года меня вызвали на редакционное совещание в Петербург[7].

На другой день я выехал в Москву, получил заграничный паспорт и через три дня отправился на Балканы.

В кармане у меня были письма в редакцию газеты «Одъек»[8] и ее редакторам Пашичу и Протичу <...>.

В Сербии в это время королем был безвольный юный Александр, но Милан вновь вернулся в Сербию и руководил им, фактически будучи королем[9].

Все помышления Милана сводились к тому, чтобы ликвидировать партию радикалов, мешавшую самовластию фактического короля.

Двадцать четвертого июня в Белграде на Милана было произведено покушение: неизвестный человек выпустил в него на главной улице четыре пули[10].

Подъезжая к Белграду, я узнал о только что совершившемся покушении на Милана, и уже на вокзале я почувствовал, что в городе что-то готовится на том вокзале, где два года назад меня торжественно встречали и провожали.

Свободно, независимо, с хорошим настроением, как и тогда, я вышел из вагона, ничего не подозревая, но мрачный полисмен-офицер внимательно взглянул на меня и с непреклонным видом потребовал паспорт. Это меня обозлило. Сразу почувствовалось другое настроение, совсем противоположное тому, какое было.

Ответив ему таким же взглядом, я сунул ему в руки паспорт и сказал:

— Прислать ко мне, в Гранд-отель, — и ушел.

Наступил вечер. Обычно оживленного Белграда нельзя было узнать: кафаны и пиварни были закрыты, в домах не видно огня, на улицах никого — только блестели ружьями патрули.

Разузнав кое-что в гостинице, где меня встретили как старого знакомого, я вынул из чемодана письма, положил их в карман и, несмотря на просьбы прислуги не выходить, отправился к Пашичу, к Стояну Протичу и в редакцию «Одъек». У квартиры Протича какой-то добрый человек мне ответил:

— Ухапшили[*].

---

[*] От сербск. *ухапсити* — арестовать. *Ухапсили* — арестовали.

«Одъек» оказался опечатанным, и все сотрудники были арестованы, так же как и редактор.

Зашел в пиварню* «Империаль», где все столы были заняты полицией и офицерами. Никто из знакомых ко мне не подходил, все шушукались и дико на меня смотрели. А были знакомые лица.

Один из посетителей, когда я, расплатившись, выходил, отделился от группы и, козыряя, вкрадчиво спросил, по-шпионски:

— Куда путуете?**

— В Тамбов, — ответил я, выходя, оставив его в позе вопросительного знака.

На другой день, не успел я еще встать, в номер вошли два приятеля-душановца и испуганным голосом советовали мне уехать, намекая, что Милану выгодно обвинить в участии в покушении кого-нибудь из русских.

Я расхохотался им в лицо — и после раскаялся. Они были правы: меньше риска было бы уехать в тот день, но тогда не стоило бы ехать — это позор для журналиста убежать от такого события.

Душановцы, сообщив, что у них сегодня общее собрание в «Империале», ушли, хотя я и просил их подождать, чтобы идти вместе в банкирскую контору Андреевича[11] получить перевод.

Я понял потом, почему они торопились.

В конторе Андреевича я получал деньги, окруженный полицейскими офицерами. Один из них спросил меня, как это я, корреспондент, ухитрился так вовремя приехать к событию и за четыре дня до него перевести деньги. Я ответил ему довольно дерзко по-русски, и он больше ко мне не приставал.

Из банка я отправился на скупщину «Душана Сильного», где заседало человек двести. Меня выбрали почетным председателем.

От знакомых я узнал подробности покушения на Милана. Он около пяти часов вечера в коляске со своим адъютантом, майором Лукичем, возвращался из главной канцелярии.

«Аттентатор»***, как называли покушавшегося на убийство, заметив приближающуюся коляску, махая бумагой, сложенной в виде прошения, подбежал и начал стрелять.

После первого выстрела Милан выскочил из коляски и начал ползать по мостовой, стараясь скрыться от пули, но последовал еще выстрел и ранил Милана сзади, слегка поцарапав кожу.

---

* От сербск. *пивара* — пивная

** *Путовати* (сербск.) — ехать, путешествовать.

*** От сербск. *атентат* — покушение. *Атентатор* – покушающийся, террорист.

Пока Милан ползал и прятался за коляской, «аттентатор» ранил в руку Лукича, а сам, выстрелив себе в шею, бросился на набережную реки Савы и прыгнул воду, откуда был скоро извлечен и арестован.

Он оказался Джурой Княжевичем, которого Милан знал, когда он служил лакеем при купальне.

За месяц до покушения Княжевич уехал в Бухарест, пожил там, снова вернулся в Белград и стал жить в гостинице под видом приезжего купца.

Накануне совершения покушения Княжевич начал чистить старый револьвер, делать патроны и на следующий день произвел бутафорское покушение на короля.

Милан организовал покушение, которое ему было необходимо как предлог для уничтожения радикалов.

Когда кто-то из собравшихся предложил выразить сочувствие «королю Милану», я в резких выражениях отказался от звания председателя, и собрание скомкалось.

Многие похватали шляпы и быстро разошлись.

Около меня осталось только шестеро друзей, угостивших меня обедом, который был устроен в каком-то глухом саду, в старой беседке, куда собрались поодиночке.

Во время обеда мне сообщили имена десятков арестованных радикалов.

В городе была полная паника, люди боялись говорить друг с другом, ставни всех окон на улицу были закрыты. По пустынным улицам ходили отряды солдат и тихо проезжали под конвоем кареты с завешенными окнами.

На мои вопросы по поводу «аттентатора» все молчали и только махали руками, чуть не зажимая рот.

Один прямо меня предупредил, что за такие слова расправа коротка — не посмотрят, что русский. Его слова подтверждали расклеенные всюду афиши, гласившие, что объявлено «ванредно станьо»* — осадное положение.

Было бесконечно жаль видеть Белград, который так недавно я видел ликующим, в таком терроре. Мне было ясно, что Милан воспользуется обстоятельствами и сосчитается со своими противниками.

Я решил, может быть необдуманно, рискованно и — в первой попытке — неудачно, попробовать помочь в первую очередь арестовываемым радикалам.

---

* *Ванредно стање* (сербск.) — чрезвычайное положение.

В пиварне «Империаль» написал и отнес на телеграф телеграмму в «Россию», написанную по-русски французскими буквами, следующего содержания:

«Милан придумал искусственное покушение с целью погубить радикалов. Лучшие люди Сербии арестованы; ожидаются казни, если не будет вмешательства держав».

Конечно, этим я сделал большую ошибку, о чем узнал уже через час.

Моя телеграмма не была отправлена, и милановские сторонники такого человека, который может пустить по свету правдивое сообщение о событиях в Сербии, должны были ликвидировать.

У Милана расправа с такими людьми была короткая. На паспорте таких людей отмечалось, что владелец его выбыл из Сербии, а чемодан и паспорт бросали на вокзале, например, в Вене*.

Все эти белградские события происходили 27 июня.

Казематы крепости были переполнены «ухапшенными», из коих 37, с Пашичем, Протичем и Николичем, были приговорены («преким»**) судом Милана к тайной казни.

В ночь на 29 июня, Петров день, над Белградом был страшный тропический ливень с грозой. Я сидел у окна гостиничного номера и видел только одно поминутно открывающееся небо, которое бороздили зигзаги молний. Взрывы грома заглушали шум ливня.

Около полуночи ко мне в номер вошли два моих друга в полной военной форме.

— Идем, скорей, скорей! Иначе будет поздно! Сейчас за тобой придут. Скорей!

Подали мне пальто и шапку. Мы вышли, идем по коридору, вдруг я хватился своей табакерки — забыл ее на окне!

— Сейчас вернусь. Я забыл табакерку!

— Идем! Ты с ума сошел!

Не оставлю табакерки! — крикнул я и побежал назад.

Друзья замерли на месте. Я вскоре вернулся, и мы вышли на улицу. Ливень лил стеной. Мы брели по тротуарам по колено в воде, а с середины улиц неслись бурные потоки.

Друзья только в эти минуты наперерыв, перебивая друг друга, рассказали, что мое счастье было в том, что я забыл табакерку. В те минуты,

---

* Это мне, прямо намекая на мое положение, рассказали два моих друга. (Примечание В. А. Гиляровского).

** *Преки суд* (сербск.) — военно-полевой суд.

когда я за ней бегал, по коридору прошел военный обход, который арестовал бы меня, и утром я был бы уже удавлен.

Мы спустились к Дунаю, и друзьям удалось устроить меня на венгерский пароход.

* * *

К утру погода прояснилась. Я лежал в каюте венгерского парохода и притворялся спящим.

Я слышал шаги многих людей на палубе, но тихо лежал в каюте и встал только когда пароход отошел от белградской пристани. Я поднялся на палубу. Восход был чудный. Я любовался удалявшимися от меня Белградом, зеленевшими садами.

Перед каждой сербской пристанью на правом берегу Дуная я уходил в каюту и запирался, опасаясь сербских сыщиков. Зато, когда пароход остановился на венгерской пристани Оршаве, я дал в газету «Россия»[12] такую телеграмму:

«Оршава. 29 июня. В Белграде полное осадное положение. Установлен военно-полевой суд. Судьи назначаются Миланом Обреновичем. Лучшие, выдающиеся люди Сербии, закованные в кандалы, сидят в подземных темницах. Редакция радикальной газеты «Одъек», находящейся в оппозиции к Милану, закрыта. Все сотрудники и наборщики арестованы. Остальные газеты поют Милану хвалебные гимны. Если не последует постороннее вмешательство, — начнутся казни. В.Гиляровский».

Она была напечатана в «России» 30 июня за моей подписью[13], потому что в Петербурге имелись слухи о моем аресте <...>.

Моя телеграмма в газету через петербургскую цензуру попала в министерство иностранных дел, которое совместно с представителями других держав послало своих представителей на организованный Миланом суд. Этот суд должен был приговорить шестьдесят шесть обвиняемых вождей радикалов с Пашичем, Протичем и Николичем во главе к смертной казни.

Благодаря вмешательству держав, был казнен только один, стрелявший, Княжевич, сторож при купальне, у которого с Миланом были свои счеты и которого Милан принес в жертву.

Остальные шестьдесят пять были сосланы в Пожаревацкую каторгу, где и были до убийства короля Александра и Драги[14].

Мои телеграммы с дороги печатались в «России», перепечатывались не только русскими, но и зарубежными газетами, вызывая полное презрение к Милану, которого вскоре изгнали из Сербии <...>.

В Сербии // Россия. 9 (21 июля) 1899 г. № 72

На улицах Белграда мертвая тишина. Полная паника. Люди боятся говорить друг с другом. Интеллигенции на улицах нет. Во многих домах закрыты ставни <...>.

Передают также, что Милан сказал: «Я этого давно ждал. Это сделал Пашич и русские» <...>.

И он бьет радикалов — друзей сербского народа, своих врагов. Арестуются лучшие люди страны, разделившейся теперь на две партии <...>.

Напредняки — партия дворцовая, намеревающаяся из Сербии сделать Западную Европу и симпатизирующая Западу. Их немного. А вся Сербия — радикалы, партия народная, славянская.

Первые любят Австрию.

Вторые — Россию.

Ненависть первых во главе с Миланом, слова которого они повторяют, доходила до того, что они усиленно распространяют слух, что «Россия и радикалы вместе хотели убить Милана» <...>.

Примечания

[1] «Душан Сильный» — гимнастическое общество, основанное в Белграде в 1892 г.

[2] Гиляровский оговорился: следует – королевством.

[3] См. комментарий 10 к запискам К. А. Скальковского.

[4] Гиляровский ошибается — в качестве «отступного» экс-королю было выдано *два* миллиона франков, полученных под государственные гарантии у русского Волжско-Камского банка.

[5] Обренович (урожденная Луневица; по первому браку Машин) Драга (1866–1903) — королева Сербии (1900–1903). Жена короля Александра Обреновича. До этого — фрейлина его матери, королевы Натальи. Погибла вместе с мужем в результате офицерского заговора 29 мая 1903 г.

[6] Запорожская Сечь была ликвидирована по приказу Екатерины II в 1775 г.

[7] В 1899–1902 гг. Гиляровский возглавлял московский отдел газеты «Россия», издававшейся в Петербурге.

[8] «Одъек» (*«Одјек»*) — политическая газета, печатный орган Радикальной партии. Основана 1 октября 1884 г.

[9] В 1897–1890 гг. Милан Обренович занимал должность командующего регулярной армией и имел чин армейского генерала.

[10] Речь идет о знаменитом «Иванданском атентате», т. е. покушении на Милана Обреновича, совершенного в Белграде в Иванов день — 24 июня 1899 г. Детали покушения, в частности — кто действительно его организовал, не установлены до сих пор. Широкое распространение получила версия, будто покушение на самом деле было провокацией, инсценированной самим экс-королем, дабы иметь повод для расправы над ненавистными радикалами.

[11] Андреевич-Игумнов Сима (1804–1883) – известный сербский торговец, банкир и меценат.

[12] «Россия» — политическая и литературная газета. Издавалась в Петербурге в 1899–1902 гг. Ее номинальным редактором-издателем был Г. П. Сазонов, однако в действительности газетой руководили А. В. Амфитеатров и В. М. Дорошевич. После публикации известного фельетона Амфитеатрова «Господа Обмановы» газета была закрыта, а автор сослан в Вологду.

[13] См.: Россия. 30 июня (12 июля) 1899. № 63.

[14] Гиляровский ошибается — приговоренные к каторге и содержавшиеся в тюрьме Пожаревца радикальные функционеры (С.Протич, А.Николич и др.) были помилованы летом 1900 г., по случаю бракосочетания короля Александра Обреновича с Драгой Машин.

*Чарыков Н. В.**
Tcharykow N.

Glimpses of High Politics. Through War & Peace. 1855–1929. London, 1931. Pp. 232–233

<...> Когда я прибыл в Белград весной 1901 г., это было время расцвета вновь возрожденной сербско-русской дружбы, ставшей следствием помолвки короля Александра с госпожой Драгой[1] — вдовой сербского инженера[2] и бывшей фрейлиной королевы-матери <...>.

Вскоре, вместе с женой, я предпринял исключительно интересную поездку вниз по Дунаю в город Радуевац[3], расположенный на самой сербско-болгарской границе, а затем повернул на Ниш, проехав вдоль возможной трассы Адриатической железной дороги. Ни один русский дипломатический представитель не посещал до меня эти районы Сербии, и население встречало нас с огромным восторгом, украшая цветами мосты и деревни, через которые лежал наш путь. В нашу честь был устроен банкет в Неготине — городе, славящемся своими винами. На обратном пути мы посетили «Русский редут», названный так в память об участии отряда русской армии в сражениях с турками во время освобождения Сербии в 1809 г.[4] <...>.

(Перевод А. Л. Шемякина)

---

* Чарыков Николай Валерьевич (1855–1930) — русский дипломат. Первый политический агент России в Бухаре, посланник в Софии, посол в Константинополе, товарищ министра иностранных дел. В 1901–1903 гг. занимал пост чрезвычайного и полномочного посланника в Белграде. После Октябрьского переворота — в эмиграции.

Донесение российского императорского посланника в Сербии действительного статского советника Н. В. Чарыкова министру иностранных дел России графу В. Н. Ламздорфу / / Архив внешней политики Российской Империи. Фонд Политархив. Опись 482. Дело 492. Часть 2. Л.64–65 оборот

Белград 6 июня 1901 года, за № 45

Милостивый государь, граф Владимир Николаевич.

Воспользовавшись хорошим временем года и наступившим здесь политическим затишьем, я провел 10 дней в путешествии по восточной и южной Сербии. Доехав до Радуеваца по Дунаю на русском пароходе Черноморско-Дунайского Общества с сербским министром торговли Миловановичем[5], я поднялся по долине Тимока через Неготин и Зайчар до Ниша и Враньи, посетил сербско-турецкую границу и вернулся в Белград через Алексинац и Чуприю, осмотрев каменноугольные копи в Сении и интересный в археологическом отношении монастырь царя Лазаря — Раваницу.

Излагая в других донесениях те наблюдения, которые мне пришлось сделать по некоторым специальным вопросам, позволю себе представить здесь Вашему Сиятельству краткий отчет об общем впечатлении, вынесенном мной из ближайшего знакомства с означенной частью Сербского Королевства.

Виденная мной страна вполне верно охарактеризована одним английским путешественником, назвавшим Сербию «The poor man's paradise» («Serbia, the poor man's paradise» by Herbert Vivian M.A. — London, 1897, Longmans, Green & Co).

В этой стране, при господствующем земледельческом ее характере, нет бедных и тем менее нищих, нет безземельных, как нет и крупных землевладельцев. В среднем, на семью приходится 4 десятины, но чаще от 10 до 15 десятин. Законом установлена неотчуждаемость усадьбы и двух десятин по частным взысканиям и усадьбы с тремя четвертями десятины земли по взысканиям правительственным. Сосредоточение в одним руках более 50 десятин очень редко. Земли не заложены. Городского или сельского кредита под недвижимости почти не существует.

Фабрик и заводов нет, нет и пролетариата. В двух-трех местах добывается каменный уголь среднего качества, а в одном — золото (рудник Вайферта[6]). Рабочие, местные крестьяне и горожане, еще не оторваны

от земли. Городов немного и они не велики, в 5-6 тысяч жителей. Они скорее похожи на наши поволжские посады.

Неграмотных, по-видимому, нет. Начальное обучение всеобще и обязательно для детей обоего пола с 7 до 11 лет. Учителя и учительницы обеспечены пенсией. Сиротам и малоимущим детям даются даром учебные пособия и одежда от общины. Духовенство отстранено от преподавания, даже Закона Божия. Это один из редких здесь следов западного доктринерства.

Между интеллигенцией, а также администрацией и народной массой нет разобщенности: все находятся приблизительно на одном культурном уровне.

Государственный поземельный налог различает пять классов земли, облагаемых с десятины от 25 копеек до 1 рубля 38 копеек, смотря по качеству и местоположению. Это значительная сумма, однако недоимок вообще нет, так как климат и почва допускают производство ценных продуктов, каковы вино, табак, шелк (на последний обращено теперь правительством, с большим успехом, особое внимание). Процветают также животноводство и садоводство, и может расти хлопок. Впрочем, все еще сеется довольно много ржи и овса.

Железных дорог недостаточно. Бельгийская узкоколейная линия в 80 верст, по которой я проехал от Радуеваца к Зайчару, обслуживает только каменноугольные копи Вршка-чука. Зато повсюду прекрасное шоссе.

Население гостеприимно, весело и обладает большим художественным чутьем, и вкусом, и даром красноречия. Любит вино и песни, особенно былины о Косовом поле и церковные песнопения. Хорошо поют «Боже, Царя храни» и некоторые руские солдатские и народные песни. Алкоголизма нет. Русский язык обязателен и хорошо преподается в Алексинацкой учительской семинарии. Тоже, как говорят, и в Ягодинской.

Внешней набожности мало. Церквей немного, икон почти не встречается, их не пишут в Сербии, а из России привозят редко. Однако твердость народа в православии до сих пор не поколеблена. Богослужебные книги — русские, многие времен Петра Великого и Екатерины II[7]. Монастырь Раваница имеет жалованные грамоты царей Иоанна и Петра Алексеевичей и Св. Синода в царствование Елизаветы Петровны. Портреты ныне благополучно здравствующих ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ[8], а также ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III[9] и ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ[10] видны час-

то, даже в таких глухих селениях, каково, например, Дервен в горах между Княжевцем и Нишем.

Теперешний политический идеал сербов Королевства прост. Извне — желание спастись от «швабов» и объединить всех сербов, при неискоренимом убеждении, что и то, и другое возможно только при содействии России. Внутри — «едан децениум мира»*, т. е. желание приостановить хоть на десять лет партийную борьбу и правительственные и административные кризисы, дабы люди могли спокойно заниматься своими домашними делами.

Этот идеал понятен, если иметь в виду, что каждый сербский крестьянин, продающий своих свиней или сливы, или зерновой хлеб, ощущает на себе экономическое давление австро-венгерского рынка, и что сербам Королевства хорошо известно отношение Австрии и Турции к их родичам. Если же вспомнить, что нынешнее поколение сербов вынесло три войны, финансовый кризис и несколько государственных переворотов, станет ясно, почему громадное большинство желает теперь хоть на время успокоиться и отдохнуть.

Так как мне случайно пришлось быть первым русским посланником, посетившим восточную и южную части Королевства, где сохранилось столько следов доблестной русской помощи 1810 и 1876 гг., то мне с женой и консулу в Нише Ст. Сов.** Чахотину были оказаны по пути трогательные овации, не говоря уже о крайней любезности и предупредительности всех местных властей. Притом сербы не скрывали своей радости по поводу того, что пребывание среди них русского представителя являлось знаком возвращения Сербии и ее народу расположения Русского ЦАРЯ.

Так как король просил меня быть у него как только вернусь в Белград, я счел долгом доложить Его Величеству с полной откровенностью свои дорожные впечатления. Король уверил меня, что приложит все старания, дабы осуществить разделяемое им самим желание его подданных относительно обеспечения Королевству прочного внешнего и внутреннего мира.

Примите, Милостивый Государь, уверение и проч.

---

* *Један децениум мира* (сербск.) — одно десятилетие спокойствия.

** Имеется в виду *статский советник* — русский гражданский чин 5 класса (согласно «Табели о рангах»).

Примечания

[1] О помолвке короля Александра Обреновича с Драгой Машин было объявлено 8 июля 1900 г. Спустя две недели (23 июля) состоялось их венчание.

[2] В 1883 г. Драга Луневица была выдана замуж за инженера Светозара Машина (чеха по происхожению), который был на пятнадцать лет старше ее. Но уже вскоре она осталась вдовой — по причине эпилепсии и алкоголизма муж умер. О Драге Машин-Обренович см. комментарий 5 к воспоминаниям В. А. Гиляровского.

[3] Радуевац — город на Дунае в восточной Сербии.

[4] Летом 1809 г. отдельный отряд русских войск под командованием генерал-майора И. И. Исаева участвовал вместе с сербскими повстанцами в боевых действиях против турок на территории Неготинской краины. 1 июля русско-сербские силы (сербов предводил воевода Миленко Стойкович) разбили Муллу-пашу под Штубиком.

[5] Милованович Милован (1863–1912) — сербский политический и государственный деятель. По образованию юрист. Окончил университет в Париже. Доктор права. Профессор Великой школы. Член Радикальной партии. Один из авторов текста конституций 1888 и 1901 гг. В 1896–1897 гг. — министр юстиции. В 1901–1902 гг. — министр народного хозяйства. В 1908–1912 гг.– министр иностранных дел. В 1911–1912 гг. — председатель правительства Сербии. Один из инициаторов подписания военного союза с Болгарией (1912 г.).

[6] Вайферт Джордже (1850–1937) — крупный сербский предприниматель. В 1872 г. открыл производство пива в Белграде. В 1873 г. получил в концессию несколько месторождений полезных ископаемых (включая золотоносное месторождение Бор на востоке Сербии). Был председателем правления Народного банка и главой Промышленной палаты Сербии.

[7] Екатерина II Алексеевна Романова (урожденная принцесса Софья-Фридерика-Августа Ангальт-Цербстская (1729–1796)) — российская императрица (1762–1796).

[8] т. е. Николая II и Александры Федоровны.

[9] Александр III Александрович Романов (1845-1894) — российский император (1881–1894).

[10] Мария Федоровна Романова (урожденная принцесса датская Дагмар (1847–1928)) — жена Александра III и мать Николая II, российская императрица (1881–1894).

Витте Е. И.[*]

Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босна и Сербия. Лето 1902 г. Киев, 1903. С. 77–127

III

Белград — красивый город при слиянии Савы с Дунаем: он далеко еще необстроен и неустроен, ждет своей канализации, чтобы украситься высокими европейскими домами, имеет трамвай, электрическое освещение на главной улице князя Михаила. На Саве прекрасное купание и недурно устроенные ванны, холодные и теплые; сюда посылают венские врачи слабонервных; купание в Саве считается вообще полезным во многих болезнях; есть городской театр, публичная библиотека с 80 тыс. названий, что недурно для маленького молодого государства; возникает археологический и этнографический музей, с богатейшим отделом народных одежд от древнейших времен. Здесь позражает вас богатство узоров, вышитых золотом по бархату и сукну; особенно изящны и роскошны одежды из Старой Сербии. Здесь же вы видите древние, изящнейшие работы из серебра; это — представители древнего искусства в Сербии, дающие ей право надеяться воскресить это искусство и развить его дальше: и, дай Бог ей не соблазняться вкусом своей западной соседки, а развивать самостоятельно свой национальный вкус! Но, увы! В народ сербский начинает уже проникать австрийский вкус: так, прежние национальные узоры в тканых шерстяных передниках, принадлежности сельской одежды, начинают заменяться узорами из цветов, и оригинальная красота этих передников утрачивается. Мы слышали, что королева Драга[1], как истая серб-

---

[*] Витте Елизавета Ивановна — писательница, автор популярных брошюр о югославянских народах. Придерживалась славянофильских взглядов. Член Киевского славянского благотворительного общества и Исторического общества Нестора-летописца.

ка, любящая свое родное, покровительствует национальному искусству и национальной одежде: достойная задача кровной сербки королевы. Чтобы воскресить национальную одежду, которой уже изменяет молодое поколение, королева стала появляться на балах в древнем царском одеянии. И как хороша в нем красавица королева!

Есть в Белграде высшая школа (университет), куда допускаются и женщины; есть высшая академия, юнкерское училище, кадетский корпус, гимназии мужская и женская (высшая школа); есть городские училища, частные женские школы, немецкие и английские; есть прекрасные учреждения дамского благотворительного «дружества»: богадельня, дешевая столовая, преимущественно для учащегося юношества, и превосходная школа рукоделия, где обучают кройке и шитью белья и платьев, шитью гладью, плетению кружев, тканью материй и сербского холста. Есть в городе прекрасный парк над берегом Савы, при слиянии ее с Дунаем. Сюда, в «Калимегдан», ежедневно, к семи часам вечера, стекается городская публика. Улицы в городе широкие; на каждом шагу рестораны, где по вечерам полным полно, тротуары заставлены стульями. Судя по количеству ресторанов, можно подумать, что здесь развита уличная жизнь в ущерб семейной; холостая молодежь, несомненно, покучивает, но вообще, здесь царит еще патриархальная жизнь во многом. От скромного дома священника до дома министра вы встретите везде хозяйку, не брезгующую домашним хозяйством. В семье священника, воспитанника Киевской духовной академии, радушно принявшего меня под свой кров, женская половина семьи целое утро за работой на кухне, — а все они образованы, воспитаны и члены хорошего общества, — и так как в Сербии все обедают между 12 и 1 часом, то остальная часть дня освобождается у них для других занятий. Прислуга в доме редкое явление; для черной работы является приходящая поденщица из австрийских немок; сербки не нанимаются в прислугу. Приезжаем мы в дом министра, куда по телефону сообщили о нашем визите; хозяйка благодарит за предупреждение: «Я гладила белье» — просто объясняет она. Уважение к старшим строго соблюдается всеми везде <...>.

Посещали мы разные слои общества, от самых скромных до высших; везде нас встречали радушно, везде обычное угощение: разного сорта варенье, запиваемое холодной водой; хозяйка или дочь ее выходит к гостье или гостю с подносом, на котором стоят чаши с вареньем и стаканы с холодной водой, на каждый стакан есть чайная ложка. За вареньем следует турецкий кофе в крошечных чашечках и местный ликер в шкаликах. Последний так же разнообразен, как и варенье, крепок и вкусен; особенно

хорош ликер ореховый. В жаркое время чрезвычайно приятно угощение вареньем, так как за ним следует почти ледяная вода, которая вообще превосходна во всей Сербии.

С нынешнего года в Белграде открыт русский клуб для желающих учиться русскому языку; для знающих язык клуб служит местом для сближения между собой и практики в языке. В Белграде много лиц, говорящих по-русски. Все эти люди, получившие образование в России: офицеры, бывшие студенты русских университетов и духовных академий, молодые девушки, жены офицеров, русские; давно чувствовалась потребность в таком центре. В первый наш приезд, в прошлом году, мы слышали, что затевается русский клуб, а в нынешнем году нам удалось уже посетить этот клуб. Он имеет хорошее помещение, большой зал и библиотеку: в нем открыты курсы русского языка, читаются рефераты по русской литературе, бывают собрания. В настоящее время он состоит из 200 членов <...>.

Инициатором учреждения русского клуба был, если не ошибаемся, наш посланник в Белграде, Николай Валерьевич Чарыков. Упомянув его имя, не можем не остановиться на этом замечательном русском человеке. Мы не ошибемся, если скажем, что в летописях нашей дипломатии вряд ли найдется имя более популярное среди населения, в котором оно является представителем дружественной державы. Н. В. Чарыков одинаково популярен как среди болгар, у которых он был в 90-х годах политическим агентом в Софии, так и среди сербов, где он теперь русский посланник и полномочный министр при короле сербском, популярен он и среди русских, которые имели с ним дело. Эта популярность Н. В. приобрел тем, что прежде чем быть посланником, он — человек, притом человек русский и славянин, в котором одинаково развито самосознание и русское, и славянское. Это человек доступный для каждого, кто в нем нуждается, и принимающий близко к сердцу нужды каждого русского и каждого серба. Говоря о нем, его иначе не называют, как «Николай Валерьевич»; он дорог каждому сербу и каждому русскому, побывавшему в Сербии. В доказательство общей любви, которой он пользуется в Сербии, приведем следующий факт. В июне настоящего года у Н. В. родился сын-первенец после семилетнего супружества. И что же? Семейная радость Н. В. сделалась общей радостью. Все сообщали друг другу эту радость, как бы свою собственную. Лучшего доказательства не нужно <...>.

В настоящее время Н. В. энергично хлопочет об усилении торговых сношений между Сербией и Россией; также озабочен он насаждением культуры хлопка в Сербии; близок сердцу его и вопрос о воспитании сербского и вообще славянского юношества в России <...>.

Вообще, желательно, чтобы побольше русских посещали славянские земли, а побольше славян — Россию. Особенно желательно, чтобы устраивались экскурсии учащихся по славянским землям. Нынешним летом группа из 20 казанских гимназистов с наставником посетили Черногорию, Задар[2] и Сербию. Мы слышали о них в Белграде; нам рассказывали, с каким радушием их приняли, и как довольны они остались. Побольше таких экскурсий, и добрые плоды их не замедлят сказаться.

Вскоре по приезде в Белград мы имели аудиенцию у королевы, и окончательно ею обворожены. Уже в прошлом году мы вынесли из аудиенции у королевской четы самое приятное впечатление, а теперь, повторяем, окончательно обворожены. Красавица-королева привлекает каждого, кто имеет честь беседовать с ней, умом, простотой в обхождении и приветливостью. Внучка известного Луневича[3], из древнего сербского рода, выбранного народом единогласно в воеводы пред восстанием 1815 года и отказавшегося от избрания в пользу Милоша Обреновича, королева Драга с достоинством носит корону, возложенную на ее голову правнуком того же Милоша[4]. Говоря с нами о политике, королева, между прочим, сказала: «Мы должны стать выше наших личных интересов и чувств», — слова, достойные королевы-патриотки. О глубоком чувстве, связывающем королевскую чету, нечего говорить: оно всем известно в Сербии и бросается в глаза. Королева серьезно интересуется женским воспитанием и расспрашивала нас о программах наших женских гимназий <...>. К этому добавим еще, что королевская чета чрезвычайно доступна. Нередко в местных газетах в отделе «придворные известия» читаем: «Такой-то сельский священник был принят в аудиенции короля или королевы».

* * *

В получасовом расстоянии от Белграда, по линии железной дороги на Ниш, Софию и Царьград, находится прекрасный парк «Торпчидер», любимое загородное место гуляния белградской публики. Туда ежедневно к вечеру направляется масса публики и по железной дороге, и в экипажах, и пешком, а в праздничные дни отправляются с семьями на целый день. Там есть и хороший ресторан, где можно пообедать и поужинать за недорогую плату.

«Торпчидер» — историческое место. 15-го июня 1843 года народная скупщина избрала сербским князем Александра Карагеоргиевича[5], сына

Кара-Георгия, народного вождя, поднявшего в 1804 году восстание против янычар, неистовствовавших в Белградском пашалыке, и положившего первый камень того фундамента, на котором воздвиглась потом независимость нынешнего королевства Сербии. В Торпчидерском парке был убит 29 мая 1868 г. сербский князь Михаил Обренович и мать его невесты, Анка Константинович. Убийцы были подкуплены сторонником Карагеоргиевича, низложенного с престола в 1859 году[6]. В парке же стоит дворец князя Михаила, называемого с тех пор князем-мучеником, и посетителям показывают скромное помещение князя и предметы, которые были у него в употреблении. Все это свято хранится, как реликвия <...>.

По той же дороге, несколько далее Торпчидера, в живописной местности, в горах, покрытых густой растительностью, лежит монастырь «Раковицы»[7], куда в праздничные дни приезжают гулять из Белграда. «Раковицы» — усыпальница дома Обреновичей, нецарствовавших лиц. Здесь похоронены: 1) брат Милоша, Ефрем Обренович, 2) жена его Тамания, 3) дети: Анка, Милош (отец короля Милана), Миска, Екатерина, Любица, Николай, Елена, Стана, Алексия; 4) внуки Ефрема и Тамании: Любица, Иоанн. Здесь же похоронен в ограде церковной, с левой стороны, известный сербский полководец и юнак Васа Чарапич[8]. Он погиб при взятии сербами Белграда. В монастыре хранится грамота Петра Великого, от 30 июля 1701 года на получение ежегодного пособия из России: со смертью известного в России митрополита Михаила пособие прекратилось.

Монастырь этот относится к XVI веку. Церковь небольшая. Отец архимандрит еще молодой человек, любезный, гостеприимный, сердечно расположен к русским. Из числа братии (3 человека) двое воспитывались в России. Монастырь владеет 190 гектарами леса и 50 гектарами пахотной земли (на нашу меру всего 200 десятин) Есть виноградники. В нынешнем году ожидался богатый урожай винограда. За оградой монастыря есть ресторан, где можно пообедать; есть и комнаты, которые можно нанять на лето за недорогую плату. Чудный воздух и прелестное местоположение привлекают сюда многих из Белграда и его окрестностей. Сообщение удобное: железная дорога до станции Раковицы; от станции пешком хорошей дорогой, обсаженной деревьями, ходьбы 20 мин. На лошадях в фаэтоне (4 м.) из Белграда берут 5-6 фр. (динар. в 34-35 коп). Мы дважды посетили монастырь: в первый раз мы приехали взглянуть на него и дали слово отцу архимандриту приехать в другой раз на целый день, что и исполнили перед отъездом нашим из Сербии, причем не можем не вспомнить с благодарностью широкое гостеприимство и сердечное понимание отца архимандрита.

Несколько далее Раковиц по той же железной дороге расположена дачная местность «Киево». Дач еще немного, но есть отель с рестораном, где в праздничные дни играет музыка целый день. В отеле можно иметь комнату в 40 дин. в месяц. Отель стоит у подножия горы, покрытой густым лесом. Здесь на одной даче мы видели градобойную мортиру.

В «Киеве» в праздничные дни собирается масса публики. Вообще, белградская публика в свободное время стремится рассеяться всюду по окрестностям, так как летом в городе нестерпимо душно; у кого нет своего «винограда» (виноградник), тот едет по линии железной дороги в пригородные места. В праздничные дни поезда битком набиты; вечерние же, бесконечной длины, не вмещают в себе всех пассажиров: места берутся с боя, многим приходится стоять. Относительно «виноградов» нужно заметить, что заветная мечта каждого жителя Белграда, среднего состояния, — приобрести свой «виноград» в окрестностях города. Как у нас дача, так у них виноград. Нам случилось быть в одном из таких «виноградов», принадлежащем богатому торговцу, молодому человеку, прекрасному садоводу. Здесь вы видите применение последнего слова науки относительно ухода за виноградной лозой; здесь же вы видите также усовершенствованные русские ульи.

* * *

20-го июля[9], снабженные билетом 1 класса по всем железным дорогам края, мы выехали из Белграда и начали свое путешествие по Сербии. Нас сопровождала молодая девушка из семьи священника Миленковича (нашего гостеприимного хозяина), получившая воспитание в России. День, назначенный для нашего выезда, имел свой смысл. Ставя целью посещение некоторых сел, мы воспользовались тем, что в день святого Ильи пророка был храмовый праздник в селе Ситниках, лежавшем по пути дальнейшего нашего следования. Первая остановка наша была на железнодорожной станции «Младеневац», в часовом расстоянии от Белграда <...>. Город Младеневац[10] возник недавно и, как все новые города, стремится к комфорту. В двух шагах от станции гостиница с рестораном и комнатами для приезжих. Мы зашли в одну из них и увидели комнату с тремя кроватями с чистым постельным бельем по 1 фр. (дин.) за кровать. Сам город чистенький и быстро обстраивается. Он служит торговым центром для окрестных сел: сюда привозят сельские продукты и отправляют их в Бел-

град и за границу. Нет сомнения, что город Младеневац ожидает будущность. Здесь уже встречаются богатые люди, занимающиеся торговлей. Представитель их, г. Баджак, был так любезен, что, по просьбе агента полиции, предложил нам свой экипаж на весь день. Мы с благодарностью воспользовались таким вниманием и выехали из Младенаваца по направлению к селу Ситникам. Мы ехали не одни, а со всей семьей нашего гостеприимного белградского хозяина, священника М. Дорогой мы обгоняли селян, спешивших на праздник; одни ехали в больших красивых тележках, на сытых лошадях, другие шли пешком; женщины несли в одной руке узелки с праздничной одеждой, в другой — расшитые башмаки. Подъезжая к дому священника, мы замечали в кустах переодевающихся селянок. Мы ехали в дом священника с уверенностью, что нас встретит радушный прием, и что приезд многочисленных гостей не стеснит хозяев, так как в храмовый праздник ждут гостей. Сербы, к тому же, чрезвычайно гостеприимны. И мы не ошиблись. Батюшка с матушкой встретили нас радушно. Прежде всего, конечно, хозяйки поднесли нам, как водится, варенье с холодной водой, черный кофе и ликер, а вскоре затем пригласили и к обеду. Один из патриархальных сербских обычаев — это предоставление старшей гостье почетного хозяйского места за столом, где бы ни было, и нам приходилось везде пользоваться этим почетом. Обед начался с творожного сыра, каймака — национального кушанья, которое делается из пенок, — закуски, поливаемой шливовицей, т. е. водкой из слив (шлива=слива); затем следовали: кислое молоко; чорба, соответствующая нашему борщу, сильно наперченная и вареная из курицы (также национальное кушанье); паприкаш, напоминающий наше рагу из курицы, тоже сильно наперченное (паприка=перец): это кушанье, теперь национальное, перешло в Сербию из Венгрии; фаршированные кабачки; ягненок и поросенок, жаренные на вертеле, к ним огуречный салат; сладкое печение и гибаница. Последняя, также национальное кушанье, делается из слоеного теста, переложенного яйцами, сыром и каймаком <...>.

Все эти кушанья обильно поливались ракией и домашним красным вином, довольно крепким; в заключение — черный кофе. И все это обязательно было есть и пить, а день был жаркий. После обеда, отдохнув немного, мы направились к храму, перед которым народ веселился. Тут стояли в разных местах столики с закусками и вином, за оградой же еще жарились на вертеле ягнята и поросята; одни ели и пили, другие танцевали. Мы застали веселье в полном разгаре <...>. Расхаживая между танцующими, мы, к удивлению нашему, не заметили не только ни одного пьяного, но даже подвыпившего; а выпито было много и ракии, и вина. Сер-

бу, как видно, для веселья не нужно быть пьяным. Не слышно было также ни одного ругательного слова. И этот веселящийся простой народ произвел на нас впечатление благовоспитанности, какой мы не встречали нигде на Западе в народе. И если бы в Сербии в средних школах обращали внимание на воспитание, это был бы самый благовоспитанный народ в мире, во всех слоях общества. Но сами сербы говорят, что их не воспитывают. Вот почему в сербском обществе резко выделяются своей благовоспитанностью русские женщины (если только они не побывали на высших курсах) и сербки, получившие воспитание в русских интернатах.

Но вернемся к сельскому празднику. Гуляя между танцующими, мы рассматривали их костюмы. Одежда женщин отличалась разнообразием вышивок золотом на бархатных и атласных корсажах, и шерстью на сорочках из тонкого самодельного полотна и на шерстяных тканых передниках. Замужние женщины имели разноцветные шелковые платки, накинутые на косу и приколотые сверху к косе, спущенные за ушами. Девушки были гладко причесаны с косой, разложенной вокруг головы. Преобладающий цвет бархата на корсаже — темно-синий; встречается и малиновый; пожилые женщины отличались в костюме тем, что сверх расшитого золотом корсажа имели так называемую «либаду», род фигаро с широкими рукавами, обыкновенно темно-синего бархата или черного атласа с узким золотым шитьем по краям. Мужчины все в белоснежных сорочках, выпущенных на шаровары, суживающиеся у колен. На ногах до колен расшитые темные чулки и сандалии из кожи или лапти, считающиеся самой удобной обувью для хождения по горам. Сверх сорочки суконный жилет, расстегнутый, талию охватывает широкий тканный из шерсти пояс. На голове соломенная шляпа-цилиндр с широкими полями. У некоторых парней цветок, приколотый к шляпе; это знак, что он уже избрал себе невесту. На таких народных собраниях выбирают невест; бывает и умыкание в случае несогласия родителей на брак.

Долго любовались мы непринужденным весельем народа; тут же за одним из столиков сидел местный батюшка и другой, гость. Все кругом имело такой вид порядочности! <...>.

Приближался вечер, а нам нужно было еще засветло поспеть в Ораньеловац[11], в курорт «Буковичка кисела вода*»; предстояло еще два часа езды. Дорога здесь не особенно гориста, крутых подъемов нет, и мы быстро ехали по прекрасному пути. Вообще грунтовые дороги в Сербии превосходны, ехать по ним в покойном фаэтоне, среди чудной природы —

* *Кисела вода* (сербск.) — минеральная вода.

истинное наслаждение. В семь часов мы прибыли в Ораньеловац; там все гостиницы оказались занятыми, но нам было приготовлено помещение в доме местного священника. Квартира оказалась удобной, чистой, недалеко от парка. Переодевшись, мы отправились в парк, широко раскинувшийся у подножия высокой горы, с длинными, широкими и тенистыми аллеями. В центре парка источник минеральной воды (кислой), у которого всегда толпится народ с кружками, стаканами и кувшинами. Тут же в двух шагах озеро той же воды. Этой прекрасной водой, которая исцеляет всякие гастрические недуги и полезна в болезнях печени и почек, в малокровии и разных женских болезнях, пользуются бесплатно; ее пьют и здоровые люди, как простую воду; ее подают в ресторанах за обедом и ужином. Ванны из этой же воды, а также горячие железные, при дешевизне их (от 40–80 сант., по нашему от 13–26 коп.) и гонорара врачу (2 франка за визит) привлекают массу больных. Сюда же приезжают и здоровые подышать чудным воздухом. Гостиниц пока три; плата 2 франка за кровать, обед в четыре блюда (порции громадные) от 1 фр. до 1 фр. 20 сант.: ужин в 3 блюда от 80 сант. до 1 франка. Лучшая из гостиниц — «Grand Hotel» к будущему сезону устраивается заново; готовится новая мебель и полный комфорт; комнаты от 3 франков с кровати (1 р. 2 коп.), т. е. полный пансион с лечением будет обходится около 6 франков в день, чего нельзя найти нигде ни на Западе, ни у нас тем более. При всем этом чудное местоположение и воздух, прекрасные прогулки и простота жизни: дамы ходят в парке без перчаток и шляп. Днем парк пустой, т.к. все почти посетители курорта встают в 6 часов утра, берут ванну и пьют воду, затем гуляют; в 12 часов обед, а после обеда все отдыхают.

В день нашего приезда в помещении «Grand Hotel» давался концерт любителей в пользу белградского благотворительного общества св. Саввы. Концерт назначен был в 8 часов, но публика медленно собиралась, хотя плата за вход была весьма умеренная — от 1 фр. и выше по доброй воле. В 11 часов концерт закончился (преимущественно вокальный) и начались танцы, к которым публики значительно прибавилось, танцевали до 3-х часов. Следующий день, воскресный, мы провели в парке, наблюдая за народом, который с утра валил в парк; селяне из окрестных сел приходили с кувшинами к источнику, одни уходили, другие оставались в парке, где с утра играла музыка и шли танцы. Все тот же «коло» без перерыва игрался (по-сербски играть — значит танцевать) до вечера. На площадке, где «игрались», стояли столики, за которыми сидела чистая публика, она же ходила между танцующими, нисколько не стесняясь присутствием простого народа, как всегда пристойного.

Еще день, проведенный в прогулках, а вечером, 22 июля мы отправились обратно, но не в город Младенавац, а в село того же имени, в получасовой ходьбе от города. На этот раз мы ехали в наемном фаэтоне, но это нисколько не умаляло удобства езды. Извозчичьи фаэтоны и лошади в Сербии вообще хороши и относительно недороги; за трех-четырехчасовую езду по горам, с крутыми подъемами, 12 фр. (4 руб. 8 коп). Дорога от Ораньеловаца до с. Младенаваца идет живописной местностью, встречаются крутые подъемы, но лошади дружно бегут; и в 8 часов мы были у цели нашего пути. Мы остановились вместе с нашими белградскими хозяевами в богатой семье, живущей «задругой», которая еще держится в Сербии в некоторых местах и поддерживает зажиточность селян. Эта задруга состоит из 6 мужчин: двух братьев, из которых один, вдовец, имеет трех сыновей, из них два женатых; другой брат, женатый, имеет одного сына, холостого. Старший из двух братьев, дядей, распоряжается хозяйством, но уже не работает; все слушаются его беспрекословно; четыре женщины, между ними старуха, тетка двух братьев, отцов семейств: она уже не распоряжается, но оставила за собой стряпню и приготовление сыров. «Для этого нужны чистые руки», — говорит она. Всем женским хозяйством распоряжается в доме жена одного из дядей. Женский элемент слушается ее также беспрекословно. Живут все непритворно в полном согласии, так как все веселы, что было бы невозможно при несогласии. Да, наконец, задруга держится только общим добровольным согласием. Во владении этой задруги состоит 40 гектаров, что по-нашему составляет 35 десятин (1 серб. гект.=10 тыс. кв. мет., то же, что 2100 кв. саж. с дробью). Из этого количества земли 15 гектаров под пшеницей и кукурузой, 15 — под остальными хлебами: ячменем, овсом, просом; 5 гектаров под лугами, под садом слив — 3 гектара, под лесом — 1 гектар и под огородом — 1 гектар. Высевается: 50 кило кукурузы (3 пуда), в хороший год снимается 9 тыс. кило (543 пуда 330 ф.), пшеницы — 1000 кило (60 пудов), снимается в хороший год 12 тыс. кило (725 пудов). Овес и ячмень не могли нам определить. Сена с лугов снимается 25–30 тыс. кило (1500–1800 пудов). Слив снимается до 200 казанов (котлов). Казан содержит 100 литров; из этого количества получается 7 тыс. литров ракии (=560 ведер), орехов в хороший год собирается в лесу до 100 мешков, 1 мешок =50 кило=3 пудам, всего 300 пудов. На огороде садится: капуста, перец в большом количестве, горох, фасоль, огурцы, арбузы, картофель, лен. Скота и птиц во дворе: рабочих волов и коров 18 штук, кроме телят; лошадей 3, свиней 30, овец 40, гусей до 20, уток 30, кур неизвестное число («цыплят по осени считают»).

В продажу идет: 1) пшеница, средним числом по 64 коп. за пуд, что составляет, за вычетом семян, 426 руб.; 2) орехи — 1 кило — 40 сант., 5000 кило — 2000 фр. = 750 руб.; 3) птица, свиньи, бычки, бараны, — продажная цена мяса: 1 кило (2, 4 ф.) — 60 сант. — (21 коп.); баранина 1 кило=50 с., свинина 1 кило= 80 сант., гусей пара — 2 фр. 40 сант. (81 коп.); яйца летом 6 штук=20 сант. (около 7 коп.), а зимой 1 штука=10 сант.

Остальное: кукуруза, ячмень, овес, овощи, часть овец, поросята, вся ракия из слив идет на домашнее употребление. Оставляется также небольшая часть пшеницы. Итак, вот что имеет сербская задруга из 5 рабочих с семьями на 35 десятинах суглинка, требующего удобрения! При этом вся одежда приготовляется дома: изо льна ткут полотно, из овечьей шерсти — сукно для мужчин и материи для женщин на юбки и передники, а также ковры, которыми покрывают постели. Соломенные шляпы плетут мужчины из пшеничной соломы, зимние барашковые шапки делаются также дома. Таким образом, на свое содержание и одежду сербский селянин не тратит ни сантима, за исключением ничтожного расхода на соль и сахар (последний идет на угощение), и живет в довольстве. Налогов с этих 35 десятин задруга платит 700 фр. (=238 руб.), налог страшный по сравнению с тем, что платит русский крестьянин, и голодает при таком же количестве земли на семью. Сербская же задруга живет в довольстве: полная чаша в доме, а от продажи части продуктов, за уплатой налогов, остается порядочная сумма, которую сербский селянин охотнее всего употребляет или на покупку сельскохозяйственных машин (в этой задруге имеются сортировки, которыми пользуются и соседи за известную плату) или на прикупку земли, которая в местности Белградского округа очень дорога: 1 гектар — до 2 тыс. фр., или 1 дес. около 700 руб.

Двор этой задруги просторный, строения расположены кругом: два жилых дома, из них один уступается гостям; каждая семья занимает отдельное помещение; кроме амбаров, имеются сарайчики — кладовые на каждые две семьи для хранения одежды, причем у каждой невестки есть свой ключ. И все это сделано из крепкого леса, который в Сербии вообще дорог: в этой местности бревно в 4 саж. длины, в 1/4 арш. в диам. — 7 франк. (2 руб. 45 коп.).

А вот чем угостила нас семья на другой день нашего приезда: к обеду подали: сыр творожный, каймак, чорбу из курицы, суп из курицы с лапшой, простоквашу, паприкаш, ягненка, поросенка и гибаницу, при прекрасно испеченном хлебе, и все это обильно поливаемо ракией и вином. Ужин был почти такой же изобильный. Трудно поверить, если не видишь своими глазами. Конечно, таково хозяйство у богатой задруги. Но почему

она богата на 35 десятинах? А именно потому, что она задруга. И наш крестьянин был бы богат при тех же условиях нераздельного хозяйства и трезвой жизни.

Для ночлега нам уступили целый дом, разделенный на две комнаты: одну маленькую, предоставленную лично нам, и другую большую, в которой поместились все мои спутницы; батюшка расположился под открытым небом. В большой комнате — лавки вдоль стен и одна большая кровать, покрытая ковром домашней работы; в маленькой — только одна кровать. Из патриархальных обычаев задруги отметим: за стол с гостями садятся одни мужчины, женщины же прислуживают; то же и без гостей, вечером, перед отходом ко сну, женщины снимают обувь мужчинам и омывают им ноги.

Все работы в поле производятся на волах, только молотят лошадьми; пашут плугами.

Из этого села, проведя в нем сутки, мы отправились в село Дубоны, расположенное в горах, среди чудной местности (в Смедеровском округе, вообще гористом) и остановились в семье, родственной той, у которой мы были в селе Младенавац. Здесь уже несколько иные условия и иные результаты: земли больше — 60 гектаров, но работников всего два в доме, и хозяйство идет хуже, хотя все же довольство, но меньше, чем в первой задруге. Мы поинтересовались узнать, сколько дворов в селе и как распределено между ними довольство. Оказывается, что на 250 дворов 100 богатых, да 40 бедных, владеющих не более 1 гектаром, остальные живут безбедно. Не правда ли, превосходное состояние села? И это в горах, где обработка поля нелегка, верстах в 40 от железной дороги. В этом селе, как и во всех других, основная школа с четырехгодовым курсом, при обязательном обучении. Школа просторная, светлая, в два отделения. Все школы строятся по одному утвержденному плану. Учитель и учительница получают на наши деньги по 300 руб. в год; содержание школы за счет общины, во главе которой стоит кмет. Здесь мы прогостили сутки, радушно и обильно угощаемые, а отсюда возвратились в первое село, чтобы, переночевав, отправиться в г. Младенавац, куда и пришли пешком утром 25 июля. Дорогой мы встречали селянок с корытами на спине, в которых лежали грудные дети. В городе мы посетили заботливого и внимательного агента полиции и других лиц, так или иначе оказавших нам внимание: везде обязательное угощение вареньем и пр. Мы забыли упомянуть, что в селах, вместо варенья, угощают сахаром с водой. В доме же г. Боджака, хозяина фаэтона, которым мы пользовались в первый день нашего путешествия, нас ждал обильный завтрак. Наконец, около 11 часов, простившись со всеми новыми знакомыми и расставшись с белградскими хозяевами нашими, мы с нашей спут-

ницей сели в вагон и направились на юг. Было ужасно жарко, а в вагоне 1 класса невыносимо.

Наконец, через три часа мы вышли на станции Чуприя (=мост), чтобы ехать на лошадях в монастырь Раваницу. Здесь на станции мы встретились с женой петербургского профессора Л., ехавшей в тот же монастырь с целями научными. М.С.Л. — усердная помощница мужа в его научных экскурсиях по славянским землям. Целью настоящей поездки ее было снять фотографии и рисунки с сельских жилищ и хозяйственных построек, с полевых орудий, с утвари, одежды и т.п. Но ей нужны были остатки старины. Мы, конечно, обрадовались такой встрече и вместе отправились в Раваницу. С нас за фаэтон взяли семь динарий, что по времени езды оказывается довольно дорого, так как дорога ровная и езды один час. Местность здесь не представляет ничего особенного, никаких видов, кроме нескончаемых полей кукурузы; но с приближением к монастырю, держась все время речки Раваницы, притока Моравы, начинается гористая местность, и вместе с тем открываются живописные уголки. Мы ехали в Раваницу с намерением осмотреть монастырь и, переночевав там, отправиться в другой, соседний монастырь Манасия, откуда в тот же день возвратиться на станцию Чуприю. Но предположения нельзя делать в стране незнакомой, да еще такой, как Сербия: здесь приходится отложить всякие планы и предоставить себя на волю судьбы или получаемых впечатлений. Мы, лично, не принадлежим к тому разряду путешественников, которые считают для себя обязательным, приехав в какое-нибудь место, осмотреть (т. е. обегать) все без передышки и затем спешить дальше. Мы не спешим осматривать все по «путеводителю», а бываем очень довольны, когда можем посидеть на месте, наслаждаясь природой и воздухом. И вот, едва монастырь Раваница, расположенный в ущелье, на фоне темно-зеленой, богатой растительности, которой покрыты окружающие горы, предстал перед нашими восхищенными взорами, как наша молодая спутница воскликнула: «Как тут хорошо!». Подъехав к воротам обители, мы вышли из экипажа и двинулись в монастырский двор. Ни души. Отправились на поиски живых людей. Наконец, из церкви вышел старик, от которого мы узнали, что служится вечерня, затем вышел игумен, отец Иосиф, и пригласил нас в свои покои. Как везде, появилось на стол варенье и пр. Сначала разговор не клеился, но, когда отец Иосиф выяснил себе наши личности — из газет он знал, что мы собираемся посетить Раваницу; о приезде г-жи Л. он также знал (с ней были ее племянник, 14-летний гимназист и одна чешка, которая ежегодно с ней путешествует), мы, наконец, разговорились. Отец Иосиф показал нам грамоту Петра Великого, такую же, какую мы уже видели в монастыре Раковицах; показал изящ-

ной резной работы очень маленький складень, принадлежавший, по преданию, царю Лазарю, погибшему на Косовом поле. Затем повел он нас в церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. Все в ней говорит о старине; все стены до самого купола покрыты древней живописью, хорошо еще сохранившейся, изображающей лики святых: следы дикого изуверства турок сохранились на этих ликах: у каждого выколоты глаза <...>.

В церкви Успения Пресвятой Богородицы сохранились дары Петра Великого и Екатерины: евангелие и чаша. Возобновлена церковь в царствование императора Карла VI[12] иеромонахом Стефаном в 1731 году. Это был год восстания сербов, призвавших на помощь австрийцев. В XIX веке храм был обновлен Кара-Георгием и Милошем Обреновичем I.

В первый же вечер нашего приезда в Раваницу отец Иосиф предложил нам прогуляться. Мы поднялись на одну из гор, восход на которую очень удобен, несмотря на довольно значительную высоту ее; с вершины горы расстилаются перед глазами окрестности монастыря на далекое расстояние; воздух замечательно чист и свеж. Для спуска с горы отец Иосиф повел нас другим путем: пришлось сходить по скользкой траве, усеянной камнями, и мы измучились порядком, но это не помешало нам сесть за ужин с волчьим аппетитом, вызываемым необыкновенным воздухом <...>. Стол, предложенный нам, был обильно и вкусно приготовлен; нас кормили скоромно, но отец игумен постил. Дни стояли жаркие, в воздухе не было ни малейшего движения, несмотря на то, что мы жили в горах, — тяжело было предпринимать прогулки. В один из дней, проведенных нами в этой тихой обители, отец Иосиф повел нас в ближайшее село Сэнэ, в дом, где праздновалась «Слава», т. е. день святого патрона того рода, которому принадлежал тот дом. Это был дом среднего достатка. Хозяин немедленно распорядился угощением, и мы обязательно должны были попробовать постного кушанья и выпить вина. Селяне в Сербии строго соблюдают посты, а это была пятница. Тут кстати упомянуть, что в Сербии, в селах, так же чтят праздник пятниц, как и в России. Здесь костюм селянок несколько иной; вообще в Сербии чуть не в каждом селе особого характера женская одежда; дома их также отличаются по разным местностям; нередко в одном и том же селе встречаются разные типы домов. По разнообразным типам сельских домов можно судить о постепенном изменении этих типов — от древнейших до новейшего. Но каков бы ни был тип дома, он крыт черепицей, вследствие чего сербские села производят впечатление городов. При каждом сельском доме обязательно сад со сливами; у некоторых сады большие; таким образом, сербские села утопают в зелени; дома стоят вразброс, хотя и образуют улицы. В селе Сэнэ есть и ресторан, куда селяне заходят вы-

пить кружку пива и побеседовать. Впрочем, рестораны всюду встречаются по сербским селам. Летом главным предметом беседы — урожай; с осени, когда полевые работы закончены и урожай определился, когда начинаются семейные праздники, привлекающие гостей, ведутся разговоры о политике. Зайдя в ресторан села Сэне и заглянув в парадную комнату, мы заметили на стене рядом с портретом короля Александра, портрет Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны. Мы слышали потом, что портреты встречаются в сербских селах нередко.

Вместо одного дня, мы провели в монастыре Раваницы три дня, благодаря гостеприимству хозяина. Отец Иосиф по-русски не говорит, но все понимает; таким образом, мы могли легко объясняться с ним <...>. Наконец, 28 июля мы покинули гостеприимную обитель и на лошадях отца игумена направились к монастырю Манасии. Часть дороги та же, что от железнодорожной станции «Чуприя», но в четвертьчасовом расстоянии от последней она поворачивает на север и идет гористой, живописной местностью, держась все время течения р. Ресавы, от которой в монастырь в древности назывался Ресавой. Название же «Манасия» то же, что «монахия», т. е. рассадник монашества, так как в этом монастыре в XV веке жило много монахов <...>.

Церковь выстроена по одному плану с церковью в Раванице, только обширнее. Живопись древняя на стенах и колоннах сохранилась, но иконостас новый. Глубокое чувство благоговения охватывает вас, когда вы стоите в этом храме и смотрите на его стены, на этих немых свидетелей и участников в стольких событиях: пять веков пронеслось над этим храмом — Великая Сербия пала; — твердыня ее, Ресава, оплот свободы страны, разрушена; в развалинах лежит центр просвещения Сербии XV в.; святыни поруганы, а стены величественного храма стоят несокрушимые — ни рука изуверов, ни рука времени их не тронула. Дождались они лучших времен: свобода вновь воссияла над Сербией и ее сынами, богомольцы опять, бесстрашные, приходят помолиться в тихую отныне обитель. Дождутся ли они, эти несокрушимые стены, того дня, когда Великая Сербия снова <...> окрепнет и станет уже навеки нерушимой?.. Дождутся ли сербы этого дня?.. Вот вопрос, который делают себе лучшие сыны независимой теперь Сербской земли, свободные от рабства турецкого, но, к несчастью, несвободные от старого греха, который был и причиной ее гибели. Несогласия внутренние, так называемые партийные споры, несогласия с соседним братским народом, личные интересы, не имеющие ничего общего с благом народным, — продолжают подтачивать корни могучего когда-то дерева. При этих условиях великая несокрушимая Сербия невозможна. В наши дни, на наших глазах, могучую империю создала не одна какая-нибудь партия, а один дух,

одно чувство: «Deutschland über alles»!* Такое же единое чувство должно сплотить сербскую интеллигенцию с ее народом, которые пока идут врозь. Сербия, как член великого славянского племени, должна отрешиться от всякой партийности и работать на благо родины; а благо ее в неразрывном единении с великим славянским племенем, но не в пресмыкании перед злейшим врагом славянства, Австрией, в объятия которой бросают Сербию те из вождей ее, для которых личные интересы превыше всего. И грустно становится при мысли о том, что сербы сами налагают на себя руку,... и страшно становится за нее. Где же думать о Великой Сербии? Но не одни сербы губят себя: то же делают болгары, хорваты, поляки... А между тем, не за горами для славянства решение вопроса — «Быть или не быть»! <...>

На второй день нашего приезда в Манасию пошел дождь и лил, почти не переставая, четыре дня. Ни гулять, ни уехать мы не могли <...>.

Наконец, 1-го августа погода прояснилась, и мы могли покинуть нашего гостеприимного хозяина и его тихую обитель. Но вместо того, чтобы отправиться дальше по Сербии, нам с нашей спутницей пришлось вернуться в Белград, чтобы запастись теплой одеждой, которой с нами не было; мы же в дождливые дни порядочно намерзлись, а впереди был уже август, следовательно, возможность наступления прохладных дней. Приехали в Белград в 4 часа дня, в 10 часов вечера мы уже ехали назад, желая 2-го числа, день рождения короля Александра, провести в г. Нише, где в этот день бывает парад, так как гарнизон города довольно значителен. Проснувшись в вагоне в пять часов утра, мы подошли к окну и остановились в восторге от развернувшейся перед нами панорамы: поезд шел правым берегом Моравы, которая в этом месте довольно широка; по левому берегу тянулись луга, а за ними цепь живописнейших гор, на которых, среди зелени, пестрели то целые селения, то группы домиков. Мы оторваться не могли от этой картины и простояли так, в немом восторге, целый час. То была местность между станциями Бранис и Пунис, а за ними, в часовом расстоянии, Ниш. В семь часов поезд прибыл в Ниш, и мы поспешили в город, где остановились в гостинице «Европа», в центре города. Гостиница — лучшая в городе, но неважная; ресторан же недурен. Переодевшись, мы отправились в собор, где служил нишский епископ, преосв. Никанор[13]. Храм был полон; налево стояли дамы, направо — военные и представители гражданской власти. Хор пел недурно, некоторые песнопения пелись по-нашему. Преосвященный сказал перед молебном слово с увлечением: он призывал сербов любить свою родину, короля и

* *Deutschland über alles* (нем.) — Германия превыше всего.

королеву. Мы слышали потом, что на служении владыки Никанора собор всегда полон. Владыка же служит каждое воскресенье, если только он в городе. По окончании молебна, после того, как все приложились к кресту и приняли благословение Владыки, мы остались в соборе ожидать выхода преосвященного, чтобы представиться, — владыка уже знал о нашем приезде и ждал нас. Преподав нам благословение и выразив удовольствие видеть нас, Владыка поручил нас молодому священнику о. П., воспитаннику Петербургской духовной академии, следовательно, говорящему хорошо по-русски. Батюшка должен был проводить нас до дома преосвященного; но дорогой нам пришлось приостановиться, так как войска шли на парад, и мы пошли за публикой до места парада. Мы заняли хорошее место, и перед нами прошел церемониальным маршем весь нишский гарнизон: пехота, кавалерия и артиллерия. Надо отдать справедливость войскам: они шли молодцами <...>. По окончании парада мы направились в дом Владыки, который в это время делал визит начальнику гарнизона. Когда мы дошли до архиерейского дома, Владыка уже вернулся и ожидал нас. Радушно, чисто по-родственному, встретил он нас и пригласил разделить в ним трапезу; но предварительно дождался ответного визита генерала, который приехал с адъютантом. Оставшись одни, мы направились в столовую. К столу приглашены были два священника и племянник Владыки, получивший образование в России. Оказалось, что и Владыка строго держится патриархального обычая, гостье предоставить за столом почетное место.

Владыка Никанор, бывший воспитанник Киевской духовной академии, сохранил любовь к России, и все русские, посещающие его, — желанные гости. Он хорошо говорит по-русски, хотя давно уже оставил Россию. Как человек просвещенный, Владыка занимается наукой и издал несколько исторических трудов, между которыми главнейший «История сербской церкви». Энергичный, честный, прямой, не терпящий фальши, неутомимый работник (Владыка присутствует также в Сенате[14]), он неизбежно должен был нажить себе врагов среди духовенства, непривыкшего к дисциплине. Не могут любить его и двуличные люди, а такие встречаются на всех ступенях общественной лестницы. Но Владыка Никанор неуклонно идет своей прямой дорогой, не смущаясь ни дерзкой клеветой, ни всякими низкими интригами. Паства чтит и любит его; честные люди его уважают, а Россия имеет в нем нелицемерного друга. После обеда мы возвратились в отель, и, отдохнув, воспользовались радушно предложенным нам Владыкой экипажем и, в обществе племянника его, отправились за город. В этот день мы побывали на Нишских минеральных водах, где в

праздник собираются окрестные селяне и под звуки балалайки отплясывают свое «коло». И здесь мы наблюдали ту же порядочность народа. В Нише увидели мы другие женские костюмы, более простые: белая сорочка, юбка шерстяная и передник тканый. Юбки обыкновенно пестрые, преимущественно полосатые; по темному фону яркие полосы — красные, желтые, синие и зеленые. Здешние передники особенно красивого, очень пестрого узора. Тут же, в этой Нишской банье, на возвышенном месте, почему-то воздвигли королевский павильон; кроме деревянного остова, он весь стеклянный; внутри, сверху донизу, убран красивыми пиротскими (из города Пирота) коврами и диванами, покрытыми такими же коврами <...>.

На следующий день мы опять воспользовались гостеприимством Владыки, обедали у него, а после обеда в его экипаже отправились за город; были в монастыре св. Пантелеймона от XII века. В церкви на всех иконах прибиты к дереву плашмя серебряные руки и ноги, как приношение страждущих, молящих об исцелении. Кроме маленькой церкви, от монастыря ничего не осталось; затем побывали в «винограде» Владыки, расположенном по склону горы, откуда открывается великолепный вид на город и окрестности.

Возвратившись в город, мы заехали к радушному и внимательному Владыке, чтобы поблагодарить его за сердечный прием и внимание и проститься с ним. Рано утром мы ехали с поездом на «Враньску банью»[15] — (минеральные воды) по дороге Ниш — Скопле.

На железнодорожной станции в Нише мы нашли предупредительное внимание комиссара полиции, который был весь к нашим услугам, и которому мы были обязаны многим всякий раз, когда останавливались на этой станции.

Дорога до станции «Враньска банья» довольно однообразна, и только в одном месте, где поезд идет между скал, на одной из них резко выделяется громадный камень, который издали имеет фигуру женщины, почему прозван «Момин Камень».

От станции до самого курорта идет дорога аллеей, езды всего минут 20, так что путник без багажа может легко пройти это расстояние пешком. Фаэтон берет три франка. С приближением к курорту уже начинают показываться горы, и к нему чем ближе, тем ближе и горы; наконец, вы въезжаете в прелестное местечко, окруженное с трех сторон горами, покрытыми богатой растительностью. Это и есть «Враньска банья», известная своим горячим серным источником в 75 градусов по Цельсию. В центре находится небольшой парк, в котором целый день бегают дети или

сидят в креслах больные. В глубине парка стоит ресторан с хорошим буфетом; тут же в парке столики, за которыми обедают и ужинают. Направо тянется длинное двухэтажное здание, в котором помещается гостиница, отличающаяся особенной чистотой и недорогой платой: в нижнем этаже с кровати берут два фр., во втором — полтора. В ресторане за пансион берут три франка, но выгоднее брать порциями, которые громадны и дешевы. Съезд, по-видимому, был большой, так как нам пришлось ждать комнаты несколько часов, но публики не видно, вся она по своим углам. Это — тихое убежище для действительно больных, для людей науки или нуждающихся в отдыхе. Людям, ищущим веселья, здесь было бы скучно, хотя музыка играет каждый вечер, а по воскресеньям бывают танцы. Погулять есть где. Не успели мы занять один из столиков у ресторана, как перед нами стояли представитель местной полиции и врач курорта с предложением своих услуг. Мы поблагодарили их за внимание, но услугами их не воспользовались; мы хотели здесь отдохнуть и собраться с новыми силами для предстоящих поездок. Тут мы познакомились с одним молодым ученым, славистом-филологом, воспитанником Московского университета, профессором Высшей школы в Белграде[16], г. Б. Это, конечно, было для нас приятной встречей, и мы не только отдыхали, но и пользовались интересной беседой. 6-го августа прослушали обедню в небольшой церковке, а затем и краткое, но вразумительное слово священника, который не преминул вспомнить корону Душана, что делают, по-видимому, все проповедники сербские и, таким образом, постоянно напоминают сербам о Великой Сербии. Вечером 6-го мы отправились обратно в Ниш, не забыв купить в «Враньска Баньа» местного производства холст. Враньский округ славится этим производством. Сербское полотно похоже на кисею, но очень прочно, и здесь, на месте главного производства, очень дешево и лучшего качества. Для летних блузок и дамских сорочек незаменимый материал.

В Ниш мы прибыли около 10 часов вечера и остановились переночевать на вокзале, благодаря заботливости станционного комиссара и вниманию местного начальника железнодорожной ветви, уступившего нам служебную комнату. В пять часов утра мы уже ехали на Пирот. Дорога между Нишем и Пиротом особенно красива. Вот над нашими головами сомкнулись скалы-гиганты, и поезд влетел в темный туннель; несколько мгновений, и поезд вылетел на простор, а скалы раздвинулись; еще мгновение — скалы опять сомкнулись; поезд снова влетел в туннель — и это повторяется несколько раз на протяжении нескольких верст, и каждый раз вы видите пред собой другую картину; все те же скалы, а картины разные, одна другой величественнее.

Это место называется «Клисура* пиротская», т. е. Пиротское ущелье. Лучше всего видна эта картина из крайнего вагона III класса, в котором стеклянные двери выходят прямо на дорогу. В Пирот поезд приходит в семь часов утра. Напившись кофе, мы взяли фаэтон и отправились в город. Здесь к нашим услугам был окружной начальник, префект, который был предупрежден о нашем приезде; на железнодорожной станции нас встретил местный агент полиции. Нам хотелось прежде всего познакомиться с производством известных пиротских ковров, которые вы найдете и у маленького чиновника, и в королевском дворце. Ковры красивы и прочны, и в Пироте недороги; значительно дешевле, чем в других местах. Женщины, занимающиеся этим производством, терпят большую нужду, зарабатывая в день всего 20 пар или сантимов (7 коп.), и работают при самых антигигиенических условиях. И летом, и зимой станки стоят в дощатых сараях, и тут, сидя на земляном полу, они работают. Для улучшения их положения образовалось частное благотворительное дружество (общество), задача которого — постепенно увеличивать заработную плату и устраивать гигиенические помещения для работниц.

Королева Драга, приняв под свое покровительство это дружество, оказала ему значительную денежную помощь, а правительство выдало ему заимообразно 50 тыс. франков. Таким образом, бедные работницы могут рассчитывать на улучшение своего положения. Председатель дружества любезно проводил нас в один из этих сараев, а потом и в магазин дружества, где нам показали множество ковров, один другого лучше, при весьма умеренной цене от 12 до 50 франков (от 4 до 17 руб.) Около нас собрались, кроме председателя дружества и окружного начальника, «председник» города (городской голова), сожалевший, что не знал о нашем приезде; директор мужской гимназии и протоиерей городской церкви. Директор гимназии предложил нам взглянуть на его зоологический музей при гимназии, на что мы с удовольствием согласились. Оказывается, что этот музей составлен из представителей местной фауны: «Прежде нужно свое узнать», — объяснил нам почтенный педагог. И, действительно, у нас, например, изучают фауну австралийскую, а своей не знают! Музею Пиротской гимназии положено начало три года тому назад; в нем собрано уже 150 экземпляров, начиная с галки и собаки, и кончая орлом-кондором и медведем. Мы застали в прихожей гимназии сторожа, потрошившего какую-то рыбу, чтобы приготовить из нее чучело для музея. Каждый преподаватель гимназии добровольно обязался к началу учебного года

* *Клисура* (сербск.) — ущелье, теснина.

предоставлять по одному экземпляру; таким образом, музей создается без всяких затрат на него, исключая расходов на шкафы. Чрезвычайно симпатичное учреждение, достойное подражания! Свое, свое прежде всего! Так в Сербии завелся обычай: гимназисты, окончив курс, исхаживают пешком всю Сербию; в этом та же идея: свое прежде всего! Из гимназии мы перешли в скромную квартиру директора, где нас угостили обычным вареньем и пр. Побеседовав о России и Сербии, мы простились и отправились с батюшкой посмотреть его новую церковь. Храм большой, просторный; иконостас прекрасной резной работы в несколько ярусов, кафедра также резной работы, все из ореха; работал серб из Македонии. Тут же большая икона, присланная Петербургским славянским обществом. Но что нам особенно понравилось, так это широкая крытая галерея вокруг всего храма. Чрезвычайно практично! Затем водили нас взглянуть на развалины крепости римских времен: осталась еще целая стена. Ведь Пирот — один из древнейших городов края досербского периода. Кроме производства ковров, Пирот славится еще и местным сыром. Осмотрев наскоро все, что заслуживает внимания, мы поспешили на вокзал, чтобы с часовым поездом ехать дальше на Цариброд[17] и Софию. До Цариброда нас провожал префект и станционный агент полиции. Пробыв в Софии пять дней, мы возвратились в Ниш, опять переночевали на вокзале и с ранним поездом направились к Алексинацу. Этот город дорог нам, русским, тем, что там на горе высится памятник на братской могиле воинов, павших в 1877 году[18]. Памятник этот виден с дороги. Алексинац замечателен производством прекрасной глиняной посуды, керамик: ваз, кувшинов и пр., которые на месте продаются весьма дешево. Так, например, две большие вазы можно иметь за семь франков. На станции мы взяли фаэтон и отправились в курорт «Соко — (сокол) банья»[19]. Езды четыре часа за 10 франков.

Дорога от Алексинаца чрезвычайно живописна: опять цепь гор, опять гиганты-скалы, которыми так богата красавица-Сербия: описывать красоту каждой проезжаемой местности невозможно; с одной стороны, приходится повторяться, с другой — не хватит красок и слов для изображения всех красот природы: нужно их видеть, хотя бы только на хорошей фотографии, чтобы возыметь желание видеть на месте. Нам кажется, что хорошо было бы кому-нибудь, хотя бы Петербургскому славянскому обществу, устраивающему всеславянскую выставку в 1904 году в Петербурге, заняться изданием фотографий всех живописных мест в славянских землях, для чего командировать нескольких хороших фотографов. Таким образом, русские люди сначала познакомятся с славянскими землями по фотографиям, а потом, заинтересовавшись, пожелают познакомиться с

ними и лично. А это давно пора. Русские люди изъездили Европу, а многие ли побывали, хотя бы, например, в Праге, которая, однако, лежит на большой дороге в Западную Европу и славится своей красотой и культурой? Мы чуждаемся всего своего, и русского, и славянского, потому и отстаем от других, которые считают для себя обязательным прежде всего изучать свое. В этом весь секрет успеха в культуре. Мы не знаем, что у нас есть, чего нет. Нередко случается, что за границей мы восхищаемся красотой и дешевизной какой-нибудь вещи, покупаем ее, а потом оказывается, что у нас есть такая же вещь, не хуже и не дороже, а иногда и лучше, и дешевле. Итак, просим Петербургское славянское общество познакомить русское общество с несравненными красотами славянских земель. Тут и Кавказ, и Швейцария, и Тироль, и ни то, ни другое, ни третье, а своя собственная красота. Стены каждого отдела на выставке могли бы быть убраны видами соответствующей славянской земли. Сколько художественного наслаждения испытали бы русские люди, и как продвинулось бы развитие в них славянского самосознания!

Вернемся к дороге в Соко-банью. Мы много слышали в Сербии о Соко-банье и вот, наконец, приехали. Сама по себе Соко-банья не представляет ничего особенного: небольшой парк из молодых акаций. Это дерево встречается решительно всюду на Балканском полуострове; от него никуда не уйдешь: в парках, садах, на улицах, на дорогах — все акации, да акации. Это объясняется тем, что это дерево быстро растет и дает скоро тень. Гостиница в Соко-банье одна, большинство посетителей нанимает комнаты в частных домах; обыкновенная плата с кровати два франка; прекрасно устроенные ванны холодной и горячей воды; горячий источник тут же. И чем привлекательна Соко-банья — это окрестностями. Прогулкам пешком, экскурсиям в экипаже нет числа <...>.

Ездили мы еще в экипаже в село Йотовицы, в часовом расстоянии от Соко-баньи; это был день Успения; там был храмовый праздник, и мы застали танцы. Подъезжая к селу, мы встречали возвращающихся с праздника селян; все в праздничных одеждах: все та же благовоспитанность в народе и трезвость. Сельский учитель предложил нам взглянуть на школу: прекрасное здание; две просторные классные комнаты, в одной занимается учитель, в другой — учительница. Комнаты аршин в 6 высоты; в них еще шесть рядов парт, по 8 мест в ряду; четыре больших окна. Учитель имеет две большие комнаты. Такие школы в каждом селе.

Этой поездкой мы закончили наши экскурсии из Соко-баньи. Благодаря предупредительной заботливости уездного начальника (капитана) г. М. и вниманию семьи протоиерея Марковича, дочь которого воспитыва-

лась в России, и местного врача и его супруги, гг. Георговичей, трехдневное пребывание наше в Соко-банье было обставлено полным комфортом; прекрасная комната была для нас приготовлена в лучшем частном доме, и мы имели возможность сделать интересные экскурсии, как пешком, так и в эпипаже.

16 августа мы оставили Соко-банью и поехали обратно чрез Алексинац на железнодорожную станцию и сели в последний раз в сербский вагон. Утром 17-го мы были в Белграде. Время было собираться домой, и 19-го вечером мы пересели на сербский пароход «Николай II», шедший вниз по Дунаю.

Итак, какой же вывод сделаем мы из нашего объезда части Сербии? Красавица Сербия производит на туриста чарующее впечатление; на каждом шагу дивное местоположение, едешь ли по железной дороге или в экипаже: земля плодородная, климат прекрасный, по всей стране превосходные грунтовые дороги и шоссе, отличные извозчичьи экипажи для экскурсий и сравнительно недорогие; прекрасные целебные минеральные воды в разных местах края; и хотя курорты ждут еще своего окончательного устройства, но для неприхотливого человека есть все, что нужно; и жизнь, и лечение там весьма дешевы; а по своей силе целебные источники не уступают таким же источникам в Западной Европе, серный же источник в Враньской банье превосходит все ныне известные. Вообще же, это курорты для людей небогатых. Народ сербский — народ гостеприимный, благовоспитанный, умный, трезвый, трудолюбивый, живет в довольстве; он сыт, хотя и платит громадные налоги. Есть, конечно, и люди бедные между селянами; это те, у которых не более одного гектара на двор (2100 кв. с.), и они не знают, как приложить свой труд к этому клочку земли; но с распространением по Сербии учреждения агрономов-руководителей, начало которому положено в Крагуевском округе, малоземельные научатся извлекать из земли то, что она может дать. Мы слышали от одного землевладельца в Ораньеловце, что, благодаря такому агроному-инструктору, округ Крагуевский может нынче продать винограда на 1 млн. франков. Школы народные прекрасны, и сельский учитель сыт. Духовенство, живущее только от прихода, живет также в довольстве; каждый приобретает свою собственность и живет в ладу с народом. Уездная полиция, насколько мы могли судить по лицам, с которыми познакомились в разных местах Сербии, весьма приличная: между ними встречаются и люди с высшим образованием. Все это дает право считать основы сербской культуры здоровыми и обещающими дальнейшее правильное развитие; есть, значит, право мечтать о воскресении былого величия. Да, если бы Сербия была

где-нибудь в стороне от жадных взоров и аппетитов других культурных народов, при таких основах можно было бы быть спокойным за будущность Сербии; к несчастью, действительность не такова; жадные соседи не дают ей покоя, хотя и убаюкивают лживыми песнями: они навязывают ей свою культуру, убивая ее собственную, экономическую и умственную. Она стоит на очереди быть поглощенной ненасытным немцем под флагом ли Германии или Австрии. Тяжелая, упорная борьба предстоит Сербии, прежде всего борьба культурная и экономическая, и время для этой борьбы уже настало, но пока не видать ее еще. Взамен этой здоровой борьбы идет борьба партийная, болезненная: узкие партийные счеты поглощают массу сил и времени и отвлекают представителей народа от серьезных задач. Это печально, но верно, ибо иначе чем объяснить то, что плодородная страна, богатая каменноугольными копями, с умным, честным, трезвым и трудолюбивым народом очутилась в экономическом отношении на краю пропасти? Непроизводительные расходы на содержание многочисленной бюрократии, неразумные расходы на представителей народа в скупщине (15 фр. суточных, когда жизнь в белградских гостиницах стоит четыре франка), в то время когда офицеры и чиновники по несколько месяцев сидят без жалованья; все это свидетельствует, что «отцы народа» мало думают о благе народа и страны и об их будущности <...>. Беспрестанная смена министерств; люди с высшим образованием, сидящие без дела в ожидании, когда, при смене министерства, для них очистится место, чтобы в свою очередь, в непродолжительном времени, уступить свое место другим. *Кому** же думать и *когда* о серьезных задачах, об экономической независимости страны прежде всего? Партийной борьбе все приносится в жертву. Тимокская и Нишско-Митровицкая железная дорога ждут своего осуществления, ибо без них — с продолжением дороги через Черногорию до Антивари[20] — нет экономической независимости для Сербии; и для этого не должно быть жертв, пред которыми можно было бы остановиться. В этой дороге заинтересована и Россия, которой немцы стремятся запереть выход в Босфор, и уже первые шаги к тому сделаны: соединение Одессы прямым путем чрез славянские земли с Адриатическим морем доставит России неисчислимые выгоды, а Сербию и Черногорию сделает экономически независимыми.

Будем же надеяться, что лучшие люди Сербии, рука об руку с молодым королем, одолеют внутреннего врага и поведут ее по пути правильного экономического и умственного развития, *вне влияния своего врага-соседа*[21]. В этом влиянии могила Сербии <...>.

---

* Здесь и далее выделено в оригинале.

Примечания

[1] См. комментарий 5 к воспоминаниям В. А. Гиляровского

[2] Задар — город в Хорватии, порт на Адриатическом море. С I в. н. э. — римская колония, с VI — центр византийского управления Далмацией. В IX в. город вошел в состав Хорватского королевства. В 1107 г. признал власть Венгрии. В 1409–1797 гг — под властью Венеции, с 1897 г. — Австрии. С 1918 по 1947 гг. — принадлежал Италии. По Парижскому мирному договору передан Югославии.

[3] Луневица Никола — дед королевы Драги — воевода во время Второго сербского восстания, соратник князя Милоша Обреновича.

[4] Е. И. Витте не совсем точна — Александр Обренович являлся правнучатым племянником Милоша Обреновича.

[5] Автор опять же ошибается — Александр Карагеоргиевич был провозглашен князем Сербии Народной скупщиной, собравшейся на Врачаре, 14 сентября 1842 г.

[6] Князь Александр Карагеоргиевич был низложен с престола в 1858 г., по решению Свято-Андреевской скупщины, вернувшей в Сербию династию Обреновичей.

[7] Раковица — монастырь под Белградом. Первое его упоминание относится к XVII в. Главный храм — церковь Святых архангелов Михаила и Гавриила.

[8] Чарапич Васа — герой Первого сербского восстания, воевода.

[9] 1902 г.

[10] Правильно: Младеновац — город в Шумадии. Основан в 1882 г., как станция на железной дороге Белград-Ниш.

[11] Правильно — Аранджеловац.

[12] Карл VI Габсбург — император Австрии (1711–1740).

[13] Никанор (в миру — Никанор Ружичич (1843–1916)) — епископ Нишский, член Сената.

[14] По конституции 1901 г. в Сербии была введена двухпалатная парламентская система. Сенат — верхняя палата сербского парламента.

[15] Враньска баня — известный курорт в южной Сербии, вблизи города Вранье.

[16] Витте, вероятно, ошибается; следовало — Великой школы в Белграде.

[17] Цариброд (ныне — Димитровград) — город в восточной Сербии, на границе с Болгарией. Вошел в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1920 г.

[18] Первая сербо-турецкая война, в которой активное участие приняли русские добровольцы, состоялась в 1876 г. Памятник погибшим добровольцам построен по инициативе генерала М. Г. Черняева на пожертвования русских. Был торжественно открыт в 1881 г. на высоте Руевица под Алексинцем.

[19] Соко-баня — известный курорт в восточной Сербии.

[20] Антивари — итальянское название черногорского порта Бар.

[21] т. е. Австро-Венгрии.

*Евреинов Б. В.**

Статистические очерки Сербского королевства. СПб., 1903. С. 28–60

<...> Города в Сербии населены весьма мало и, в большинстве случаев, мало чем отличаются от больших сел <...>.

Кроме Белграда, Шабца и Смедерева, являющихся посредниками во внешней торговле, а также Ниша, Лесковца, Пирота, Крагуевца и Пожаревца, служащих крупными внутренними рынками, остальные города не имеют большого значения ни в промышленном, ни в торговом отношении <...>.

При все еще весьма слабо развитой фабричной промышленности, широко развитом кустарном производстве, при трудности сообщения за отсутствием железных дорог и при незначительном уровне потребностей, сербские города не могли достаточно развиться. Это все те же села, только с лучшими зданиями, прямыми улицами и несколькими гостиницами. Население их сплошь и рядом, наряду с торговлей или ремеслами, занимается и земледелием, виноделием, плодоводством или скотоводством. Можно сказать, что около 40 % городского населения является до настоящего времени и земледельческим.

В обычное время сербские города представляют в большинстве случаев картину беспробудной и полной спячки. Они оживляются только по базарным дням, когда из окрестных селений съезжаются крестьяне для сбыта своих произведений. Тогда появляются на сцену и местные городские кустари со своими полотнами, коврами, половиками, глиняными, деревянными или роговыми изделиями, о существовании коих в небазарные дни даже трудно подчас догадаться. В обыкновенные же дни в горо-

* Евреинов Б. В. — русский дипломат, секретарь Российской миссии в Белграде.

дах господствует полнейшая тишина. Все интересы вращаются в узком круге обыденных местных вопросов. Политика, играющая столь видную роль в столице, отходит здесь на задний план, заслоняясь вопросами более существенными и жизненными: ценами на те или другие продукты, урожаями и др. Из общего круга местных обывателей резко выделяются чиновничество и офицерство. И те, и другие жили в свое время иной жизнью, иными, более широкими интересами, и потому местная, во всех отношениях неподвижная, жизнь их мало удовлетворяет. В своих стремлениях хотя бы несколько оживить и разнообразить ее, они устраивают клубы, читальни, спектакли, вечера, но все это находит мало отзыва среди местных обывателей.

По своему нынешнему виду сербские города, особенно расположенные вдали от железной дороги, очень походят друг на друга. Обыкновенно их разрезает на две части главная, скверно вымощенная, улица, на которой помещается два-три магазина совершенно универсального характера, гостиница, несколько кофеен, служащих местом свидания для обывателей, десятка два-три лавок с различными предметами потребления, аптека, присутственные места в виде дома окружного или срезского управления, общинного присутствия, управлений лесных смотрителей, агрономов и пр. Главная улица в большинстве случаев пересекает площадь — пияцу, — на которой возвышается церковь и находятся здания местных учебных заведений: начальных и городских школ, гимназий или реальных училищ. В некоторых более крупных городах таких площадей имеется несколько; на некоторых разбиты сады, но большинство городов вышеописанного типа.

Центральную улицу пересекают боковые, большей частью уже не мощеные, на которых, ближе к главной, ютятся всевозможные мастерские: кожевенные, портняжные, слесарные, сапожные, кузницы, тележные и пр.; в восточной и юго-восточной Сербии встречаются также в большом количестве мастерские золотых и серебряных изделий, золотошвейные и горшечные. Далее идут обывательские дома, преимущественно маленькие особняки, окруженные большими дворами и фруктовыми садами.

Дома на боковых и на главных улицах по большей части одноэтажные; двухэтажные встречаются крайне редко и бывают или казенными постройками, или гостиницами. Только в больших городах, как Ниш, Крагуевац, Пожаревац, двухэтажных домов довольно много. В восточной и южной Сербии попадается немало домов турецкого типа, постепенно, однако, приходящих в ветхость и заменяемых домами европейской конструкции, иногда даже с претензиями на новый стиль.

Церкви в городах крайне разнообразны по внешнему типу построек. Большинство походят на католические храмы. Исключение составляют церкви, построенные в самое новейшее время. Вообще церквей бывает в городе одна, редко две. В Белграде, на почти 70-тысячное население, всего 5 церквей, из коих две кладбищенские. Посещаются церкви вообще мало; даже в большие праздники можно видеть церкви на 3/4 пустые. Внутреннее убранство церквей приближается к современному греческому. Иконы почти повсюду написаны очень плохо. В некоторых местах они обезображены серебряными накладками, весьма грубо сделанными, в форме глаз, рук, ног и пр., приносимыми в дар исцелившимися от различных болезней. Иногда в церквах можно встретить украшения и вещи, весьма мало подходящие для храма. Так, в соборе в городе Нише красуется в стеклянной витрине в форме пирамиды знамя местного певческого общества. Нижняя часть витрины окрашена в черную краску, и на каждой из ее четырех сторон изображено по амуру в венке из роз.

Освещение в городах весьма скудное. Отчасти это объясняется дороговизной осветительного материала, отчасти же тем, что в сербских городах жизнь и начинается, и кончается очень рано. Газовое освещение встречается только в Нише и Крагуевце, а электрическое — в Белграде, Чачаке, Вальеве и Ужице <...>.

Во многих городах украшением служат казармы, постройка которых была начата за время жизни короля Милана. Казармы эти на вид часто очень величественны и стоили массу денег, как, например, инженерная казарма в Нише, пехотная во Вранье, инженерная и артиллерийская в Зайчаре, кавалерийская в Чачаке. Но внутренность их далеко не отвечает их наружному виду. В г. Зайчаре, например, в казармах нет места для столовой, в других упущено устройство отхожих мест и т.п. <...>.

Сельское хозяйство ведется самым примитивным способом, при помощи простейших орудий. Железные плуги входят постепенно в употребление лишь в самое последнее время. Молотят хлеб преимущественно лошадями или волами; конные молотилки встречаются довольно редко и то только в Мачве. Паровых молотилок имеется две-три на все королевство. Веют почти повсюду при помощи лопат.

Рассмотрим теперь общее благосостояние сербского крестьянского населения. Проезжая через сербские селения, невольно поражаешься тем благосостоянием, которым, по-видимому, они наделены. Крепкие просторные дома, иногда ничем не уступающие городским, окруженные садами с фруктовыми деревьями, дворами с такими же прочными и обширными хозяйственными постройками, около которых бродят коровы,

волы, козы, овцы, свиньи, разные домашние птицы, — все это производит впечатление чего-то зажиточного, вполне свободного от забот и тревог о завтрашнем куске хлеба. Если и попадаются развалившиеся или полуразвалившиеся лачужки, то они пропадают в общей массе зажиточных построек.

На самом деле, благосостояние сербского крестьянина далеко не одинаково в различных местностях королевства. Самые богатые крестьяне встречаются в Мачве. Жители долин гораздо богаче горных обитателей. Но в общем благосостояние гораздо ниже, чем было раньше, и ниже того, которое могло бы быть.

Причины этого упадка благосостояния зависят в одинаковой степени и от государства, и от самих крестьян.

Первой из этих причин является сильное повышение налогов. Рост последних особенно усилился в 90-х годах и наибольшего своего развития достиг в 1898 и 1899 гг. Повышая налоги, государство, однако, не заботилось об увеличении производительной силы народа. Та первобытная система сельского хозяйства, вполне удовлетворявшая нуждам населения 50 лет назад, когда самый крупный собственник не уплачивал за все свое имущество более 10-12 франков годового налога, осталась и до сих пор, когда один только государственный налог достигает 12 франков в год с одного гектара, не считая прочих общинных, срезских и окружных налогов, или так называемых «прирезов». Результатом такого положения вещей является постепенное накопление недоимок за населением, ведущее к продаже его имущества и к его разорению. Правда, по закону, дом и 1/4 гектара усадебной земли не подлежат отчуждению; но зато это отчуждение вполне распространяется на скот, повозки, сельскохозяйственные орудия и пр.

Второй причиной является постепенное распадение «задруг» и данное правительством разрешение делить принадлежащую задруге землю <...>.

Задруги бывают двоякого рода: простые и сложные. В последних, кроме родителей и детей, принимают участие и внуки, а иногда даже и правнуки. В простой же задруге участвуют только родители и дети. Величина задруги определяется количеством в ней мужчин: задруга, в которой мужчин достаточно, называется большой; задруга же, в которой мало или вовсе нет мужчин, называется малой.

Сколько бы человек не входило в состав задруги, она является всегда и везде одной экономической единицей: члены ее умирают и вновь нарождаются, она же существует неизменно до тех пор, пока не уничтожится разделом или вследствие каких-либо иных причин.

В каждой задруге должен быть задружный старшина, которым обыкновенно является отец семьи. Когда отец состарится и является уже неспособным ни к труду, ни к управлению, он передает старшинство одному из своих сыновей, притом не всегда старшему, но наиболее способному. Если он умрет, не назначив старшины, задруга не распадается, но старшиной делается или старший в семье, или иногда один из более молодых, если он на деле показал свои способности.

Кто бы ни был старшиной задруги, он может быть всегда заменен другим, если члены задруги найдут то нужным и полезным.

Управляя задругой, старшина должен советоваться по важным делам со всеми остальными совершеннолетними членами ее, даже и тогда, когда в задруге имеются лишь отец и сыновья. Без согласия остальных задругарей он не имеет права ни располагать имуществом задруги при жизни, ни делать относительно его какие-либо посмертные распоряжения.

На задружном старшине лежит забота о благосостоянии и развитии задруги. Он является хозяином дома; он распределяет работу и между детьми, и между взрослыми, и все беспрекословно обязаны подчиняться его распоряжениям. Он представляет задругу перед властями, на собраниях и сходках; по соглашению с прочими членами задруги он совершает покупки и продажи, хранит задружную казну, уплачивает государственные и иные налоги и проч.

Внутренними делами семьи заведует жена старшины или же, когда ее нет, другая старшая и наиболее опытная и сведущая женщина. Обыденные домашние работы исполняются замужними женщинами, в полях же работают и девушки.

По закону царя Душана, перенесшего в гражданское право народные обычаи, право задруги было основанием права владения. Право на отдельное имущество принадлежит целой задруге. Это право, хотя и измененное в Сербии под влиянием занесенных извне и чуждых ей веяний, сохранилось и до настоящего времени. В деревнях собственниками являются не отдельные личности, но семьи, которым принадлежат не только земля и дом, но и все полевые орудия, скот и урожай с земли. Правда, в каждой семье существует свой старшина; но он не имеет права располагать семейным имуществом. Он не может ни продать его, ни заложить, ни отдать внаем без согласия взрослых членов семьи; он не может распоряжаться этим имуществом и по духовному завещанию. Если наступает время раздела семьи, каждый мужской член ее берет себе равную с прочими часть целого имущества; так же поступает и старшина, так как и он не имеет большего, чем прочие, права на общее имущество. Но, кроме

того, всякий вообще мужской член семьи имеет право во всякое время требовать выдела ему следуемой ему части имущества. По смерти старшины его место занимает другой, но имущество не делится, так как существование задруги, как уже было указано выше, не зависит ни от чьей смерти в семье.

Выгоды подобного задружного устройства ясны. Общая работа на преуспеяние и развитие задружного имения делала то, что задруги благоденствовали, а неделимость имущества и, особенно, земли, не давала образовываться мелким собственникам.

Особенно сильного развития достигли задруги в Сербии во время турецкого владычества. Найдя в Сербии задружную организацию, турки оставили ее, вовсе не вмешиваясь во внутренние распорядки задруг и довольствуясь получением с них податей и переговорами, в случае нужды, с задружными старшинами. Удар существованию задруг был нанесен после освобождения Сербии, когда правительство, заимствовав готовые и чуждые стране законы, применило их на практике, не согласовав предварительно с существовавшими уже там народными обычаями. По этим законам, право семьи на имущество стало признаваться только за большими, сложными задругами, в простых же, состоявших лишь из отца и сыновей, собственность была признана личной, и старшине было предоставлено право распоряжаться ею по своему усмотрению, хотя и с известными ограничениями.

Результатом этого явилось измельчание земельных участков. Далее, при образовании отдельных мелких хозяйств появились случаи обеднения, которых ранее не встречалось. Под влиянием неурожаев или иных причин такое маленькое хозяйство начинало приходить в упадок и не могло нигде встретить себе помощи и поддержки, тогда как при существовании задруг и более крупного хозяйства убытки в одной отрасли хозяйства покрывались доходами в других, да, наконец, в каждой задруге существовал более или менее значительный запасный капитал. Если умирал один из членов задруги, его жена и дети оставались на попечении всей задруги, т. е. в тех же условиях, в которых жили до смерти этого члена. Теперь же, по распадении задруг, если умирал владелец мелкого земельного участка, не оставя взрослых сыновей, его жена сплошь и рядом не была в состоянии обрабатывать землю, входила в долги для уплаты податей, и в результате являлась продажа скота, полевых орудий, земли и полное разорение.

Между тем сознание в народе важности задружного хозяйства начинает пробуждаться в последнее время, но уже не на почве полной общ-

ности земли и имущества, а на почве общности занятий. Так образовались задруги молочные, винодельные, плодоводные и др.

В настоящее время задруги удержались главным образом в горных частях королевства, в Вальевском, Ужицком и Рудницком округах. В долинах задруг почти не существует.

Третьей причиной упадка крестьянского благосостояния является леность самих крестьян, а равно их упорство придерживаться существующей у них первобытной системы хозяйства, результатом чего является то, что земля не дает столько, сколько она могла бы дать.

Крестьяне, собственно, работают в настоящее время над землей не более полутора-двух месяцев в году. Этого достаточно для получения ровно такого количества хлеба и иных сельскохозяйственных продуктов, чтобы, по уплате всех налогов и податей, прожить без особой нужды до будущего года. Поэтому крестьяне не дают себе труда распахивать имеющиеся в их владениях целины или улучшать свое хозяйство, а равно возможно более эксплуатировать все отрасли последнего. При этом нельзя, однако, сказать, что сербские крестьяне настолько ленивы, чтобы безусловно отказываться от труда, если от него они получают выгоду. Напротив, раз они убедятся на деле, что тот или иной способ ведения хозяйства, те или иные улучшения и нововведения могут действительно доставить им существенную выгоду, они охотно применяют их. Но для этого необходим наглядный и убедительный пример <...>.

Таким образом, мы видим, что крестьянское благосостояние под влиянием вышеуказанных причин постепенно падает, и далеко не то, каким оно было раньше, и каким могло бы быть.

Следует принять во внимание, что почва Сербии в высшей степени плодородна; орошение повсеместно удовлетворительное; урожаи почти всегда бывают отличные. Мы уже видели, что земледелие ведется крайне примитивно, безо всякой системы и при помощи простейших орудий. Масса земли, не только вполне годной, но прямо созданной для посевов, остается нераспаханной. Около Зайчара, например, по направлению к северо-западу, около развалин крепости Гамзиград[1], имеются громадные пространства черноземной земли совершенно не тронутой, служащие только от времени до времени пастбищем для овец. Это небрежное отношение, это неделание улучшений, замечаемое на земледелии, поражает и в других отраслях сельского хозяйства <...>.

После земледелия первой из них должно считаться скотоводство. Подобно земледелию и скотоводство преимущественно мелкое. У большей

части крестьян имеется небольшое количество скота у каждого. Крупных скотоводов встречается сравнительно мало <...>.

Скот в Сербии в общем не отличается высоким достоинством. Между тем порода его не улучшается. С одной стороны, такое улучшение путем скрещивания местного скота с выписанными лучшими породами и не под силу мелким хозяйствам в Сербии. С другой стороны, этому улучшению мешает халатное отношение самого населения, вполне довольствующегося тем, что оно имеет <...>.

Благодаря климату, в Сербии вполне свободно созревают на открытом воздухе виноград, яблоки, груши, сливы, абрикосы, персики, черешни, вишни, айва и фиги <...>.

Вообще плодоводство ведется по самому примитивному способу. Фруктовые деревья, в большинстве случаев, растут предоставленные самим себе. Нельзя не упомянуть об одном очень оригинальном способе культивирования фруктовых деревьев, практикуемом довольно часто среди крестьян. Не желая затрачивать труды на окапывание деревьев, они пускают в фруктовые сады свиней, которые, копаясь в земле, до некоторой степени заменяют заступы. Все лучшие сорта фруктовых деревьев были посажены еще за время турецкого владычества, так как турки особое внимание обращали на плодоводство. В настоящее время мало кто заботится о посадке новых деревьев и лишь более или менее поддерживаются старые <...>.

Примечания

[1] Гамзиград — крепость в восточной Сербии (недалеко от Заечара). Основана римлянами.

*Амфитеатров А. В.**

В моих скитаниях. Балканские впечатления.** СПб., 1903. С. 81–244

Я застал Белград в медовом месяце упоения новой конституцией[1] и надежд, на нее возлагаемых. Конечно, всякий мед — не без горечи, и уже тогда существовала довольно значительная ультрарадикальная группа, которой «двудомная система»*** не доставляла ни малейшего утешения и удовольствия, а «фузия»****, т. е. слияние напредняков с радикалами, представлялась противоестественной, неискренней, а потому и малонадежной, и недолговечной. Будущее показало, что эти скептики были совершенно правы. Но в общем, не заглядывающем вдаль большинстве, было торжество, ликование и лобызание великое. Даже слишком много торжества! <...>

---

* Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) — русский прозаик, публицист, драматург. В 1885 г. окончил юридический факультет Московского университета. С начала 1880-х годов активно занимался журналистикой, сотрудничая в журнале «Будильник», газетах «Новое обозрение» (Тбилиси) и «Новое время». Путешествия по странам Балканского полуострова (1894–1903) дали Амфитеатрову материал для сборника «Мои скитания. Балканские впечатления» (СПб., 1903; 2-е изд.: СПб., 1907). В 1899 г., вместе с В.М.Дорошевичем, он начал издавать газету «Россия». Но после публикации в ней известного фельетона «Господа Обмановы» газету закрыли, а Амфитеатров был сослан в Вологду. С 1904 г. проживал в Италии и Франции. Во время Первой мирововй войны занял яро патриотическую позицию и в 1916 г. вернулся в Петербург. Октябрьский переворот 1917 г. принял враждебно — в 1921 г. бежал за границу. В эмиграции жил в Италии.

** Поездка А. В. Амфитеатрова в Сербию, описанная им в данном сборнике, состоялась в апреле 1901 г.

*** От сербск. *дводомни систем* — двухпалатная система.

**** *Фузиjа* (сербск.) — объединение, слияние.

Во главе сербского кабинета стоял доктор Михаил Вуич[2], профессор политической экономии, молодой еще ученый, с европейской известностью. Курс его лекций, представляющий весьма ценный научный труд, переведен на несколько европейских языков. Веселый, красивый, энергичный Вуич — и умным подвижным лицом своим, озаренным блестящими черными глазами, и крупной фигурой, и непринужденными манерами хорошо воспитанного человека, и быстрой, эффектной, полной изящных образов и оборотов речью — живо напомнил мне нашего незабвенного для каждого студента-москвича начала восьмидесятых годов Максима Максимовича Ковалевского[3]. Вуич — превосходный оратор и пользуется, — по-видимому, вполне заслуженно — репутацией обаятельного человека. Познакомившись с несколькими радикалами, я убедился, что они просто влюблены в Вуича, и что личное его очарование в весьма значительной доле цементирует вновь созданную правительственную унию. Я неоднократно слышал фразы вроде:

— Никогда бы не пошел на службу к этому правительству компромиссов, если бы не Миша Вуич.

— Оплошал Миша Вуич, что согласился на двудомную конституцию, — но уже теперь нечего делать. Хорошо, что он у власти. Это — гарантия. Надо поддержать Мишу Вуича <...>.

— Оставляя в стороне республиканские мечтания, — говорил мне профессор Вуич, — я вижу в нашей правительственной реформе ту хорошую сторону, что она, хотя и не гарантирует нашей демократии большой свободы развития, но, по крайней мере, является довольно надежной страховкой против опасности сделаться игрушкой цезаристического авантюризма, подобие которого уже нарождалось при Милане.

Все официальные бумаги в Сербии, визитные карточки служащих во всех правительственных учреждениях, офицерские и чиновничьи униформы облечены в траур по Милану[4] — самый формальный и неискренний политический траур в истории нашего времени! Потому что не было серба, который явно или тайно не радовался бы его смерти. В разговорах с великими и с малыми я одинаково слышал откровенные фразы:

— Бог сжалился над Сербией и взял к себе Милана.

— Как вовремя умер Милан!

И даже в высшем министерском кругу раздавались политические остроты, что, мол, вот — Сербия, измученная, потерявшая все средства и голову, совсем было ринулась в пасть Австрии: глотай! Твое счастье!

— Но тут король Милан нашел, что пора и ему совершить для Сербии хоть какой-нибудь патриотический поступок: он взял и умер. Да еще как

ловко умер-то: в Австрии, — и дал предлог Францу-Иосифу[5] смертельно оскорбить нашего короля, отказав ему в праве перевезти прах отца для погребения в сербской земле. Король теперь слышать равнодушно не может об Австрии и ее императоре, — а это лучшая гарантия, что мы останемся вместе с Россией.

«Остаться вместе с Россией», — было всеобщим задушевным желанием, общим, громко и твердо провозглашаемым девизом.

— Мы стоим на границе политических жизни и смерти, — говорили белградцы. — Жить мы можем, только ухватившись за руку России. Отдернет она свою руку, или мы сами потеряем ее по нелепому капризу, как было при Милане, — и мы должны умереть, как свободная нация, как народ будущего: наш удел — политическое и экономическое рабство у Австрии, немецкие кандалы.

При том резком противоавстрийском настроении, какое застал я в Белграде, сербам, конечно, оказалось неизбежным вызвать, — по пословице: «Как аукнется, так и откликнется», — подобное же резкое настроение против сербов в Австрии. Действительно, австрийцы тогда и говорили, и писали о Сербии, сербском народе, сербском короле, о королеве Драге, Бог знает что.

А тут еще подоспел пресловутый скандал с ложной беременностью... Противно было читать, как газетная «злоба дня», в особенности устами австрийской печати, трепала имя и репутацию женщины, врываясь в интимнейшую сторону ее жизни, смакуя и расписывая чуть ли не альковные тайны. Бедная Драга! Последняя работница-поденщица в сербском государстве имеет естественное, человеческое право на уважение и скромность в отношении к ее женской физической жизни, но королеве сербской в том отказано: она почему-то очутилась вне общего закона. Над ней и несчастьем ее злорадно острили, издевались, сплетничали и намекали мерзости. Бедный король Александр! Последний нищий в его государстве может найти управу самосудом или у власти против негодяя, который, подглядывая в щелку за женой его, стал бы распространять гадкие слухи о ее теле, недостатках, привычках, болезнях, но король сербский оказался бессилен против Загорецких, преследующих его семью то былями, раздутыми из мухи в слона, то небылицами, созданными чьим-либо злобным и распутным, мстительным воображением. Кошке и собаке никто не препятствует скрыться, чтобы родить, в темный уголок чердака или погреба, где не увидит ее глаз ни человека, ни зверя, но от королевы требуют, чтобы самый таинственный и значительный акт ее женской жизни совершился во всеобщее сведение, только что не на глазах у всех, — в стеклянном

доме. Если бы о женщине частного круга доктора сообщили интервьюеру хоть одну десятую тех слухов и толков, что занимали в то время целые колонны в газетах Вены, Будапешта, Рима, — семья могла бы судебно преследовать и газету, и доктора, как нарушителя врачебной тайны. Но с женщиной, имевшей несчастье взобраться на королевский трон, стеснения излишни.

И именно — с женщиной, взобравшейся на королевский трон, а не рожденной на нем. Я уверен, что, будь королева Драга, до брака своего, принцессой крови, — ее несчастье не только не обсуждалось бы в печати, но было бы совершенно замолчано даже врагами ее, как простой физиологический казус, о котором неловко распространяться и которым совсем уже гнусно пользоваться в качестве оружия против женщины. Нет династии, в которой были бы только счастливые, легкие рождения. Над царственными семьями так же, как и над семьями простых смертных, тяготеет первобытный библейский завет: «В болезнях будеши родити чада». Однако о том, как и когда проявляются болезни деторождения, общающие единством своим королев с поденщицами, не только не «позволительно», но и не принято публиковать во всеведение, — в уважение того же стыда, что препятствует порядочному человеку говорить пред посторонними о физических женских недостатках своих родственников, приятельниц, знакомых, хотя бы недостатки эти были ему хорошо известны. Как будто нет бесплодных принцесс! Как будто у принцесс не бывает неправильных родов, выкидышей и т. п.! Но когда, где что-либо подобное вызывало такую гадкую, злую радость, как несчастье Драги? Никогда и нигде. Напротив: поскольку такие события становились известными публике и доступными к оглашению в печати, они всегда обсуждались с почтительным сожалением, с сочувствием к женщинам, ставшим их жертвами. А тут — именно восторг! Буржуазный, ехидный восторг мелкой, пошлой зависти к человеку, которому повезло. Так ведь и чувствуется между строк, в шипении какой-нибудь «Neue Freie Presse»[6], так и слышится: «Хи-хи-хи! А еще королева! Хи-хи-хи!.. Вот тебе и королева!..». Подленькое, злобненькое, беспросветно буржуазное, захолустное подхихикиванье <...>.

* * *

Я был принят королем Александром в аудиенции, продолжавшейся сорок три минуты.

Отношения в белградском конаке просты, — гораздо проще, чем в софийском, где этикет прежде был весьма строг, а теперь только довольно строг, и прежде, чем очутиться в кабинете князя Фердинанда, вы должны пройти через несколько придворных инстанций, передающих вас одна другой с рук на руки. В белградском дворце меня встретил дежурный офицер, — не спросив никаких пропускных билетов и удостоверений, ввел в приемную, где и оставил одного на добрые двадцать минут: я приехал раньше назначенного срока. Обстановка приемной весьма богата, в коврах, в дорогом оружии по стенам, с восточными тахтами, усыпанными подушечками, с множеством наргилэ и т. д. Это — отнюдь не зал «дворца», а просто хорошо убранная комната в доме частного человека, с прекрасным состоянием и художественным вкусом. О частном же быте, а не о дворцовой натянутости, говорили звуки, доносившиеся ко мне в мое одинокое ожидание. Где-то за стеной глухо гудел оживленный разговор: потом оказалось, что этот гул доносился именно из кабинета короля, принимавшего ранее меня министра народного просвещения, г. Маринковича[7]. С другой стороны, за дверями, завешанными портьерой, шаркали половые щетки, и прислуга, не стесняясь, громко переговаривалась между собой. Все это вместе производило впечатление дома с широко растворенными дверями. Видно, что король Александр не боится своих посетителей и не принимает в отношении их никаких предосторожностей*. В двадцать минут, которые я просидел один-одинешенек, без всякого надзора, — лишь под самый конец ожидания пришел какой-то почтенный старичок, тоже получивший аудиенцию, — даже самый неловкий злоумышленник, конечно, успел бы начинить динамитом все наргилэ, тумбочки и безделушки красивой комнаты, в количестве, совершенно достаточном, чтобы взорвать на воздух три четверти маленького Белграда.

Пришел гайдук — здоровый, толстомордый парень с плечами в косую сажень, поклонился, широко распахнул дверь, сказал:

— Извольте!

И вот — через маленькие сени — я в скромном маленьком кабинете маленького сербского короля, и он сам встает ко мне навстречу из-за маленького письменного столика.

Король Александр, вследствие небольшого роста и — употребляя выражение старое, но вполне подходящее в данном случае, — субтильного сложения, кажется еще моложе своих двадцати шести-семи лет. Мое пер-

---

* Время это осталось позади. Теперь совсем уж не то... (Примечание А. В. Амфитеатрова 1903 г.).

вое впечатление было: «Какой черненький мальчик!» Одет он был в черный сюртук, что опять-таки придавало ему вид частного человека: все мы так привыкли во всех странах Европы соединять с представлением о государе блеск военного мундира.

Портреты короля Александра мало похожи. В натуре он гораздо благовиднее, чем передает его черты фотография. К тому же, снимаясь почему-то почти всегда в профиль, который у него вовсе не античный, он закрывает дужкой пенсне свои прекрасные, темно-карие глаза с серьезным взором человека, испытавшего в жизни больше невзгод и страданий, чем обещали ему и его положение, и его, до сих пор еще зеленая, молодость. В те годы, когда бы ему еще развиваться и наслаждаться жизнью, в качестве веселого юного юнкера, король Александр был уже героем тяжелых государственных и семейных драм, претерпевать которые не дай Бог никакому юноше. И драмы эти оставили на нем свою печать. Повторяю: у него глаза душевно усталого человека. Он смотрит решительно, говорит твердо и смело, но вы чувствуете: эта решительность, твердость, смелость непрочны: они построены на шатком фундаменте целого ряда крушений житейских, — перед вами человек, глубоко разочарованный в людях своего прошлого, сжегший все свои корабли, чтобы, махнув рукой на их ни к чему не пригодный пепел, начать строить новые. И притом не очень-то верит он и в эту свою постройку... Нервен он страшно, и неудивительно, что под фотографическим аппаратом от всем знакомого, щемящего чувства ожидания, лицо короля всегда успевает сморщиться в неприятную гримасу. Таких людей надо фотографировать моментально, и лучше всего, когда они того не подозревают. Слушает король внимательно и спокойно, как будто запоминая урок, который надо будет отвечать, — говорит же необычайно быстро, сопровождая почти каждую фразу резким, но неуверенным жестом, угловатость которого говорит и о молодости, и о дурном зрении. Манеры его несвободны. В них сказывается позднее перевоспитание короля для положения, которое он занял раньше, чем ждали. Детство Александра не из радостных. Он рос ребенком запущенным, с воспитанием его долго небрежничали.

— Помилуйте! Он, среди разговора, на пол плюет!.. — ужасался один из русских дипломатов, знавший Александра еще совсем мальчиком.

Для начала я поблагодарил короля за прием. Он отвечал:

— Я очень рад принять вас. Вы русский журналист. А с тех пор, как Сербия и Россия идут в политических вопросах рука в руку, надо, чтобы Россия имела совершенно ясное и откровенно высказанное представление о том, что делает и думает Сербия.

Я высказал королю несколько теплых слов по поводу того поворота к русофильско-национальной политике, который так твердо и искусно выполнило сейчас его правительство, и по поводу явного для всякого очевидца внутреннего умиротворения страны через только что объявленную конституцию.

Король отвечал:

— Что касается первой половины ваших слов, скажу: я вовсе не первый, кто понял необходимость такой политики; ее желали и моя мать, и мой отец (?); но они не могли вступить на путь, которого желали, — а для меня обстоятельства сделали это возможным и удобным. Я убедился, что для Сербии возможны лишь два способа существования: или отказаться от национальной идеи и дать дорогу на Балканский полуостров германскому началу, почтительно перед ним сторонясь и ему услуживая, или всеми силами народными и правительственными встать за национальную идею и примкнуть к России, матери-покровительнице всего славянства. Двадцатилетний опыт должен был убедить нас в полной несостоятельности первого способа: народ не хочет швабов, не хочет Австрии, — их нельзя сделать здесь популярными, если бы мы даже того хотели. Серб — прежде всего, всюду и везде серб, славянин, сербом и славянином хочет быть и останется. И правительство, которое желает быть народным, а только народное правительство может быть сильным в нашей стране, не в состоянии проводить в жизнь эту антипатичную, мертвую политику. Оно должно быть национальным, оно должно быть славянским, оно должно опираться не на Австрию, вносящую к нам идеи и рабство германизма, но на Россию, как на символ общеславянских начал.

Чтобы стать на такие основы в политике внешней, мы должны были упорядочить наш внутренний строй. Нам нужно стало правительство стойкое, неспособное колебаться под любым внешним дуновением. Нам нужно стало правительство дружное и неподкупное, с гарантией, что государственные интересы будут им соблюдаемы больше, чем интересы партийные. Нам нужно правительство представителей всей страны, а не политических групп, случайно выплывающих к власти. Такое правительство стараюсь создать я, через объявленную конституцию, соединив, во имя ее, у власти напредняков с радикалами...

— Часть радикалов, — заметил я, — однако, недовольна конституцией, полагая, что излишне и ошибочно политически создавать в Сербии верхнюю палату.

— Есть маленькая, крайняя фракция недовольных, — быстро согласился король. — Но она незначительна и несильна. Да и недовольство ее —

скорее плод недоразумения, чем сознательной оппозиции*. Благоразумнейшая часть, т. е. огромное большинство, поняла, что введением двух палат создается компромисс, образующий единство между партиями, до тех пор исторически разлученными.

— Многие, — возразил я, — находят, что, если понимать вновь созидаемый сенат, как верхнюю палату, палату господ, то для нее в столь демократической стране, какова Сербия, не найдется даже и нужных элементов.

— Как не найдется? Но я уже составил сенат, — горячо воскликнул король, — вот вам лучшее опровержение такого упрека. Это громадное заблуждение, что верхняя палата обязательно представляет собой учреждение аристократическое. Она не может быть аристократической в Сербии, да и у нас нет тенденции делать ее аристократической. Уже прежде всего потому, что у нас нет аристократии. Сербы — цельный народ, не делимый на классы**. Положение высшего и низшего в нашей стране создается только образовательным и государственно-служебным цензом. Итак, покончим с этим предубеждением раз навсегда: создавая сенат, я не думал полагать начало какому-то аристократическому учреждению, не собирался сеять через него в Сербии семена будущей аристократии. В моей идее, сенат есть просто собрание лучших и опытнейших умственных и служебных сил страны, поработавших, хотя разным путем и в разное время, но с одинаковым патриотизмом для Сербии и сербов. Он объединил людей самых различных направлений. Они имеют теперь возможность столковываться между собой спокойно, полноправно, без давления со дна скупщины.

Затем — моя идея, чтобы сенат явился тем регулятором правительственной жизни, которого так не хватает славянским демократическим автономиям. Взгляните на нашу соседку Болгарию. Разве не жалкое зрелище представляют политические неурядицы, созидаемые ее широкой конституцией, превращающей демократию в охлократию, в господство толпы? Я уверен, что князь Фердинанд, которого вы, как я читал и помню, хорошо знаете, весьма часто должен сокрушаться в сердце, что его государство не имеет верхней палаты. Государству молодому, страстно живущему, развивающемуся снизу вверх, необходимо задерживающее разумно-критическое начало, способное, регулируя его рост, сохранить и обеспечить ему свободу, но обязанное не допускать в нем уклонений в сторону анархии. Носителем такого начала и должен быть сенат. Достаточно

* Будущее показало, что это не так... (Примечание А. В. Амфитеатрова 1903 г.).

** Потому-то славянство и изумлялось, зачем понадобилась сербам *двудомная* конституция... (Примечание А. В. Амфитеатрова 1903 г.).

ли он авторитетен для того? Несомненно. Мы употребили все усилия, чтобы соединить в нем лучших людей Сербии. Он составлен из бывших министров, в разное время и при разных политических течениях управлявших страной, из знаменитых государственных людей и вожаков. Каждая партия в скупщине найдет в сенате свой, признанный ею авторитет, чьему суду и критике над своими желаниями она не может нравственно не подчиняться.

Мы уповаем, что учреждение сената, став опорой власти, придаст ей ту устойчивость, какая совершенно необходима в данное время для упорядочения финансово-экономического положения королевства, для умиротворения в нем умов, для развития его на почве национального самосознания, для перехода от жизни, посвященной лишь государственному самосохранению, к целям и задачам высшего национального значения...

Пользуясь этим намеком, я перевел речь короля на македонский вопрос.

— В строгом смысле слова, — сказал король, — македонский вопрос для нас сейчас не существует. Он — в будущем, а не в настоящем. Пока в Македонии и в Старой Сербии турки, какой же может быть для нас македонский вопрос? Нам остается лишь молча признать вековое право силы, как бы ни грустно было получать тяжелые вести о рабском угнетении наших единоверцев и единокровных. Не мы создали такое положение, — не нам его и развязывать.

Совсем другое дело, конечно, если обстоятельства примут такое направление, что турки должны будут очистить поле действий для новых народностей. Конечно, мы выступим со своими законными историческими притязаниями на исконные наши земли и не уступим их никому. Да никто и не будет в состоянии отнять их у нас, потому что это — наши земли, наш народ, и не может в корне переделать его никакая пропаганда: ни болгарская, ни австрийская. Если бы мы считали нужным или хотя бы полезным, то, конечно, сумели бы ответить пропагандой столь же, если еще не более, энергической. Но мы знаем, что вопрос о Македонии и Старой Сербии решится не пропагандами маленьких государств и не интригами Австрии, всем равно страшной и ненавистной, а силами высшими и несравненно более богатыми и политической мощью, и нравственным авторитетом. Признав необходимость блюсти славянскую политику государства, сознав, что соблюдение славянских политических устоев возможно для нас лишь в том случае, если мы будем идти вместе с Россией, — мы должны опереться на содействие ее и одномыслие с ней и в этом вопросе. До тех пор, пока Россия, связанная ли действиями на Дальнем Востоке, по другим ли внутренним соображениям, не найдет возможным при-

ступить к разрешению македонского вопроса и не даст нам знака вступиться за свои права, теперь пребывающие вмертве, мы, сербы, соблюдем самый строгий, самый корректный, самый лояльный нейтралитет. Что касается болгарских притязаний на Македонию, ужасных поступков македонских комитетов и т. д., — все это очень непрочные явления. Разделить македонское наследство между болгарами, нами, греками, должно быть опять-таки делом России, и только России, и я надеюсь, что так оно и будет.

Нет никакого сомнения, что сербам в Турции живется гораздо хуже, чем болгарам. Турки, быть может, боятся болгарских комитетов, как подпольной вооруженной силы, убивающей, терроризирующей, но это — страх частной безопасности, а не политический страх государства перед гонимой нацией. Как нации, турки болгар не боятся. Они очень хорошо знают, что болгары не революционеры, а только заговорщики. Болгария никогда не знала революций, которые бы добывали для нее свободу самостоятельными народными силами: иго с нее сняла ценой своей крови Россия, дрались за нее мы, сербы, и Румыния. Но — что мы, сербы, представляем собой истинно-зажигательный, революционный элемент на Балканском полуострове, — этому сознанию турок обучила вся наша история. Для турка слово «серб» равносильно слову «революционер». И он ненавидит и боится сербов, как нации, — подозревает их, даже когда они нейтральны и лояльны, потому что знает: мы — революционеры, своими руками отвоевавшие у него для себя и свободу, и самостоятельный политический оплот.

Да, как будто одни турки сознают нас такими и ненавидят нас за то? Разве вся история движения Австрии в славянские земли не была направлена и не направляется теперь к тому, чтобы обессилить, разделить, парализовать сербский народ как элемент, всегда готовый к национальной революции, всегда враждебный иноплеменному владычеству? Берлинский трактат помог Австрии в этой цели ее, и мы целых двадцать лет, разделенные, задушенные, изнемогаем под бременем берлинских условий. Правда, тот же трактат уничтожил и Великую Болгарию, которую граф Игнатьев продиктовал в Сан-Стефано[8]. Но призрак Великой Болгарии, как вы видели, жив в Македонии, и мы знаем, кто манит им болгар. За спиной болгарско-македонских комитетов слишком прозрачно мелькает рука австрийской пропаганды. Ей нужны беспорядок, нестроение на Балканском полуострове, и она добивается своих целей руками болгар. Она заманивает их в смуту, чтобы потом обмануть. Потому что, повторяю, она бессильна решить вопрос о славянском наследстве столь огромного объе-

ма и значения, — здесь будут реально влиятельны и авторитетны слова и действия только великой славянской же державы, т. е. России.

Когда граф Игнатьев создавал сан-стефанскую Болгарию, это было равносильно разделу Балканского полуострова между Австрией и Россией. Последняя отбирала под свое непосредственное влияние, под свою опеку, восточную полосу от моря до моря под болгарским флагом, а наш сербский угол отходил под австрийское влияние. Прекрасная размежевка по карте, — но при этом немного забыли посчитаться и с историей, и с психологией народов. Нас уступали австрийскому влиянию? Да — зачем же? Мы прежде всего не хотим австрийского влияния. Мы не хотим быть с Австрией, не хотим быть со швабами. Мы хотим быть с Россией и славянами.

И, конечно, всякое болгарское стремление к сан-стефанским границам грозит нам в будущем той же опасностью, что и проект Игнатьева. Великая Болгария бросает нас в руки Австрии, а мы Австрии не хотим и не захотим. Мы идем с Россией. Ее дело — решить, как нам размежеваться с болгарами и другими, а когда она решит поставить решение свое твердо и властно — то, поверьте, голос ее будет выслушан, как окончательный приговор, не только нами, но и всеми христианскими народностями полуострова, не исключая и тех, что теперь кричат против России и настраивают себя быть ее врагами и видеть в ней врага.

Затем беседа перешла на мои македонские впечатления <...>.

— По-моему, — сказал я, — сейчас македонский вопрос бледнеет перед старо-сербским. В Призрене, Приштине дело идет не об угнетениях или насилиях над сербами, а прямо об истреблении сербской расы, о вытеснении ее арнаутами. Там — ужасы, возведенные в систему.

— Ужасно! ужасно! — повторил король Александр, болезненно сжимая брови, и, со словом этим, приподнялся со стула.

Я откланялся.

— Очень рад был с вами познакомиться, — дружелюбно послал он мне вдогонку, когда я был уже у дверей.

1901

* * *

Быстро летят события на славянском Востоке, — просто и не угнаться за ними перу и типографской машине!

Лист этот был скорректирован, сверстан и готов к печати, когда пришли телеграммы о белградской резне, в которой погибли король Александр и королева Драга <...>.

1903.VI.5

О короле Александре. (Посмертная заметка).

Покойного Александра, сербского короля, многие считали коварным и преднамеренным политическим обманщиком, подобным отцу его, Милану. Я не сказал бы о нем этого, хотя в разговоре при аудиенции, которую он дал мне в апреле 1901 года, он изложил мне с самым искренним и даже восторженным видом множество хороших идей и планов о тогдашней конституции, только что данной, а между тем оказалось впоследствии, что конституцию свою он ненавидел и круто отменил ее при первой возможности. За это, конечно, он и погиб. Я думаю, что этот человек, — к тому же очень молодой, — получив очень малое образование, самое беспорядочное воспитание, не обладая большими умственными способностями, вечно мучаясь политическими и домашними интригами, — болел зыбкостью мысли, при полном отсутствии характера. Увлекаясь чем-либо, *в ту данную минуту увлечения**, он говорил и поступал вполне искренно. Но нельзя было положиться на прочность его симпатий и антипатий, а, следовательно, и слов, и намерений. Он говорил со мной, как твердо убежденный конституционалист, но это не сам он говорил, а говорили его устами: Павле Маринкович, под чьим влиянием он тогда находился, доктор Миша Вуич и, отчасти, г. Чарыков. Когда изменились влияния, Александр с такой же легкостью объявил войну конституции, с какой раньше провозгласил ее. Полный упрямства и капризов в личной жизни, Александр в вопросах государственных был, да и остался бы впредь, вечной игрушкой временных любимцев и удачников, случайных людей, и хотя, женясь на Драге, он обещал, что «сюрпризов в Сербии больше не будет», но, по неустойчивости подозрительного ума и капризной слабости характера, никакой иной политики, кроме «сюрпризной», вести он не мог. Он удивительно легко расставался с друзьями и приближал к себе врагов. Близорукость нравственная едва ли не превосходила в нем близорукость физическую. Два прочных чувства, какие успел он обнаружить за свою короткую самостоятельную жизнь: привязанность к королеве Драге, устоявшая перед самыми серьезными испытаниями (пресловутый скандал 1901 года), и ненависть к императору австрийскому, оскорбившему его отказом выдать прах Милана для погребения на сербской земле. Оба чув-

* Здесь и далее выделено в оригинале.

ства — на личной почве. До человека государственного и монарха Александру оставалось расти еще целые десятилетия, и сомнительно, чтобы он дорос...

Сербы в королевстве удивлялись, когда я нашел, что король Александр хорошо говорил, хотя и на очень вульгарном французском языке. Они уверяли, что, по застенчивости, по вечно опасающемуся за себя самолюбию, он и по-сербски-то дурно связывает слова. Сербы в Петербурге, читая мое интервью с Александром, не верили, что он мог говорить так складно и последовательно в течение сорока мнут, и поддразнивали меня:

— Ей-Богу, это вы сами за него написали в его духе.

Но я еще раз могу по чести и совести подтвердить, что король говорил тогда не только связно и складно, но умно и хорошо. Конечно, он был не блестящий *causer**, не вдохновенный оратор, как Фердинанд Болгарский, не поэт, как Николай Черногорский. Охотно допускаю, что он лишь повторял заученные уроки Маринковича и Вуича, тем более, что в беседах с Маринковичем и Вуичем я слышал, действительно, не только те же мысли, но и дословно те же выражения. Но заучил он уроки твердо и, «отвечая» их, не запинался.

Несомненно положительной чертой в характере короля Александра являлась его личная храбрость. Этот маленький, черненький, некрасивый мальчик много раз доказал, что он уродился не робкого десятка, в мать, а не в отца. Да и самая смерть его — смерть рыцаря, а не труса. Будь он трусом, покорись обстоятельствам, как покорился им Александр Баттенбергский, — остался бы жив. Не знаю, какие меры в охране своей особы принимал он в последнее время, но в 1901 году конак почти не оберегался, и проникнуть в покои короля было легче, чем в иной аристократический частный дом. От меня, когда я приехал для аудиенции, не потребовали даже пригласительного извещения. Поджидая, пока позовут меня в кабинет короля, я просидел в приемной один-одинешенек минут двадцать, и не только кто-нибудь из дворцового караула, но хотя бы лакей прошел мимо или показался в дверях. Как опасно мог бы распорядиться столь долгим временем какой-либо злоумышленник, само собой понятно... Король Александр не боялся, жил без опаски. Из троих южнославянских монархов он был самый доступный. Близорукие люди, по большей части, бывают или уже очень трусы, или безумно храбры. Король Александр принадлежал ко второй категории. К ней же принадлежит другой, видный в настоящее время славянский деятель, — наш консул в Ускюбе[9] Виктор Федорович Машков.

---

* *Causer* (франц.) — собеседник.

— Еще бы не быть храбрым! — сказал мне о нем один враг его, болгарин. — Он не видит пред собой и на десять шагов.

— Так что же?

— Ну, стало быть, и опасности не видит заранее, а узнает о ней, когда уже увяз в ней по уши, и трусить некогда, а надо нападать или защищаться.

«Слепая храбрость» , таким образом, не совсем метафора.

1903

Славянское горе. М.,1912. С. 143–205*

I

<...> Когда болгарин, замкнутый буржуа-семьянин, хочет обидеть серба, то язвительно попрекает: «Кафешантанна та цивилизация». Казалось бы, укор несправедливый, и даже с больной головы на здоровую, так как в Софии всякой кафешантанной мерзости вдесятеро больше, чем в Белграде, — по крайней мере, с тех пор, как погибли легкомысленные Обреновичи, а Карагеоргиевичи, для контраста, завели в городе добродетель. И, однако, злая фраза попадает не в бровь, но в самый глаз. Есть в цивилизации сербской что-то родственное духу венского Ринга, Пратера и достолюбезного Ронахера. Кофейня — сербский форум, ресторанный столик — трибуна <...>.

В центре Белграда мужика совсем не видать. Многие крестьяне, постоянно приезжая на торги в столицу, однако, никогда не бывали на улице князя Михаила и не имеют понятия о ее великолепных магазинах, которыми, впрочем, к слову сказать, Воронеж или Полтава еще могли щегольнуть, пожалуй, но уже ни Крещатику в Киеве, ни Дерибасовской в Одессе, они — увы! — не к лицу. Крестьянин, убежденный селяк, поразительно равнодушен к городу. Он кончает свои сделки на окраине, запивает могарычи в ее душных и грязных кафанах и со спокойным духом возвращается восвояси, в глушь деревни, потерянной между гор и лесов.

---

* В 1909 г., т. е. на излете Боснийского кризиса, Амфитеатров в качестве корреспондента петербургской «Нашей газеты», «Киевской мысли» и «Одесских новостей» находился на Балканах. Результатом той его поездки и стал сборник «Славянское горе».

Городскую чернь и разночинцев, конечно, легко наблюдать в любой кафане. Они всегда полны, шумны и, иногда, красноречивы <...>.

— Будет война! Россия поможет нам!

В рабочих кварталах над Савой, в этом белградском порту, сербский пролетариат смешивается с люмпен-пролетариатом. Часто можно встретить здесь и крестьянина, только что приехавшего из деревни, растерянного, оглушенного сутолокой городской жизни. В душных над-савских трущобах не встретишь шумного оживления и громких восклицаний. Но целый ряд бесед, тихих, чуть-чуть меланхолических, убеждает, что повсеместно настроение все то же. Старик крестьянин и молодой, полный юношеского задора, рабочий в порту говорят просто, точно речь идет о самом обыкновенном деле:

— Мы готовы!.. Все!.. И наши братья из Боснии и Герцеговины тоже готовы!.. Война будет... Не может не быть войны... И мы будем драться и покажем себя австрийцам. Может быть, мы все умрем, но лучше умереть, чем так жить.

Несколько загадочна эта психология сербской серой массы. Откуда у нее взялось это, настолько твердое и убежденное, — «дальше так жить нельзя»? Я понимаю, когда эти слова говорит умирающий от голода черногорец. Я понимаю, когда изнывающий под австрийским гнетом босняк или герцеговинец мечтает о бомбах, которые он будет бросать в угнетающих его австрийских чиновников и разоряющих его бегов. Но эти сытые крестьяне, среди которых нет ни крепостных кметов, ни полукрепостных десятинщиков, эти сытые крестьяне, среди которых в общей сложности всего лишь 21 % грамотных? Откуда у них-то родилось такое отвращение к своему наличному существованию, такое страстное стремление перевернуть его вверх дном и поставить на новый путь, хотя бы самым кровавым способом, хотя бы с риском национального самоубийства?

Начнешь расспрашивать, — отвечают бестолково, длинно, неуверенно, — видно, что инстинкт работает, а мысль не оформлена. Не ищите в Сербии коротких, сильных, как удары топора, и метких, как ружейный выстрел, ответов черногорца или герцеговинца. Слова здесь плавают в тумане и всегда с придатком какой-то чужести, точно из граммофона они выходят, а не из живого горла.

— Австрия хочет съесть нас. Хочет проглотить. Хочет сделать Сербию австрийской провинцией. Мы должны бороться за существование нашей родины.

— А нельзя ли бороться каким-нибудь другим способом? Например, заключением выгодного торгового трактата?.. Разве необходима война?..

— Торговые договоры? Да, это было бы лучше. Но нужно, чтобы Австрию заставили заключить выгодный для нас торговый договор. Если другие державы нам помогут, — Австрия сдастся. Тогда не нужно будет войны!..

До Боснии и Герцеговины этой публике, по-видимому, очень мало дела. Напомнишь — вяло возражают:

— Что же, если державы согласятся помочь маленькой Сербии, то они, конечно, также заставят Австрию дать автономию Боснии и Герцеговине.

И вот — всякий раз, что случалось столкнуться с «человеком земли» или «человеком труда», мы с ним, в конце концов, всегда находили способ «обойтись без войны». За исключением некоторых, совершенно театральных сцен, разыгрываемых разными, бьющими на эффект, господами, полухулиганского типа, мы нигде в народе не встречали того безысходного озлобления, той органической ненависти, которая — одна — создает потребность борьбы до последнего конца. Разница с Черногорией громадная! Там эта ненависть — в крови, — и не пылает, а заморожена в крови, — у каждого нищего селяка. И если люди молчат о ней, то голые камни их, за хозяев своих, о ней мертвым языком вещают!.. Здесь звучат экономические доказательства, политические рассуждения, логические построения, то правильные, но не выдерживающие критики, но ни разу не удалось нам уловить тон «страстного желания», «желания во что бы то ни стало».

Мелкие чиновники из министерств, владельцы маленьких лавчонок в кварталах, прилегающих к Саве и Дунаю, — те неумолимы:

— Не может быть разговоров с Австрией! С ней можно разговаривать только оружием.

— Даже если бы нашелся другой способ воздействия?

— Такого способа нет!.. Только война!

Я беседовал о настроении сербского крестьянства с такими правительственными знатоками его, как Никола Пашич, Любо Йованович[10], генерал Божо Янкович[11]. Все они свидетельствовали, что настроение это — сознательно и убежденно воинственное. Да и — наилучшее доказательство тому, что в определении своем они не ошибаются, — поведение сербской скупщины, единодушно стоящей за войну против всех возможностей мира. Но те же собеседники, когда спрашиваешь их, за что, собственно, сербский крестьянин так уж очень возненавидел австрияка, говорят о Боснии и Герцеговине и об австрийских угрозах сербской независимости уже на втором и третьем плане. А на первом:

— Помилуйте! Разве крестьянин не понимает, что — стоит австрияку закрыть границу — и быков, цена которым 400 динаров за голову, придется продавать по 40? Разве крестьянин не понимает, что австриец душит его

фруктовый рынок и — какую цену поставит он в Европе — по той, хочешь-не хочешь, и отдавай?

Все это, конечно, очень плачевно, но ... воевать из-за спорных цен на быков и чернослив — совсем не такой легкий подъем, как воевать из-за куска хлеба, о котором воет пустой желудок. Насколько верил я в войну, покуда был в Черногории, настолько же сомнительной представилась и представляется она мне в Сербии. Там — голод и холод грозой подымаются на сытость. Здесь — идет пылкий, но правовой спор двух сытых. Спор может перейти в драку, но обязательности к тому нет, и в воздухе не чувствуется <...>.

IV

— Разве это страна? Разве можно здесь жить? — звучит мне из Черногории нервный голос г. Славы Ромодановича[12], «начелника»* министерства иностранных дел, т. е., по-нашему, товарища министра. Ведь, вы же проезжали горами нашими. Разве — путем нормального экономического процесса может быть создано подобное государство? Нас загнала сюда турецкая неволя. Мы унесли от турок свободу нашу в скалы, которые никому не завидны. Первозданные камни мы обратили в крепость. Не терпит человек соседства, в котором другой человек свободен. Столетиями дрались мы здесь за свою свободу, за независимость сербского народа. Всех сербов подчинили себе турки либо швабы, — одни мы устояли и отстояли волю свою. Но что же дальше? Свобода — с нами, но — где жизнь? Воевать, биться здесь можно, а жить нельзя. Чем лучше боевая позиция, тем меньше она годится для мирной жизни народа. Лагерь не может быть государством, крепость не может быть страной, гарнизон не может быть народом. Осадное положение заменяет нам быт, военные реляции — вот наша история!

Именно: в равнине — враг, мы — на скале, за скалой — море... Пощады не жди, а отступить некуда.

Сербия — и в лучшем, и в худшем положении, чем Черногория. То и другое зависит от того условия, что ей есть, что терять. У Черногории нет ничего, кроме ее свободы. У Сербии есть выбор между известными ограничениями свободы и сохранением довольно крупных материальных благ. Для черногорца начать войну — значит снять ружье со стены в убогой хижине и стать на стражу в пограничные, заоблачные снега. Для серба из королев-

* *Начелник* (сербск.) — начальник.

ства начать войну — значит предварительно обречь на гибель сложную цветущую культуру с прекрасными городами, разорить богатое земледелие, расточить огромные сельские хозяйства.

— По первому знаку из Сербии мы бросимся на Каттаро и Мостар[13]! — спокойно и решительно говорит задумчивый, твердо уверенный в судьбе своей черногорец.

Знака из Сербии нет... Сербия, с болезненной страстностью, хватается за каждую соломинку, которую протягивают ей державы, чтобы сохранить мир и не утонуть в крови грядущей войны. И, когда смотришь из окна на золотой в закате красивого мартовского дня Белград, понимаешь, что не так-то легко подать ей роковой знак этот. Прежде чем раздастся первый пушечный выстрел, весь буржуазный уклад, нажитый Сербией с 1904 года, должен будет собрать скарб свой и покинуть дунайскую полосу, отступить, под прикрытием орудий и штыков, в глубину страны, за горные позиции. Питомцам австрийской цивилизации, в борьбе с ее воинствующими силами, выпадает доля попятиться чуть не на пятьсот лет, к той грозной вооруженной старине, среди неприступных голых скал, которой единственным живым обломком уцелела покуда, «не имеющая что терять», Черногория... И опять, словно с ветром далеких, снегами нахмуренных гор, доносится голос Славы Ромодановича.

— Ждать, ждать... Да разве вы не видите, что нам нельзя ждать? Нет больше терпения. Последний час наш пришел. Еще несколько лет, и Черногория опустеет либо от голодного мора, либо от эмиграции. Это — бич, моровое поветрие славянских земель. А что поделаешь? Не голодной же смертью погибать целому народу. Сейчас рядом с нами — Босния, Герцеговина. Они — под немецким игом, но покуда славянские земли. Почем знать, что будет с ними через десять лет под опустошающим влиянием эмиграции, под наплывом и давлением германских колонистов? Мы останемся одни на скалах своих, как орлы на гнездах... Хорошо ждать тем, кому есть чего ждать. Нам настоящее еще может сказать кое-что. Будущее — ничего. Мы осуждены на государственную смерть. Да будет так! Встретим ее с ружьем в руках, в битвах за свободу свою и братьев своих. Это — больше в духе национального характера, и всей истории черногорцев, чем медленное издыхание в голодных муках. Пусть видит мир, кто были мы, черногорцы! Пусть знает и учится, какая великая сила — народ, доведенный до отчаяния и обрекшийся на смерть! <...>

Вопрос о боевой готовности Сербии я предлагал всем, сколько-нибудь причастным к политическому и военному распорядку королевства, собеседникам своим. В том числе г. Пашичу, <...> г. Любе Йовановичу и гене-

ралу Божо Янковичу, главе народной обороны. Ответы их звучали не хвастовски, но очень единодушно.

— Даже будучи покинута Россией и всеми державами, Сербия в состоянии выдержать четыре месяца, даже пять месяцев, борьбы в одиночку. На победу никто не рассчитывает, но выстоять мы сможем. А зрелище четырехмесячной героической борьбы внутри Европы не может бесследно пройти в общественном мнении сочувствующих нам европейских народов. Трансвааль волновал всю Европу из-за тридевяти земель, тридесятого царства[14]. А мы — в двух с половиной сутках езды от Парижа, Петербурга, Рима, в трех сутках от Лондона. Солдаты наши превосходны и дешевы. Они люди из народа, мужики в шинелях, сохранившие всю воздержанность и умеренность сельских потребностей. Может быть, нигде в Европе прокорм солдата не обходится так дешево, как в Сербии. Все это — горцы, которых нуждами военной страды не удивишь. Они желают драться, потому что ненависть к швабу, инстинкт самосохранения, вспыхнули пред лицом австрийского захвата с неслыханной силой. Война будет популярна и бестрепетна в жертвах. Правительству и генералитету приходится сейчас употреблять все силы, все влияние своего авторитета, чтобы сдерживать азарт низших чинов и младшего офицерства. Что касается вооружения, то артиллерия наша в прекрасном порядке. Мы испытываем еще некоторую нужду в скорострельных ружьях. Не мешало бы нам иметь их побольше. Но надеемся, что, если австрийцы дадут нам недели три срока, то и в этом отношении мы успеем поправиться. Словом, насколько Сербия вообще может быть готова к войне с Австрией. Она уже готова. Готовее она быть не может. Следовательно, решающим моментом войны явится не готовность Сербии, но готовность держав, на покровительство и союз которых она имеет право рассчитывать, и без благословения которых вступать в войну с ее стороны будет бессмысленным самоубийством.

То есть — боевая готовность России и финансовое попустительство Франции <...>.

V.
Белград, 1909.III.23

<...> Настоящая сербская скупщина — политическое явление, весьма необыкновенное в парламентской истории. Это — парламент без оппозиции. С тех пор, как правительство осуществляется коалиционным ка-

бинетом, объединившим лидеров всех партий, стало некому и не для чего оппонировать. Палата превратилась в семейное совещание фракций; все устроились по душам. Нельзя же считать оппозицией единственного в скупщине представителя социалистов! Он, впрочем, у них молодец — и один в поле воин. На днях был даже поколочен. Социалисты устроили по этому торжественному случаю митинг негодования. L'incident est clos*. На сербское социалистическое движение еще нельзя смотреть серьезно. Оно — копия, а не оригинал. Фабричная промышленность здешняя едва в зародыше, а крестьянин сербский богат и патриархален. Процесс пролетаризации далек от этой страны. Так что социализм в ней покуда не практическая сила настоящего, но лишь теоретическое восприятие — для будущего. Научный социализм, конечно, делает в Сербии большие успехи. Самая яркая звезда белградского университета, геолог, географ и политический писатель, проф. Цвиич[15] — типичный катедер-социалист из умеренных <...>.

VII.
Белград, 1.IV.1909

<...> Мужицкая дума — эта скупщина, и тем сильнее ее впечатление. Крестьянский съезд в Москве больше всего похож на сербский парламент. А разбираются в политике своей мужики сербские прекрасно, и не облукавить их, ни провести за нос никакому хитроумному Одиссею из интеллигентов.

Несколько дней тому назад пришлось слышать, например, такое крестьянское мнение.

— Надоели нам все партии, опротивели нам смены министров. Кажется, доведут нас до того, что мы всех их по шеям прогоним. А наймем семь хороших адвокатов, напишем им подробные доверенности, чего мы хочем, и пусть они защищают наши интересы перед скупщиной. Плохи окажутся — доверенности отберем и других наймем! <...>

* *L'incident est clos* (франц.) — Инцидент исчерпан.

Примечания

[1] Имеется в виду: конституция Сербии, октроированная королем Александром Обреновичем в 1901 г. и вводившая двухпалатную парламентскую систему.

[2] Вуич Михайло (1853–1913) — сербский политический и государственный деятель; видный ученый-экономист, академик. Образование получил в Вене, Мюнхене, Берлине, Лейпциге. Доктор философии (1879). В 1880–1887 гг.– профессор Великой школы. В 1887, 1889–1893 гг. — министр финансов в правительствах Й. Ристича, С. Груича, Н. Пашича и Л. Докича. В 1901–1902 гг. — председатель Совета министров. Во время его премьерства осуществлена *фузия* радикалов с напредняками и принята новая конституция. После 1903 г. — посланник Сербии в Вене, Берлине, Риме. В 1907 г., из-за конфликта с Пашичем, вышел в отставку.

[3] Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — выдающийся русский ученый-юрист и общественный деятель; академик. В 1877–1887 гг. — профессор Московского университета, по кафедре государственного права и сравнительной истории права.

[4] Милан Обренович скончался 29 января 1901 г. в Вене.

[5] Франц-Иосиф I Габсбург (1830–1916) — император Австрии (1848–1916) и король Венгрии (1867–1916). В 1849 г. с помощью России подавил революцию в Венгрии и восстановил абсолютизм. В 1867 г., идя на уступки венгерскому дворянству, преобразовал унитарное государство в двуединую монархию — Австро-Венгрию. В 1879 г. заключил союзный договор с Германией, превратившийся в 1882 г. (по присоединении к нему Италии) в Тройственный союз. Вел экспансионистскую политику на Балканах, часто приходившую в столкновение с интересами России, что явилось одной из причин возникновения Первой мировой войны.

[6] Neue Freie Presse — издававшаяся в Вене ежедневная газета. Выражала позицию, близкую к официальной точке зрения.

[7] Маринкович Павле (1866–1925) — видный сербский политик и публицист, адвокат. Один из руководителей Напреднякой партии. В 1901 г. — министр просвещения. Основатель Этнографического музея и Богословской школы в Белграде. Был одним из разработчиков конституции Сербии 1901 г. Издавал печатный орган напредняков — газету «Правда». После Первой мировой войны неоднократно входил в состав правительства Королевства сербов, хорватов и словенцев.

[8] 3 марта 1878 г. в Сан-Стефано был подписан прелиминарный договор между Россией и Турцией, прекративший состояние войны между ними. По условиям мирного договора, на Балканах создавалось объединенное болгарское государство (от Дуная до Эгейского моря, от Черного моря до Охридского озера), в состав которого входили вся Македония и целый ряд других земель, включая освобожденный сербской армией г. Ниш. Автором концепции договора и его подпи-

сантом со стороны России был граф Н. П. Игнатьев. На Берлинском конгрессе большинство положений договора, касавшихся Болгарии, было дезавуировано.

[9] Славянское название города Ускюб (в Македонии) — Скопье.

[10] Йованович Любомир (1865–1927) — сербский политический деятель, историк. Профессор Великой школы; затем (с 1905 г.) — Белградского университета. Член Радикальной партии. Неоднократно занимал пост министра народного просвещения в кабинетах Н.Пашича. Во время Первой мировой войны — министр внутренних дел.

[11] Янкович Божидар (1849–1926) — сербский военачальник, генерал (1902). В 1901 г. — военный министр. Участник Сербо-турецких (1876, 1877–1878), Сербо-болгарской (1885), Балканских (1912, 1913) и Первой мировой (1914–1918) войн. В 1908–1912 гг. — глава общественно-патриотической организации «Народная оборона».

[12] Рамаданович Славо — черногорский дипломат. Консул в Скадаре, маршал двора Николы I, начальник министерства иностранных дел.

[13] Мостар — столица Герцеговины. Впервые упоминается в 1452 г. как селение возле моста через Неретву. С начала XVI в., находясь под властью турок, переживал бурное развитие из-за своего стратегически важного положения.

[14] Речь идет об Англо-бурской войне 1898–1902 гг. Трансвааль — одна из бурских республик, объединившихся в Южно-Африканский Союз.

[15] Цвиич Йован (1865–1927) — выдающийся сербский ученый: географ, геолог и этнограф. Профессор Белградского университета, президент Сербской Академии наук. Прославился своими историко-этнографическими и антропогеографическими трудами, обобщенными в фундаментальном сочинении «Балканский полуостров» (впервые опубликован в 1918 г. на французском языке).

Вейнберг Р.[*]

Сербы и Сербия. (Этнографический очерк) // Образование. 1903. № 8 (август). С. 23–28

<...> Сербы, как племя и народ, далеко не ограничиваются границами королевства. По статистике 1895 года их здесь насчитывалось до 2 миллионов. Остальная часть оказывается вне Сербии: в Черногории 1/4 миллиона, в Боснии и Герцеговине около 1 1/4 миллиона, в Австро-Венгрии около 3 миллионов, кроме того, в Болгарии 2000, в Турции и Румынии по 50000, в России около 5000, в Америке около 10000. Всего, вместе с хорватами, от которых их невозможно отделить, сербов в настоящее время насчитывают до 8 миллионов.

В наиболее чистом виде тип серба сохранился в гористой, покрытой густым лесом местности, расположенной между реками Моравой и Дриной. Серб отличается резко очерченным характерным лицевым профилем и крепким сложением тела. Он ростом выше среднего, широкоплеч и мало склонен к тучности. Его гладкие обильные волосы большей частью темного, редко светлого или красного цвета; точно так же и глаза преимущественно темного типа. Кожа лица почти всегда белая. В северных областях Сербии нередко попадаются субъекты низкого роста со светлыми глазами и белокурыми волосами, в то время как на юге преобладает высокорослый смуглый элемент. Череп, будучи почти совершенно круглым, и отличаясь вообще большими размерами, сложен пропорционально, с хорошо развитым лбом. Лицо низкое, с несколько выдающимися в стороны скулами, нос умеренной величины, часто вдавленный, но чаще прямой и нередко весьма изящной формы, наподобие орлиного носа. Волосы мужчины носят коротко остриженными; обычай брить голову, бывший во всеобщем распространении у черногорских сербов еще до времен князя

[*] *Вейнберг Р.* — русский ученый-этнограф. Приват-доцент Московского университета.

Данила[1], ныне окончательно оставлен. Только духовенство отпускает себе длинные волосы и бороду; у горожан еще иногда наблюдаются бакенбарды, а деревенские сербы, кроме усов, не оставляют на лице никакой растительности.

Среди женщин, по всей вероятности, встречается большое количество блондинок, так как иначе не имел бы никакого смысла тот обычай румяниться и окрашивать волосы в черный цвет, который, по свидетельству путешественников, чрезвычайно распространен во всех слоях городского сербского общества. Вообще сербка редко бывает выше среднего роста. Черты ее лица, не будучи безусловно красивыми, отличаются правильностью. Особенно в городах нередко встречаются типы с безукоризненно благородной формой профиля лица. Говорят, что красивыми женщинами Сербия значительно богаче, чем соседняя Черногория, но зато они, подобно сербам, лишены той легкости и эластичности движений, которые свойственны черногорке. Относительно своих наружных преимуществ, сербка занимает среднее положение между северной славянкой, романкой и гречанкой.

Нрав у серба, в общем, терпеливый и гостеприимный. О его воинственной натуре, которую восхваляли уже византийцы, существует только один голос. Полный гордого самосознания, он отличается умом и даже хитростью. Постоянно соблюдая собственную выгоду, он редко становится обманщиком, но столь же редко попадает сам в роль обманутого. Свои личные права он отстаивает с необычайным упорством, не останавливаясь ни перед какими судебными процессами, в которых он, благодаря своим природным ораторским талантам, охотно выступает в качестве адвоката и заступника собственных интересов. Когда заведется спор, серб легко горячится, но редко пускает в ход действия. Он не знает ни поединков, ни кровавой мести, столь распространенной у других южных народов. Несмотря на природный здравый ум, склонность к религиозному мистицизму составляет одну из основных черт характера серба, и эта склонность всюду проявляется в виде предрассудков и закоренелого суеверия. У него постоянно наготове целый лексикон бесчисленных примет, предвещающих добро и зло. Но рядом с мистицизмом и суеверием проявляются в народном характере серба такие положительные особенности, как сильно развитый семейный инстинкт, любовь к свободе, преданность отечеству, чувство справедливости. Семья в Сербии основана целиком на патриархальных началах. Отец, как естественный глава семьи, защищает в качестве старшины все интересы своих домочадцев или «задруги»; но в случае его смерти старшиной выбирается наиболее способный член се-

мьи. Положение женщины, в общем, довольно низкое, хотя не в такой степени, как, например, в Черногории. Исключение составляет лишь взаимное отношение между братом и сестрой. За честь и благо сестры серб охотно отдает кровь и жизнь. Распространенный между южными славянами своеобразный институт «побратимства» и «посестримства», в виде добровольного, не основанного на родственной связи, союза с условием обоюдной защиты и верности, встречается также среди сербов. Подобные же взаимоотношения, но более на традиционной почве, устанавливаются обыкновенно между кумовьями. При заключении брака руководствуются обыкновенно не столько потребностями сердца, сколько соображениями чисто практического характера. Отец, в силу своей патриархальной власти в семье, избирает для сына невесту.

Гостеприимство и умеренность не чужды национальному характеру серба. Но относительно его нравственности и супружеской верности мнения расходятся. Утверждают, что простой народ в Сербии далеко не отличается той чистотой нравов и тем половым целомудрием, какие ему приписывают некоторые путешественники. Вообще серб скорее всего склонен к веселому миросозерцанию. Не будучи особо одарен для образовательных искусств (ваяния и т. п.), он большой любитель музыки и танцев, а в новейшее время также — карт <...>.

В новейшее время сербским правительством введено обязательное для всех детей в возрасте от 6–11 лет обучение грамоте, и учебные заведения разделены на две категории: правительственные (средние и высшие) и земские (народные, сельские, городские). Каждая община, насчитывающая до 200 плательщиков, должна, по закону, содержать на свой счет народную или сельскую школу. В последнее время насчитывалось в стране более 900 элементарных школ с 77000 учеников обоего пола и около 30 средне-учебных заведений (в том числе и 10 так называемых высших гимназий), в которых может быть принято не более 7000 учащихся. В университете 3 факультета, богословский, юридический и технический, с преподавательским персоналом в 44 человека и 479 слушателями. Военные науки преподаются в особой специальной школе — белградской военной академии. При государственной библиотеке в Белграде имеется прекрасный отечественный музей, который, между прочим, содержит обширные коллекции римских древностей. Периодическая печать в Сербии очень недавнего происхождения; «Сербские новины» стали впервые выходить в 1791 году. В 1890 году в пределах королевства выходило до 50 газет и журналов, в том числе 38 — в Белграде. Журнал «Гласник» издается особым, существующим в Белграде, ученым обществом <...>.

Современная Сербия — главным образом пахотная земля, и 90% всего населения — хлебопашцы. Хлебопашество, правда, стоит на очень низкой ступени. Возделывается всего лишь около одной седьмой части страны. Кроме того, вплоть до истекшего столетия Сербия представлялась обширной лесистой областью. Те непроходимые леса Сербии, о которых повествовали крестоносцы, вырубались лишь в продолжение последних 60 лет. Во время освободительных войн Шумадия, центр Сербии, в сердце которого располагается Крагуевац, имела вид обширного леса, служившего убежищем для всех притесненных и беглецов. Когда Сербия была вовлечена в круг европейской культуры, и когда нашлись места сбыта для леса, вскоре стала разыгрываться картина ужасающего уничтожения, так что ныне лишь в отдаленных малодоступных местностях сохранились остатки прежней обильной растительности. Преобладающим лесным деревом является дуб, рядом с ним встречается бук, ясень, клен, береза. Местности, поросшие дубовым и буковым лесом, имеют еще особое значение, как средоточие всего скотоводства Сербии. Здесь серб — свинопас по природе — разводит обширные стада свиней. Вывоз за границу скота, в особенности свиней, служит ему средством для приобретения продуктов европейской промышленности. В Сербии промыслы, будучи сами по себе мало распространены, находятся на весьма низкой ступени развития. Отличаясь быстрой сообразительностью, серб обладает известными, особенно механическими талантами, продуктами которых являются различные предметы его скромной домашней утвари. Но ремесло, как жизненная задача, ему кажется унизительным, недостойным свободного человека, занятием. Так как пришлые немцы большей частью ремесленники, изготовляющие для серба необходимые предметы обыденной жизни, то он смотрит на них с полным презрением. Все попытки правительства распространить в стране промышленность оставались безуспешными. Таким образом, серб остается по преимуществу земледельцем и свинопасом, а если судьба выбрасывает его из обычной сферы родительского дома, то он охотнее всего обращается к чиновничьему или военному делу.

Собственно мещанское сословие поэтому вполне чуждо сербскому народу. Как пастухи и земледельцы по преимуществу, сербы не видят необходимости селиться в больших городах, и вся культурная жизнь их страны сосредотачивается около единственного центра — Белграда, обнимающего в своих стенах около 60000 жителей самого смешанного происхождения <...>.

В хозяйственном отношении Сербия стоит в полной зависимости от Австро-Венгрии, и лишь та, довольно значительная, впрочем, часть серб-

ской нации, которая поселилась в пределах Венгрии, достигла сравнительно высокого уровня культуры под непосредственным влиянием германцев. Уже теперь Болгария опережает Сербию в ее культурном развитии, и вряд ли Сербия может рассчитывать на гегемонию в будущем южнославянском государстве.

Примечания

[1] Петрович-Негош Данило (1826–1860) — князь Черногории. Получил престол в 1851 г. по завещанию дяди — духовного главы и правителя Черногории Петра II Петровича-Негоша. При поддержке России добился перехода к светской форме правления и в 1852 г. провозгласил себя князем. С целью укрепления княжеской власти реорганизовал государственный аппарат и армию, ограничил племенной сепаратизм. В 1855 г. ввел «Общий законник черногорский», в котором обычное право сочеталось с некоторыми нормами буржуазного права (равенство перед законом, охрана частной собственности) Поддерживал антитурецкое движение на Балканах. В результате успешной Черногорско-турецкой войны 1857–1858 гг. добился присоединения некоторых отвоеванных у турок территорий. В 1860 г. был убит черногорским эмигрантом Кадичем.

Епанчин Н. А.[*]

На службе трех императоров. М., 1996. С. 337–347

10

<...> В половине августа 1905 г. ко мне заехал сербский посланник Новакович[1]: я его хорошо знал по делам Славянского благотворительного общества в Петербурге и был с ним в добрых отношениях. Он сообщил мне, что король Петр просил Государя[2] определить второго сына его Александра в одно из русских военно-учебных заведений, и что ему официально известно о решении Государя определить королевича в Пажеский корпус[3]. Во время этого свидания Новакович дал мне сведения о королевиче и его учебных занятиях; королевич уже воспитывался в приготовительных классах Императорского училища правоведения, будучи мальчиком 10–13 лет; но, так как климат Петербурга оказался не по нем, то он вернулся в Сербию, где продолжал изучать и русский язык[4]; осенью 1905 г. королевичу было 17 лет.

Через несколько дней Государь изволил лично объявить мне о назначении королевича в Пажеский корпус и при этом сказал мне: «Смотрите на него как на Моего сына». Указание краткое, но совершенно определенное; это отнюдь не значило, что королевич должен воспитываться в

[*] Епанчин Николай Алексеевич (1857–1941) — русский военный историк и педагог, генерал от инфантерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1882 г. окончил Академию Генерального штаба. В 1900–1907 гг. — директор Пажеского корпуса. В 1900 г. был избран профессором Академии Генерального штаба по кафедре военной истории. В 1907 г. назначен начальником 42-й пехотной дивизии, а в 1913 г. возглавил 3-й армейский корпус. Тогда же произведен в генералы от инфантерии. В мае 1915 г. уволен от службы. Возвращен на службу в январе 1917 г., с назначением начальником 5-й Финляндской пехотной дивизии. В октябре 1917 г. уволен Временным правительством в отставку. После большевистского переворота находился в Крыму; с 1920 г. — в эмиграции. С 1923 г. проживал с семьей в Ницце, где и похоронен.

каких-то особых условиях. Зная Государя, я понял Его указание как желание заменить молодому человеку его отца, пока он будет в России.

В корпусе, как я уже писал, воспитывался сиамский принц Чакрабон, и это давало мне право быть уверенным, что юный славянский королевич, крестник Императора Александра III, на которого Государь повелел смотреть «как на его сына», будет обставлен так же, как принц Чакрабон, т. е. будет помещен во дворце, имея стол, экипаж и всю обстановку такую же, как принц Чакрабон. Но когда я был у Новаковича с ответным визитом, то я узнал от него, что он уже устроил королевича на житье у одного из воспитателей корпуса В. В. Рычкова, который будет и воспитателем королевича. Мне непонятно было, почему было принято такое решение, и притом помимо меня; но я не считал себя вправе просить объяснений у Новаковича, тем более что Рычков был хороший воспитатель вообще, но не совсем подходил к такой ответственной роли, как воспитатель королевича, и я решил выждать разъяснения обстановки. Я обратился к министру Двора барону В. Б. Фредериксу[5], и, к удивлению моему, он не нашел возможности предоставить королевичу той же обстановки, как это было с принцем Чакрабоном. Он говорил, что содержание принца Чакрабона стоило очень дорого, что в теперешних условиях это решительно невозможно, что лично он ничего не имеет против моего обращения, но что условия не дают возможности поступить иначе, и тому подобное, что говорится в таких случаях.

На меня слова барона Фредерикса произвели более чем странное впечатление, и, хорошо зная его, я не мог понять, в чем дело.

Разговор с бароном Фредериксом произвел на меня тяжелое впечатление, и я понял, что он высказал не свое мнение, а действовал под чьим-то влиянием; очевидно было, что были лица, которым нужно было дискредитировать королевича.

Квартира капитана Рычкова была небольшая, и он не мог обставить королевича как бы следовало, хотя бы и скромно.

В это время начались в Петербурге волнения, беспорядки, и это отразилось и на положении королевича; он любил посещать музыку, оперу; ему следовало, ради образовательной цели, посещать музеи, военные и другие заводы и пр., но при тогдашней обстановке это стало невозможным. Он должен был появляться в форме пажа, а этот мундир был крайне «одиозен» для той дикой толпы, которая захватила улицу; неприятности могли быть с каждым пажом, но последствия были бы совершенно иные, если бы им подвергся сербский королевич, доверенный его отцом нам для воспитания, и на которого Государь смотрел как на своего сына. Вслед-

ствие таких условий, королевич мог редко выезжать из здания корпуса, и, разумеется, смутная обстановка в Петербурге должна была тягостно действовать на его настроение.

К этому прибавилась разлука с родиной, с любимой сестрой Еленой, полная перемена обстановки, петербургский климат. Не было никого из близких, с кем он мог бы быть по душе; он бывал у Новаковича, изредка в моей семье, но это было не то, что ему было необходимо. В моей семье не было никого подходящего королевичу по возрасту, также и у Новаковичей.

Затем королевичу необходимо было посещать и светское общество, чтобы приобрести навык к обращению с людьми, что, по его положению, было так важно.

Настало 17 октября, и беспорядки еще усилились; мимо здания корпуса часто проходили толпы с красными флагами, с пением интернационала, марсельезы и пр.

Королевич прибыл в корпус в конце августа 1905 г. и долго не мог представиться Их Величествам, так как Государь был очень занят текущими событиями; наконец, прием был назначен на 25 сентября в Петергофе. Я поехал с королевичем, и когда мы приехали, то оказалось, что в это утро у Государя был назначен прием только королевичу.

Дежурный флигель-адъютант доложил мне, что Его Величество желает сначала принять меня, а затем — королевича. Когда я вошел в кабинет Государя, то я заметил, что Государь имел озабоченный вид, что было понятно ввиду переживаемых событий; но оказалось, что к тому была и другая причина <...>

Государь начал аудиенцию словами: «Я желаю узнать ваше мнение о королевиче». Королевич был едва четыре недели в корпусе; разумеется, я следил за его поведением и за его учебными занятиями, но краткость срока не давала мне возможности дать вполне точную характеристику королевича, что я и доложил Государю. Но прибавил, что за это время, по моим наблюдениям, по отзывам воспитателей и преподавателей, можно сказать о королевиче только хорошее.

Я доложил Его Величеству о той обстановке, в которой находится королевич, и мало благоприятных условиях текущего времени. Государь отнесся к моему докладу с большим вниманием, переспрашивал, задавал вопросы и входил во все подробности, видимо, очень интересуясь королевичем. Я доложил Государю и о том, что его житейская обстановка также совсем не соответствующая, и что он обставлен далеко не так удобно, как принц Чакрабон, и не так, как бы следовало крестнику Императора Александра III и славянскому князю.

В конце доклада я сказал Государю, что один из признаков доброго сердца и чистой души — улыбка, а улыбка королевича, безусловно, говорит в его пользу.

Государь весьма внимательно и долго расспрашивал меня и наконец сказал, что он сейчас примет королевича, а после его приема повелел вновь войти к Его Величеству.

Выйдя от Государя, я просил королевича войти в кабинет Его Величества и заметил по часам, что прием продолжался 45 минут, что еще раз доказывало, как внимательно, сердечно отнесся Государь к королевичу. Когда он вышел из кабинета, я заметил, что он был заметно взволнован, и на глазах его были следы слез, что и понятно после такой продолжительной сердечной беседы юноши с Монархом с глазу на глаз.

Я тотчас вошел в кабинет и нашел Государя совсем в ином настроении, нежели до приема королевича. Государь с видимым удовольствием, с просветленным лицом сказал мне: «Я с вами совершенно согласен; королевич произвел на меня прекрасное впечатление, и улыбка у него такая хорошая, а мне про него говорили совершенно другое, и я очень рад убедиться, что это неправда; удивительно, как люди склонны говорить дурное о других, да еще без достаточных оснований».

Государь говорил мне еще некоторое время о впечатлении, которое на него произвел королевич, и повторил уже данное мне указание: «Смотреть на королевича как на Его сына».

В заключение Государь милостиво поблагодарил меня за обстоятельный доклад и еще раз сказал, что Он очень рад, что то, что Ему говорили о королевиче, неправда.

Считаю долгом привести в точности подлинные слова Государя: «Мне говорили про королевича такие гадости». Сказано это было с особым ударением.

Какие же гадости можно было говорить о семнадцатилетнем юноше? Впоследствии слышал я намеки об участии его отца, короля Петра, в убийстве короля Александра и королевы Драги[6], но если бы это и было так, то при чем же тут королевич <...>

Когда я вышел от Государя, в приемной не было никого представляющихся Его Величеству; очевидно, Государь решил уделить приему королевича немало времени <...>

В то время, когда королевич имел честь представиться Его Величеству, было установлено, что если Императрица Александра Федоровна[7], по состоянию здоровья, сможет принять лиц, представлявшихся Государю, то об этом надо было заявить кому следует.

Ввиду этого я решил узнать, может ли Ее Величество принять королевича. Как раз в это время вошел в приемную обер-церемониймейстер граф Василий Александрович Гендриков[8]; это был настоящий джентельмен, придворный в лучшем значении этого слова и чрезвычайно обязательный человек.

Я обратился к нему в вопросом, может ли королевич представиться Ее Величеству, и Гендриков тотчас же сказал, что это возможно и что он тотчас доложит, но через несколько минут он вернулся и сказал мне, что Императрица сегодня принять не может, и я заметил по его лицу и тону, что он не сочувствует этому отказу, но он все же не сказал, что Императрица нездорова; было очевидно, что для отказа была какая-то особая причина.

После приема королевичу и мне был сервирован завтрак от Высочайшего Двора в одном из помещений Большого дворца, и мне показалось странным, что королевич не был приглашен к завтраку у Их Высочеств[9], особенно после такого милостивого приема у Государя. После завтрака мы вернулись в Петербург.

Забегая вперед, скажу, что Императрица Александра Федоровна не могла принять королевича в течении всей зимы и только в конце мая, перед летним отдыхом, по моим особым настояниям у графа В. Б. Фредерикса и графа В. А. Гендрикова, прием состоялся перед самым отъездом королевича в Белград на время летних вакаций. Чем объяснить такое отношение Императрицы Александры Федоровны к королевичу, я и теперь не знаю*; может быть, влиянием со стороны тех лиц, которые постарались дать лживую характеристику королевича Государю.

Через некоторое время я представил королевича Митрополиту Петербургскому Антонию, который принял его весьма сердечно и благословил св. иконой св. Александра Невского.

Владыко был одним из ученейших и образованнейших иерархов; он долго беседовал с королевичем и благословил одного из архимандритов Александро-Невской лавры проводить королевича в большой собор поклониться мощам св. Александра Невского и помолиться у могилы великого Суворова[10]. Я уверен, что прием владыки Антония оставил в памяти королевича доброе и благодарное воспоминание.

По вопросу о светском воспитании королевича я прежде всего обратился к Великому князю Константину Константиновичу[11], у которого была большая семья и вполне благовоспитанная, — я говорю так, ибо, к сожалению, высокое положение не всегда соединяется с благовоспитанностью.

* Пишу это 8 апреля 1939 г. (Примечание Н. А. Епанчина).

По возрасту члены семьи Великого князя подходили к королевичу. К удивлению моему, Великий князь на просьбу мою принимать от времени до времени королевича в его семье пришел в замешательство, ничего определенного мне не ответил, но я понял, что это был отказ. Какая тому причина, я и теперь не знаю, но когда старший сын Великого князя Иоанн Константинович[12] женился на сестре королевича, королевне Елене[13], я подумал, что не было ничего дурного, если бы королевич посещал семью Великого князя и до того, что он породнился с этой семьей.

Тогда я решил, что в Петербурге есть еще один дом, в котором королевичу следует бывать, — дом его родной тетки Великой княгини Милицы Николаевны[14], сестры его покойной матери[15], супруги Великого князя Петра Николаевича[16].

Великого князя я имел честь знать с давних времен. Я высоко ценил эту замечательно нравственную, скромную и интеллигентную личность <...>

Что касается его супруги, я не имел чести знать ее близко и потому просил Великого князя Константина Константиновича переговорить с Великой княгиней о моем предположении, чтобы королевич имел возможность проводить отпускное время у нее. Через несколько дней Великий князь Константин Константинович сказал мне, что Великая княгиня просит меня заехать к ней. Я явился в назначенное время, и Великий князь Петр Николаевич меня встретил с обычной любезностью и проводил меня до комнаты, где была Великая княгиня, но не вошел со мной к ней.

Великая княгиня сказала мне, что она знает от Великого князя Константина Константиновича о цели моего посещения: «Я вам скажу с полной откровенностью, что приму моего племянника два раза в год: на Новый Год и на Пасху — и каждый раз на 10 минут, вы меня понимаете?»

Я, разумеется, понял, что она, в сущности, не желает принимать своего племянника, и потому ответил: «Да, Ваше Высочество, я вас понял», — а просить ее объяснить причину такого удивительного отношения к родному племяннику, у которого в Петербурге не было ни одной близкой души, я не мог.

Разумеется, я не мог передать слова Великой княгини королевичу, и так как был уже декабрь, то я ему сказал, что ему следует быть у его тетки в день Нового Года для принесения поздравлений ей и Великому князю.

Подчеркну, что Великая княгиня, дочь Князя Черногорского[17], получившая воспитание в России, в Смольном институте в Петербурге, во время моего приема говорила со мной по-французски, не сказав ни одного русского слова.

Кстати сказать, Великая княгиня воспитывалась в Смольном совместно с моей сестрой Марией.

Какая была причина такого отношения родной тетки к племяннику, я и теперь не знаю, как не знаю, кто же были те лица, которые постарались дать Государю совершенно неверные, лживые сведения о королевиче, как мне лично сказал Его Величество.

Так и не удались мои хлопоты скрасить жизнь королевича и ввести его в дом родной тетки. Он изредка бывал у Новаковичей, в моей семье, в опере, и, насколько помню, это все... что крайне мало.

Когда я вспоминаю все это, невольно сопоставляю судьбу Князя Николая Черногорского, деда королевича, его двух дочерей Анастасии[18] и Милицы, с судьбой королевича Александра, героя Мировой войны, создателя обширной Югославии, большого государственного деятеля, мудрого Монарха и, увы, с 9 октября 1934 г. Короля Мученика[19].

А где теперь Князь Николай Черногорский? Бесславно кончил свою жизнь в изгнании. Великая княгиня Анастасия Николаевна была во втором браке за Великим князем Николаем Николаевичем[20], после развода ее с первым мужем герцогом Юрием Максимилиановичем Лейхтенбергским, и уже скончалась, а сестра ее, Милица Николаевна, вдова Великого князя Петра Николаевича, живет в Риме.

Через несколько времени после поступления королевича в корпус я решил назначить к королевичу другого воспитателя, более соответственного, чем В.В. Рычков; так как он был кем-то рекомендован Новаковичу, но кем, мне было не известно, то нового воспитателя можно было назначить не иначе, как переговорив с Новаковичем.

Я наметил на эту должность воспитателя корпуса Л.-гв. Гренадерского полка подполковника Романа Петровича Сульменева, и назначение это состоялось.

Вслед за тем удалось изменить житейскую обстановку королевича, и он получил помещение в Зимнем Дворце, стол, придворную прислугу, экипаж и пр., т. е. он был обставлен совершенно так же, как принц Чакрабон.

Поведение королевича было во всех отношениях прекрасное; оно не оставляло желать ничего лучшего и с начальниками, и с преподавателями, и с товарищами; но в первое время учебные занятия были недостаточно успешными. Трудно было ему учиться в новых условиях жизни, совершенно иных, чем те, которые были в Белграде. Русским языком он владел вполне, но одно из главных затруднений — слабая подготовка, которую он получил в Белграде, это выяснилось постепенно, и даже казалось, что эти затруднения несколько ослабили энергию королевича.

Когда все это мне стало ясным, я пригласил его к себе на квартиру и с глазу на глаз побеседовал с ним. После этой беседы мне стало ясным, что

одна из главных причин неполной успешности учебных занятий королевича была та, что эти занятия были поставлены в Белграде неподобающим образом.

Я старался ободрить королевича и обратил его внимание на то, что, по его высокому положению, он в будущем, несомненно, будет призван к значительной и ответственной работе в Сербии, как второй сын Короля; я старался воздействовать на его самолюбие и заметил, что королевич отнесся к моим словам не только с полным вниманием, но и с заметным волнением.

Я не смею утверждать, что мои советы имели исключительное влияние на королевича, но после этой беседы он стал учиться с большим вниманием и усердием; учебные успехи его значительно увеличились и вскоре не оставляли желать лучшего.

7 января, день св. Иоанна Крестителя, почитается у сербов особенным образом; в этот день у Новаковичей был вечер, на который были приглашены моя жена, наша дочь и я. Королевич был за хозяина, что давало ему некоторую житейскую практику, и он исполнял эту обязанность с должным вниманием и успехом.

Приближался день рождения Князя Фердинанда Болгарского[21]; я хорошо знал те натянутые, можно сказать, враждебные, отношения, которые были между болгарами и сербами; такие отношения были вредны для обоих народов и для славянского дела вообще, и я считал необходимым сделать все, что в моих силах, для смягчения этих отношений. Я полагал, что для обеих сторон будет полезно, если королевич посетит в этот день болгарское посольство и будет присутствовать на приеме в честь болгарского Князя.

Я поручил воспитателю королевича Сульменеву узнать у Новаковича, как отнесется Король Петр к присутствию его сына на приеме в болгарском посольстве; ответ был удовлетворительный, и тогда я предупредил болгарского посланника Д. И. Станчева о предстоящем посещении королевича.

Я поехал на прием вместе с ним, и Его Высочество был встречен с подобающим ему почетом. Этот знак внимания королевича должен был произвести весьма благоприятное впечатление в Болгарии, тем более. что этот визит был сделан, разумеется, с согласия короля.

На летние вакации королевич уехал в Белград, и с ним отправился его воспитатель подполковник Сульменев. Он очень понравился Королю Петру, который говорил про него, что «c'est une perle»*.

Когда король в марте 1910 г. был в Киеве, то, беседуя со мной, он весьма любезно вспоминал о пребывании королевича в корпусе, о работе подпол-

* Это настоящая жемчужина. (Перевод Н. А. Епанчина).

ковника Сульменева, благодарил меня за воспитание его сына и, между прочим, сказал мне при первой же встрече: «Vous avez ete bon pour mon fils»*. Говоря мне о воспитании королевича в корпусе, Король весьма метко выразился. А именно: он сказал, что воспитание его сына было «серьезное и доброжелательное», «stricte et bienveillante».

Эта оценка замечательна с педагогической точки зрения; обыкновенно говорят о воспитании, что оно должно быть строгим, что совершенно неверно. Строгость граничит с суровостью, а далее — с жестокостью, а серьезность — с доброжелательностью. Прежде всего следует повлиять на сердце воспитанника, а строгость может повлиять на сердце неблагоприятным образом.

В Киеве Король сказал мне, что он пришлет сына Александра в Киев, древний священный русский город. К сожалению, это предположение не осуществилось — посещение Киева с его священными и историческими памятниками, конечно, было бы и интересно, и поучительно для славянского королевича, которому суждено было стать создателем Югославии и первым ее королем.

Король мне говорил, что очень доволен приемом, который ему был оказан в России; особенно на Короля произвела впечатление встреча со стороны народа вообще, особенно в Москве, и еще сильнее было впечатление в Киеве, где народ оказал Королю особенно сочувственный прием.

Я поднес Королю три тома моего труда «Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции». Как известно, одним из последствий этого похода было значительное улучшение положения Сербии, страдавшей под мусульманским игом.

22 апреля 1907 г. я был произведен в генерал-лейтенанты, и по этому случаю Король Петр удостоил меня любезной поздравительной депешей, а 15 мая того же года королевич Александр лично вручил мне знаки ордена св. Саввы Сербского 1-й степени, пожалованного мне Королем Петром I.

На лето 1907 г. королевич уехал в Белград, и так как петербургский климат был для него вреден, он в корпус не возвратился, и учебные занятия продолжались в Белграде по программам Пажеского корпуса и под наблюдением подполковника Сульменева. В 1910 г. королевич кончил полный курс Пажеского корпуса по его программе, но так как он закончил его не в стенах корпуса, то не получил права носить Пажеский знак, установленный 12 декабря 1902 г. по случаю столетнего юбилея корпуса.

Очень жаль, что тогдашнее начальство корпуса не испросило соизволения Государя на право получения этого знака королевичем. А Его Высо-

* Вы были очень добры к моему сыну. (Перевод Н. А. Епанчина).

чество очень ценил право ношения Пажеского знака, но не предпринял ничего, чтобы возбудить этот вопрос, что ему легко было сделать, ввиду особенно доброжелательного отношения к нему Государя.

Во время эмиграции Союз пажей избрал короля Югославии Александра I своим почетным председателем.

В июне 1913 г. королевич приезжал в Петербург; в это время я был командиром III корпуса в Вильно и надеялся повидать Его Высочество при проезде через этот город на обратном пути в Белград, но, к сожалению, это не удалось, так как поезд останавливается в Вильно поздно ночью, и Его Высочество известил меня, что он просит меня не беспокоиться приездом на станцию в такое неудобное время.

Во время пребывания в Петербурге в 1913 г. Государь пожаловал королевичу орден св. Владимира 4-й степени.

Насколько Король Петр I ценил работу подполковника Сульменева, видно из того, что и после окончания курсов Пажеского корпуса королевичем, Сульменев остался состоять при королевиче.

Мировая война покрыла королевича блестящей славой, и он получил высокое боевое русское отличие — орден св. Георгия 3-й степени, на шею, и заслужил глубокую благодарность и горячую восторженную любовь его соотечественников.

Вследствие болезни старого Короля, королевич был назначен регентом[22], а 16 августа 1921 г. вступил на престол не маленькой Сербии, а обширного нового славянского государства — объединенной им Югославии.

Я говорю «маленькой» Сербии, ибо вспоминаю слова Короля Петра I, который, будучи в Киеве в 1910 г., спросил при мне киевского губернатора Алексея Федоровича Гирса, сколько у него в губернии жителей, и оказалось, что их было больше, чем во всей тогдашней Сербии.

В октябре 1920 г. я был в Белграде проездом из Крыма в Саксонию, где была моя дочь с моими двумя внуками; в это время королевич был в Афинах на похоронах Короля Греции Александра I[23], и я мог только расписаться у Его Высочества, тогда регента Сербии[24].

В Белграде я узнал, что королевич чрезвычайно внимательно относится к русским эмигрантам, которые тогда прибывали в Сербию. С тех пор русские люди, благодаря милостивому вниманию и покровительству Короля Александра I и доброму отношению сербов, пользуются в стране особым гостеприимством и многими знаками внимания. И к моей семье, и ко мне Его Величество относился особенно внимательно. Так, в ответ на наши поздравления и благожелания ко дню православного Рождества Христова и к Новому 1933 году, Король почтил меня следующим собственноручным рескриптом.

«Belgrade 13 Janvier 1933

Mon General.

Je viens vous remercier bien sincerement des bons voeux que vous m'envoyez a l'occasion des fetes de Noel et de la nouvelle annee ainsi que pour les delicieuses aquarelles que vous y avez joint. Je les conserverais precieusement en souvenir de mon ancien Directeur aux Page de S. M. l'Empereur.

A l'occasion de la nouvelle annee Orthodoxe qui s'ouvre demain, je vous prie, mon General, de recevoir avec Madame Epantchine les voeux les plus chaleureux que je forme pour votre bonheur et sante. Puisse t'elle aussi apporter a votre malheureuse Partie, torturee depuis de si longues annees, une nouvelle ere de bonheur et de presperite.

Je vous envoie mes pensees affectueuses*.

Да хранит Вас Господь.

Александр».

Трудно выразить с большим вниманием и расположением чувства признательности воспитанника, которого я имел честь и счастье быть руководителем при его воспитании.

Счастливы русские люди в Сербии, что там царствовал Король, который не только не забыл того, что сделала Россия для сербов, но и вспоминает об этом в таком частном случае, как ответ на мое поздравление. Счастлива и Югославия, что Господь послал ей такого Короля, и это счастье особенно значительно в нынешнее смутное время, пожалуй даже сумасшедшее время.

Я не позволил приписать себе хотя бы что-нибудь в успехе воспитания Короля Александра, ибо это была дружная работа воспитателей и преподавателей, а также добрых отношений к нему его товарищей; все они посеяли в душе королевича добрые семена, давшие добрые плоды.

Судьбы Божьи неисповедимы, но мы, русские, несомненно, можем надеяться, что наше «несчастное многострадальное Отечество», как писал Король в Его рескрипте на мое имя 13 января 1933 г., дождется «новой эры счастья и процветания» <...>

---

* Белград, 13 января 1933. Господин Генерал! Сердечно Вас благодарю за теплые пожелания в мой адрес по случаю Рождества и Нового Года, а также за очаровательные акварели, которые Вы мне прислали. Я буду их бережно хранить, как память о моем бывшем Директоре Пажеского Корпуса Его Императорского Величества. По случаю наступающего завтра Православного Нового Года прошу Вас, господин Генерал, вместе с Вашей супругой принять самые искренние пожелания счастья и здоровья. Пусть Новый Год явится для Вашего несчастного многострадального Отечества началом новой эры счастья и процветания. С думой о Вас. (Перевод Н. А. Епанчина).

Примечания

[1] См. комментарий 3 к отчету В. В. Макушева.

[2] Николай II Александрович Романов (1868–1918) — российский император (1894–1917).

[3] Пажеский корпус — привилегированное военно-учебное заведение для подготовки преимущественно офицеров гвардии; в нем воспитывались дети высшей дворянской знати. Основан в 1759 г. в Санкт-Петербурге для подготовки придворных пажей. В 1802 г. реорганизован по типу кадетских корпусов, получив статус среднего военно-учебного заведения. В 60-х годах XIX в. введен 7-летний курс обучения (5 младших классов были организованы по типу военных гимназий, 2 старших класса — по типу военных училищ). С 1885 г. воспитанники Корпуса обучались в 7 общих классах (по программе кадетских корпусов). Упразднен большевиками в 1918 г.

[4] Н. А. Епанчин ошибается — после кратковременного пребывания в Императорском училище правоведения Александр Карагеоргиевич вернулся в Женеву, где проживал в эмиграции его отец — князь Петр. В Сербию же Карагеоргиевичи вернулись лишь в июне 1903 г., после того, как, в результате заговора, в Белграде были убиты король Александр Обренович и королева Драга.

[5] Фредерикс Владимир Борисович (1838–1922), граф — член Государственного Совета, генерал-адъютант. В 1897–1917 гг. был министром Императорского Двора и уделов. Входил в ближайшее окружение Николая II.

[6] См. комментарий 5 к воспоминаниям В. А. Гиляровского.

[7] Александра Федоровна (1872–1918) — российская императрица, супруга Николая II (с 1894). Дочь великого герцога Гессен-Дармштадского Людвига IV, внучка королевы Виктории. До замужества носила имя Алисы-Виктории-Елены-Луизы-Беатрисы.

[8] Гендриков Василий Александрович, граф — обер-церемониймейстер Высочайшего Двора.

[9] Епанчин оговорился — следовало: ... у Их Величеств.

[10] Суворов Александр Васильевич (1730–1800), граф Рымникский, князь Италийский — великий русский полководец; фельдмаршал и генералиссимус. Одержал победы в тридцати сражениях (над турками, поляками, французами), не проиграв ни одного. Похоронен в Александро-Невской Лавре.

[11] Константин Константинович (1858–1915) — великий князь, внук Николая I; генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Состоял генерал-инспектором военно-учебных заведений и почетным президентом Академии наук. Известный поэт, писавший под псевдонимом «К. Р.». Жена (с 1884) — принцесса Саксен-Альтенбургская Елизавета Маврикиевна. От брака с ней имел 9 детей (трое убиты в Алапаевске большевиками, один — князь императорской крови Олег Константинович — погиб на фронте Первой мировой войны).

[12] Иоанн Константинович (1886–1918) — князь императорской крови, сын великого князя Константина Константиновича. Штабс-ротмистр лейб-гвардии Кон-

ного полка, флигель-адъютант. Был женат (с 1911) на сербской принцессе Елене Петровне. Убит большевиками в Алапаевске.

[13] Елена Петровна (1884–1962) — сербская принцесса, дочь Петра Карагеоргиевича. Жена князя императорской крови Иоанна Константиновича, убитого большевиками в 1918 г.

[14] Милица Николаевна (1866–1951) — русская великая княгиня, урожденная княжна Черногорская. С 1889 г. — супруга великого князя Петра Николаевича. Приходилась родной теткой королевичу Александру Карагеоргиевичу.

[15] Летом 1883 г. князь Петр Карагеоргиевич женился на старшей дочери черногорского князя Николы Петровича-Негоша, княжне Зорке. Став матерью трех детей — Георгия, Александра и Елены, она умерла в 1890 г.

[16] Петр Николаевич (1864–1931) — великий князь, внук Николая I, генерал-лейтенант. Состоял почетным председателем Главного военно-технического управления.

[17] Петрович-Негош Никола (1841–1921) — князь (1860–1910), затем король (1910–1918) Черногории. Уже с 1870-х гг. претендовал на ведущую роль в процессе объединения сербских и югославянских земель. Весьма ревниво относился и к Обреновичам, и к Карагеоргиевичам, хотя был тестем Петра Карагеоргиевича и дедом Александра. В своей внешней политике ориентировался на Россию. В 1916 г. бежал из Черногории, оккупированной Австро-Венгерией. Активно противодействовал созданию «Первой Югославии». Решением Великой народной скупщины в Подгорице (1918) низложен. Умер в изгнании. В середине 1990-х гг. останки короля Николы и королевы Милены были возвращены на родину и захоронены в Цетинье.

[18] Анастасия Николаевна (1868–1935) — русская великая княгиня, дочь черногорского князя Николы. В первом браке — жена принца Ю. М. Лейхтенбергского, во втором (с 1907) замужем за великим князем Николаем Николаевичем (младшим).

[19] 9 октября 1934 г. король Югославии Александр Карагеоргиевич был убит в Марселе вместе с министром иностранных дел Франции Луи Барту.

[20] Николай Николаевич, младший (1856–1929) — великий князь, внук Николая I, сын Николая Николаевича (старшего); генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Состоял генерал-инспектором кавалерии. В 1914–1915 гг. — главнокомандующий русской армии. В 1915–1917 гг. — командующий армиями Кавказского фронта и наместник на Кавказе.

[21] См. комментарий 56 к путевым заметкам Е. Л. Маркова.

[22] В июне 1914 г. король Петр перенес монаршие прерогативы на престолонаследника Александра, ставшего принцем-регентом.

[23] Александр (1893–1920) — король Греции (1917–1920), сын короля Константина (1913–1917 и 1920–1922). Вступил на престол после отречения Константина по требованию Антанты, недовольной его прогерманской политикой.

[24] Епанчин ошибается — в 1920 г. Александр Карагеоргиевич был принцем-регентом Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Риттих П. А.[*]

По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. Часть 1. По Сербии и Болгарии в ноябре1908 г. Часть 2. По Македонии летом 1901 г. Спб., 1909. С. 9–92

II. Београд

Я был в Белграде в 1901 году и теперь нашел в нем некоторые перемены. Город несомненно растет, на окраинах его выросли очень нарядные улицы с домами-особняками. Но центральная часть города мало изменилась. Правда, тут появились такие здания, как, например, нашего страхового общества «Россия» с роскошным кафе-рестораном и с приличной гостиницей[1], которой недостает лишь хорошей прислуги. В общем же центральная часть мало прогрессирует. В осеннее время, какое я застал сейчас в Белграде, грязь и слякоть изрядная. На улицах такого оживления, какое царило там с месяц тому назад, нет, но все же заметно, что жизнь идет ускоренным темпом, и что население воодушевлено и озабочено предстоящими событиями.

Стоял солнечный день, и я прошел по главной улице к крепости, где разбит бульвар у соединения Савы с Дунаем. Гуляющих было много, все невольно останавливались и всматривались в противоположный берег, где, казалось, скрыт ключ, и где лежит загадка всех предстоящих событий. Я воспользовался случаем, чтобы поговорить кое с кем из публики о предстоящих событиях[2] и был поражен тоном и самоуверенностью простого класса. «Мы их победим, победим непременно», «у нас все вооду-

---

[*] Риттих П. А. — русский офицер, военный писатель. Во время пребывания на Балканах в 1908 г. — капитан, командир пехотной роты.

шевлены как один; у нас в два дня вся мобилизация, резервы будут подтянуты, и мы им не уступим в числе». Уверенность в среднем классе огромная. «Хотя первые зачинать не будем, — говорят они, — пусть швабы задерут». Офицеров на улицах и в ресторанах очень и очень много. Население относится к ним с доверием и чрезвычайно дружелюбно. Видно полное обоюдное сочувствие и понимание. Офицеры не держатся особнячком, а окружены штатскими и сами часто подсаживаются к последним. На улицах отдают честь друг другу превосходно и не как-нибудь; видна солидарность всех родов оружия офицерского класса. Часовые у дворца стоят как картинка, и я прямо залюбовался отдачей чести офицерам. Берут лихо, молодцевато, с перцем. Одеты солдаты на улице не всегда чисто, а офицеры безукоризненно. Что касается до отношения к русским, то оно дружелюбное, но в голосе простого класса чувствуется разочарование. «Во всем Россия виновата», — говорят не только неграмотные, а люди с некоторым лоском и претензией на образование, вроде приказчиков, лакеев и т. п.

Но довольно с такими людьми поговорить несколько слов о положении России, как лица их вытягиваются, изменяются, и они только жалко качают головами. Причину такого политического непонимания следует искать, главным образом, в некультурности, экспансивности характера сербов, агитации лиц, преследующих определенные цели, а также в характере печати. Сербская печать несет страшную ответственность за события последних месяцев в Сербии. Вместо того, чтобы проявить истинную прозорливость в событиях, все эти газетки — «*Самоуправа*»[3], «*Политика*»[4], «*Београдске Новине*»[5], «*Серпска застава*»[6], «*Штампа*»[7]* и многие другие (в одном Белграде их, кажется, с десяток) — освещали события с неправильной точки зрения, и вот вам результат демонстрации против России, а в настоящее время, как у детей, разочарование, потеря иллюзий.

Чем объяснить эту самоуверенность сербского народа, что им так легко победить Австрию, чем объяснить этот задор, правда, симпатичный, увлекающий, как именно полной неосведомленностью массы сербского народа в истинных силах и средствах Австрии, и эта неосведомленность, безусловно, подогревалась всеми этими листками, их дешевенькими статейками.

Сейчас еду на несколько дней в Софию, чтобы затем снова вернуться в Белград <...>.

14-го (27-го) ноября. Београд

* Здесь и далее выделено в оригинале.

X.
Отъезд из Софии. Вагонные разговоры

Болгаро-сербские отношения. Сербские укрепления.

Из вагонных разговоров обратил на себя мое внимание разговор о болгарско-сербских отношениях. Этот вопрос, которым так усердно занимается наша русская печать, давно уже решен в сердцах болгар и сербов, и, к сожалению, должен сказать, что на мой взгляд он решен отрицательно. Не в том смысле, конечно, что болгары будут играть в руку австрийцев и пойдут против славянства, против сербов; нет, этого, конечно, не будет, но действовать активно в защиту сербов они не станут, они будут сторонними, нейтральными зрителями, считая, что моя хата с краю, у нас своего дела довольно, мы должны преследовать реальную политику и не увлекаться какими-то абстрактными идеями.

Когда я говорил с болгарами, военными или штатскими, о сербских делах, и возмущался их политикой возможности стоять заодно со швабами, то они всегда ужасно конфузились и горячо защищались, что они тут не при чем, что народ этого никогда не допустит. Мне указывали на заседание народного собрания, где оппозиция возбудила этот вопрос, на знаменательную речь нескольких депутатов, в которых они ясно высказали взгляды болгар на свидание князя Фердинанда с Франц-Иосифом[8], которое, по их мнению, никакого значения для Болгарии не имеет, так как, согласно конституции, все акты государственной важности должны быть заключаемы в присутствии министра и контрассигнованы им, чего в данном случае не было. Была беседа с глазу на глаз верховных вождей, и если даже князь и сказал что-либо, то это его дело и для Болгарии не обязательно. Мнение оппозиции разделяется народом, это несомненно, так что *активного выступления против Сербии со стороны Болгарии безусловно не будет, народ на это не пойдет*. Но и в защиту Сербии они пальцем не двинут, в этом я глубоко убежден, и потому никакие старания русских газет в этом смысле что-либо сделать вряд ли серьезно помогут.

Разлад между болгарами и сербами лежит очень и очень глубоко, и хотя отношения между государствами исчерпываются десятилетиями, но рознь их имеет в значительной степени характер русско-польских отношений, до такой степени во многом видна аналогия.

«Да, — говорили мои собеседники болгары, — сербов как людей жалко, но все равно из них ничего не выйдет, мы окончательно изверились в них. Они не исполнили своего святого назначения, как сербов-славян —

держать курс против Австрии, стать грозной силой для последней. Они совершенно не работали серьезно в Боснии и Герцеговине и в австрийских сербских землях, а направили миллионы своих денег и тысячи агитаторов на Македонию и именно в те места, где не могло быть сомнения, что они болгарские, т. е. именно те места, которые были отданы нам по Сан-Стефанскому договору. Этим они ничего не выиграли, так как Македония была болгарской и останется ей, но поселили в нас чувство ненависти к ним, которое все время ими подогревалось. Бывало время, как несколько лет тому назад, что мы искренно хотели с ними сговориться, но что же из этого вышло? В самую последнюю минуту, когда торговый договор должен был быть подписан, они прервали переговоры, испугавшись Австрии. Этим они окончательно оттолкнули нас. Теперь нам их жалко, как славян, но что же делать, если они уже такие, видно им суждено пропасть».

Вот в главных чертах ответы болгар на вопросы о сербско-болгарских отношениях, я их лишь суммировал в одно целое.

Приехал я обратно в Белград 18-го ноября, часов в пять дня <...>.

20-го ноября. Београд

XI.
Белградские военные впечатления

Белградская военная академия.

На следующий день, в 10 часов утра, я отправился вместе с нашим военным агентом, подполковником Агапеевым[9], в военное министерство, так называемое «Министерство Войно»*, где нам не пришлось долго ждать, так как очень скоро в приемную комнату вошел полковник Туфеджич, адъютант военного министра. Подполковник Агапеев представил меня ему и передал в нескольких словах мою просьбу, заключавшуюся в том, чтобы мне была дана возможность присутствовать на занятиях в одном из пехотных полков, а также в унтер-офицерской школе и, наконец, в военном училище. Адъютант военного министра чрезвычайно любезно выслушал все это и обещал до 12 часов дня дать ответ, чтобы после двух часов дня я мог бы начать желаемую визитацию <...>.

---

* От сербск. *министарство војно* — военное министерство.

В три часа дня мы с подполковником Агапеевым подъехали к белградской военной академии, где нас уже ожидали начальник академии генерал Живкович[10], адъютант короля и офицеры академии...

Начальник академии повел нас самолично по классам и помещениям академии, рассказывая об ее комплектовании, постановке занятий и т. п. Инструкций и положения об училище я сейчас не имею, начальник академии любезно обещался их доставить, и потому сведения, приводимые ниже, даются мной на основании словесных объяснений генерала и офицеров академии, а также на основании памятной книжки для офицеров, которая у меня имеется с собой.

Военная академия в Белграде состоит из низшей школы (военное училище), комплектующей армию офицерами всех родов оружия, и высшей школы (военной академии), дающей высшую специальную подготовку офицерам. В военном училище курс продолжается 4 года. В нее принимают ежегодно около 30 молодых людей по конкурсному испытанию, в возрасте 16–20 лет. В общем, следовательно, на военно-училищных курсах — 120 человек. В высшей школе, или академии, ныне 38 человек; вообще же за последние годы принималось в среднем 20–30 человек в год. Курс в академии двухлетний и в нее принимаются офицеры всех родов оружия по предварительному испытанию. Окончившие академию отлично зачисляются кандидатами в генеральный штаб, в котором немало офицеров, окончивших военные академии в России, Австрии, Италии, Франции.

Помещение Белградской академии выстроено более десяти лет тому назад. Оно прекрасное, солидное, но находится в городе, недалеко от военного министерства. Поэтому условия его местоположения далеко не столь благоприятны, как условия Софийского военного училища, вынесенного за город и живущего на лоне природы. Белградское военное училище *поразило меня своей дисциплинированностью*. Я нигде, ни в каких военно-учебных заведениях, не исключая и нашей России, не видел такой замечательной выдержки и дисциплины, какую я видел в Белградской военной академии. По команде «смирно» классы прямо застывали, как мраморные статуи. Рапортовали начальнику училища превосходно, отвечали на вопросы коротко и быстро. Лица у всех строгие, озабоченные, точно это не юноши 16–20 лет, а какие-то совершеннолетние, рассудительные люди. Слава и честь генералу Живковичу, сумевшему так дисциплинировать училище. Недаром он пользуется в сербской армии репутацией сурового и железного генерала, хотя при этом все прибавляют... и очень справедливого.

День у юнкеров начинается рано. Встают они в 5 часов утра. До 7 приготовляются к занятиям. В 7 часов утра получают утренний завтрак (молоко с хлебом). От 8 до 11 1/2 занятия, с 11 1/2 до 2 обед и отдых, от 2 до 4–5 занятия. Затем вечерние занятия и в 8 часов ужин.

На физические упражнения юнкеров в военном училище обращено самое большое внимание. Существует огромный фехтовально-гимнастический зал, в котором видимо-невидимо всяких снарядов. Устав военной гимнастики в Сербии новый, 1899 года; поэтому в нем отразились все новейшие взгляды на этот вопрос. В общем их новых устав гимнастики, который я приобрел в Белграде, производит впечатление гимнастики чешско-шведской. Взято все лучшее из обоих. Приготовительные упражнения, так называемое «телесно вежбанье»*, недурно продуманы, приемов не слишком много, но некоторые новее наших, главное же, что на «телесно вежбанье» обращается уставом огромное внимание <...>.

При мне в гимнастическо-фехтовальном зале производилось фехтование на эспадронах. Фехтовались весьма недурно, особенно для юнкеров. В общем их обучают, как и всюду, фехтованию на рапирах, эспадронах и ружьях <...>.

Дортуары юнкеров Белградского училища очень симпатичны. Все это комнаты на 8-10 человек, с высокими потолками, много окон. Кровати на пружинах, толстые матрацы и шикарные одеяла и подушки. Мы с военным агентом даже спросили его превосходительство, не опасно ли иметь пружины, не разнеживает ли это юнкеров; генерал только в ответ засмеялся. Я заметил также, что офицеру, вероятно, трудно подчас наводить порядок, имея столько комнат дортуаров. «Бывает, — сказал генерал, — но это пустяки». Конечно, это пустяки, так как благодаря этому училище не имеет казенного вида, пахнет домашней обстановкой** <...>.

Вена, 21-го ноября

* *Телесно вежбање* (сербск.) — физичесие упражнения, тренировка.

** Уместно будет сказать, что баня в Белградской академии еще роскошнее Софийской. Только нет прачечной. (Примечание П. А. Риттиха).

XII.
Белградская унтер-офицерская школа

Из военной академии подполковник Агапеев отправился со мной в унтер-офицерскую школу, помещающуюся совершенно в противоположном конце города, в самом красивом месте Белграда, на берегу Савы, в старой турецкой крепости, не имеющей в настоящее время абсолютно никакого военного значения <...>.

В общем занятия в школе проходят следующим порядком. Утром в 5 часов люди встают. До 7 часов идет подготовка классных уроков. В 7 часов дается завтрак (хлеб, сыр, масло). С 8 до 11 1/2 занятия строевые на плацу или классные. Затем передышка для обеда до 2 1/2 часов дня. С 2 1/2 до 6 снова занятия, либо строевые, либо классные, смотря по тому, что было утром. Вечером ужин. В общем хлеба в сутки дают 1 кило, т. е. около 2 1/2 фунтов, мяса 350 граммов.

На классные занятия обращено в унтер-офицерской школе самое серьезное внимание.

Преподают устав, в особенности налегают на полевой, или так называемый ратный устав, администрацию, законоведение, *историю и географию Великой Сербии от моря до моря*, арифметику и геометрию, гигиену и Закон Божий. Законоведение читает аудитор, гигиену — доктор, Закон Божий — батюшка, остальное — офицеры роты, в каждой по 4 обер-офицера. Все эти усиленные словесные занятия, несомненно, очень развивают унтер-офицеров, которые благодаря этому довольно интеллигентны и умственный уровень их вполне достаточный <...>.

Рим, 24-го ноября (7-го декабря)

Примечания

1 Имеется в виду: гостиница «Москва».

2 П. А. Риттих прибыл в Белград во время Боснийского кризиса — международного конфликта, вызванного аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины.

3 «*Самоуправа*» (сербск.) — политическая ежедневная газета. Орган Радикальной партии. Основана в январе 1881 г.

4 «Политика» — политическая ежедневная газета. Выходит в Белграде с 1904 г. до настоящего времени. Первый владелец и редактор — Владислав Рибникар.

[5] *«Београдске новине»* (сербск.) — политическая ежедневная газета. Выходила в 1895–1912 гг. Первый редактор — Урош Урошевич.

[6] *«Српска застава»* (сербск.) — политическая газета. Выходила в Белграде в 1891–1915 гг. (с перерывом). Орган Либеральной партии (1891–1898). Первый главный редактор — Владимир Константинович. В 1901–1915 гг. — еженедельник группы либералов во главе с Йованом Авакумовичем.

[7] *«Штампа»* (сербск.) — общественно-политическая газета. Выходила в 1902–1914 гг. Первый редактор — Св. Якшич.

[8] См. комментарий 3 к путевым запискам А.В.Амфитеатрова.

[9] Агапеев В. П. — полковник (с 1915 г. — генерал-майор). В 1907–1909 гг. — военный агент России в Сербии.

[10] Живкович Михайло (1856-1930) — сербский военачальник, генерал (1907). В 1887–1889 гг. находился на стажировке в России. В 1908 и 1909–1912 гг. — начальник Военной Академии. В 1908–1909 гг. — военный министр Сербии.

*Погодин А. Л.**

История Сербии. СПб., 1909. С. 1–3

Глава I

<...> По переписи, произведенной 31 декабря 1905 г., население Сербского королевства равняется 2.688.747 человек, причем мужчин на 80.000 больше, чем женщин; в городах, которые очень невелики, живет всего 408 тысяч человек; остальное население раскинуто по деревням, где ведет местами еще весьма патриархальный родовой образ жизни, хотя число задруг в обществе невелико. По данным того же статистического сборника, из которого мной взяты вышеприведенные цифры, во всей Сербии к 1900 году уцелело не более 176 задруг, насчитывающих более 30 членов, и 366 таких задруг, в которые входило от 26 до 30 задругарей. При этом, однако, характерно, что число таких крупных задруг не только не уменьшилось за последнее десятилетие, а, наоборот, возросло: народ все же относится несочувственно к распадению задружного быта, сохраняет привязанность к самой форме такого быта и охотно заводит новые задруги, но уже на экономической основе, в форме коопераций и товариществ. В истории сербского народа задруга сыграла очень видную роль, почему и необходимо будет в дальнейшем изложении не раз еще возвращаться к ней. В национальном отношении Серб-

---

* Погодин Александр Львович (1872–1947) — ученый-славист, филолог; профессор Варшавского университета по кафедре славянской филологии. Закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Его магистерская диссертация — «Из истории славянских передвижений», докторская — «Следы корней-основ в славянских языках». Автор многих трудов по истории славянских и балканских стран... После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Был профессором Белградского университета. Скончался и похоронен в Белграде.

ское королевство обладает весьма чистым населением: 92 процента всех жителей королевства признают своим родным языком сербский, около 4 процентов — румынский. Остальные национальности представлены в десятых долях процента. Статистика религий дает еще более однообразную картину: 98,7% исповедует православие, тогда как число турок-мусульман выражается в процентном отношении всего 0,12. Таким образом, современная Сербия не знает ни национального, ни религиозного вопросов; и от турецкого элемента, довольно многочисленного в Сербии до ее освобождения, теперь не осталось почти никакого следа, за исключением массы турецких слов в современном сербском языке, кое-каких обычаев и влияния на образование антропологического типа населения. При этом, по свидетельству известного сербского географа Цвиича[1], западная Сербия, вместе с Боснией, Герцеговиной и Черногорией, представляет наиболее чистую этнографическую область, которая давно уже пережила период ассимиляции славянских пришельцев с туземными племенами фракийцев и никогда не видела в своих границах значительных поселений турок, греков или румын. Восточная часть Сербии была более подвержена турецкому племенному влиянию.

По роду занятий население современного Сербского королевства представляет картину весьма малой дифференциации: земледелием и скотоводством занято свыше 84% жителей, фабричная же промышленность находится в зародыше, интеллигенции мало, и почти вся она состоит на государственной службе, причем в силу парламентарного строя, связанного с обычаем менять вместе с кабинетом министров и весь состав бюрократии, в зависимости от принадлежности его к той или другой партии, весьма много лиц находится в отставке, получает сравнительно большие пенсии и этим сильно отягощает народный бюджет. Многое в современном положении Сербии находится в состоянии переходном и едва намечено. Европейские вкусы небольшой группы лиц и полная первобытная патриархальность народных масс, сильное тяготение интеллигенции на запад и глубоко укоренившаяся в массах привязанность к России: таковы те контрасты, которые поражают в современной жизни сербов. Чтобы понять их, необходимо знать историю королевства <...>.

Примечания

[1] См. комментарий 7 к путевым запискам А. В. Амфитеатрова.

*Троцкий Л. Д.**

Сочинения. Том 6 (Балканы и Балканская война).** М.-Л., 1926. С. 57–112

Сербия в войне. Белград

Поезд не переезжает теперь через железнодорожный мост, связывающий здесь Венгрию с Сербией, а высаживает нас в Землине, хотя билеты нам выданы до Белграда. Мы перерезываем Дунай и вливающуюся тут в него Саву на сербском пароходе «Морава». С землинской стороны Белград, отделенный всего полутораверстовой лентой воды, виден как на ладони. Глазом можно нащупать конак и скупщину. Точно так же можно их нащупать габсбургской пушкой. Это, как известно, самое уязвимое место Сербии <...>.

---

* Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) — российский революционер и публицист, социал-демократ. С августа 1917 г. — большевик, член ЦК РСДРП (б), ближайший соратник В. И. Ленина. «Соавтор» Октябрьского переворота. Советский партийный и государственный деятель. С октября 1917 по март 1918 г. — нарком по иностранным делам, в 1918–1925 гг. — нарком по военным и морским делам и председатель Революционного Военного Совета. Член Политбюро ЦК РКП (б). Находился в оппозиции курсу И. В. Сталина, за что в 1925 г. был снят со всех постов. В 1927 г. отправлен в ссылку в Алма-Ату, в 1929 — выслан из СССР, в 1931 — лишен советского гражданства. Убит по приказанию Сталина в 1940 г. в Мексике.

** В сентябре 1912 г. газета «Киевская мысль» предложила Л. Д. Троцкому дать серию репортажей с Балкан, где тогда сложилась взрывоопасная обстановка. Троцкий согласился и обе Балканские войны провел в Болгарии, Румынии и Сербии, послав в газету более 70 корреспонденций, составивших шестой том его сочинений (см.: *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. М., 1990. Т. 1. С. 258–260; *Волкогонов Д. А.* Троцкий. Политический портрет М., 1992. Кн. 1. С. 102–106).

По сербскому берегу Савы и Дуная ходят взад и вперед посты — это ополченцы, от 45 до 55 лет, в мужицкой одежде, барашковых шапках, в опанках, с ружьем за плечами. Вид этих оторванных от двора пожилых крестьян с торчащим над шапкой штыком сразу создает настроение тревоги и жути. В сознании проплывают последние впечатления оттуда: банковский чиновник с пробором и черным камнем на мизинце, венгерский полковник с ногтями, белоснежные скатерти вагона-ресторана, зубочистки в папиросных футлярах, шоколад «Milka» на каждом столике — и тем неотразимее завладевает сознанием трагическая серьезность того, что готовится произойти на Балканах, и что уже началось в самом глухом углу полуострова.

Прошлый раз я был в Белграде два с половиной года тому назад, вскоре после того как улеглись волны аннексионного кризиса[1]. Тогда Белград производил на меня впечатление русского средней руки губернского города, только вместо по воинской повинности присутствия тут «министерство войно», да вместо губернаторского дома — конак, собственно два конака: старый, в котором был убит Александр, и новый, в котором живет краль Петр. За протекшие после того тридцать месяцев Белград вырос, почистился и похорошел. Новые дома и магазины, на главной улице — торцовая мостовая. Но сейчас у города вид особенный, тревожный, бивуачный. Все мобилизованы, и все подчинено потребностям мобилизации. Автомобили и извозчики разъезжают почти только по казенной надобности. Мобилизованные, мобилизуемые и мобилизующие заполняют улицы. Магазины пусты: нет покупателей и к минимуму свелось число продавцов. Застой в промышленности, кроме той отрасли, которая обслуживает мобилизацию и будущую войну. Нет рабочих рук. Для сахарного завода в Белграде пришлось выписать из-за границы 20 рабочих, чтобы не прервать окончательно производства, для другого сахарного завода в Чуприа[2] правительство разрешило применять арестантов. На улице принца Михаила — главная артерия города — приостановлены работы по укладке мостовой, трамвайные рельсы на большом протяжении сняты, мостовая разрыта, деревянные кубики мокнут под дождем, и, подъезжая к лучшему в городе отелю «Москва», экипаж по ступицы погружается в лужу.

Масса газетных разносчиков: старики, калеки, а главным образом, мальчики. Их выкрики создают основную ноту жизни белградской улицы. Штампа! Трибуна![3] Пиемонт![4] Пиемонт! Штампа! Новине!* Новине! Новине!

---

* *Новине* (сербск.) — газета.

В писчебумажном магазине выставлена огромная батально-символическая картина. Свалив пограничный забор из заостренных палей, сербы — живописные и нарядные — врываются на могучих конях в царство турка, валя и сокрушая все на своем пути. В окне цветочного магазина выставлены последние телеграммы газеты «Мали Журнал»[5]; тут постоянно толпятся резервисты <...>.

Проходит стройными рядами 18-й полк, который сегодня отправляется на границу. В защитного цвета форме, в опанках, с зелеными ветками на шапочках. Трубят трубачи, барабанщики отбивают такт. Вид этого полка производит на меня трудно передаваемое впечатление. Нет внешней условной молодцеватости, скорее трагическая обреченность. Лапти на ногах и эта зеленая веточка на шапке — при полном боевом снаряжении — придают солдатам какой-то трогательный вид. И ничто в данный момент не характеризует для меня так ярко кровавую бессмысленность войны, как эта веточка и эти мужицкие опанки.

Уже десять дней, как железнодорожное сообщение в стране прекращено: поезда перевозят только солдат и боевые припасы. Последний восточный экспресс пришел сюда в среду, но не отправился на Софию, а вернулся на Вену. Если Белград — военный лагерь, то вокзал — сердце этого лагеря. Здесь распоряжаются исключительно военные власти. Посторонним вход воспрещен. Во дворе вокзала ружья составлены в козлы. Тяжело нагруженные лошади стоят, готовые к отъезду. Свыше десятка повозок въезжают во двор; я ближе присматриваюсь к их поклаже: это — колючая проволока для заграждений, свернутая в могучие кольца. На часах и тут стоят не резервисты, а ополченцы — крестьяне за 45 лет, в рваных штанах, с ружьями в руке.

В Сербии немного менее 3 миллионов населения. Под ружье привлечено по последним сведениям, считая и ополчение, 300 тысяч человек. Это — пятая часть мужского населения страны, включая дряхлых стариков и грудных младенцев. Концентрированная рабочая сила страны вырвана на неопределенное время из ее хозяйственного тела. Если даже допустить, что кровавая чаша войны минует Сербию, — а на это надежды нет, — и тогда эта мобилизация на ряд лет потрясет основы существования молодой страны, которая так нуждается в мире, труде и культуре* <...>.

* «День». № 3. 4 октября 1912 г. (Прим. *Ред.*).

Сербия в силуэтах
(Пашич, Пачу, Проданович, Драшкович)

Если личности не делают истории, то история делается через личности. Будет поэтому нелишним в настоящую критическую минуту попытаться набросать силуэты репрезентативных фигур сербской истории, т. е. той ее части, деятели которой не успели еще вымереть.

Никола Пашич — инженер по специальности, создатель и глава радикальной партии, человек, приговоренный к смертной казни в 1883 году, шесть лет проведший в эмиграции, сидевший еще в 1899 году в белградской тюрьме, в той самой, что и теперь стоит, — ныне глава правительства, старшее лицо в Сербии, — ибо король только марионетка в руках Пашича и его ближайших сотрудников: Лаза Пачу[6] и Стояна Протича[7]. Пашич плохо говорит по-немецки, плохо по-русски, плохо по-французски и, как уверяют, плохо по-сербски. С трудом связывая непокорные слова, он сводит свою мысль к самой элементарной форме и оттого в беседе кажется простоватым. Но если за звуками слов попытаться прислушаться к самой мысли Пашича, то можно понять, что мысль у него своя, такая, которая сама себе довлеет. Пашич лишен таланта, блеска и общего теоретического образования, во всем этом он ниже Пачу и Протича. Но он из них самый «дальновидный». Так определил его мне другой «дальновидный» серб, Драгиша Лапчевич[8]. Давно уже — еще в 60-х годах — Пашич, будучи женевским студентом, примкнул к бакунистам[9], тогда как Лаза Пачу, нынешний министр финансов, стал на сторону Маркса. Уже в этом разделении сказалось, несомненно, различие натур: раз уж нужны молодым сербам крайние идеи, то «идея» Бакунина[10], его федерация свободных общин, была, конечно, гораздо ближе, натуральнее, реалистичнее — при всей своей фантастичности — для неоторвавшегося от своей задруги, крепкого связью с землей интеллигентного серба; идеи же марксизма — при тогдашних сербских условиях — требовали несравненно большей способности к отвлечению от живой материи жизни и предполагали менее органическую связь с народной массой. Но с 60-х годов много утекло воды — и в Саве, и в Дунае. Через многое прошел Никола Пашич. Друг и ученик Светозара Марковича, сербского Добролюбова, организатор радикальной партии, конспиратор, враг Обреновичей, агентов Австрии, — он поднимается к власти победоносным заговором 1903 года. То не был простой дворцовый переворот. Офицерство было только орудием возмущения всех культурных и мыслящих элементов нации. В марте 1903 года произошла в Белграде уличная

манифестация рабочих и студентов, причем офицеры не разгоняли демонстрантов, несмотря на распоряжение из конака. Эта историческая манифестация морально убила бюрократический деспотизм Обреновичей, прежде чем военные заговорщики превратили Александра и Драгу в исковерканные трупы... Он прошел через все это, Никола Пашич, нынешний министр иностранных дел и глава правительства. Он доподлинно знает, как низвергаются и как созидаются балканские династии. Что он на своем долгом и извилистом пути не сохранил бакунинского энтузиазма, как и много другого не сохранил, об этом вряд ли нужно говорить. Бывший человек народа, он давно уже усвоил себе язык обиняков и дипломатических двусмысленностей. Кажется, будто он сознательно пользуется своим косноязычием, чтобы освобождать себя от необходимости ясно и точно формулировать свою мысль. Он — усталый скептик и политический кунктатор.

— Неизбежна ли война?

— Я думаю, что мир еще возможен.

— Как вы смотрите на политику России?

— Россия энергичнее всех призывала нас к миру.

— Германия?

— Мы довольны политикой Германии. Она требует локализации войны, значит, невмешательства держав.

— Австрия?

— Позвольте мне не говорить об Австрии.

Это не только уклончивые фразы правительственного главы, которому приходится взвешивать свои слова. Нет, Пашич действительно меньше других верит в войну и хочет ее.

Этот «дальновидный» старик, с седой бородой веером, слишком ясно видит те огромные трудности, которые стоят на пути национальных стремлений сербства, он слишком устал от той части пути, которую проделал, чтобы идти навстречу войне, которая снова все ставит под вопрос. Самое большее — он даст вовлечь себя в нее, хотя и не совсем, конечно, против своей воли.

Европа третирует нас, как марокканцев! — говорит нам Лаза Пачу. — Она хочет решать наши судьбы за нашей спиной. Мы заставим ее понять, что мы не марокканцы.

Нас понуждают присягать 23-й статье Берлинского трактата. Но эта статья существует 34 года. Лучше ли нам от этого?

Нам говорят: 12 миллионов штыков стоят на страже балканского status quo. А где было status quo, когда Австрия аннексировала Боснию, когда Италия захватила Триполи?

Вы хотите идти на театр военных действий? Вся Турция будет театром военных действий.

Энергичный, волевой язык Лаза Пачу резко отличается от выжидательных околичностей Пашича. Но это только разница темпераментов. По существу же, оба они принадлежат к одной и той же исторической формации и являются только индивидуальными вариациями одного и того же политического типа. Романтики-заговорщики, дававшие в своем национальном романтизме выражение потребностям европеизирующегося народа в государственном самоопределении, они ходом вещей стали у власти — с традициями революционных трибунов, с обязанностями государственных людей буржуазного порядка.

Младорадикалы[11] еще при Обреновичах откололись от отцов, обвиняя их в нерешительности и готовности идти на компромиссы со старой династией. Когда же отцы достигли власти и дали парламентарное выражение «воле народа», — разумеется, на основе ценза, — оказалось, что младорадикальный демократизм лишен социальной почвы под ногами. Городские рабочие, а в последнее время и полупролетарские элементы деревни, пошли за социал-демократией. Зажиточные крестьяне, священники, купцы, имущие люди крепко держатся Пашича. На разрозненных и темных промежуточных слоях деревни демократической партии построить нельзя. Что же касается буржуазии, то она развивается здесь — как и во всех отсталых странах — «не органически», не на «национальных» основах, а как соучастница европейского финансового капитала и им в его интересах питаемая.

В таких условиях демократический радикализм должен был принять форму литераторского «якобинства» Яши Продановича[12], политическая религия которого, со своим символом социальной справедливости, отражает не определенный классовый интерес, а неопределенность всех классовых интересов.

В качестве министра промышленности в коалиционном кабинете, г. Проданович со всей энергией проводил в 1910 году промысловый устав, во многих отношениях наиболее прогрессивный во всей Европе. «Частную собственность я считаю не вечным учреждением, а лишь переходной ступенью к новым общественным формам», — так заявил однажды этот министр в парламенте мелкобуржуазной крестьянской страны. При всей симпатии к честным намерениям г. Продановича, нельзя не признать, что его политика не имеет будущего.

А в то же время правое крыло младорадикалов, захваченное европейским финансовым капиталом, в его крестовом походе на страну, быстро сбросило с себя обличье непримиримого радикализма и, ведя за собой мелкого

собственника, горожанина и семьянина, поступило в политическое услужение к банкам. Открытым выразителем идей мнимо-демократической банкократии выступает Милорад Драшкович[13].

Банки играют здесь не менее политическую, чем экономическую роль. Конкуренция иностранных банков в Белграде есть непосредственная финансовая форма соперничества великих держав за покорение Сербии. Близость сербской политической партии к той или иной европейской державе в области внешней политики предполагает теснейшую связь с соответствующими банками. Капиталистическое развитие не вышло здесь еще из стадии первоначального накопления, поэтому национальной формой капитала является торгово-ростовщический. Европейский финансовый капитал, через посредство многочисленных продвинутых им сюда банковских щупалец, примкнул непосредственно к туземному ростовщическому капиталу и высасывает все, что можно, из народного хозяйства — прежде еще, чем им самим сделаны серьезные шаги в области развития сербской промышленности. В качестве посредников между европейской биржей и крестьянской страной, банкам нужны туземные дельцы, влиятельные политики, законодатели и министры. Одна и та же дверь ведет здесь в министерство и в дирекцию банка.

Если это относится ко всем правящим и соправящим партиям, то младорадикалы, в лице своего забравшего силу правого крыла, выступают как профессиональные гладиаторы банкократии. Для этого они достаточно свободны от мелкобуржуазных предрассудков и традиций национальной романтики. На международные отношения, на вербальную ноту и на мобилизацию, на мир и войну они научились глядеть под углом курса и дисконта. Les affaires sont les affaires (дело — это дело).

Но они вынуждены говорить на политическом языке своей страны. Они не могут другим поручить говорить за них в парламенте и народном собрании, для этого они еще слишком бедны материальными средствами, а страна — интеллигентными силами.

Они вынуждены сами выступать политическими ходатаями по собственным делам и перечеканивать чувства и настроения национального романтизма в звенящие фразы деляческой демагогии.

С г. Драшковичем я говорил в здании скупщины, в небольшой комнате, примыкающей к помещению клуба самостальцев (младорадикалов).

— Итак, война неизбежна. Какова политическая программа войны: автономия христианских провинций Турции?

— Нет, раз прольется кровь, автономия была бы слишком дешевой ценой. Но для себя мы ничего не хотим — только для наших христианских братьев в Турции.

— Не опасаетесь ли вы сопротивления великих держав?

— Так называемых великих держав. Где они? Их нет, их нельзя отыскать!.. Видите ли: когда полтысячелетия тому назад турки подошли к Константинополю, султан Магомет заколебался. «Ты боишься соединенных христианских держав, — сказал ему великий визирь, — напрасный страх: их соединяют друг с другом только взаимные зависть и вражда. Делай без страха свое дело». И султан, как вы знаете, свое дело сделал. Теперь, пятьсот лет спустя, мы хотим сделать наше дело, невзирая на великие державы, которые по-прежнему связаны друг с другом только завистью и враждой. Главная задача для нас — военный успех. «Мы надеемся на себя и на Бога».

— Как вы смотрите на балканскую политику России?

— С величайшей надеждой. Нам часто говорят о двух Россиях: правительственной и общественной. Для нас двух Россий нет. Нас Россия поддерживала и поддержит.

От г. министра финансов я слышал другое мнение. Он считает, что балканская политика России ничем не отличается от политики других европейских держав.

— Нельзя требовать невозможного. Наш народ верит в Россию. Про нас говорят, что мы — только военный лагерь Росси. Это нас не оскорбляет.

Вы спрашиваете о финансах. Деньги у нас есть. И не просто деньги, а золото. Наш agio менее, чем в Австрии. Это не похвальба газет. Зайдите в наши банки: вы увидите наши запасы золота. Кроме того: наш солдат — крестьянин. Главная его пища — хлеб. А запасы хлеба в нашей стране велики.

— Нет ли опасности раскола между Сербией и Болгарией?

— Не думаю. О неизбежности этого раскола неутомимо твердит австрийская пресса. Но наше ослабление означало бы для Болгарии величайшую опасность. Сейчас Австрия — наша соседка. А если бы мы были поглощены, Австрия оказалась бы соседкой Болгарии. Этого Болгария не может желать. Идете ли вы на театр военных действий в качестве военного корреспондента? Если пойдете, — мы встретимся там.

Мы простились с г. Драшковичем, бывшим министром торговли в недолговечном «самостоятельном» кабинете, ныне директором известного (экспортного) банка.

Сухой и четкий, трезвенный при всех своих патетических ссылках на братьев по ту сторону границы и на Бога, этот руководящий младорадикал показался мне гораздо старее, чем те старорадикалы, которым он идет на смену*.

---

* «День». № 4. 5 октября 1912 г. (Прим. *Ред.*).

Лаза Пачу

Министерство финансов помещается в старом запущенном доме, в глубине сада. У ворот и во дворе стоят на часах ополченцы в заплатанной деревенской одежде, с ружьями. Из длинного коридора ковыляет навстречу старичок-служитель, без воротника и галстуха, в туфлях без задков. В приемной — обивка мебели и портьеры из сербского ковра. В окно виден прекрасный старый сад. Целый угол его подле дома завален кучей старых досок и каких-то ржавых труб. Впечатление такое, как будто мы явились к члену земской управы, — только угрюмая почти стариковская спина постового ополченца говорит о другом. Через пять минут второй служитель, во всеоружии воротника и галстуха, проводит нас в кабинет министра.

Лаза Пачу за 60 лет. Смуглый, седой, нервный, несмотря на полноту, с энергическим голосом и умными глазами, он беспрестанно курит, зажигая одну папироску о другую, — то, что немцы и, кажется, французы называют курильщик «цепью». Пачу — лучший финансист правящей старорадикальной партии, знаток экономической литературы, в частности и в особенности — марксизма. Он и теперь еще не прочь считать себя марксистом и в политической полемике охотно ссылается на Маркса. Во всяком случае, он был марксистом в 60-х годах, в эпоху Интернационала, когда г. Никола Пашич, нынешний министр-президент, — а в те времена, как и Пачу, женевский студент, — был ярым сторонником Бакунина. Но марксизм одного, как и бакунизм другого, нашли свое высшее примирение — в управлении судьбами Сербии. Я говорю об «управлении судьбами» не для красного словца. Ибо, поскольку речь идет о *внутренних*[*] факторах сербской политики, все нити сходятся в руках трех лиц: Николы Пашича, Лазы Пачу и Стояна Протича. Король — чисто декоративная фигура, без нравственного авторитета и политического значения. И если в среде диктаторского триумвирата бывший конспиратор Никола Пашич представляет собой осторожного кунктатора, а Стоян Протич, старый боевой журналист, олицетворяет «железную руку» на страже порядка, то Лаза Пачу является бесспорно идейным вдохновителем старорадикальной партии.

[*] Здесь и далее выделено в оригинале.

* * *

Война? Конечно, все мы против войны. Кто же не знает преимуществ мира? Мир означает труд, накопление богатств, знаний и культуры. Кто же нуждается в этом так, как Сербия? Но ведь нам не оставляют выбора. Вы ссылаетесь на то, что внешняя торговля Сербии за последние четыре месяца выросла больше чем на целую треть, и делаете тот вывод, что экономическое развитие Сербии возможно и на мирном пути. Но где же гарантии того, что этот мирный путь будет открыт перед нами завтра? Турция с ее кровавыми неурядицами для нас не географическое и политическое понятие, а ближайший сосед и постоянная опасность. Четырехлетний опыт конституционного режима в Турции окончательно убедил нас в том, что мусульмане, представляющие собой лишь правящую военно-бюрократическую касту, совершенно неспособны создать условия мирного сожительства с христианскими народами, населяющими Турцию. Ни школ, ни судов, ни дорог — старый хаос, как и во времена Абдул-Гамида[14], только прибавилась парламентская борьба партий, одинаково неспособных оздоровить страну. Мы проявили достаточно терпения, — теперь оно исчерпано. Наша юго-восточная граница постоянно открыта всяким неожиданностям. Убийства сербских крестьян и священников, непрерывный приток беглецов, которых мы вынуждены кормить, непрекращающиеся пограничные столкновения — может ли при таких условиях страна нормально жить и развиваться?

Европа знает все это, но ей нет дела. Европа — за мир. Но ведь мира нет. Балканский мир — это постоянная частичная изнурительная война. Европа — за status quo. Но status quo — это хаос. Да и точно ли эти 12 миллионов европейских штыков, о которых нам твердят, стоят за status quo? Где же было status quo, когда Австрия аннексировала Боснию и Герцеговину? Почему не охраняли державы status quo, когда Италия захватила Триполи? Следовательно, для великих держав status quo не существует. Они вспоминают о нем лишь тогда, когда дело идет о *наших* нуждах и потребностях. Они третируют нас, как марокканцев. Сговорившись за нашей спиной, они предъявляют нам свою вербальную ноту, вернее, окрик: «Тише вы там, на Балканах!» Но мы не марокканцы, и мы надеемся Европе показать это. Европа смотрит на Турцию как на свое законное достояние, относительно которого державы, однако, никак не могут прийти к соглашению, — и потому

Европа охраняет Турцию. Если бы державы были уверены, что мы потерпим поражение и вернемся домой с окровавленной головой, они спокойно дожидались бы дальнейшего развития событий. Но державы боятся, что побежденными будем не мы. Державы боятся за «свою» Турцию.

Это было несравненно больше похоже на агитационную речь, чем на интервью, на речь, которая по своей страстности и заостренности более подходила бы для народного собрания, чем для заседания скупщины. Вопросов почти не приходилось ставить.

Чего мы хотим? Не территориальных завоеваний, а действительных гарантий культурного развития христианских народов Турции. Мы скажем в свое время, в чем, по нашему мнению, эти гарантии должны состоять.

Наши финансы в прекрасном состоянии. Чем мы этого достигли? Какими финансовыми мерами? Одной, очень простой: *конституционным* режимом. Мы поставили наше финансовое хозяйство на строго парламентскую основу. Строгая отчетность, гласность, парламентский контроль — вот действительные причины оздоровления наших государственных финансов.

Мы дорожим парламентским режимом и не отменяем конституционных гарантий даже и теперь, в такое критическое время, когда вся страна поставлена на ноги, когда все мужское население от 20-ти- до 55-ти-летнего возраста стоит под ружьем. Смею думать, тот факт, что мы теперь правим страной без всяких исключительных положений, служит к чести Сербии. Болгарский царь Фердинанд объявил военное положение, опасаясь беспорядков в стране, — разумеется, в том случае, если война *не* будет объявлена. Мы же надеемся на разум нашего народа, который знает, что правительство не примирится с тем, что было до сих пор.

Мобилизация обходится нам в 1 миллион динаров ежедневно. Мы сделали значительные запасы золота и спокойно смотрим навстречу завтрашнему дню. О займе мы не помышляем. На шесть месяцев нас хватит.

Россия? Ее политика по отношению к христианским балканским народам не отличается от политики остальных европейских держав — *не отличается ничем*. Мы скорбим об этом — это противоречит традиционным надеждам нашего народа, — но не можем не констатировать для себя этого факта.

* * *

Разговор продолжался более трех четвертей часа. Остальные затронутые вопросы имели более специальный характер; при помощи г. Пачу, который, в отличие от иных своих западно- и восточно-европейских коллег, является не только министром финансов, но и образованным экономистом, я ближе ориентировался в главных статистических данных о сербской внешней торговле в связи с международным положением страны. К этой части беседы я оставлю за собой право вернуться, когда буду говорить об экономическом развитии Сербии за последние годы.

Сегодня, 30-го сентября, я видел г. Пачу в скупщине. Шло второе чтение двух военных кредитов: в 14 и в 30 миллионов. Прений не было. Из 123 присутствующих депутатов 122 голосовали за кредит: все, кроме социал-демократа Драгиши Лапчевича. День ни в каком смысле не был боевым, и у г. Пачу не было оснований приводить в действие тяжелую артиллерию. Но по тому, как этот человек поднимался, — дважды, — чтобы, под видом разъяснений, отразить осторожные, завернутые в вату удары со скамей напредняков и националистов, сразу видно было осторожного и опытного бойца, который знает, чего хочет и каким путем идет*.

Стоян Новакович

Председателем сербской «мирной» делегации состоит Новакович. В этой политической фигуре воплощается добрая часть сербской истории, хотя сам Новакович — не столько «делатель» истории, т. е. политик, сколько ученый, филолог и историк. Но в культурно-отсталых странах, как Сербия, ученость сама по себе представляет настолько ценный капитал, что он без труда находит себе помещение на всех поприщах общественной деятельности.

Новаковичу теперь 70 лет. Начало его политической карьеры относится к эпохе князя Милана. В 1873 году, т. е. едва насчитывая 31 год от роду, Новакович, занимавший до того посты учителя гимназии и ди-

* «Киевская мысль». № 276. 5 октября 1912 г. (Прим. *Ред.*).

ректора исторического музея, был назначен министром народного просвещения. Он принадлежал к партии напредняков, что значит прогрессистов, которые ставили себе задачей европеизацию Сербии, как государства, и заимствовали с Запада политические формулы либерализма. Однако для претворения этих формул в действительность в Сербии не хватало малости: среднего сословия, городов и городской культуры. По существу дела, задача сводилась, в конце концов, к упорядочению бюрократического и, прежде всего, фискального аппарата и к замене примитивной демократии бюрократической монархией, опирающейся на новую армию. Повинуясь естественной логике вещей, напредняки быстро выродились в консервативно-бюрократическую клику, которая вращалась вокруг княжеского двора, как вокруг своей оси. В сущности, напредняки только повторили историю старейшей сербской партии либералов, ныне переименовавшихся в националистов, которые, как показывает их старое название, тоже ставили своей задачей создание «правового государства», а кончили тем, что превратились в опору злейшего деспотизма Обреновичей. На странах Ближнего Востока, как и Дальнего, отчасти и России, можно во всех областях жизни проследить, как готовые европейские формы, идеи, иногда только имена заимствуются для того, чтобы дать выражение потребностям несравненно более отсталой эпохи. Политический и идейный маскарад есть удел всех запоздалых народов. Сам Новакович вынужден оказался, как увидим ниже, признать, что сербские политические партии отличаются довольно произвольными заимствованиями из сокровищницы «европейской политической терминологии».

* * *

Я был у г. Новаковича накануне войны. Старый дом, много сербских домотканых ковров и много книг. Я не надеялся узнать у хозяина, стоявшего тогда совершенно в стороне от активной политики, ничего существенно нового или значительного, но мне хотелось своими глазами повидать тех людей, которые в разное время делали историю этой злополучной страны, чтобы таким путем поближе подойти к пониманию ее политических нравов. Во время «интервью», которое по необходимости носило формальный характер, в установленный книжными шкапами кабинет дважды входил слуга и останавливался передо мной в упор с

подносом в руках. В первый раз на подносе оказалось «сладко»: варенье в ложечке на блюдце и стакан воды. Заметив, что я несколько смутился этим гостеприимным интермеццо, хозяин сказал:

— Вы, может быть, не знаете, это — наш сербский обычай...

— В таком случае, если позволите, я воспользуюсь только водой, — ответил я с затаенным опасением, что варенье во рту сделает меня красноречивым в постановке вопросов.

Но, очевидно, варенье полагалось съесть. Ибо через несколько минут вошел тот же слуга с подносом, на котором стояла чашечка турецкого кофе. Я не повторил ошибки и, обжигая губы, добросовестно выпил кофе до дна.

На все мои вопросы: будет ли война? каковы требования Сербии и проч., г. Новакович отвечал округленными условностями, в хорошем, несколько старомодном дипломатическом стиле, на весьма недурном русском языке, неизменно каждый раз добавляя: лучше всего это, разумеется, известно правительству; только правительство может оценить положение в его целом; что касается меня, как частного лица, то я полагал бы... Говоря о международном положении, Новакович тщательно избегал называть по имени те державы, о которых отзывался без симпатии. «Что касается неблагоприятных для нас намерений нашего могущественного соседа с северной стороны, то я полагал бы...» Какая огромная разница с Николой Пашичем! Этот тоже немногословен, и определенно выражать свои мысли — совсем не входит в число его политических добродетелей. Но уклончивость и неуловимость Пашича имеют чисто деловой характер. Он всегда что-либо определенное скрывает от вас или вводит вас в заблуждение. В этой стариковской хитрости, в этом на вид простоватом «себе на уме», есть что-то глубоко плебейское. Из-за дипломата всегда выглядывает старый демагог, который восстановлял массы против монархии и опрокидывал королей. Условности же Новаковича имеют скорее «художественный» характер. Это — стиль. Стиль консервативно-бюрократического политика, который воспитался в уверенности, что история делается при дворах, и который умел сохранить внешнюю корректность и даже нравственную опрятность, служа милановскому режиму, целиком основанному на произволе и расхищении народного достояния.

В 1883 году произошла в Сербии великая «зайчарска буна» (бунт), вызванная непосредственной попыткой милановского правительства обезоружить народ. Восстание развернулось в Западной Сербии, на родине Пашича[15]. Волнения были жестоко подавлены, многие вожди каз-

нены. К смертной казни были, между прочим, приговорены Андра Николич, нынешний председатель скупщины, и Раша Милошевич[16], теперь директор государственных монополий, переводчик Маркса и нашего Зибера[17]. Никола Пашич в самом начале восстания бежал через Венгрию в Болгарию и был заочно приговорен к смертной казни. В следующем, 1884 году Новакович стал милановским министром внутренних дел. А теперь вот Пашич делегирует Новаковича в Лондон для ведения мирных переговоров!

После победы над зайчарской буной почва еще сильнее нагрелась под ногами Милана. Как многие люди его профессии, Милан попытался поднять свои шансы при помощи войны. Но, как всегда бывает в таких случаях, он потерпел жестокое поражение со стороны Болгарии в 1885 году. Запуганный до последней степени радикальной партией, Милан сделал попытку бежать из страны, но был задержан своим министром-президентом Милутином Гарашаниным, который приостановил на несколько дней железнодорожное движение во всей Сербии. Сочетание кровавой трагедии и оперетки создавало физиономию деспотического режима Милана, как и позже — его сына Александра. После сербско-болгарской войны Милан продержался при помощи диких репрессий еще два года, затем вынужден был отречься в пользу сына. Этот последний, лишенный несомненных дарований отца, но унаследовавший его деспотическое сумасбродство, печально закончил свою карьеру в 1903 году. Отныне полем уже безраздельно владеют радикалы. Партия Новаковича со сменой династии и режима переходит в оппозицию.

* * *

Хотя Новакович играл крупную в своем роде роль при старом режиме — как министр народного просвещения и внутренних дел, как министр-президент, как посланник в Константинополе и Петербурге, — но он не падал до положения прямого лакея милановского или александровского произвола. Он оставался лично «честным человеком», — среди сербских министров, заметим мимоходом, это далеко не так редко случается, как среди болгарских, — и имел свои принципы. Его идеалом было консервативное «правовое государство» на основе надежного ценза. Он нередко попадал поэтому в конфликты с Миланом и его сыном. С мнениями его до известных, не очень широких, пределов — счи-

тались. Даже самый разнузданный и циничный личный режим всегда сохраняет тяготение к «честному человеку», который своим присутствием на ответственном посту является как бы порукой за то, что еще не все — «гнило в датском королевстве»: не так, стало быть, мы уж плохи, если столь почтенный педант стоит при нас в качестве министра внутренних дел. А педант, — конечно, тоже не без лукавства, — утешает себя на своем небезвыгодном посту тем, что хотя и приходится проглатывать верблюдов, зато есть возможность время от времени отцеживать комаров. Либерально-правовой консерватизм Новаковича оставался, разумеется, все время довольно невесомым капиталом. Крестьянско-мещанская оппозиция режиму Обреновичей шла сплошь под антидинастическим знаменем радикальной партии. А то, что оставалось за вычетом крестьянской массы населения, было слишком уж слабо и худосочно, чтобы создать опору для упорядоченного либерализма консервативной складки. Новакович и не искал общественной опоры для своих либерально-консервативных принципов, он целиком полагался на свое придворное влияние — в качестве состоящего при режиме «безупречного человека».

Месяц тому назад вышла из печати мемуарно-историческая книга Новаковича «Двадесет година уставне политике у Србиjи (1883–1903)» — печальная повесть о попытках поставить абсолютизм Обреновичей «внутренними средствами» на правовой фундамент. С подчеркнутой односторонностью, обязательной для мемуаров всех государственных мужей, вышедших в тираж при либеральном сломе режима, г. Новакович говорит о себе, как о противнике абсолютизма, которому он по мере сил своих старался придать «оттенок благородства». До зайчарской буны Новакович был, как мы уже знаем, министром просвещения. Но в министерство кровавого подавления он благоразумно отказался войти, отойдя на это время к стороне. Зато, когда работа была сделана другими, т. е. его же товарищами по партии, он с успокоенной совестью вступил в управление внутренними делами. А когда Милан отказался принять его спасительный проект основных законов, долженствовавший раз и навсегда положить конец «произволу сверху» и «анархии снизу», Новакович единолично выступил из министерства Гарашанина. После злосчастной войны 1885 года и неудачной попытки отряхнуть от ног прах дорогого отечества, Милан собрал конференцию из виднейших политиков, которые должны были научить его, как выпутаться из беды. Новакович опять выдвинул свой проект основных законов, с целью не только внести умиротворение в страну, но и поднять ее престиж извне. Из это-

го, однако, опять ничего не вышло. После 1894 года, когда экс-король Милан вернулся в Сербию, чтобы продолжать там свою старую политику под фирмой своего сына Александра, он сделал попытку убедить Новаковича взять на себя задачу образования кабинета. Двухдневные переговоры, однако, ни к чему не привели. Министерство было создано из напредняков и либералов второго сорта. В 1895 году, когда Александр сделал попытку освободиться от опеки Милана, Новакович становится министром-президентом — под условием принятия его программы, первым пунктом которой было урегулирование конституции. Но Милан пересилил, и Новаковичу пришлось снова ретироваться.

В своем почтенно-педантическом упорстве Новакович поддерживался своей историко-философской концепцией: в качестве консерватора старомодного стиля, он остался до настоящего дня сторонником органической теории общественного развития. Среди нескончаемых государственных переворотов, войн и восстаний, раздиравших на части маленькую страну, ученый политик находил утешение в мнимо-научной уверенности, будто человеческое общество эволюционирует подобно биологическому организму. Он настойчиво, но тщетно рекомендовал своим двухвершковым монархам сообразовать с этой доктриной свою государственную практику, а они предпочитали поступать наперекор основным законам, не исключая законов... органического развития. «Самодержавие привлекательно и сладко, — меланхолически жалуется Новакович, — и его волшебных чар не могут преодолеть абстрактные политические доводы»...

Консервативно-органическая теория, которая мало помогала Новаковичу в области его политической практики, шутит над ним, как над политическим историком Сербии, злые шутки. Так как на биологическом дне общественности трудно найти объяснение всем превратностям сербской политики, то Новаковичу не остается ничего другого, как искать ключа к тайной истории в личных интригах. Добрая доля «уставной политики» Сербии за двадцать лет объясняется у него враждой между Миланом и его женой Наталией. Насчет «биогенезиса» сербских партий дело у Новаковича тоже не ладится, и он вынужден признать, что политические партии Сербии представляют собой не органические образования, а «искусственные сообщества, заимствовавшие свои наименования из европейской политической терминологии».

Последнее десятилетие сербской истории, протекшее целиком под знаменем радикальной партии, сумевшей правдами и кривдами связать себя с массой, не прошло бесследно и для той партии, во главе которой

в течение трех-четырех десятилетий стоял Новакович, не в качестве действительного руководителя, а в качестве «сведущего лица» и ... декоративной фигуры. Новакович вынужден был понять, что главная задача политики в новых условиях состоит не в том, чтобы «абстрактными политическими доводами» отучить своего короля от «привлекательных и сладких» навыков деспотизма, а в том, чтобы «завоевать доверие народа». «Из радикальных кругов, — признается он в своей книге, — это стремление перенеслось и в антирадикальные круги».

Напредняцкая партия упорно и не без некоторого успеха борется при новом режиме с радикалами за «доверие» народа. Партия, которая подписалась под заключенным Миланом сербско-австрийским договором 1882 года[18], фактически ставившим Сербию в вассальную зависимость от Австрии, теперь не находит достаточно энергичных слов в осуждении нерешительности старорадикалов по отношению к задунайской монархии. Но учителя-радикалы не склонны сдавать свои позиции ученикам. В критические месяцы аннексионного кризиса, когда контрреволюционный переворот висел в воздухе, Пашич создал «великое министерство» коалиции и во главе его поставил Стояна Новаковича. Этим размещением ответственности он спас власть для радикальной партии.

— Не предполагаете ли на время войны снова создать коалиционное министерство? — спрашивал я Новаковича в конце сентября.

— В этом нет нужды, — ответил он, — мы все предоставили правительству.

И действительно: политические шансы были так благоприятны после заключения балканского союза, что в коалиционном министерстве не было никакой нужды для Николы Пашича. А после войны, когда во весь рост свой встали временно отодвинутые затруднения и опасности, когда стало ясно, что мир не принесет Сербии всего того, что обещала война, Пашич поставил во главе «мирной» лондонской делегации Стояна Новаковича.

Возможно, что история, в некоторых областях которой г. Новакович, как ученый, работал с большим трудолюбием и значительным успехом, предоставила педантичному представителю непедантической страны в последний раз возможность попытаться «абстрактными политическими доводами» убедить европейскую дипломатию в том, что Сербии, в интересах ее «органического развития», необходим свободный и нестесненный выход к Адриатическому морю*.

---

* «Одесские новости». № 8902. 19 декабря 1912 г. (1 янв. 1913 г.). Прим. *Ред.*

Никола Пашич

I

Будет ли война с Австрией? — никто не знает. Спросите Николу Пашича. Он знает. Если нужно, Пашич сделает так, что будет война. Если не нужно — войны не будет. Пашич думает за всех, Пашич знает, что нужно. За ним Сербия не пропадет — за Николой Пашичем! В Софии политические зубоскалы, заседающие по кафе, говорят: «Нет, Фердинанд на даст грекам Салоник[19], уж это как дважды два»... А в Белграде все политические разговоры вертятся вокруг личности Пашича. Про короля Петра вспоминают только в исключительных случаях и по чисто внешним поводам, когда, например, австрияки осветят из Землина прожектором королевский дворец. А Пашич всегда у всех и на уме, и на языке.

Откуда эта популярность и эта власть? Пашич не оратор, не журналист, не боец, не блещет талантами, — Пашич вообще *не блещет*. Рядом с ним стоят такие даровитые люди, как Стоян Протич и Лаза Пачу, боевой журналист и боевой оратор старорадикальной партии, — и, однако, никто не скажет вам: «Спросите Протича или Пачу», а всякий скажет: «Спросите Пашича», — и лукаво прибавит: «только Пашич все равно ничего не скажет».

Пашич — не оратор, сказал я. Правильнее было бы сказать, что Пашич совершенно не умеет говорить. Пытаясь облегчить ему работу, я переходил в интервью с русского языка на немецкий и с немецкого на русский: меня предупредили, что Пашич владеет этими двумя языками, — дело, однако, шло из рук вон плохо. И когда я рассказал об этом своим белградским друзьям, мне ответили:

— Да он и по-сербски говорит точно так же.

— Как так? Да ведь он серб?

— Коренной. Однако же, крайне неправильно и лишь с большими затруднениями владеет сербским языком.

— Ну, это не совсем так, — говорит другой собеседник. — Когда Пашич захочет, он говорит достаточно свободно. А это он просто выработал такую манеру, чтоб облегчить себе обдумывание ответа: подыскивая — на вид, беспомощно — непокорные слова, Пашич на самом деле занят выработкой наименее определенного и наименее уязвимого из всех возможных ответов.

— Нет, я с этим объяснением не согласен, — возражает первый. — Но у нас в этом вопросе, как во всем вообще, что касается Пашича, су-

ществует, по крайней мере, два различных мнения: одни говорят — просто не дал ему Господь Бог дара речи свободной и ясной; а другие упорно возражают — нет, это тонкий тактический расчет.

Действительно, то же противоречие вы услышите и в общей оценке личности Пашича. Одни говорят: мудрец, провидец. А другие возражают: человек ниже среднего уровня, без всяких способностей, и влияние этой путаной головы — чистая загадка.

А между тем влияние, вернее, почти абсолютная власть этой «путаной головы» — несомненный факт: Пашич проводит выборы, назначает и низвергает министров, заключает международные договоры, вяжет и решает.

Пашичу теперь 68 лет — он родился в 1844 году в Зайчаре, в Восточной Сербии, где в 1883 году началось крестьянское восстание против попытки князя Милана обезоружить народ, — восстание, так и перешедшее в историю Сербии под именем «зайчарской буны». В 1878 году Пашич впервые был выбран депутатом в скупщину, а ко времени «буны» (бунта) он был уже видным политиком радикальной партии, которая вела жестокую борьбу с князем Миланом. Обе стороны не стеснялись в выборе средств, хотя и брали их из разных арсеналов: Милан действовал свирепыми репрессиями, радикалы — беспардонной демагогией. «Напрасно пашете, братья, — говорил радикальный агитатор, переходя от одной крестьянской пашни к другой, — князь Милан все равно уже проиграл вчера ночью в Вене вашу землю в карты». И мужики покидали пашню, проклиная Милана... Зайчарска буна была подавлена с азиатской свирепостью. Осторожный Пашич еще в самом начале восстания бежал через Венгрию в Болгарию. Он был заглазно приговорен к смертной казни, что, однако, не помешало ему дожить до глубокой старости.

Положение властного, жестокого и сумасбродного Милана, которого радикалы с основанием обвиняли в предательстве интересов страны Габсбургам, становилось все более и более шатким. Радикалы сумели вызвать в крестьянском населении личную ненависть к Милану — «моту» и «картежнику», который пропивал и проигрывал сербскую землю швабам. Чтобы спасти положение, Милан прибегнул к тому старому средству, которое настоятельно рекомендовал шекспировский Генрих VI:

«Вести войну в далеких странах, чтобы
Внимание умов непостоянных
Тем развлекать и заставлять в походах
Былое забывать навек...».

Однако, провоцированная Миланом сербско-болгарская война кончилась жестоким разгромом Сербии. Милан, совершенно потеряв голову,

сделал попытку бежать из страны. Но его не пустили те самые министры, которых он приучил быть лакеями его произвола. Министр путей сообщения приостановил на несколько дней железнодорожное движение по всей стране. Милан остался. Он держался еще около двух лет в непрестанной борьбе с радикальной партией, в передних рядах которой стоял Пашич, но в 1887[20] году вынужден был капитулировать, отрекшись от престола в пользу своего сына Александра. Радикалы приближаются к власти. Пашич становится попеременно то председателем скупщины, то министром-президентом. Александр, унаследовавший от своего отца сумасбродство, жестокость и суеверность, т. е. все, кроме дарований Милана, совершил в 1893 году — по соглашению с радикалами — свой первый государственный переворот, с целью освободиться от опеки регентства, находившегося в руках реакционно-военной клики. Пашич отправляется в это время посланником в Петербург. Но уже через год возвращается из-за границы Милан; Александр совершает второй переворот, на этот раз против радикалов, и устанавливается на пять лет режим разнузданного милановского произвола. Партия Пашича снова выступает в крестовый поход.

Во второй половине этой эпохи реставрации произошел эпизод, сыгравший большую роль в политической судьбе Пашича. На Милана было произведено таинственное покушение[21], авторство которого радикалы приписывали Александру, который, по их словам, путем покушения хотел освободиться от Милана, а путем репрессий за покушение — от радикалов. Если это объяснение верно, то приходится признать удавшейся только вторую половину плана: Милан остался невредим. Зато радикалы пострадали жестоко. Дело было подготовлено настолько хорошо, что никому из радикальных вождей не удалось бежать. Все они были теперь в когтях Милана, своего заклятого врага, и смертный приговор, уже предрешенный Миланом, был бы, несомненно, приведен в исполнение, если бы — ирония судеб! — не энергичное вмешательство русской дипломатии, которая поддерживала радикалов как врагов австрофильской политики Милана. Вожди радикалов были присуждены к долголетним каторжным работам. Стоян Протич, нынешний министр внутренних дел, два года провел в ужасающих тюремных условиях, на цементном полу, в цепях и в арестантском халате с буквой *Р* (робиаш*-арестант) на спине. Нынешний председатель старорадикального клуба скупщины, архиерей Коста Джюрич[22], один из основателей партии и влиятельнейший агитатор-демагог, проделал тот же самый каторжный курс — после того, как был лишен сана и священнической бо-

* Перевод Троцкого не совсем точен. *Робијаш* (сербск.) — каторжник.

роды. Один только Никола Пашич, приговоренный к пятилетнему заключению, был немедленно помилован. Причина этого изъятия не выяснена и до сих пор. По популярности Пашича был нанесен жестокий удар, долгое время казавшийся непоправимым. Пашича обвиняли в отступничестве и даже в предательствах. Припомнили его «своевременный» побег во время зайчарской буны. Если обвинение в предательствах осталось, по меньшей мере, недоказанным, то несомненным был, во всяком случае, факт уклончиво-осторожного поведения на суде. В противоположность мужественно-непримиримым заявлениям Протича, Пашич тщательно подчеркивал возможность компромисса между радикальной партией и Обреновичами. Друзья Пашича, и среди них первым Протич, объясняли помилование стремлением Милана искусственно выделить из радикальной партии опаснейшего врага и, скомпрометировав его в общественном мнении, сделать политически безвредным. Цель эта была, во всяком случае, достигнута — по крайней мере, на время. Против Пашича началась жестокая агитация в его собственной партии. Стало выделяться младорадикальное крыло, объявившее войну политике компромиссов и Пашичу, как ее злому вдохновителю. В течение двух-трех следующих лет Пашич стал политической невозможностью.

В 1901 году Александр женится на Драге[23] и высылает Милана из Сербии, причем пограничным солдатам отдано распоряжение стрелять в отставного монарха, если он попытается вернуться. А в апреле 1903 года — после новых coups d'etat, политических манифестаций и репрессий — офицерский заговор, подготовленный и выполненный в полном согласии с радикальной партией, ставит последнюю кровавую черту под историей династии Обреновичей[24].

После убийства Александра и Драги, во время новых парламентских выборов 1903 года, антипатия к Пашичу, как отступнику, была еще настолько велика и всеобща, что ни один из округов не решается вставить его имя в свой список кандидатов. И это несмотря на то, что ближайшие друзья его, как Протич, Пачу и Джюрич, оставались неизменно преданы ему, и, освободившись из тюрьмы, Протич в тот же день об руку с Пашичем совершил демонстративную прогулку по улицам Белграда. Пашич, однако, не опускает рук. Он переезжает из округа в округ, не смущается неудачами и достигает, наконец, того, что один из популярных старорадикальных крестьян, Станко Петрович, вносит его в свой список и проводит в депутаты. А через каких-нибудь три года после этого Никола Пашич становится абсолютным властителем Сербии, имя его пишется первым во всех списках, а остальные имена — не только депутатов, но и министров — зависят в первую голову от него.

II

В наших статьях о «Загадке болгарской демократии» мы пытались вскрыть и объяснить тот факт, что под оболочкой демократии в Болгарии господствует более или менее «просвещенный» абсолютизм в форме личного режима царя Фердинанда. Слабость социального расчленения и примитивность политического развития населения, с одной стороны; полная зависимость внутренней политики от внешней, необходимость постоянно лавировать между аппетитами великих держав, невозможность проводить такую политику через массы, с другой стороны, — таковы причины болгарского «просвещенного абсолютизма», прикрытого и осложненного формами политической демократии. В значительной своей части все это относится и к Сербии. И здесь политика имеет крайне «центростремительный» характер. Но нетрудно понять, что центром этой политики не мог стать король Петр — даже независимо от его личных качеств. Почти вековая борьба двух династий, постоянные заговоры и интриги, бесславное правление Александра Карагеоргиевича, отца короля Петра, затем не менее бесславная эпоха двух Обреновичей, Милана и Александра, постоянные придворные скандалы — в миниатюрной стране, на глазах всего населения, — все это должно было основательно подкопать монархические чувства. Король Петр был призван на трон той партией, которая в течение десятилетий вела непрерывную борьбу с Обреновичами и в этой борьбе сумела собрать вокруг себя большинство населения. Естественно, если руководящая политическая роль досталась не обремененному годами, семьей и долгами швейцарскому обывателю, а той партии, которая сочла нужным возложить на его голову корону. И столь же естественно, если «центростремительный» характер мелкодержавной балканской политики, с ее потаенными ходами и могущественными закулисными влияниями, вручил почти неограниченную власть руководящему политику, выдвинутому старорадикальной партией.

Но почему именно Пашичу?

Те, которые с преувеличенным пафосом величают Пашича мудрецом и провидцем, вряд ли смогли бы привести хоть одну формулу его мудрости или хоть одно определенное пророчество. Но, с другой стороны, должен же был этот старый политик обладать какой-то незаурядной прозорливостью, каким-то крупным даром ориентировки, если испытующее время не расшатывало, а упрочивало его авторитет.

Правы и те, которые отрицают за Пашичем выдающиеся способности, но правы лишь постольку, поскольку речь идет о способностях *активных*.

Творчество совершенно чуждо сербскому политическому «демиургу». Он не создал ни одной идеи, ни единого плана, ни единой формулы. Он совершенно лишен инициативы. Наоборот, по всей натуре своей, он должен питать органическое недоверие ко всякой инициативе. Он не борец. Участвуя в борьбе, он вносит в нее начало компромисса. Без инициативы, творчества и талантов борца, он был и оставался в политической истории Сербии непоколебимым выжидателем, упорным кунктатором. И в этом заключается его огромная, хотя и чисто пассивная сила.

Активность и боевой темперамент могут поднять человека на политическую высоту там, где в самой жизни заложено начало активности, где инициативе есть на что опереться. А где, как в Сербии, общественное развитие идет крайне медленно и в очень узких рамках, где политические события, при всей своей внешней пестроте и даже драматизме, будоражат только поверхность и расходятся мелкой рябью, там творческая сила легко разрушает себя самое и в бесплодных метаниях из стороны в сторону. То же самое во внешней политике. В течение нескольких десятилетий внешняя политика Сербии представляла ряд зигзагов, тщетных усилий и обманутых надежд. В этих условиях — внутреннего застоя и внешних разочарований — политические индивидуальности быстро изнашиваются и репутации скоро гибнут. Беда Сербии состояла не в отсутствии плана, а в отсутствии силы. Политик с планом оказывался неизменно обанкротившимся в тот момент, когда обнаруживался недостаток силы для осуществления его плана. Пашич был и оставался политиком *без плана*, реалистическим скептиком, цепким и по-мужицки хитрым выжидателем. Логика политического развития или, вернее, застоя была за него. Он побеждал одного своего соперника за другим. Не в открытой борьбе побеждал, — для этого у него не было никаких данных, — а преодолевал своей неутомимой пассивной настойчивостью. Людей с инициативой он сам подталкивал на первые места, где они быстро обманывали возбужденные ими надежды и выходили в тираж. А то, что оставалось в их замыслах осуществимого, Пашич неизменно делал своим достоянием. Он стал политически собирателем. Что можно было осуществить, он осуществлял, дав предварительно инициаторам время свернуть себе шею. Так он поступал и с соперниками внутри партии, и с противниками из другого политического лагеря. В безвыходные дни аннексионного кризиса он образовал коалиционное министерство и во главе его поставил наиболее авторитетную и декоративную фигуру среди напредняков, Стояна Новаковича. Отлично понимая, что плоды лондонских мирных переговоров окажутся гораздо ниже сербских ожиданий, он того же Новаковича поставил во главе «мирной» делегации. Он не боится выдвигать своих противников на видные

места, но он не боится и спихнуть противника крепким мужицким пинком сзади, — если созрел час. В августе этого года, когда балканский союз[25] был уже готовым фактом, и открывались серьезные перспективы успеха, Пашич счел своевременным снова занять пост министра-президента. Но Марко Трифкович[26], поставленный раньше во главе правительства на время неопределенного положения, совсем не обнаруживал охоты посторониться в такой торжественный час. Тогда Пашич напечатал, в партийно-правительственной «Самоуправе», следовательно, в официозе самого Трифковича, извещение, что министр-президент подал в отставку, которая и будет принята. Трифкович прочитал, сперва изумился, затем понял и — подал в отставку. Отставка была, разумеется, принята. Пашич снова взял открыто бразды в свои руки.

Сейчас он в апогее своего влияния. О его прозорливости и особенно о его хитрости сложились уже целые циклы легенд. Ненависть к нему постепенно притупилась даже в самых заклятых врагах его, какими долго были младорадикалы. Он всех приучил к себе, заставил понять и признать свою необходимость. Со старорадикальной партией, накопленный опыт которой он воплощает в себе, он связан нерасторжимой связью. Он знает человеческий материал своей партии, как никто, и это позволяет ему быть истинным ловцом человеков. Он умеет ладить и с врагами, умиротворять личные страсти, примирять и заставлять совместно работать.

Эта политика компромиссов, сделок и упорного выжидания, которую можно формулировать одним словом: *«образуется»*, отражает целую эпоху в развитии Сербии — эпоху слабости, метаний и унижений. Балканская война завершила эту эпоху и открыла новую. Война стала возможной только на основе хотя бы временной и хотя бы военной только федерации балканских государств. А подведение итогов войны слишком ясно показывает балканским народам, и в первую голову Сербии, полную невозможность для них существовать иначе, как в постоянной экономической и политической федерации. Пашич развертывает сейчас все свое искусство в закулисных переговорах с Австрией и в умиротворении воинствующей партии внутри страны — в какой мере удастся ему то и другое, покажет завтрашний день. Но и самые большие успехи на этом пути могут иметь уже только временное и ограниченное значение. Больших успехов можно достигнуть только на пути борьбы за балканскую демократическую федерацию.

Все прошлое Пашича свидетельствует, что эта задача, требующая инициативы, размаха и творческой смелости, ему не по плечу. Нужны новые люди, другой психологической складки и иного политического закала*.

---

* «Киевская мысль». №№ 346 и 349. 14 и 17 декабря 1912 г. (Прим. *Ред.*).

Сербская пресса

I

Война застала в Белграде четырнадцать ежедневных газет — это на город с населением немногим более 80 тысяч душ. Цифра эта станет еще более поразительной, если припомнить, что среди почти трехмиллионного населения Сербии 80% неграмотных. Благодаря развитой политической жизни, пресса играет здесь огромную роль. Она явилась одним из решающих факторов, создавших психологические предпосылки войны, — в Сербии, как, впрочем, и в Болгарии. А воинственное настроение населения превратилось в боевое настроение армии, которое является сейчас не менее важным условием победы балканских союзников, чем хорошо разработанные стратегические планы.

В отличие от Болгарии, в Сербии имеются довольно старые политические традиции, а с этим связана большая определенность партийных отношений. В Болгарии царь призывает к власти группу, которая до вчерашнего дня ютилась в самом глубоком уголке Народного Собрания. Эта группа организует выборы и возвращается в парламент в качестве подавляющего большинства. Она быстро изнашивает себя — главным образом, под давлением факторов международной политики — и подвергается участи своей предшественницы, т. е. снова, в качестве ничтожной оппозиционной группы, вынуждена дожидаться лучших времен.

В Сербии это невозможно. При самом энергичном правительственном давлении на выборы, редко удается передвинуть соотношение сил более чем на 10–15 кресел. С 1903 года здесь политическим полем почти полностью владеет радикальная партия, которая вела в свое время жестокую борьбу против деспотизма Обреновичей и при помощи офицерства, поставившего кровавую точку в истории этой династии, установила нынешний парламентарный режим.

Однако, — и это чрезвычайно важное обстоятельство для понимания политической жизни Сербии — радикальная партия не имеет в своих руках прессы. С 1903 года в сербской политике все резче вырабатывается противоречие между официально-радикальным курсом и прессой <...>.

Прессой руководит молодое поколение, которое не проделало революционной борьбы с Обреновичами, но успело разочароваться в ее результатах. Радикальный режим придал конституционную форму политической власти и установил свободу собраний и печати, но экономическое развитие Сербии, в тисках ее международного положения, шло по-прежнему

медленным темпом; а во внешней политике, которая стоит здесь неизменно в центре общего внимания, одно разочарование следовало за другим. Создался целый слой городской полуинтеллигенции, которая мало чему училась, не имела за собой никаких идейных заслуг, но проникнута уверенностью, что будущее Сербии принадлежит ей. Эти деклассированные элементы, стоящие на границе люмпенства (босячества) и, во всяком случае, проникнутые духовным люмпенством насквозь, безраздельно владеют сербской прессой. Они плохо знают историю Сербии и еще хуже — географию Балканского полуострова, но они недовольны династией и особенно старорадикальным правительством, которое не создало для них до сих пор более широкой арены действий. Им, прежде всего, нужна Великая Сербия. Они возмущены парламентом, который все еще не раздвинул государственных границ, не превратил сильного в слабое, и слабого в сильное. С парламента они переносят свое злобное недовольство на парламентаризм. Они жадно используют недостатки конституционного механизма, — а эти недостатки в Сербии поистине могут померяться с достоинствами, — чтобы изо дня в день компрометировать, вернее, оплевывать принципы народного самоуправления. Скупщина — только «тормоз», «говорильня», она ничего не дает; министры — мошенники, которые обогащают себя при займах, постройках и поставках; депутаты — бездельники, которые за безделье получают 15 динаров в день. Правда, только за время короткой сессии. Но все же 15 динаров! Какая огромная сумма в глазах полуголодного газетного люмпена!

Эта пресса, оппозиционность которой есть лишь другая сторона ее жадного цинизма, имеет за себя реакционное городское мещанство, чиновничество, столь обиженное здесь жалованьем, значительную часть офицерства, недоучек разных категорий, профессиональных интриганов, остатки старых, разбитых партий, карьеристов-неудачников и карьеристов-героев завтрашнего дня. Подкапываясь под все оформленное, идейно-определенное, партийно-очерченное в политической жизни Сербии, поддерживая всякий раздор и скандал внутри любой партии или общественной группы, эта пресса, однако, органически неспособна выдвинуть к власти новую политическую партию, потому что сама она лишена какой бы то ни было программы или определенных политических задач. Она мечтает о железном кулаке, который разгонит по домам депутатов, об острой сабле, которая откроет Сербии выход из исторического тупика <...>.

Бездарная, малограмотная, низменная сербская пресса вносит гниение в идейную жизнь страны и является самым зловредным фактором сербской общественности.

Ее работа направлена не только против тех молодых сил, все значение которых пока еще в будущем, но и против господствующей старорадикальной партии, которая отстаивает элементарные государственные потребности страны, уже вступившей на путь современного экономического и культурного развития. Это обстоятельство толкнуло Стояна Протича, сербского министра внутренних дел и так называемую «железную руку» радикальной партии, на путь «обуздания» прессы драконовскими цензурными законами — драконовскими, конечно, не на наш русский масштаб, а с точки зрения той абсолютной свободы печати, которая до начала войны царила в Сербии* <...>.

Политические партии

<...> В Сербии, не считая социал-демократии, четыре политические партии, принадлежащие к двум историческим эпохам. Старейшую партию представляют либералы, переименовавшие себя несколько лет тому назад в националистов. Расцвет их деятельности падает на эпоху Милана, личный сумасбродно-абсолютистский произвол которого они прикрывали министерски-парламентскими формами. Во внешней политике они представляли собой, как и Милан, габсбургское агентство по балканским делам[27].

С 80-х годов на тесную театральную сцену Сербии выступают напредняки (прогрессисты), которые пытаются упорядочить государственно-парламентское хозяйство Сербии, но не находят и не ищут опоры в массах, а потому быстро вырождаются в конкурирующую с либералами политическую клику при личном режиме Обреновичей. И эта партия во внешней политике имеет за своей спиной австрофильские традиции. При ее содействии был заключен Миланом в 1881 году тайный договор с Австрией, по которому Сербия отказывалась от всяких претензий на Боснию и Герцеговину и открывала австро-венгерской армии ворота на Балканы; в качестве гонорара Вена обязывалась поддержать династию Обреновичей. В этом поразительном договоре, энергично использованном радикальной партией против Милана, истинная природа балканских династий, как орудий европейской дипломатии, достигла самого законченного корыстно-циничного выражения.

---

* «День». № 49. 20 ноября 1912 г. (Прим. *Ред.*).

Радикальная партия, также возникшая в 80-е годы, достигла своего огромного влияния, благодаря смелой, вернее сказать, неистово-демагогической борьбе с Обреновичами. Еще при Александре, который неоднократно делал попытки заключить мир или, по крайней мере, перемирие с радикальной партией, от нее откололось непримиримое по отношению к Обреновичам младорадикальное крыло, нынешняя «самостоятельная» партия. Радикалы, и особенно старорадикальный папа Никола Пашич, слывут русофилами, и, действительно, в борьбе с австрийско-обреновичской реакцией они всегда искали поддержки в Петербурге, хотя русский государственный строй, в силу естественных аналогий, не мог пользоваться их симпатиями.

Переворот 1903 года, искоренивший династию Обреновичей, посадил на трон нынешнего короля Петра, поставил у власти старорадикалов и превратил националистов и напредняков из придворной клики в партии парламентской оппозиции.

Парламентаризм и демократия имеют в Сербии крайне примитивный характер, хотя и не столь примитивный, как в Болгарии. В отличие от этой последней, монархия не играет в настоящее время в Сербии никакой политической роли.

Почти столетняя борьба Обреновичей с Карагеоргиевичами, представляющая цепь интриг с кровавыми финалами, весьма мало была способна упрочить фундамент сербской монархии. Основатель одной из династий Кара-Георгий, революционер в своей политике по отношению к Турции, мечтавший об освобождении всего полуострова, был убит князем Милошем, основателем второй династии, который вел политику компромиссов и руководствовался, прежде всего, личным и династическим расчетом. Сам князь Милош был низложен и изгнан. Точно так же и его преемник Михаил. Александр Карагеоргиевич, отец нынешнего короля, не выходивший из-под австро-турецких влияний, подвергся участи двух своих предшественников. Его сменил вернувшийся из изгнания Милош, решивший снова попытать счастья на сербском престоле. Ему удалось умереть естественной смертью в качестве сербского князя. Вернувшийся из изгнания преемник его, князь Михаил, был убит. Князь Милан был изгнан, прежде чем успел быть убитым[28]. Сын его Александр, последний Обренович, был убит вместе со своей женой Драгой. Ангажемент получил Петр Карагеоргиевич, проживавший в Швейцарии в качестве вечного претендента, обремененного семьей и долгами. Петр приехал в Белград без большого хозяйственного багажа и с еще меньшим авторитетом. На мостовой перед дворцом едва успели смыть кровь короля Александра, изрезанный

труп которого заговорщики выбросили туда через окно. Память о судьбе шести предшественников, из которых трое были изгнаны, двое убиты, а один изгнан и по возвращении убит, не могла предрасполагать Петра к чрезмерной активности на троне. Несмотря на честолюбивые замыслы и жестокий характер, Петр вынужден был превратиться в покорное орудие старорадикальной партии. Возможно, что сказались и годы. Во всяком случае, в противоположность Григорию VII[29], который, будучи кардиналом, ходил сгорбившись и говорил полушепотом, а увенчавшись тиарой, выпрямил спину и заговорил тоном повелителя, — Петр в качестве претендента был неутомим и неразборчив в преследовании своей цели, а в качестве короля оказался безличностью. Он покорно исполнял поручения той партии, которая доставила ему корону.

Революционное офицерство, явившееся инструментом государственного переворота, оказалось, разумеется, совершенно неприспособленным к роли руководящей политической силы. Оно вынуждено было посторониться перед штатскими людьми, которые воспользовались плодами военного заговора, чтобы немедленно же провозгласить священный принцип: «Армия должна стоять вне политики». По самому характеру своему пронунциаменто могло охватывать только небольшое, идейно-аристократическое меньшинство офицерства. Остальные чувствовали себя отстраненными, роптали против преторианцев нового режима и выделили из себя ядро контр-заговорщиков. Это окончательно парализовало армию как политический фактор.

Оказавшаяся в этих условиях полной хозяйкой положения радикальная партия, как массовая партия, выросшая из оппозиции и пришедшая к власти через революционно-династический переворот, основала свое господство на парламентских основах.

На первый взгляд, перед сербским парламентом открывались самые благоприятные перспективы. Династия была бессильна. Старая династия непоправимо скомпрометирована. Офицерство внутренне парализовано. Переворот был совершен во имя воли народа. Казалось бы, при таких условиях парламент должен был стать естественным средоточием власти. Но этого не произошло и, по существу дела, не могло произойти.

Та самая причина, которая выдвинула офицерство на роль «исполнительного комитета» народной воли, обусловливала заранее худосочие сербского парламентаризма — отсутствие резко очерченных современных классов.

Сербия давно перестала быть страной натурального сельского хозяйства и дополняющего его ремесла. Милитаризм и фиск разорили крестья-

нина, австрийские товары убили мелкое производство. Между тем, местная промышленность, которая могла бы поглощать избыточные силы населения, развивалась крайне медленно. Причины этого те самые, которые в последнем счете толкнули Сербию на путь войны: слишком узкий государственный базис, отрезанность от моря, экономическая зависимость от Австрии. Капитализм успел здесь основательно разрушить старые социальные формации, но не получил еще возможности создать на их месте новые.

В стране много деклассированных элементов, налагающих свой отпечаток на всю общественную жизнь. Старые понятия и верования расшатаны, а новые еще не установились. В таких условиях политическая кристаллизация происходит крайне неправильно, по случайным или второстепенным признакам, и парламент, как завершение этого процесса, не может обладать ни определенной программой работ, ни внутренней силой для ее проведения: олицетворяя политическую беспомощность общества, он жадно ищет «руководства» извне.

Такое руководство он нашел со стороны Николы Пашича, старого, на ориентальный манер умного, умудренного опытом вождя старорадикальной партии. Из парламента, теряющегося в неопределенности своих задач, без плана, без энергии и без силы, политический центр тяжести, естественно, переместился в министерство, а в министерстве — на Пашича. Парламент со своим старорадикальным большинством знает лишь о том, о чем ему считают нужным сообщать. Министры, за вычетом Пачу и Протича, ближайших сотрудников Пашича, являются лишь старшими чиновниками своих ведомств. Король — не более как увенчание этого режима!

В Софии говорили: неужели Фердинанд отдаст грекам Солунь? А здесь говорили: не может быть, чтобы Пашич отдал Битоль[30] болгарам! И там, и здесь государственная жизнь вращается вокруг вопросов внешней политики, и не только теперь, а всегда. Но в Болгарии, где политические партии сменяют друг друга, точно в волшебном фонаре, царь Фердинанд является единственным устойчивым элементом внешней политики, а потому естественно, если за 25 лет в его руках сосредоточились все связи и вся сила. Здесь же, где, наоборот, короли сменяют друг друга с вошедшей в привычку катастрофичностью, власть сосредоточилась в руках наиболее упорного и осторожного из политиков той партии, которая опрокинула двух королей и создала третьего.

Однако, перенесение власти на вождя парламентской партии — при бессильном парламенте — кроет в себе внутреннюю неустойчивость всего политического режима.

Война ослабила старорадикалов с двух сторон: победами армии и поражениями дипломатии. Разделение офицерства на заговорщиков и контрзаговорщиков почти исчезло. Походы и сражения сплотили офицерство, победы подняли его самомнение, напомнили ему, что пушки тоже являются составной частью конституции, и притом немаловажной. У офицерства, разумеется, по-прежнему нет никакой самостоятельной политической программы. Но есть острое чувство обиды против правительства Пашича, которое только и знает, что сдавать врагам или союзникам позиции, занятые сербскими войсками: Дураццо[31], Алессио[32], Монастырь, Велес[33], Прилеп[34]. Эту обиду, которая не есть, разумеется, обида одного только офицерства, стремятся превратить в политическую программу обе реакционные партии, особенно либералы-националисты. Они всеми мерами разжигают чувства ненависти к союзникам-болгарам, к Пашичу, ко всему режиму. «Мы не поднесем, — пишет националистический официоз «Србска Застава», — болгарам на тарелке то, что добыто с такими жертвами. Так не бывает ни в одном союзе, не будет и в этом. Сербский народ никогда не забудет того, кто вывел наши войска в поле — для пользы других, и не успокоится, доколе не уничтожит, не разбирая средств, этой политики». Конечно, не за всякими словами немедленно следуют дела. Однако же, угроза новым пронунциаменто, которая слишком явно слышится в приведенных словах, имеет весьма серьезную опору не только в традициях вчерашнего дня, но и в настроениях сегодняшнего.

— Не думаете ли вы, — спрашивал я министра внутренних дел г. Стояна Протича, который при последнем Обреновиче проделал двухлетний каторжный режим, в цепях и с клеймом на спине, — не думаете ли вы, что Сербии угрожает новый период реакции, как прямой результат войны?

— Почему? Если бы война прошла для нас неудачно, — другое дело. Но после таких побед...

Положительные результаты происшедших перемен — расширение балканского рынка, выход к морю и пр. — скажутся не так скоро. А истощение, вызванное войной, и разочарование в ее приобретениях сказываются уже сейчас и еще сильнее скажутся завтра.

Последние годы были для нашего народа тучными годами, и мы надеемся, что он без потрясений перенесет несколько тощих годов.

Эта оптимистическая надежда высказана была почтенным министром, разумеется, для внешнего употребления. Правительство, а это значит — Пашич, Пачу и Протич, само прекрасно видит, откуда идет опасность и принимает «свои» меры. Прежде всего, бросается в глаза стремление приблизить к власти напредняков, более «солидную» и опрятную из двух кон-

сервативных партий, переложить на них часть ответственности и, таким образом, изолировать националистов, которые обещают «не разбираться в средствах» в борьбе с нынешним режимом. Стоян Новакович — если не вождь, то реликвия напредняков — поставлен во главе «мирной» делегации. Сын его, Милета[35], также видный член партии, привлечен к работе в комиссии по устройству оккупированных областей. Еще более Пашич заботится об офицерстве.

Националисты опасны постольку, поскольку могут дать свою программу военной партии. Правительство всеми силами стремится воспрепятствовать этому и в этом своем стремлении очень далеко заходит навстречу потребностям и претензиям военных кругов. По существу своему очень невинная мера: решение выдавать каждому офицеру, нуждающемуся после войны в курортном лечении или отдыхе, 300 франков из истощенной государственной кассы — приобретает в этих условиях очень определенный привкус.

Но гораздо знаменательнее состоявшееся неделю тому назад — помимо парламента! — решение: установить в оккупированных областях военный режим. Полиция, администрация и суд — все поставлено под управление «главной команды» в Скопле. «Нужен года на два, на три подготовительный порядок, — говорили мне по этому поводу члены министерства, — чтобы воспитать население для свободы и парламентаризма». Вряд ли, однако, радикалы, старые и опытные политики, которые вели такую непримиримую борьбу против военно-бюрократического режима Обреновичей, сами верят тому, что победоносное офицерство является наилучшим конституционным воспитателем в стране побежденных. Чрезвычайно поучительно, что дня за два до опубликования этой меры один из влиятельнейших министров категорически заявил мне, что закон будет во всяком случае проведен через сербский парламент. На самом же деле, он был опубликован в виде простого королевского указа, на основании параграфа такого-то... воинского устава. Совершенно ясно, что вокруг этого вопроса шла борьба, что министры, по крайней мере, некоторые, стремились опереться на парламент, но сочли себя вынужденными в кратчайший срок капитулировать перед требованием военной партии. Для дополнения картины нелишним будет упомянуть, что в ответ на формально-мотивированное представление президиума скупщины о необходимости немедленного созыва парламента (за отъездом председателя Андро Николича в Лондон, первое место в президиуме принадлежит сейчас младорадикалам) министерство ответило: нет, не время, а когда наступит время — сообщим.

Незачем пояснять, что эта тактика гораздо больше приспособлена к тому, чтобы охранить от ударов политического кризиса старорадикальное министерство, чем парламентский режим. Но сомнительно, чтоб она вообще оказалась действительной. Внутренние судьбы Сербии зависят сейчас от факторов гораздо большего веса, чем искусное маневрирование старорадикалов вокруг напредняков и офицерства. Напряжение войны было слишком тяжким, а надежды на ее результаты слишком большими, ошибки в расчетах слишком очевидны, чтобы последствия краха можно было свести на нет семейным путем. Как ни примитивна сербская демократия, но вопрос о войне и ее последствиях кровно задевает весь народ. Адриатическое побережье захватили в надежде на Россию. Надежда, искусственно поддерживавшаяся известными русскими политическими группами, оказалась ложной. Велес, Прилеп и Битоль придется по договору уступить болгарам. Отовсюду придется уводить войска назад домой, где вообще оскудение останется, как наиболее вещественное воспоминание о подвигах и жертвах. Порожденный всем этим политический кризис может стать фатальным не только для партии Пашича, но и для всего радикального режима* <...>.

Примечания

[1] Имеется в виду: Боснийский кризис 1908–1909 гг.

[2] Правильно — в Чуприи.

[3] «Трибуна» — независимая общественно-политическая газета. Издавалась в Белграде в 1910–1941 гг. (с перерывом в 1914–1919 гг.). Основатель — Наум Димитриевич. Первый редактор — Бранислав Нушич.

[4] «Пиемонт» (*«Пјемонт»*) — ежедневная политическая газета. Выходила в Белграде в 1911–1915 гг. Фактически являлась печатным органом организации «Объединение или смерть». Основатель и первый редактор — Люба Йованович-Чупа. После его смерти (1913) редакцию возглавил Бранко Божович.

[5] *«Мали журнал»* (сербск.) — ежедневная газета. Издавалась в 1894–1914 гг. в Белграде. Основатель и первый редактор — Йован Живкович. В 1896 г. перешла к братьям Савичам. Определенной политической программы не имела. Во время Балканских войн редакция широко использовала иллюстративный материал.

[6] Пачу Лаза (1855–1915) — сербский политик и государственный деятель, один из ближайших соратников Николы Пашича. Получил медицинское образование в Цюрихе где сблизился с соотечественниками — последователями Светозара Мар-

* «День». № 87. 30 декабря 1912 г. (Прим. *Ред.*).

ковича, основавшими впоследствии Радикальную партию. Многолетний член Главного комитета партии. Многократно занимал посты министра финансов в радикальных кабинетах Саввы Груича и Н. Пашича.

[7] См. комментарий 62 к очеркам Е. Л. Маркова.

[8] Лапчевич Драгиша (1864–1939) — сербский политик и публицист. Один из лидеров Социал-демократической партии.

[9] Троцкий ошибается дважды — Никола Пашич обучался в Цюрихе и к сторонникам М.А. Бакунина никогда не примыкал.

[10] Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) — русский и европейский революционер, идеолог анархизма и противник марксизма. Из дворян Тверской губернии. Отрицал всякое государство. Его деятельность протекала в основном за границей. Участвовал в революции 1848–1849 гг. Приговаривался к смертной казни судами Саксонии и Австрии. Был выдан Николаю I и заточен в Петропавловскую крепость. В 1861 г. бежал за границу из Сибири, где находился на поселении. Член I-го Интернационала, из которого был исключен в 1872 г. Основал анархистский «Международный альянс социалистической демократии». Умер в Берне.

[11] Самостоятельная радикальная партия (младорадикалы) — основана группой бывших членов Радикальной партии, вышедших из нее в 1901 г. после решения партийного руководства войти в коалицию с напредняками. Лидеры новой партии — Л. Живкович, Л. Стоянович и Л. Давидович. Неоднократно образовывала правительственные коалиции со старорадикалами. Самостоятельно находилась у власти в Сербии в 1905–1906 гг. После создания Югославии, вместе с другими сербскими, хорватскими и словенскими организациями, вошла в состав Демократической партии.

[12] Проданович Яша (1867–1948) — сербский политик и ученый. В молодости — последователь С.Марковича. Член Радикальной партии. После вступления ее в коалицию с напредняками в 1901 г. вышел из РП и стал одним из основателей Самостоятельной радикальной партии. После создания Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918) возглавил Югославскую республиканскую демократическую партию.

[13] Драшкович Милорад (1873–1921) — сербский политический деятель. Член Самостоятельной радикальной партии. В 1905 г. — министр сельского хозяйства. С осени 1914 г. входил в состав коалиционного кабинета Н. Пашича. После образования Королевства СХС — член руководства Демократической партии. В 1920 г., как министр внутренних дел, инициировал запрещение деятельности Коммунистической партии. Год спустя был убит коммунистом Алией Алиягичем.

[14] Абдул-Хамид II (1842–1918) — турецкий султан (1876–1909). В конце 1876 г. под давлением «Новых Османов» и связанного с ними великого визиря Мидхата-Паши ввел конституцию, но вскоре фактически отменил ее, установив деспотический режим. Осуществлял жестокое угнетение народов Османской империи, за что заслужил прозвище «кровавого султана». Идеологией своей политики Абдул-Хамид II провозгласил панисламизм. При нем в Турции выросло влияние Германии. Во время Младотурецкой революции 1908 г. был вынужден восстановить конституцию 1876 г. 27 апреля 1909 г. низложен младотурками за участие в организации контрреволюционного переворота.

[15] Троцкий ошибается — город Заечар, бывший одним из центров Заечарского или Тимокского восстания 1883 г. (и одновременно — малая родина Н. Пашича), находится в Восточной Сербии.

[16] Милошевич Раша (1851–1937) — сербский политический деятель, мемуарист, переводчик экономической литературы. По образованию — инженер-химик. Закончил Технологический институт в Санкт-Петербурге. Один из основателей Радикальной партии (1881). После Тимокского восстания был осужден на смертную казнь, но затем помилован. В 1893–1894 гг. (в радикальных кабинетах Л. Докича и С. Груича) занимал пост министра народного хозяйства. В 1895–1904 гг. — директор Сербского пароходного общества. В 1904–1919 гг. — управляющий Государственными монополиями.

[17] Зибер Николай Николаевич (1844–1888) — известный русский экономист, один из первых в России популяризаторов экономических идей К. Маркса.

[18] Как представляется, Троцкий имеет в виду «Тайную конвенцию», заключенную Миланом Обреновичем с Веной в 1881 г.

[19] Салоники (Солунь) — второй по величине город в Греции, столица греческой Македонии. Основан в 315 г. до н. э. царем Македонии Кассандром. С 148 г. до н. э. — под властью римлян. В византийскую эпоху — второй по значению город Империи после Константинополя. С 1430 г. — в составе Османской империи. В результате Балканских войн 1912–1913 гг. отошли к Греции.

[20] Троцкий снова неточен — Милан Обренович отрекся от престола в пользу малолетнего сына Александра в феврале 1889 г.

[21] т. е. Иванданский атентат 1899 г.

[22] Речь идет о влиятельном вожаке радикалов из Ужице — протоиерее Милане Джуриче.

[23] Троцкий ошибается — король Александр и Драга Машин вступили в брак в июне 1900 г.

[24] Переворот, завершившийся убийством королевской семьи, состоялся 29 мая 1903 г. (по ст. ст.).

[25] Балканский союз 1912 г. — военно-политическая коалиция Болгарии, Сербии, Греции и Черногории, направленная против Турции. Сложился в марте-октябре 1912 г. Его основу составлял болгаро-сербский договор от 13 марта, предусматривавший взаимную помощь в случае нападения на одну из договаривающихся сторон и их совместные действия, если какая-либо великая держава (подразумевалась Австро-Венгрия) попыталась бы захватить балканские территории Турции. Секретное приложение к договору предусматривало вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии. Договор был дополнен военной конвенцией от 12 мая 1912 г. В дальнейшем были заключены болгаро-греческий союзный договор и болгаро-черногорское соглашение о совместном выступлении против Турции... Балканский союз создавался при поддержке Петербурга, стремившегося с его помощью преградить путь экспансии Вены и Берлина на Балканы. В октябре 1912 г. государства Балканского союза начали войну против Турции (I-ю Балканскую), которую вскоре успешно завершили. Однако,

разгоревшийся после победы спор между Сербией, Грецией и Болгарией из-за раздела Македонии привел к началу II-й Балканской — или Межсоюзнической — войны (1913), означавшей крах Балканского союза.

[26] Трифкович Марко (1864-1930) — сербский государственный и политический деятель. Член Радикальной партии. В 1906 г. впервые избран депутатом Народной скупщины. В 1912 г. — глава правительства Сербии и министр внутренних дел. В 1925 г. — председатель Народной скупщины Королевства сербов, хорватов и словенцев.

[27] Сербская либеральная партия, еще со времен Йована Ристича, всегда ориентировалась на Россию.

[28] Троцкий ошибается — Милан Обренович умер от воспаления легких в Вене 29 января 1901 г.

[29] Георгий VII Гильдебранд (1015/20–1085) — римский папа с 1073 г. Вел борьбу с германским императором Генрихом IV за право назначать епископов, которое находилось в руках императора. Политика Георгия VII, выражавшая притязания папства на политическое господство в феодальном мире, ставила своей целью создание теократического папского государства. Однако, несмотря на временное усиление церкви, она закончилась неудачей.

[30] Битоль (другое название — Монастырь) — город в современной Бывшей Югославской Республике Македония. До 1941 г. входил в состав Королевства Югославии. Впервые под этим именем упоминается в 1014 г. С 1382 г. — под властью турок. Освобожден сербскими войсками в 1912 г.

[31] Драч (Дуррес, Дураццо) — город в Албании, на побережье Адриатического моря. Основан в 627 г. до н. э. греками. С 229 г. н. э. принадлежал римлянам. В римскую эпоху был узловым пунктом коммуникаций между Италией и Грецией. В IV в. — центр провинции Новый Эпир. В IX в. — центр византийской фемы. В конце X — начале XI в. входил в состав Западно-Болгарского царства. В 1272–1336 гг. принадлежал Неаполитанскому королевству. В 1336–1392 гг. — в составе Сербии; с 1392 г. — Венеции. В 1501 г. был захвачен турками. В 1912–1913 гг. — времению занят сербскими войсками. Но затем отошел к Албании.

[32] Леш (Алессио) — город в севериой Албании. Расположен вблизи впадения реки Дрим в Адриатическое море. Основан в 385 г. до н. э. Дионсием Сиракузским. В 1912–1913 гг. был временно занят сербскими войсками. Но затем отошел к Албании.

[33] Велес — город в современной Бывшей Югославской Республике Македония. До 1941 г. входил в состав Королевства Югославии. Первое упоминание под именем Вилазора относится к 216 г. до н. э. С 1386 г. — под властью турок. Освобожден сербскими войсками в 1912 г.

[34] Прилеп — город в Битольской области. Первое упоминание относится к 1014 г. Византийцы называли город Прилапон. Столица владений сербского короля Марко (1371–1394), самого популярного героя сербского эпоса. После смерти Марко захвачен турками. Освобожден сербскими войсками в 1912 г.

[35] Новакович Милета — сын Стояна Новаковича; видный правовед и дипломат. Юридическое образование получил в Париже. Профессор Белградского университета. Почетный доктор Страсбургского университета.

Но уже первые впечатления показали мне, что я ошибался. Белград был спокоен. Не слышно ни криков, ни песен, ни пьяных разглагольствований. Каждый занят — занят так сильно, что для страха за исход войны, для тревоги за близких, даже если и чувствуются они где-то в глубине души, не остается уже времени. Бояться некогда — некогда и скорбеть. Свободных, незанятых людей не видно: война всех призвала на службу. Призвала она вот эту молодую девушку, почти девочку, с красным крестом на рукаве, которая торопливо бежит в госпиталь, вот этого двенадцатилетнего школьника, который помогает санитарам разбирать перевязочные материалы, вот этого пятнадцатилетнего гимназиста, который заменяет кондуктора на трамвае. За обозом, перевозящим военные припасы, плетутся ветхие старики в онучах, домотканых куртках и плащах: и им война прилепила военную кокарду к барашковым шапкам и вложила ружье в сморщенные, с трудом разгибающиеся руки. Полицейских не видно: их заменяют опять те же старики с винтовками, вероятно, впервые в жизни очутившиеся в столице.

В вагоне трамвая едет несколько парней в деревенских куртках: это — четники[4]. Неделю назад их привезли сюда ранеными, а теперь они снова отправляются на театр военных действий, — с собственными ружьями, хранившимися в отцовских избах чуть ли не со времени русско-турецкой войны. Партикулярных людей, т. е. людей, не подчиненных прямо или косвенно военному министерству, почти нельзя встретить; вы их найдете разве только в образе ресторанных гарсонов эллинского происхождения, которые предпочли наблюдать успехи греческого оружия из прекрасного далека, Белграда и Софии. И ни у одного из этих спешащих, занятых людей я не заметил ни лживого удальства, ни хвастливой крикливости.

О, конечно, они будут хвастаться, когда для этого наступит время! И этот скромный, застенчивый юноша-четник, который сейчас выдает свое волнение только лихорадочным блеском глаз и вибрирующими нотками голоса, будет рассказывать свои тарасконады простодушным «селянкам», и его спутник, раненый регулярный солдат, через два-три месяца с успехом будет изображать из себя изверга естества, — у сербов недурная фантазия, — и их сотоварищи будут уверять, — как, впрочем, будут уверять и все, — что битва при Куманове[5] — самая кровопролитная, самая страшная и самая замечательная битва мировой истории... Но сейчас мысли некогда лгать. Война так реальна, настолько глубоко захватывает все сферы жизни, что из кровавой трагедии она превратилась в громадную общенародную работу. Нет зрителей войны, есть только ее участники. Когда весь театр занят актерами, некому аплодировать и не перед кем становиться в позу...

Но уже первые впечатления показали мне, что я ошибался. Белград был спокоен. Не слышно ни криков, ни песен, ни пьяных разглагольствований. Каждый занят — занят так сильно, что для страха за исход войны, для тревоги за близких, даже если и чувствуются они где-то в глубине души, не остается уже времени. Бояться некогда — некогда и скорбеть. Свободных, незанятых людей не видно: война всех призвала на службу. Призвала она вот эту молодую девушку, почти девочку, с красным крестом на рукаве, которая торопливо бежит в госпиталь, вот этого двенадцатилетнего школьника, который помогает санитарам разбирать перевязочные материалы, вот этого пятнадцатилетнего гимназиста, который заменяет кондуктора на трамвае. За обозом, перевозящим военные припасы, плетутся ветхие старики в онучах, домотканых куртках и плащах: и им война прилепила военную кокарду к барашковым шапкам и вложила ружье в сморщенные, с трудом разгибающиеся руки. Полицейских не видно: их заменяют опять те же старики с винтовками, вероятно, впервые в жизни очутившиеся в столице.

В вагоне трамвая едет несколько парней в деревенских куртках: это — четники[4]. Неделю назад их привезли сюда ранеными, а теперь они снова отправляются на театр военных действий, — с собственными ружьями, хранившимися в отцовских избах чуть ли не со времени русско-турецкой войны. Партикулярных людей, т. е. людей, не подчиненных прямо или косвенно военному министерству, почти нельзя встретить; вы их найдете разве только в образе ресторанных гарсонов эллинского происхождения, которые предпочли наблюдать успехи греческого оружия из прекрасного далека, Белграда и Софии. И ни у одного из этих спешащих, занятых людей я не заметил ни лживого удальства, ни хвастливой крикливости.

О, конечно, они будут хвастаться, когда для этого наступит время! И этот скромный, застенчивый юноша-четник, который сейчас выдает свое волнение только лихорадочным блеском глаз и вибрирующими нотками голоса, будет рассказывать свои тарасконады простодушным «селянкам», и его спутник, раненый регулярный солдат, через два-три месяца с успехом будет изображать из себя изверга естества, — у сербов недурная фантазия, — и их сотоварищи будут уверять, — как, впрочем, будут уверять и все, — что битва при Куманове[5] — самая кровопролитная, самая страшная и самая замечательная битва мировой истории... Но сейчас мысли некогда лгать. Война так реальна, настолько глубоко захватывает все сферы жизни, что из кровавой трагедии она превратилась в громадную общенародную работу. Нет зрителей войны, есть только ее участники. Когда весь театр занят актерами, некому аплодировать и не перед кем становиться в позу...

Эта простота, эта сосредоточенность и деловая напряженность импонируют больше, чем какие бы то ни было речи, демонстрации и песни.

Проходит отряд пленных турок. Старуха-сербка обращается ко мне и рассказывает:

— Вчера вот их около тысячи привели. Голодные, худые; есть старики с седыми бородами, есть и совсем мальчики. Плетутся, едва ноги перебирают, — смотреть жалостно. Я уж отвернулась.

У старухи сын на войне, а на пленных ей «жалостно смотреть». И вспоминается мне, как яркий контраст, рассказ немецкого кондуктора в Будапеште о прибытии партии турецких беглых солдат.

— Две недели они почти ничего не ели — ни солдаты, ни офицеры. Мы им тут на станции дали обедать, так они все в десять минут очистили. Как звери, бросались на еду — точно в зверинце... О, как мы смеялись, как мы смеялись...

Сытому человеку культурной Австрии было смешно. Некультурная сербка — из жалости отвернулась. Так различно бывает понимание голода!

Эту нотку человечности мне приходилось подмечать не раз. И в Болгарии слышал я и старушечьи вздохи по адресу пленных турок, и простые рассказы солдат, где сквозь упоение победой прорывалась иногда жалость к побежденному. Но все же здесь, на Балканах, отношения сложились так, что гуманность по отношению к врагу является скорее приятной неожиданностью, чем непосредственным выводом из культурных традиций. Культурные традиции — против нее. Народные песни, былины, предания Сербии и Болгарии проникнуты одним доминирующим мотивом: ненавистью к поработителю.

Нет ни одного уголка жизни, который бы не был окрашен воспоминаниями о пережитых и переживаемых ужасах. Мать качает ребенка и приговаривает: «Молчи, молчи, а то турчин придет». Влюбленные пары поют песни, в которых лирика любви сплетается с мрачным напоминанием о турецких пулях, подстерегающих молодого «юнака». Куда ни обернется взгляд — всюду встречает он все тот же облик грозного «каменного гостя», который является в дом — и не оставляет камня на камне, приходит на свадьбу — и убивает жениха и насилует невесту, и, двигаясь от села к селу, освещает себе путь заревом пожаров, тешит слух стонами раненых и криком умирающих. Естественно, что такая жизнь могла выработать лишь один тип героя, — героя, сражающегося с «турчином». Мысль так полна этим основным *конфликтом**, что она уже не останавливается на других качествах и свойствах:

* Здесь и далее выделено в оригинале.

любовь, нежность, прямодушие, которыми украшала своих героев европейская народная лирика, здесь, на Балканах, были испокон веков мелкими деталями в сравнении с главным достоинством человека-воина — храбростью и беззаветной преданностью родному народу. Герой балканских песен и легенд всюду один: он не столько индивидуум, сколько воплощение одной национальной надежды и одной национальной доблести. Таким он был до 1877 года. Таким же остался он и после войны за освобождение <...>.

Люди, прошедшие университетский курс, приобщившиеся к проблемам утонченной европейской жизни, сбрасывают все это, как ненужные украшения, лишь только раздается призыв расы. Мгновенно просыпаются в душе «страшные рассказы и песни», слышанные когда-то в ребяческие годы, окрашиваются новыми тонами образы литературы, — и уже заколочено наглухо окно в Европу, и владеет душой жажда крови и железа, жажда борьбы до конца, жажда возмездия и суда над ненавистным «турчиной». В народных низах эта трансформация обывателя в солдата совершается, разумеется, еще скорее и легче: там и сбрасывать-то нечего, ибо слой культуры еще слишком тонок. А между тем, случаев жестокой расправы балканских армий над пленными и турецким населением сравнительно немного. Может быть, это не столько даже гуманность, сколько сдержанность. Но из каких бы мотивов ни исходило подобное поведение войск, все же это одна из хороших, приятных неожиданностей балканской войны <...>.

Из всего сказанного ясно, как хорошо подготовили предыдущие события почву для *общего народного подъема*. Он коренился в целых столетиях пережитой истории, в былинах и песнях, в наглядных политических уроках момента. Война эта явилась, действительно, *национальной реализацией мечты о балканской независимости, об обеспечении национального бытия*. Понятно, поэтому, что, когда призвали запасных, не только не было обычного в таких случаях недобора, но массе желающих пришлось отказывать «за ненадобностью» <...>.

В ряду причин того удивительного объединения, которое приходится наблюдать здесь, следует, разумеется, отметить и сравнительную неразвитость социальных отношений, а, следовательно, и социальных антагонизмов. Личность не успела еще выделиться из коллектива, экономическое развитие не успело еще вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми. Никого не удивит, если бывшего министра встретят в кофейне за одним столиком с «шопом» (пригородный крестьянин). Никому не кажется странным, что миллионер идет в субботу пешком на рынок покупать пару кур и так же щупает их, и так же торгуется, как мелкий приказчик или рабочий. Примитивный демократизм так велит, что

не только незнакомые люди переходят на «ты» со случайными соседями по ресторанному столику, но даже и отдельные гарсоны не могут твердо усвоить себе «вы» по отношению к приезжим, и то и дело сбиваются на второе лицо единственного числа. Это — мелочи, но они характерны; они показывают, что высший и низший слои населения стоят, хотя на различной экономической, но на одной психологической плоскости. И потому, когда вспыхивает такое колоссальное, всю жизнь перевертывающее событие, как война, красный околыш сразу снимает культурные и социальные различия и установляет равенство первобытного военного стана. Одинаковость воли и мысли, одинаковая напряженность подъема — все это результаты того, что здесь люди говорят и мыслят приблизительно на одном языке.

Солдаты, которые подставляют грудь под пулю, чтобы защитить офицера, — а таких случаев здесь немало; жены и матери ушедших на войну мужей и сыновей, безропотно голодающие в нетопленных домах, селяне, эскортирующие с непривычным ружьем на плече военные обозы, семнадцатилетние мальчики, отправляющиеся, после двухнедельного обучения, на «бойно поле»* (на войну), — да, это зрелище, непривычное для Европы <...>. В обеих странах — и Сербии, и Болгарии — нация как-то спаяла воедино свои различные элементы, слила в одно целое предание темной старины, тревоги настоящего и запросы будущего, и на этом пламенном костре энтузиазма жжет безропотно свои лучшие силы, и без слез провожает на смерть своих детей, и отдает жертвы за жертвами <...>. Сколько их окажется, когда наступит время точных, не укороченных цензурой цифр? Не знает никто. Стараются не думать, не спрашивать, не догадываться... Но идут вперед, и берут крепости, и двигаются все ближе «к взыскуемому граду» — Константинополю.

2. Надежды и чаяния победителей

Но во имя чего совершается этот смелый до настоящего момента и беспримерно счастливый поход? Территориальные компенсации, перспектива Великой Болгарии и Великой Сербии, конечно, лестны для национального самолюбия. Лестно и то, что война эта — освободительная, и в результате ее сотни тысяч родного по крови и языку народа будут вырваны из-под турецкого ига. Но в сознании масс отразились не только эти момен-

* *Бојно поље* (сербск.) — поле брани, поле битвы.

ты войны; над ними начинает доминировать — и чем дальше, тем больше — другая мечта, мечта о балканской конфедерации. Я не буду касаться здесь вопроса о том, каким образом эта идея созрела в головах у балканских дипломатов, и из каких экономических и политических соображений она выросла: на этом я надеюсь остановиться в следующей статье, когда балкано-турецкая война уже перейдет, вероятно, в стадию международных дипломатических переговоров. Моя настоящая задача — иная: показать, по возможности, как воспринимает эту идею народ, и в какие мечты он ее облекает.

Конфедерация сербов, болгар и греков... Эти слова казались мне прекрасной, заманчивой, но безнадежной утопией, когда я слышал их этой весной в Македонии. «Вы хотите знать, что такое Македония и Балканы?» — сказал мне как-то местный старожил. «Македония — это котел, в котором заживо варятся крысы. Обезумевшие от боли, крысы кусают друг друга и, чем горячее становится вода, тем яростнее их бесцельная схватка. А Балканы — это тот же котел, но побольше». И эта характеристика был совершенно верна. Мне рассказывали в селах, как болгарские четы грабят и терроризируют сербское население, как сербские четники проделывают то же самое над болгарскими деревнями, а греки, когда представится случай, — и над теми, и над другими. Школы, разрушенные христианами же, монастыри, сожженные соперниками-греками или болгарами, являлись, казалось, наглядными доказательствами, что этой борьбе, освященной обычаем и вечно разжигаемой политическими агентами, не будет конца. Правда, и тогда уже некоторые признаки смягчения традиционной вражды замечались. Блок христианской оппозиции, выступившей против младотурецкого комитета, сплотил греческих и болгарских, а местами даже и сербских выборщиков. Тон отношений как будто несколько смягчался. Но все же между главными элементами населения — болгарами и сербами, как глухая стена, стояли воспоминания о Сливнице и позорном разгроме сербской армии. Самолюбие одного народа не могло простить поражения; самолюбие другого не могло забыть победы. И даже в поезде, когда случалось ехать в одном купе с сербскими и болгарскими пассажирами, чувствовалась напряженная атмосфера, всегда готовая вылиться в открытую ссору. Так было всего пять месяцев назад.

В этот раз я ехал из Белграда в одном вагоне с болгарскими студентами, призываемыми в армию из заграничных университетов. Железнодорожный служащий торопливо вносит вещи одного из запоздавших студентов — и отказывается брать деньги.

«Теперь не время», — говорит он. «Война... А вам лишний франк пригодится». Поезд трогается, раздается песня, — весь поезд поет, ибо весь

он полон болгарскими запасными новобранцами, — и в ответ вся толпа на перроне снимает шапки и машет платками. А на следующих станциях сербские девушки подносят каждому запасному цветы. Какое-то особенное настроение чувствуется у этой молодежи — как будто, кроме национального подъема, проснулось в ней какое-то новое чувство, как будто мелькнуло сознание неважности и мелочности старых счетов и раздоров. Непривычной мягкостью веет от этих скромных, сдержанных приветов девушек, встречающих и провожающих поезд. Все цветы и цветы... Лучи осеннего солнца слабо золотят эту осеннюю, запоздавшую ласку. И чудится, что эти астры и хризантемы, приколотые вчерашними врагами к груди сегодняшних друзей, снимают какую-то границу, перекидывают мост, может быть, хрупкий и непрочный, но все же мост между человеком и человеком. Один из студентов начинает рассказывать какой-то «сербский» анекдот, который, вероятно, еще недавно встретил бы громкие аплодисменты. Но теперь его даже не дослушивают. «Пора бросить эти глупости, — перебивают рассказчика недовольные голоса. — Теперь нет ни Сербии, ни Болгарии. Теперь есть только Балканы»...

«Только Балканы»... Эта фраза многое объясняет. Самая грандиозность и неожиданность побед вызвала смутную мысль, что простое территориальное расширение отдельных балканских государств было бы несоразмерно мелким результатом военной эпопеи. Широкие круги населения, конечно, не задаются далекими вопросами о будущности Балканского полуострова. Это дело журналистов, политиков, дипломатов. Но массы чувствуют, что жертвы принесены огромные, что на карту было поставлено все, что успехи колоссальны, — и с недоумением спрашивают себя: «Ну, хорошо, большая Сербия, большая Болгария, большая Греция, небольшая, но все же чуть-чуть побольше, Черногория. Но если их существованию по-прежнему будет грозить огромная Австрия и огромная Россия — какой смысл в блеске побед, в напряжении всех народных сил, в гибели десятков тысяч людей?» И из этого недоуменного вопроса рождается неопределенный ответ: *«Надо создать что-то большое». Эта расплывчатая формула, мне кажется, верно отражает настроение народных масс.*

Какую окончательную форму примет это «большое» — не знает еще никто, не знают, кажется, и сами дипломаты. Но что балканская конфедерация порвет со старыми традициями робкого угодничества и даст прочные гарантии национальной независимости — в этом здесь не сомневается никто <...>. Конфедерация, в которой руководящая роль должна принадлежать Болгарии, — вот общий ответ, который слышишь от среднего болгар-

ского обывателя, поставленного под ружье. «Мы и сами не ожидали, — говорил мне один из них, — до какой степени война изменит все отношения. Мы теперь ведь не только бьем турецкие войска и берем турецкие крепости; мы ставим крест над своим собственным прошлым, выходим из назначенных нам Берлинским трактатом маленьких скорлупок и сливаемся в одно большое целое, которому имя — Балканы. То, чего не могли достигнуть долгие дипломатические переговоры, достигло сотрудничество на военном поле. Мы теперь, после месячной войны, несравненно теснее объединены с сербами и греками, чем имели в виду заключенные перед войной соглашения. Разойтись опять по заключении мира — о, ведь это было бы самоубийством!».

3. В стане побежденных

День за днем привозят сюда раненых и плененных турецких солдат <...>.

Христианские пленные, видимо, чувствуют себя прекрасно. Им предоставляется свобода, они могут ходить по городу, они уже как бы ощущают себя полноправными гражданами нового балканского государства. Едва сдерживая торжествующую улыбку перед товарищами-турками, они рассказывают, как бежал такой-то полк, и беспорядочно отступал такой-то, и потерял свои орудия третий. Разгромлена чуждая им империя, уничтожено отечество-мачеха, которое *не давало им ничего, кроме унижений и страданий*.

И они сознательно докалывали его в спину. Пленные эти — символ умирающей Оттоманской империи, империи, которая пыталась скрепить миллионы людей мечом и огнем, которая проснулась тогда, когда уже стояла накануне пропасти, и попыталась обновиться, когда было слишком поздно.

София. Ноябрь

Примечания

[1] Седан — город и, до конца XIX в., крепость во Франции. Во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. в районе Седана (1–2 сентября 1870 г.) немцами была разгромлена и пленена французская армия. Исход битвы под Седаном ускорил поражение Франции и падение Второй монархии. 4 сентября в Париже была провозглашена республика.

[2] Цусима — японский остров в Корейском проливе. 14 мая 1905 г. вблизи от него произошло сражение русской эскадры под командованием адмирала З. П. Рожественского и японского флота во главе с адмиралом Того. В итоге — часть русских кораблей была потоплена, часть сдалась в плен; часть спаслась, повернув назад и укрывшись у Филиппинских островов.

[3] Порт-Артур — портовый город на южной оконечности Ляодунского полуострова в южной Манчжурии. В 1898 г. уступлен Китаем России на 25-летний срок в качестве военно-морской базы. С 1903 г. — резиденция наместника на Дальнем Востоке. Во время Русско-японской войны являлся одной из главных целей японцев. 13 июня 1904 г. началась его правильная осада с суши и моря. 24 декабря, после ряда штурмов, Порт-Артур был сдан противнику генералом Стесселем.

[4] Четники — участники партизанских отрядов (чет).

[5] Кумановская битва (10–11 октября 1912 г.) — одно из крупнейших сражений Первой Балканской войны. В ходе него 1-я сербская армия под командованием престолонаследника Александра Карагеоргиевича нанесла тяжелое поражение турецким войскам и 26 октября вошла в Скопье.

Сахаров М. В.[*]

С сербами к Скутари (впечатления). СПб., 1913. С. 3–56

Из Скопье[1]...

После продолжительного официального обеда в офицерском собрании „Верховной Команды», затянувшегося благодаря взаимно-любезным тостам, два русских отряда Красного Креста впопыхах уселись в тесные вагоны узкоколейной сербской железной дороги. Мы покидали гостеприимную старую столицу Сербии, находившуюся в течение 500 лет под властью турок, и направлялись вместе с сербскими войсками на помощь черногорцам под Скутари[2]. Ближайшей целью были Салоники, а далее предстоял длинный морской путь вдоль берегов Греции до порта С.-Джиовани-ди-Медуа[3], откуда вела сухопутная дорога протяжением около 40 километров до скутарийских позиций. Раздался свисток, послышались приветствия провожавших сербских офицеров, и мы тронулись к неведомому для нас югу <...>.

Салоники

Около часа дня подъезжаем к Салоникам <...>. Скорей узнать время отъезда! <...> Подсаживаемся к знакомому штабному артиллерийскому полковнику и узнаем, что транспорты, с которыми отправимся и мы, раньше чем через неделю не уйдут <...>. С нагрузкой спешат <...>.

---

[*] Сахаров М. В. — русский военный врач, во время Первой Балканской войны начальник медицинского отряда российского Красного Креста, отправленного в помощь сербской армии.

На один из пароходов садится сербская «пешадия»[*]. «Войники» в полной походной форме: в серо-желтоватых куртках и узких штанах; в мягких суконных шапочках без козырьков; в кожаных «опанках»[**], поверх которых красуются разноцветные узоры шерстяных чулок, вышитых в поход заботливой женской рукой; с шинелями, скатанными и перевязанными через плечо; с жестяными котелками и с парусиновыми на боку мешками, вмещающими всю необходимую в дороге мелочь. Пехотинцы с недоверием посматривают на необычную квартиру и быстрым потоком вливаются в трюмы, цепко хватаясь за поручни крутой лестницы.

При всей суете, криках почти не слышно ругани. Нас толкают со всех сторон, вежливо извиняясь и повторяя сербское «молим»[***].

На площадке между зданий складов, где окончилась погрузка, «войники» пользуются свободным моментом и, взявшись за руки, с увлечением отплясывают любимый танец «колу» под задорные звуки скрипки <...>.

Салоники с давних пор служили торговым центром для всей Македонии. Поэтому самое выгодное занятие — торговля, самая интересная часть города — торговые улицы и «чаршия» (базар) <...>.

Базар кишмя-кишит сербскими и греческими солдатами. Сравнение тех и других напрашивается невольно. В общей массе греческие солдаты мельче сербских. Грек более подвижен, более шумлив; серб более положителен, меланхоличен. Греческие войска обмундированы чище и наряднее сербских, но вид имеют менее бравый. Про греческое офицерство и говорить нечего: одето оно значительно щеголеватее сербского; имеет прекрасные манеры, говорит на хорошем французском языке, чувствуется французская школа.

Сербская армия поражает своей демократичностью. Рядовые пехотные офицеры одеты в такую же серую простую форму, как и солдаты, отличаясь лишь более аккуратным ее покроем, погонами и шапками с маленькими козырьками. Эти скромные серые фигуры и являются настоящими героями войны. Нельзя забыть бесхитростный рассказ одного молодого офицерика, пролежавшего раненым целую ночь около турецких передовых позиций: он слышал шаги, турецкие слова, и уже прощался с жизнью, но был спасен мраком ночи. Штабные офицеры имеют более блестящий вид, но и они скромны.

[*] Пехота. (Примечание М. В. Сахарова).

[**] Род наших лаптей. (Примечание М. В. Сахарова).

[***] Пожалуйства, прошу. (Примечание М. В. Сахарова).

Демократичность в армии сказывается в отношении начальствующих к подчиненным. Часто можно видеть офицера, танцующего вместе с солдатами. Не считается обидным быть в кафе, где за соседними столами сидят солдаты. В офицерском собрании можно наблюдать, как музыканты в антрактах пьют пиво в том же зале, где обедает офицерство.

Жизнь сербского офицера очень проста: даже высшие чины Главного Штаба пользуются самым скромным помещением, простой обстановкой, ведут скромный, умеренный образ жизни.

Демократичность объясняется всей жизнью и характером страны. В Сербии почти нет старинной родовой аристократии. Большинство государственных деятелей, высших чинов происходит из земледельческой среды, крестьянства, главной основы маленького государства. Промышленность плохо развита, плутократическая аристократия также в зародыше.

Серб большей частью среднего роста, брюнет, в усах, с бритым подбородком, сначала производит впечатление спокойного меланхолика, но легко воспламеняется и заражается настроением окружающих; склонен к пассивной покорности, терпелив к лишениям; несмотря на наклонность к продолжительному отдыху, работоспособен, сметлив, настойчив; при наклонности к некоторому преувеличению, без лишних слов совершает геройские подвиги: переходы через непроходимые горные перевалы, битва под Куманово, штурм Битоли по пояс в воде[4], засвидетельствованные изумленными иностранцами, — сами говорят за себя.

По историческим местам

<...> На обратном пути снова пересекаем азиатскую часть города. Кое-где попадаются кучки болгарских солдат. На одном из домов висит надпись, гласящая о помещении там болгарского штаба. Одеты болгарские солдаты в русские рубашки и штаны цвета хаки, на голове фуражки русского покроя, на ногах русские сапоги. Держатся болгарские войска обособленно, не показываясь в других частях города. Болгарские офицеры ведут себя надменно, делая вид, что не замечают высших чинов сербской и греческой армии.

Говорят, что раньше, когда болгарских войск в Салониках было гораздо больше, болгары держали себя еще более вызывающе; теперь их осталось, к радости греческой администрации, не более двух полков.

В кильватерном порядке

<...> Наша эскадра насчитывала до 20 судов <...>. На пароходе слышны заунывные песни сербских цыган с аккомпанементом нескольких скрипок. Солдаты заняли все проходы нижних палуб: кто сидит, кто лежит, лениво переговариваясь, дымя любимым «дуваном»*. Офицеры столпились на верхней палубе. Впереди генерал внимательно осматривает в бинокль цепь судов, следующих за нами <...>.

На новой морской квартире воцаряется будничная жизнь. Размеренного порядка солдатского дня не существует. Горячего обеда не получается, солдаты закусывают хлебом и копченым свиным салом, кто когда захочет; горячего чая также не полагается и сырую воду приходится добывать по очереди. Но сербский «войник» неприхотлив и не требователен: жалоб не слышно. В часы досуга, которого слишком много, большинство под открытым небом занимается «туалетом»: снимают куртки, рубахи и штаны и нещадно избивают насекомых, заполнивших все складки платья. Скученность ужасная: в трюмах нашего парохода помещается до 2000 человек. Кое-где играют в карты; слышится пение. В полдень раздаются звуки военного оркестра: штаб отправляется обедать.

В кормовом офицерском помещении 2-го класса по вечерам идет втихомолку кутеж и процветает азартная карточная игра. Оттуда раздаются заглушенные крики и песни <...>.

Сент-Джованни-ди Медуа

Через трое суток выгрузка закончилась <...>. К утру 21 марта[5] все пароходы были разгружены. Штаб, артиллерия, войска — все ушли вперед. На берегу остались лишь русские отряды Красного Креста с госпитальным имуществом, часть военного фуража, быки, предназначенные на убой для войска, часть обоза. С утра были обещаны русскому медицинскому персоналу два грузовых и два легковых автомобиля для переезда к городу <...>.

Привезли нас на старое кукурузное поле, находящееся на другой стороне реки, на место бывшей стоянки сербских войск, ушедших на позиции

* *Дуван* (сербск.) — табак.

под Скутари. Обещанные палатки не были поставлены. На земле валялось 4 больших тюка, заключавшие в себе свернутые части палаток <...>.

Надо приспособиться

Так как дело было к вечеру, пришлось подумать о ночлеге. Рабочих рук для постановки палатки не было: свои санитары остались на берегу С.-Джовани для охраны госпитального имущества. К счастью, неподалеку от нас расположилась на бивуак часть пехоты «2-го позыва»* (т. е. призванные из запаса 30–40-летнего возраста).

Сербский врач, встретивший нас, вызвался уговорить солдат помочь нам, но убеждения штатского человека (врач был в штатском, хотя и с перевязью Красного Креста) наткнулись на насмешки одного из запасных. Подойдя к костру, где мы рассчитывали найти обязательного коллегу, мы с сербским военным врачом, заведывавшим лазаретами в городе, застали конец крупного объяснения с протестующим «войником». Объяснение было прервано военным коллегой очень решительно: одной рукой он дал протестанту пощечину, другой сбил с головы шапку, громко изругал и обещал отдать под суд. Под зычный окрик десяток войников построились в ряд и направились в нашу сторону, сопровождаемые упреками штатского коллеги в неблагодарности по отношению к людям, приехавшим из России ради них. Кулачную расправу с провинившимся солдатом мы видели в первый раз; по рассказам очевидцев, она применяется в сербской армии не так редко, хотя сербы тщательно это скрывают <...>.

Примечания

[1] Скопье — столица современной Бывшей Югославской Республика Македония. До 1941 г. входило в состав Королевства Югославии. Впервые упоминается во II в. н. э. В 1282–1392 гг. находилось в составе средневековой Сербии. С 1392 г. — под властью турок, давших городу новое имя: *Ускюб*. В 1912 г. освобождено сербскими войсками.

* *Позив* (сербск.) — призыв в армию.

[2] Скутари (Скадар) — город в Албании на реке Бояне. Со II в. н. э. принадлежал римлянам. Затем — Византии. С 1043 г. и до конца XIV в. — находился под властью сербских правителей. Венецианцы владели Скадаром до 1479 г., когда его завоевали турки. В 1913 г. сербы вместе с черногорцами взяли город после продолжительной осады, но под давлением великих держав были вынуждены оставить его албанцам. Зимой 1915–1916 гг. он был главным сборным пунктом отступавшей сербской армии. В 1919 г. Скадар был занят итальянцами, настоявшими на его передаче Албании.

[3] Сан-Джованни-ди-Медуа (Медова) — город в северной Албании на побережье Адриатического моря.

[4] Имеется в виду сражение у Битоля (2–5 ноября 1912 г.).

[5] 1913 г.

Мартынов Е. И.[*]

Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца.[**] М., 1913. С. 7–60

Белград

В одиннадцатом часу вечера 28 июня я приехал в Белград по железной дороге из Будапешта. На платформе небольшого и невзрачного вокзала, в ожидании прихода санитарного поезда с театра войны, стояло много носилок для переноски раненых, при коих в качестве носильщиков были поселяне, очень похожие на наших малороссов.

Белград, вместе с предместьями, имеет около 100 тысяч жителей. Расположение его на высоких берегах Дуная и Савы довольно живописное. По внешности он напоминает русский губернский город средней руки. Собственно говоря, в нем лишь две хорошие улицы, составляющие продолжение одна другой, — улица князя Михаила и улица короля Милана. Первая упирается в большой городской сад, за которым на полуострове, образуемом Дунаем и Савой, расположена старинная крепость, вторая идет мимо скромного королевского дворца до самой окраины города.

---

[*] Мартынов Евгений Иванович (1864–1932) — русский военный историк, генерал-лейтенант (1910). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Во время Русско-японской войны командовал пехотным полком. В 1913 г. уволен в запас за критику существующих в армии порядков. В начале Первой мировой войны (август 1914 г.) попал в плен. Вернувшись в 1918 г. в Россию, вступил в Красную армию. Работал главным начальником снабжения РККА. Преподавал в Академии Генерального штаба. Участвовал в работе Военно-исторической комиссии и Управления по исследованию и использованию опыта Первой мировой войны. С 1928 г. — в отставке.

[**] В 1913 г. Мартынов, в качестве корреспондента московской газеты «Утро России», находился в Сербии, обозревая события Второй Балканской (Межсоюзнической) войны.

В столице Сербии были уже видны первые признаки войны. Вместо солдат действительной службы повсюду на часах, за исключением дворца, стояли «войники» третьего призыва в своей деревенской одежде — куртке и шароварах домотканого сукна, мягкой суконной шапке и кожаных лаптях, с повешенной через плечо на погонном ремне, или даже на веревке, старой русской берданкой. Иногда попадались целые вереницы раненых, которых несли с вокзала в один из госпиталей; рядом с некоторыми носилками шли жены, дети и родственники. Встречались также и оправившиеся уже жертвы последней турецкой войны, с перевязанными руками, забинтованной головой, на костылях и т. п. В городе открыто 34 госпиталя, не считая частных лечебных заведений, и все уже переполнены. В крепости я видел пленных болгарских офицеров и солдат, а также крупповские орудия, отбитые в сражении при Брегальнице[1]. Взятые в плен в прошлую кампанию турецкие офицеры были уже отпущены на волю и в ожидании возвращения на родину гуляли по городу в своей военной форме. По улицам бегали мальчишки с телеграммами, пронзительно выкрикивая их содержание. Многочисленные кафе были переполнены публикой, занимавшейся исключительно обсуждением военных и политических вопросов.

Первое, что мне бросилось в глаза в Сербии, — это редкая любезность и услужливость сербов. Каждый, к кому я обращался за какой-нибудь справкой, старался мне помочь всеми силами. Не ограничиваясь формальным ответом на вопрос, серб, если нужно, справлялся по телефону, рылся в разных справочниках, сам показывал дорогу и т. п. Это внимательное отношение к чужеземцу — чисто славянская черта <...>.

Разговор с министром-президентом Пашичем

Тридцатого июня я был у теперешнего сербского министра-президента Николы Пашича, известного своими симпатиями к России. Он пользуется в Сербии уважением, хотя некоторые и упрекают его в чрезмерной осторожности. Говорят, что если бы не престолонаследник Александр, явившийся выразителем мнений всей армии, то Пашич уступил бы требованиям Болгарии относительно раздела Македонии[2].

Пашич любезно ответил на все заданные мной вопросы и в откровенной беседе высказал своей взгляд на современное политическое положение. Для большей точности привожу сначала мои вопросы, а затем его ответы.

— Согласна ли Сербия на примирение?

— Согласна, но с тем непременным условием, чтобы предварительно болгарское правительство дало обязательство сделать при заключении мира некоторые уступки.

— Какие же это уступки?

— Во-первых, для свободы сообщений с Салониками Сербия должна непосредственно примыкать к Греции, без всякого промежуточного клина болгарской территории, и, во-вторых, с восточной стороны сербо-болгарская граница должна идти по водораздельной линии между реками Вардаром и Струмой, что признается необходимым в стратегическом отношении.

Что касается остальных уступок, то это уже частности, которые могут быть подвергнуты обсуждению впоследствии.

— Каковы желания Греции и Румынии?

— Греция желает получить побережье Эгейского моря до залива Лагос. Румыния, как говорят, потребует крепость Рущук и территорию до линии Рущук-Балчик.

— Возможно ли рассчитывать, что после такого мира Болгария снова войдет в балканский союз?

— На этот вопрос затрудняюсь ответить, так как все зависит от того, насколько болгары сумеют осознать свои ошибки и победить свое уязвленное самолюбие.

— Не вступит ли в балканский союз Румыния?

— Это весьма вероятно, так как под давлением общественного мнения румынское правительство, как кажется, уже окончательно порвало с тройственным союзом.

— Не находите ли вы вредным для общеславянского дела чрезмерное ослабление Болгарии — ведь те области, которые отойдут к грекам и румынам, нужно считать окончательно пропавшими для славянства?

— Сербы это понимают и скорбят об этом, но они не могут остановить рокового хода событий, вызванных самими болгарами.

— Если бы Сербию не лишили выхода к Адриатическому морю, то произошла ли бы настоящая война?

— Ни в коем случае! Если бы нам дали предусмотренный союзным договором участок побережья от г. Дураццо (Драч) до реки Скумби, представляющий как бы легкие, без коих Сербия не может дышать, то мы не стали бы и спорить о куске македонской территории. Таким образом, в возникновении братоубийственной войны прежде всего виноваты великие державы, которые в угоду Австрии лишили Сербию самого главного результата ее победы, бросив между союзниками яблоко раздора.

Демократический характер страны

Сербия — страна строго демократическая: в ней нет сословий, а имеются лишь равноправные сербские граждане; точно так же в ней нет крупных землевладельцев и капиталистов, но зато средний уровень благосостояния весьма высок.

Почти все население Сербии занимается сельским хозяйством. Согласно переписи 1905 года, из общего числа 2.688.025 жителей, 2.283.241 жили в деревнях и только 404.784 — в городах. Причем многие жители маленьких городов также существовали земледелием.

Земля принадлежит мелким собственникам. Во всей стране имеется лишь 75 владений площадью от 100 до 200 гектаров и 8 владений — от 200 до 300 гектаров. Обыкновенный размер земельного владения — около 5 гектаров, причем участок в 2,8 гектара, вместе с постройками, парой волов и необходимыми земледельческими орудиями считается неотчуждаемым и не может быть продан за долги. Сербские поселяне соединяются в особые товарищества, так называемые «задруги». В состав «задруги» входят обыкновенно семьи, принадлежащие к одному роду, но в виде исключения принимаются и чужие. Цель такого товарищества заключается прежде всего в хозяйственной помощи друг другу, а затем в производстве общих работ, в покупке в складчину каких-либо машин, в продаже сообща своих продуктов и т. п. «Задруга» отличается от русской общины тем, что каждая из входящих в ее состав семей владеет своим участком земли на правах полной собственности и, кроме того, может в любой момент выйти из состава товарищества.

Такая организация имеет большое значение для военного дела, так как, благодаря ей, каждый солдат, призванный на службу, знает, что во время его отсутствия за его хозяйством и благосостоянием его семьи будут следить другие.

Вследствие хорошей почвы и благодатного климата, а также благодаря присущим им трудолюбию, трезвости, смышлености и солидарности, сербские поселяне пользуются большим достатком.

Сербская интеллигенция вышла из той же сельской среды и первоначальное свое образование, по большей части, получила в народной школе. У любого министра или профессора, если не отец и братья, то во всяком случае многие родственники — простые поселяне, с коими он поддерживает самые близкие отношения.

Кроме того, интеллигентный труд оплачивается в Сербии сравнительно очень низко. Так, например, министр получает содержания всего 12.600

динаров (франков) в год, из коих ему приходится еще уплатить около 17% подоходного налога и 6% в пенсионную кассу для вдов и сирот. Если же взять содержание мелкого чиновника, то оно будет, безусловно, ниже материального обеспечения среднего крестьянина из богатых округов Сербии, где существует весьма доходное садоводство.

Между тем предметы не только роскоши, но и простого комфорта, обложены в Сербии очень высокими пошлинами. Прислуга дорога, и, за недостатком желающих местных жителей, ее приходится, по большей части, выписывать из Австрии.

При таких условиях понятно, что жизнь в Белграде поставлена на очень скромных началах. Например, один из министров, имея семью, состоящую из жены и семи детей, живет в 4 небольших комнатах и содержит для услуг одну женщину. Нет обыкновения устраивать парадные приемы, обеды, вечера и т. п. В городе почти не встречается собственных экипажей. Все одеваются очень просто. Дорогих дамских костюмов совсем не видно, и даже на улице князя Михаила, куда по вечерам выходит на прогулку «весь Белград», толпа имеет серый вид.

Обеспеченные материально и наделенные всеми гражданскими правами, сербские поселяне принимают живое участие в политической жизни свое страны. Зачастую в скупщине определенно и просто поставленный сельским депутатом вопрос доставляет правительству более затруднений, чем пространная, цветистая речь какого-либо адвоката.

Нужно сказать, что сербы вообще чрезвычайно увлекаются политикой, они со страстью читают газеты, и любимый разговор их — на политические темы. Это увлечение имеет, конечно, свою дурную сторону, порождая в стране политиканство и борьбу партий, но, с другой стороны, оно же развивает в широких народных массах сознательное отношение к государственным делам, а в серьезные исторические моменты, как, например, переживаемый в настоящее время, все сербские партии все равно вливаются в один крепко сплоченный народ.

В Сербии имеются и составляющие отчаяние всех современных правительств социал-демократы. Здесь им никто не мешает вести свою пропаганду. В Белграде мне показали небольшое каменное здание с надписью на фронтоне «социалистический народный дом» и рядом другое здание с вывеской «социалистическая книжная лавка». Однако при отсутствии пролетариата и вообще при сербских порядках, социал-демократам трудно находить себе последователей. В скупщине они или совсем не имеют голоса, или располагают одним, много двумя местами. Недаром один сельский депутат в своей речи остроумно заметил, что самые

глупые люди в Сербии — это социал-демократы, потому что они борются против капиталистов, коих нет, и против клерикализма, которого не существует.

Сербский поселянин исполнен чувства собственного достоинства и держит себя хозяином в своей стране. Он привык к мысли, что государственные учреждения и все чиновники существуют только для народа. В своей деревенской одежде и кожаных лаптях он свободно проходит, когда ему нужно, в приемные министров и держит себя повсюду совершенно непринужденно.

Вообще, выражаясь по-русски, Сербия — настоящее мужицкое царство.

Династия Карагеоргиевичей

Дед нынешнего короля Сербии, знаменитый воевода Карагеоргий, сначала был простым поселянином и торговал свиньями.

Король Петр до шестидесятилетнего возраста также прожил обыкновенным частным человеком и выработал в себе скромные привычки. Он весьма доступен и прост в обхождении и, не имея собственного состояния, не проживает даже тех средств, которые отпускает ему государство.

Будучи убежденным демократом и отличаясь строгой лояльностью, сербский государь настолько щепетильно соблюдает все требования конституции, что иногда даже грешит в обратную сторону, не исчерпывая предоставленной ему законом власти. Однако в серьезные исторические моменты он умеет понять настроение народа и стать во главе движения.

Воин в душе, он в молодости принимал участие во франко-прусской кампании, где заслужил орден Почетного Легиона, и в Герцеговинском восстании под названием воеводы Петра Марконича[3].

Безупречное, чистое имя короля Петра Карагеоргиевича окружено в Сербии общим уважением и любовью.

Престолонаследник Александр живет как простой офицер, раздавая значительную часть своего очень скромного содержания солдатам. Во время войны он делил с армией все труды и лишения похода, а в сражениях проявил не только решительность и храбрость, но и верный военный взгляд. Он чрезвычайно популярен как в войсках, так и в народных массах.

Вообще, вышедшая из сельской среды, чужая всякого самовластия, скромная и проникнутая наследственным героическим духом династия Карагеоргиевичей как бы нарочно создана для демократической Сербии.

Из Белграда в действующую армию

Получив от военного министра письменное разрешение отправиться в главную квартиру, я утром 2-го июля выехал из Белграда в Скопье. Поезд, состоявший из коротеньких старых вагонов, был совершенно переполнен, но, благодаря всегдашней предупредительности сербов, меня устроили довольно хорошо.

В вагоне я познакомился с академиком Йованом Жуевичем[4], бывшим министром народного просвещения, ехавшим до одной из ближайших к Белграду станций. Он довольно хорошо говорил по-русски и рассказал мне много любопытного о сербской жизни. Впоследствии от другого серба, окончившего в России духовную академию, я узнал, что перед войной с Турцией Жуевич пожертвовал государству все свое довольно значительное состояние.

Поезд сначала шел по холмистой местности с суглинной почвой, а затем по богатой долине реки Моравы. По сторонам виднелись кирпичные, чисто выбеленные домики поселян под красными черепичными крышами, окруженные фруктовыми деревьями. Несмотря на то, что почти все работоспособное мужское население находилось в армии, и что большая часть лошадей и много волов было взято по реквизиции, все поля были обработаны руками женщин, стариков и детей. Железную дорогу охраняли войники третьего призыва, которые вообще несли службу в тылу армии.

На всех станциях было много резервистов, отправлявшихся на пополнение войск, а также попадались солдаты, вылечившиеся от ран и возвращавшиеся к своим частям. Настроение у всех было очень бодрое, а, главное, совершенно спокойное, как будто они ехали на самое обычное дело. Провожавшие родственники также не обнаруживали никаких внешних проявлений горя в виде плача, криков и причитаний.

Около одной станции стояли две роты второго призыва, совершавшие переезд по железной дороге. Люди имели винтовку Маузера и солдатское снаряжение, платье же на них, за исключением шинелей и шапок, было деревенское. Здесь я осмотрел более подробно сербскую национальную обувь — опанки или лапти, сплетенные из кожаных ремней. При стоимости 5–6 динаров, эта обувь была очень удобна, легка и, по словам солдат, носится при обыкновенных условиях около четырех, а на войне около двух месяцев.

В полдень мы подъехали к станции Сталач[5], где кончалось пассажирское движение, и откуда нужно было продолжать путь в воинском поезде <...>.

От Сталача до Ниша поезд продолжает идти по плодородной долине реки Моравы, окаймленной горами. Кирпичные, а иногда мазанковые домики

поселян, по большей части имеющие галереи с колонками, утопают в зелени фруктовых садов, наполненных грушами, яблонями, абрикосами, персиками и особенно сливами; встречается также много виноградников.

На одной станции нас обогнал экстренный поезд с министром-президентом Пашичем, который ехал в Скопье для переговоров с греческим министром Венизелосом[6]. Пашич вышел на платформу и был тотчас же окружен толпой поселян, с коими он дружески поздоровался за руку, и которые начали его расспрашивать о положении дел.

Вечером, в двух верстах не доезжая Ниша, наш поезд простоял целые три часа, так как впереди происходила выгрузка раненых. В 6 часов утра мы прибыли на небольшую станцию Прешево[7], где мне пришлось вылезти, так как стало известно, что санитарный поезд дальше не пойдет. В ожидании прихода воинского поезда, я с несколькими сербскими офицерами и двумя солдатами (актером и купцом) отправился в соседний городок Прешево, являющийся в настоящее время резиденцией сербского окружного начальника.

Желая позавтракать, мы зашли сначала в одну, а затем в другую харчевню, но никакого мяса в них не нашлось, только в третьей харчевне нам подали отличную баранину. Вообще, хотя главной отраслью сельского хозяйства в Сербии является разведение скота, но сербские поселяне мяса едят мало, питаясь преимущественно хлебом, овощами, фруктами, кислым молоком, яйцами и сыром. Около полудня пришел воинский поезд из Ниша, настолько набитый солдатами и офицерами, что не только все места, проходы и площадки вагонов были заняты, но многие войники помещались даже на крышах. Тем не менее, любезные сербы и тут нашли мне место в купе первого класса.

Земли Старой Сербии и Македонии, только что освобожденные от турецкого владычества, представляют резкий контраст с Сербским королевством — жалкие деревни, плохо обработанные поля, много заброшенных пустырей, отсутствие садов и виноградников <...>.

Система вооруженного народа

В новейшей истории нельзя указать ни одного примера такого поголовного вооружения, какое было произведено в Сербии в последнюю войну. На службе находилось около 28% всего мужского населения страны. Располагая в мирное время армией в 27 тысяч, сербы выставили для вой-

ны более 400 тысяч человек, то есть на каждого кадрового солдата пришлось около четырнадцати солдат, призванных из резерва.

При этом, вопреки утверждениям теории о низких качествах войск, составленных из резервистов, сербские войска отлично дрались не только в оборонительном, но и в наступательном бою, не только в огнестрельный его период, но и во время последней штыковой атаки.

Такой результат объясняется как необыкновенной популярностью последних войн, так и особыми свойствами сербского народа. Завоевав свою независимость многовековой кровавой борьбой с турками, постоянно притесняемые Австрией, сербы выработали в себе пламенный патриотизм и глубокое уважение к военным доблестям. Крепкие физически, совершенно трезвые, самостоятельные и смышленые, они представляют прекрасный материал для создания армии.

Принятая в стране военная система дает возможность не только пропускать через кадры мирного времени всю молодежь, способную носить оружие, но и впоследствии поддерживать ее военную подготовку.

Воинской повинности подлежат все сербы в возрасте от 18 до 50 лет. При этом первый призыв заключает в себе людей от 21 до 30 лет; второй призыв — от 30 до 40 лет; третий призыв — от 40 до 50 лет и, наконец, «последняя оборона» — от 18 до 21 года и от 45 до 50 лет.

Срок действительной службы: полтора года в пехоте и два года в кавалерии, артиллерии и инженерных войсках.

Новобранцы являются на службу уже грамотными, так как все дети, по достижении в городах шести, а в деревнях семи лет, обязательно определяются в народные школы, где они должны пройти курс, по крайней мере, четырех классов.

Учебные сборы для резервистов поставлены основательно: во время состояния в первом и втором призывах солдат каждые 2–3 года отбывает маневры в составе мобилизованных войсковых частей.

Ученики низших, средних и высших школ должны обучаться военному строю. В стране существуют многочисленные стрелковые союзы и различные гимнастические общества.

Принцип территориальности при комплектовании войск доведен до самых мелких единиц. Не только дивизии, бригады и полки, но даже батальоны и роты всегда пополняются из одних и тех же районов, последствием чего является прочная спайка войсковых частей и хорошее знание людей.

Что касается обучения солдата, то в Сербии мало обращают внимания на внешность, посвящая все время сущности дела — стрельбе, тактической подготовке, походным движениям и т. д.

Сербские офицеры довольно хорошо подготовлены, любят свою специальность и относятся к службе весьма серьезно. Не довольствуясь собственными военными школами, правительство посылает ежегодно около двадцати офицеров за границу, где они и проходят курс известных учебных заведений, или прикомандировываются на годичный срок к войскам. Благодаря этому, сербы всегда находятся в курсе тех нововведений, которые появляются в других армиях.

Одной из самых сильных сторон сербской армии является близость между офицером и солдатом.

Как я уже говорил, Сербия, в полном смысле этого слова, демократическая страна. В ней нет ни сословий, ни крупных землевладельцев, ни больших капиталистов. Весь народ состоит, в сущности, из равноправных и зажиточных поселян. Один брат занимает министерский пост или командует дивизией, а другие братья в это время остаются в деревне, обрабатывая свой родовой клочок земли.

При таких условиях в сербской армии нет той резкой грани между офицером и солдатом, которая существует в армиях других государств, — отношения между ними самые простые, почти товарищеские.

Свобода и дисциплина

Офицеры, привыкшие к выдрессированному по немецкому образцу автомату, который при отдании чести топочет ногами, крутит головой и «ест начальника глазами», офицеры, воспитанные в убеждении, что солдата ни в коем случае нельзя допускать внутрь вагона трамвая, куда свободно проникает всякий хулиган, — такие офицеры, конечно, найдут, что в сербских войсках нет никакой дисциплины.

Действительно, сербский солдат не имеет той военной выправки, которой щеголяют другие европейские армии. Он отдает честь, хотя и внимательно, но настолько непринужденно, как будто бы кланяется своим хорошим знакомым.

В общественном отношении сербский солдат не подвержен никаким стеснениям. Он может бывать везде, где бывает офицер. Если средства ему позволяют, он имеет право сидеть в первых рядах театра, ездить в вагонах первого и второго классов; он беспрепятственно присутствует на всевозможных собраниях, посещает кафе и рестораны.

Входя в кафе или ресторан, где находятся офицеры, солдат отдает честь или делает поклон, и затем свободно садится к какому-нибудь столу, а за недостатком места даже к тому, за которым сидит офицер. В присутствии офицера солдаты нисколько не стесняются: пьют вино, правда, в очень умеренном количестве и разбавленное водой, играют в карты, громко разговаривают, курят, поют и т. п.

В Скопье в многочисленных кафе, битком набитых сербскими войниками, я несколько раз наблюдал, как кто-нибудь из них затягивал песнь и тотчас же образовывался хор, в коем принимали участие и офицеры. Один раз в «кафе воеводы Путника[8]» я видел, как после ужина все столы были отодвинуты к стенам, в середине зала появились какие-то три цыгана-скрипача, и толпа солдат, вместе с несколькими офицерами, образовав круг, стала с увлечением танцевать свой незамысловатый сербский танец — коло.

Никаких «высокопревосходительств», «превосходительств», «высокоблагородий» и «благородий» в Сербии не существует. Обращаясь к начальнику, солдат называет его попросту: «господин воевода», «господин генерал», «господин фельдфебель» и т. п. Зачастую даже по своей деревенской привычке солдаты обращаются к офицерам на «ты». Например: «Господин капитане, молим *те** за пет дана отсутства», то есть: «Господин капитан, прошу тебя дать мне пять дней отпуска». Когда кто-нибудь из начальников, не исключая самого верховного вождя армии — короля, здоровается с войсковой частью, то солдаты отвечают: «Бог ти помогао», то есть: «Да поможет тебе Бог».

Вообще, свободные нравы сербской армии весьма мало похожи на ту субординацию, которая признается необходимой в лучших европейских войсках.

Однако, несмотря на это, настоящая внутренняя дисциплина в сербской армии прочнее, чем где-либо. Основами ее являются: горячий патриотизм всего народа, патриархальный семейный быт, правильно поставленная школа, широкое участие народа в делах правления и, наконец, закономерное и сердечное отношение к солдату на службе. От совместного действия этих причин получается сознательно исполняющий свой долг и приученный к порядку солдат.

При призыве резервистов окружное начальство формирует команды из людей, идущих в какую-нибудь часть, назначает в них старших из их

* Здесь и далее выделено в оригинале.

же среды и затем, дав последним список фамилий и свидетельство для проезда по железной дороге, направляет такие команды, обыкновенно в несколько сот человек, на театр войны. В продолжении моего двухнедельного пребывания в Скопье через город прошло около 80 тысяч подобных войников, без офицеров и унтер-офицеров, и за все это время я не видел ни одного хоть немного пьяного солдата, не заметил ни малейшего скандала, не слышал ни об одном случае грабежа или кражи.

На войне сербский солдат терпеливо и безропотно переносит самые тяжкие лишения и, пренебрегая опасностью, послушно стремится к достижению указанной начальником цели.

Отданные распоряжения исполняются солдатами сознательно и точно, не вызывая необходимости контроля. Для иллюстрации приведу следующий факт. В окрестностях Скопье я посетил одну оставленную владельцем турецкую усадьбу, где стояли две сербских роты; рядом находился обширный фруктовый сад с поспевшими уже сливами, яблоками и грушами. Обратив внимание на то, что фрукты, как на деревьях, так и под ними, на земле, остаются нетронутыми, я спросил у офицеров, чем они достигают того, что солдаты не берут фруктов? На это последовал ответ: мы им объяснили, что в соседней армии холера и нужно быть осторожными <...>.

Довольствие солдата и офицерское содержание

Дневная дача сербского солдата состоит из следующих продуктов: 1 килограмм пшеничного хлеба; 400 граммов мяса; 20 граммов сала; 20 граммов луку; 18 граммов соли; 5 граммов муки для подболтки; 2 грамма красного перца; 2/100 литра уксуса; 100 граммов риса или манной крупы, или же 200 граммов фасоли; 5 граммов кофе или чая; 10 граммов сахару.

Походных кухонь в сербской армии не было, и пища готовилась в котелках на восемь человек, что представляло крупные неудобства: во-первых, потому, что по прибытии на бивак уставшие солдаты должны были тратить на это много времени, и, во-вторых, по той причине, что при неожиданном выступлении приходилось иногда выбрасывать неготовую еще пищу.

Для экстренных случаев каждый солдат имел при себе на три дня консервов и сухарей.

По общему отзыву, интендантство справлялось со своей задачей успешно и каких-либо злоупотреблений замечено не было.

Что касается денежного довольствия, то кадровые солдаты продолжали получать по два динара в месяц, как в мирное время; резервисты же никакого жалованья не получали.

Обмундирование выдавалось полностью лишь людям первого призыва, причем пехотинцы, вместо принятых в мирное время башмаков, получали опанки; второму призыву давали лишь суконные шапки и шинели; третий призыв получал одни шапки, да и то не всегда.

Сербские офицеры получают жалованье по чинам, независимо от занимаемых должностей: подпоручик — 1800 динаров, поручик — 2200 динаров, капитан второго класса — 2600 динаров, капитан первого класса — 3150 динаров, майор — 4500 динаров, подполковник — 5500 динаров, полковник — 7200 динаров, генерал — 10140 динаров, воевода — 15000 динаров в год.

Кроме того, все офицеры получают на наем прислуги по 240 динаров и для отопления по 27 куб. метров дров в год. Начальникам дивизий дается на представительство по 200 динаров в месяц.

Военный министр получает содержание по должности наравне с другими министрами, то есть 12600 динаров.

Из всех этих окладов удерживается прогрессивно увеличивающийся подоходный налог, который, например, для полковника составляет 80 динаров в месяц, и сверх того — 6% в пенсионную кассу для вдов и сирот.

Полная пенсия из государственного казначейства назначается за 40 лет службы и равняется для самого пенсионера всему окладу получаемого содержания, но вдовы и сироты, коим выдаются пенсии из вышеупомянутой кассы, не могут получить более 3000 динаров.

В военное время оклады содержания для офицеров остаются прежние, и всем чинам, начиная от воеводы и кончая подпоручиком, прибавляются лишь порционы в размере 3 динаров в день, причем для строевых офицеров, от командира полка и ниже, половина этих порционов заменяется выдачей солдатского пайка в натуре. Кроме того, при мобилизации всем офицерам назначаются денщики.

Несмотря на столь незначительное содержание, сербские офицеры все-таки не жалуются, так как их оклады значительно выше окладов соответствующих гражданских чиновников <...>.

Русский посланник и симпатии сербов

<...> Я был в гостях у русского посланника гофмейстера* Гартвига[9], который пользуется большими симпатиями и влиянием в Сербии. Посланник очень хвалил сербов, указав, между прочим, на их удивительную скромность и отвращение к рекламе. По его словам, сербы, особенно сельское население, весьма расположены к России и проявляют это при всяком случае. Например, когда в Белграде было получено известие о взятии Скутари черногорцами, то громадная толпа народа запрудила улицу перед зданием посольства и устроила сочувственную России манифестацию. И это произошло после того, как русская дипломатия, совместно с дипломатией других великих держав, удалила сербов с побережья Адриатического моря.

Свободный выход к морю необходим для Сербии. В прежние времена сербский скот и другие товары отправлялись, преимущественно, к портам Далмации, куда вело несколько торговых путей, из коих главнейшим был путь от Мокра-гора, через Фочу на Рагузу[10]. Заняв Боснию и Герцеговину, Австрия закрыла западную границу Сербии, и сербам остались лишь два кружных пути: или вниз по Дунаю в Черное море, или по Салоникской железной дороге в Эгейское море. Но оба эти пути находились под влиянием Австрии, вследствие чего при проходе грузов через Железные ворота на Дунае взималась очень высокая плата, а на железной дороге в Салоники были установлены весьма дорогие тарифы. Таким образом, Сербия была как бы заперта.

Сербы, особенно военные, охотно воспитывают своих детей в России. Между прочим, там учатся дети воеводы Путника, генерала Мишича[11] и др. В Белграде существует русский клуб, насчитывающий в настоящее время около двухсот членов и имеющий целью ознакомление сербов с Россией. При клубе находятся русская библиотека и читальня. Кроме того, устраиваются курсы русского языка для мужчин и дам, сообщения о России, концерты русской музыки, любительские спектакли из русских произведений и т. п.

В заключение я должен сказать, что, хотя сербы и относятся с большой симпатией к русскому народу, но ни от одного из них я не слыхал доброго отзыва о русской политике. Впрочем, подобных людей и в России отыскать нелегко.

* Гофмейстер — русский придворный чин 3 класса (согласно «Табели о рангах»).

Разговор с лидером младорадикальной партии Стояновичем

Ко мне приехал с визитом сербский публицист Марко Цемович, получивший образование в русском университете, женатый на русской и бывший некоторое время секретарем сербской миссии в Петербурге. В продолжение нескольких дней моего пребывания в Белграде я часто виделся с этим интересным человеком, который оказывал мне всевозможное содействие.

Между прочим, он познакомил меня с лидером младорадикальной партии профессором Любомиром Стояновичем[12], большим идеалистом и пламенным сербским патриотом, который в 1905 году был министром-президентом. По моей просьбе Стоянович рассказал мне историю образования и развития сербских политических партий. В брошюре, конечно, не место для такого исторического очерка, и потому я скажу вкратце лишь о теперешнем положении.

В настоящее время около 4/5 депутатов скупщины принадлежит к радикалам, разделенным на две партии — старорадикалов и младорадикалов. Остальные три партии, представленные в скупщине, а именно — националисты (называвшиеся прежде либералами), напредняки (бывшие консерваторы) и социалисты, коих всего два, располагают в совокупности лишь 1/5 частью общего числа голосов.

По существу, как старорадикалы, во главе коих стоит теперешний министр-президент Пашич, так и младорадикалы имеют одну программу, заключающуюся в широкой конституции с социалистическим оттенком. Вся разница между ними сводится лишь к тактическим приемам: старорадикалы, стоящие в настоящее время у власти и ведущие все государственные дела, считают нужным идти на компромиссы и допускают на практике разные поблажки; младорадикалы же, находящиеся в оппозиции, отстаивают полную чистоту своих принципов.

В области внешней политики, по словам Стояновича, никаких разногласий между партиями нет, все они смотрят на результат последних войн, лишь как на первый этап на пути к заветной цели освобождения всех сербов.

Здесь уместно будет указать на один контраст между Россией и Сербией, который нужно всегда иметь в виду: в то время, как в России передовые круги интеллигенции щеголяют своими космополитическими идеями и пацифизмом, в Сербии наиболее выдающиеся и образованные люди являются самыми ярыми националистами, настроенными особенно воинственно.

Смелые планы сербов

При Обреновичах в сербском образованном обществе, исключительно вследствие ошибок русской дипломатии, образовались некоторые австрофильские течения, доходившие даже до проекта объединения всей сербской нации под властью Габсбургов, в виде третьей составной части их империи: но события недавнего времени, особенно аннексия Боснии и Герцеговины и удаление сербов с берегов Адриатического моря, обратили весь сербский народ в самых непримиримых австрофобов.

Я говорил со многими сербами, начиная от высшей интеллигенции и кончая простыми поселянами, и все они смотрят на войну с Австрией как на следующую очередную задачу сербской политики.

Их расчеты в общих чертах сводятся к следующему: после сделанных территориальных приобретений Сербия вместе с Черногорией в состоянии будут выставить в поле около полумиллиона бойцов; румынское правительство, под давлением общественного мнения, вынуждено будет вступить в союз с Сербией и Черногорией, выставив также около полумиллиона; Россия, даже оставаясь нейтральной, тем не менее отвлечет на себя значительную часть австрийских сил; Болгария будет удержана на месте Грецией и Турцией, в крайности же можно будет купить ее нейтралитет уступкой части Македонии; в самой Австрии 6 миллионов сербов тотчас же перейдут на сторону союзников, а остальные славяне, по всем вероятиям, откажутся сражаться.

Если приведенные расчеты осуществятся, и если Германия не придет на помощь своему союзнику, то, на мой взгляд, представляется весьма вероятным, что союз Сербии, Черногории и Румынии, даже один, без помощи России, одержит верх над склеенной из разных кусков монархией Габсбургов.

Аудиенция у короля Петра

Желая перед отъездом из Сербии представиться королю Петру, я сказал об этом нашему посланнику, который обещал переговорить с соответственным министром, но выразил опасение, что, несмотря на желание короля, сильные ревматические боли, которыми он теперь страдает, помешают ему исполнить мою просьбу.

Однако, все дело устроилось гораздо проще. Известный уже Цемович пошел к королевскому секретарю и на другой день показал мне письмо, в коем последний просил передать, что король примет меня сегодня же в 4 часа 20 мин. пополудни. Никакого прямого уведомления о назначенной аудиенции я ни от кого не получил. Так свободно разрешаются вопросы этикета в этой демократической стране.

Королевский дворец, как по размерам, так и по виду напоминает хороший барский особняк. Из вестибюля две широкие лестницы, с перилами из массивного резного дуба, ведут полукругом в верхний этаж, соединяясь площадкой, покрытой шатром, украшенным гербами. На постах снаружи дворца стояли солдаты гвардейской роты, а в прихожей четыре солдата гвардейского эскадрона.

Адъютант провел меня в скромную гостиную, куда, минута в минуту в назначенное время, вышел король, бывший в сюртуке и при сабле. Он отнесся ко мне в высшей степени приветливо, сказав, что давно меня знает по рецензиям французских военных журналов и по книге «Блокада Плевны», которую прочел во французском переводе.

Затем, предложив сесть, король начал меня расспрашивать о впечатлениях, вынесенных из поездки в Скопье, причем, внимательно слушая, вставлял свои замечания и задавал новые вопросы. По всему было видно, что этот семидесятилетний больной старик не просто исполняет скучную формальность, а живо интересуется делом.

Между прочим, он сказал, что главная причина блестящих успехов, одержанных в двух последних войнах, заключается в высоком патриотизме сербов. Война была общим делом всего народа. Каждый серб понимал, за что он сражается, и потому охотно жертвовал своей жизнью и имуществом.

Король придает огромное значение существующей в сербской армии особенной близости между офицером и солдатом. Эти теплые, чисто дружеские отношения, соответствующие демократическому духу страны, должны быть сохранены в будущем, так как они создают боевое товарищество и составляют основу прочной внутренней дисциплины. Для доказательства любви нижних чинов к своим офицерам король привел пример, когда один солдат предложил вырезать из своего тела кусок, понадобившийся по заключению врачей, для оперированного офицера.

Затем король выразил удовольствие по поводу того, что сербское офицерство не обособляется в замкнутую касту, а поддерживает тесные связи с остальными слоями общества, как это и должно быть в настоящей народной армии.

«Перед началом войны с Турцией я чувствовал некоторую робость, — сказал король, — так как из кадров мирного времени в 27.000 солдат нужно было развернуть целую армию числительностью в несколько сот тысяч; но когда в первые же три дня явились не только все резервисты, но даже и такие люди, коим являться не следовало, и когда на последнем смотре я увидел лицо солдат, то заявил воеводе Путнику, что твердо уверен в успехе».

Относительно финансовой стороны король объяснил, что обе войны удалось довести до конца безо всякого внешнего займа, и что вообще материальные раны, причиненные этими войнами, будут залечены уже через несколько лет; гораздо чувствительнее жертвы людьми.

В заключение, когда разговор перешел на положение дел в России, король сказал, что величайшей для русского государства потерей была смерть Столыпина[13]. Это была героическая личность — настоящий юнак, как его называли сербы, и найти ему преемника было трудно. «Когда я узнал о его смерти, — продолжал король, — то мне было так тяжело, как будто бы я потерял близкого родственника».

После оживленной беседы, продолжавшейся три четверти часа, король пожелал мне счастливого пути и удалился в кабинет, где его ждали с докладами.

Вечером 25 июля в Белграде была получена телеграмма из Бухареста о подписании мирных условий, а на следующий день я выехал обратно в Москву <...>.

Россия и Сербия

В России довольно распространено мнение, что балканские славяне — это своего рода бедные родственники, весьма назойливые и весьма неблагодарные.

Если такой взгляд до некоторой степени верен по отношению к созданной русской кровью и на русские деньги Болгарии, правительство коей постоянно виляет между Россией и Австрией, то он нисколько не подходит к Сербии.

Совершенно непонятно — за что сербы должны быть благодарны России?

Правда, в 1876 году русские добровольцы боролись за сербское дело, а в последовавшей затем Русско-турецкой войне, сражаясь вместе с Россией, Сербия завоевала себе независимость, обратившись из вассального княжества в самостоятельное государство. Однако, по сравнению с этими

услугами, как велики те обиды, которые русская политика нанесла сербскому народу!

Не говоря уже о давно прошедших временах, когда она имела обыкновение перед каждой войной с Турцией подымать сербов щедрыми обещаниями и при каждом заключении мира оставлять их на жертву туркам, но даже в последние 30–40 лет каково было ее отношение к Сербии?

Перед Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. князь Милан обратился к русскому правительству с вопросом — нужно ли России содействие Сербии? На это был дан ответ, что пока Сербия должна сохранять нейтралитет, а потом ей будет указано, что следует делать.

Впоследствии, когда произошли неудачи под Плевной, император Александр II настойчиво потребовал помощи сербской армии, причем за это обещал князю Милану обеспечить будущее Сербии, поддержав ее во всех национальных стремлениях.

Сербское княжество в это время не успело еще оправиться от предыдущей опустошительной войны, к тому же князю Милану угрожал заговор, организованный турками, тем не менее, наскоро справившись с затруднениями, он в декабре 1877 года двинул сербскую армию в указанном русской главной квартирой направлении — на Софию.

Несмотря на незначительность своих сил, сербы смело прошли мимо турецкой крепости Ниш и разбили турок в боях при Ак-Паланке[14] и Пироте, что, несомненно, облегчило западному отряду генерала Гурко[15] переход через Балканы.

После занятия русскими войсками Софии сербская армия повернула на юг и, одержав над турками ряд новых успехов, дошла до Косова поля, где остановилась вследствие заключения перемирия.

Помня обещания императора Александра II, князь Милан обратился к русскому правительству с просьбой — при заключении мира выговорить Сербии, кроме политической независимости, уступку крепости Видина с округом, Косовского вилайета и Ново-Базарского санджака.

Между тем вскоре выяснилось, что русское правительство не желает давать сербам никакого территориального приращения, а предполагает всю завоеванную их войсками территорию, вместе с крепостью Ниш, передать проектированному Болгарскому княжеству.

Глубоко возмущенный такой несправедливостью, князь Милан ответил, что он не отдаст Ниш ни в каком случае, хотя бы пришлось сражаться с целой русской армией. Только после столь решительного заявления эта крепость с небольшой полосой прилегающей земли была, по Сан-Стефанскому договору, назначена Сербии, а на Берлинском конгрессе, бла-

годаря заступничеству австрийских уполномоченных, коим возражали представители России, Сербия получила, кроме того, города Пирот и Вранье с округами.

Как известно, тот же Берлинский конгресс дал Австрии полномочие на оккупацию Боснии и Герцеговины, составляющих этнографический центр сербской национальности. Общественное мнение России и всего славянского мира возмущалось таким «коварством» Бисмарка, и только впоследствии выяснилось, что Австрия взяла лишь то, что ей было предоставлено секретным договором с Россией 15 января 1877 года.

Оказалось, что перед войной с Турцией русская политика, желая обеспечить себе нейтралитет Австрии, расплатилась за это Боснией и Герцеговиной! <...>

События последних лет знакомы всем. В 1908 году г. Извольский[16], желая устроить какой-то дипломатический гешефт, изъявил Австрии согласие на аннексию Боснии и Герцеговины. Когда же его хитроумная комбинация не удалась, то русская политика стала подзадоривать сербов против Австрии, но в последний момент, испугавшись угроз Германии, по старому обыкновению, оставила их на произвол судьбы.

Наконец, в этом году, во время мирных переговоров, последовавших за войной с Турцией, русская дипломатия, совершенно подпав под влияние австрийской, приняла участие в устранении Сербии от берегов Адриатического моря, результатом чего явилась происходящая теперь братоубийственная война и крушение балканского союза...

Если ко всем указанным историческим фактам прибавить продолжавшееся до недавнего времени постоянное высокомерное и бестолковое вмешательство русских дипломатических представителей во внутренние дела Сербии, то нужно удивляться, каким образом в этой стране еще сохранились те симпатии к России, которые обнаруживаются уже при первом знакомстве с сербами, и на наличность коих, особенно в сельском населении, указывают все знатоки Сербии.

Впрочем, вопрос о «благодеяниях» и «благодарности», на мой взгляд, не имеет серьезного значения, и если я так долго останавливался на нем, то только по той причине, что он постоянно обсуждается в русской печати. Здравая государственная политика должна основываться на других, более реальных условиях.

Что же представляет собой Сербия с точки зрения прямых интересов России?

После тяжкого унижения, испытанного в 1908 году от Австрии, сербы с лихорадочной поспешностью принялись за устройство своей народной

армии и в несколько лет довели ее численность в военное время до 400.000 человек; с присоединением же вновь завоеванных областей, Сербия, вместе с Черногорией, в состоянии будут выставить до 700.000 человек, в числе коих около полумиллиона боевого состава.

Высокие качества этой армии, проникнутой горячим патриотическим духом, доказаны двумя последними войнами. В случае борьбы России с Австрией операции такой пятисоттысячной массы на фланге, уже сами по себе, могут оказать серьезное влияние на исход кампании.

Но, мало того, внутри самой Австрии сербы будут иметь многочисленных друзей и помощников. Последние победы Сербии создали ей огромный престиж в глазах австрийских славян, и особенно в глазах тех шести миллионов сербов, которые стонут под немецким и мадьярским гнетом. Сильная и демократическая Сербия является тем магнитом, который неизбежно будет притягивать к себе все сербские народности Австрии. В Австрии отлично понимают грозящую опасность, и этим объясняется особая злобность австрийской политики по отношению к Сербии и постоянная травля ее в немецких и мадьярских газетах.

При очерченной обстановке русская дипломатия должна оставить свою прежнюю политику и вступить с Сербией в тесный, открытый союз. Не в роли бедного родственника, ищущего покровительства, является теперь Сербия, а в качестве новой славянской силы, которую связывают с Россией огромные общие интересы <...>.

Примечания

[1] В ночь на 17 июня 1913 г. болгарские войска неожиданно напали на сербские позиции на реке Брегальница. Так началась Вторая (Межсоюзническая) Балканская война. На стороне Сербии выступили Черногория, Греция, Румыния, Турция. Болгары была быстро разбиты.

[2] Мартынов ошибается в отношении Н. Пашича. Тот был согласен передать этот вопрос на арбитраж русского царя, как и было предусмотрено Болгаро-сербским договором 1912 г.

[3] В 1875 г. Петр Карагеоргиевич участвовал в Герцеговинском восстании (под именем Петра Мрконича), а в 1870–1871 гг. — добровольцем во Франко-прусской войне.

[4] Жуйович Йован (1856–1936) — выдающийся сербский ученый-геолог, академик. Профессор Белградского университета. В 1915–1921 гг. — президент Сербской академии наук. Депутат Народной скупщины, сенатор. Один из основате-

лей Самостоятельной радикальной партии. В 1905 г. — министр иностранных дел. В 1907 г. — министр просвещения и церковных дел.

[5] Сталач — городок в южной Сербии. Крупный транспортный узел в месте слияния Южной и Западной Моравы.

[6] Венизелос Элефтериос (1864-1936) — греческий политический и государственный деятель. Основатель и лидер Либеральной партии. В 1910–1915, 1917–1920, 1924, 1928–1932, 1933 гг. — премьер-министр Греции. Участвовал в создании Балканского союза 1912 г. Добился присоединения к Греции Эгейской Македонии, Западной Фракии и других территорий. 29 июня 1917 г. объявил о вступлении его страны в I-ю Мировую войну на стороне Антанты. Вовлек Грецию в антисоветскую интерверцию (январь-апрель 1919 г.) и захватническую войну против Турции (1919–1922). Впоследствии выступал против попыток восстановить в стране монархию, упраздненную в 1924 г. Вдохновитель антимонархического восстания на острове Крит (март 1935 г.), подавленного правительством. Бежал за границу.

[7] Прешево — городок в южной Сербии с преимущественно албанским населением. Первое упоминание относится к 1381 г.

[8] Путник Радомир (1847–1917) — выдающийся сербский полководец, воевода (1912). В 1903–1904 и 1908–1912 гг. — начальник Главного генерального штаба. В 1904–1905, 1906–1908 и 1912 гг. — военный министр. В 1912–1913 и 1914–1915 гг. — начальник штаба Верховного командования.

[9] Гартвиг Николай Генрихович (1854–1914) — российский дипломат. В 1906–1909 гг. состоял посланником в Персии. В 1909–1914 гг. — чрезвычайный и полномочный посланник России в Сербии.

[10] Рагуза — итальянское название Дубровника.

[11] Мишич Живоин (1855–1921) — выдающийся сербский полководец, воевода (1914). Участник всех войн, которые вела Сербия, начиная с 1876 г. В 1909–1913 гг. состоял заместителем начальника штаба Верховного командования. В 1914–1915 и 1916–1918 гг. — командующий 1-й сербской армией. В 1918–1920 гг. — начальник штаба Верховного командования. Звание воеводы получил за победу над австрийцами в Колубарской битве (ноябрь-декабрь 1914 г.).

[12] Стоянович Любомир (1860–1930) — сербский политический и государственный деятель; филолог, академик. Профессор Великой школы. С 1901 г. — депутат Народной скупщины. Один из основателей Самостоятельной радикальной партии. В 1904–1911 гг. — ее глава. В 1905 г. — председатель правительства и министр внутренних дел. В 1903, 1906 и 1909 гг. — министр просвещения и церковных дел. После образования Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. — председатель Республиканской партии.

[13] Столыпин Петр Аркадьевич (1861–1911) — российский государственный деятель. В 1906–1911 гг. — премьер-министр. Образование получил в Санкт-Петербургском университете. С 1884 г. состоял на службе в министерстве внутренних дел. В 1906 г. назначен министром внутренних дел. В том же году заменил И. Л. Горемыкина на посту председателя Совета министров. Проводил глубокие

реформы в аграрной сфере. 1 сентября 1911 г. в Киеве был смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым.

[14] Ак-Паланка (Бела Паланка) — городок в южной Сербии. Присоединен к Сербии в 1878 г.

[15] Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) — русский военный деятель, генерал-фельдмаршал. Герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1877 г., командуя отдельным отрядом, занял проходы через Балканский хребет, одержав над турками ряд побед, закончившихся взятием Казанлыка и Шипки. После падения Плевны, усиленный 9-м корпусом и 3-й гвардейской пехотной дивизией, западный отряд Гурко перевалил через Балканы, занял Филиппополь и Адрианополь, открыв путь к Константинополю... После войны занимал должности Санкт-Петербургского, Одесского и Варшавского генерал-губернатора. С 1894 г. — в отставке.

[16] Извольский Александр Петрович (1856–1919) — российский дипломат. Министр-резидент при Папе римском. Посланник в Белграде, Мюнхене, Токио, Копенгагене. В 1906–1910 гг. — министр иностранных дел. В 1910–1917 г. — посол России во Франции. Способствовал укреплению франко-русского союза и консолидации стран Антанты. Аннексия Боснии и Герцеговины была воспринята в русском обществе как поражение политики Извольского.

Комаров Г. В.[*]

В Белград на Пасху 1914 г. СПб., 1914. С. 3–21

I

На страстной неделе у меня возник вопрос: как провести праздники? В Петербурге было холодно, темно, сыро, — хотелось на юг, на солнце, и я решил ехать в Крым.

Но зайдя в Вербную субботу в храм русской военной славы, в Казанский собор[1], и видя перед собой победные, насквозь простреленные знамена, которые сто лет назад русские войска со славой пронесли по всей Европе, мне живо вспомнилась манифестация прошлого года времен осады Адрианополя[2] и взятия Скутари.

Вспомнил тот энтузиазм, который охватил все русское общество год назад, — и, уходя из собора, я уже знал, что я поеду не в Крым, а к далекому синему славянскому Дунаю, в Сербию, в Белград.

* * *

До Белграда от Петербурга езды столько же, сколько до Ялты. Я выехал в четверг вечером и приехал в Белград вечером в субботу, причем 4 часа между поездами провел в Варшаве и 6 часов в Будапеште <...>.

В Белград приезжаем в субботу вечером. Первое впечатление — разочарование.

---

[*] Комаров Григорий Виссарионович – русский публицист славянофильского направления. Сын Виссариона Виссарионовича Комарова (см. комментарий 10 к письмам князя В. П. Мещерского).

Выехав из Петербурга в Страстной четверг, я торопился попасть к заутрене. Вспоминалось торжество и благолепие русской заутрени, крестный ход ночью со свечами вокруг храма, освящение куличей в присутствии огромной толпы молящихся — и вдруг оказывается, что ничего это в Сербии нет.

Заутрени в полночь не служат, а служат вместо нее раннюю обедню утром, когда взойдет солнце, часа в четыре, и на нее мало кто ходит. Куличей нет, о пасхах знают лишь понаслышке, по русской литературе, и никто не христосуется. Есть только яйца, которые красятся и ставятся на небольшом блюдечке под образа, и каждому приходящему в этот день дается по яйцу.

Собственно Пасха в Сербии отличается от простого воскресенья лишь тем, что празднуется два дня, а не один.

* * *

Последний раз я был в Сербии в 1910 г. За эти четыре года Белград очень изменился к лучшему.

Построен новый дворец. Надо сознаться, что большинство жителей его очень осуждают, но, по-моему, это очень красивое здание.

Королю Петру было предложено четыре проекта. Он забраковал все и составил проект дворца сам. Дворец уже выстроен и теперь заканчивается отделкой.

Великолепен новый дом, который построило страховое общество «Россия». Он обошелся в два миллиона рублей, в нем 7 полных этажей, он стоит в самой центральной части города, на высоком месте.

В Белграде трехэтажных домов мало, они составляют исключение, больше все двухэтажные домики, поэтому дом «России» кажется чем-то особенным, и возвышается над всем городом.

Большая часть дома занята гостиницей «Москва». Из верхних окон открывается совершенно исключительный по красоте вид на слияние Савы с Дунаем, на венгерский город Землин и на все белградские окрестности.

Начаты постройкой несколько больших домов и в том числе новое здание Академии наук.

Очень украсили Белград новые мостовые; булыжные сменились деревянными торцами. Новые мостовые гладкие, как паркет, и по тем улицам где мало езды, например, на аристократической Князь-Михайловой, публика идет не по тротуарам, а во всю ширину улицы.

Вечером все залито электричеством, и здесь начинается настоящее гуляние. Большие, ярко освещенные магазины, масса электричества, изрядная, шумная толпа придают этому уголку Белграда совершенно вид какого-нибудь южного французского города.

Среди сербок очень много красивых.

Сербки, как южанки, рано старятся. Часто в 35 лет они уже имеют вид старообразный, но в возрасте 17–20–25 лет постоянно встречаешь замечательных красавиц.

Город Белград делает сейчас заем в 40 миллионов франков, из которого 20 миллионов предназначено на постройку общественных зданий и на украшение города.

Многие находят, что для Белграда это расход чрезмерный. По этому поводу мне вспоминается разговор с городским головой гор. Праги г. Грошем, когда он показывал какое-то новое здание, кажется, народный банк, который обошелся чуть не в 4 миллиона франков.

Я спросил, как может маленькая Чехия возводить себе такие дворцы, которые считались бы роскошью даже в России или во Франции. Он ответил, что положение России и Чехии несравнимо. Русскому обывателю довольно посмотреть на карту, чтобы убедиться, что Россия — величайшая страна в мире. Чехия в другом положении. На карте ее почти не видно. Чешский крестьянин знает, что он окружен со всех сторон немцами, которые хотят задавить его национальное самосознание, ему тяжело, его надо приободрить. Вот и строятся дворцы для обслуживания народных нужд, чтобы показать народу его силу и мощь его единения. Каждая такая постройка есть новая крепость, она придает крестьянину веру в самого себя, в свои силы и укрепляет его дух.

Так говорят одни, другие говорят, что украшать город хорошо, конечно, мощь и красота столицы Сербии должна очень действовать на сербов, приходящих из Австрии, но что... пушки, пожалуй, надежнее. Не лучше ли иметь лишних 20 скорострельных пушек, чем построить один дом.

Не имея пушек, пожалуй, и домов строить не стоит.

II

Русское посольство в Белграде следует помянуть самым добрым и благодарным словом. Вообще надо сознаться, что наше представительство за границей представляется среднему русскому обывателю чем-то кошмарным.

Пойти за границей в наше посольство — это значит, в большинстве случаев, наглотаться самых больших обид и самых незаслуженных оскорблений <...>.

Поэтому особенно ценишь, когда видишь в Белграде русским посланником Н. Г. Гартвига, двери которого открыты для каждого русского и который окружил имя посланника русского царя совершенно особым ореолом.

Лучшей похвалой ему может служить то, что вся венская печать постоянно требует от своего правительства, чтобы оно настояло в Петербурге на отозвании Н. Г. Гартвига из Белграда, где он так определенно нарушил равновесие влияния Австрии и России в пользу России.

1-й секретарь В. Н. Штрандтман[3] приобрел себе самые большие симпатии русской колонии и всего сербского общества. Военный агент полковник Артамонов здесь уже 4 года. Король любит говорить представляющимся ему русским, что он очень ценит полковника Артамонова[4], и что, сербская армия во многом обязана русскому полковнику Артамонову.

Русское посольство помещается на главной улице против королевского дворца. Из столовой посольства открывается дивный вид на р. Саву, по ту сторону которой уже венгерская территория. От дома к реке большими красивыми террасами спускается парк.

На первый день у Н. Г. Гартвига, занимающего между дипломатами — первое, совершенно исключительное положение, завтракали послы всех православных государств — Болгарии, Греции, Румынии и Черногории, на второй, — была приглашена вся русская колония.

В этот день собрались все русские, находящиеся в Белграде, сербы, женатые на русских, с семьями, и сербы — русские воспитанники, главным образом, офицеры.

Был накрыт большой пасхальный стол «по-русски» — с пасхой и куличами, и, благодаря редкому гостеприимству, все чувствовали себя так, как, вероятно, немцы чувствуют себя у своих представителей на всем земном шаре, — т. е., что они «дома».

За завтраком были речи. Отмечалось, что во время войны, когда все русское общество болело душой за сербов, жертвуя раненым кто что мог, взоры всей России были обращены в Сербии на представителя здесь нашего Государя, который высоко держал здесь русское знамя, и все русские гордились, что в этот исторический момент в Сербии был Н. Г. Гартвиг, который в Белграде так хорошо отражал то, что все переживали в России.

Отсутствовавшей госпоже Гартвиг послали телеграмму в Москву. Во время войны она стояла в Белграде во главе всего дела организации помощи раненым героям войны. Теперь в Сербии ее называют «наша сербская майка» (мать). Популярность ее во всей стране огромна.

За эти два дня праздников на ее имя в посольстве было получено около 6000 карточек, писем и поздравлений от ее пациентов, которые получили от нее помощь и облегчение.

После завтрака все снимались, а потом еще долго оставались в посольском саду.

* * *

На второй день праздника устраивал вечер русский клуб.

Русский клуб — это наше славянское общество, с той только разницей, что в России славянское общество имеет круг членов очень ограниченный и из людей, специально интересующихся славянским вопросом, в то время как русский клуб в Белграде собирает вокруг себя большинство молодежи и все лучшее сербское общество.

Раз в год клуб дает славянский бал, который считается лучшим балом сезона; на нем обыкновенно присутствует король, наследный королевич, весь двор и вся местная знать. Русский клуб имеет хорошее помещение, библиотеку, бесплатные курсы русского языка, делает постоянные собрания, знакомя сербское общество с русской жизнью и нашей музыкой и литературой <...>.

Русский клуб к 9-ти часам был уже битком набит. Было очень много офицеров, было несколько священников, присутствовал русский посланник с дочерью и весь состав посольства с семьями. Вечер начался чтением стихов гр. Ал. Толстого[5], которые читал известный московский артист Андреев, который приглашен сюда режиссером королевского театра. Затем была музыка, потом начались танцы. Сначала танцевали сербское коло, в нем приняли участие все присутствующие, даже священники. В конце вечера танцевала «русскую» княжна Андроникова, да так танцевала и имела такой успех, что казалось, что зал развалится от аплодисментов.

Здесь же был отец княжны. Он все держался подальше, позади. Положение его весьма интересное. Он инженер и в 1905 году был в Чите. Был левый и стоял во главе революционных организаций. Когда началась революция, и Россия начала разлагаться на уделы, и чуть не в каждом городе предполагалась особая республика, то князя наметили в президенты города Читы. Однако, когда генерал Меллер-Закомельский[6] все эти сибирские республики поуспокоил и всех будущих президентов арестовал, то князя Андроникова судили, да засудили так, что, если бы он

не удрал, то ему, даже после Романовского манифеста[7], оставалось бы еще восемь лет каторги. Здесь он служит по эксплуатации железных дорог и начал заниматься подрядами по постройке железных дорог в Новой Сербии[8].

Когда чины посольства уехали, он вышел вперед и даже танцевал, очень красиво, мазурку в первой паре.

За ужином огромный успех имела сырная пасха.

* * *

Выходя из русского клуба, я пошел на Калимегдан <...>.

Я стоял, очарованный чудной, горячей южной ночью. Снизу неслась заунывная, за душу берущая песня. Это <...> пели рыбаки. Заунывная песнь плакала, что турки на Косовом поле убили отца, и мать у колыбельки своего маленького сына молит Бога, который все может, чтобы ее мальчик вырос сильным и храбрым, отомстил за смерть отца и помог своему королю освободить Сербию и создать большое могучее царство.

Песня кончилась, <...> и вдруг с той, немецкой, стороны раздались крики: «Живио наш краль Петар!»*, «Живио наш краль!».

Я вздрогнул. Мне живо представилась блестящая картина торжественного богослужения в соборном храме, в день именин короля Петра в июне 1910 г.

В соборе король, блестящая свита, двор, участники славянского съезда, которые приехали сюда из Софии на именины короля, и все дипломаты; впереди них, в великолепном наряде венгерского магната, стоит злейший враг сербского народа, австрийский посол, красавец, граф Форгач.

И вот в конце службы митрополит, аскет, старец святой жизни, патриот до мозга костей, в проповеди обращаясь к королю, говорит: «Наконец настало время пробуждения сербского самосознания, на тебя обращены взоры всех сербов, твое имя "Петр" должно стать символом объединения всего сербского народа».

Обедня кончена. Перед собором стоят депутации, не только из свободной Сербии, но и сотни молодежи с той стороны Савы, где пять миллионов сербов находятся под Австрией, все общества со своими знаменами.

* *Живио наш краљ Петар* (сербск.) — Да здравствует наш король Петр!

Король выходит, знамена склоняются и раздается общий крик: «Живио краль Петар!», «Живио наш сербский краль!» <...>

III

На третий день праздника в Белград, на пароходе по Дунаю, приехало румынское певческое общество <...>. Сербы не обольщаются насчет румын и весьма помнят, что в то время, когда они изнемогали в борьбе и теряли десятки тысяч людей, румыны за счет сербских побед, без выстрела, отхватили себе лучший кусок Болгарии — Добруджу[9].

Но в народе свежа память, что румыны — союзники, что сербы с румынами действовали вместе против болгар, и румын ожидала торжественная встреча <...>.

На следующий день утром, в 10 часов, румыны давали концерт на площади в центре города перед гостиницей «Москва», а вечером — в королевском театре. Утром, после концерта на площади, я был свидетелем большой манифестации перед дворцом. В Сербии необходимо отметить необыкновенную близость царствующей династии Карагеоргиевичей к народу. Всякое событие, выходящее из рамок обыденности, сейчас же переносится к дворцу, король выходит на балкон и как бы приобщается к жизни своего народа.

После концерта на площади толпа в несколько тысяч человек подошла к королевскому дворцу, поставили румын с знаменем их певческого общества впереди, и вся толпа начала с энтузиазмом кричать: «Живио наш краль!», «Живио краль Петар!»

Через несколько минут наверху, в третьем этаже, открылась дверь, и на балкон, в генеральском мундире вышел король Петр. Вся толпа сняла шапки и громкими криками приветствовала короля, который кланялся. Затем вся толпа с необыкновенным энтузиазмом, хором в несколько тысяч голосов, запела сербский гимн. Король кланялся и благодарил, затем ушел с балкона; тогда вся толпа спокойно разошлась.

Королю 75 лет[10]; несмотря на свой преклонный возраст, он совершенно здоров и очень бодр. Популярность его в народе очень велика. Король ложится спать в 10 часов вечера, встает всегда около 4 часов утра. Утром он гуляет по городу пешком или ездит верхом. Когда его утром узнают на улицах, он любит говорить с крестьянами и рабочими. Летом король обыкновенно ездит верхом в дачное место около Белграда и, если видит, что

кто-либо, кого он знает, уже встал и возится у себя в саду, то он часто останавливает лошадь и начинает с ним разговаривать через забор.

* * *

Весь Белград полон воспоминаниями и рассказами о войне. Много рассказывают о черногорцах и постоянно вспоминают о греческих зверствах.

Греки — это какие-то звери, для них не существует ни пола, ни возраста. Приходя в деревню, они вырезали все население, включая женщин и всех детей. В некоторых округах, обильно ранее населенных турецким населением, теперь перешедших к грекам, не осталось ни одного турка — греческое христолюбивое воинство вырезало всех турок поголовно.

Самое ужасное то, что эти зверства происходили при ближайшем участии самых высших начальников армии.

С черногорцами сербы шли в бой бок о бок, к ним все относятся необычайно любовно, все восхищаются их безумной храбростью. Жизнь свою черногорец совсем не ценит.

Хотя из того, что слышишь, составляется странное понятие о черногорском войске. Выходит, что войска в европейском смысле в Черногории нет, а есть милиция, вооруженный народ с безумной храбростью.

Во-первых, у них в войске совсем нет кадра унтер-офицеров, что совершенно непонятно любой регулярной армии, затем нет интендантства. Когда полк выступает в поход, то за каждым «войником» идет жена, мать или сестра и несет ему пищу. Запас обыкновенно берут на семь дней; когда запас выходит, то воины или должны идти домой, или, как было под Скутари, половина женщин остается с воинами и варит им пищу, а другая половина отпускается домой за провизией, — когда первая партия женщин возвращается, то за провизией домой идет другая и т. д. Ясно, что при таких условиях отойти от дома далеко нельзя.

Офицер является как бы не начальником, а лишь руководителем. Постоянно бывали такие случаи — офицер приказывает отряду отойти, а солдаты кричат ему: «Это ты трус, а мы не привыкли отступать!» Остаются на месте, и через несколько минут их всех расстреливают.

Укрепления Тарабоша[11] приходилось брать по нескольку раз. Днем, со страшными усилиями возьмут, ночью все ложатся спать, караулить

никто не хочет, говорят: «Отчего мне караулить, а не тебе»; приходят турки, кого вырезают, остальных прогоняют и берут укрепление обратно. Но завтра та же история: укрепление берут, караулить никто не хочет, все ложатся спать, турки режут спящих и берут укрепление обратно, и так по нескольку раз.

С техникой войны не считаются, прикрытий не признают. На штурм неприступных твердынь Скутари шли все время без всякого прикрытия, говоря, что «мы не трусы», — ясно, что в результате потери их были колоссальны.

Черногорцы — народ свободолюбивый и гордый. Когда селяков учат строю, то никто не хочет идти во вторую шеренгу, всякий идет в первую; быть во второй шеренге считают обидой, спрашивают: «Отчего я, а не он?» Когда команда: «Ряды сдвой, на первый-второй рассчитайсь», то никто не хочет сказать: «Второй», один говорит: «Первый», а сосед кричит: »Я до него». Так это и осталось — один говорит: «Первый», а другой — «Я до него» <...>.

Храбрость черногорцев легендарна и общеизвестна, но вопрос об образовании правильной, дисциплинированной армии стоит на первой очереди <...>.

* * *

Скоро прошло три дня, пролетели праздники, надо было возвращаться в Петербург. Обратно я ехал через Вену, где пробыл день <...>. Вся поездка в Сербию заняла 8 дней.

Примечания

[1] Казанский собор в Санкт-Петербурге (1801–1811). Возведен по проекту архитектора А. Н. Воронихина. В северном приделе собора – место захоронения М. И. Кутузова. Рядом выставлены трофеи русской армии – наполеоновские знамена, ключи городов, взятых русскими войсками. Перед собором стоят памятники Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли, работы скульптора Б. И. Орловского. Казанский собор стал памятником войны 1812 г.

[2] Осада болгарской армией Адрианополя (Эдирне) в рамках I-й Балканской войны длилась с 27 октября 1912 г. по 26 марта 1913 г. По Лондонскому мирному

договору Адрианополь остался за Болгарией. Однако, после ее поражения во II-й Балканской (Межсоюзнической) войне, город был возвращен Турции.

[3] Штрандтман Василий Николаевич — российский дипломат, в 1914–1918 гг. — поверенный в делах России в Сербии.

[4] Артамонов Виктор Алексеевич — полковник (с 1915 г. — генерал-майор). В 1909–1916 гг. — военный агент России в Сербии.

[5] Толстой Алексей Константинович (1817–1875), граф — русский поэт и драматург. Среди произведений — исторический роман «Князь Серебряный» (1862); драматическая трилогия — «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868), «Царь Борис» (1870). Многие лирические стихотворения Толстого положены на музыку П. И. Чайковским, Н. А. Римским-Корсаковым и др.

[6] Меллер-Закомельский Александр Николаевич, барон — русский военный деятель, генерал от инфантерии. Корнетом лейб-гвардии Гусарского полка принимал участие в усмерении Польского восстания 1863 г. Участвовал в походах на Хиву и Фергану, в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1906–1909 гг., занимая должность временного генерал-губернатора Прибалтийского края, применял суровые меры в борьбе с революционным движением.

[7] Манифест императора Николая II от 17 октября 1905 г., согласно которому в России вводилась представительская система, многопартийность, гарантировались основные права и свободы граждан.

[8] Имееются в виду: территории Старой Сербии и Вардарской Македонии, присоединенные к Сербскому королевству по Бухарестскму мирному договору, подписанному в августе 1913 г.

[9] Добруджа — историческая область между нижним течением Дуная и Черным морем. Северная Добруджа (15,8 тыс. кв. км.) входит в состав Румынии. Южная (7,6 тыс. кв.км) — в состав Болгарии. В древности Добруджа была заселена фракийскими племенами. В V в. до н. э. ее заняли скифы. С начала VI в. в ней появляются славяне. С VII в. — в составе Первого Болгарского царства. В XI–XII вв. — под властью Византии. С конца XII в. входит в состав Второго Болгарского царства. Ослабление последнего привело к образованию на территории Добруджи самостоятельного княжества. Основателем его был болгарский болярин Балик; по имени его преемника Добротицы регион и получил свое название. В 1400 г. княжество попало под власть турок. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Южная Добруджа отошла к Болгарии. Северная — к России, которая уступила ее Румынии в обмен на часть Бессарабии. По Бухарестскому мирному договору 1913 г., завершившему II-ю Балканскую войну, Южная Добруджа была передана Румынии. В соответствии с румыно-болгарскими договором, подписанным в 1940 г. в Крайове, она была возвращена Болгарии.

[10] Г. В. Комаров ошибается — в 1914 г. сербскому королю Петру Карагеоргиевичу (1844–1921) исполнилось 70 лет.

[11] Тарабош — укрепленная возвышенность, господствовавшая над Скутари (Скадаром).

*Кожухов А. Н.**

Сербия и сербы. Каменец-Подольск, 1915. С. 7–18

II

<...> Во время турецкого ига сербы жили преимущественно в селах, города же были населены исключительно турками. По изгнании турок города опустели, и сербы с большой неохотой и очень медленно заселяли их, так что в настоящее время несравненно меньшее количество сербов живет в городах, громадное же большинство их и теперь населяют села: серб — природный селянин, а не горожанин, серб — мирный, трудолюбивый селяк. Сербские сельские картины очень напоминают нашу Малороссию южных уездов Киевской или Подольской губерний. Те же беленькие мазанки с черепичными кровлями, те же аисты на клунях и по полям, те же длиннорогие сивые волы, запряженные в хохлацкую фуру с огромным, неуклюжим ярмом. Мало того, даже самый тип серба очень близко подходит к типу наших малороссов, особенно у женщин, которые, вообще говоря, лучше сохраняют характерные признаки племени. Некоторые села так и кажутся выхваченными откуда-нибудь из Балтского или Чигиринского уезда: вокруг мазаных хаток идут завалинки, в палисадниках цветут мальвы и мак, пахнет коноплей и табаком, около дома — садок, правда, не вишневый, а сливовый, по ярам и оврагам растут совсем наши русские ракитники и вербы. Молодые черноокие девушки с цветами в волосах, с массой бус и монет, в белых вышитых рубахах, смотрят настоящими «Марийками» или «Тытянами» из какой-нибудь Веркиевки или Семипановки. Молодые парни в вышитых сорочках и бараньих шапках напоминают «Андриев» нашей Малороссии. Хмурые, черномазые, угрюмые на вид, но в действительности необычайно добродушные старики в широчайших шароварах — совсем наши «диды» малороссийских хуторов.

* Кожухов А. Н. — преподаватель Каменец-Подольской мужской гимназии.

Миром и тишиной веет от таких сербских сел, как и от сел нашей Малороссии. Эта иллюзия полнейшего сходства сербов с нашими хохлами дополняется еще близостью сербского языка к малороссийскому. Литературный русский язык для простого серба почти непонятен, также как и северные говоры — московский и поволжский, но все особые обороты и слова малороссийского языка встречаются и в сербском, так что во время войны 1876 года наши добровольцы-хохлы и сербы свободно понимали друг друга <...>.

По натуре серб — чистый славянин: он добр до простодушия, впечатлителен, наблюдателен, умен и необыкновенно терпелив. Впрочем, не только сербам, но и всему славянству не занимать <...> терпения: история как Сербии, так и всех славянских племен — длинная повесть страдания, а страдания приучают к терпению. Серб не только умен, но еще и хитер, себе на уме, и другому трудно его провести. Он любит угостить гостя, иногда покутить вместе с ним, но по природе он не склонен к кутежу: разойдется иногда с товарищем, чтобы показать себя — ешь, дескать, пей, веселись, ничего не жалею, но в важных делах он никогда не уступает своей выгоды. В личных потребностях серб довольно скромен и расчетлив, но, несмотря на расчетливость, одной из характерных черт серба является его милосердие — нищих в этой стране нет и не было, есть только бедняки. В то же время серб горд: он согласится скорее принять на себя самый тяжелый труд, чем идти в батраки или слуги, а тем более нищенствовать. В деревнях между сербскими поселянам чрезвычайно редко можно встретить батраков и домашнюю прислугу. Богатые люди в Сербии нанимают прислугу, приходящую из Австро-Венгрии. Главная причина этого кроется в том, что сербские поселяне жили задружно, т. е. несколько родных и двоюродных братьев, дядьев и племянников, вместе со своими женами, детьми, внуками и правнуками, живут вместе, образуя как бы одну огромную семейную общину, и, таким образом, всегда найдется дело для каждого члена такой общины, дающее средства к существованию. Задруга развила в сербах братские чувства ко всем своим соотечественникам; серб даже совершенно чужих людей называет «брат», «родич», и т. п., а женщин — «сестра», «тетка» и т. п. Вследствие такого уклада жизни, в Сербии нет резкой границы между аристократией, дворянством и простым народом, и иностранцу, приехавшему в первый раз в эту страну, прежде всего бросается в глаза простота народа, его демократический характер: высший чиновник, министр или член государственного совета нередко сидит на лавке подле простого селяка, совершенно дружелюбно и просто разговаривает с ним, называя друг друга на «ты», беседуя на политические темы,

и на темы чисто хозяйственного характера. При встрече и прощании они жмут друг другу руку, как равный равному. Такая простота и патриархальность отношений сближает все классы населения <...>.

Сербы не раз доказали, как они умеют сражаться, умирать или побеждать. Когда старый дед учит внука владеть саблей или кинжалом, тогда жилище серба наполняется избытком высокого наслаждения и удовольствия. Сербы знают, как надо биться на поле чести, знают и историю своей родины, и славянства, и помнят тех, кто грудью стоял за них, и в этом последнем отношении сербы — настоящие рыцари. Строй школьного образования у них не препятствует учащимся окунуться и в политику. Преемственно, от поколения к поколению, передаются имена освободителей народа от турецкого ига, и в честь их слагаются песни.

Когда родине грозит опасность, каждый серб — воин, в обыкновенное же время сербы те же мирные хлеборобы, так как земледелие и скотоводство с давнего времени составляют главное занятие народа, чему как нельзя больше способствует и природа страны, и роскошные пастбища <...>.

Несмотря на весьма плохую культуру земли, которая совершенно не удобряется, плодородная почва Сербии более чем прокармливает население. Придунайские жители занимаются виноделием, правда, довольно примитивным, для чего разводят особые породы слив, из которых приготовляется водка, называемая «сливовица» <...>. Торговля Сербии, особенно вывозная, непрерывно возрастала. Понятно, главными предметами вывозной торговли служат сырые товары, как, например, продукты земледелия, садоводства, плодоводства, огородничества, животноводства и т. п., а особенно много вывозится свиней <...>.

В деле народного образования сербы отстали от других балканских славян: неграмотные среди них встречаются чаще, чем у других балканских славян. Многие из зажиточных сербов посылают своих детей для получения образования к нам в Россию <...>.

III

Столица Сербии г. Белград красиво расположен на высоком берегу Дуная при впадении в него Савы. Через Белград проходит железная дорога из Вены на Софию и Константинополь. Город уступами спускается сверху вниз к реке и точно купается в полуденном солнце, ослепительно отражая лучи от белых своих стен. С первого же взгляда чувствуется не-

посредственное общение Белграда с природой, патриархальностью и бедностью страны глубоко крестьянской, исключительно землепашеской. По-настоящему сербская столица — не более как село, но с известным показным блеском, заимствованным у парижских и венских бульваров. Белград очень невелик; в 20 минут можно пройти весь город от начала до конца. В этой миниатюрной столице все знают друг друга наперечет, и приезжий незнакомец обращает на себя всеобщее внимание. В Белграде, можно сказать, только одна большая парадная улица квазиевропейского вида. На ней помещается дворец, скупщина, т. е. сербская палата депутатов, министерства, посольства, лучшие дома новейшей архитектуры, но и она представляет собой в общем довольно странную и причудливую картину. Нигде нет такой добродушной, бесхитростной смеси Востока с Западом, как здесь. Рядом с зеркальными стеклами нового роскошного дворца — вросшая в землю пещера из камней, хозяин которой, пекарь из турок, на виду у всех месит тесто, тут же печет хлеб в печи доисторической кладки и тут же, прямо в окне без рам, продает свой товар; бок о бок с весьма приличным двухэтажным зданием новейшей постройки, на фронтоне которого значится надпись: «Министерства Иностранных и Унутряшних Дел»*, — лачуга столяра, который выдвинул из своей норы строгаемую им доску на улицу, прямо на тротуар, и поет песни. Подгородние крестьяне, в жару босые, почти нагие, расположились бивуаком у совсем европейского палаццо «Српске Народне Банке»**, разместились поудобнее для обеда прямо на асфальте. В вагоне электрического трамвая нищая грязная цыганка-старуха гадает пассажирам по руке; на главной улице скрипучие деревенские арбы самой примитивной конструкции еле-еле двигаются на паре или четверке громадных волов, задевая своими не всегда правильно круглыми колесами за столбы с шарами электрического освещения. У маленькой лавочки, торгующей предметами сельского обихода, стоит караван малорослых, худых, шершавых лошадей, навьюченных кулями с древесных углем, а их хозяин — старый, черномазый, худощавый серб в широкополой войлочной шляпе, в кожаных лаптях, по выходе из лавочки держит в руках косу, связку листового табака... и билеты «српска латарьети»***, т. е. государственной сербской лотереи, по одному динару за билет. Это пестрое и скороспелое смешение разных эпох и куль-

* *Министарства иностраних и унутрашњих дела* (сербск.) — Министерства иностранных и внутренних дел.

** *Српска Народна Банка* (сербск.) — Сербский народный банк.

*** *Српска лутрија* (сербск.) — сербская лотерея.

тур, это кипение и брожение в одном котле полутурецкого старья и привозных европейских новшеств поражает на каждом шагу. Всем, хотя бы понаслышке, известно существование сербской скупщины. Имя ее часто встречается и в газетных телеграммах. Вполне возможно, что сербская палата депутатов посильно делает свое дело, но как здание скупщины, так и внутренняя обстановка его нисколько не соответствует тому понятию, которое складывается при мысли о законодательном собрании народных представителей. Сербы и сами в этом смысле предупреждают и подготовляют иностранца. Даже не совсем легко и найти скупщину: спрятана она где-то сбоку и внизу главной улицы, среди акаций и липок, по соседству с огородом и каким-то неприглядным, совсем азиатским переулком. Спускаться нужно к дому скупщины по узенькой и крутой деревянной лесенке. Самое здание низенькое, старое, с облупившейся штукатуркой, одноэтажное, с вышкой, надстроенной только над внутренней, срединной частью его, похоже с виду скорее на плохенький провинциальный театрик или на временный цирк, чем на здание, где помещается законодательная палата королевства. Вход в скупщину ведет через маленький подъезд в узенький темноватый коридор, который выходит прямо в «залу заседания» скупщины. Зала мала, грязна, душна. По углам ее расставлены дешевые железные печи и черные, неокрашенные железные трубы их проходят, держась на проволоках, по закоптелому потолку. Крошечные висячие керосиновые лампочки служат единственным освещением скупщины, хотя соседняя с ней — «князь Милан улица» вся залита электричеством. Не менее своеобразное впечатление производит и Белградский университет «Српска Велика Школа». Эта «великая школа» только носит столь громкое наименование; сравнительно с другими подобными ей европейскими учреждениями это очень маленькая школа. В трехэтажном новом, правда, довольно хорошем, но вовсе небольшом доме помещаются все гражданские учебные заведения Белграда: и университет, и гимназия, и «реалка», т. е. реальное училище. Мало того, в этом же доме помещается и министерство народного просвещения. Среди учащихся много бедноты; есть гимназисты в кожаных лаптях, а то и босиком. Против «Великой Школы» большая городская площадь с ежедневным сельским базаром. Базар этой площади — характерен для всей Сербии. Это квинтэссенция всей страны. Здесь суетятся, галдят, покупают, продают сербы, румыны, болгары, босняки, цыгане, турки и «шпаньолы», как называют в Сербии евреев, потомков выходцев из Испании. Войлочные шляпы, меховые болгарские «чубары», круглые венгерские шапки, черные и синие куртки, расшитые на груди и на рукавах цветными тесемка-

ми рубахи, всевозможных фасонов штаны — и обтяжные, и широкие, и короткие, и длинные, широкие кожаные пояса, пистолеты, ятаганы, кинжалы, ножи, высокие сапоги и ботинки, кожаные лапти, сандалии на деревянных подошвах и т. п., — служат предметом купли и продажи. Весь этот пыльный, заношенный, порыжевший и выцветший на солнце костюмный хаос находит себе невзыскательного покупателя. Все продукты разложены прямо на земле, на грязных булыжниках отвратительной белградской мостовой. В промежутках между лекциями студенты выбегают на этот базар и завтракают на площади творогом со сметаной и белым хлебом со свиным салом. Здесь же десятки голодных собак, прибежавших за своими хозяевами крестьянами, терпеливо выслеживают воровскими глазами добычу, а вокруг рынка — повозки, лошади, волы, буйволы, ослики, телята и козы. Нижние этажи домов, прилегающих к базарной площади, заняты кабачками и ресторанами. Совершенно обыкновенная картина: компания военных или штатских появляется в таком ресторанчике и просиживает целые часы около бутылки вина, 2–3 кистей винограда, опущенного в воду, и десятка сербских и иноземных газет. На лотках подносится дешевый сыр, хлеб, какая-нибудь простенькая закуска. Здесь и крестьяне, и горожане, и министры — все в братской близости. Осенью, когда созреет виноград, очень вкусный и дешевый, сербы лакомятся им. Виноград — всем доступное лакомство, вроде наших подсолнечных семечек, очень дешев, поэтому его истребляют в обильном количестве и стар и млад. Доступная цена имеет большое значение при скромном бюджете серба: мы видим, что даже в столице королевства все скромно: и здания, и скупщина, и аппетиты <...>.

*Пименова Э. К.**

Сербия.
Пг., 1916. С. 30–54

<...> Сербия очень живописная и плодородная страна. Горные цепи, покрытые прекрасными хвойными и лиственными лесами, перерезывают ее вдоль и поперек. Бесчисленные потоки, шумя, сбегают с гор и орошают ее цветущие долины. По устройству поверхности всю страну можно разделить на две различные области. В северной части Сербии, на границе Австрии, там, где протекает Дунай, находится обширная и плодородная низменность. Вся она покрыта пашнями, лугами, лесами, фруктовыми садами и виноградниками и производит чрезвычайно привлекательное впечатление. Сербы называют ее «житницей Сербии». Красиво извивается по ней Дунай, то разливаясь широкой голубой лентой, то охваченный высокими, крутыми стенами глубокого ущелья. Он пенится, бурлит и бьется об эти стены, точно желая разбить оковы, стесняющие его свободное течение. Столь же живописная и другая сербская река — Морава, приток Дуная, и сербский народ постоянно воспевает эти реки в своих песнях и легендах.

К югу почва начинает постепенно подниматься, и местность становится возвышенной. Тут уже мы вступаем в область лесов, так называемую Шумадию («шума» — по-сербски лес), покрывающих верхние долины Моравы. Далее начинаются настоящие горы, нигде, однако, не достигающие очень большой высоты (самые высокие вершины едва достигают 2.200 метров), по склонам которых с шумом сбегают потоки, изливающиеся в ущелья, или собирающиеся в долинах в более широкие реки.

---

* Пименова Эмилия Кирилловна (1855– ?) — русская писательница. Окончила женские медицинские курсы. С 1891 г. — постоянная сотрудница журнала «Мир Божий», где руководила отделом иностранной жизни. В 90-е годы также вела отдел иностранной политики в газете «Новости». Много писала в детские журналы «Всходы» и «Юный читатель». Опубликовала книгу «Политические вожди современной Англии и Ирландии» (СПб., 1904) и целый ряд брошюр для народа.

Земледелие и скотоводство составляют самые прибыльные занятия сербского народа, и так как Сербия очень хорошо орошена, то в пастбищах нет недостатка. Дунай и его приток Сава только касаются Сербии, протекая по ее границам, и поэтому собственно сербскими реками следует считать только Мораву, Дрину и Тимок со всеми их притоками. Но сербы до сих пор еще мало пользуются водяной силой. Течение рек не исследовано, берега их не укреплены, и поэтому-то наводнения так часто производят большие опустошения в стране.

В бассейне Моравы сосредотачивается самое зажиточное население Сербии. Эта область всего гуще населена, и там находится треть всех сербских городов <...>.

Основную черту в характере сербов составляет их любовь к независимости, и они это доказали всей своей историей. Сербы издавна славятся также благородством, храбростью и правдивостью. Уже одно то говорит в их пользу, что они в течение стольких веков противостояли разлагающему влиянию рабства и угнетения и сохранили настолько энергии, что могли впоследствии завоевать свою независимость. Серб очень хитер, обмануть и провести его трудно, но сам он никого не обманывает, и слову его можно доверять вполне. Как и все славяне, сербы отличаются терпением. На это указывает, между прочим, вся их история, подтверждающая также и ту истину, что чрезмерное терпение становится уже недостатком, когда переходит известные границы <...>.

Сербия населена не исключительно только сербами. Почти девятая часть населения страны состоит из иностранцев. Турки, составлявшие прежде господствовавшее население в сербских городах, постепенно уменьшаются в числе, и надо полагать, что скоро турок останется очень мало в стране, где они некогда были властелинами.

В Сербии нет ни аристократии, ни дворянства и нет крупных землевладельцев. Все сербы считают себя равными, и таким они стали с тех пор, как турки, завладев Сербией, уничтожили все сословные различия, существовавшие до того времени.

Сознание своего равенства сохранилось у них и теперь, когда они стали свободным народом. Министр, высший сановник и простой крестьянин говорят друг другу по-братски «ты», и в их взаимных отношениях незаметно никакого неравенства. Впрочем, в последнее время, вследствие распространения чиновничества в стране, у сербов тоже начинает развиваться чванство, но оно все же еще не вытеснило прежних простых братских отношений <...>.

Сербские города во время турецкого владычества были населены преимущественно турками, сербы же жили в деревнях, в бревенчатых хижинах, называемых «кучами».

И теперь еще громадное большинство сербов живет в селах и занимается земледелием и скотоводством, так что Сербию можно по всей справедливости назвать страной крестьян. Крестьяне составляют в Сербии наиболее многочисленный и, пожалуй, наиболее зажиточный класс населения. Почти вся земля находится в их руках.

Во многих местах Сербии крестьяне владеют землей пообщинно. Они сохранили еще древнюю форму семейной общины — *задругу**. Члены задруги большей частью родственники по крови: все пользуются равными правами и одинаково исполняют все нужные работы. Это настоящая семья, имеющая общее хозяйство. Она постоянно обновляется, так как одни члены ее умирают, другие нарождаются. Задруга разрастается, но все принадлежащие к ней считаются членами одной семьи. Имущество задруги составляет общее достояние: поля, луга, леса, виноградники, земледельческие орудия, скот и т. п. — все это принадлежит одинаково всем членам задруги. Если же задруга становится слишком велика, то происходит раздел.

Во время турецкой неволи задруга приносила большую пользу сербам. Сообща было легче защищать свой достояние и противодействовать натиску турок. Тогда задруги были очень распространены, теперь их становится все меньше, и, пожалуй, недалеко то время, когда задруга совсем исчезнет.

В самом чистом виде задруги сохранились лишь в глухих уголках Сербии, где еще нет настоящих дорог, и где жители во всю свою жизнь, пожалуй, не видели ни одного большого города.

Во главе задруги стоит старейшина, который и управляет всей общиной. Он же считается опекуном каждого ребенка, рождающегося в общине, и обязан, так же как и родители этого ребенка, заботиться о том, чтобы из него вышел честный и полезный обществу гражданин. Однако, хотя старейшина и управляет всеми делами общины, но он все же не может ничем распоряжаться без согласия всех остальных ее членов. В своих отношениях с другими членами общины он должен воздерживаться от проявления своей власти, иначе ему немедленно будет дан отпор. Члены задруги могут даже заменить его другим, если найдут это нужным.

* Здесь и далее выделено в оригинале.

Такие случаи, впрочем, редки, и вообще старейшина пользуется очень большим уважением в своей общине. При его появлении все встают. Без его разрешения не начинаются танцы, и никто не смеет курить в его присутствии. Вечером, по окончании дневных работ, около него собираются дети и слушают его рассказы о славном прошлом Сербии, о сербских народных героях и т. д.

Но жизнь идет вперед, развивается торговля и промышленность, нарождаются новые отношения, и задруга все больше оттесняется на задний план. Быт деревни изменяется, появляются одиночки-землевладельцы, ростовщики, и мало-помалу общее благосостояние падает. Одни богатеют, другие разоряются, и в деревне появляются нищие, которых прежде не было.

Утверждают, и не без некоторого основания, что задруга стесняет развитие самостоятельности и предприимчивости, и что она подавляет своих членов, которые привыкают, чтобы ими всегда руководили. Затем вредной стороной задруги является то, что она поддерживает устарелые порядки, мешающие успехам культуры. Но зато она показывает, насколько бывает прибыльнее и успешнее такая общинная обработка земли, где работниками являются сами члены общины, заинтересованные в этом, а не простые наемные рабочие <...>.

В Сербии очень развита взаимопомощь между жителями одной и той же местности. Крестьяне всегда помогают друг другу работой, и этот обычай называется *моба*. Мелкий собственник-земледелец очень часто не в состоянии бывает собственными силами справиться со своим хозяйством, сжать вовремя хлеб, скосить сено и т. д. И вот, он назначает тогда день для «мобы»; в этот день к нему со всех сторон являются соседи со своими земледельческими орудиями, и в продолжение одного или двух дней они живут у него и помогают ему в работе. Эта услуга основывается на взаимности, и поэтому о платеже нет и речи. Впрочем, серб вообще не любит продавать свой труд, зато он охотно дает его даром. Работая для соседа, он знает, что этот сосед и для него сделает то же самое, если понадобится <...>.

В сербской семье самую большую власть имеет отец, и женщина занимает лишь подчиненное положение. Эта подчиненность женщины особенно бросается в глаза в некоторых местностях Сербии. Она должна прислуживать мужчинам с видом рабской покорности и униженности и никогда не смеет вмешиваться в их речи, должна целовать руку мужчинам, мыть им ноги, когда они приходят с поля, подавать кушанья, а сама даже не смеет сесть за стол, если есть гости, а только обязана прислуживать

им. При входе мужчины она немедленно должна встать. Женщина никогда не осмелится перейти дорогу мужчине, так как это считается неуважительным поступком.

Даже в церкви женщины не могут стоять рядом с мужчинами, а стоят позади. Только старуха-мать пользуется уважением в семье и некоторым влиянием на сыновей. Девушек выдают замуж, обыкновенно не справляясь с их желанием, и часто невеста в первый раз видит своего жениха только в самый день своей свадьбы. Трудно ожидать, конечно, чтобы при таких условиях девушку ожидало счастье в семейной жизни. Да она и не рассчитывает на это. Она с детства привыкла видеть, что отец ее сурово и грубо отдавал приказания матери, а мать беспрекословно исполняла их. Может ли она ожидать чего-нибудь другого от своего мужа? Серб вообще считал бы для себя позором, если бы его кто-нибудь заподозрил в нежных чувствах к жене. Поэтому он в особенности подчеркивает в присутствии посторонних свое суровое отношение к ней. Пожалуй, ни у одного европейского народа женщина не занимает такого унизительного положения, как в Сербии. Своего мужа она даже не смеет называть по имени и не иначе говорит про него, как в третьем лице.

Такое отношение к женщине настолько укоренилось в сербском народе, что даже освобождение его от турецкого рабства не освободило женщину от ее рабского положения в семье. Ни в семье, ни перед законом женщина не считается равноправной, и в доме все принадлежит мужчине, женщины же ничего не могут наследовать.

Не имея никаких прав, сербская женщина несет самые тяжелые обязанности. В крестьянской семье женщина работает поистине как вьючное животное, трудолюбие ее поразительно. Но, к сожалению, ее умственное развитие так не широко, что она даже не сознает своего унизительного положения, считая его совершенно в порядке вещей. Она привыкла к рабству, не тяготится им, и только среди более образованных кругов Сербии в женщинах пробудилось чувство человеческого достоинства, и они требуют для себя человеческих прав. Зато ни у одного народа не существует таких задушевных отношений между братом и сестрой, какие наблюдаются в Сербии. Брат является в лучшем смысле этого слова защитником своей сестры: ей он поверяет свои горести и радости, у нее ищет поддержки и утешения <...>.

В Сербии очень распространена привычка ругаться, и в старину ругателей наказывали розгами. Но наказание не уничтожило этой привычки, и она до сих пор неприятно поражает каждого, кому приходится бывать в Сербии. Но зато драки случаются очень редко. Как бы ни горячился, ни

ругался сербский крестьянин, он все же не дает воли своим рукам. Зато поспорить серб любит, и только с женщиной он никогда не спорит, так как считает ее существом, лишенным всякого понятия и обязанным только повиноваться. Поэтому он и находит, что мужчина никогда не должен унижаться до спора с женщиной <...>.

В дни церковных праздников сербский народ толпится около своих монастырей. Когда-то эти монастыри служили сербам убежищем, куда они укрывались от своих преследователей турок. И теперь, по старой памяти, народ стекается туда толпами во время праздников, и около монастырской ограды устраивается настоящая ярмарка, где можно и купить, и продать разные домашние изделия. При первом ударе колокола народ устремляется в церковь, а после церковной службы устраиваются игры и хороводы. Вечером кругом зажигаются костры, которые придают очень оригинальный вид этому народному становищу, раскинувшемуся около стен какого-нибудь монастыря, большей частью лежащего в живописной местности, среди гор и лесов. Везде раздается пение под звуки гуслей, этого любимого музыкального инструмента, который можно найти в доме каждого сербского крестьянина <...>.

Сербский крестьянин горячо привязан к своей земле и ни за что не расстанется со своим полем и лугом. «Да будет земли и неба, сколько видит глаз; а крыша — только над головой», — говорит старинная сербская пословица. И действительно, серб не любит городской жизни, его тянет к природе. Он часто добровольно терпит нужду и лишения, чтобы только скопить малую толику денег и купить клочок земли.

Но сербы не умеют еще хорошо обрабатывать землю, да и к тому же налоги так велики, что крестьянская семья, для того чтобы прокормиться, должна иметь около трех десятин, иначе не в состоянии будет платить всех налогов. Между тем около половины всех землевладельцев крестьян владеют меньшим количеством земли, и им трудно прокормиться. Сельский хозяин в Сербии старается приумножить свои доходы посредством разведения скота, в особенности свиней. Это главная доходная статья сербов, и от продажи свиней они выручают больше денег, чем от других отраслей своего сельского хозяйства.

Фабричная и ремесленная промышленность развиваются в Сербии очень медленно, да и по характеру своему серб предпочитает сельскую жизнь и полевые работы фабричному труду. Крестьяне выделывают льняные, шерстяные и шелковые ткани домашней работы, а также всевозможные предметы из металлов и дерева, но настоящие ремесленники живут только в городах.

Само собой разумеется, что те тяжелые исторические условия, в которых протекала жизнь сербского народа до самого последнего времени, именно и были главной причиной слабого развития торговли и промышленности. Земледелие и скотоводство так и остались самыми главными и почти единственными занятиями сербского народа. Конечно, это не могло способствовать развитию в Сербии городов, и действительно, в большинстве случаев они больше похожи на села.

Города Сербии до сих пор еще не вполне заслуживают этого названия и очень медленно приобретают европейский облик. Только столица — Белград имеет довольно внушительный вид. Вместо мечетей и минаретов, возвышавшихся во времена владычества турок, теперь выстроены настоящие европейские дворцы, а там, где некогда турки расставляли столбы с окровавленными головами христиан, раскинулся теперь прекрасный парк. Положение Белграда, особенно если смотреть на него с Дуная, довольно живописно, и немало красоты придают ему внушительные стены старинной крепости, теперь, впрочем, потерявшей уже всякое значение.

В Белграде до сих пор еще сохранились характерные черты прежнего города, каким он был во времена турецкого владычества. Лачуги и чуть ли не пещеры, сложенные из камней, виднеются рядом с роскошными дворцами, а на улице зачастую можно увидеть крестьян, расположившихся обедать на асфальтовой мостовой. Мимо них проносится вагон электрического трамвая и плетется, неимоверно скрипя, крестьянская арба, запряженная волами. А базар, происходящий ежедневно на большой городской площади, вполне сохраняет свой восточный характер. Все продукты разложены прямо на земле, на грязной мостовой, а кругом галдит и суетится самая пестрая толпа, состоящая из представителей всех балканских народностей в самых разнообразных одеяниях. Тут же терпеливо ожидают добычи десятки голодных бродячих собак <...>.

Общий уровень народного образования в Сербии довольно низок, хотя теперь там уже введено обязательное обучение. Невозможность спокойно жить и работать, постоянные опустошения, производимые набегами турок и других завоевателей, унизительное рабство — все это, конечно, не могло не отзываться губительным образом на развитии народа. Да и теперь еще маленькая Сербия, окруженная со всех сторон врагами, вынуждена тратить на содержание войска в пять раз больше, чем на народное образование и другие нужды страны. Поэтому количество неграмотных в Сербии еще очень велико, хотя число школ увеличивается с каждым годом, а в Белграде есть даже университет, основанный еще в 1838 году[1]. После освобождения Сербии от турецкого владычества серб-

ский народ, сделавшийся равноправным и свободным, состоял только из безграмотных крестьян. Даже сербский князь Милош Обренович был неграмотен. Но он все же заботился о народном образовании, и так как своих учителей в Сербии не было, то он пригласил «письменных» людей из Австрии, которые и должны были учить сербов уму-разуму.

Но выбор нельзя было назвать удачным. Явившиеся в Сербию австрийские немцы, высокомерные чиновники, привыкшие с пренебрежением смотреть на народ, как на стадо, требующее только бдительного надзора и сильной власти, отнеслись таким же точно образом и к сербским крестьянам, которых должны были учить. По этой причине между ними и народом не могло образоваться никакой прочной духовной связи. Народ прозвал их «швабами» и относился к ним недоверчиво, что, разумеется, не могло содействовать успехам просвещения <...>.

Примечания

[1] В 1838 г. по указу князя Милоша Обреновича в Крагуевце был основан Лицей. В 1841 г. он переводится в новую столицу — Белград. В 1863 г. на его базе формируется Великая школа, которая только в 1905 г. преобразуется в Университет.

Астромов Б.[*]

В тылу полей кровавых (Сербия и Болгария) Пг., 1916. Стр. 19–33

Сербский Кавур

<...> Мне не раз приходилось беседовать с министром-президентом Николаем Петровичем Пашичем, и после каждого свидания я выносил самое глубокое уважение, смешанное с удивлением, к светлой личности этого сербского Кавура[1].

Сербия в великой войне

«Маленькая Сербия, — сказал мне мой собеседник, — решила задачу, выпавшую на ее долю в этой великой войне. Ни одного вооруженного австрийского солдата ныне нет на сербской территории.

Между нами и Бельгией много общего, но только судьба нам благоприятствовала, и сербский Давид поразил австрийского Голиафа. Но не сразу мы достигли этого. После победы над Австрией у Шабца и Цера[2], они, подкрепленные германцами, с громадными силами двинулись на Белград. Чтобы не удлиннять свой фронт, мы должны были отдать столицу врагу, что, конечно, произвело тяжелое впечатление на всеь народ Сербии. Между тем, немцы увлеклись временным успехом и попали в западню, которую им хитроумно приготовило наше войско[3].

---

[*] Астромов Борис — русский корреспондент на Балканах в начале Первой мировой войны.

Теперь мы держим стражу на Саве и Дунае и ждем, когда наши братья русские спустятся с Карпат в Венгерскую долину, чтобы наступать» (беседа происходила перед нашим последним отступлением).

Сербия и Италия

«Участие Италии[4], конечно, сыграло известную роль, облегчив положение нашего левого фланга, но, ведь, итальянцы, заняв области, на которые они претендовали (Триент, Триест и часть Тироля), дальше, боюсь, пожалуй, не пойдут, так что ставить свое “напредование”* в связь с их наступлением было бы нам опасно. Итальянская печать протестует против занятия нами Сев.Албании[5]. На это я могу ответить только восклицанием: неужели ей мало Валонского округа[6] и половины Далмации со славянским населением».

Сербия и Румыния

«Румыния удивляет нас — ее страстное желание подладиться ко всем и побольше выторговать может привести к тому, что она, пропустив удобный момент, ничего не получит».

Сербия и Болгария

«Что касается болгар, то их притязания на Македонию до Охридского озера[7] совершенно неисполнимы. Сербия кровью своих сынов освободила Македонию, и возьмут ее у нас только силой.

Через Македонию мы имеем сейчас единственный выход к морю, и то лишь через греческий порт Солунь. Между тем братья-болгары, имея порты на Черном и Эгейском морях, хотят нас лишить и этого последнего выхода. Когда мы получим Боснию-Герцеговину и Хорватию, мы готовы будем начать переговоры с болгарами о возобновлении Балканского Со-

* *Напредовање* (сербск.) — наступление, продвижение вперед.

юза. Ради его восстановления мы готовы уступить Иштиб, Кочаны, вообще местности по левую сторону р. Вардар. Вот тот максимум, на который мы пойдем. Конечно, переговоры об этом возможны только после окончания войны. Сейчас не время».

Сербия и Греция

«С Грецией у нас дружеские добрососедские отношения, которые к общей нашей выгоде все укрепляются. Как известно, по договору, заключенному после Второй Балканской войны (с Болгарией)[8], Греция должна была бы выступить на помощь Сербии в случае, если бы на ту напало одно из балканских государств. До сих пор это не произошло, а следовательно Афинское правительство в праве держаться политики нейтралитета. Я уверен, что, когда пробьет час, Греция *честно*[*] выполнит свои обязанности союзника по отношению к Сербии».

Сербия и Россия

«Говорить ли мне о чувствах Сербии к России — вы сами прожили у нас долгое время и сами знаете настроение армии и громадного большинства сербского народа. Настроение это можно передать лучше всего словами одного черногорца, на вопрос, сколько их, ответившего, что «нас и русских 150 миллионов».

Сербский селяк и армия совершенно не отделяют себя от России.

Вы говорите, счастье, случай вырвал гегемонию на Балканском полуострове из рук болгар и передал ее нам, — а я скажу, больше, чем счастье, больше, чем геройство. Сербский народ за последние два года показал изумленной Европе и братской России, что душа его содержит все элементы, необходимые для создания сильного, большого государственного организма; он показал себя гражданственно живучим, бодрым и взрослым».

На этом закончилась моя последняя беседа с великим сербским патриотом.

Апр. 1915 г.

---

[*] Выделено в оригинале.

Отношение сербской армии к России

Сербская армия вся настроена удивительно русофильски.

«Без руса мы бы пропали, без русского войника мы бы давно были раздавлены швабами; Россия — нам мать», — искренно и горячо раздается среди офицеров и солдат. На всякого русского смотрят приветливо и доброжелательно.

Однажды разговорились мы в офицерской компании о вальевском поражении австрийцев.

«Нас спасла Россия своим натиском на Карпаты», — сказал полковай командир, участвовавший в этом деле.

«Не совсем так», — возразил я. «Дрогнувшую сербскую армию вдохновил мощным словом и примером король Петр».

«Да, "чича* Перо" (дядя Петя — так ласково, фамильярно зовут сербы своего престарелого короля) у нас юнак, — с любовной улыбкой заметил старый полковник, — но и он бы пришел в отчаяние, если бы не знал, что матушка Русь спешно двинула против своей выгоды свои полки в Мармарош-Сигет. Да и снаряды нам вовремя вы подвезли по Дунаю» <...> **.

---

* *Чича* (сербск.) — дядя, дядюшка.

** Некоторые русские беженцы, случайно проезжавшие через Сербию, жаловались на неприятно поразивший их сербский шовинизм и самовосхваление. Поверхностный наблюдатель действительно мог вынести такое заключение, слушая мечты вслух сербов о Великой Сербии и горделивое превозношение своего солдата.

Мы, русские, не можем понять чувство страха и горькой обиды маленького народа, у которого сильный и жадный враг посягает на самое дорогое для него, самое заветное — на его государственную свободу. Мы обладаем необозримой территорией и никогда не касались локтями своих соседей. Мы никогда не испытали (может быть, к несчастью) боязни, что с таким трудом обрабатываемая нами земля завтра по капризу хищника будет у нас отобрана. Поэтому нам непонятно острое чувство национализма, переходящее иногда в шовинизм, столь развитое у небольших народов. Это инстинкт самосохранения. Имея за плечами могучее тысячелетнее государство, мы не боимся за себя, но спокойно и благодушно смотрим в будущее.

Маленький, только что сбросивший с себя оковы рабства, народ обладает совсем другой психологией. Он боится за свой завтрашний день, боится за свою, дорогой ценой добытую свободу. Он еще не знает всех своих сил, а поэтому их часто переоценивает; громко кричит о себе и этим криком сам же себя подбадривает. Отсюда, шовинизм у молодых государств — явление нормальное, чисто биологическое, вызываемое инстинктом самосохранения и служащее им защитой, как раковинка улитке, или щит — черепахе. (Примечание Б. Астромова).

Выносливость сербского солдата

По степени выносливости я сербского солдата ставлю наравне с русским.

Неприхотливый, вечно веселый и добродушный, храбрый и стойкий в боях и еще не изнеженный европейской культурой — сербский солдат представляет из себя великолепный боевой материал. Несмотря на 3-летнюю войну сначала с турками, потом с болгарами и арнаутами, он в массе совсем не устал. «Дайте нам только снарядов да винтовок, — постоянно слышал я от военных, — и мы еще 3 года будем драться».

Терпение и выносливость не покидают его и после боя, во время перевязок и операций <...>.

Является однажды на перевязку только что привезенный с позиции раненый и жалуется, что у него рана течет, когда он пьет. При осмотре оказалось, что пуля пробила ему желудок, и образовалась фистула. Другого спрашивают, где он ранен. «В руку», — отвечает солдат. Перевязали ему руку. Больше нет ран? «Кажется нет», — отвечает раненый. «Только посмотри, что у меня на спине». Осмотрели спину и нашли ее простреленной.

Но бывали и курьезы. Приходит «чича» 3 призыва (старик свыше 50 лет), опираясь на два ружья и поддерживаемый под руки двумя молодыми солдатами.

«Что, “чича”, ранен?» — спрашивает его доктор.

«Да», — мрачно отвечает старик.

«Куда, покажи».

«У трбуху»* — и он тычет в живот.

Смотрим, вся одежда на нем разорвана, но крови не видно. Старик, кряхтя, долго развертывает свои 10 одежд и поясов, наконец, с удовольствием показывает голый живот.

«Овое»**.

Смотрим, только большущий синяк. Очевидно, осколок был на излете.

«Нэма ништа***, чича (ничего нет)».

«Нэма», — удивляется он.

«Да, Богме****, нэма (Да, мой Бог)».

* *Трбух* (сербск.) — живот.

** *Ово је* (сербск.) — это здесь.

*** *Нема ништа* (сербск.) — ничего нет.

**** От *Богами* — ей-богу; в самом деле.

«А я испугался», — широко улыбаясь, признается старик. Бросив ружья и подхватив свою одежду, он быстро удирает.

Вообще, эти «чичи» — прекурьезный народ. Во время боя он дерется, как и все, храбро и отважно. Но лишь битва кончилась, он превращается в селяка. Ни о какой дисциплине и чинопочитании он и не думает. Попыхивая своей трубкой и развязав свои онучи, «чича» будет отдыхать, и тут хоть сам воевода приезжай, он не встанет. Отношения между офицерами и солдатами самые лучшие. Да и трудно было бы ожидать чего-нибудь другого, так как часто сын бывал офицером, а отец же солдатом.

Обычно «чичи» 3 призыва охраняют склады, лазареты и мосты <...>.

Очень характерна и прямо просится под карандаш эта завернутая в темно-коричневый плащ с капюшоном фигура стоящего на часах старика. Отличие его от обыкновенного «селяка» составляет только винтовка (часто русская берданка), перекинутая на ремне через плечо.

Патриархальное отношение между офицерами и солдатами лучше всего характеризуется следующим сербским обычаем.

После боя полковник выстраивает полк и спрашивает солдат, кто из офицеров достоин награды. И солдаты громко выкрикивают имена тех офицеров, которые отличились на их глазах. Подобный порядок награждения нисколько не ведет к падению дисциплины. Сербский солдат прекрасно сознает техническое превосходство офицера и знает, что без него он пропал.

Один раненый офицер рассказывал мне, что он спасен своим солдатом, который, увидя его раненым, взвалил на плечи и бегом вынес из сферы огня. «Что ты так бежишь?», — спрашивает он солдата. «Я хочу тебя скорее из огня вынести», — отвечает тот.

Сербия — крестьянская страна, и солдат и офицер вышли из тех же самых селяков, поэтому между сербским офицером и солдатом не чувствуется той социальной обособленности, которая заметна в других армиях <...>.

Примечания

[1] Кавур Камилло Бенсо (1810–1861) — лидер либерального течения итальянского Рисорджименто. В 1852–1861 гг. (за исключением 1859) премьер-министр Сардинского королевства; провел либеральные и антиклерикальные реформы. Стремился объединить Италию вокруг Сардинского королевства (под главенством

Савойской династии) путем династических и дипломатических сделок. Глава правительства единой Италии (1861).

[2] Речь идет о Церской битве, которая стала первым поражением Центральных держав в Мировой войне. 12 августа 1914 г. 5-я и 6-я австро-венгерские армии начали нападение на Сербию со стороны Дрины и потеснили 3-ю сербскую армию. Однако, 15–16 августа в боевое соприкосновение с ними (в районе горы Цер) вступила 2-я армия сербов, и 20 августа неприятель был полностью разбит. 24 августа сербы освободили Шабац.

[3] 6 ноября 1914 г. началось второе вражеское наступление на Сербию. Сербы отступили и оставили Белград. Но уже 3 декабря их 1-я армия, на противоходе, перешла в контратаку в бассейне реки Колубара. Австрийский фронт был прорван, а 15 декабря победители вошли в Белград. Эта битва вошла в историю под именем Колубарской.

[4] После длительного выжидания Италия вступила в войну на стороне Антанты, подписав с ней 26 апреля 1915 г. известный Лондонский договор. Согласно ему, новый союзник должен был получить после победы, кроме всего прочего, и большую часть Далмации с островами.

[5] В начале июня 1915 г., в ответ на постоянные провокации албанцев, подстрекаемых австрийскими агентами, сербские войска вошли в Северную Албанию, заняв Эльбасан и Тирану.

[6] В конце декабря 1914 г. итальянский десант оккупировал южноалбанский порт Валону (Влеру) с прилегающей областью.

[7] Охридское озеро — обширный водоем, расположенный на западе Македонии, на границе с Албанией.

[8] т. е. Межсоюзнической.

*Трубецкой Г. Н.**

Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 75–108

III. Сербия

Пробыв три дня в Бухаресте, я, минуя Болгарию, поехал по Дунаю в Сербию. Пока я был в Бухаресте, пришли первые известия о счастливом переломе в военных делах Сербии против Австрии. Я высадился в Прахове[1] и ехал в Ниш по железной дороге с двумя пересадками, потому что в то время не было сплошного одноколейного пути в этом направлении. В Ниш я прибыл 25 ноября. Каждый день приходили известия все лучше и лучше с театра войны, наконец, 3-го декабря 1914 года сербская армия вошла в Белград. Помощник воеводы Путника, Живко Павлович[2] телеграфировал в Ниш, что на сербской территории не осталось ни одного австрийца, кроме пленных.

Это было полное торжество, тем более радостное, что оно явилось неожиданным после событий, которые одно время грозили полным крахом Сербии и ее армии.

По единогласному отзыву всех, бывших в то время в Сербии, крупным переворотом в военных делах сербский народ больше чем наполовину был обязан своему престарелому королю Петру. Другим фактором, оказавшим благотворное воздействие, была русская помощь снарядами и обмундированием.

---

* Трубецкой Григорий Николаевич, князь — русский дипломат. В 1912–1914 гг. был начальником Ближневосточного отдела МИД России. В 1914–1917 гг. — чрезвычайный и полномочный посланник России в Сербии. После Октябрьского переворота — в эмиграции.

Австрийское вторжение одно время совершенно деморализовало армию. Снарядов не было, армия была разута и раздета. Сербы спохватились очень поздно. Они взывали за помощью к нам, но нам было очень трудно оказать эту помощь. В начале войны наш Генеральный Штаб сделал геройское усилие и послал в Сербию 120.000 берданок, хотя сами мы так же нуждались в ружьях.

Благодаря этим берданкам, пришедшим в последнюю минуту, сербы отразили первое австрийское нашествие. До того у них было так мало ружей, что в бою был вооружен только первый ряд солдат, а второй ряд выжидал, когда убьют или ранят его товарищей, и тогда пользовался их ружьями. Ко времени второго вторжения сербы ощущали, как я уже сказал, острый недостаток в артиллерийских снарядах и обмундировании. У нас было решено послать снаряды из добычи, захваченной нами в Галиции[3].

Я был еще в Петербурге и заведовал Отд. Ближн. Вост. В это время я зашел к начальнику Генерального Штаба генералу Беляеву[4], который сказал мне, что делаются невероятные усилия, чтобы снабдить нашу собственную армию достаточным количеством полушубков, и что он не знает, как пособить горю. В приемной у Беляева я, выходя от него, встретил председателя Общеземской организации князя Г. Е. Львова[5].

Я попросил Львова уделить мне несколько минут и, в то время как мы пешком переходили Дворцовую площадь, направляясь в министерство иностранных дел, я рассказал ему в чем дело и спросил, не может ли он помочь нам. Предстояло доставить в Сербию 200.000 комплектов теплого платья. Недолго подумав, Львов согласился. Я тотчас выписал по телефону сербского посланника Сполайковича[6]. Последний просиял, узнавши о том, какой представился исход. Он горячо поблагодарил Львова, но сказал, что он не может дать ответа, не запросив по телеграфу Пашича. Когда Сполайкович ушел, Львов еще остался у меня и стал писать телеграмму, распоряжаясь о немедленном заказе 50.000 полушубков. Я обратил его внимание на то, что еще нужны сношения с Пашичем. «Мне не нужно», — ответил Львов. «Неужели Вы думаете, что Пашич откажется. А если откажется, то я найду, что здесь с ними сделать. Это чиновники обязаны переписываться и ждать, а мы делаем дело». Ответ Пашича, разумеется, не заставил себя ждать. Он благодарил и просил скорее приступить к отправке.

Сношения с Сербией были установлены по Дунаю. С этой целью была учреждена экспедиция особого назначения, во главе коей был поставлен флигель-адъютант Веселкин[7].

Первый транспорт снарядов из России стал приходить в Сербию во второй половине ноября 1915 года, как раз в то время, когда второе австрийское вторжение достигло высшего военного развития[8]. Целый ряд прекрасно укрепленных горных позиций без боя оставлялся сербами, потому что нечем было стрелять. Верховное сербское командование переехало из Вальева в Крушевац[9], где находился главный арсенал. В некоторых местностях австрийцы, в особенности венгры, произвели ряд жестокостей и насилий над местным населением. Катастрофа казалась неминуемой. В это время старый король покинул свое уединение в Тополе[10], куда поселился, сдав бразды правления своему сыну королевичу Александру[11]. В Тополе он построил великолепный храм, соорудил склеп для своих предков, а сам жил в маленьком, скромном домике сельского священника, сильно страдая от подагры и ревматизмов, нажитых им еще в молодости, когда он сражался в рядах французской армии против немцев в 1870 году.

Видя всеобщее смятение и слыша со всех сторон, что Сербии грозит неминуемое разрушение и гибель, король решил поехать к своей армии. Тщетно министры отговаривали его. Впоследствии король сам с трогательной скромностью рассказывал мне о своем поступке. «Про меня рассказывают всякие небылицы, — сказал он мне. — Не верьте им. Я ничего особенного не сделал. Вы видите, что я стар и никуда не годен. Что удивительного в том, что я предпочел бы умереть, чем видеть позор моей родины. Я поехал в окопы и только это и сказал солдатам. Я им говорил: пускай кто хочет, уходит по домам, а я останусь здесь и умру за Сербию. Ах, если б Вы видели наших солдат! Какие это необыкновенные люди! Они плакали, целовали мое пальто. Все остались и сражались, как львы. Сербам нужно, чтобы кто-нибудь смотрел на них, тогда они делают чудеса храбрости».

И то, что рассказывал король, произошло на самом деле. По отзывам очевидцев, армия переродилась с его приездом. Болгарский военный агент в Нише называл это «казусом военной патологии». Счастливо подоспевшие русские снаряды довершили дело перерождения армии. Войска были к тому же озлоблены зверствами неприятеля. Главное руководство австрийской армией было на редкость бесталанное и медлительное, как мне объяснил тот же военный агент. В результате полный разгром австрийской армии сменил собой ожидавшуюся катастрофу Сербии.

О входе короля в Белград я приведу его собственный рассказ, который мне также пришлось от него выслушать. Бой шел еще на улицах, когда король въезжал в город, не слушая предостережений тех, кто его останавливал. Толпа народа теснилась вокруг него, стараясь коснуться его,

женщины старались просунуть ему в карманы крестики и образочки. Медленно продвигаясь, король остановился у первой церкви, но она оказалась заперта. Тогда он со всеми окружающими направился к собору. Он также был заперт, но из окна увидели, что ключ находится во внутренней скважине одной из дверей. Тогда кто-то перелез через окно в собор и отворил двери. Король вошел, за ним хлынула толпа. «Священника не было. Мы все опустились на колени и так горячо молились, как редко приходится в жизни, и все плакали».

Роль короля Петра, нашедшего простые, от сердца идущие слова, которые зажгли с новой силой упавшую веру в солдатах, его въезд в освобожденный Белград и молитва с простым народом в храме — все это кусочек героического эпоса, который далеко уносит нас от современности. Это проблески света, на которых отдохнула на минуту измученная душа сербского народа, который так далек был тогда от мысли, что его снова постигнет бедствие во много раз более тяжкое...

Радостное возбуждение царило в Нише и во всей Сербии. Сдалось 70.000 пленных, было взято много вооружения и всякого добра. Ежедневно по улицам Ниша проходили пленные. Большая часть их была из славян, и они с пением славянских песен радостно шли по улицам. Отношение сербов из простонародья было самое благодушное. На улицах можно было видеть, как им давали хлеба, оделяли папиросами.

Здание Миссии, где я остановился, было старый живописный турецкий конак, в котором жил некогда турецкий Паша, а потом поселился король Милан. Оно принадлежало его вдове, королеве Наталии. Последняя уступила его Нишскому округу, после войны там предполагалось устроить русский женский институт, раньше того помещавшийся в Цетинье[12].

В этом здании жил весь состав Миссии и помещалась канцелярия. Комнаты были высокие, просторные, посредине от входа был громадный зал, в турецкое время отделявший солямлик (мужское помещение) от гаремлика (женского). В некоторых комнатах была прекрасная деревянная резьба и красивые турецкие потолки. Живописность дома довершалась старым тенистым садом, с мраморным фонтаном посередине. Мрамор был украшен тонким орнаментом. Русская Миссия была помещена лучше всех прочих. Остальные мои иностранные коллеги поместились в маленьких плохеньких квартирах в городе.

Родина Константина Великого[13], Ниш, как большинство сербских городов, был живописно расположен, окаймленный на восток горами в направлении к Болгарии, и с быстро протекавшей через город рекой Ниша-

вой. Он считался вторым городом в Сербии, и его горожане называли его «гордый Ниш». На самом деле, это был прескверный городишко, грязный, с такими лужами на некоторых улицах, что одну из них, через которую мне ежедневно приходилось проезжать в русскую больницу, мы прозвали Дарданеллы. Однажды, когда мне пришлось проезжать через эти «Дарданеллы», мои лошади, которые были в довершение того слепы, ибо других нельзя было достать в Нише в военное время, испугались, начали бить ногами, обдавая меня всего грязью. Положение было критическое, потому что выйти из экипажа значило бы погрузиться по колено в грязные, вонючие Дарданеллы. Я стал взывать о помощи. На мое счастье, по близости оказался солдат, который с ленивым интересом следил за тем, как мы барахтались в луже. Он не имел никакого намерения форсировать Дарданеллы, но серебряная монета, которую я показал ему издали, убедила его. Он подошел к коляске, и я не его спине благополучно переправился на берег, а оттуда, весь покрытый грязью, должен был вернуться через город домой. Таков был патриархальный «гордый Ниш».

На мое счастье, приехав в Сербию, я нашел самый удачный состав Миссии. Первым секретарем был В. Н. Штрандтман, который был в Сербии уже во время Балканского кризиса и был прекрасно знаком с политической обстановкой и сербскими деятелями. Это был умный и способный молодой дипломат, горячий патриот, который с любовью относился к делу. В сношениях с сербами он проявил много выдержки и такта и составил себе прекрасное положение. Вторым секретарем был Зарин. В состав Миссии входили также вице-консул Емельянов и секретарь консульства Якушев. Очень ценным для меня человеком был драгоман Миссии Мамулов, кавказец, бывший кавалерийский офицер, уже двадцать лет пробывший в Сербии и знавший всю ее подноготную. Он говорил по-сербски как серб, знал всех и все его знали, и был прекрасный знаток лошадей, что впоследствии сослужило мне немалую службу при нашем отступлении из Сербии.

Освобождением Белграда от неприятеля закончилась кампания 1914 года. Военные агенты ставили сербам на упрек, что, разбив австрийскую армию, они не переправились тотчас вслед за ней через Дунай, и, таким образом, не использовали до конца результаты своей победы. Сербы утверждали, что не могли этого сделать, потому что у них не было достаточно сильной для того конницы. Кроме того, армия была сильно утомлена и для новых действий нуждалась в предварительном отдыхе.

Четвертого декабря я, вместе с Пашичем и двумя секретарями Миссии, выехал в Крагуевац представить мои верительные грамоты престолона-

следнику. С нами поехали туда же приехавшие в Ниш по своим делам Веселкин и его офицеры. Путь шел по живописной долине реки Моравы <...>.

Мы приехали в Крагуевац вечером того же дня и переночевали в вагоне. На следующее утро 5-го декабря, была назначена аудиенция. За мной прислали парадную дворцовую коляску, в которую я сел вместе с гофмаршалом. В другой коляске ехали секретари. Мы ехали в сопровождении почетного конвоя конногвардейских гусар. По улицам маленького города стояли толпы народа, которые горячо приветствовали представителей России, снимали шапки, махали платками, и кричали: «Живио». Наследник жил в маленьком каменном домике. Когда мы подъезжали к нему, выстроенные по улице войска взяли на караул и музыка заиграла «Боже, Царя храни». Одноэтажный домик наследника состоял не больше чем из трех или четырех комнат. Для моего приема ему пришлось вынести свою кровать и превратить спальню в гостиную.

Согласно установленным обычаям, я заранее сообщил Пашичу текст моей речи для того, чтобы он мог заготовить ответ на нее. В обычное время обмен речей при вручении верительных грамот не содержит в себе ничего, кроме приветствий и любезности. На этот раз я счел нужным отклониться от протокола. Кроме весьма теплого обращения к сербам и уверения, что она не будет покинута Россией, я в конце речи добавил, что одной из главных своих задач Россия ставит умиротворение на Балканах, и что, принеся много жертв, она ожидает от Сербии содействия своей задаче.

Речь престолонаследника не оставила моего намека без ответа. Наряду с уверениями в горячих чувствах по отношению к России, в ней выражалась готовность оказать полное содействие нашей задаче, но высказывалась надежда, что будут приняты во внимание жизненные интересы Сербии. Обе речи были преданы гласности и оживленно обсуждались в печати и у нас, и в Болгарии.

Позавтракав у наследника, мы в тот же день выехали в Ниш. Приходилось торопиться, потому что на следующее утро был царский день, торжественное богослужение в соборе, а затем завтрак и прием в Миссии. Благодаря стараниям госпожи Штрандтман, прием в Миссии удалось обставить очень хорошо. В большой зал от входа был поставлен оркестр военной музыки, почти все комнаты были превращены в столовые. Было приглашено 120 человек; но явилось больше, потому что сербы не избалованы были праздниками, а тут никто не хотел упустить удовольствия. Между прочим были форели из Орхидского озера, и я потом случайно слышал забавную историю о том, как они попали на наш стол. При королевиче Георгии[14] состоял призванный на военную службу профессор ма-

тематики Петрович[15]. Он слыл у сербов научным светилой, и в то же время был страстный рыболов. Дня через два после праздника его встречает на улице французский посланник Бопп[16]. «Вы ели форели в Русской Миссии?» — Да. — «Ну, так это я их поймал», — с гордостью заметил математик. Оказалось, что повар, которому понадобились рыбы, обратился к королевичу Георгию с просьбой командировать ученого математика на Охридское озеро. Так и было сделано, и в результате 6 декабря у нас была рыба за столом, что в ту пору было величайшей редкостью в Нише. Английский посланник сказал мне, что он в первый раз с начала войны ел рыбу. Так просто и патриархально было в Сербии <...>.

С начала войны в Сербии образовался коалиционный кабинет, в который вошли представители трех партий: старорадикальной, младорадикальной и напредняцкой. Политические партии в Сербии имели некоторое основание в прошлом. В программах партий проводились известные различия, но особенного значения эти различия не имели. В Сербии не было социальной борьбы, которой могло бы обусловиться классовое неравенство и борьба за классовые интересы. Народ селяков, со слаборазвитой городской культурой, сербы все были демократами.

Главное различие между партиями было в области внешней политики. После Берлинского конгресса Сербия оказалась в гораздо худшем положении, чем Болгария. Ее охватила с севера полукольцом австрийская граница. Вместе с тем у нее не было выхода к морю. Россия отдавала явное предпочтение Болгарии. Она не сумела, или не захотела защищать жизненных сербских интересов и согласилась на военное занятие Австрией Боснии и Герцеговины. Под влиянием этих событий король Милан решил, что ему нечего ждать поддержки от России и лучше столковаться с Австрией. Он нашел сотрудников в проведении такого направления в лице напредняков и либералов. Результатом австрийской ориентации было заключение Миланом военной конвенции с Австрией.

Направление это никогда не было популярно в Сербии. Непосредственная близость швабов, вечная угроза Белграду, который находился под обстрелом австрийских пушек, наконец, симпатии к зарубежным сербам — все это создавало почву для неискоренимой вражды и недоверия. Сближение с Австрией могло бы быть делом рассудка, а не сердца. Наоборот, несмотря на серьезные поводы питать горечь против русской дипломатии, сербский селяк продолжал верить в Россию. Все ошибки нашего правительства относились на счет немецких влияний. Сама же Россия продолжала сохранять свое обаяние. Это ярко сказалось во время сербско-болгарской войны 1885 года. Когда Сербия была разбита при Сливни-

це, Австрия остановила движение болгарских войск. В это время в Белграде австрийским посланником был граф Кевенгюллер[17]. Он с горечью отмечает в своих воспоминаниях, что, когда в Белград пришло известие об остановке болгарских войск, на улицах пели «Боже, Царя храни».

Народные симпатии нашли выражение в старорадикальной партии. Ее вожди, с Пашичем во главе, воспитались в молодости под сильным влиянием русской радикальной литературы. Пашич был учеником революционеров Лаврова и Бакунина. Увлечения молодости прошли, но тяготение к России осталось. Милан видел в старых радикалах своих отъявленных врагов и жестоко их преследовал. Он затеял против них процесс, обвиняя их в покушении против себя. Пашич был посажен в тюрьму. Ему удалось освободиться, но в результате процесса произошел раскол в его партии, и тогда образовалась партия младорадикалов.

При новой династии Пашич почти бессменно был у власти, а когда он считал нужным временно отстраниться от власти, то все же за кулисами он продолжал держать в руках все нити. Ему минуло 70 лет в первый год войны. Это был бодрый, крепкий старик с длинной седой бородой и с быстрым, лукавым взором в совсем еще молодых голубых глазах. Он вел крайне умеренный образ жизни, не курил, не пил вина, рано вставал, а в 10 часов вечера обыкновенно уже был в постели. Благодаря такому образу жизни, он сохранил удивительно крепкое здоровье и обладал громадной трудоспособностью. Отличительной чертой его характера была спокойная уравновешенность и выдержка. Я видел его в самых тяжелых обстоятельствах для Сербии. Он оставался все так же ровен и спокоен, и только по походке можно было догадаться о его душевном настроении.

В Нише Пашич жил на той же улице, что и Русская Миссия, в маленьком одноэтажном каменном домике. Его жена была добрая и простая женщина, боготворившая и боявшаяся своего мужа. У них были две взрослые дочери и сын.

С раннего утра Пашич отправлялся в министерство и с небольшим перерывом сидел там весь день. Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела. Он достигал этого не только благодаря своему официальному положению, но и громадному личному авторитету. В кабинете у него был только один сверстник по годам — министр финансов Лазарь Пачу. Это был очень умный человек, прекрасный финансист, верный сподвижник Пашича с малых лет, Пашич дорожил его мнением. Пачу заболел и умер в начале отступления сербов осенью 1915 года.

Остальные члены кабинета были много моложе Пашича. Он смотрел на них, как на молодых людей, говорил им «ты» и звал по уменьшительному имени. Это было вполне в нравах патриархальной Сербии. В Нише все министры занимались в одной большой зале. Пашич сидел в другом углу комнаты за общим столом. Получалось впечатление профессора и учеников. Когда приедешь, бывало, к Пашичу по делу, близко касавшемуся одного из министров, он иногда тут же перекликнется и позовет к себе того из них, кого нужно. Если случалось зайти к Пашичу вечером, когда кончались занятия, то министры подходили к нему прощаться и спрашивали, не понадобятся ли они, а Пашич их отпускал домой.

Я уже сказал, что Пашич добивался многого своим личным авторитетом. Конституция Сербии была такая, что по букве закона власть была связана по рукам и ногам, ибо по воцарении династии Карагеоргиевичей радикалы настояли на том, чтобы прежняя конституция была переработана. Они хотели получить обеспечение против возможности произвола, царствовавшего при короле Милане. Поэтому королевская власть была значительно ослаблена. Кроме того, было проведено начало контроля над исполнительной властью в таком масштабе, который тем самым умалял ответственность отдельных лиц. Недоверие к власти проходило красной нитью во всем законодательстве. От этого происходила крайняя медлительность в ведении дел. По каждому пустяку вопрос передавался в особую комиссию. Эту комиссию трудно было собрать. Я был поражен, приехав в Сербию, найти там в этом отношении полную противоположность порядкам в России, где чрезмерно развиты были полномочия власти. В итоге, в маленькой Сербии было не меньше беспорядка, чем у нас.

Много можно было себе испортить крови, когда требовалось получить скорее решение по какому-нибудь делу. В этих случаях выручал один Пашич. В конце концов, я обращался к нему решительно по всем делам, шел ли вопрос о Македонии, или о досках в прачечной в нашей больнице. Пашич писал записочку тому лицу, который сам единолично не мог решить дела без комиссии, и доски выдавались.

Он правил Сербией немножко наподобие сельского старосты в большом, но малоустроенном селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранять политическое соперничество. Если появлялся какой-нибудь честолюбивый и беспокойный человек, Пашич либо заинтересовывал его в каком-нибудь предприятии, чтобы потом держать в руках, либо назначал его на какой-нибудь пост с той же целью. Всего больше напоминал он мне сельского старосту в своих отношениях с богатой помещицей Россией. Он знал, что помещица может наехать, рассердиться и накричать, а он

молча потрет себе бороду, а потом еще выхлопочет своему селу и деньжонок, и леску на хозяйство.

Властная натура Пашича мешала развитию крупных государственных людей. Он так олицетворял свою Сербию, как ни один государственный человек в Европе не олицетворял своей страны. Он знал это и порой злоупотреблял своим авторитетом перед союзниками, угрожая выйти в отставку, если они не сократят своих требований. Этот аргумент имел свое действие, и не раз союзники отказывались от настояний, чтобы не потерять Пашича, ибо его отставка представлялась каким-то скачком в неизвестность.

Между тем было бы несправедливо сказать, что в сербском кабинете совсем не было способных людей. Кроме Пачу, который был сподвижником Пашича, но который был стар и болен, самым выдающимся членом кабинета был министр путей сообщения Драшкович, лидер младорадикальной партии. Он был еще молодой, чрезвычайно привлекательный искренностью и горящий силой своего патриотизма человек. Вместе с тем, он обладал редким в Сербии качеством деловитости; на слова его можно было надеяться больше, чем на слова других. А это много значило в Сербии, где славянская халатность давала себя чувствовать.

Из других министров я отмечу министра внутренних дел Йовановича[18], он был политический эмигрант, с умным честным лицом, славившийся как хороший оратор. В Сербии все имеют свои прозвища, и гораздо больше известны под этими прозвищами, чем под своим именем. Любу Йовановича звали «Патак», что значило «лапчатый гусь», потому что он ходил переваливающейся походкой. Министр «просвета» (народного просвещения) Давидович[19] шел под прозвищем «Мрав» (муравей). Все это были очень милые и простые в обращении сербы. «Европейцем» в Кабинете слыл министр земледелия и торговли Войя Маринкович[20]. Он был из партии напредняков, той самой, которая долгие годы держалась австрийской ориентации. Это не мешало ему быть шовинистом. Сербская культура сложилась в значительной степени под воздействием русской литературы и австрийского соседства. Россия была далеко, торговые отношения с ней были очень слабы. Сербии трудно было избавиться от экономической зависимости от Австрии. Будапешт и Вена были ближайшими европейскими центрами. Туда сербы ездили торговать, там они часто учились. При всей ненависти к швабам, сербы перенимали их навыки, иногда даже их наружный облик. У швабов же они нередко перенимали полупрезрительное отношение к России, как «варварской стране». Маринкович вышел из этой австрофильской среды, но, как умный человек, применился к событиям и вовремя стал русофилом.

Больше всего мне приходилось иметь непосредственных отношений с Йотцо Йовановичем[21]. Война застала его сербским посланником в Вене. Пашич сделал его своим помощником по управлению министерством иностранных дел. Он носил прозвище «Пижон», данное ему еще со школьной скамьи. На самом деле это был человек очень неглупый, образованный, скромный в обращении и умеренный во взглядах. С ним было легко и приятно иметь дело. Вообще говоря, в деловых отношениях я, как представитель России, встречал всегда предупредительность. В то же время я наталкивался на некоторые свойства сербского характера, которые портили мне немало крови. Ни на чье обещание нельзя было всецело положиться, особенно когда назначался какой-нибудь срок. То же самое происходило, когда дело шло о наведении каких-либо справок. Если справки наводились по одному и тому же вопросу в двух учреждениях, то можно было заранее быть уверенным, что данные не будут сходиться. Иногда ответы были прямо противоположны. Прежде всего это происходило в отсутствии порядка, но, кроме того, тут играла роль еще одна особенность сербского характера: серб никогда не отвечал на вопрос, задаваясь лишь целью возможно правильнее и подробнее ответить, но когда вы спрашивали его о чем-нибудь, то он прежде всего сам задавался вопросом — для чего вы его об этом спрашиваете. Поэтому ответы в большинстве случаев бывали тенденциозны. Это я испытал не только в вопросах, имевших политический характер, но и в таких, которые не имели и отдаленного отношения к политике. Мне кажется, что эта черта сложилась под влиянием той обстановки, в которой испокон века жили сербы. Вся их история происходила в непрерывный борьбе, приучила их быть вечно настороже и хитрить. Так было в их отношениях с турками, с швабами и с болгарами.

В натуре серба много мечтательности и воображения. Точность отсутствует в их ответах, потому что она отсутствует и в самом их мышлении. Сербы никогда не видят вещи, как они есть, но всегда — или лучше, или хуже действительности. Настроение играло у них огромную роль во время войны. Это так характерно сказалось во время второго австрийского наступления, когда от крайнего отчаяния они перешли к энтузиазму и упоению победой. В этом была слабость, но в этом заключалось и необыкновенная жизненность этого маленького народа.

Крайний шовинизм сербов доходил порой до смешного преувеличения. Многие из них искренно считают себя первым народов в мире, а свою армию лучшей в Европе. То же самое они думают о своей литературе и науке. В Нише, например, была прочтена лекция о влиянии сербской литературы на европейскую. В сербской науке существовало два, три изве-

стных имени, которые знакомы были специалистам за пределами Королевства. Это были старик Новакович, профессор Цвиич, Петрович, тот самый, который ловил рыбу для 6 декабря. У сербов эти люди слыли чуть ли не за гениев. Королевич Георгий однажды с жаром уверял меня, что во всем мире нет такого математика как Петрович, что знаменитый французский ученый Пуанкаре[22] не может с ним сравниться.

На фигуре Новаковича следует несколько остановиться. Он был не только ученый, но и политический деятель, вождь партии напредняков. Он бывал и председателем совета министров и посланником на боевых постах, в Петрограде и Константинополе. Его научной специальностью была история и филология. Происходя из бедной семьи, он умер бедным. К чести сербов надо сказать, что высшая политическая деятельность не служит у них средством для обогащения, как в Болгарии. В Нише Новакович помещался в маленькой комнатке, которая служила ему спальней, столовой и кабинетом. Здесь он до последней минуты своей жизни работал над серией статей, в которых излагал свои любимые мысли и мечты о югославянской федерации. Крайний умеренный образ жизни помог ему сохраниться совершенно свежим до преклонного возраста. Высокий, худой, с несколько сгорбленной сутуловатой фигурой, он каждый день ходил пешком, быстрым и легким шагом, гуляя по берегу Нишавы. Он пользовался уважением даже своих политических противников. Сербы гордились им. В политическом мире его имя произносилось тотчас после Пашича. Последнему он уступал в хитрости и умении ладить с людьми и с обстоятельствами. Он был больше ученый, чем политик, но главным двигателем его жизни был пламенный патриотизм, в науке и в политике для него существовала одна Сербия.

Во внешней политике он был оппортунистом. После Берлинского конгресса он, вместе со своей партией, держался австрийской ориентации, потом, когда увидел, что близость с Австрией не отвечает интересам Сербии, он перешел на сторону России, <...> пришел к русскому посланнику барону Розену[23], сообщил ему текст конвенции с Австрией. Во всех этих переменах Новакович не был ни австрофилом, ни русофилом, но оставался сербским патриотом. На берегу Дуная, над Белградом, он под конец жизни купил себе маленький виноградник. Он построил себе сам на холме вышку и любил смотреть оттуда по ту сторону реки, на Бачку, Банат и мечтать о том времени, когда все сербы объединятся. Ему так и не суждено было увидеть осуществления своей мечты. На его похороны сошелся весь Ниш, хотя было решено, что, как только война кончится, его тело перевезут в родной Белград.

Новакович был представителем умственной культуры своей страны. Сербы справедливо дорожили им, как доказательством того, что они могут возвыситься, в лице лучших своих представителей, до уровня европейского просвещения.

Представителем другой высшей стороны культуры, в лучшем духовном ее смысле, был епископ Нишский Досифей.

Я не могу иначе, как с чувством сердечного умиления, говорить о нем. Его образ встает передо мной: маленького роста, тщедушный, он казался бы совсем невзрачным, если бы не глубокий, лучистый взгляд его больших черных глаз, в которых всегда светилось выражение духовной силы и необыкновенной доброты. Он жил в маленьком, каменном домике, крытом черепицей. Перед домиком был небольшой сад, в котором почти всегда трудился его еще не очень старый отец. Епископу Досифею было лет 35. Его родители были совсем простые люди, может быть, из селяков.

Епископ Досифей получил первоначальное воспитание в белградской гимназии, юношей лет 18 сделался монахом. Дальнейшее образование он получил в Киевской духовной академии, потом поехал в Германию, слушал лекции, кажется, в Лейпцигском университете. Он готовил себя к созерцательной жизни, занимаясь философией и церковными науками. Последние годы своего пребывания за границей он жил в Женеве. Там он сошелся с настоятелем нашей церкви о. Сергием Орловым. С ним и с настоятелем нашей церкви в Берлине протоиереем А. П. Мальцевым, тоже замечательным человеком, который скончался в начале европейской войны, епископ Досифей сохранял самые тесные отношения. Промысел Божий захотел, чтобы он ближе сошелся с этими двумя замечательными представителями нашей церкви.

Епископ Досифей горячо любил Россию. Она была для него второй духовной родиной. Обратно большинству своих соотечественников, которые, получая образование в России, нередко выносят скорее отрицательные понятия об укладе нашей жизни, епископ Досифей усвоил себе все то, что представляется самым ценным и дорогим в глубине нашей религиозной мысли и веры. Можно сказать, что он действительно чувствовал себя столько же русским, сколько и сербом. Он ценил в России не только ее внешнюю мощь, не только возможность при нашей помощи осуществить свои узкие национальные цели. Он преклонялся перед красотой нашего народного духа, его глубокой приверженностью к Церкви, и он мечтал об объединении своей страны с Россией на почве приобщения ее к сокровищам русской культуры. В моих глазах епископ Досифей пред-

ставлялся прекрасным выразителем того отношения балканских народов к России, которое должно было бы быть идеалом для них и для нас.

Я скоро с ним сблизился и почти ежедневно приезжал к нему, иногда увлекая его с собой дальше в прогулку за город. Мы почти никогда не говорили с ним о политике, но я поверял ему свои мысли и чувства и в нем находил всегда живой, всегда согретый любовью отклик. Порой им овладевала детская веселость и он звонко смеялся, смех его был в полном смысле слова, от чистого сердца. Епископ Досифей был незаменимым для меня и для моей жены, когда она приехала в Ниш, и мы открыли там целый ряд учреждений, о которых речь еще впереди. Он же охотно согласился вести беседы о церковном богослужении с моим старшим сыном Константином. Весь день с раннего утра был занят у епископа Досифея различными делами. Бывало, приедешь к нему, все равно в котором часу, а у него на подъезде уже стоит какой-нибудь бедняк, дожидаясь своей очереди, а сам он толкует еще с кем-нибудь у себя в кабинете. Людей с каким-нибудь достатком, или свободным временем он старался приобщить к делам общественного благотворения.

В Сербии удивительно мало развиты были общественные организации. Там не было ничего подобного нашему земству, с его духом самоотверженного общественного служения, почти совсем не было сербских сестер милосердия, а те, которые были, редко соглашались ходить за заразными больными, или дежурить по ночам в больницах. Еще до того, что мы открыли наши учреждения, немало русских врачей и сестер приехали в Сербию, побужденные не заработком, который был невелик, а бескорыстным участием к Сербии и желанием ей помочь. Эти благородные труженики рисковали своей жизнью, а многие из них и умерли. В то же время со стороны сербов не всегда можно было видеть должное признание их подвигов. В числе немногих благородных сердец был, конечно, епископ Досифей. По свойству своего характера он всегда останавливался только на добрых побуждениях, радовался, когда их можно было подчеркнуть. От мелочей жизни, от дрязг он отворачивался, но всякое зло и некрасивые побуждения действовали на него, как пятна на чистоплотного человека; как он любил указывать сербам на все, что русские несут им, каким теплым чувством было согрето каждое приветствие вновь приехавшему. Все русские шли к нему, как к своему, шли к нему и те, кто у себя на родине редко заглядывал в церковь. Все хотелось согреться и найти у него поддержку.

Епископ Досифей ничего не делал для внешнего эффекта. Он не увлекался политикой, которой отравлены были его соотечественники, и кото-

рая делала политических деятелей из большинства сербских иерархов. Поэтому в политических кругах на него смотрели как на хорошего, но наивного человека, со снисходительным равнодушием. Как-то раз, говоря о нем с сербским престолонаследником, я сказал, что считаю, что стоило приехать в Сербию хотя только для того, чтобы познакомиться с епископом Досифеем. Он расхохотался, принимая мои слова за шутку, и потом с удивлением спросил меня, неужели я серьезно так думаю. Он признался, что имеет об епископе очень слабое представление. У епископа Досифея жил митрополит сербский Дмитрий[24], переехавший к нему с самого начала войны. Это был красивый, представительный старик. В Нише он жил фактически не у дел. Впрочем, он председательствовал комитетом, ведавшим нуждами разоренных областей Сербии на пожертвования, получавшиеся главным образом из России. Я изредка заезжал за ним для прогулки, по просьбе доброго Досифея. Митрополит был когда-то также епископом в Нише.

Однажды, когда мы с ним катались по прекрасным дорогам в окрестностях Ниша, он мне сказал, что этими дорогами сербы обязаны туркам. Более того, самый собор в Нише был построен благодаря знаменитому в свое время Митрахад-паше. Он неоднократно побуждал жителей Ниша построить просторный храм и стыдил их, что они не удосужились этого сделать. Когда увещания не помогли, он просто назначил, кто сколько должен дать, и таким образом собрал нужные деньги. Я познакомился в Нише с одним стариком, который в то время был еще мальчиком и состоял при Паше. Он рассказывал, как Паша ходил с ним по городу, стучал палкой в дом, вызывал хозяина и требовал денег на собор. О нем сохранилась добрая память в городе. Вообще удивительно, что от многовекового владычества турок у сербов не сохранилось какой-нибудь вражды к ним. Память о жестокостях быстро изглаживается, может быть, потому, что жестокости не составляют отличительной особенности одних турок на Балканах. Между тем, способ правления турок не был тяжел. Они не вмешивались в церковную жизнь, и их, главным образом, интересовало получить деньги с подвластных. За все свое владычество турки не создали ничего своего, не оставили никаких следов своей культуры. Они жили каким-то вооруженным лагерем в Европе и поразительно бесследно исчезли. Те же турки, которые не выселились, всюду делались верными подданными.

В турецкое время Ниш был довольно значительным городом и насчитывал до 80.000 жителей. При сербах он захудал, и население его в мирное время не превышало 23.000 жителей. Турок оставалось немного, их

можно было заметить только в праздник Рамазана, когда на верхушках минарета зажигалась иллюминация, и они собирались в свою мечеть.

Я назвал уже главным сербских деятелей, с которыми мне приходилось чаще встречаться. Отношения с ними были всегда деловые. В Нише не существовало и подобия светской жизни. Этому мешала и обстановка маленького городишки, и простота нравов сербов. Большие семьи ютились в двух-трех комнатах, жены министров сами ходили на рынок и возвращались иногда с поросенком в руках. Особенно накануне Рождества весь город прямо оглашался визгом поросят, ибо это было традиционное праздничное блюдо. На площади, наискосок от нашего дома, стоял гул от толпы. Масса подвод, запряженных волами, крестьянки в своих красивых нарядах, с цветами, приколотыми к платку на голове, и тут же солдаты, чиновники, офицеры и женщины всех состояний. Было странно видеть, например, старого полковника с поросенком в каждой руке, но кроме иностранцев этому никто не удивлялся.

Мое общество частью составляли товарищи по дипломатии. Французским посланником был Бопп. Я его знавал раньше секретарем посольства в Константинополе. Это был человек, проведший всю свою служебную карьеру на Востоке, особенно в Константинополе. Был он также генеральным консулом в Иерусалиме. Бопп был умный, образованный человек, много читавший. Он был убежденным католиком, очень интересовался вопросами религиозной политики. Он удивил меня однажды, сказав, что прочет по-русски «Книгу жития моего» Порфирия Успенского[25]. Он был заядлым сербофилом и ненавидел болгар. Поэтому он всячески убеждал свое правительство не настаивать на требовании об уступке Македонии. Он очень томился в разлуке со своей семьей и иногда впадал в неврастеническую меланхолию.

Бопп оказывал сильное влияние на английского посланника Де-Гра, который ежедневно бывал у него утром. Де-Гра был милейший человек, и мы с ним впоследствии очень сблизились. Он был старый холостяк, пожилой и не крепкого здоровья. Он был крайне приветливый, деликатный, всегда думающий о других. В общем, добрейший человек, но несколько наивный. Он в сущности мало понимал общее положение и с трудом разбирался в вопросах. Поэтому он и искал указаний у Боппа. Оба они были довольно робкие, боялись принимать какую-либо инициативу и не всегда решались настаивать на своем перед своими правительствами. В этом отношении они мне представлялись немножко консулами, и мне трудно было подвинуть их на какое-нибудь совместное представление нашим правительствам, когда мне это казалось нужным.

Однообразие жизни в Нише прерывалось приездами и посещениями различных лиц. Из проселочной дороги Ниш стал, во время войны, на большой магистрали, через которую происходило сообщение между Россией и Европой. В начале войны через Ниш—Салоники, в Болгарию и Румынию возвращалась масса русских путешественников, застигнутых объявлением войны за границей. Сербы равнодушно относились к приезжающим русским, и долгое время расписание поездов, приходящих из Салоник в Ниш и отходящих в Софию, не были согласованы. Путешественникам приходилось терять целые сутки в Нише. Между тем в городе решительно некуда было приткнуться. Существовали две гостиницы под названиями «Русский Царь» и «Европа». На самом деле, это были грязные харчевни, притом каждый угол в них был уже занят.

После долгих блужданий по городу путешественники являлись в Миссию, измученные и раздраженные. Иногда их удавалось устраивать в частных квартирах. Нештатный драгоман Миссии Алтынович почти ежедневно бегал по городу, чтобы разместить как-нибудь проезжих. Иногда приходилось оказывать гостеприимство незнакомым людям в самой Миссии. Это было очень трудно, потому что я взял с собой лишь самое необходимое. Все обитатели Миссии в этих случаях делились, кто своей подушкой, кто одеялом. Мне пришлось больше двух месяцев настаивать, пока, наконец, не было изменено железнодорожное расписание.

Вскоре после успешного отражения австрийского вторжения Государь пожелал оказать особые знаки расположения и внимания сербскому королю и армии. В конце декабря в Ниш прибыл свитский генерал Татищев*, тот самый, который до войны состоял при императоре Вильгельме[26]. При нем был ротмистр Олив. Они привезли с собой ордена. Королю Петру был пожалован орден Андрея Первозванного с мечами — отличие, которого никто не имел в то время**, королевичу Александру — Георгия III-й степени, королевичу Георгию — IV степени, кроме того, четыре Георгия IV степени для сербских генералов, по выбору королевича Александра, и много других боевых отличий для сербской армии. Для Татищева была устроена торжественная встреча, и он остановился у меня в Миссии вместе с Оливом. В Ниш по этому поводу прибыл король и престоло-

* Генерал Татищев, мученически погибший с царской семьей. (Примечание Г. Н. Трубецкого).

** Из наших Государей этот орден имел, кажется, только Александр I. В последний раз, по иронии судьбы, этот орден был пожалован германскому фельдмаршалу Валдерзу, во время Пекинского похода. (Примечание Г. Н. Трубецкого).

наследник Александр. Король принял Татищева в отдельной аудиенции. Когда тот передал ему знаки ордена Андрея Первозванного, он благоговейно приложился к ним. После этого был небольшой завтрак, за которым были только король с двумя своими сыновьями и я с Татищевым. Король был так взволнован, что после завтрака он тотчас удалился и с ним сделался легкий обморок, поэтому он не мог участвовать на парадном обеде, состоявшемся в тот же день. Ему было 70 лет, но он выглядел то значительно моложе, то значительно старше своих лет. Когда он рассказывал что-нибудь, что его волновало, то он весь оживлялся, в глазах его был юношеский блеск, но затем, когда он кончал, взор его потухал, и сам он становился дряхлым, осунувшимся стариком. Он очаровывал простотой и приветливостью своего обращения, в нем чувствовался старый солдат. Приближенные его, однако, очень страдали от его раздражительности и вспыльчивости, во время коей пробуждался в нем тот необузданный характер, который, к сожалению, унаследовал от него его старший сын Георгий.

Этот последний был красивый молодой человек с тонкими чертами лица. Его можно было бы принять за кавказского горца, и по своему общему облику он больше всего приближался к такому типу. Безумно храбрый, он был дважды тяжело ранен и жил на излечении в Нише. Он тяготился бездействием, но ему не хотели дать командования даже батальоном, потому что боялись, что он погубит и его, и себя. Это был человек безо всякого воспитания. Он бил свою прислугу и адъютантов, которые постоянно менялись потому, что никто с ним не мог ужиться. В свое время ему пришлось отказаться от наследования престола, потому, что он в порыве гнева ударил ногой в живот своего лакея, который от этого умер. Отказ от престола был, по-видимому, сделан им в таком же добром порыве, как неосторожный удар в дурном. Он не мог примириться с последствиями этого отказа и надеялся, что это еще можно изменить. Среди военной молодежи он пользовался некоторой популярностью, как отчаянный сорвиголова. В Нише он скучал и часто заходил ко мне. К сожалению, он совершенно не умел уходить, сидел часами, так что мне иногда приходилось извиняться и уходить, будто бы по неотложному делу. Беда, если ему попадался под руку перочинный нож. Он начинал им царапать на столе или резать скатерть. Он тушил папиросы о ножик, в забывчивости клал иногда ноги на стул. Со всем тем он был застенчив, но в общем крайне неуравновешенный человек. Своего брата, королевича Александра, он терпеть не мог, и когда в Новый год они пришли ко мне вместе, я сидел как на иголках, опасаясь, что произойдет скандал, потому что Геор-

гий всячески задирал своего брата, но последний с большой выдержкой и терпением смягчал выходки своего брата.

Королевич Александр был полной противоположностью своего брата. Он не был так красив, как Георгий. Его портили очки и сутуловато-приподнятые кверху плечи. Он был таким же скрытным и сдержанным, каким Георгий был порывистым. Отец более узнавал себя самого в Георгии и питал к нему, несмотря на все его проделки, слабость. Королевич Александр пробыл один год в училище правоведения, потом в Пажеском корпусе. Образование его было весьма неполное и незаконченное, когда он вернулся в Сербию. Здесь он попал в обстановку, которая не содействовала стремлению довершить образование. Немногие приближенные, молодые офицеры, адъютанты были готовыми исполнителями прихотей, сами же были, в большинстве случаев, полуобразованными людьми. События сложились так, что королевич скоро стал в ответственное положение. Он стал наследником неестественным путем. Пример его брата был у него всегда перед глазами. Он рано начал наблюдать за собой и выработал в себе сдержанность и скрытность. Королевич Георгий говорил, что это в его брате сидит скверная черногорская кровь*.

Во время балканской войны королевич Александр уже командовал I армией. После этой войны король Петр удалился на покой в местечко Топола, передав бразды правления своему сыну, который получил звание Регента, в ожидании удобной минуты, когда ему окажется возможным совсем отказаться от престола. События довершили воспитание королевича Александра. В нем был заметна постоянная работа над собой, и он во многом развился и приобрел опыт, хотя постоянно чувствовал пробелы своего образования. (Робкий, но в то же время самолюбивый, он тяготился, по-видимому, авторитетом Пашича и пытался проявить собственную власть, но не всегда знал, как это сделать. К тому же сдержки конституции и не вполне прочное личное положение усиливали в нем сдержанность.) Ко мне он отнесся вначале недоверчиво. Мое прибытие в Сербию было предварено слухами о моем болгарофильстве. К тому же после популярного Н. Г. Гартвига, которого сербы считали совсем своим человеком, заместителю его не могло быть легко <...>.

* Король Петр был женат на дочери черногорского короля Николая, княжне Зорке, умершей в 1890 г. Он имел от нее дочь, княгиню Елену, вышедшую замуж за Иоанна Константиновича, и двух сыновей — Георгия, родившегося в 1887 г., и Александра, родившегося в 1888 г. Георгий отрекся от престола в 1908 г. (Примечание Г. Н. Трубецкого).

В Нише по временам появлялись политические деятели из Австро-Венгрии. Самым видным из них был хорватский деятель Супило[27]. Мечты сербов об объединении южного славянства, в частности, мечты о присоединении к Сербии Хорватии, были в сущности весьма неопределенны в вопросе о том, в каких формах должно произойти объединение. Старик Новакович мечтал о создании федеративной Югославии, т. е. о крупном славянском государстве, в которое входили ли бы различные области на автономных началах. Мнение это разделялось немногими. Большинство представляло себе объединение, как присоединение к Сербии славянских областей, отведя первое место Сербии.

Сербы были большие шовинисты. Они убеждены в безусловном превосходстве своей культуры. Склонные к оптимизму, они закрывали себе глаза на трудности, не хотели видеть глубоких различий между собой и хорватами. А между тем, различия эти были во всем складе жизни обоих народов. Сербы были православные, хорваты — католики. У сербов не существовало никаких сословных различий, в Хорватии была старинная аристократия. Сербы были в сущности народом селяков, у них постоянно можно было встретить в той же семье одного брата крестьянина, другого — офицера, или чиновника, или парламентского деятеля. Хорваты в продолжение столетий находились под воздействием швабской культуры; в грубых чертах можно сказать, что разница между ними и сербами была такая, как между горожанами и крестьянами.

Зато у сербов было большое преимущество долговременного пользования независимостью. Сербия была государством, имевшим все необходимые, хотя, может быть, и несовершенные, органы власти, а также и прекрасную армию. Если бы объединение совершилось, то заслуга в этом деле принадлежала бы Сербии, а не Хорватии, предметом его была бы сербская кровь. Это создавало Сербии несомненное право первенства в будущем государстве. Кроме того, если бы такое государство осуществилось, перед ним стали бы многочисленные международные задачи, для решения которых потребовалась бы сильная власть.

С другой стороны, едва ли можно было думать и о простом присоединении. Своими только силами Сербия не могла мечтать о завоевании целых областей у Австро-Венгрии. Вопрос об участи последних мог бы стать практически лишь в конце победоносной войны России и ее союзников с Центральными державами. Но в этом случае серьезное значение имел бы вопрос о желании самих хорватов. Пока они находились в пределах Австро-Венгерской монархии, в мере ненависти к швабам, у них существовало тяготение к Сербии, но как скоро перед этим практически стал бы воп-

рос о перемене условий существования, отношение к Сербии могло бы измениться, особенно если бы одну зависимость они переменили на другую. Несмотря на одинаковость происхождения, указанная выше разница в складе жизни давала сильно себя чувствовать. Еще не так давно существовал резкий антагонизм между хорватами и сербами в Австрии. В Аграме (Загреб) были сербские и хорватские кафе, куда не допускались сербами хорваты, а хорватами сербы. Потом политическая жизнь выдвинула идею создания сербо-хорватского блока[28]. В последнем сейме[29] ему принадлежало большинство. Однако наряду с ним еще существовала Партия франковцев[30], т. е. непримиримых хорватов, заядлых врагов сербов. Со всем этим необходимо было считаться. Надо было оказать уважение особенностям Хорватии и уверить их в выгодах соединения с Сербией.

Наши интересы, по существу, требовали возможно более благоприятного для Сербии разрешения югославянского вопроса. Мы могли только приветствовать возможно большее усиление Сербии, с которой и в будущем у нас были общие враги. Мы не могли ждать создания самостоятельного хорватского королевства, ибо в этом случае неминуемо создался бы искусственный конфликт интересов между им и Сербией, но, признавая законность сербских интересов, мы не могли стать исключительно на их узкую точку зрения. Привлечение Италии к союзу с нами было настолько важно, что было необходимо считаться с ее интересами и в силу этого идти на некоторые жертвы и ограничения этнографического принципа. Все эти вопросы только еще намечались, когда в Ниш в первый раз приезжал Супило. Это был умный, образованный человек, он воспитался на итальянской культуре, был горячим поклонником итальянского risorgimento[31] — говорил по-итальянски, как итальянец. На нем была, однако, печать, общая большинству политических деятелей в Австро-Венгрии: он был не только политиком, но и политиканом. Увлекающийся, хитрый и честолюбивый, он не брезгал и маленькими средствами для достижения своих идей, прибегая к лести, интригам и сплетням. Его приезд в Ниш оживил интерес к югославянскому вопросу. Он часто бывал у Пашича и других политических деятелей, виделся с престолонаследником и говорил мне, что получил полное удовлетворение от всего им услышанного.

В одном отношении я надеялся, что посещение Супило не останется без благотворного воздействия на сербов. Чем шире и заманчивее представлялись перспективы в южнославянском вопросе, тем больше можно было надеяться на уступчивость сербов в македонском вопросе. Нельзя было гоняться за двумя зайцами. Сам Супило мне говорил, что хорваты

не могут сочувственно относиться к несговорчивости сербов, которая отвлекала и ослабляла их внимание и силы. По его словам, между хорватами и болгарами издавна существовали симпатии, ибо болгары посылали иногда свою молодежь довершать образование в Аграме. Говорил ли Супило в этом духе с Пашичем, было мне однако неизвестно. Супило был слишком тонкий и изворотливый человек, он не мог желать быть неприятным, вмешиваясь во внутренние сербские дела. В беседе со мной он изливал горячие чувства к России, на нее одну возлагал надежды на осуществление своей национальной мечты. Главное назначение он придавал факту объединения с Сербией. Что получится из этого, он представлял решить будущему и говорил, что пускай Россия окрестит, как захочет, будущее государство, которое может назваться или Югославией, или Сербо-Хорватией, или сохранить название Сербии, против чего он лично не возражал.

Супило приехал из Рима, где учредился Югославянский комитет[32], коего он был представителем. Он рассказывал мне свои беседы с итальянскими государственными людьми. Он развивал ту мысль, что настоящие интересы Италии и самое ее прошлое потребуют признания национальных прав южных славян. Установив с ними добрые отношения, она гораздо вернее упрочит на Адриатике свое влияние и торговые интересы. Если наоборот, Италия будет стремиться к присоединению мест, населенных славянами и будет мешать их политическому объединению, то она наживет себе с их стороны непримиримую ненависть и войну в будущем. Когда он говорил об Италии, то глаза у него загорались от ненависти, и он переходил при этом на ближе всего известный ему итальянский язык. Из Ниша Супило поехал в Петербург. С ним вместе поехал депутат от Боснии, чтобы установить и засвидетельствовать полное единство взглядов между представителями различных славянских областей <...>.

Примечания

[1] Прахово — пристань на Дунае в восточной Сербии. Железной дорогой связана с Нишем.

[2] Павлович Живко — сербский военный деятель, генерал (1919). В 1914–1916 гг. — заместитель начальника штаба Верховного командования. В 1917 г. — командир Шумадийской дивизии. В 1917–1919 гг. — военный атташе Сербии в Афинах.

[3] В августе 1914 г. русские войска прорвали фронт и стремительным броском заняли Львов и Галич, поставив под угрозу уничтожения всю австро-венгерскую группировку в Карпатах.

[4] Беляев Михаил Александрович (1864–1918) — российский военный деятель, генерал от инфантерии (1914). В 1893 г. закончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1914–1916 гг. — начальник Генерального штаба. В январе 1917 г. назначен военным министром. 2 марта 1917 г. уволен в отставку. После Октябрьского переворота расстрелян большевиками за антисоветскую деятельность.

[5] Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь — русский общественный и государственный деятель, крупный помещик Тульской губернии, участник земского движения. В 1905–1917 гг. примыкал к кадетам. Депутат первой Государственной Думы. В период Первой мировой войны — председатель Земского союза. После Февральской революции — глава первых двух составов Временного правительства. После Октябрьского переворота — в эмиграции.

[6] Спалайкович Мирослав (1869– ?) — сербский, югославский политический деятель, дипломат. Член Радикальной партии. Посланник Сербии в Болгарии (1911), России (1913–1917). С 1924 г. — посланник Королевства СХС во Франции. После прихода к власти коммунистов — в эмиграции.

[7] Веселкин М. М. — капитан первого ранга. Экспедиция особого назначения для оказания военной помощи сербам была создана 16 августа 1914 г.

[8] См. примечания 2, 3 к запискам Б. Астромова.

[9] Г. Н. Трубецкой допускает ошибку — из Валева сербское Верховное командование переехало в Крагуевац.

[10] Топола — село в центральной Сербии (Шумадии). Известна тем, что здесь жил Карагеоргий. Поблизости, на Опленце (на средства короля Петра) была выстроена церковь Св.Георгия — усыпальница династии Карагеоргиевичей.

[11] В июне 1914 г., в результате острого внутриполитического кризиса, Петр Карагеоргиевич перенес монаршие прерогативы на своего наследника Александра, который стал принцем-регентом Сербии. Фактически это означало отход короля Петра от дел.

[12] Цетинье — город в Черногории. Первоначально — монастырь, основанный в 1485 г. Позднее — столица Черногорского княжества, а с 1910 г. — королевства.

[13] Константин Великий (ок.185–337) — римский император (306–337). Он отразил натиск варваров, стабилизировал монету, перенес столицу в Константинополь, проводил политику веротерпимости. Перед смертью принял христианство. Церковная традиция называет его равноапостольным.

[14] Карагеоргиевич Джордже (1887– ?) — старший сын короля Петра Карагеоргиевича и Зорки, дочери черногорского князя Николы Петровича-Негоша. В 1908 г., по причине психической неуравновешенности, отрекся от прав наследника престола.

[15] Петрович Михайло — сербский ученый, математик. Профессор Белградского университета.

[16] Бопп Огюст — французский дипломат, посланник Франции в Сербии во время Первой мировой войны.

[17] Кевенгюллер Рудольф (1844–1910) — австро-венгерский дипломат, посланник в Белграде в 1881–1886 гг. В условиях, когда после подписания Тайной конвенции (1881) Вена имела решающее влияние на сербскую политику, он de facto являлся политическим советником короля Милана Обреновича и подстрекал того на войну с Болгарией.

[18] См. комментарий 10 к очеркам А. В. Амфитеатрова.

[19] Давидович Любомир (1863–1940) — сербский, югославский политический деятель. Один из основателей и лидеров Самостоятельной радикальной партии. В 1904 и 1914 гг. — министр просвещения и церковных дел. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев участвовал в создании Демократической партии. Являлся ее председателем.

[20] Маринкович Воислав (1876– ?) — сербский, югославский политический деятель. До Первой мировой войны — член Напредняцкой партии. В 1914 г. вошел в состав коалиционного правительства Н. Пашича. После образования Королевства СХС, вместе с Л. Давидовичем, С. Прибичевичем, М. Драшковичем, создал Демократическую партию.

[21] Йованович Йован (1869–1939) — сербский политик, дипломат, профессор Великой школы. Занимал посты посланника Сербии в Вене, Лондоне и Вашингтоне; помощника министра иностранных дел. Уйдя в отставку с дипломатической службы, возглавил Земледельческую партию.

[22] Пуанкаре Жюль Анри (1854–1912) — крупнейший французский математик, академик. Его труды в области математики, с одной стороны, завершают классическое направление, а с другой — открывают путь к развитию «новой математики», где наряду с количественными соотношениями устанавливаются факты, имеющие качественный характер. Произведения Пуанкаре неоднократно переводились в России и СССР.

[23] Розен Роман Романович, барон — российский дипломат, в 1895–1897 гг. — чрезвычайный и полномочный посланник России в Сербии.

[24] Дмитрий (в миру — Димитрие Павлович (1846–1930)) — сербский церковный деятель. В 1884–1889 гг. — епископ Нишский. В 1898–1905 гг. — епископ Шабацкий. В 1905–1920 гг. — архиепископ Белградский и митрополит Сербский. В 1920 г. избран первым патриархом обновленной Сербской патриархии.

[25] Порфирий (Константин Александрович Успенский (1804–1885)) — русский церковный деятель, собиратель рукописных книг, духовный писатель. Епископ Чигиринский, викарий Киевский. В 1843–1846 и 1858–1861 гг. путешествовал по Сирии и Палестине; вывез оттуда коллекцию древних книг и рукописей, открыл синайский кодекс Библии IV в. ... Точное название работы Успенского — «Книги бытия моего» (публиковались в 1894–1897 гг.).

[26] Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и прусский король (1888–1918). Свергнут Ноябрьской революцией. 28 ноября 1918 г. отрекся от престола. Проживал в эмиграции в Голландии.

[27] Супило Франо (1870-1917) — хорватский политический и общественный деятель. Во время Первой мировой войны выступал за создание единого югославянского государства. Был членом Югославянского комитета, в состав которого входили хорватские, словенские и сербские эмигранты из Австро-Венгрии, проживавшие в Париже, Лондоне и т. д.

[28] Хорватско-сербская коалиция — политический блок, образованный в Хорватии и Славонии в конце 1905 г. В нее вошли: Хорватская партия права, Хорватская прогрессивная партия, Сербская самостоятельная партия и Сербская радикальная партия, вышедшая из коалиции в 1907 г. Коалиция выступала против мадьяризации югославянских областей, входивших в Транслейтанию (венгерскую часть Дуалистической монархии), за расширение автономии Хорватии и Славонии.

[29] Местный представительный орган в Хорватии и Славонии назывался Сабор.

[30] Франк Иосип (1844–1911) — хорватский политик, националист экстремистского толка, сербофоб и католик-фундаменталист. Первоначально входил в состав Хорватской партии права. После ее распада — член Чистой партии права. После смерти ее лидера А.Старчевича заменил его на посту председателя партии.

[31] Risorgimento (итал.) — возрождение. Термин, обозначающий национально-освободительное движение итальянского народа за уничтожение государственной раздробленности и иноземного (австрийского) гнета. Завершилось в 1870 г. образованием единой Италии.

[32] Югославянский комитет — политическая организация югославянских эмигрантов из Хорватии, Далмации, Словении, Боснии и Герцеговины, основанная в Лондоне в мае 1915 г. с целью борьбы за освобождение югославянских земель Австро-Венгрии и объединение их с Сербией и Черногорией. Данные планы Комитета нашли отражение в соглашении, подписанном в июле 1917 г. его председателем А. Трумбичем и премьер-министром Сербии Н. Пашичем (Корфская декларация). С образованием в декабре 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев, Югославянский комитет прекратил существование.

Шемякин А. Л.

Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских

Обретение Сербией независимости в 1878 г. совпало с серьезным сдвигом в европейском цивилизационном процессе — «в своих очагах цивилизация Нового времени переставала восприниматься как прогресс; духовное самоуглубление стало подменяться физическим и территориальным расширением»[1]. Речь идет о том, что завершение промышленной революции и окончательная национально-политическая консолидация (объединение Германии и Италии, установление в большинстве стран буржуазно-парламентских режимов) сделали Европу тесной для предприимчивого западного духа, развязав и направив вовне его энергию. После 1875 г., констатировал А. Тойнби, «индустриальная система начала резко наращивать свою активность, так что размах ее деятельности обрел глобальный характер...»[2]. Те же факторы сформировали и устойчивое представление Запада о себе, как носителе цивилизующей миссии (своеобразную «презумпцию цивилизационного превосходства»), следствием чего стал навязчивый экспорт западной парадигмы на периферии — открытые захваты и грабеж колоний, усилившись сами по себе, сопровождались теперь «воспитанием» покоренных народов и насаждением среди них *единственно верных* ценностей[3*]. Ставилась задача: «не заглядывая глубоко им в душу, заставить их принять формы своего мышления, своей веры, своего общественного устройства»[4**].

---

* По оценке Эрнста Трельча, «в европейском сознании всегда присутствует завоеватель, колонизатор, миссионер» (*Трельч Э.* Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 608).

** В марте 1878 г. лорд Литтон выступил в Индии с поистине знаковой речью. В ней он сообщал индусам о цивилизующей миссии Британии, несущей в Индию идеи свободы и личного достоинства. Впервые Запад говорил в таком тоне: «Мы стоим во главе гигантской революции — величайшей и наиболее важной социально, морально и религиозно, а также политически; революции, которую, может быть, мир никогда не видел прежде» (цит. по: *Федорова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997). Эта революция — вестернизация.

Таким образом, в последней четверти XIX в. Европа инициировала первую волну глобализации, т. е. «универсализации развития по модели центра»[5].

Балканские народы и государства, которые, по словам Э. Хобсбаума, «можно было назвать *европейскими* лишь из вежливости»[6], подлежали «цивилизации» в первую очередь, поскольку уход теряющей силы Турции из центральной части полуострова как бы возвращал их в Старый Свет. Роль *наставника* в этом деле предназначалась Австро-Венгрии, тем более, что и полигон для экспериментов (переданные ей в управление Босния и Герцеговина) находился совсем рядом. Механизм реализации проекта «австро-венгерских Балкан» на примере Сараево детально исследован в работе С. Терзича[7]. Сербии был уготован схожий путь. Особенно, если иметь в виду то место, какое в своих геополитических планах отводили ей стратеги с Балль-Платца. Ведь, как справедливо высказался Б. Мур, «определяющие факторы политики малых стран находятся вне их границ»[8]. И, думается, не только политики, но и развития вообще.

Мощный внешний импульс был «уловлен» и в столь же императивной форме ретранслирован прозападной частью сербской элиты. Осенью 1880 г. «безусловный» прежде русофил[9], князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские рельсы, связав судьбу страны и династии с Веной. Тем самым он четко обозначил свое намерение втянуть Сербию в Европу. Призванный им к власти кабинет прогрессистов (напредняков) во главе с Миланом Пирочанцем — этим первым подлинным сербским «западником»[10], и попытался осуществить такой «прыжок из балканского мрака на европейский свет»[11]. По точной оценке американского историка М. Б. Петровича, напредняки («сербские виги», как он их называет) «смотрели на все западными глазами»[12*].

Понятно, что брошенный так явно вызов не мог остаться без ответа, и это вносило в развитие Сербии черты не ведомой ранее биполярности. Стремление правительства «европеизировать» страну скорым кавалерийским наскоком — т. е. «насадить в ней европейскую культуру»[13] или «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские»[14], как писали русские очевидцы, — вызвало резкий протест со стороны оппозиции, принадлежавшей к Народной радикальной партии. Отрицая универсальный характер пути Европы и ее образцов, радикалы во главе с Николой Пашичем провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской самобытности, каковую они отождествляли с только что завоеванной свободой. «Мы совсем

* П. А. Кулаковский оставил в своем дневнике беглую зарисовку М. Пирочанца: «Он всюду старается заговорить по-французски, как бы хвастая тем, что он может говорить на этом языке, что он светский и т. д.» (Отдел рукописей Института Русской Литературы РАН — Пушкинского Дома (далее — ОР ИРЛИ). Ф. 572. Д. 1. Л. 13).

не бережем того, — писал их лидер в конце 80-х гг., — что серба делает сербом, но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы...»[15*].

Перипетии внутреннего противостояния в Сербии хорошо известны. Более важным в данной связи представляется то, что в своем стремлении «преодолеть пространство истории в самые сжатые сроки»[16] реформаторы-напредняки так и остались в меньшинстве. «Негативную позицию по отношению к модернизации государства на европейский манер, — подчеркивает В. Дворникович, — занял сам его основатель и главный столп — шумадийский крестьянин»[17]. Радикалы же, с ходу отвергавшие все проекты реформ, напротив, заручились поддержкой масс. Строя свою охранительную доктрину на базе прочно укорененной в народном сознании патриархальности, они и выразили «негативную позицию» сербского селяка — неприятие им структурных изменений общества и государства, которые могли бы нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия в системе статичного аграрного мира. В свое время Й. Цвиич удивительно тонко заметил: «Сербский радикализм** — явление настолько же этно-психологическое, насколько и политическое»[18].

Таким образом, в основе внутрисербского конфликта лежало отношение к Европе и ценностям европейской цивилизации. «Либеральная идея и традиция» — эта сквозная дихотомия определяла все зигзаги истории Сербии в правление двух последних Обреновичей***. Она порождалась амбивалентным характером социума, «разрывавшегося» между патриархальностью (т. е. *закрытым* его типом, как формой самоорганизации и выживания сербов под игом турок) и началами модернизации[19].

---

* Даже на парламентскую трибуну Н. Пашич выходил в полудеревенской суконной блузе и тяжелых грубых сапогах. При этом он носил длинную, до середины груди, бороду (*Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. 1845–1926. Београд, 1990. Књ. 1. С. 13).

** Термины «радикализм», «радикал» и «радикальный» мы используем как производные от понятия *Народная радикальная партия*, т. е. в идеологическом ключе. Термины «радикальный» и др. — в смысле *крайний* или *экстремистский* — в данной работе вообще не употребляются.

*** Современный сербский социолог Любиша Деспотович придает данному противоречию культурологическое звучание: «В конечном итоге, это было столкновение двух социокультурных вариантов развития Сербии — одного, в котором доминировал *руральный культурный образец*, с лежавшими в его основе традиционной системой ценностей и коллективистским менталитетом, и другого — *современного, урбанистического и индивидуалистического (можно сказать, даже элитистского)* типа культуры, каковой не считал нужным вступать в коммуникацию со средой, не воспринимавшей этот культурный образец, как свой...» (*Деспотовић Љ.* Српска политичка модерна. Србија у процесима политичке модернизације 19. века. Нови Сад, 2003. С. 193).

* * *

Но что же представляло собой сербское общество на рубеже веков и почему мы называем его традиционным или закрытым? Его главными особенностями были.

Во-первых, аграрный характер. До I-й Мировой войны доля крестьянства в структуре населения Сербии никогда не опускалась ниже 87 %[20]. Кроме того, ее компактно-континентальное положение создавало *стерильную* экономическую модель — без вкраплений иных общественно-хозяйственных типов. Например, морского, особенно характерного для Греции.

Во-вторых, выраженный эгалитаризм. Крестьяне были наделены землей достаточно равномерно, вследствие чего расщепление интересов в их среде шло крайне медленно. Важно и то, что в результате радикального решения аграрного вопроса в 1835 г. они являлись собственниками своих наделов.

И, в-третьих, этническая и конфессиональная однородность. До 1912 г. Сербия являлась практически мононациональным государством; а свыше 98 % ее граждан исповедовали православную веру[21].

К этому добавим и неполную социальную структуру. Сербское общество было исторически лишено аристократической и буржуазной надстроек. В нем имелось как бы два полюса: с одной стороны, малочисленная (вышедшая из «низов») элита; с другой, однородная крестьянская масса — главный хранитель ценностей традиционного сознания. Пролетариат, как отдельная группа, также отсутствовал. На рубеже веков в стране (из более чем двух миллионов жителей) насчитывалось всего 4 тысячи «промышленных рабочих»[22].

Городские жители, доля которых в населении Сербии составляла 13 %, так и не смогли консолидироваться в мещанское сословие (т. е. стать носителями буржуазности)[*], но на протяжении всего периода независимости оставались весьма размытой категорией. «Как трудно было сказать, где

[*] По словам наблюдателя из России, «серб остается по преимуществу земледельцем и свинопасом, а если судьба выбрасывает его из обычной сферы родительского дома, то он охотнее всего обращается к чиновничьему или военному делу. Собственно мещанское сословие поэтому вполне чуждо сербскому народу» (*Вейнберг Е.* Сербия и сербы. Этнографический очерк // Образование. 1903. № 8. С. 28). Любопытно, что, если русский здесь просто констатирует факт, то западный автор стремится непременно его *оценить*: «Серб жестоко ошибается, презирая все ручные работы, кроме земледелия; если он имеет некоторое уважение к немцам, то, говорят, только потому, что они являются в города Сербии в качестве ремесленников» (*Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география. СПб, 1877. Т. 1. С. 221).

кончается сельская тропа и начинается городская улица, — указывает академик М. Экмечич, — так же мало кто мог определить, где проходит граница межу крестьянином и жителем города»[23]. То же самое отмечали и русские путешественники: «Значительная часть горожан по роду занятий мало чем отличается от поселян... Из трех горожан двое тоже живут земледелием и скотоводством»[24*]. В Пожаревце, например, в 1896 г. имелось 800 лошадей, 900 коров, 4900 свиней, 2600 овец и 250 пчелиных ульев. А в старой сербской столице Крагуевце два года спустя, на почти 14 тысяч жителей, было лишь одно фортепиано — да и оно стояло в доме переселенцев из Срема[25]. И даже Белград, по описаниям русских, производил впечатление «поселения» переходного типа: «Лачуги и чуть ли не пещеры... виднеются рядом с роскошными дворцами, а на улице зачастую можно увидеть крестьян, расположившихся обедать на асфальтовой мостовой. Мимо них проносится вагон электрического трамвая и плетется, неимоверно скрепя, крестьянская арба, запряженная волами»[26]. Кроме того, «в Белграде все почти между собою знакомы»[27], а потому двери (как в любой «большой деревне») не запираются. Мало того, «возле некоторых жилищ наружные двери открыты были настежь и подпирались опрокинутыми стульями: оказалось, что, по принятому обычаю, этим предупреждается, что никого дома нет, и чтобы гости понапрасну не трудились заходить туда!»[28]. Восклицательный знак здесь явно не случаен — он выражает степень удивления очередного русского гостя...

Специфика же самой сербской элиты состояла в том, что и она (в своем большинстве) сохраняла традиционный менталитет[**], ибо, как отмечал П. А. Кулаковский, «по своему происхождению очень близка к простому народу»[29]. Так, офицерство, которым планировалось заполнить лакуну несуществующего «третьего сословия»[30], мало чем отличалось в своем восприятии мира от рядовых — одетых в шинели *крестьян*. По словам российского военного агента В. А. Артамонова, «отношение офицеров к нижним

---

* Такое положение сохранялось вплоть до Первой мировой войны, что говорит о крайне малой «подвижности» сербского общества (см.: *Евреинов Б. П.* Статистические очерки Сербского королевства. СПб., 1903. С. 34; *Чериковер С.* I. Сербия. II. Босния и Герцеговина. М., 1910. С. 16; *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 19).

** П. А.Ровинский четко зафиксировал данный факт в своих путевых заметках: «В Сербии меня одно удивляло: везде в других странах люди, составляющие интеллигенцию, развиты непропорционально больше, чем масса; в Сербии напротив — интеллигенция... в сущности слишком мало отделяется от массы» (*Ровинский П. А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Вестник Европы. 1870. Т. 3. С. 166).

чинам отличается простотой и мягкостью, что и не удивительно, в виду крайней однородности сербского народа, отсутствия классовых различий, общности понятий, потребностей и образа жизни»[31*]. «Патриархальность, — указывает современный исследователь, — являлась основой воинской субординации»[32], которая, впрочем, имела и свою оборотную сторону: в случае провинности (т. е. нарушения *традиционных* норм поведения), сразу же следовало наказание, причем не по закону, а по обычаю, — как правило, кулаком. «Кулачную расправу с провинившимся солдатом, — писал русский военный врач в 1913 г., — мы видели в первый раз; но, по рассказам очевидцев, она применяется в сербской армии нередко, хотя сербы тщательно это скрывают...»[33].

И гражданская бюрократия не являлась исключением. «Высший чиновник, министр или член Государственного совета, — фиксировал мемуарист,− нередко сидит на лавке подле простого селяка, совершенно дружелюбно и просто разговаривает с ним, называя друг друга на "ты". При встрече и прощании они жмут друг другу руку, как равный равному»[34**].

* Схожее впечатление оставил в своих мемуарах другой русский автор: «Сербская армия поражает своей демократичностью... Часто можно было видеть офицера, танцующего вместе с солдатами. Не считается обидным быть в кафе, где за соседними столами сидят солдаты» (*Сахаров М. В.* С сербами в Скутари (впечатления). СПб., 1913. С. 14)... Добавим, что и «нижние чины» не комплексовали перед начальством. По словам очевидца, «в общественном отношении сербский солдат не подвержен никаким стеснениям. Он может бывать везде, где бывает офицер... Зачастую даже по своей деревенской привычке солдаты обращаются к офицерам на *ты*» (*Мартынов Е. И.* Сербы в войне с царем Фердинандом... С. 45, 47). Да и гражданские лица, причем не самого высокого звания, вели себя с военными запросто. Русский путешественник не смог скрыть своего удивления, когда в одном из ресторанов лицезрел, как «какой-то оборванный разносчик фамильярно трепал по плечу щеголеватого кавалерийского офицера, обедавшего с очень приличными дамами» (*Марков Е.* Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки. СПб., 1903. С. 63).

** Н. В. Максимов, русский доброволец Сербо-турецкой войны 1876 г., так описывал приезд военного министра Сербии, полковника Т. Николича, на позиции: «Военный министр казался до оригинальности простым человеком. В одном из батальонов он встретил своего земляка, простого крестьянина из родного ему округа. Николич подозвал его к себе, обнял, поцеловал и долго разговаривал с ним, причем крестьянин говорил с ним на "ты". Русских удивила подобная фамильярность отношений. Но сербы смотрели на это как на весьма обыкновенное явление...» (*Максимов Н. В.* Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн в двух частях. СПб., 1879. Ч. I. Война в Сербии. С. 159).

Даже король Петр Карагеоргиевич не выбивался за рамки традиции. «Когда его утром узнают на улице, он любит говорить с крестьянами и рабочими, — описывал непривычные для русского глаза сценки очевидец. — Летом король обыкновенно ездит на дачное место около Белграда и, если видит, что кто-то, кого он знает, уже встал и возится у себя в саду, то он часто останавливает лошадь и начинает с ним разговаривать через забор...»[35].

Показательно, что и сын его — король СХС Александр Карагеоргиевич — в эпоху, казалось бы, уже совсем иную (в конце 20-х годов), вел себя также. По словам корреспондента одной из русских эмигрантских газет, передававшего рассказ своих белградских знакомых, нередко «короля Александра, гуляющего по Белграду в сопровождении адъютанта, останавливают нищенски и грязно одетые сербы, целуют ему руку, а затем беседуют с ним о всяких своих делах и невзгодах с той же простотой, с какой они болтают со своими приятелями. Когда король хлопает своего собеседника по плечу, показывая, что пора уже закончить этот разговор, серб настойчиво продолжает держать его за пуговицу или отворот шинели, так как он не успел еще дорассказать ему всего, чем нужно поделиться с "нашим Александром", как зовут здесь монарха. А затем, снова поцелуй руки — и оба расходятся, как добрые знакомые»[36].

А вот и собственное заключение бывшего подданого русского императора: «Патриархальный быт Сербии так же мало похож на быт других европейских стран, как непринужденность и простота белградского дворца мало похожи на чопорность и холод императорских дворцов Петербурга и Берлина»[37]. Все это, повторимся, писалось на исходе третьего десятилетия XX века...

Итак, вполне очевидно, что сербское общество на рубеже веков во многом сохраняло свой патриархально-статичный характер. Предпринятая в начале 80-х годов попытка пришпорить развитие страны, причем без учета ее адаптивных возможностей, по сути захлебнулась, приведя к острому внутреннему кризису, завершившемуся отречением в 1889 г. самого Милана Обреновича. «Инстинкты массы, — отмечал современник, — все больше восставали против модернизации государства»[38]. Сумев уловить их, артикулировать и трансформировать в форму мощного политического движения, традиционалисты-радикалы смели горстку ультра-либералов. Позднее экс-монарх признавал: «Я хотел, чтобы моя страна двинулась вперед как можно скорее, и в этом ошибся»[39]. Министр просвещения и церкви в правительстве напредняков Стоян Новакович также констатировал: «Движимые самыми благими намерениями, мы желали добиться всего быстрее, чем это соответствовало природе вещей. Потому и за результаты, которых мы достигли, было заплачено слишком дорого»[40]. Что ж, как заметил

А. И. Герцен, любой «результат усваивается только вместе со всем логическим процессом»[41].

Именно поэтому печальная судьба сербских реформаторов не кажется нам неожиданной. Напротив, она объективна. Согласно емкому вердикту русского очевидца, «для претворения формул либерализма в действительность, в Сербии не хватало малого: среднего сословия, городов и городской культуры»[42]. Всего- то! Города же сербские имели мало шансов быстро превратиться в европейские центры, ибо, «пастухи и земледельцы, сербы не видят необходимости селиться в городах»[43]. И действительно, «крестьянин, убежденный селяк, поразительно равнодушен к городу. Он кончает свои сделки на окраине, запивает могарычи в ее душных кафанах и, со спокойным духом, возвращается восвояси, в глушь деревни, потерянной между гор и лесов...»[44]. Соответственно, и «городскую культуру» он воспринимал в штыки. «Крестьяне буянят на сходках: не хотим людей в пальто (т.е. городских жителей. — *А. Ш.*)», — писал очевидец в 1905 г.[45]. А радикальный официоз «Самоуправа» вообще призывал: «Село и крестьянин еще сохраняют сербскую народную мысль, и им необходимо уничтожить влияние города — этого гнезда иноземщины...»[46].

* * *

Следует подчеркнуть, что консервации традиционного сознания в сербском крестьянском социуме на протяжении периода независимости способствовали практически не менявшиеся архаичные формы и условия его существования.

Так, в экономике страны господствовало натуральное хозяйство. В 1910–1912 гг., т. е. накануне I-й Мировой войны, крестьянин тратил наличные деньги только на керосин, сахар и уплату налогов[47]. Все остальное производилось его собственными силами. При этом отсутствовал так называемый *отложенный спрос* — способность работать не ради удовлетворения насущных потребностей, но и для будущего, что являлось важнейшей особенностью западного *человека экономического*. Сами же потребности патриархального серба были крайне ограничены. По наблюдению британской путешественницы, «крестьянин не развит, его потребности настолько примитивны, что он может удовлетворить их, даже не работая в полную силу. У него нет каких-то далеких целей...»[48]. Да и по признанию самого крестьянина, «пока хватает того, чем закусить, зачем беспокоить-

ся»[49]. Действительно, зачем? Длительное пребывание под турецким владычеством и отсутствие всяких гарантий своего имущества приучили его заботиться о минимуме. Так, посетив в начале 1870-х гг. турецкую еще Боснию, один немецкий пилигрим заметил, что «сербский крестьянин не имеет там никакого стимула слишком прилежно обрабатывать свою ниву, почему он и работает лишь ровно столько, сколько ему необходимо, чтобы прокормиться и выжить»[50]. Тому же способствовал и сложившийся в условиях господства турок этос сербского православия. В совокупности с идеалами косовской мифологии, он непосредственно влиял на менталитет сербов, формируя у них своеобразную модель «мирского аскетизма»[51]. Центральная идея — о выборе князем Лазаром «царства небесного» — означала выбор пути жертвенности («за честный крест и золотую свободу») и стоического преодоления рабства, в духе христианских мучеников. Значение ценностей повседневной жизни, в рамках такой модели, отходило на второй план, поскольку «мирская аскеза» порождала социальную пассивность и равнодушное отношение ко всякому созидательному труду*. «Работать только для того, чтобы выжить, — становилось главным принципом серба, как следствие его постоянной неуверенности, войн и переселений», — резюмирует современная сербская исследовательница Радмила Радич[52]...

Примерно то же самое было и в Сербии — по традиции. «Как только семья обеспечена годовым запасом хлеба, — писал, объезжая Княжество офицер русского Генштаба, — а налоги уплачены деньгами, вырученными за продажу рогатого скота и свиней, хозяин уже не думает о дальнейшем накоплении богатства, а вместе с сыновьями проводит время в деревенской кофейне»[53]**. Само же богатство воспринималось в патриархальной и

* Данная особенность имела универсальное значение для традиционного (православного) сознания. «И в России, — пишет отечественная исследовательница, — на протяжении веков труд не был основной ценностью общества и человека, в чем проявилось влияние православной этики с ее уважением только к бескорыстному труду, который к тому же по значимости стоит ниже аскезы, молитвы, спасения, созерцания и поста» (*Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2003. С. 135).

** Известный сербский интеллектуал и политик, западник и англоман Чедомиль Миятович писал о своих земляках в британской прессе: «Комфорт для них представляет гораздо большую ценность, чем прогресс. Весьма умеренные затраты труда позволяют им жить довольно сносно, проводя вечера в сельских кафанах» (цит. по: *Markovich S.* British Perceptions of Serbia and the Balkans 1903-1906. Paris, 2000. P.161). По словам знаменитого австрийца Феликса Каница, «серб не скрывает, что любит комфорт и досуг» (*Каниц Ф.* Србиjа. Земља и становништво. Београд, 1985. Књ.1. С. 377).

православной среде совсем не так, как на Западе. «То, что у вас не считается богатством, — объяснял англичанке ее сербский собеседник, — мы называем изобилием...»[54].

Как видим, смысл всей хозяйственной деятельности сербского крестьянина можно свести к единственному понятию — *довольствоваться*, что значит: «поддерживать уровень существования, определенный социокультурно»[55]. Эта характеристика носит универсальный характер и, как таковая, органично вплетается в ткань фундаментального противоречия традиционного сознания и веберовского *духа капитализма*, с присущим последнему «трудом постоянным, неутомимым, квалифицированным»[56*].

Прав современный сербский исследователь, говоря, что «одним из главных препятствий на пути развития капитализма в Сербии был недостаток аскезы и этики труда, характерной для протестантизма...»[57].

Далее. Вопреки распространенному мнению, в Сербии отсутствовала частная собственность на землю в ее классическом виде. Из той триады, что и составляет категорию *собственность* (владение, использование, распоряжение) практически выпадало последнее звено, ибо, согласно принятому в 1873 г. «Закону о народном благосостоянии», вводился гарантированный и никем не отчуждаемый аграрный минимум, чей размер определялся количеством земли, которое крестьянин был в состоянии вспахать за шесть дней работы. Данный принцип существовал и позже. В 1907 г. радикальное правительство Н. Пашича в очередной раз продлило действие закона об аграрном минимуме, который защищал крестьянина от угрозы пауперизации, ограничивая возможность земельных спекуляций и концентрации земли в немногих отдельных руках[**]. Тем самым он затруднял распространение в Сербии капитализма и становление соответствующего ему типа мышления[58]. И в результате, как отмечал русский ученый в 1915 г., «Сербское королевство может быть названо доныне страной почти исключительно мелкого и среднего землевладения»[59].

---

* По статистике, в конце 1860-х годов средний сербский крестьянин засеивал площадь в три раза меньшую, чем европейский земледелец и в четыре раза — чем американский (*Вулетић А.* Породица у Србији средином 19. века. Београд, 2002. С. 69).

** Радикалы всегда высоко оценивали этот закон. Так, по словам Аврама Петровича, «им обеспечено само существование нашего, в основном земледельческого, народа. И следовательно, в Сербии не может быть бездомных, которых есть немало во всех других странах» (*Петровић А.* Успомене. Приредила Л. Перовић. Горњи Милановац, 1988. С. 43).

Добавим и то, что сама по себе патриархальная модель общества (согласно старой формуле: *сербский народ — сообщество равных*) не была для соратников Пашича некой самоцелью. В условиях незавершенности процесса всесербского освобождения и объединения она становилась средством и формой консолиции *сербиянцев* (сербов Королевства), поскольку малая расщепленность интересов внутри социума позволяла сохранять единство народного духа — эту важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социальное равенство, как видим, отождествлялось в глазах радикалов с национальным единением... И эта их политика в нужное время увенчалась полным успехом. Так, объясняя подоплеку всеобщего подъема, захлестнувшего Сербию после объявления I-й Балканской войны, русский корреспондент сообщал из Белграда: «В ряду причин того удивительного объединения, которое приходится наблюдать здесь, следует, разумеется, отметить и сравнительную неразвитость социальных отношений, а, следовательно, и социальных антагонизмов. Личность не успела еще выделиться из коллектива, а экономическое развитие не успело еще вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми...»[60].

Следующий момент. Мелкое крестьянское хозяйство — основа экономики Сербии — отнюдь не шло к своему упадку, как это считалось ранее, но имело немалые резервы для развития. По словам посетившего страну бельгийского ученого, «известное благосостояние есть удел каждого, и нельзя встретить той противоположности между чрезмерным избытком и крайней обездоленностью, которая так часта у нас»[61]. Равенство на уровне прожиточного минимума составляло характерную особенность сербского социума, причем, что важно, этот минимум был доступен *всем*. И, судя по описанию того же бельгийца, он был не столь уже низок: «Сербы едят мясо по одному разу в день в то время, когда они не обязаны поститься»[62*]. Вторит ему и русский доброволец: «Король Франции Генрих IV, говоривший, что он был бы счастлив, если бы последний из подданных его имел каждый день курицу, очутившись в Сербии, наверное, не знал бы, чего пожелать»[63].

* Показательно, но даже в дневной рацион заключенных входило «полфунта мяса» (см.: *Раш Г.* Србиjа и Срби. Нови Сад, 2001. С. 71, 344); солдаты же получали в день по 300 граммов мяса и 1килограмму *пшеничного* хлеба — в мирное время (*Милићевић М.* Реформа воjске Србиjе. 1897–1900. Београд, 2002. С. 92; 171), и по 400 граммов мяса и 20 сала — при участии в боевых действиях (*Мартынов Е. И.* Сербы в войне с царем Фердинандом... С. 57).

По сравнению с российским крестьянином, с его нередкими голодовками и выходами зимой «в кусочки», относительное довольство его сербского собрата очевидно. «Счастье сербов, — подчеркивал в 1870 г. П. А. Ровинский, — что их не коснулась еще язва пауперизма... Сравнительно с другими они имеют хорошую пищу и хорошо одеты»[64] . И А. А. Фет вспоминал, как в 1877 г., проезжая по своему уезду в обществе знакомого офицера, услышал от него: «Знаете ли, я только что из Сербии, для которой мы собираем вспомоществование; но я там нигде подобной нищеты не видел...»[65*]. Еще бы, ведь, по свидетельству А. Н. Хвостова, «в Сербии везде и во всем видишь полное довольство и достаток». Селяки «не испытывают и десятой доли нужды и бедствий нашего разоренного крестьянина», а жизнь их «отчасти напоминает быт наших мелкопоместных помещиков»[66]. О том же четверть века спустя сообщал и русский посланник в Белграде Н. В. Чарыков: «В этой стране... нет бедных, нищих и безземельных»[67]. Еще позднее (в 1912 г.), и снова в сравнительной степени, А. В. Амфитеатров констатировал: «Крестьянин сербский богат и патриархален»[68]. Таким образом, то, что в России для многих все еще оставалось недостижимым идеалом, в Сербии было достигнуто и стало прочной традицией.

Тем более, что сербский крестьянин, опять же не в пример русскому, жил и трудился на *подрайской землице*. «Теплый туман клубится по горам и рекам, теплый дождь мочит рыхлую, жирную землю», — с неприкрытой завистью писал Г. И. Успенский[69]. И эта «плодородная земля, — вторил соотечественник, — щедро оплачивает труд земледельца, который нигде не прилагает к ее обработке особого старания»[70]. Показательно, но именно через восприятие жизни сербов писатель пронзительно ощутил всю убогость существования русских (согласно точной формуле Ю. М. Лотмана: »*Свое* делается заметнее и значимее, отражаясь в зеркале *чужого*»[71]), особо заострив внимание на «довольно жутких условиях, в которых живет старший брат, и которые представляются здесь, в земле брата младшего, ему более жуткими...»[72]. Что ж, известный народник был абсолютно прав — так, урожайность пшеницы у сербов достигала сам-двенадцать[73]. При этом землю они почти не унаваживали[74], да и вообще «возились» на ней всего полтора-два месяца в году[75]. И это все при спо-

---

* «В этой стране, — тогда же писал один из русских добровольцев, — которую мы почему-то привыкли считать бедной страной угнетенных братьев, замечается еще та приятная особенность, что богатства и капиталы страны распределены довольно равномерно в среде ее обитателей. Богач здесь такая же редкость, как и бедняк» (*Максимов Н. В.* Две войны 1876–1878 гг... Ч.1.С. 35).

койном, неспешном труде — без «особого старания» и дедовскими методами: «В Западной Европе для молотьбы давно употребляются машины, а в Сербии даже не везде известен молотильный цеп...»[76]. Но куда торопиться и зачем осваивать нечто новое, если и так хватает, «чем закусить»?.. Наверное поэтому, в отличие от населенных соплеменниками территорий Австро-Венгрии, где того «не хватало», экономической эмиграции из собственно Сербии практически не было[77]. Опять же, зачем?

Напротив, число землевладельцев возрастало. Причем, согласно статистике и вопреки набившим оскомину заклинаниям об обнищании крестьян, размеры их парцелл росли — свободной земли в Сербии было вдоволь. «Из полей, годных к обработке, не возделывается еще и половина»[78], — отмечал русский автор*. И «часто на пространстве нескольких верст не увидишь ни одного хорошего поля, а только новины (в первый раз возделанное поле), да пустыри»[79], — вторила ему соотечественница. Как следствие этого: с 1889 по 1897 г. общее число сельских хозяев выросло с 244.591 до 293.421; при этом крестьян, имевших надел до 4,5 га стало меньше, а тех, кто владел площадью свыше этого размера, — больше. С 1895 по 1905 г. количество сербских граждан, имевших один только дом (без земли), уменьшилось с 4,58 % до 1,18 %; лиц же вообще без недвижимости — с 3,23 до 2,87 %[80]...

Главной особенностью социальной организации сербов была историческая (со времен турецкого ига) замкнутость на традиционные институты — задругу и общину, в рамках которых сформировалась особая *общинная ментальность*, продолжавшая оказывать влияние на развитие сербской государственности и в эпоху независимости. Этнолог В. Карич так определил ее суть: «Отдельный член задруги должен подчинять свою личную волю коллективной воле всех членов, которая воплощается в решениях старейшины...»[81]. Власть его, однако, не была абсолютной — обычай защищал права «задругаров» от возможного самодурства *первого среди равных*: «Старейшина, невзирая на то, молодой он или старый, всегда может быть заменен другим, если члены задруги сочтут, что такая смена целесообразна и полезна»[82]. Как видим, люди могли меняться, но сам принцип главенства и подчинения (при условии выборности) оставался незыблемым.

* Это подтверждают и данные статистики: «Еще в 1906 г. половина имеющейся в Сербии земли была необработана... Поэтому в первом десятилетии XX в. только 2 из 4,8 млн. гектаров находились во владении крестьян, а вся остальная земля была в собственности государства или общин» (*Чалић М.-Ж.* Социјална историја Србије. 1815–1941. Београд, 2004. С. 61).

Привычная схема прижилась и на уровне общин — базовых единиц, где в почти нетронутом виде, протекала жизнь сербов под турками. Их руководители (кметы) — те же старейшины, выбиравшиеся на общинных сходах и державшие перед ними ответ... А потому вполне естественным представляется тот факт, что, когда в 1804 г. перед повстанцами Белградского пашалыка встала задача возрождения сербской государственности, они обратились именно к традициям семьи (задруги), трактуя государство как многократно увеличенную ее копию. Вук Караджич, описывая избрание Карагеоргия вождем сербского восстания, очень точно уловил наличие этой генетической связи в крестьянском сознании. «Кто будет старейшина?, — вопрошали выборщики. — Ни один дом не может существовать без старейшины, а тем более народ. Вот и нам надо знать, кого спрашивать и кого слушаться...»[83].

Эпоха самостоятельного развития никак не изменила восприятие сербами своей государственности. Их взгляд на нее оставался глубоко патриархальным: государство сербский селяк по-прежнему понимал, как одну большую задругу. То же самое фиксировал и зоркий русский глаз. «Семья, — читаем в очередных записках, — служит прототипом государству...»[84]. Общинная ментальность, как видим, с лежащим в ее основе коллективизмом, экстраполировалась на весь социум в целом, что означало жесткий *примат корпорации над личностью и растворение индивидуального интереса в общем*. На всех уровнях — от семьи до государства.

На базе же этого (универсального для традиционного общества), принципа социокультурной регуляции, когда «согласование личных и общественных интересов подменяется их отождествлением»[85], формировалась и архаическая модель общинной «демократии консенсуса»[86], не терпящей диссидентства и часто превращающейся в открытый террор большинства. Ведь единогласие на сходах «не являлось результатом свободного волевого решения, но достигалось принуждением и угрозой санкций»[87], т. е. общественное мнение (в смысле — не суждение коллектива, или рассуждение вообще, но его *общая воля*) подминало под себя любой индивидуальный взгляд. Преодолеть же такую зависимость от всесилия общественного мнения индивид мог, «лишь преодолев границы самой общности, выйдя за ее пределы»[88], что в условиях аграрной Сербии, при крайне малой абсорбирующей способности городов, было вряд ли возможно. Именно отсюда и проистекала устойчивость коллективистской ментальной конструкции сербов.

В ту же модель демократии органично вписывалась и авторитарная власть *своего* руководителя, которого крестьянин знал, сам выбирал, а потому и подчинялся. Связь верхов и низов, таким образом, имела *личную*

санкцию, как в семье. По замечанию Й. Цвиича, крестьян «отличает верность патриархальному обычаю: они принимают и признают власть старейшин; более того — нередко сами предлагают им эту власть»[89]. Источником такого порядка была именно семья, члены которой, как писала русская исследовательница, «привыкают или командовать, или подчиняться, не рассуждая». Человек же, что «вечно ходит на помочах, под конец утрачивает всякую самостоятельность», поскольку «всеми его поступками, от ранней юности до смерти, руководит старейшина...»[90].

Итак, как заключил французский философ Ж.Бешлер, «община предлагает исключительно чистую транскрипцию демократических принципов». Однако, «ее институты не имеют ничего общего с теми, которые создала современная эпоха...»[91]. Все точно! В 1904 г., объезжая Королевство, британский дипломат Герберт Вивиан заметил, что сербы «еще не созрели для благодати демократии. Они должны обрести немалый опыт, зачастую весьма болезненный, чтобы встать вровень с ней»[92]. И современник-серб, но уже с пафосом совершенно иным, акцентировал внимание на разнице «между заимствованной демократией и нашей автохтонной демократичностью, которую сам наш народ и создал»[93]. Понятно, что в основе ее лежала общественно-политическая практика древней общины.

И наконец. Сербское аграрное общество в своем бытии всецело опиралось на традицию, воспринимая в качестве источника всякой деятельности *прошлое*.

Что подтверждают и русские путешественники. К примеру, П. А. Ровинский, встретившись в 1868 г. с братом видного сербского публициста Живоина Жуйовича, Марко, и заметив у него за поясом револьвер, задал вопрос: «Зачем ты, Машо, взял с собой револьвер, когда пути всего два часа и время денное?» На что был получен характерный ответ: «Так мне отец мой завещал, а ему его отец: ни шагу из дома не делать без оружия. Прежде, бывало, выедут на пашню — пистолет вечно за поясом, а у воза винтовка. Так нас турки приучили...»[94]. Заметим, что такой поведенческий стереотип сербов (быть в любой момент готовыми к вооруженному отпору) оказался крайне живучим: в октябре 1883 г., когда модернизирующаяся сербская власть пыталась изъять оружие у жителей Восточной Сербии, те ей ответили Тимокским восстанием.

Стойкость традиции и в эти, уже довольно отдаленные от П. А. Ровинского, времена сербской независимости подтверждают другие источники. Наиболее показательный из них, на наш взгляд, — это отрывок из воспоминаний Милана Стояндиновича о выступлениях знаменитого радикального демагога, ужицкого священника Милана Джурича. «Главным его ар-

гументом, — заметил премьер межвоенной Югославии, — была апелляция к прадедовским костям. Обычно он возглашал: “Прадедовские кости требуют от нас...”. Или же: “Кости наших прадедов взывают к нам из могил...”. Такой патриотический настрой его речей всегда имел большой успех»[95*]. Кстати, М.Джурича так и звали — *прадедовские кости*[96**].

Очевидный парафраз этого мотива о «прадедовских костях» и отмеченного Ровинским отсыла его собеседника к «завещанию» отца и деда, лишний раз доказывает справедливость тезиса, что одной из базовых традиционалистских установок была идея *преемственности*, т. е. «солидарности поколения живущего с поколениями умершими»[97], или «участия минувших поколений в современности»[98]. Сама же *современность* при таком подходе считалась традиционалистами «несуществующей фазой в развитии истории»[99]. Отсюда и отрицание ими всего нового...

Итак, на рубеже XIX–XX веков Сербия была единственной в своем роде страной свободных мелких собственников, мало затронутых «цивилизацией». Не случайно, уже известный нам Г. Вивиан назвал ее «раем для маленького человека»[100]. Как таковая, она являет собой почти идеальную лабораторию для исследования модернизационных процессов в традиционной среде. Их углубление действительно было связано с обретением независимости, но так ли уж гладко, а главное — органично, проходила *европеизация*, как это показано в большинстве работ сербских авторов?

* * *

Национальная историография часто трактует модернизацию Сербии как линейный процесс, синхронизируя при этом ее политический и общественный компоненты. К примеру, говоря об интересующей нас эпохе,

---

* В 1889 г., выступая в Народной скупщине, Милан Джурич предложил, чтобы на всех торжественных заседаниях депутаты появлялись в национальном платье эпохи Неманичей — «в таком, какое носили тогда на наших старых саборах» (*Терзић С.* Патријархалне црте Тајсићевог радикализма (Ранко Тајсић као посланик 1889–1892.) // Ранко Тајсић у политичком животу Србије. Зборник радова. Чачак, 1994. С. 22).

** В 1913 г., после сербских побед в Первой Балканской войне, поп Милан собрал в Ужице огромный митинг, на котором заявил: «Братья мои! Косово отмщено, отмщены прадедовские кости, мы снова видим блеск Душановой короны...» (цит. по: *Игњић С.* Народни трибун прота Милан Ђурић. Ужице, 1992. С. 169).

один из самых авторитетных сербских историков Р. Люшич утверждает: «За время правления Милана Обреновича Сербия превратилась в современное европейское государство. Она обрела независимость и увеличила территорию; возвысилась в ранг королевства и создала новую военную организацию; развила цельную систему государственных институтов в период благотворной законодательной деятельности напредняков и получила одну из самых передовых конституций, которая сделала возможным введение парламентаризма»[101]. То есть, страна, как будто, и впрямь смогла перескочить «из балканского мрака на европейский свет». Причем всего за один десяток лет!.. И в данной трактовке уважаемый коллега совсем не одинок[102].

Почему? Прежде всего, по причине, весьма характерной для отечественной историографии и отмеченной Л. В. Миловым во введении к «Великорусскому пахарю». Речь идет о стремлении «к непременной идентичности всех наших этапов развития с развитием исторического процесса в основных странах Западной Европы»[103]. Понятно, что именно отсюда вели свое начало активные поиски генезиса сербского капитализма.

Заметим, что такое «европеизирование» собственной истории — значительно большее, чем она того заслуживает, весьма свойственно и другим балканским историографиям. Особенно эта тенденция усиливается в настоящий момент, когда многие из балканцев стали вдруг едва ли не главными «европейцами». Так, директор Института истории БАН Г. Марков заявил на конференции в Москве: «Балканцы не являются европейцами "второго сорта". Демократия родилась здесь 25 веков тому назад (о сути ее мы уже упоминали. — *А. Ш.)*[*], когда другие части Европы переживали этап племенных союзов. Балканы, в зависимости от угла зрения, могут быть не только окончанием, но и на-

[*] Посетив в 1912 г. Белград и Софию, Л. Д. Троцкий констатировал: «Парламентаризм и демократия имеют в Сербии крайне примитивный характер, хотя и не столь примитивный, как в Болгарии» (*Троцкий Л. Д.* Сочинения. Т. 6 (Балканы и Балканская война). М.-Л., 1926. С. 106)... И в данной связи приведем методологически насыщенное замечание Латинки Перович, которое, несмотря на его чисто сербскую «окраску», важно для всего региона: «Суть проблемы состоит не в том, чтобы рассуждать, существовала ли в Сербии демократическая традиция, но в том, чтобы выяснить, какие модели демократии в ней присутствовали, в каком отношении между собой они находились и какое воздействие на развитие страны оказала каждая из них» (*Перовић Л.* Програми народне демократије у Србији друге половине XIX века // Токови историје. 1999. Бр.1-4. С. 93).

чалом Европы. В сущности балканские народы возвращаются сегодня не в Европу, а к забытым экономическим и политическим ценностям (??? — *А. Ш.*)»[104].

В ответ на этот, явно на грани комплекса, взгляд приведем мнение самой Европы — но не той, что стремится к превращению балканских элит в своих политических клиентов и выбрасывает из учебников по национальной истории все, что идет вразрез с ее «политкорректными» директивами. Так вот, по оценке австрийского исследователя К. Казера, «Балканы — другое, единое, и по многим аспектам сильно отличающееся от того, что зовется Европой. Однако, следует воздержаться от того, чтобы любое другое считать нецивилизованностью. Балканы всегда представляли и сегодня представляют иную цивилизацию, точнее сказать — культуру»[105]. Стократ прав сербский писатель Милорад Павич, передавший этот культурный плюрализм с емкостью целой философии устами героя: «Мое имя — Балканы, ее — Европа»[106*]. А потому, как заметил Й. Цвиич о своих земляках, «европейские институции и культура вообще воспринимаются здесь, только преломившись через призму народного духа»[107].

Последнее замечание особенно важно, ибо в случае с Сербией политическая модернизация заметно обгоняла общественную[108], что вполне объяснимо, ведь уже с 1830-х гг. она существовала как de-facto самостоятельное государство, ограниченое во внешнеполитической практике, но способное к внутреннему саморазвитию. Поэтому именно политическая история всегда рассматривалась, а нередко и сейчас расматривается (к примеру, в вышедшей недавно книге с претенциозным названием «Новая история сербского народа»[109]), как главный вектор *европеизации* страны, в отрыве от состояния менталитета общества. Все политические факторы и институты, особенно заимствованные в Европе (парламентаризм, демократия, конституционный строй), представлены как бы вне сербской социальной реальности, без учета их адаптации и преломления в ней. Потому-то в солидных монографиях порой и можно прочесть, будто «к 1888 г. сербское общество вполне созрело для введения

[*] Другой сербский интеллектуал и драматург, творивший в 1-й половине XX в., Владимир Вельмар-Янкович столь же краток и емок: «Из всех регионов Европы, Балканы — это Европа менее всего. На Балканах же, из всех христиан, менее всего Европа — это сербы и болгары...» (*Велмар-Јанковић В.* Поглед са Калемегдана. Оглед о београдском човеку. Београд, 1992. С. 82).

парламентаризма»[110], а на высоких научных форумах услышать заверения в том, что на рубеже веков Сербия «вплотную приблизилась к своим европейским образцам»[111*].

Однако, по замечанию современника-серба, «демократия, парламентаризм, гражданские свободы, прогресс и другие понятия, что составляют основу словаря нынешних балканцев, — суть слова и выражения, никак не укорененные в их мировоззрении, но будучи общепринятыми, призванные прикрыть жесткие подсознательные стереотипы, которые только и мотивируют все их действия и поступки»[112].

То же самое фиксировали и наблюдатели из России. Сначала, в начале 60-х: «Все толки о Сербии, как о стране либеральной в смысле западноевропейском, конституционном и т. д., крайне смешны и обличают непонимание ее истории и современного положения»[113]. Затем, десятилетие спустя: «Остатки туретчины и варварства сверху только покрыты лоскутами европейской цивилизации»[114]. И наконец, накануне Мировой войны: «На странах Ближнего Востока... можно во всех областях жизни проследить, как готовые европейские формы, идеи, иногда только имена, заимствуются для того, чтобы дать выражение потребностям несравненно более отсталой эпохи. Политический и идейный маскарад есть удел всех запоздалых народов...»[115]. Как видим, за вербально-европейским фасадом в мышлении балканских (и сербских) политиков могли скрываться глубоко традиционные навыки и подходы. Буква выхолащивала дух.

Следовательно, принимая универсальную терминологию за сущее, т. е. за реальную практику управления, исследователи грешат против истины, когда полагают, что с введением в Сербии институтов либерального государства (по конституции 1888 г., или при ее «переиздании» в 1903 г.) в ней автоматически сложился столь же либеральный режим — т. е. парламентская демократия европейского типа. И действительно, внешне броские, но чисто формальные, выводы о времени после 1903 г. вроде: «Динамика политической борьбы, как мотор развития, есть главный критерий парламентской демократии»[116], мало что объясняют по сути — дефицит внутренней борьбы в стране не наблюдался, увы, ни-

* М. Протич в «Новой истории сербского народа» вполне серьезно утверждает, будто после принятия конституции 1903 г. в Сербии был «почти воплощен в жизнь идеал британской демократии — двухпартийная система...» (Нова историја српског народа. Приредио Д.Батаковић. Београд-Лозана, 2000. С. 188).

когда* ... Поэтому для специалистов, более пристально (в отличие от авторов «Новой истории сербского народа») вглядывающихся в собственное прошлое и воспринимающих модернизацию, как процесс многофакторный, далеко не все столь однозначно. С полным правом они формулируют «интересную дилемму»: «Можно ли говорить, что установление демократии в Сербии в конце XIX — начале XX в. представляет автоматическое введение парламентского режима, или речь идет о начале относительно длительного процесса парламентаризиции политической жизни в Сербии?»[117]. Попытаемся в этом разобраться, хотя бы вкратце.

Для чего, при показе процесса модернизации «по-сербски» в его подлинном свете следует, думается, изменить сам подход к нему: более продуктивными в этом смысле представляются *антропологически ориентированное исследование*, во-первых[118], и объективный взгляд извне, во-вторых[119]. Важно посмотреть, что писали русские и вообще иностранцы о сербах. Ведь, как точно заметил П. А. Ровинский, «описания иностранцев часто могут открывать вещи, неизвестные туземцам, и все-

---

* Прав П. А. Кулаковский, заметивший в письме И.С.Аксакову: «Надобно признаться, что эта внутренняя борьба, по моему мнению, служит помехой для развития Сербии, не так как это бывает в Западной Европе; но сами сербы этого не признают, и напротив в этом стремлении разбиться на партии видят признаки своего роста сравнительно с другими странами» (ОР ИРЛИ. Ф. 14. Д. 189. Л. 3 (Белград, 12 февраля 1879 г.)). Три года спустя в письме тому же адресату — та же мысль: «Что меня больно поражало всегда в Сербии, это то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага» (ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 27 об. (Белград, 3 марта 1882 г.))... Данная ситуация, весьма мало напоминающая «главный критерий парламентской демократии», но связанная с тотальным дефицитом политической культуры (одного из таких критериев), мало изменилась и после 1903 г. В работах объективных исследователей эта мысль звучит предельно ясно: «Несмотря на то, что идеологических причин для острого партийного соперничества не имелось, оно продолжалось с большой ожесточенностью. У представителей партий, особенно тех из них, кто был избран депутатом скупщины, отсутствовало (кроме редких исключений) чувство ответственности при использовании свободы политического действия, которую дает парламентская система. И скоро стало ясно, что многие сербские политики просто не понимают, как применять систему, основанную на свободе и терпимости. Борьба между партиями, а равно и внутри их самих, часто велась с необузданной страстью, причем без особой разницы — шла ли речь о жизненных государственных интересах или о второстепенных вопросах» (*Вучковић В.* Унутрашње кризе у Србији и први светски рат // Историјски часопис. Београд, 1965. Књ. XIV–XV. С. 175).

гда помогают им видеть свою жизнь с той именно стороны, которая им недоступна»[120]. Интересно, что ракурс — *другие о нас* долгое время был явно недостаточно востребован в сербской историографии[121]. По всей видимости, и из-за критичности оценок, ломавших устоявшиеся мифы. Мы же используем именно его, руководствуясь при этом точной мыслью А. И. Герцена: «Народ — консерватор по инстинкту. Чем дальше народ от движения истории, тем он упорнее держится за усвоенное, знакомое. Он даже новое принимает в старых одеждах»[122]. Последнее замечание классика особенно значимо, так как позволяет лучше объяснить ту разницу между буквой и духом в традиционном понимании современных категорий: конституции, парламентаризма, власти и т. д., которая нередко ускользает от внимания историков...

* * *

Начнем с конституционного развития Сербии — главного для большинства критерия ее *европеизации*. В 1888 г. в результате острой внутренней борьбы была принята новая конституция, которая имела за образец британскую модель «чистого» парламентаризма в ее бельгийском варианте[123]. Как таковая, она существенно ограничивала прерогативы Короны; вводила принцип разделения властей, право большинства на формирование правительства, ответственность министров перед скупщиной; гарантировала права и свободы населения. После ее отмены в 1894 г. и целого ряда попыток «изобрести» новый Устав, она была возвращена в действие в июне 1903 г., когда династия Обреновичей сошла с исторической сцены. Имея в виду либеральный характер ее положений, многие авторы полагают, что период 1903–1914 гг. являлся «золотым веком» сербской демократии и парламентаризма[124]...

А между тем, правоведы подчеркивают разницу между ***нормативными*** и ***номинальными*** конституциями. Установки первых применяются на практике, вторые — служат вербальным прикрытием подлинной власти, что как раз и было типичным для балканского конституционализма XIX–XX вв. Отсюда и вопрос, поставленный Томашем Г. Масариком: «Как сделать так, чтобы мертвые слова ожили?»

Сербская конституция 1888 г. («одна из самых либеральных в Европе», как привычно ее именует национальная историография[125]) принадлежала к разряду именно *номинальных*. Такое заключение позволяет

нам сделать анализ того, как функционировали введенные ей парламентские институты в условиях Сербии, где гражданское общество еще не сложилось. Ведь как указывал А. Вебер, «там, где предпосылки отсутствуют, парламентское правление невозможно, либо, по меньшей мере, оно действует плохо»[126]. Несмотря на наличие вывески.

И действительно, уже сама процедура выборов в скупщину приводила здесь к иным, чем в Западной Европе, последствиям — в однородном и политически не структурированном обществе она не только не обеспечивала торжества плюрализма (его не было), но, напротив, закрепляла монополию единственной партии, выражавшей интересы 9/10 населения... В бытность свою на Балканах Л. Д. Троцкий справедливо подметил это «худосочие сербского парламентаризма — отсутствие резко очерченных современных классов»[127].

В сентябре 1889 г. в стране прошли первые свободные выборы. И что же? Из 117 парламентских мандатов радикалы получили 102, в результате чего в Сербии сложилось настоящее «радикальное царство»[128], т. е. открытая диктатура победившего большинства[129], — в условиях подотчетности кабинета скупщине, *все* решалось на заседаниях радикальной фракции, а дискуссии и голосования на пленумах, инициированные слабой либеральной оппозицией, превращались в формальность, поскольку не вели к компромиссу: настоящей парламентской (межпартийной) борьбы в новом сербском парламенте не было. Перед нами — идеальное воплощение того, что радикалы называли *парламентаризмом*. «Если скупщина избрана парламентским путем, — подчеркивал вице-лидер их фракции Ранко Тайсич, — и так же сформировано правительство, то решать все вопросы должно большинство, не обращая внимания на то, что думает меньшинство из десятка человек»[130]. И Стоян Протич — один из ведущих партийных идеологов — выводил идентичную «парламентскую формулу»: «Та партия, которой народ дал большинство, имеет неоспоримое (мы бы сказли, монопольное. — *А. Ш.*) право управлять страной, причем в использовании того права ее не могут ограничить ни скупщинская оппозиция, ни Корона...»[131].

В рамках такого *парламентаризма* правительство было накрепко привязано к радикальному депутатскому клубу, который de facto становился средоточием законодательной власти. «Радикальный кабинет никогда не действовал в обход клуба, но всегда искал договора и согласия с ним», — указывал Н. Пашич[132]. Все точно! Система *партийного государства* («радикального царства»), за которое с дня основания своей партии боролись радикалы[133], по определению отрицала автономное функционирование исполнительной власти[134]. Поэтому, как только между фракцией и кабинетом возникли разногласия, судьба последнего была решена — зимой

1891 г. Сава Груич подал в отставку с поста премьера... Что же касается самого депутатского клуба, то партийное руководство уделяло особое внимание его персональному составу. Среди критериев, которым должны были соответствовать выдвигаемые снизу радикальные кандидаты в парламентарии, главным был следующий: настоятельно необходимо, чтобы каждый претендент на депутатский мандат от радикалов «всегда подчинялся решениям партии и соблюдал партийную дисциплину...»[135]. Ну, а «решения партии» — суть решения Центрального комитета, который «представляет ее во всех случаях»[136]. Именно так было записано в резолюции Нишского съезда радикалов, состоявшегося в мае 1889 г.

Круг замкнулся — приводные ремни внутри радикального механизма шли не от правительства к партии, как это было принято в европейской политической практике, а наоборот: от партии (т.е. Центрального комитета) к кабинету, через парламентский депутатский клуб (фракцию). В результате Пашич, как «вечный» председатель высшего партийного органа, даже не будучи премьер-министром, прочно держал бразды правления партией и страной.

Итак, вполне очевидно, что в условиях «радикального режима» все рычаги как законодательной, так и исполнительной власти сосредотачивались в руках ЦК радикалов, который, по оценке Милана Обреновича, становился «верховной контрольной инстанцией по отношению не только к правительству, но даже и к королю»[137]. Что ж, смешение властей и объединение их под одной крышей (на манер Конвента) — это старая и хорошо известная особенность политического менталитета соратников Н. Пашича[138*].

Под прикрытием парламентских процедур, как видим, складывалась новая «абсолютная власть». Корона и другие политические организации низводились до положения ее маргинальных придатков. А потому конституция 1888 г. была обречена. Очередной раунд внутренней борьбы, развернувшейся в Сербии в 90-е годы и сопровождавшейся чередой переворотов,

* Понимание парламентаризма, как ничем не ограниченной власти большинства, рождало у них стремление вознести его и над законом. Так, радикалы села Кучево, вступаясь за своего осужденного соратника, адресовались к Пашичу: «Мы просим вас исходатайствовать у министра юстиции его помилование, поскольку он является одним из самых видных членов радикальной партии». А члены Крагуевацкого горкома всерьез полагали, что после принятия конституции 1888 г. именно их партия «несет ответственность за изменения в судебной сфере и вообще за все судебные дела» (AJ. Ф. 143. Фасцикла 4). Что ж, модель *партийного государства* по дефиниции имела мало общего с концептом *государства правового.*

подтверждает нашу мысль — стремление «оперившегося» к середине десятилетия Александра Обреновича к личному правлению (инспирированное находившимся в тени отцом*) с трудом уживалось с доктриной *ни с кем не делимой* власти радикалов.

Современник-серб имел все основания назвать конституционную практику своей страны «суррогатом европейского парламентаризма»[139]. Гораздо раньше, еще на заре сербской независимости, русский путешественник также окрестил ее «ложным конституционализмом...»[140].

После смены династий в 1903 г. документ был возвращен в силу. И что мы видим? В демократической стране с *парламентским* правлением сложилась по сути однопартийная система. «Вместо власти одного человека, — констатировал Ст. Новакович, — в Сербии, под маской демократии, установлена власть одной-единственной партии»[141], где, по словам Йована Скерлича, «существует личный режим, олигархия нескольких лидеров, которые держат в своих руках не только партию, но и страну. Подобно Людовику XIV, они могут заявить: "Сербия — это мы!"»[142]. И такая власть одной партии была добровольно поддержана сербским крестьянством. Вершителями судеб Королевства действительно стали Никола Пашич (этот, по выражению Троцкого, «абсолютный властитель Сербии») и его радикалы. «В Белграде, — продолжал будущий «соавтор» русского Октября, — все политические разговоры вертятся вокруг личности Пашича. Про короля Петра вспоминают только в исключительных случаях, да и то по чисто внешним поводам... А Пашич всегда у всех и на уме, и на языке. Он думает за всех, он знает, что нужно»[143].

---

* К данной оценке конституции 1888 г. добавим, что, настаивая на принятии ее «от корки до корки», Милан Обренович сознательно придавал ей элемент *обреченности*. «Все кричали и требовали конституционную реформу, поэтому я и даровал новую конституцию, — говорил он своему приближенному Драгутину Франасовичу. — Я хотел довести это дело до абсурда и тем самым доказать, что она не годится для Сербии...» (Цит. по: *Новаковић Ст.* Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 30). Соответственно, он четко осознавал разницу между *декларацией* и *функционированием* описанного в ней политического механизма, заметив не без скрытой иронии: «Желаем мы так или эдак, бумага все терпит, и мы пишем, что хотим, — естественно, что считаем лучшим. Но нужно посмотреть, что из всего этого получится, когда придет время практики, когда наступит реальная жизнь, когда станет реализовываться и воплощаться все то, что ныне мы сводим в стройные параграфы. Нужно подождать, и тогда мы увидим, как мы все продумали, и что нам удалось» (цит. по: *Тодоровић П.* Успомене на краља Милана / / *Тодоровић П.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. С. 219).

В традиционном обществе отношения предводителя и массы часто строятся на основе харизмы. Очевидно, что непререкаемому вождю радикалов удалось добиться этой *харизматической* степени доверия своего народа: не зря же он 25 раз возглавлял правительство, а в самые трудные, военные, годы (1912–1918) — бессменно. При этом, как заметил князь Г. Н. Трубецкой, «он так олицетворял свою Сербию, как ни один человек в Европе не олицетворял своей страны»[144].

* * *

И здесь мы подходим к вопросу об отношении сербов к своим монархам, или точнее — лидерам вообще. На данном примере особенно заметно совсем не европейское, но глубоко патриархальное, восприятие власти сербским народом.

Уже говорилось, что государство сербский крестьянин понимал как во много раз увеличенную копию своего локального сообщества. Сответственно и монарх в его глазах, по наблюдению современника, «являлся главой задруги, в отношении которого ее члены также имели некоторые права»[145]. Такой партиархальный взгляд на власть, о чем мы также упоминали, сохранялся на протяжении всей эпохи независимости; сама же власть, централизуясь и дифференцируясь, неизбежно отчуждалась от общества. И в результате — на смену традиционной авторитарности *семейного* типа приходила безликая тирания государственного аппарата. Процесс политической модернизации, таким образом, рвал узы привычной интимности в отношении низов и верхов, возводя между ними непроницаемую бюрократическую стену, что вызывало в народе открытое недовольство[146].

И если князь Милош Обренович — неграмотный и деспотичный правитель, умевший, однако, с крестьянством обходиться, ладить и даже идти навстречу в ущерб собственной бюрократии («обращение его с ним было патриархальное, доступное»[147], — как отмечали русские), имел право патетически воскликнуть: «О народ, ты моя сила!..», то его наследники, принадлежавшие к категории «просвещенных» монархов, на него уже не походили. В своей политике они мало прислушивались к бившемуся в сербской глубинке пульсу общественного бытия, полагаясь всего лишь на силу государства и рационалистических доктрин, что в традиционном обществе отнюдь не гарантировало успешного и гармоничного правления. И когда король Милан выражал недовольство своим «безумным народом»[148] за непо-

нимание и саботаж его государственных устремлений, последний через своих представителей в скупщине отвечал ему тем же, кляня за то, что «он вел страну путем чуждым и глубоко противным сербским традициям»[149*].

И последний Обренович — молодой и амбициозный Александр — не скрывал своего отношения к подданным. «Я огорчен и разочарован, — говорил он, — с этими чертовыми крестьянами ничего нельзя сделать»[150]. Неудивительно, что народ возненавидел его столь же единодушно, как и родителя[151]... Конец династии был по-балкански жесток. И нам не кажется это случайным, ведь, как прозорливо заметил еще задолго до ее трагедии побывавший в Сербии бельгийский ученый, «в стране, где любовь к свободе есть глубокое и общее чувство, государь не может управлять долгое время при помощи силы, не обращая внимания на нелюбовь народа»[152].

Вступивший на сербский престол Петр Карагеоргиевич был человеком иного склада. 60-летний, умудренный эмиграцией вдовец, он старался править строго в рамках восстановленной конституции. Но временами делал ошибки и, в частности, ссорился с премьер-министром Н. Пашичем. За что однажды от свего близкого друга, уже известного нам М. Джурича, получил характерную отповедь: «Если ты, государь, думаешь, что, в случае выбора между тобой и Николой, народ выберет тебя, то ты глубоко ошибаешься»[153].

Это весьма фамильярное и к тому же содержащее в себе скрытую угрозу, предостережение емко выразило отношение сербов к власти. Очевидно, что оно характеризовалось отсутствием *сакрализации* монарха**,

---

* Бельгийский ученый-экономист Э. Лавелэ, ознакомившись с положением дел в Сербии, также констатировал, что правительство, «насильственно толкает народ на путь, который он не считает своим» (*Лавелэ Э. де.* Балканский полуостров. М., 1889. Ч. 2. С. 27).

** Так, предпринятая экс-королем Миланом попытка искусственно поднять авторитет дома Обреновичей до уровня «святости» провалилась. В «Письме из Белграда», опубликованном в русской печати летом 1899 г., читаем: «Вернулся в Сербию Милан (в 1897 г. — *А. Ш.*) и был назначен на специально созданную для него должность высшего начальника активной армии... Вслед за этим был провозглашен "Великим" первый князь из рода Обреновичей и установлен в память его особый орден "Милоша Великого", который должен быть жалуем специально за преданность династии Обреновичей. Но этого еще мало: начата была пропаганда в субсидируемой правительством газете о провозглашении князя Михаила Обреновича (убитого в 1868 г. — *А. Ш.*) "Святым Великомученником Сербским". Надо сказать по правде, мы вообще не очень религиозны, но подобная вещь даже у нас вызвала, с одной стороны, смех, с другой — прямо-таки взрыв негодования» (*К.* Письмо из Белграда // С.-Петербургские ведомости. № 186. 11 июля 1899 г.).

который, согласно традиционным представлениям (как глава семьи), должен быть всего лишь *первым среди равных*, а не возноситься на недостижимую высоту, изолируясь от общества. За венценосцем, таким образом, принавалось *первенство*, но не *превосходство*. «У нас нет вековой монархической традиции, — подчеркивал в парламенте один из депутатов, — а потому и монархическое чувство, какое присутствует в других государствах, у нас не развито»[154]. Все точно. Дистанции между подданными и монархом, в отличие, скажем, от России, в Сербии не существовало. Как вспоминал воевода Живоин Мишич, во время отступления сербской армии осенью 1914 г. он отговаривал короля Петра от посещения боевых частей: «Солдаты ворчат, и дело закончится тем, что они просто обматерят и меня, и Вас»*. А ставший вскоре знаменитым, Джон Рид оставил свидетельство о встрече с одним сербским кучером, который после сменившей это отступление блестящей победы назвал своих лучших лошадей — Воевода Мишич и Король Петр[155]. Такой вот «простой» крестьянский юмор!

Добавим к этому и длительное соперничество двух сербских династий за верховную власть, что также не способствовало укреплению «монархического чувства». «Почти столетняя борьба Обреновичей с Карагеоргиевичами, — писал Л. Д. Троцкий, — представляющая цепь интриг с кровавыми финалами, весьма мало была способна укрепить фундамент сербской монархии...»[156]. После же 29 мая 1903 г., когда, по выражению вождя напредняков Павла Маринковича, «вся Сербия видела, как король (каким бы он ни был) вылетел вниз головой в окно, с неприкосновенностью и престижем монарха было вообще покончено»[157]. «По нашим понятиям, — вторил ему лидер либералов Война Велькович, — в занятии королем Петром престола столько же божественного права, сколько в занятии господином Пашичем премьерского кресла...»[158].

Итак, отношение сербов к своим суверенам было весьма *приземленным* — все мы, мол, родом из одного корня (феномен национальных, кре-

* В 1898 г. король Александр Обренович, в рамках личного режима, решил было взять в свои руки и назначениее глав общин (кметов), которые ранее избирались населением. Пригласив премьера Владана Джорджевича, он сообщил тому о своем намерении. На что премьер ответил: «Не следует этого делать, государь! Наш народ любит материть своих кметов, он будет материть и того, кто их назначил...». «Тогда назначайте их вы», — нашел выход из ситуации король (цит. по: *Јовановић-Стојимировић М.* Доктор Владан // *Јовановић-Стојимировић М.* Силуете старог Београда. Београд, 1987. Књ.2. С. 96).

стьянских по происхождению, не укорененных в прошлое и изначально выборных династий).

Вследствие этого, авторитет и доверие, в случае отсутствия их у правителя, могли переноситься и на популярного политика, который вписывался в патриархальные представления о власти. Высшим авторитетом, таким образом, наделялись не корона или трон, которые в сознании сербского крестьянина никогда не связывались с *помазанничеством Божьим*, а конкретный человек. В сравнении с королем Петром таким человеком и оказался Пашич, который со временем все больше становился персонификацией сербского радикализма — этого по выражению современника, настоящего «народного верую»[159].

Последний русский посланник при сербском дворе князь Г. Н. Трубецкой оставил весьма наглядную зарисовку его деятельности: «Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела... Остальные члены кабинета были много моложе Пашича, который смотрел на них как на молодых людей, говорил им "ты" и звал по уменьшительному имени. Это было вполне в нравах патриархальной Сербии... Он правил страной наподобие сельского старосты в большом, но малоустроенном селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранить политическое соперничество. Всего более напоминал он мне сельского старосту в своих отношениях с богатой помещицей Россией. Он знал, что помещица может наехать, рассердиться и накричать, а он молча потрет себе бороду, а потом еще выхлопочет своему селу и деньжонок, и леску на хозяйство»[160].

Корреспондент «Нового времени» также вспоминал (в 1916 г.): «В январе прошлого года я посетил Ниш и был принят главой сербского правительства... Нечего, конечно, говорить о той популярности и любви, которыми пользуется в стране этот выдающийся государственный деятель. К нему идут, как к отцу, и двери его кабинета открыты для всех. Он не только глава правительства, но он друг, с которым советуются обо всем, к голосу которого прислушиваются»[161].

Такая власть *своего* старосты (или же «отца») вполне устраивала сербского селяка, который даже в самые тяжелые для него дни фаталистически замечал: «Байя знает, что делает», а значит — все образуется...

В свое время Макс Вебер выделил важнейший критерий «харизматического типа господства» — он опирается на «*личные* отношения между господином и подчиненным», противостоя «формально-рационально-

му типу господства, как *безличному*»[162]. Случай с Пашичем наглядно доказывает оправданность данной констатации*.

Национальное согласие, таким образом, вызревало в Сербии после 1903 г. на базе *традиционных* понятий о власти, которые, помимо всего прочего, требовали соблюдения скорее обычая, чем закона. Действительно, длительное проживание в локальных сообществах, где все друг друга знали, вело к тому, что общественная дисциплина базировалась опять-таки на личностных, а не формальных принципах. Поэтому, ощущение долга к своему ближайшему кругу (родственников, друзей, земляков), как того требовал древний обычай, часто превалировало у сербов над общегражданской ответственностью, закрепленной законом. Добавим и разницу в восприятии права и справедливости, присущую сербам, которые «часто считают неправедным даже *точное* исполнение закона, так как оно не учитывает конкретные обстоятельства во всяком отдельном случае»[163]. Формальная процедура убивала в их глазах человечность.

Впрочем, этот подход был характерен для традиционного сознания вообще. В частности, В. А. Гиляровский с точностью формулы вывел его в своих русских типах: «Жалости подобно! Оно хоть и по закону, да не по

* В 1901 г., как известно, Народная радикальная партия раскололась на две фракции: старорадикалов — сторонников Н. Пашича, и младорадикалов — так называемую Независимую радикальную партию. И в данной связи показателен отрывок из дневника Йована Жуйовича, в котором рядовые независимцы дают оценки своим лидерам и Пашичу: «Хотели бы командовать, но мы им не рабы. Мы их выбираем, а не они нас. У шефа нет терпения. Не желает слышать никакой критики. Пашич же терпит все. Он посещает партийные сборы и вечеринки. Однажды в Нише он был на таком сборе и услышал, что тот не хочет выдвигать его в депутаты парламента. Ночью он достал две пачки червонцев, и на другой день Станко Петрович (местный партийный лидер. — *А. Ш.*) провозгласил его на сборе кандидатом... Нам не нужны литераторы и ученые (имеется в виду, в руководстве партии. — *А. Ш.*)» (*Жујовић Ј.* Дневник. Приредио Д. Тодоровић. Београд, 1986. Књ.1. С. 221)... А в 1913 г., во время Второй Балканской войны, русский военный корреспондент встретил на одной из железнодорожных станций поезд Пашича, направлявшегося в Скопье. По его словам, тот «вышел на платформу и был тотчас же окружен толпой поселян, с коими он дружески поздоровался за руку и которые начали его расспрашивать о положении дел» (*Мартынов Е. И.* Сербы в войне с царем Фердинандом... С. 30-31).

совести!»[164*]. Схожий пример противопоставления русским человеком юриспруденции и моральных принципов мы наблюдаем и в «Капитанской дочке»: на вопрос Екатерины II о мотивах ее приезда в столицу, Маша Миронова отвечает: «Я приехала просить милости, а не правосудия...»[165].

Новая сербская власть также далеко не всегда четко следовала «законной процедуре». По признанию современника, «у нас тогда была счастливая эпоха — никто не выступал против конституции, но и не особенно-то взыскивалось за нарушение закона. До самой смерти Пашича, когда наступил закат той великой эпохи, случаи беззакония в нашей стране были нередки, однако оно никогда не становилось системой...»[166]. И еще одно наблюдение о той «счастливой эпохе», на сей раз — русского корреспондента: «Сербский поселянин исполнен чувства собственного достоинства и держит себя хозяином в своей стране. Вообще, выражаясь по-русски, Сербия — это настоящее мужицкое царство»[167**].

С Николой Пашичем у власти, добавим от себя.

* * *

Говоря о степени модернизации сербского «мужицкого царства» на рубеже веков, следует, на наш взгляд, обратить внимание еще на одну важную сторону данного процесса, а именно: на развитие школьного дела.

---

* Обращаясь в мае 1875 г. к Милану Обреновичу, священник Никола Крупежевич писал: «Народ видит, что многочисленные параграфы и формальности уже задушили справедливость, а без нее невозможны существование и прогресс общества. "На справедливости держится страна", — говорит народ. Вот мы и хотим, чтобы наши суды были реформированы в духе общинного самоуправления, дабы народ мог легче, дешевле и *без адвокатов* (выделено в оригинале. — *А. Ш.*) добиваться правды» (Радикална странка у Србији пре Тимочке буне према архивској грађи из збирке музеја у Смедереву. Приредио Л. Павловић. Смедерево, 1984. С. 147).

** Наблюдая за работой сербской скупщины (парламента), А. В. Амфитеатров заключил: «Мужицкая дума — эта скупщина, и тем сильнее ее впечатление. Крестьянский съезд в Москве — больше всего похож на сербский парламент» (*Амфитеатров А. В.* Славянское горе. М., б/г. (1912). С. 204)... В. В. Водовозов обратил внимание на другой важный аспект функционирования государственной машины: «Вообще, налоговая система в Сербии далеко не является буржуазной в той мере, как в государствах Западной Европы. Напротив, она приспособляется к интересам крестьянства, которое господствует в скупщине и даже в правительстве» (*Водовозов В. В.* На Балканах. Статьи. Путевые очерки. Пг., 1917. С. 75).

Школа, как институт, или источник *реального* знания. Спрашивается, насколько тождественны эти ее ипостаси (существенная и формальная) в условиях Сербии того времени?

Известно, что в 1882 г. министр просвещения Ст.Новакович издал закон о введении обязательного школького обучения «для каждый ребенка, живущего в Сербии». По своим целям, да еще в патриархальной стране, закон был крайне амбициозен, почему и предусматривал некоторый переходный период. Сроком его окончательного применения был определен 1890 г. И что мы видим в этом году? Количество охваченных школой детей не дотянуло и до половины всех, кто достиг школьного возраста. Число же грамотных вообще составило чуть более 14 %. Десять лет спустя оно едва-едва перевалило за 21 %[168], а к 1910 г. не достигло даже 30 %[169]... Данные цифры, откровенно говоря, не впечатляют, особенно если иметь в виду, что закон об обязательном начальном образовании (в редакциях 1897 и 1904 гг.) действовал постоянно. В чем же тут дело?

Нам думается, что, наряду с объективными обстоятельствами (нехваткой школьных зданий, учителей и т. д.), главную причину медленного роста уровня грамотности в указанный период следует искать в отношении самого сербского крестьянина к просвещению — насколько знание являлось для него жизненной ценностью и внутренней потребностью?

Снова прибегнем к помощи отечественных авторов. Фиксируя формальную сторону — «число первоначальных школ в Сербии в последнее время начинает увеличиваться», — они обращали внимание и на суть дела: «При обучении в первоначальных школах правительство мало соображается с нуждами народа, его нравами и условиями жизни. Сербский народ вовсе не против просвещения, но в своих школах он не находит того, что требует. Детей не обучают ни рукоделиям, ни ремеслам; мало того, родители замечают, что их дети, окончив курс в первоначальной школе, очень часто отказываются от простой работы. Серб, будучи по природе человеком в высшей степени практическим, находит излишним посылать в школы своих детей, которые в школьный возраст нужны ему для присмотра за скотиной и для всевозможных услут в хозяйстве. Хотя обучение в этой стране обязательно и бесплатно, но сербские поселяне всеми правдами и неправдами стараются удерживать своих детей дома, и вследствие этого много сербов остается безграмотными»[170].

О чем свидетельствует данный пассаж? О нескольких вещах. Во-первых, в патриархальной Сербии мотивация для получения образования еще не созрела. Традиционный образ жизни предполагал, что большинство детей проследует по ней путем родителей, наследуя их занятия и обычаи.

Для чего «домашнее воспитание» (т. е. «присмотр за скотиной» и др.) было куда важнее полученного на стороне абстрактного знания. В свое время мать Еврема Груича — одного из зачинателей либерального движения в Сербии — пыталась отговорить мужа от идеи отдать его в школу: «Оставь его. Твои родители тоже не знали грамоты и ничего, жили неплохо...»[171]. Все точно: «Зафиксированная и аккумулированная в бесписьменной народной культуре, хранимая в живой памяти и передаваемая механизмами неукоснительных традиций, ограниченная совокупность знаний и навыков вполне обеспечивала хозяйственный процесс»[172]. И следовательно, как с полным правом заключает современная исследовательница, «представления о значении просвещения у большинства крестьян были весьма туманными...»[173]. Данный вывод, кстати, подтверждает и немалый процент детей, поступивших, но не закончивших начальную школу: за период с 1876 до 1910 г. ее бросило 20 % учеников, т. е. каждый пятый из них[174].

Во-вторых, знание, полученное в школе, для многих действительно было абстрактным, поскольку «мало сообразжалось с нуждами народа, его нравами и условиями жизни». Как таковое (невостребованное), оно не стало повседневной необходимостью, что, в свою очередь, не могло не влиять на судьбу *формально* грамотных людей, назовем это так.

И откроем мемуары одного из редких образованных сербов — по должности окружного врача. «Нет лучшего школьного ревизора, — писал он на исходе XIX в., — чем окружной или срезский (уездный. — *А. Ш.*) врач, так как у него есть возможность при призыве в армию видеть тех детей, которые десять лет назад посещали школу. В селе, где школа существует 30 лет, и где почти все прошли через нее, при призыве в армию оказалось, что из 40 бывших учеников только двое умеют читать и писать; 15 человек не умеют писать, но кое-как читают, а остальные и не читают, и не пишут. В том, что эти дети, по окончании школы, уходят в горы пасти скот и никогда больше не берут книгу в руки, виноваты не учителя. Просто у нас никто не желал об этом думать — ни одно правительство не предложило лекарства от болезни. И какой смысл в том, что такие большие деньги тратятся на учителей и школы, если в действительности народ не имеет от них никакой пользы, ибо те, кто после сельской школы решает продолжить занятия, идут в чиновники, священники или становятся сельскими писарями — остальные дети забывают все». И далее звучит уже знакомый мотив: «Крестьяне бы и хотели иметь школу в каждом селе, но при том условии, чтобы власть не требовала от них, что она должна быть по единому плану»[175].

Полтора десятилетия спустя (в 1908 г.) члены Шумадийского учительского общества, опрашивая в окрестностях Крагуевца крестьянскую молодежь, десять лет назад окончившую начальную школу, были вынуждены констатировать, что «у огромного большинства парней и девушек исчезло почти все полученное в школе знание, а многие из них вообще разучились читать и писать! Многие из них за время, прошедшее после школы, не написали ни единого слова и ничего не прочли!»[176]. Но уже то, что «они были в состоянии, мучительно и обливаясь потом, вывести свой автограф, — как замечает современный автор, — относило многих из них к категории грамотных»[177]. Таковы были критерии...

Итак, несмотря на общее число закончивших школу, *реально* грамотных людей в Сербии было намного меньше, что подтверждает всю относительность формальной стороны (статистики). Как и в случае с парламентаризмом, между de-jure и de-facto в школьном деле образовался зазор — *абстрактное* знание со временем выветривалось, не получая возможности адекватного использования в жизни, ибо традиционное общество не поощряло новаций («предшествующее стало нормой для последующего»[178])... И в этой связи приведем показательный образчик присущего ему типа мышления, который в полном блеске проявился во время парламентских дебатов об открытии Высшей женской школы в 1879 г.

Оппонируя правительству, поставившему вопрос о школе, будущий вождь сербских радикалов Н. Пашич утверждал, что «предметы, которые предлагается в ней преподавать, не отвечают народным потребностям и тому, что народ вообще от нее ждет»[179]. Что бы это значило? Послушаем депутатов из крестьян. Не выступая в принципе против просвещения, они выражали сомнение в том, что, обучаясь в Высшей женской школе, женщина вряд ли сможет подготовить себя к главной роли — хозяйки и матери. Подчеркивалось, что «от такой школы больше веет духом аристократии и барства, чем духом труда, и это в то время, когда нам и нашей стране необходимы хозяйки, хорошие супруги и матери, а не фальшивые баре и аристократы». Все эти заявления делались в русле жестких филиппик против эмансипации, «которая должна иметь свои границы»[180]. И так далее... От себя добавим, что так размышляли не обычные селяки, а депутаты скупщины — эта, своего рода, крестьянская элита, умевшая в основном читать и писать.

Таким образом, даже из приведенных высказываний следует, что одна лишь голая форма, и, в частности, — принятые законы об обязательном образованиии, наличие почти в каждом селе школы, нередко только недавно

отстроенной, что не раз восхищало заезжих русских*, автоматически не является свидетельством успешной модернизации**. Немалые по мерам Сербии вложения в просвещение (в начале XX в. на него тратилось 5,5 % средств из бюджета, в отличие, скажем, от МВД, получавшего «лишь» 3,7 %[181]), ко-

* Проезжая через село Жича, что расположено неподалеку от знаменитого одноименного монастыря, известный русский педагог Е. Л. Марков восторгался: «Два превосходные, с иголочки новые, каменные дома — народные школы: одна в 9 больших окон для мальчиков, другая в 6 — для девочек. Даже верить не хочется, что эти дворцы своего рода, действительно, построены для деревенских ребятишек. Это уже чисто по-американски, а не по-славянски» (*Марков Е.* Путешествие по Сербии и Черногории... С. 66).

** Крайне показательную в этой связи (и практически идентичную) тенденцию мы видим и в области сербского здравоохранения. Консультант русского Красного Креста во время Сербо-турецкой войны 1876 г., будущий профессор Военно-Хирургической Академии, С. П. Коломнин писал о своих «пациентах»: «Мы встретились с народом, не привыкшим лечиться и поэтому не придававшим лечению большого значения; в особенности была для него чужда оперативная помощь. *До войны в каждом из 17-ти округов княжества существовала небольшая больница, но жители неохотно обращались туда за помощью, так что эти больницы пользовались скорее официальным, чем действительным значением* (выделено нами. — *А. Ш.*). У народа не было почти никакого понятия о хирургическом лечении, потому что в Сербии слишком мало хирургов, а с другой стороны, он редко видел травматические повреждения, вследствие отсутствия механических и всяких других заводов. Наступила война, и этот бедный народ стал платиться массой огнестрельных ран. Чуждые для него люди, русские доктора, взялись за лечение, стали накладывать гипсовые повязки, предлагать ампутации и проч. Эти “войники”, послушные как маленькие дети, охотно и вежливо переносили извлечение пуль, “перевивание”, то есть перевязку ран, глубоко убежденные в душе, что вся эта процедура (кроме разве извлечения пуль) излишняя, и что раны не хуже заросли бы и без нашей помощи, если бы раненых распустили по домам. Когда же доктора стали говорить об ампутациях, народ не хотел верить доводам; а при настойчивых увещеваниях, стали слышаться ответы: “Не смей не только говорить, не смей и думать о том, чтоб отсечь мне ногу!” Они страшно платились за свою непривычку к хирургической помощи. Пролежав некоторое время в лазаретах, несколько привыкнув к нам, раненые охотнее соглашались на операции, но все-таки сохраняли непреодолимую боязнь к отнятиям членов. ‘Лучше смерть, чем сечь!” — и умирали; другие соглашались, но поздно, и вредили себе тем, что уменьшали проволочкой шансы на благоприятный исход после операции... Австрийские сербы (из них многие были дезертиры австрийских войск) и русские добровольцы гораздо охотнее соглашались на все операции, так что боязнь сербов можно объяснить единственно их непривычкой к оперативной помощи...» (*Коломнин С.* Общий медицинский очерк Сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. СПб., 1877. С. 8–9).

торых в конечном итоге все равно не хватало, часто прокручивались вхолостую; соответственно и результаты крайне амбициозных школьных реформ были весьма скромны: очевидно, что сербские власти не преуспели даже в *реальном* «ликбезе», не говоря уж о возможности с помощью школы влиять на сознание всего общества. Иными словами, «все, что устраивает сербское правительство, обходится ему дороже, чем где бы то ни было, и к тому же все устроенное им обыкновенно не достигает своей цели»[182]. Глубинные причины этого феномена заслуживают, на наш взгляд, отдельного исследования...

* * *

В непосредственной связи со школой и обучением находилось воспитание детей, каковое в условиях сербского традиционного общества тоже имело свою специфику. Мы уже упоминали, что одной из центральных традиционалистских установок была идея «участия минувших поколений в современности». Так вот, особо наглядно такое *участие* проявлялось в подходе родителей к воспитанию, когда, по наблюдению П. А. Ровинского, отцы заставляют своих чад «выучивать в виде катехизиса историю падения сербского царства на Косовом поле, причем делают такие выводы, что Милошу Обиличу — на вечные времена слава, Вуку Бранковичу — проклятие, а турку и швабу нужно посечь головы»[183*].

Образованные сербы, признавая явный перекос «героического» воспитания, тем не менее объясняли его необходимость: «Видите, в каком мы положении: мы должны из наших детей готовить вместо гуманных граждан — диких солдат, потому что нам еще грозит война с турками и борьба с варварами, с которыми нужно мериться тем же оружием, каким и они пользуются против нас»[184]. Этот мотив грядущей войны и необходимости подготовки к ней с самого «нежного» возраста тиражировался на всех уровнях. Так, уже известный нам прота Милан Джурич с парламен-

---

* С течением времени в данной системе воспитания мало что изменилось. Спустя почти полвека после путешествия Ровинского другой русский автор констатировал: «Когда старый дед учит внука владеть саблей или кинжалом, тогда жилище серба наполняется избытком высокого наслаждения и удовольствия... Преемственно, от поколения к поколению, передаются имена освободителей народа от турецкого ига, и в честь их слагаются песни» (*Кожухов А. Н.* Сербия и сербы. Каменец-Подольск, 1915. С. 12).

тской трибуны требовал от учителей так воспитывать детей, «чтобы они знали заветную мысль (об освобождении и объединении сербства. — *А.Ш.*), знали о косовских героях, ... и в будущем, став гражданами, отомстили бы за Косово и создали Великую Сербию». Или другой его пассаж: «Мать пасет овец или жнет ячмень и пшеницу, но при этом поет сыну песню и готовит его к отмщению Косова»[185].

Как видим, *юнацкое* (героическое) начало закладывалось в сербских детей с младых ногтей, что не могло не сказаться на формировании их мироощущения, каковое всегда оставалось сугубо конфронтационным в рамках оппозиции *свой — чужой*. И даже когда *чужие* менялись, т. е. когда к туркам добавились соседи из-за Савы и Дуная (что произошло после 1878 г.), отношение к ним оставалось столь же жестким и одномерным. В «Катехизисе для сербского народа» читаем: «Кто неприятель сербов? — Самый главный враг сербов — Австрия... Что нужно делать? — Ненавидеть Австрию, как своего самого главного врага... Кто друг сербов и Сербии? — Единственный искренний и надежный друг сербов, который был и есть: великая и мощная Россия. — В чем долг каждого серба? — Любить свое отечество и монарха и умирать за них, уважать своих друзей и ненавидеть врагов...»[186].

Данный подход проявляет себя особенно контрастно в сравнении с другим типом мышления. Иллюстрации ради, приведем разговор известного сербского врача, литератора и политика Владана Джорджевича (воспитанного в Европе и отнюдь не фанатика-радикала вроде проты Джурича) с чешским национальным деятелем Ладиславом Ф. Ригером. На замечание Ригера о том, что «австрийское ярмо становится для чешского народа слишком тяжелым», собеседник задал ему естественный для *всякого* серба вопрос: «Почему же тогда чешский народ не сбросит его?». На что был получен характерный ответ: «Народ, у которого почти в каждом втором доме стоит пианино, не поднимает революций...»[187]. Перед нами — два наглядных проявления двух систем мышления*, названных Ю. М. Лотманом бинарной и

---

* Прошли десятилетия, но в мышлении одних и других опять же ничего не изменилось. В начале рокового 1914 г. оказавшийся в сербской столице русский турист писал: «Белград делает сейчас заем в 40 миллионов франков, из которых 20 миллионов предназначено на постройку общественных зданий... Многие находят, что для Белграда это расход чрезмерный», утверждая, «что украшать город хорошо, ... но, что пушки, пожалуй, надежнее. Не лучше ли иметь лишних 20 скорострельных пушек, чем построить один дом». В ответ на это, гость вспомнил о своей встрече с мэром города Праги, «когда он показывал народный банк, который обошелся чуть ли не

тернарной. Вторая «стремится приспособить идеал к реальности», тогда как первая — «осуществить на практике неосуществимый идеал»[188].

Кстати, о фортепиано. Мы уже говорили, что в 1898 г. (спустя двадцать лет после диалога В.Джорджевича и Ригера) в старой сербской столице Крагуеваце имелось одно-единственное пианино, принадлежавшее переселенцам из Срема. Музыкальные запросы сербов из Королевства были иными: героические песни, исполняемые на гуслях, помогали им усиливать «участие минувших поколений в современности». П. А. Ровинский так описал финал исполнения одной из таких песен: «А когда дело дошло до Вука Бранковича, что выдал царя на Косове, и пропел ему певец: "Проклят будь и род его, и племя," — "проклят!", крикнули тут все и повскочили с мест, как будто бы ища изменника, предавшего сербство»[189].

Завершая свои путевые записки о Сербии, Павел Аполлонович отметил, что страна произвела на него «впечатление какого-то полувоенного лагеря», что все в ней «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то, что вся она живет *накануне*, вся в каком-то воинственном настроении»[190]. В результате, резюмировал он, «во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами», ибо «на такой почве трудно ожидать, чтоб могли пустить глубокие корни гуманизм и гражданственность»[191].

И, действительно, коллективный портрет серба второй половины XIX — начала XX в. вполне можно было бы подписать: Homo Militans[192] — т. е. «человек вечной войны», как его называли русские очевидцы[193], и что вообще было характерно для пограничных регионов, каковым издавна являлись Балканы[194]...

Но когда настала пора решающих столкновений — во имя *отмщения Косова,* — сербы (словно доказывая мысль В. О. Ключевского, что «цементирующая сила — традиция и цель»[195]), *все, как один,* пошли в бой, да так, что видавшие виды русские дивились: «Здесь узловой пункт. Нет шума, нет пьяных, нет плачущих женщин. Вообще ничего похожего на наши родные

в четыре миллиона франков. Я спросил, как может маленькая Чехия возводить такие дворцы, которые считались бы роскошью даже в России или во Франции. Он ответил, что положение России и Чехии несравнимо... Чешский крестьянин знает, что он окружен со всех сторон немцами, которые хотят задавить его самосознание, ему тяжело, его надо подбодрить. Вот и строятся дворцы для обслуживания народных нужд, чтобы показать народу его силу и мощь его единения. Каждая такая постройка есть новая крепость, она придает крестьянину веру в самого себя, в свои силы и укрепляет его дух» (*Комаров Г. В.* В Белград на Пасху. СПб., 1914. С. 7).

картины при отправке на войну запасных»*. И в глазах провожающей сына матери «ни единой слезинки». В них только одно: «Напред, сине, с Богом!»[196**].

Как и несколько лет спустя, во время I-ой Мировой войны, только сербская женщина, думается, могла написать сыну, оказавшемуся в австрийском плену: «Я все думаю, что, если тебя все-таки пленили, то ты, наверное, был ранен и не мог защищаться. Но, сынок, если ты сдался сам и при этом даже не был ранен, домой не возвращайся. Ты осрамил бы наше село, которое положило на алтарь отечества жизнь восьмидесяти трех героев из ста двадцати, сколько их всего призвали в армию. Твой брат Милан погиб у Рудника. Должно быть, он был счастлив, когда видел, как его старый король стреляет из первых шеренг...»[197].

В заключение сошлемся на суждение Л. В. Кузьмичевой, которая с полным правом замечает, что «...неопределенность сроков решения задач расширения государственных границ (и *постоянная* готовность к тому. — *А. Ш.*) — это один из главных тормозов движения Сербии по пути европеизации и модернизации внутригосударственной жизни»[198***].

---

* Другой русский наблюдатель зафиксировал то же самое: «На всех станциях было много резервистов, отправляющихся на пополнение войск, а также попадались солдаты, вылечившиеся от ран... Настроение у всех было очень бодрое, а главное совершенно спокойное, как будто они ехали на самое обычное дело. Провожающие родственники также не обнаруживали никаких внешних проявлений горя в виде плача, криков и причитаний» (*Мартынов Е. И.* Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца... С. 28).

** В 1912 г. супруга российского посланника в Сербии Н. Г. Гартвига сообщала из Белграда в Москву: «Только что хоронили чиновника министерства иностранных дел Ковачевича, тело которого привезли в кусках из-под Куманова. Старик-отец перед прощанием обратился к сыну со словами: "Прощай, юнак, ты видишь, я не плачу, ступай с миром к престолу Всевышнего и скажи царям Душану и Лазарю, что Косово поле освобождено...". Это был единственный сын старика» (Центральный Исторический Архив Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 31; *Козлов В. Ф.* Москва — Сербии. Из истории русско-сербских связей XVII — начала XX в. М., 2001. С. 51).

*** Наиболее проницательным наблюдателям «со стороны» такой диагноз был ясен сразу. В октябре 1880 г. П. А.Кулаковский делился с Ап. А. Майковым: «"Царство Душана не дает сербам спать", — недавно где-то я читал, и это правда: не было бы вредно, если бы этим историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им не подходящую, заставляет их обманывать и нас, и себя, заставляет их больше мечтать и меньше делать... Как хотите, но это печально в том государстве, которое находится в таком трудном положении как Сербия, которое должно прежде всего воспитывать характеры деловые и людей, работающих здраво и аккуратно...» (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Лл. 8–8 об.).

* * *

Кстати говоря, во время Мировой войны патриархальный характер сербов проявился особенно ярко, что не могло не отразиться в заметках очевидцев из-за границы. Так, российский посланник князь Г. Н. Трубецкой застал в 1915 г. в стране тот же социальный расклад, что солидарно фиксировали известные нам авторы десять, двадцать и пятьдесят лет назад. «В Сербии не было социальной борьбы, — писал он, — которой могло бы обусловиться классовое неравенство и борьба за классовые интересы. Народ селяков, со слаборазвитой городской культурой, сербы все были демократами»[199]. И Джон Рид, побывавший тогда же в Нише (временной столице Королевства), констатировал в своих очерках, что «до сих пор в Сербии нет промышленного населения и мало богатых людей»[200]. Он также передал разговор с одним из сербских высших офицеров. «Моя мать — крестьянка, — говорил тот. — Мы все в Сербии крестьяне, и это наша гордость. Воевода Путник, главнокомандующий армией, — бедный человек; отец его был крестьянином. Воевода Мишич, одержавший победу и прогнавший австрийцев из нашей страны, — крестьянин»[201]*.

Характерны и зарисовки самого Ниша, сделанные русским дипломатом и американским журналистом. Описывая *столичные* нравы, Трубецкой отмечал: «В Нише не существовало и подобия светской жизни. Этому способствовала обстановка маленького городишки и простота нравов сербов. Жены министров сами ходили на рынок и возвращались иногда с поросенком в руках. Особенно накануне Рождества весь город прямо оглашался визгом поросят, ибо это было традиционное праздничное блюдо... Было странно видеть, например, старого полковника с поросенком в каждой руке, но, кроме иностранцев, этому никто не удивлялся»[202]. А будущего автора «Десяти дней...» особенно умилило, что в ресторан Дипломатического клуба надо было пробираться «через свиной хлев, перешагнув через открытую сточную трубу». Сей факт произвел на американца неотразимое впечатление: «Зрелище, как британский посланник величе-

---

* И воевода Степа Степанович — победитель в знаменитой Церской битве (которая стала *первым* поражением Центральных держав в войне) — никак не выбивался из этого славного ряда. Уйдя на пенсию, он вернулся в свой провинциальный Чачак, где жители часто могли наблюдать, как «в глубине двора, облачившись в старую гимнастерку, в солдатских ботинках и с шайкачей на голове, пожилой воевода пилит дрова» (См.: *Скоко С. , Опачић П.* Војвода Степа Степановић у ратовима Србије. 1876–1918. Београд, 1974. С. 664).

ственно проплывает через свиной хлев и поднимается по ступеням клуба, точно это Пикадили-клуб, достойно того, чтобы проехать ради него столько миль»[203].

Традиционный (тяготеющий к локальности) менталитет сербских крестьян не мог не проявиться в условиях войны, накладывая свой отпечаток на армию и характер ее действий. «Это было войско, обладавшее первоклассными боевыми качествами, которые оно не раз показало, — писал Трубецкой, — но вместе с тем по своему складу сербская армия имела сходные черты с милицией. Сербский селяк особенно хорошо сражался, когда защищал родное село, близкий ему край, но в его понятии не уживалось представление о возможности покинуть, хотя бы на время, эти родные места, даже не попытавшись их защитить»[204]. Не потому ли, стойко оборонявшиеся и контратаковавшие врага в первые месяцы войны, сербы вели лишь разрозненные арьергардные бои при отходе вглубь страны?[205]...

И в заключение приведем две иллюстрации военного времени, сохраненные для потомства ими самими. Несмотря на всю курьезность, они демонстрируют *встречу с новым* и *отношение к другому* на уровне отдельного человека — того самого мобилизованного «сербского селяка», который чаще всего не посещал школу (или посещал, но скоро все забывал) и не выбирался за пределы родного села. Война, таким образом, дала ему, может быть, единственную возможность познать что-то новое.

Когда в 1915 г. в госпитале Шотландского женского общества в Крагуевце раненым сербам после обеда впервые выдали зубную щетку и стакан с теплой белой жидкостью, они долго соображали. Пока, наконец, один смышленный шумадиец не отломил от щетки ручку и не стал гладить свои жирные после приема пищи усы. Другие последовали его примеру, а многие с благодарностью отпили из стаканов*. Второй случай имел место на Салоникском фронте в 1916 г., где сербские войска, совместно с французскими, английскими и русскими частями, готовились к наступлению.

* В отличие от солдат (вчерашних крестьян) сербские офицеры (*созданная* элита) знали о предназначении зубных щеток. В дневнике российского военного агента в Черногории имеется показательная запись: «Один из сербских офицеров, проведя несколько дней с черногорцами на позициях на горе Ловчен, отлучился на сутки в Цетинье. По возвращении он обнаружил, что из палатки украдено все — одеяла, постельное белье, одежда, сапоги и т. д. Нетронутыми остались лишь мыло, да зубная щетка (об их назначении черногорцы не ведают)...» (*Потапов Н. М.* Руски војни агент у Црној Гори. Том II. Дневник. 1906–1907, 1912, 1914–1915. Приредио Р. Распоповић. М.-Подгорица, 2003. С. 784).

Там и произошла их встреча с солдатами французских колониальных войск. Реакция крестьян, впервые увидевших негра, дошла до нас. Сначала они долго размышляли — кто перед ними: человек или какое-то неведомое животное? Но быстро рассудили, что это все-таки человек, поскольку у него имеются руки, ноги, голова, и он даже говорит, правда, на непонятном языке. Внешний вид «союзника», однако, продолжал их смущать, и после дополнительных дискуссий, сербы заключили, что с ним, наверное, произошло что-то страшное, и он, судя по всему, обгорел на пожаре и поэтому так закоптился[206]...

* * *

Подводя итог нашим размышлениям, приведем несколько цитат. Первую — из сочинения Душана Батаковича, современного сербского историка и главного редактора «Новой истории сербского народа» (о ней мы уже говорили): «Всего за одно столетие бывший турецкий пашалык» превратился «в современное (moderп) европейское государство со стабильной экономикой, оформленным гражданским сословием и демократическими порядками, опиравшимися на лучшие традиции европейских конституционных монархий...»[207]. Все остальные — заключения очевидцев, посетивших это «европейское государство» на рубеже XIX — XX вв. и видевших все своими глазами, тогда же и на месте. Причем на сей раз мы намеренно не ограничиваемся только русскими авторами, поскольку в данном ракурсе хорош именно интернациональный ансамбль, который, что следует ниже, звучит удивительно слаженно...

Суммируя в 1893 г. свои впечатления о степени *европеизации* Сербии, один французский интеллектуал констатировал: «Внешний лак цивилизации — это то, что свидетельствует в пользу сербов и вводит в заблуждение проезжего иностранца. Лак цивилизации, потрескавшийся в тысяче мест, — это то, что открывается человеку, который имеет возможность рассматривать все не спеша и в деталях, и делает из него врага первоначального ложного образа»[208]. То же самое подчеркнул и русский ученый: «Процесс усвоения европейской культуры и политических идей не мог пройти безболезненно в Сербии... Здесь оказалось много наносного, поверхностного, часто люди гнались за ложным блеском, увлекались самообольщением»[209]. Его соотечественник также окрестил все, что увидел, «игрой во внешнюю значительность»[210].

В 1902 г. уже британская путешественница предельно четко выразила эту базовую дихотомию традиция-модернизация: «Сербия стремится стать Западом, стремится стать современной, поворачиваясь к миру, от которого так долго была отсечена». Однако, с другой стороны, «в своем сердце она хранит старые обычаи, корни которых теряются в глубоком прошлом...»[211]. И, как результат такой, в который уже раз отмеченной, амбивалентности, следует ее итоговый вывод: «Несмотря на весь свой западноевропейский облик, Сербия еще совсем не научилась спешить»[212]. И, действительно, «сербы слишком любят покой»[213]* (в то время, как «для капитализма и экономического человека характерен отказ от безмятежного существования и наслаждения жизнью»[214]). К тому же, что мы опять-таки неоднократно наблюдали, «нет у них стремления к серьезной работе, и никакой устойчивости. Они кричат, кричат, но ничего не делают»[215]. Время, в котором продолжало существовать сербское общество, оставалось цикличным: *экономический человек* здесь еще не проснулся, несмотря на квазиевропейские формы его существования. Перед нами — феномен, довольно распространенный во всем регионе к востоку от Эльбы, и охарактеризованный Латинкой Перович точно и емко: «Модернизация без модерности»[216], т. е. мертвая буква без духа...

Итак, совершенно очевидно, что *реальная жизнь* Сербии в последней трети XIX — начале XX в. далеко не соответствовала тем «современным» формам, в кои облекают ее многие сербские историки, стремясь представить свою родину вполне сложившимся «европейским государством».

* Колоритную зарисовку этого типического для сербов явления оставил в своих заметках Е. Л. Марков. Описывая поездку в древний монастырь Любостиню, он не без иронии вспоминал: «Мы вскочили в половине пятого, чтобы попасть, по обещанию, к шести часам в Любостиню. Однако, наша педантическая аккуратность, годная у немцев, не пригодилась в славянской Сербии. Проводник наш, избалованный былой раздольной жизнью, когда он вел торговые дела и имел порядочный капитал, не любил неволить себя и поднялся гораздо позднее нас; кучер наш тоже считал своим законным правом сначала напиться кофе в ресторане, беспечно болтая со своими земляками, потом неспешно напоить лошадей, потом также неспешно свести их перековать в кузню, так что только в 7 часов утра коляска наша могла с грохотом двинуться со двора кофейни по мокрым улицам Трстеника» (*Марков Е.* Путешествие по Сербии и Черногории... С. 54).

Примечания

[1] *Гордон А. В.* Новое время как тип цивилизации. М., 1996. С. 18.

[2] *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991. С. 19. См. также: От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 369.

[3] См.: *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону, 1999. С. 83–122; *Ивин А.А.* Философия истории. М., 2000. С. 137.

[4] *Розанов В. В.* Мысли о литературе. М., 1989. С. 147.

[5] *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 119.

[6] *Хобсбаум Э.* Век империи... С. 27.

[7] *Терзић С.* Пројект «Аустро-Угарског Балкана» у Босни и Херцеговини // Босна и Херцеговина. Од средњег века до новијег времена (Зборник радова). Београд, 1995. С. 407–423.

[8] *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy // Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, 1967. P. XIII.

[9] Руска политика и српски владари (Последњи речи краља Милана) // *Тодоровић П.* Огледало. Зраке из прошлости. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. С. 626–627; *Краљица Наталија Обреновић.* Моје успомене. Приредила Љ.Трговчевић. Београд, 1999. С. 88.

[10] См.: *Перовић Л.* Милан Пироћанац — западњак у Србији 19. века // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Књ. 3. Улога елита. Београд, 2003. С. 11–72.

[11] *Мијатовић Б.* Основни погледи напредњака и радикала током 80-тих година XIX века // Српска политичка мисао. Београд, 1996. Бр. 1–4. С. 256.

[12] *Petrovich M. B.* A History of Modern Serbia. 1804–1918. Vol. 2. N.Y. & Lnd., 1976. P. 416.

[13] *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 90.

[14] *Кулаковский П. А.* Сербия в последние годы // Русский вестник. 1883. № 4. С. 762.

[15] Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее — АСАНУ). Пашићеве хартије. Бр. 14615–I–27.

[16] *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2000. С. 270.

[17] *Дворниковић В.* Карактерологија Југословена. Београд, 1939. С. 862.

[18] *Цвијић Ј.* Јединство и психички типови динарских јужних словена. Београд, 1999. С. 64.

[19] *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ. 3. С. 10; *Шемјакин А. Л.* Либерална идеја и традиција: унутрашња борба у Србији у првој деценији независности // Српска политичка мисао. Београд, 1997. Бр. 1–2. С. 119–136.

[20] См: *Ђорђевић Д.* Српско друштво 1903–1914. // Марксистичка мисао. 1985. Бр. 4. С. 126.

[21] Там же. С. 127.

[22] *Димитријевић С.* Социјалистички раднички покрет у Србији. 1870–1918. Београд, 1982. С. 21.

[23] *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Београд, 1989. Књ. 2. С. 67. См. также: *Чалић М.-Ж.* Социјална историја Србије. 1815–1941. Београд, 2004. С. 186–190.

[24] *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. С. 113.

[25] *Каниц Ф.* Србија. Земља и становништво. Београд, 1985. Књ. 1. С. 171; 301.

[26] *Чериковер С.* I. Сербия. II. Босния и Герцеговина. М., 1910. С. 18; *Пименова Э.* Сербия. Пг., 1916. С. 53.

[27] *Ровинский П. А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Вестник Европы. 1870. Т. 3. Кн. 5. С. 133.

[28] *Чудновский С. Л.* Из давних лет. Воспонинания. М., 1934. С. 65.

[29] *Кулаковский П. А.* Сербия в последние годы... С. 761.

[30] См.: *Бјелајац М.* Женидбе официра српске и југословенске војске 1881–1941. Планирано стварање елите // Годишњак за друштвену историју. Београд, 1995. Св.1. С. 19-38; *Миљковић-Катић Б.* Структура градског становништва Србије средином XIX века. Београд, 2002. С. 164.

[31] *Артамонов В.А.* Вооруженные силы Сербии. СПб., 1911. С. 52.

[32] *Милићевић М.* Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002. С. 125.

[33] *Сахаров М. В.* С сербами в Скутари (впечатления). СПб., 1913. С. 56.

[34] *Кожухов А. Н.* Сербия и сербы. Каменец-Подольск, 1915. С. 10.

[35] *Комаров Г. В.* В Белград на Пасху 1914. СПб., 1914. С. 20.

[36] *Волковыский Н.* Русские писатели и журналисты у короля Александра. 28 сентября 1928 г. // Вырезка данного репортажа, опубликованного в русской эмигрантской газете «Сегодня», хранится в: АСАНУ. Заоставштина Александра Белића. Бр.14386–III–2548. Мы выражаем признательность доценту Философского факультета Белградского университета, доктору исторических наук Мирославу Йовановичу, ознакомившему нас с этой публикацией.

[37] Там же.

[38] *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927. С. 70.

[39] *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894. Превела и приредила Љ. Мирковић. Београд, 1999. С. 212.

[40] *Новаковић Ст.* Бугарско-српски рат и оновремене кризе. 1885-1886. Мемоарски листићи. Београд, 1907. С. 2.

[41] *Герцен А. И.* О социализме. М., 1974. С. 376.

[42] *Троцкий Л. Д.* Сочинения. М.-Л., 1926. Т. 6 (Балканы и Балканская война). С. 83.

[43] *Вейнберг Е.* Сербия и сербы. Этнографический очерк // Образование. 1903. № 8. С. 28.

[44] *Амфитеатров А. В.* Славянское горе. М., б/г. (1912). С. 146.

[45] АСАНУ. Бр. 12877.

[46] Политички елементи у Србији пре 60. година // Самоуправа. 20. јануар 1941. Бр. 1144.

[47] *Ђорђевић Д.* Српско друштво 1903–1914... С. 130.

[48] *Дарам М.* Кроз српске земље. Београд, 1997. С. 162.

[49] Там же. С. 151.

[50] *Раш Г.* Србија и Срби. Нови Сад, 2001. С. 135–136.

[51] *Радић Р.* Верска елита и модернизација — тешкоће проналажења одговора // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Књ. 3. Улога елита С. 157.

[52] Там же.

[53] *Бобриков Г. И.* В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877–1878 гг. СПб., 1891. С. 55. См. также: *Раш Г.* Србија и Срби. С. 113–114.

[54] *Дарам М.* Кроз српске земље. С. 129.

[55] *Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология. М., 1999. С. 86.

[56] Цит. по: *Гришина Р. П.* Предисловие // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002. С. 9.

[57] *Марковић С.* Гроф Чедомиљ Мијатовић — протестантски дух међу Србима // Либерална мисао у Србији. Прилози историји либерализма од краја 18. до средине 20. века. Београд, 2001. С. 280.

[58] См.: *Ђорђевић Ж.* Земљишни минимум и земљишни максимум као ограничења развоја Србије у ново доба // Србија у модернизацијским процесима XX века. (Зборник радова). Београд, 1994. С. 113–121; *Чалић М.-Ж.* Социјална историја Србије... С. 39–43.

[59] *Погодин А. Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 348.

[60] *Вольский Ст.* За границей. Письма с Балкан // Заветы. 1912. № 8. С. 170.

[61] *Лавелэ Э. де.* Балканский полуостров. М., 1889. Ч. 2. С. 27.

[62] Там же. Ч.1. С. 193.

[63] *Хвостов А. Н.* Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С. 19.

[64] *Ровинский П. А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. I // Вестник Европы. 1870. Т. 2. Кн. 4. С. 567.

[65] *Фет А. А.* Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 2. С. 326.

[66] *Хвостов А. Н.* Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан... С. 19–20.

[67] Архив внешней политики Российской Империи. Ф. Политархив. Д. 492. Ч. 2 (1901). Л. 64.

[68] *Амфитеатров А. В.* Славянское горе. С. 176.

[69] *Успенский Г. И.* Из Белграда (Второе письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1877. № 1. С. 108.

[70] *Бобриков Г. И.* В Сербии... С. 55.

[71] *Лотман Ю. М.* «Человек, каких много» и «историческая личность» (к типологии русского реализма первой половины XIX в.) // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 5. С. 451. См. также: *Хорев В. А.* Имагологический аспект изучения литературных связей // Межрегиональная конференция славистов. Рос-

сийское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. М., 2005. С. 198.

[72] *Успенский Г. И.* Из Белграда... С. 108.

[73] *Витте Е. И.* Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босна и Сербия. Лето 1902 г. Киев, 1903. С. 98.

[74] *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. С. 116.

[75] *Евреинов Б. В.* Статистические очерки Сербского королевства. СПб., 1903. С. 51.

[76] *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы. СПб., 1898. С. 171.

[77] *Слијепчевић П.* Срби у Америци. Женева, 1917. С. 18.

[78] *Пуцыкович Ф. Ф.* Сербы. СПб, 1902. С. 10.

[79] *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы. С. 171.

[80] *Вучо Н.* Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955. С. 178–179.

[81] *Карић В.* Србија. Опис земље, народа и државе. Београд, 1887. С. 156–157.

[82] Там же. С. 156.

[83] *Караџић В.* Први српски устанак. Београд, 1979. С. 26.

[84] Народ и княжеская власть в Сербии. Из записок Ф.Бацетича. М.,1882. С. 189.

[85] *Пантин Н. К.* Драма противостояния. Демократия и либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3. С. 79. См. также: *Гордон А. В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1988. С. 110.

[86] *Дого М.* Србија и Срби у модерним временима: европски модели и комуницирање са спољним светом // Европа и Срби. (Зборник радова). Београд-Нови Сад, 1996. С. 573.

[87] *Симон Г.* Мертвый хватает живого // Цивилизация. Вып. 4. М., 1997. С. 156.

[88] *Гордон А. В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. С. 110.

[89] *Цвијић Ј.* Балканско полуострво // *Цвијић Ј.* Сабрана дела. Београд, 1987. С. 316.

[90] *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы. С. 124–125.

[91] *Бешлер Ж.* Демократия. Аналитический очерк. М., 1994. С. 156.

[92] *Vivian H.* The Servian Tragedy, with Some Impressions of Macedonia. Lnd., 1904. P. 252.

[93] *Велмар-Јанковић В.* Поглед са Калемегдана. Оглед о београдском човеку. Београд, 1992. С. 80.

[94] *Ровинский П. А.* Сербская Морава (Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г.) // Вестник Европы. 1876. Т. 2. Кн. 4. С. 533.

[95] *Стојадиновић М.* Ни рат, ни пакт. Ријека, 1970. С. 11.

[96] *Јовановић-Стојимировић М.* Прота Ђурић // *Јовановић-Стојимировић М.* Силуете старог Београда. Књ. 2. Београд, 1987. С. 151.

[97] *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990. С. 230.

[98] *Манхейм К.* Консервативная мысль // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 610.

[99] Там же.

[100] *Vivian H.* Serbia, the poor man's paradise. Lnd., 1897.

[101] *Јъушић Р.* Милан Обреновић (1854–1901) // *Јъушић Р.* Србија XIX века. Београд, 1994. Књ.1. С. 142.

[102] См. также: *Ђорђевић Д.* Србија и српско друштво 1880-тих година // Историјски часопис. Књ.XXIX–XXX (1982–1983). Београд, 1983. С. 425.

[103] *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 3.

[104] *Марков Г.* Балканы и «балканизация». Историческая судьба балканских народов в XX в. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. С. 30.

[105] *Казер К.* Породица и сродство на Балкану. Анализа једне културе, која нестаје. Београд, 2002 (перевод с австро-немецкого издания). С. 9.

[106] *Павич М.* Веджвудский чайный сервиз // *Павич М.* Железный занавес. Рассказы. СПб., 2002. С. 13.

[107] *Цвијић Ј.* Јединство и психички типови динарских јужних словена. С. 66.

[108] *Ђорђевић Д.* Огледи из новије балканске историје. Београд, 1989. С. 198.

[109] Нова историја српског народа. Приредио Д.Батаковић. Београд-Лозана, 2000.

[110] См.: *Стојичић С.* Уставни развитак Србије 1869–1888. Лесковац, 1980.

[111] *Протић М.* Српске политичке странке после уједињења (1918–1919) // Србија на крају Првог светског рата. Београд, 1990. С. 137.

[112] АСАНУ. Бр. 10133. *Стојановић К.* Слом и васкрсење Србије (рукопись). Л. 102.

[113] *Ламанский В. И.* Сербия и южно-славянские провинции Австрии. СПб., 1864. С. 8.

[114] *Ровинский П. А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II... С. 138.

[115] *Троцкий Л. Д.* Сочинения. Т. 6... С. 83.

[116] Нова историја српског народа. С. 189.

[117] *Јовановић М.* Језик и друштвена историја. Београд, 2002. С. 14.

[118] Первый опыт автора в деле проведения такого исследования см.: *Шемякин А. Л.* Сербское общество на рубеже XIX–XX веков: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. С. 31–49.

[119] В расширенном варианте предыдущей работы автором была сделана и попытка совместить два взгляда (изнутри и извне). См.: *Шемякин А. Л.* Сербское общество на рубеже XIX–XX веков: традиционализм и модернизация. Два восприятия // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2002. С. 162–191... В отличие от настоящей статьи, в нем мы рассматривали в основном наблюдения *западных* авторов о Сербии и сербах.

[120] *Ровинский П.А.* Два месяца в Сербии (Из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Т. 6. Кн. 11. С. 375.

[121] *Перовић Л.* Предговор // *Ровински Павел Аполонович.* Записи о Србији. 1868-1869. (Из путникових бележака). Нови Сад, 1994. С. 7.

[122] *Герцен А.И.* К старому товарищу // *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30-ти тт. М., 1960. Т. 20 (2). С. 589.

[123] *Суботић Д.* Краљ Петар Карађорђевић и институција уставне (парламентарне) монархије у Србији (1903–1914) // Српска политичка мисао. Београд, 1995. Бр. 1. С. 14–15.

[124] См.: *Поповић М.* Борбе за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С. 89; *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 282–283; *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 17; *Dragnich A.* The Development of Parlamentary Government in Serbia. N.Y., 1978. P. 106; Балканы в конце XIX — начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1990. С. 20–21.

[125] См: Историја Српског народа. Београд, 1983. Књ. 6. Т. 1. С. 92; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора — нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 203–204.

[126] *Вебер А.* Идеи к проблемам социологии государства и культуры // *Вебер А.* Избранное: кризис европейской культуры. М., 1999. С. 91.

[127] *Троцкий Л. Д.* Сочинения. Т. 6... С. 108.

[128] *Тодоровић П.* Велика тајна // *Тодоровић П.* Огледало. Зраке из прошлости. С. 206.

[129] Подробный разбор функционирования радикального режима см.: *Шемякин А. Л.* Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64–81.

[130] Записници са седница клуба посланика Народне радикалне странке у Народној скупштини, године 1893. // Архивски преглед. Београд, 1994–1995. Бр. 1–4. С. 56.

[131] См.: *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903–1914. Београд, 2003. С. 68–69.

[132] АСАНУ. Бр.9991/2 (Записник седница клуба Народне радикалне странке). 17 састанак.

[133] См.: *Перовић Л.* Приказ књиге Васе Казимировића «Никола Пашић и његово доба. 1845–1926» (Београд, 1990) // Историјски часопис. Београд, 1993. Књ. XXXIX (1992). С. 310; *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 330; *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. 1903–1914. Београд, 1998. С. 81–85; *Она же.* Идеја и пракса уставности у Србији 1869–1914: између либералне и «народне» државе // Хелсиншке свеске. Русија, Србија, Црна Гора. Београд, 2000. С. 43; *Деспотовић Љ.* Српска политичка модерна. Србија у процесима политичке модернизације 19. века. Нови Сад, 2003. С. 202–203.

[134] См.: *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция... С. 295–296, 298.

[135] Архив Југославије (далее — АЈ). Фонд 143 (заоставштина Н. Пашића). Фасцикла 4.

[136] *Ивић А.* Историја радикалне странке // Велика Србија. Август 1997. Бр. 403. С. 52.

[137] АЈ. Заоставштина В. Јовановића-Марамбоа. Фасцикла 97.

[138] *Шемякин А. Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция... С. 298; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ.2... С. 206; *Деспотовић Љ.* Српска политичка модерна... С. 203.

[139] *Велмар-Јанковић В.* Поглед са Калемегдана... С. 101.

[140] *Скальковский К.* В стране ига и свободы. Путевые впечатления по Кавказу, Малой Азии, Европейской Турции, Черногории, Сербии, Австро-Венгрии и Соединенным Штатам. СПб., 1878. С. 203.

[141] Архив Србије (далее — АС). Фонд Стојана Новаковића. Бр. 428. Л. 3.

[142] АСАНУ. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14423/734. Л. 28. Подробнее об особенностях правления радикалов (а также восприятия ими власти) после 1903 г. см.: *Стојановић Д.* Србија и демократија... С. 51–76, 95.

[143] *Троцкий Л. Д.* Сочинения. Т. 6... С. 89.

[144] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 90.

[145] *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. С. 70.

[146] См.: *Ђорђевић Т.* Наш народни живот. Београд, 1923. С. 42–48.

[147] Сербия // Русский сборник. СПб., 1877. Т. 2. С. 133.

[148] Подлинное выражение монарха. См.: АС. Фонд Милутина Гарашанина Бр. 1058. Л. 18 (М.Обреновић — М. Гарашанину. Ниш, 28 новембар 1886 г.).

[149] Никола Пашић у Народној скупштини. Приредила Л. Перовић. Београд, 1997. Књ. 2. С. 543 (документ 114, примечание 20).

[150] *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 186–187.

[151] Подробнее о причинах негативного отношения большинства сербского народа к двум последним Обреновичам см.: *Шемякин А. Л.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. М., 2005. С. 176–201.

[152] *Лавелэ Э. де.* Балканский полуостров. Ч. 2. С. 28.

[153] Цит. по: *Игњић С.* Народни трибун прота Милан Ђурић. Ужице, 1992. С. 168–169. См. также: *Јовановић-Стојимировић М.* Прота Ђурић... С. 151–152.

[154] Никола Пашић у Народној скупштини. Приредила Д. Стојановић. Београд, 1997. Књ. 3. С. 326 (документ 69, примечание 1).

[155] *Рид Д.* Вдоль фронта. М.-Л., 1928. С. 104.

[156] *Троцкий Л. Д.* Сочинения. Т. 6... С. 106.

[157] Цит. по: *Поповић-Обрадовић О.* Идеја и пракса уставности у Србији 1868–1914: између либералне и «народне» државе... С. 51.

[158] Там же.

[159] *Жујовић Ј.* Српска радикална странка. Говор на збору самосталних радикала у Јагодини 10 августа 1903. г. Београд, 1903. С. 9.

[160] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 88–90.

[161] *Diplomaticus.* Никола Пашич // Новое время. 17 (30) апреля 1916 г.

[162] *Гайденко П. П.* Социология Макса Вебера // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 28.

[163] *Јовановић С.* Осећање правде у динараца // *Јовановић С.* Један прилог за проучавање српског националног карактера. Виндзор, 1964. С. 43.

[164] *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. М., 1979. С. 303.

[165] См.: *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. М., 2003. С. 148.

[166] *Дучић Ј.* Личност Николе Пашића // *Дучић Ј.* Сабрана дела. Сарајево, 1969. Књ. 6. С. 192.

[167] *Мартынов Е. И.* Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 24.

[168] *Трговчевић Љ.* Планирана елита. Београд, 2003. С. 16, 27.

[169] *Ђуровић А.* Образовање у Краљевини Србији крајем XIX и почетком XX века // Образовање код Срба кроз векове. Београд, 2003. С. 148.

[170] *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы. С. 104–105.

[171] Цит. по: *Вулетић А.* Породица у Србији средином 19. века. Београд, 2002. С. 82.

[172] *Кузьмин М. Н.* Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 60.

[173] Там же.

[174] *Трговчевић Љ.* Планирана елита. С. 22.

[175] *Димитријевић Л.* Како живи наш народ. Белешке једнога окружног лекара. Београд, 1893. С. 24–25.

[176] Цит. по: *Исић М.* Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове. С. 78.

[177] Там же.

[178] *Гордон А. В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. С. 70.

[179] Никола Пашић у Народној скупштини. Приредила Л. Перовић Београд, 1997. Књ.1. С. 152 (документ 39).

[180] Там же. С. 152–153 (документ 39, примечание 1).

[181] *Трговчевић Љ.* Планирана елита. С. 22.

[182] *Водовозова Е. Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы. С. 104.

[183] *Ровинский П. А.* Сербская Морава (Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г.)... С. 556–557.

[184] *Он же.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II... С. 186–187.

[185] Цит. по: *Поповић-Обрадовић О.* Војна елита и цивилна власт у Србији 1903–1914. године // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. в. Књ. 3. Улога елита. С. 204.

[186] Катихизис за народ српски // Златибор. Народни лист. Ужице. 17 априла 1888 г. Бр. 17.

[187] Рукописно Одељење Матице Српске. Бр. М. 14.045. *Ђорђевић В.* Успомене: културне скице из XIX века. Књ. 3. «У војсци». XXVIII.

[188] *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. С. 142.

[189] *Ровинский П. А.* Сербская Морава (Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г.)... С. 530.

[190] Там же. С. 557–558.

[191] *Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II... С. 186–187.

[192] О происхождении этого термина и его изначальном значении см.: *Тананаева Л. И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 154–155.

[193] *Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II... С. 186.

[194] Явления подобного рода (Humanitas Heroica) свойственны *культурам пограничья*, формируя своеобразный этос поведения и идеалы героизма — «чојства и јунаштва» у сербов и черногорцев. Характерными чертами образцового защитника своего этноса и его культуры являются те, которые можно определить как «драматизм мученичества» (см.: *Angyal E.* Swiat slowian'skiego baroku (перевод с венгерского оригинала на польский язык). Warszawa, 1972. S. 327–331).

[195] *Ключевский В. О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 67.

[196] *Чириков Е. Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 23, 28.

[197] Цит. по: *Лафан Р.* Срби — чувари капије. Предавања о историји Срба. Београд, 1994. С. 275.

[198] *Кузьмичева Л. В.* Сербия между Западом и Востоком (поиски пути государственного строительства в XIX веке) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. К 60-летию профессора Московского университета Г. Ф. Матвеева. М., 2003. С. 76.

[199] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 86–87.

[200] *Рид Д.* Вдоль фронта. С. 67.

[201] Там же. С. 59.

[202] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 98.

[203] *Рид Д.* Вдоль фронта. С. 58.

[204] *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 176.

[205] См. также: *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 197.

[206] См.: *Йованович М.* «Умереть за родину»: Первая мировая война или столкновение «обычного человека» с тотальной войной // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 154–155.

[207] *Батаковић Д.* Предговор // *Драшкић П.* Моjи мемоари. Приредио Д. Батаковић. Београд, 1990. С. 19.

[208] *Мале А.* Дневник са српског двора... С. 204.

[209] *Погодин А. Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. С. 337.

[210] *Степович А. И.* Отрывки из путевых заметок по славянским странам. Белград // Киевское слово. 17 января 1890 г. № 866.

[211] *Дарам М.* Кроз српске земље. С. 140.

[212] Там же. С. 114.

[213] *Лихачева Ел.* Из Сербии // Отечественные записки. 1876. № 10. С. 189.

[214] *Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология. С. 87.

[215] Рукописное отделение Российской Национальной Библиотеки. Ф. 818. Д. 275 (К. Радченко — Т. Д. Флоринскому. Солунь, 9/21 июня 1899 г.).

[216] *Perović L.* Modernizacija bez modernosti // *Perović L.* Ljudi, dogadjaji i knjige. Beograd, 2000. S. 146.

Оглавление

РУССКИЕ О СЕРБИИ И СЕРБАХ

Том 1

Письма, статьи, мемуары

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Корректор *И. Е. Иванцова*
Оригинал-макет *С. В. Брылев*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (095) 336-45-32;
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

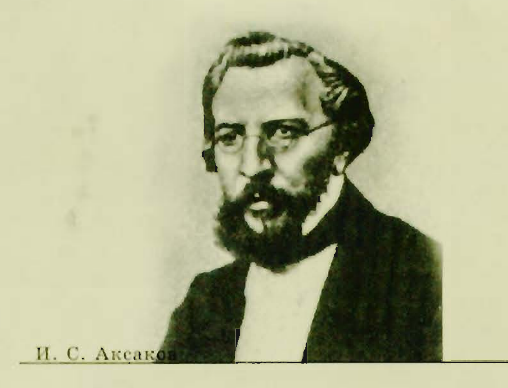
Подписано в печать 28.09.2005. Формат 60×88¹/₁₆.
Усл.-печ. л. 42. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 244.

Отпечатано в типографии Издательства СПбИИ РАН «Нестор-История»,
197110, СПб., ул. Петрозаводская, 7. Тел.: (812) 2351586.
E-mail: nestor_historia@list.ru

Printed in Russia

Г. И. Успенский

И. С. Аксаков

Н. А. Епанчин

князь Г. Н. Трубецкой

Л. Д. Троцкий

РУССКИЕ о СЕРБИИ и СЕРБАХ

I